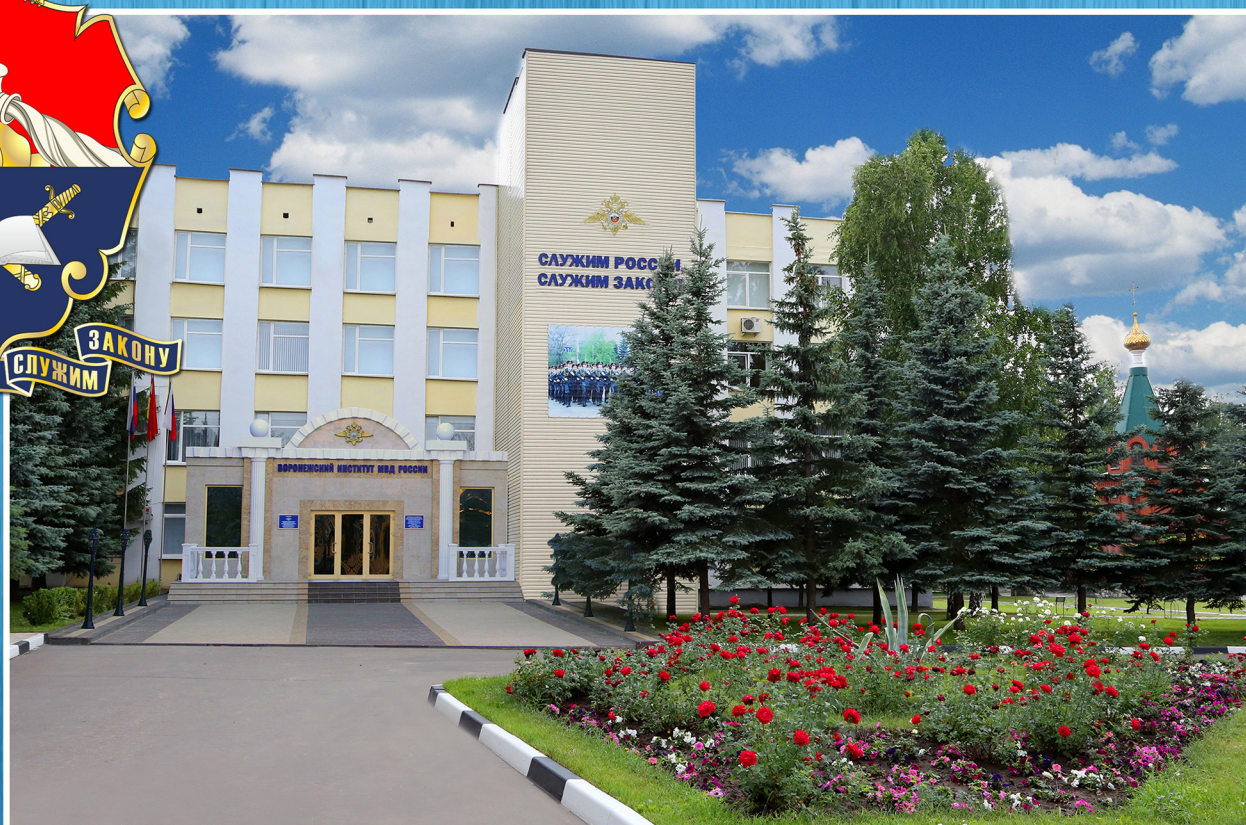

ISSN 2071-3584

ВЕСТНИК

Воронежского института
МВД России

№3

2025

ВЕСТНИК

Воронежского института МВД России

№ 3 / 2025

Учредитель — Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись 27.01.2022 серия ПИ № ФС 77 - 82578.

Журнал входит в перечень изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, по 10 научным специальностям: 2.2.13. Радиотехника, в том числе системы и устройства телевидения (технические науки); 2.2.14. Антенны, СВЧ-устройства и их технологии (технические науки); 2.2.15. Системы, сети и устройства телекоммуникаций (технические науки); 2.3.1. Системный анализ, управление и обработка информации (технические науки); 2.3.4. Управление в организационных системах (технические науки); 1.2.2. Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ (технические науки); 2.3.6. Методы и системы защиты информации, информационная безопасность (технические науки); 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

При полной или частичной перепечатке или воспроизведении любым способом ссылка на источник обязательна.

Редакционная коллегия

Председатель: А. П. Нахимов, начальник Воронежского института МВД России, кандидат философских наук;
Заместитель председателя: С. В. Родин, заместитель начальника Воронежского института МВД России по научной работе, кандидат технических наук, доцент;

В. В. Алексеев, профессор кафедры информационных систем и защиты информации Тамбовского государственного технического университета, доктор технических наук, профессор;

В. А. Ананич, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор;

В. В. Гриценко, профессор кафедры административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Т. Д. Зражевская, профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

А. В. Калач, начальник кафедры безопасности информации и защиты сведений, составляющих государственную тайну Воронежского института ФСИН России, доктор химических наук, профессор;

А. И. Климов, профессор кафедры инфокоммуникационных систем и технологий Воронежского института МВД России, доктор технических наук, профессор;

М. А. Кожевина, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор;

С. Я. Лебедев, заведующий кафедрой уголовного права и адвокатуры Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина, доктор юридических наук, профессор;

В. А. Лелеков, профессор кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института ФСИН России, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

С. П. Матвеев, профессор кафедры административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, доцент;

В. В. Меньших, профессор кафедры математики и моделирования систем Воронежского института МВД России, доктор физико-математических наук, профессор;

В. А. Мещеряков, заведующий кафедрой судебной экспертизы и криминологии Центрального филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (г. Воронеж), доктор юридических наук, профессор;

Т. В. Мещерякова, начальник кафедры автоматизированных информационных систем органов внутренних дел Воронежского института МВД России, доктор технических наук, профессор;

И. А. Насонова, профессор кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, доктор юридических наук, профессор;

А. С. Овчинский, профессор кафедры информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор технических наук, профессор;

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

А. В. Останков, заведующий кафедрой радиотехники Воронежского государственного технического университета, доктор технических наук, доцент;

К. К. Панько, профессор кафедры уголовного права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, доцент;
Ю. Г. Пастернак, профессор кафедры радиоэлектронных устройств и систем Воронежского государственного технического университета, доктор технических наук, профессор;
О. В. Пьянков, заместитель начальника кафедры инфокоммуникационных систем и технологий Воронежского института МВД России, доктор технических наук, профессор;
Н. В. Рябова, заведующая кафедрой радиотехники и связи Поволжского государственного технологического университета, доктор физико-математических наук, профессор;
Е. В. Сафронова, профессор кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор;
А. Б. Сизоненко, начальник кафедры Краснодарского высшего военного орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознаменного училища имени генерала армии С. М. Штеменко Министерства обороны Российской Федерации, доктор технических наук, доцент;
Ю. В. Сорокина, профессор кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;
Ю. Н. Стариков, исполняющий обязанности ректора Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;
В. И. Сумин, профессор кафедры информационной безопасности телекоммуникационных систем Воронежского института ФСИН России, доктор технических наук, профессор;
Н. М. Тихомиров, начальник научно-технического управления АО «Концерн «Созвездие», доктор технических наук, старший научный сотрудник;
А. Б. Токарев, профессор кафедры радиотехники Воронежского государственного технического университета, доктор технических наук, доцент;
З. С. Токубаев, проректор по научной работе и стратегическому развитию Центрально-Казахстанской Академии, доктор юридических наук, профессор;
В. В. Трухачев, профессор кафедры уголовного права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;
И. С. Федотов, судья Воронежского областного суда, доктор юридических наук, доцент;
Н. С. Хохлов, профессор кафедры инфокоммуникационных систем и технологий Воронежского института МВД России, доктор технических наук, профессор;
О. Н. Чопоров, проректор по цифровой трансформации Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко, доктор технических наук, профессор;
В. Б. Шабанов, заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;
Н. А. Шишкин, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации, кандидат юридических наук;
Ю. К. Язов, старший научный сотрудник Государственного научно-исследовательского испытательного института проблем технической защиты информации Федеральной службы по техническому и экспортному контролю, доктор технических наук, профессор

Редакция

С. В. Родин — главный редактор;
В. Ю. Калинин, Н. Ф. Палихова — редакторы;
С. М. Шапиро — верстка номера

Подписано в печать 25.09.2025
Выход в свет 30.09.2025
Формат 60x84¹/₈
Усл. печ. л. 38,13
Гарнитура Таймс Новая
Печать офсетная
Бумага офсетная
Тираж 200 экз.
Цена свободная

Оформить подписку на журнал.
www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t45898/
Подписной индекс 45898
Адрес редакции, издателя, типографии:
394065, Воронеж,
проспект Патриотов, 53
Тел./факс (473) 264-92-00
E-mail: vestnik_vimvd@mail.ru
<https://ВИ.МВД.РФ/Наука/nauchnij-zhurnal-vestnik>
ISSN 2071-3584
© Воронежский институт МВД России, 2025

VESTNIK

of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia

№ 3 / 2025

The founder of the journal is Federal state-owned public educational institution "Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia".

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registry entry 27.01.2022 PI series No. FS 77 - 82578.

This peer-reviewed journal is included into the list of periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation for publishing doctoral and PhD research results on 10 scientific specialities: 2.2.13. Radiotechnics, Including Television Systems and Devices (Technical Sciences); 2.2.14. Antennas, Microwave Devices and Technologies (Technical Sciences); 2.2.15. Systems, Networks and Telecommunication Devices (Technical Sciences); 2.3.1. System Analysis, Information Control and Processing (Technical Sciences); 2.3.4. Management in Organizational Systems (Technical Sciences); 1.2.2. Mathematical Modeling, Numerical Methods and Programme Systems (Technical Sciences); 2.3.6. Methods and Systems of Data Protection, Information Security (Technical Sciences); 5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences (Legal Sciences); 5.1.2. Public Law Sciences (Legal Sciences); 5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences).

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means.

Editorial board

Editor-in-chief: A. P. Nakhimov, Head of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, PhD in Philosophy;

Deputy Editor-in-chief: S. V. Rodin, Deputy Head of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor;

V. V. Alekseev, Professor of the Chair of Information Systems and Information Security of Tambov State Technical University, Doctor of Technical Sciences, Professor;

V. A. Ananich, Professor of the Chair of Penal Enforcement Law and Criminology of the Penal Enforcement Faculty of Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor;

V. V. Gritsenko, Professor of the Chair of Administrative and Administrative Procedural Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor;

T. D. Zrazhevskaya, Professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor;

A. V. Kalach, Head of the Chair of Information Security and Protection of Information Constituting a State Secret of Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Chemical Sciences, Professor;

A. I. Klimov, Professor of the Chair of Infocommunication Systems and Technologies of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Technical Sciences, Professor;

M. A. Kozhevina, Professor of the Chair of Theory and History of Law and State of Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Law, Professor;

S. Ya. Lebedev, Chief of the Chair of Criminal Law and Advocacy of A. N. Kosygin Russian State University, Doctor of Law, Professor;

V. A. Lelekov, Professor of the Penitentiary and Criminal Law Chair of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service, Honored Worker of the Interior of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;

S. P. Matveev, Professor of the Chair of Administrative and Administrative Procedural Law Voronezh State University, Doctor of Law, Associate Professor;

V. V. Menshikh, Professor of the Chair of Mathematics and Systems Modelling of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor;

V. A. Meshheryakov, Head of the Chair of Forensic Examination and Criminology of Central Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedeva (Voronezh), Doctor of Law, Professor;

T. V. Meshheryakova, Head of the Chair of Automated Information Systems of Internal Affairs Bodies of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Technical Sciences, Professor;

I. A. Nasonova, Professor of the Chair of Criminal Proceeding of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Law, Professor;

A. S. Ovchinskiy, Professor of Information Security Chair of the Academic Training Complex of Information Technologies of Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Ya. Kikot, Doctor of Technical Sciences, Professor;

A. L. Osipenko, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia for scientific work, Doctor of Law, Professor;
A. V. Ostankov, Chief of the Chair of Radio Engineering of Voronezh State Technical University, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor;
K. K. Panko, Professor of the Chair of Criminal Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Associate Professor;
Yu. G. Pasternak, Professor of the Chair of Electronic Devices and Systems of Voronezh State Technical University, Doctor of Technical Sciences, Professor;
O. V. Pyankov, Deputy Head of the Chair of Infocommunication Systems and Technologies of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Technical Sciences, Professor;
N. V. Ryabova, Head of the Chair of Radio Engineering and Communication of Volga State University of Technology, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor;
E. V. Safronova, Professor of the Chair of Constitutional and International Law of the Belgorod State National Research University Law Institute, Doctor of Law, Professor;
A. B. Sizonenko, Head of the Chair of the Krasnodar Higher Military Orders of Zhukov and the October Revolution of the Red Banner School named after Army General S. M. Shtemenko Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor;
Yu. V. Sorokina, Professor of the Chair of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor;
Yu. N. Starilov, Acting Rector of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor;
V. I. Sumin, Professor of the Chair of Information Security of Telecommunication Systems of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service, Doctor of Technical Sciences, Professor;
N. M. Tikhomirov, Head of Department of the Joint-stock Company «Concern «Sozvezdie», Doctor of Technical Sciences, Senior Scientific Employee;
A. B. Tokarev, Professor of the Chair of Radio Engineering of Voronezh State Technical University, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor;
Z. S. Tokubaev, Vice-Rector for Research and Strategic Development of Central Kazakhstan Academy, Doctor of Law, Professor;
V. V. Trukhachev, Professor of the Chair of Criminal Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor;
I. S. Fedotov, Judge of the Voronezh regional court, Doctor of Law, Associate Professor;
N. S. Khokhlov, Professor of the Chair of Infocommunication Systems and Technologies of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Technical Sciences, Professor;
O. N. Choporov, Vice-Rector for Digital Transformation of Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko, Doctor of Technical Sciences, Professor;
V. B. Shabanov, Chief of the Chair of Criminalistics of Belarusian State University, Doctor of Law, Professor;
N. A. Shishkin, Deputy Prosecutor General of the Russian Federation, PhD in Law;
Yu. K. Yazov, Senior Researcher of State Research and Testing Institute of Problems of Technical Protection of Information of the Federal Service for Technical and Export control, Doctor of Technical Sciences, Professor

Editorial Staff:

S. V. Rodin — Chief Editor;
V. Yu. Kalinskaya, N. F. Palikhova — Editors;
S. M. Shapiro — Layout Designer

Passed for printing on September 25th, 2025
Data of edition September 30th, 2025
Format 60x84 1/8
Conventional printed sheets 38,13
Times New Font
Offset printing
Offset paper
Issue 200 copies
Uncontrolled price

Subscribe to the magazine.
www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t45898/
Subscription index 45898
Address of Editors Office, Publisher, Printing Office:
394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.
Tel./fax (473) 264-92-00
E-mail: vestnik_vimvd@mail.ru
<https://ВИ.МВД.РФ/Наука/nauchnij-zhurnal-vestnik>
ISSN 2071-3584
© Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

МВД РОССИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Организационно-правовые аспекты формирования 1-й Свердловской, 2-й Саратовской, 3-й Воронежской школ младшего командного состава милиции РСФСР (к 100-летию открытия)10

ИНФОРМАТИКА, ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Мельников А. В., Кобяков Н. С. Модель и алгоритм оценки защищенности информации в автоматизированных системах органов внутренних дел от вредоносных программ29

Попова А. Д., Дровникова И. Г., Пименова О. В. Разработка аналитических моделей и алгоритмов оценки влияния критичности уязвимостей на защищенность программного обеспечения автоматизированных систем органов внутренних дел.....41

Амелина А. В., Меньших Т. В. Модель и численный метод учета латентных значений показателей правовой статистики при оценке криминогенной ситуации56

Бугусов И. Ю., Татохин Е. А., Сычев И. В. Учет неопределенности при диагностике сложных систем 64

Лазарев И. В., Казаковцев А. С. Анализ показателей структур многорубежной периметрической охранной системы распределённых объектов72

Ситников А. И., Черткова А. С., Мельников Н. А. Сравнительный анализ сверточной и капсульной нейронных сетей как инструмента определения антропометрических характеристик лица человека..... 83

Терентьев А. А., Лукьянов А. С., Пославская В. Я. Исследование функционирования экспертно-криминалистического центра как организационно-технической системы на основе теории конфликта96

Ефимов А. О., Зверев Г. И. О влиянии искусственного интеллекта на временные ограничения реализации атаки методом холодной перезагрузки.....105

Савоськин И. А., Давидюк Н. В. Модифицированная схема цифровых водяных знаков на основе дискретных преобразований с использованием самокорректирующихся кодов118

РАДИОТЕХНИКА И СВЯЗЬ

Журавлёв Д. В., Кузьменко Р. В., Андреева Н. А. Исследование протокола связи ELRS для управления беспилотными воздушными судами на нестандартных частотах126

Белозерцев Ю. Б., Климов А. И. Спирально-стержевая антенна для носимых радиостанций диапазона УВЧ.....135

Шерстюков С. А., Толстых О. В. Компенсация искажений в возбuditеле-формирователе линейно-частотной модулированной шумовой помехи.....141

Гилев И. В., Канавин С. В. Программа автоматизации определения местоположения мобильного источника радиоизлучения с использованием приемника программно-определяемого радио148

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреева И. А. Идеал кодификации права в Новое время	159
Лелеков В. А., Бородин А. Д. Институт семьи и преступность несовершеннолетних в государстве Российском	166
Насонова И. А., Фадеев П. В. Возвратные механизмы как средство достижения назначения уголовного судопроизводства	172
Ахмедов У. Н., Павленко О. С. О некоторых вопросах возмещения вреда участникам судопроизводства при приостановлении предварительного следствия и прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого) по основаниям, связанным с особыми условиями прохождения военной службы	179
Белоусова А. Н. Механизм деструктивного воздействия информационных ресурсов на поведение несовершеннолетних	187
Буданова Е. А., Козаренко Ю. И. Проблемы квалификации деяний, связанных с фактами вовлечения несовершеннолетних в совершение различных преступлений	195
Гапоненко В. А., Талышев Н. В. Историко-правовые аспекты формирования государственной научно-технической политики в сфере обеспечения охраны имущества физических и юридических лиц и проблемы ее реализации	201
Гладченкова С. В. Некоторые теоретико-правовые аспекты состязательности в современном уголовном судопроизводстве	212
Дутов Н. Ю., Дутов Ю. И. Некоторые проблемы правоприменительной практики и пути совершенствования законодательства в сфере избрания меры пресечения в виде заключения под стражу	218
Колесников Р. В., Ершова В. А. Проблемы квалификации и практика применения уголовного законодательства об ответственности за взяточничество в Российской Федерации	225
Коробов Г. А. Теоретико-правовое наследие Н. Н. Алексева: его значение для развития современной теории государства и права	234
Можаева С. Ю., Полякова Н. В. О некоторых вопросах осуществления административного надзора в отношении лиц, имеющих судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних (на примере Воронежской области)	239
Моругина Н. А. Некоторые историко-правовые аспекты информационно-технологического развития и использование его результатов в уголовном процессе	244
Насонов А. А. О системе оснований выделения уголовного дела	252
Польшиков А. В., Демидова О. В., Пучнина М. Ю. Основные направления повышения эффективности предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними мигрантами	257
Попов В. И., Ситников К. А. К вопросу об осмыслении государственно-правовых явлений через призму сказочно-фэнтезийных нарративов	268
Скрынникова М. В., Леженин А. В. Запрет как правовое средство: проблемный комментарий с позиции различных типов правопонимания	279

Тройнина И. С. Участие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) на досудебной стадии уголовного судопроизводства	285
Гаглов Л. З. Понятие, признаки и виды вооруженных нападений на образовательные организации, совершаемых обучающимися	291
Касьянова Е. В. Расследование преступлений несовершеннолетних: проблемы и возможности использования специальных знаний.....	296
Лещев А. И. Современные подходы к профилактике преступлений среди несовершеннолетних: синтез мнений и перспективы.....	302
Магарламов Н. М. Возражение как форма выражения мнения участника уголовного судопроизводства.....	309
Шипулин А. В. Основные направления совершенствования системы управления подразделениями вневедомственной охраны войск национальной гвардии.....	313
Информация для авторов.....	320

CONTENTS

RUSSIAN MINISTRY OF INTERIOR: PAST, PRESENT, FUTURE

Nakhimov A. P., Kirnos A. V., Kolesnikov V. A. Organizational and legal aspects of the formation of the 1st Sverdlovsk, 2nd Saratov, 3rd Voronezh schools of junior command staff of the militia of the RSFSR (on the 100th anniversary of the opening) 10

INFORMATICS, COMPUTER ENGINEERING AND AUTOMATIC

Melnikov A. V., Kobayakov N. S. Model and algorithm for assessing information security in automated systems of internal affairs bodies from malware 29

Popova A. D., Drovnikova I. G., Pimenova O. V. Development of analytical models and algorithms for assessing the impact of critical vulnerabilities on the security of automated systems of internal affairs bodies 41

Amelina A. V., Menshikh T. V. A model and numerical method for accounting for latent values of legal statistics indicators in assessing the criminogenic situation 56

Butusov I. Y., Tatokhin E. A., Sychev I. V. Consideration of uncertainty in the diagnosis of complex systems 64

Lazarev I. V., Kazakovtsev A. S. Analysis of indicators of structures of a multi-border perimeter security system of distributed objects 72

Sitnikov A. I., Chertkova A. S., Melnikov N. A. Comparative analysis of convolutional and capsule neural networks as a tool for determining anthropometric characteristics of a human face 83

Terentyev A. A., Lukyanov A. S., Poslavskaya V. Y. Investigation of the functioning of the forensic center as an organizational and technical system based on the theory of conflict 96

Efimov A. O., Zverev G. I. On the influence of artificial intelligence on the time limits of implementing a cold reboot attack 105

Savoskin I. A., Davidyuk N. V. Modified digital watermarking scheme based on discrete transformations using self-correcting codes 118

RADIOENGINEERING AND COMMUNICATION

Zhuravlev D. V., Kuzmenko R. V., Andreeva N. A. Investigation of the ELRS communication protocol for controlling unmanned aircraft on non-standard frequencies 126

Belozertsev Y. V., Klimov A. I. Helix-rod antenna for uhf band portable radios 135

Sherstyukov S. A., Tolstykh O. V. Compensation of distortions in the exciter-former of linear-frequency modulated noise interference 141

Gilev I. V., Kanavin S. V. Program for automation of location of a mobile radio emission source using a software-defined radio receiver 148

LEGAL SCIENCES

Andreeva I. A. The ideal of codification of law in Modern times 159

Lelekov V. A., Borodin A. D. The family institute and juvenile delinquency in the Russian state 166

Nasonova I. A., Fadeev P. V. Return mechanisms as a means of achieving the purpose of criminal proceedings 172

Akhmedov U. N., Pavlenko O. S. On some issues of compensation for harm to participants in legal proceedings during the suspension of the preliminary investigation and termination of criminal prosecution in relation to a suspect (accused) on grounds related to the special conditions of military service	179
Belousova A. N. The mechanism of destructive influence of information resources on the behavior of minors	187
Budanova E. A., Kozarenko Y. I. Problems of qualification of acts related to the facts of involvement of minors committing various crimes	195
Gaponenko V. A., Talyshev N. V. Historical and legal aspects of forming state scientific and technical policy in the field of protecting the property of individuals and legal entities and problems of its implementation	201
Gladchenkova S. V. Some theoretical and legal aspects of contestability in contemporary criminal proceedings	212
Dutov N. Y., Dutov Y. I. Some problems of law enforcement practice and ways to improve legislation in the field of choosing a preventive measure in the form of detention	218
Kolesnikov R. V., Ershova V. A. Problems of qualification and practice of application of criminal legislation on responsibility for bribery in the Russian Federation.....	225
Korobov G. A. N. N. Alekseev's theoretical and legal heritage: its significance for the development of modern theory of state and law	234
Mozhaeva S. Y., Polyakova N. V. About some issues of administrative supervision in relation to persons with a conviction for committing a crime against sexual inviolability and sexual freedom of minors (on the example of the Voronezh region)	239
Morugina N. A. Some historical and legal aspects of information technological development and the use of its results in criminal proceedings	244
Nasonov A. A. On the system of reasons for separating a criminal case	252
Polshikov A. V., Demidova O. V., Puchnina M. Y. Main directions for improving the effectiveness of crime prevention by minor migrants	257
Popov V. I., Sitnikov K. A. On the issue of understanding state-legal phenomena through the prism of fairy-tale and fantasy narratives.....	268
Skrynnikova M. V., Lezhenin A. V. Ban as a legal means: a problematic comment from the perspective of different types of legal understanding	279
Troinina I. S. Participation of the legal representative of a minor suspect (accused) at the pre-trial stage of criminal proceedings	285
Gagloev L. Z. The concept, signs and types of armed attacks on educational organizations committed by students	291
Kasyanova E. V. Investigation of minority crimes: problems and opportunities of using special knowledge	296
Leshchev A. I. Modern approaches to juvenile crime prevention: synthesis of opinions and perspectives.....	302
Magarlamov N. M. Objection as a form of expression of opinion of a participant in criminal proceedings	309
Shipulin A. V. The main directions of management system improvement non-departmental security units of the national guard of Russian	313
Information for authors	320

МВД РОССИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

А. П. Нахимов, кандидат философских наук

А. В. Киринос, кандидат политических наук, доцент

В. А. Колесников, кандидат политических наук, доцент

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ 1-й СВЕРДЛОВСКОЙ, 2-й САРАТОВСКОЙ, 3-й ВОРОНЕЖСКОЙ ШКОЛ МЛАДШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА МИЛИЦИИ РСФСР (К 100-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ)

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE 1st SVERDLOVSK, 2nd SARATOV, 3rd VORONEZH SCHOOLS OF JUNIOR COMMAND STAFF OF THE MILITIA OF THE RSFSR (ON THE 100th ANNIVERSARY OF THE OPENING)

В статье рассмотрено становление в 1925 г. первых в Советском государстве трех школ младшего командного состава милиции. Проанализированы основные нормативные правовые акты НКВД РСФСР, определившие цели и задачи их создания, статус и место в системе профессиональной подготовки милиционеров, а также важнейшие организационные мероприятия по открытию в Свердловске, Саратове и Воронеже. Особое внимание уделено вопросам финансового, материально-технического и кадрового обеспечения начального этапа функционирования этих образовательных организаций.

The article examines the establishment of the first three schools for junior police officers in the Soviet state in 1925. The article analyzes the main regulatory legal acts of the NKVD of the RSFSR that defined the goals and objectives of their creation, their status and place in the system of professional training of police officers, as well as the most important organizational measures for opening in Sverdlovsk, Saratov and Voronezh. Particular attention is paid to issues of financial, logistical and personnel support for the initial stage of functioning of these educational organizations.

Формирование кадрового состава рабоче-крестьянской советской милиции в первое десятилетие радикальной общественно-политической трансформации страны, начавшейся после Октябрьской революции 1917 г. и в ходе Гражданской войны, осуществлялось в контексте развития нескольких взаимосвязанных процессов. Во-первых, подготовка кадров для нового правоохранительного органа являлась закономерным следствием эволюции представлений о векторах и задачах строительства постреволюционного госу-

дарственного аппарата: от отрицания целесообразности сохранения в условиях разворачивания мировой революции «аппарата насилия и принуждения», каковым в марксистско-ленинской теории мыслилось государство, до признания необходимости организации политической власти на долгосрочную перспективу. В этой связи подход к созданию кадров милиции претерпевал изменения от общественно-ориентированных добровольческих начал «вооружения народа» через военизацию ее личного состава в условиях

борьбы с контрреволюцией на внешних и внутренних фронтах к принятию стратегических установок на формирование полноценного корпуса «стражей правопорядка» как неотъемлемой и важнейшей части нового государственного аппарата.

Во-вторых, с самого начала истории милиции возникали и непрерывно видоизменялись имманентно присущие любому новому проекту ракурсы характера ее кадрового состава. Среди важнейших вопросов, которые приходилось решать руководству страны, особенно острыми являлись проблемы преемственности и разрыва с дореволюционной практикой формирования и функционирования полиции, соотношения централизации и децентрализации правоохранительной кадровой политики государства, степень и характер корреляции подготовки и штатного облика личного состава милиции с кадрами иных схожих и смежных государственных структур, прежде всего Красной армии.

В-третьих, в первое десятилетие Советской власти происходили напряженные дискуссии практически по всем направлениям текущего и перспективного развития страны, приоритетности задач строительства нового общества и выбора соответствующих способов функционирования практически всех звеньев государственного аппарата. Это не могло не отразиться на модификации подходов и представлений о том, каким должен быть советский милиционер в качестве эффективно вовлеченного в непосредственное взаимодействие с населением участника реализации политики партии и правительства, начиная с «военного коммунизма», НЭПа, коллективизации и индустриализации.

В первом номере ведомственного журнала Управления милиции Республики «Рабоче-крестьянская милиция» 3 октября 1922 г. сотрудник центрального аппарата НКВД РСФСР П. Астахов так охарактеризовал задачи по созданию системы профессиональной подготовки в милиции: «...Каждый милицкий работник должен иметь авторитет в глазах граждан. Только при этих условиях работники милиции могут являться действительными представителями власти... Для достижения улучшения в постановке службы... необходимо воспитание и обучение работников милиции, начиная с милиционера и кончая начальником милиции...» [1. С. 27].

Объективно важнейшей задачей в этой связи, наряду с многочисленными другими организационно-правовыми вопросами формирования милиции, стало создание системы профессиональной подготовки и образования, первичные основы которой были заложены в Постановлении НКВД и Наркомюста РСФСР «Об организации Советской

Рабоче-Крестьянской Милиции» от 12 октября 1918 г. [2], Декрете Совета народных комиссаров РСФСР «Об организации Советской рабоче-крестьянской милиции (Инструкция)» от 3 апреля 1919 г. [3], Положениях «О Советской рабоче-крестьянской милиции» [4] и «О службе в Рабоче-крестьянской милиции» [5], утвержденных Декретами ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1920 г. и 28 сентября 1925 г.

Соответствующие ведомственные акты конкретизировали ход и направления процесса реализации государственной политики в области профессиональной подготовки, прежде всего в рамках образовательного процесса, милицеских кадров. Одним из главных при этом являлся вопрос о выборе и оптимизации эффективных организационных форм обучения и воспитания советских милиционеров, среди которых системообразующее значение приобрели милицеские курсы и школы. К таким нормативным правовым актам следует отнести ключевые приказы Главного управления милиции республики в 1921 г. (№№ 69, 314/с и № 500) [6. — Л. 55–56], в 1922 г. (№№ 46/с и 42/с), в 1923 г. (№№ 152 и 186); приказы Центрального административного управления (ЦАУ) НКВД РСФСР в 1923 г. (№№ 152 и 186), в 1924 г. (№№ 59, 172, 215, 226) [7. — Л. 5 об.].

Первыми организационными формами милицеского образования стали курсы и школы. В 1918—1920 г. в подавляющем большинстве по стране открывались курсы: для занятий общей профессиональной и военной подготовкой милиционеров, а также в столичных и некоторых губернских городах (Владимир, Саратов) — инструкторские и для подготовки младшего и старшего командного состава милиции (Пенза, Тула, Омск и др.). Первые весьма напоминали школы полицейской стражи, организованные для массового обучения, введенного в 1903 г. в ходе реформы нового чина уездной полиции [8. — С. 526—599; 9]. Следует согласиться с утверждением В. М. Шамарова о том, что «обучение кадров в подобных организационных формах нельзя отождествлять с их названиями, так как они по способам и методам подготовки кадров “в ударном порядке” во многом копировали деятельность широко распространенных в тот период курсов по ликвидации неграмотности и малограмотности» [10. — С. 168]. Первые двухмесячные милицеские курсы в Воронеже [11] были открыты в феврале 1920 г. на основании циркуляра губмилиции от 9 декабря 1919 г. № 938 [12. — С. 57], в Екатеринбурге — на основании приказа губмилиции от 9 февраля 1920 года № 4 [13. — Л. 9]; в Саратове 1 июля 1920 г. были открыты курсы командного состава милиции [14. — С. 63].

Приказ от 17 апреля 1921 г. № 69 определил необходимость открытия курсов (с изданием в конце 1921 г. приказа Главмилиции № 314/с — губернских школ) командного состава милиции при всех губернских и областных управлениях милиции [6. — Л. 55]. Было утверждено Положение о курсах командного состава при губернских и областных управлениях милиции [15. — Л. 1—1 об.]. С июля 1921 по март 1922 г. процесс образования новых образовательных структур по подготовке работников милиции от старших милиционеров до начальников уездных милиций шел по нарастающей — в среднем по 4 в месяц [16. — Л. 251]. Всего к июлю 1922 г. по стране было открыто 57 [16. — Л. 251] подобных курсов, затем их количество начинает резко сокращаться по причинам недостатка ресурсов в местных бюджетах и в конечном счете переводе финансирования милиции на средства губерний и областей. Регулярное, основанное на строгом следовании приказам Главмилиции, обучение на курсах удалось организовать в Вятской, Орловской, Пензенской и особенно в Тульской губерниях. В апреле 1921 г. трехмесячные курсы комсостава милиции открылись в Саратове [17. — Л. 1], в июле — в Екатеринбурге [18. — Л. 196—203] и Воронеже [19. — Л. 210]. Осенью 1922 г. они, как и в большинстве других регионов, были закрыты. В циркуляре Главмилиции региональным исполкомам от 19 декабря 1922 г. № 594 указывалось, что в том случае, если за счет местных бюджетов не представляется возможным одновременно содержать милицеские школы и резервы, «надлежит закрыть школы, оставив резервы для планомерного последовательного пропуска через них всего младшего строевого состава милиции и систематической подготовки его по учебному плану и программам, выработанным Главным управлением милиции...» [20. — Л. 741]. К началу 1924 г. осталось всего 13 губернских школ [7. — Л. 5 об.]. В начале 1925 г. имелось 26 школ-резервов с четырехмесячным сроком обучения и только 8 восьмимесячных губернских школ младшего комсостава [21. — С. 49].

Акцент в организации обучения низовых, включая младших командных, кадров милиции, таким образом, все больше смещался к т. н. резервам, которые представляли собой периодически или не периодически созываемые краткосрочные в региональном центре курсы не освобожденных от несения службы милиционеров из уездов. Вместе с тем в декабре 1922 г. были созданы три школы (1-я Ленинградская, 2-я Омская и 3-я Новочеркасская) по подготовке среднего комсостава милиции с двухлетним сроком обучения.

В 1923—1924 гг. в центральном аппарате НКВД активизировались дискуссии о совершенствовании милицеского образования, в немалой степени инициированные структурными перестройками самого ведомства. Среди них в первую очередь следует выделить создание ЦАУ, в подотделе службы и подготовки Отдела милиции которого реализация задач по совершенствованию профессионального образования приобрела более упорядоченный и централизованный характер, нежели ранее в рамках комиссии по организации и подготовке милиции [22. — Л. 115] и затем — в соответствующей секции постоянной комиссии по выработке устава, наставлений и руководств по школьно-курсовому делу [23. — С. 45].

Главным вопросом этих дискуссий стало придание милицескому образованию системного характера. Для этого принципиально необходимо было решить прежде всего проблему разграничения его форм. Единодушие было только в отношении структур по подготовке среднего и высшего командного состава. В то же время важнейшей задачей было придание специальной организационной формы профессиональному образованию младшего командного состава. К 1924 году среди руководства милиции в центре и на местах регулярно высказывались суждения о необходимости упрощения губернских школ до школ-резервов, которые должны были сосредоточить усилия на подготовке не только рядового, но и младшего командного составов милиции. Кроме того, предлагалось расширить организацию внешкольных занятий для находящихся на службе работников, в том числе из руководящего состава [24. — С. 14].

Не умаляя значимости первоначальной профессиональной подготовки рядовых (младших) милиционеров, зададимся вопросом о причинах пристального внимания ведомственных функционеров к созданию прочного кадрового слоя старших и волостных милиционеров, участковых надзирателей, а также агентов уголовного розыска, которое переросло в конечном счете в конкретные управленческие решения ЦАУ по созданию специальных областных школ младшего комсостава милиции. Главной из них являлось стремление обеспечить эффективное кадровое связующее звено между основной массой рядовых милиционеров и начальниками территориальных органов милиции и уголовного розыска.

С одной стороны, младшие командиры непосредственно руководили исполнением правоохранительных функций рядовыми милиционерами, сами участвовали в осуществлении функций охраны общественного порядка и борьбы с преступностью; с другой — в своей среде формировали резерв для занятия руководящих должностей

среднего комсостава, обеспечивая кадровую преемственность правоохранительной службы в милиции и уголовном розыске. Кроме того, именно лица из числа младшего комсостава чаще всего были вынуждены контактировать с гражданами, официально представлять Советскую власть среди населения. Как справедливо отмечал один из инициаторов реформы, сотрудник ЦАУ В. Постников, речь шла о работниках, «которые на своих плечах выносят большую часть милицейской службы, которые больше всего соприкасаются с широкими массами рабочих и крестьян, проникая в самую толщу последних» [21. — С. 50]. Особую значимость в связи с этим в условиях НЭПа в стране с преобладающим сельским населением приобретала профессиональная подготовка волостных милиционеров, которые ко всем довольно обширным правоохранительным функциям на селе должны были стать активными проводниками официально провозглашенной «нэповской» политики «поворота лицом к деревне» [25].

Немаловажным являлось и то, что с помощью надлежащей, более качественной, углубленной и специально оформленной профессиональной подготовки создавалась возможность формирования собственно профессионально-милицейских компетенций, которые наполнялись теоретическими знаниями не только правового, но и мировоззренческого характера, обогащались практико-ориентированными служебными и военно-прикладными умениями и навыками. Качественная подготовка младшего комсостава должна была сыграть роль в его практическом «наставничестве» над основной массой непосредственных подчиненных рядовых милиционеров, которым в ходе службы прошедшие полноценную образовательную подготовку младшие командиры могли передавать полученные в милицейской школе знания. Особые надежды руководство возлагало также на то, что они после поднятия собственного «профмилицейского, общего и политического развития» окажутся способными «не только руководить в будущем своими подчиненными», но и «вести воспитательную работу среди последних» [26. — С. 10].

Недостаточное количество губернских школ младшего комсостава, а также неспособность школ-резервов в силу слабого финансирования, материальной необеспеченности, краткосрочности образовательного процесса, недостатка квалифицированных педагогических работников и методической несостоятельности вести стационарную и постоянную качественную подготовку работников от старшего милиционера и выше, вплоть до руководящих должностей в уездной милиции, объективно не

позволяли обеспечить выполнение вышеизложенных задач.

Вместе с тем в период становления милицейского образования в 1918—1924 гг. сформировался ряд важных факторов осуществленных во второй половине 1920-х гг. преобразований в этой сфере. Прежде всего это касалось окончательного утверждения в среде центрального и местного милицейского руководства уверенности в необходимости планомерного повышения общеобразовательного, политического и профессионального уровня милиционеров, разработки необходимой и эффективной нормативно-правовой базы в данной сфере, а также создания и совершенствования первых упорядоченных документов по методическому обеспечению образовательного процесса на милицейских курсах и в школах, которые, как справедливо отмечают исследователи, фактически производили «первичное профессиональное обучение в рамках государственной системы общего и специального образования» [27. — С. 76, 87].

В этой связи значительную координирующую методическую роль сыграл отдел службы и подготовки Отдела милиции ЦАУ НКВД РСФСР, обобщавший всю информацию о работе школ и курсов и формировавший проекты положений о школах, их учебные планы и программы. Так, только за сентябрь 1924 г. в подотделе 55 раз рассматривались вопросы о проведении школьных и внешкольных занятий, 50 — об утверждении учебных программ и планов, 14 — об обеспечении программами и планами школ и курсов, 10 — о краткосрочных курсах и 3 — об областных школах [28, Л. 93]. В декабре 1924 г. для рассмотрения на коллегии НКВД был подготовлен развернутый доклад по вопросу об организации областных (краевых) школ младшего комсостава милиции, подписанный начальником ЦАУ НКВД — начальником милиции Республики П. К. Сергиевским и начальником отдела милиции Седовым. В докладе особое внимание обращалось на то, что 92,5% всего младшего комсостава милиции к концу III квартала 1924 г. были малограмотными, из чего делался вывод о том, что «таковой кадр не может отвечать своему назначению ни в служебном, ни в политическом отношении» [29. — Л. 62]. Предложения по созданию новых образовательных организаций, включая подробные сметы на их организацию, легли в дальнейшем в нормативные документы НКВД РСФСР по данному вопросу.

Таким образом, решение задачи оформления специальных школ младшего комсостава объективно способствовало окончательному складыванию уровневой системы профессиональной подготовки и образования кадров советской милиции

и уголовного розыска. При этом в первоначальных планах преобразований допускалось сосуществование двух типов таких образовательных организаций: во-первых, сохранившихся в «дееспособном» состоянии старых и вновь образованных губернских школ, финансировавшихся из местных бюджетов, и, во-вторых, областных школ, которым средства направлялись как из республиканского бюджета, так и из курируемых центральным руководством источников, преимущественно имевших форму «кредитов губадмотделов», отправлявших на учебу работников из подведомственной им губернской милиции.

Следует также учитывать, что не последнюю роль в подготовке планов по образованию областных школ младшего комсостава сыграла находившаяся с 1923 г. в начальной стадии осуществления и активного обсуждения общегосударственная реформа по «укрупнению» единиц административно-территориального деления, созданию громадных по территории областей, которые бы соответствовали по масштабам выделенным Госпланом экономическим районам страны. Старые губернии упразднялись, а создаваемые области включали в себя более мелкие территориальные единицы — округа, которые в свою очередь делились на районы, состоявшие из сети сельсоветов. Так, территориальным центром будущей 1-й Свердловской областной школы младшего комсостава стала образованная 3 ноября 1923 г. Уральская область. Региональная локализация двух других школ только намечалась в ходе осуществлявшихся преобразований. Нижне-Волжская — с центром в Саратове и Центрально-Черноземная области в Воронеже были созданы в 1928 г., когда образовательные организации милиции в них уже претерпели структурные трансформации.

В письме от 12 июня 1924 г. из ЦАУ НКВД РСФСР в комиссию по районированию при ВЦИК СССР указывалось: «...Переходя к созданию областных школ милиции... просим выслать список городов, намечаемых областными центрами» [30. — Л. 25]. При этом выделялись две группы таких зон: 1) там, где районирование было уже завершено, школы должны были организовываться непосредственно при административном отделе облисполкома (крайисполкома) и подчиняться его начальнику; 2) в зонах незавершенного районирования школы должны были состоять при адмотделах тех губерний (областей), где они расположены, подчиняться начальникам данных административных отделов и обслуживать ряд губерний и областей, непосредственно примыкавших к местам их расположения.

В январе 1925 г. вопрос о целесообразности создания областных школ был поднят на Первом Всероссийском съезде начальников адмотделов, а

23 апреля 1925 г. заместителем наркома внутренних дел РСФСР М. Ф. Болдыревым был подписан и впоследствии разослан на места циркуляр НКВД № 223 с комплексом приложений [29. — Л. 1—2 об.]. В нем было объявлено, что «...надлежащая постановка обучения милицейского состава может быть осуществлена лишь путем коренной реорганизации всего школьного строительства милиции, ... создания мощных школ областного или краевого характера, материально обеспеченных и при большем внимании мест к делу подготовки работников милиции и уголовного розыска» [29. — Л. 2].

В качестве основных требований и вместе с тем предпосылок к процессу создания областных образовательных организаций определялись:

- расформирование всех уже существовавших губернских школ и школ-резервов;
- организация новых школ на принципе экономического районирования по схеме Госплана в крупных культурно-промышленных центрах;
- финансирование за счет концентрации средств нескольких регионов при долевом участии госбюджета;
- комплектование всеми адмотделами, которые будут входить в «район обслуживания школы»;
- ведение преподавания по учебным планам и программам, разработанным либо одобренным ЦАУ НКВД;
- увеличение срока обучения минимум до одного года.

Несмотря на нахождение школ в непосредственном ведении местных адмотделов, их организационное построение и функционирование должно было осуществляться на базе положений и штатов, разработанных НКВД и утвержденных в установленном порядке.

В циркуляре были указаны основные проектируемые результаты реформы, обеспечивающей централизацию системы профессиональной подготовки и образования, прежде всего экономию финансовых средств для оборудования школ; уменьшение хозяйственных расходов, включая на содержание курсантов по сравнению с прежними губернскими школами; упрочение материального базиса образовательных организаций. Расположение школ в культурно-промышленных центрах позволило бы лучше использовать педагогические кадры, реализовывать идеологическое и методическое руководство Наркомпроса, оптимизировать систему преподавания, а также усилить плановость организации занятий.

Документ содержал просьбу руководства НКВД к президиумам местных исполкомов «обсудить вопрос об организации областных школ, дать согласие на организацию таковых и заключение как

о целесообразности таковой реорганизации школьного дела, так и о практической возможности проведения этого вопроса, равным образом указать, в какой степени необходимо участие госбюджета в содержании школы» [29. — Л. 2—2 об.].

В качестве приложений к циркуляру были разосланы проекты Положения об областных школах младшего комсостава милиции, их штатов и учебного плана, примерная смета расходов

на их содержание и Инструкции по организации образовательных организаций [29. — Л. 3—16].

Планировалось создать 15 таких школ, разделив их на 3 разряда, различавшихся по статусу, штату и материальному обеспечению [29. — Л. 7—7 об.]. Они должны были обслуживать по пять — шесть губерний и строиться на принципе территориального районирования РСФСР (табл. 1).

Таблица 1 [29. — Л. 7—7 об.]

**Размещение областных школ младшего комсостава милиции
согласно проекту Инструкции к организации областных школ младшего комсостава
(приложение № 2 к циркуляру НКВД от 23 апреля 1925 г. № 223)**

Название школы	Разряд	Зона обслуживания
<i>В местностях, где экономическое районирование произошло</i>		
6-я Уральская областная	3	Уральская область
10-я Ростовская краевая	1	Северо-Кавказский край
<i>В местностях, где экономического районирования не произошло</i>		
1-я Московская областная	вне разряда	1) Московская, 2) Владимирская, 3) Иваново-Вознесенская, 4) Калужская, 5) Костромская, 6) Нижегородская, 7) Рязанская, 8) Тверская, 9) Тульская, 10) Ярославская губернии
2-я Ленинградская областная	1	1) Ленинградская, 2) Новгородская, 3) Псковская, 4) Череповецкая губернии; 5) Карельская АССР
3-я Вологодская областная	2	1) Архангельская, 2) Вологодская, 3) Мурманская, 4) Коми-Зырянская; 5) Северодвинская губернии
4-я Смоленская областная	3	1) Брянская, 2) Гомельская, 3) Смоленская губернии
5-я Вятская областная	3	1) Вятская губерния; 2) Вотская, 3) Марийская автономные области
7-я Казанская областная	2	1) Татарская АССР, 2) Пензенская, 3) Самарская, 4) Ульяновская губернии; 5) Чувашская автономная область
8-я Орловская областная	2	1) Воронежская, 2) Курская, 3) Орловская, 4) Тамбовская губернии
9-я Саратовская областная	2	1) Астраханская, 2) Саратовская, 3) Царицынская губернии 4) Калмыцкая авт. обл.; 5) Немцев Поволжья АССР
11-я Ново-Николаевская областная	2	1) Омская, 2) Алтайская, 3) Ново-Николаевская, 4) Томская, 5) Енисейская губернии; 6) Ойратская автономная область
12-я Иркутская областная	2	1) Якутская АССР, 2) Бурято-Монгольская АССР; 3) Иркутская, 4) Амурская, 5) Забайкальская, 6) Камчатская, 7) Приморская губернии
13-я Ташкентская областная	2	Туркестанская АССР
14-я Оренбургская областная	3	Киргизская АССР
15-я Симферопольская областная	3	Крымская АССР

Ответы губадмотделов на циркуляр НКВД от 23 апреля 1925 г. № 223 в целом позволили руководству милиции сформировать реалистичную позицию относительно дислокации планировавшихся

областных школ к концу лета 1925 г. Тогда же началась переписка с губернскими центрами, в которых предусматривалось их размещение. Стало очевидно, что открыть 15 новых образовательных орга-

низаций невозможно, в первую очередь по финансовым причинам, о чем сообщалось в ответах губадмтделов.

При уточнении вопроса из пяти губадмтделов, которым предлагалось непосредственно осуществлять формирование новых школ, дали согласие лишь четыре [27. — С. 143]. Так, 2 июня 1925 г. «до окончательной организации Северо-Восточной области» категорически отказалось от создания областной школы руководство Архангельской губернии [29. — Л. 130]. А определенная в качестве центра ее формирования Вологодская губерния в письме начальника ее губисполкома от 31 августа 1925 г. соглашалась на открытие только при условии полного финансирования образовательной организации из госбюджета [29. — Л. 133]. Также от организации областной школы отказалось руководство Ленинградской губернии, ссылаясь на трудность в содержании помимо школы среднего комсостава еще одной образовательной организации милиции [29. — Л. 153]. Принципиальным противником организации областных школ, добротнo аргументировавшим свою позицию, выступил в своем ответе от 2 июня 1925 г. Рязанский губисполком. Планировавшийся в более ранних документах ЦАУ в качестве места расположения областной школы город Смоленск 27 мая также был отвергнут местным губисполкомом [29. — Л. 168].

Некоторые губиспокомы заняли более гибкую позицию. Так, исполнительный комитет Советов Астраханской губернии в письме в НКВД от 4 июля 1925 г., практически полностью повторяя текст циркуляра № 223, сообщал, что «он против организации этих школ... не возражает» [29. — Л. 131], но и не собирается быть инициатором. Руководство Владимирской губернии соглашалось с формулой определения в 50% финансирования из местных средств. Иркутский губисполком, оставляя вопрос об источниках финансирования создаваемой областной школы в Сибири открытым, тем не менее составил подробную смету на ее обустройство в двух вариантах [29. — Л. 140–150].

1 августа 1925 г. в ответе ЦАУ на циркуляр № 223 заместитель председателя губисполкома Воронежской губернии И. А. Шевелев сообщил, что Президиум губисполкома «вполне соглашается... с соображениями о необходимости» создания в г. Воронеже областной школы младшего комсостава милиции, однако «считает необходимым, чтобы содержание областной школы было отнесено всецело на государственные средства». В качестве причины указывалось на тяжелое состояние местного бюджета, а также на «крупные

затруднения», которые могут возникнуть «при согласовании с соседними губисполкомами вопроса об их участии в расходах по содержанию школы, что уже доказал прошлый опыт в этом отношении» [29. — Л. 93]. Решение об этом было принято на заседании Воронежского губисполкома 27 июля 1925 г. [29. — Л. 94].

Впрочем, в телеграмме из Воронежа, полученной НКВД 10 сентября 1925 г., видимо, под влиянием сообщений из Центра об изменении подхода к финансированию областных школ было уже указано: «Воронежский ГИК на открытие школы дает согласие. Расходы оборудования, оплаты помещения принимает Зампредгубисполкома Шевелев» [31. — Л. 7]. Это обстоятельство, а также оперативность принятия самостоятельных административных решений руководством губернии в лице Я. Т. Плаксина, по всей видимости, способствовало определению Воронежа в качестве города дислокации будущей 3-й школы младшего комсостава милиции. В то же время заинтересованность руководства Воронежской губернии в открытии подобной образовательной организации обнаруживалась достаточно рано в ходе обсуждения соответствующих проектов. Уже 10 мая 1925 г. заместителем заведующего организационным отделом Воронежского губисполкома Воскобойниковым в губернский адмтдел было отправлено отношение № 6807, содержащее проект НКВД об организации областных школ милиции и предложение выразить свое отношение к нему [32. — Л. 28 – 28 об.].

И все же по опыту прошлых лет и современному состоянию губернской подготовки младшего комсостава милиции для создания такой школы в Центральной России явно предпочтительнее выглядели Орел и Тамбов. Приоритет г. Орла, который, кстати, еще на основании решения Орловского губисполкома от 23 мая 1925 г. был полностью согласен принять у себя новую образовательную организацию [29. — Л. 160], отчасти обуславливался наличием в нем достаточно успешно действовавшей милицейской школы и повторных курсов младшего комсостава при ней. К 18 марта 1925 г. школа и курсы сделали уже четвертый успешный выпуск [33. — С. 53]. Не отставал и Тамбов: действовавшая там в 1925 г. губернская милицейская школа младшего комсостава «неуклонно стремилась выработать из курсанта не только механического исполнителя приказов и распоряжений, но и сознательного проводника советской власти и культурного строителя новой жизни» [34. — С. 28].

У Воронежа в назначении его местом дислокации 3-й школы имелись союзники. В своем от-

вете 18 июня 1925 г. на циркуляр № 223 руководство Курской губернии указывало, что «намеченный НКВД центр для областной школы в гор. Орле вряд ли будет подходящим, так как там нет достаточного количества преподавательского персонала, необходимого для этой работы... Подходящим местом для областной школы по своей культурной мощи является г. Воронеж» [29. — Л. 152].

В сентябре 1925 г. вопрос об открытии новых областных школ был рассмотрен на заседании Совета народных комиссаров РСФСР [35, л. 52], после чего приказом ЦАУ № 149, подписанным 17 сентября 1925 г. врид начальника ЦАУ НКВД — начальника милиции Республики Зайцевым, было объявлено о создании с 1925/26 бюджетного года при народном комиссариате внутренних дел лишь трех госбюджетных областных школ младшего комсостава милиции: 1-й — в Свердловске, 2-й — в Саратове и 3-й — в Воронеже. Приказом объявлялись Положение об областных школах младшего комсостава и их штаты [29. — Л. 74], а также разверстка курсантов, учебные планы и другие документы. В Положении, утвержденном 31 августа 1925 г. заместителем наркома внутренних дел М. Ф. Болдыревым, указывалась цель создания образовательных организаций: подготовка «как в специальном, так и в общеобразовательном отношении работников милиции для замещения должностей: участковых надзирателей, помощников начальников волостной милиции, старших

милиционеров, а также агентов уголовного розыска I и II разрядов» [29. — Л. 78]. Школы определялись «состоящими при НКВД» и находились в непосредственном ведении ЦАУ.

Выбор территориального размещения областных школ младшего комсостава был осуществлен в ходе рассмотрения всех доводов «за» и «против». Так, в докладной записке начальнику отдела милиции, направленной в августе 1925 г. заведующим подотделом службы и подготовки Померанцевым, говорилось о трех областных школах, в Воронеже, Саратове и Смоленске, и указывалось на то, что из «обслуживания» выпадает Север РСФСР [29. — Л. 93].

23 сентября 1925 г. заместителем наркома внутренних дел М. Ф. Болдыревым был подписан циркуляр НКВД № 587, в котором наряду с сообщением об открытии областных школ фиксировались конкретные территориальные зоны, обслуживаемые ими [29. — Л. 90]. Новые образовательные организации должны были осуществлять подготовку курсантов от 25 республиканских, губернских и областных адмотделов, т. е. примерно 30% всего состава РКМ РСФСР [36. — С. 82]. Наибольшее их количество должна была обслуживать 3-я Воронежская школа (табл. 2).

Следует отметить, что из регионов, включенных в сферы обслуживания создаваемых областных школ, только в четырех в предшествующий период не открывались курсы или школы младшего комсостава милиции (табл. 3).

Таблица 2 [29. — Л. 90]

Распределение адмотделов субъектов РСФСР, обслуживаемых областными школами младшего комсостава милиции в 1925/26 бюджетном году

№ областной школы	Обслуживаемые субъекты РСФСР
1-я Свердловская	6 — Уральская область, Вятская губерния, Вотская, Марийская, Чувашская автономные области, Башкирская АССР
2-я Саратовская	9 — Астраханская, Самарская, Саратовская, Смоленская, Сталинградская, Оренбургская, Ульяновская губернии, Калмыцкая автономная область, АССР немцев Поволжья
3-я Воронежская	10 — Брянская, Воронежская, Гомельская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Тульская, Тамбовская губернии, Карельская АССР

Таблица 3 [16. — Л. 252—252 об.]

**Курсы (школы) младшего комсостава милиции в регионах обслуживания
1-й, 2-й и 3-й школами младшего комсостава милиции в 1921–1922 гг.
(по состоянию на сентябрь 1922 г.)**

Регион	Дата открытия	Колич. выпусков	Количество выпускников	Количество обучающихся на 09.1922
1-я Свердловская школа комсостава милиции				
Вятская губерния	01.08.21	3	152	-
Екатеринбургская губерния	25.07.21	2	93	-
Пермская губерния	08.03.21	1	30	25
Тюменская губерния	не были открыты			
Челябинская губерния	08.11.21			84
Вотская АО	01.06.22	-	-	40
Марийская АО	01.08.21	1	27	37
Чувашская АО	05.10.21	1	56	55
Башкирская АССР	06.09.21	1	-	45
2-я Саратовская школа комсостава милиции				
Астраханская губерния	24.10.21	1	71	53
Оренбургская губерния	не были открыты			
Самарская губерния	01.03.22	1	22	-
Саратовская губерния	01.07.21	3	74	65
Симбирская губерния	01.06.21	1	47	45
Смоленская губерния	16.07.21	1	34	52
Царицынская губерния	07.10.21		нет сведений	
Калмыцкая АО	не были открыты			
АО немцев Поволжья	не были открыты			
3-я Воронежская школа комсостава милиции				
Брянская губерния	01.05.21	2	52	21
Воронежская губерния	19.07.21	1	39	36
Гомельская губерния	01.04.21	1	95	-
Курская губерния	01.08.21	1	75	43
Орловская губерния	01.06.21	4	131	30
Пензенская губерния	25.03.21	4	209	91
Рязанская губерния	01.09.21	1	57	52
Тамбовская губерния	01.02.22	-	-	40
Тульская губерния	01.08.19	8	400	43

Необходимо отметить, что перед началом процесса формирования областных школ младшего комсостава в трех вышеуказанных городах только в Воронеже отсутствовала восьмимесячная губернская школа. В Свердловске и Саратове работа в этом направлении была налажена. Так, школа Уральской области, переформатированная из Свердловской губернской школы милиции, с 13 человек постоянного состава в штате, к примеру, в октябре 1924 г. осуществила первый выпуск (45 человек) и продол-

жала обучение на основе учебного плана, утвержденного приказом ЦАУ № 42/с [37. — Л. 19]. Последний седьмой выпуск (считая выпускников Свердловской губернской школы) пришелся на 1924/1925 учебный год [37. — Л. 26].

В циркуляре НКВД № 587 также указывалось, что «принимая во внимание маломощность местного бюджета Совет Народных Комиссаров, идя навстречу нуждам и потребностям мест в квалифицированном милицейском составе, взял на себя полностью содержание

вышеуказанных 3-х областных школ, за исключением арендной платы за помещение и организационных расходов по первоначальному оборудованию школ» [29. — Л. 90].

Важным представляется указать, что, с одной стороны, нормативное определение даты создания (к 1 ноября 1925 г.) не следует путать с фактическим открытием школ; с другой — между назначением первых должностных лиц из постоянного состава, подбором места расположения, обустройством помещений и реальным началом полноценного функционирования школы с ведением учебных занятий могло пройти достаточно много времени. Так в реальности и случилось, только Воронежская школа была организована практически в полном соответствии с нормативно определенным графиком.

В сообщении в ЦАУ Воронежского губисполкома от 7 октября 1925 г., подписанном начальником адмтдела Я. Т. Плаксиным, докладывалось, что в организуемой в городе школе «подготовительные работы по оборудованию помещения и снабжения его инвентарем начались с 20 сентября с/г. К 20 октября помещение будет в окончательном виде отремонтировано и подготовлено для приема учащихся» [29. — Л. 96]. Одновременно с этим начались работы по первоначальному методическому обеспечению образовательного процесса — составление расписания и распорядка дня, разработка перечня необходимых учебных и наглядных пособий, подготовка плана по оборудованию «естественно-анатомического кабинета». Плаксин просил разрешить абитуриентам для исключения «бесцельной» поездки в Воронеж сдавать предварительные вступительные испытания у себя в губернии.

Руководство Воронежской губернии заняло принципиальную позицию по вопросу назначения первого начальника школы. 12 сентября 1925 г. врид начальника ЦАУ Зайцевым было подготовлено предписание на имя начальника адмтдела Воронежского губисполкома о том, что «назначенному на должность начальника п/отдела милиции адмтдела Воронежского губисполкома т. Фернебок Илье Исаевичу поручается организация в г. Воронеже областной милицейской школы» [31. — Л. 4]. Такая же информация содержалась и в распоряжении врид начальника ЦАУ, подготовленном в тот же день на имя И. И. Фернебока [31. — Л. 4]. В выписанном И. И. Фернебоку удостоверении уточнялось, что «на него возлагается под его личную ответственность организация областной школы младшего состава милиции в г. Воронеже и ему поручается вести по данному вопросу переговоры со всеми советскими общественными и партийными

органами и организациями. Действительно по 1 января 1926 г.» [31. — Л. 5]. Однако, как это следовало из рапорта Фернебока начальнику отдела милиции ЦАУ от 20 сентября, начальник адмтдела Я. Т. Плаксин к исполнению его обязанностей не допустил, «заявляя, что ЦАУ с ним не согласовало». В результате, «не имея средств возвратиться в Москву, по предложению губпрокурора», Фернебок согласился на должность его помощника с условием, что он будет участвовать в организации школы [29. — Л. 99]. 26 сентября 1925 г. Зайцев направил телеграмму начальнику адмтдела Воронежского губисполкома, в которой возложил на него функции по созданию школы [29. — Л. 298]. Что касается И. И. Фернебока, то он в дальнейшем продолжил работу в Воронежской школе милиции в качестве преподавателя.

Приказом адмтдела Воронежского губисполкома от 14 октября 1925 г. № 4, временно исполняющим должность начальника школы был назначен Александр Павлович Драчев, возглавлявший первые воронежские милицейские курсы в 1920 г., опытный административный работник, руководивший вначале уездной, затем губернской милицией на различных должностях с момента ее создания в Воронежском регионе [38. — С. 152—160, 207—298]. Этим же приказом были назначены начальник учебно-строевой части (Павел Валерианович Рождественский), заведующий строевым и милицейским обучением (командир батальона в запасе Митрофан Герасимович Артемов), его помощник (командир роты в запасе Николай Виноградов). Соответствующими приказами адмтдела от 17 октября также были назначены младший и старший делопроизводители, уборщик помещений школы. Этот первый постоянный кадровый состав 3-й Воронежской школы младшего состава милиции был объявлен приказом от 15 октября 1925 г. № 1 по школе [39. — Л. 16—16 об.].

3-я школа младшего состава милиции (ЦАУ) была размещена в Воронеже по адресу: проспект Революции, 45. В первых числах октября 1925 г. началась работа по оборудованию предоставленных помещений — ремонт, электрификация, оснащение мебелью и инвентарем классов, общежития, кухни, цейхгауза; приобретение и размещение в учебных кабинетах наглядных методических материалов [39. — Л. 246—247]. Данная работа завершилась в течение одного месяца после открытия школы. В справке, подготовленной ведущим сотрудником ЦАУ В. Постниковым 9 марта 1926 г., помещение школы характеризовалось как «вполне достаточное, светлое, чистое, общежитие оборудовано» [39. — Л. 139 об.].

В 20-х числах октября 1925 г. исполкомы губерний, обслуживаемых Воронежской школой, начали командировать милиционеров для поступления [29. — Л. 187, 188, 190], к обозначенному в приказе ЦАУ от 17 сентября 1925 г. № 149 сроку в целом первый набор курсантов был осуществлен. Один из первых докладов начальника школы А. П. Драчева о ее состоянии с 1 октября 1925 по 1 января 1926 г. (окончание комплектования школы) содержал сведения о количестве курсантов. Всего в образовательной организации обучалось 177 человек — 167 милиционеров и 10 сотрудников уголовного розыска. В нем также указывалось, что установленная нормативными документами ЦАУ разверстка не была выполнена всеми регионами, обслуживаемыми школой, за исключением Воронежской, Тамбовской и Гомельской губерний [39. — Л. 9]. В итоге семь курсантских мест в начале 1926 г. оставались вакантными. Занятия начались со 2 ноября 1925 г. [39. — Л. 17] Воронежская школа представляла собой в строевом отношении батальон из двух рот, состоявших из двух взводов, по четыре отделения в каждом. В учебном отношении взвод являлся классом [39. — Л. 247].

Обследования Воронежской школы работниками центрального аппарата в первые месяцы после ее открытия показали в целом благоприятную картину начала функционирования образовательной организации. Инспектировавший в начале декабря 1925 г. школу сотрудник ЦАУ Зайцев докладывал: «...Школа к 3-му ноября сего года окончательно перешла от организационной работы к нормальной и планомерной учебно-воспитательной деятельности при наличии... материальной базы, необходимой к обеспечению здоровой обстановки вышеуказанной школьной работы, причем ни один губисполком, кроме Воронежского не ассигновал до сих пор суммы, кои ложатся на последних» [31. — Л. 35], «...школа смогла, не упуская ни одного учебного дня текущего года, приступить к деловой и нормальной учебно-воспитательной работе» [31. — Л. 37 об.].

В заключении консультанта подотдела службы Отдела милиции ЦАУ В. Постникова от 19 января 1926 г. по докладу начальника Воронежской школы А. П. Драчева о ее состоянии на 1 октября 1925 г. было указано: «Организационная работа школы была проделана большая; в частности много было уделено внимания на улучшение материального положения курсантов. Взаимоотношения с партийными, советскими органами и органами НКП налажены; с их стороны замечается заинтересованность школой... Учебная воспитательная часть поставлена удовлетворительно и имеется полная уверенность в том, что

школа оправдает возложенные на нее задачи» [39. — Л. 4-4 об.].

Несколько омрачило налаживание работы Воронежской школы событие, произошедшее ранней весной 1925 г. 9 марта 1926 г. народным следователем 2-го участка г. Воронежа Тишкевичем было вынесено постановление по делу № 46 об отстранении А. П. Драчева от должности в связи с привлечением его в качестве обвиняемого по ст. 108 ч. 1 и ст. 116 Уголовного кодекса, так как «дальнейшее пребывание его на службе в означенной должности может иметь влияние на ход следствия и ... по роду совершенного им преступления пребывание его в этой должности невозможно» [40. — Л. 6 об.].

Командированный в Воронеж и Саратов начальник Отдела милиции ЦАУ И. Ф. Киселев доложил после возвращения 29 марта 1926 г. о том, что начальник школы Драчев отстранен им от занимаемой должности, а на его место временно (с 16 по 29 марта 1926 г.) назначен «политком» (политический комиссар. — Авт.) школы Яков Трофимович Плаксин [41. — Л. 17]. Киселев также сообщил в рапорте о том, что на должность начальника школы рекомендован Косарев [41. — Л. 1], исполнявший впоследствии эти полномочия сначала на временной [42. — Л. 48], а потом и на постоянной основе.

Василию Григорьевичу Косареву, ранее занимавшему должность начальника милиции Воронежского уезда, выходцу из крестьянской семьи, в 1926 г. исполнилось всего 28 лет, он имел, согласно анкете, «низшее образование», но зато являлся членом РКП(б) с 1918 г. и имел 9-летний стаж службы в РКМ [43. — Л. 157]. С ним связано окончательное становление 3-й Воронежской школы младшего комсостава милиции. Свой пост он занимал вплоть до ее коренной реорганизации в 1928 г.

Что касается А. П. Драчева, внесшего большой вклад в открытие воронежской милицейской школы, то обвинения с него были сняты, он продолжил работу в милиции, был назначен инспектором Воронежского губадмтдела, долгое время оставался преподавателем в той же образовательной организации, плодотворно занимаясь методической работой.

Скорой организации 2-й Саратовской школы младшего комсостава милиции препятствовали финансовые и административные затруднения. Так, при рассмотрении вопроса о ее открытии начальнику ЦАУ еще 27 июля 1925 г. начальником милиции Автономной Социалистической Советской Республики немцев Поволжья (АССР НП) Ливенштерном было направлено письмо, в котором подчеркивалось,

что в планируемой образовательной организации «желательно иметь специально немецкое отделение для курсантов немецкой национальности из АССРНП» [29. — Л. 37]. Таким образом, по мнению руководства милиции этой автономной республики, на вновь создаваемую областную школу должно было распространить свое действие постановление СНК от 20 июля 1925 г. об открытии немецкого отделения в Саратовской губернской школе младшего состава [44. Л. 10]. Сходная ситуация была с будущими курсантами калмыцкой национальности. Справедливости ради при этом надо заметить, что сложности с обучением курсантов нерусских национальностей возникали не только в Саратове, но и в Свердловской школе, куда на учебу отправлялись милиционеры из Башкирской, Марийской и Чувашской национальных автономий.

В Саратовский губисполком 16 сентября 1925 г. была направлена телеграмма, подписанная врид начальника ЦАУ Зайцевым, в которой была определена дата открытия 2-й школы — 1 октября [29. — Л. 73]. Однако только 17 октября 1925 г. Президиум местного губисполкома принял решение «признать целесообразным открытие в гор. Саратове областной школы младшего комсостава милиции». Расходы по хозяйственному обслуживанию, ремонту и оборудованию помещения местные власти брали на себя «в долевой части пропорционально количеству милиционеров, посланных для обучения Саратовской губернией» [29. — Л. 103]. Под школу планировалось отдать здание бывшей Митрофаньевской гостиницы. Оказание помощи в его передаче, равно как и представление первого начальника школы Петра Ивановича Ланщикова, было возложено на помощника заведующего адматделом ЦАУ Влащенко, отправленного в Саратов в командировку 13 октября 1925 г. [29. — Л. 102].

Первый начальник школы через месяц после открытия школы характеризовался центральным руководством как «старый милицкий работник, занимающий в рядах милиции ответственные должности, пользующийся доверием среди местных организаций, энергичный, выдержанный и обладающий организаторскими способностями, отзывы со стороны сотрудников и курсантов хорошие, но отсутствует у последнего выдержанность административной линии» [45. — Л. 36]. П. И. Ланщиков возглавлял Саратовскую школу до 1927 г.

Комиссия административно-судебной секции Саратовского городского Совета, обследовавшая школу вскоре после ее открытия, сделала заклю-

чение: «Школа размещена в доме по ул. Мясницкой угол ул. Цыганской... Школа размещена тесно... имеется 4 класса, маленькие, тесные (4 класса оборудованы из одной большой комнаты). Учебные кабинеты отсутствуют. Плохо размещена столовая, помещение запущенное, сырое. В нижнем этаже помещается мыловаренный завод частного предпринимателя, откуда идет сильное зловоние. Во втором этаже помещаются частные жильцы, которые занимают 4 комнаты. Двор очень маленький, на нем нельзя разместить обоза и хозяйственных служб школы, но он не безопасен и в пожарном отношении...» [46. — С. 14]. Ситуация с оборудованием здания длительное время оставалась плачевной — до весны 1926 г. так и не были отремонтированы основные помещения школы [47. — Л. 2 об.].

12 ноября 1925 г. курсанты Саратовской школы приняли участие в городском параде, посвященном 8-летию рабоче-крестьянской милиции. Однако в докладе о первом обследовании образовательной организации, осуществленном с 28 ноября по 5 декабря 1925 г. инспектором ЦАУ Зайцевым, подчеркивался лишь «организующийся» ее характер и указывались многочисленные причины задержки и неисполнения приказа ЦАУ НКВД от 17 сентября 1925 г. № 149 об открытии школы к 1 ноября 1925 г.: наличие в городе квартирного кризиса; неотпуск предполагаемых средств губисполкомами, командирующими курсантов; несвоевременное прибытие обучающихся и др. Как результат — «ненормальность классных занятий и уклада внутренней жизни школы», что выразилось в «отсутствии классных помещений, оборудованности их..., а также полного наличия курсантов» [44. — Л. 35].

В итоге торжественное открытие 2-й Саратовской школы младшего комсостава милиции состоялось только 13 декабря 1925 г., о чем в ЦАУ НКВД была отправлена приветственная телеграмма [44. — Л. 102]. Однако полное укомплектование школы, «принявшее весьма затяжной характер по причинам невыполнения разверстки, данной ЦАУ НКВД, разновременного командирования кандидатов, командирования неподготовленных совершенно к прохождению курса, больных и имеющих физические недостатки», закончилось только к 20 января 1926 г. Таким образом, первый набор составил 175 курсантов (166 милиционеров и 9 сотрудников уголовного розыска). До конца апреля 1926 г. выбыло 18 человек: по болезни (4), «малоуспешности после зачетов» (10), а также за неоднократные нарушения дисциплины и внутреннего распорядка (4) [47. — Л. 2].

Позднее всех открылась 1-я Свердловская школа младшего комсостава милиции. 8 октября 1925 г. начальник Уральского облдмотдела Старков в телеграмме в ЦАУ сообщил, что к обустройству школы «приступлено» [48. — Л. 2]. Городской исполнительный комитет Советов выделил вновь созданной образовательной организации комплекс зданий на улице Архиерейской, д. 9, переименованной в ул. Детский городок, д. 11, который до революции 1917 г. принадлежал архиерею Екатеринбургскому и Верхнетурскому [49. — Л. 311]. Правда, на данное сооружение претендовала физиатрическая лечебница, но его оставили за школой [48. — Л. 12]. Помещения школы не были приспособлены для занятий: классные комнаты (бывшие монастырские кельи) были небольшими, поэтому курсанты во время учебы располагались в тесноте; здание не было электрифицировано, маленькие окна не пропускали достаточно дневного света, поэтому комнаты по причине дороговизны керосина освещались запасами церковных свечей [50. — С. 21—22]. Внутренний ремонт был закончен частично к 25 ноября 1925 г., а наружный продолжался практически весь учебный год [48. — Л. 21].

С самого начала Свердловская школа столкнулась с серьезными сложностями не только в финансировании, но и в комплектовании, особенно курсантами из Башкирии, о чем начальник неоднократно докладывал рапортами в ЦАУ [48. — Л. 18—21]. Первый набор курсантов в количестве 118 человек был закончен только 20 декабря 1925 г. [49. — Л. 311].

Обращает на себя внимание тот факт, что руководство школы, как это свидетельствует из официальных докладов в ЦАУ, считало ее открытой с 1 апреля 1922 г., когда она «находилась в непосредственном распоряжении и ведении Екатеринбургской губернской милиции, имея губернское значение... С момента районирования Урала школа приобретает областное значение...»

[51. — Л. 78]. В немалой степени этому способствовал тот факт, что начальником 1-й Свердловской областной школы младшего комсостава ГАУ был назначен руководитель ликвидированной губернской/областной восьмимесячной школы Эмиль Михайлович Чопп, именем которого названа улица в г. Челябинске, — уроженец Сербии, участник Первой мировой и Гражданской войн, затем назначенный начальником адмтдела исполкома Челябинского округа Уральской области, руководившим местной милицией и уголовным розыском [52]. Чопп возглавлял Свердловскую областную школу до начала 1927 г., передав ее назначенному на эту должность Иосифу Абрамовичу Фрейману [51. — Л. 65].

Самой главной проблемой в первоначальном обустройстве вновь открытых областных школ вплоть до окончания первого 1925/26 учебного года, безусловно, было их материальное оснащение, прежде всего снабжение курсантов форменной одеждой и предметами повседневной необходимости, обеспечение учебными и наглядными пособиями, своевременная поставка продовольствия и топлива, а также приобретение для учебных целей оружия. Обо всем этом свидетельствует, к примеру, обширная переписка Саратовской школы с ЦАУ, посвященная вопросам финансирования и снабжения практически по всем аспектам организации и функционирования образовательной организации [45].

В целом в момент открытия школ приказы их начальников вплоть до прибытия первого набора курсантов были посвящены основным организационным мероприятиям, что достаточно наглядно демонстрируют документы воронежской образовательной организации, несмотря на некоторую их специфичность по причинам скорее субъективного характера, связанным с особенностями личности ее первого начальника (профессиональный интерес А. П. Драчева к вопросам учебно-методической и воспитательной работы) (табл. 4).

Таблица 4 [39. — Л. 16—26 об., 86—94]

Содержание некоторых приказов начальника 3-й Воронежской школы младшего комсостава с 15 октября по 25 ноября 1925 г.

№ приказа	Дата	Краткое содержание
1	15.10	Объявление о назначениях первого постоянного состава школы
2	27.10	Требования к распределению курсантов по двум ротам
3	02.11	Объявление распорядка дня. Инструкция для учащихся. О внутреннем порядке в общежитии школы. Зачисление командированных из губерний милиционеров на провиантское, приварочное и денежное довольствие. Применение методов обучения в образовательном процессе.
4	05.11	Принципы осуществления учебно-воспитательной работы.
5	15.11	Об усилении дисциплины среди курсантов.
6	17.11	Текущие вопросы по личному составу.
7	19.11	Получение оружия и снаряжения

№ приказа	Дата	Краткое содержание
8	20.11	Текущие вопросы по личному составу.
9	23.11	Объявление взыскания курсанту 1 взвода 1 роты Семенову за дисциплинарное нарушение — арест на 5 суток с отбыванием наказания на гауптвахте при Губрозьиске. Текущие вопросы по личному составу.
10	24.11	Хозяйственные вопросы
11	25.11	Оборудование естественно-анатомического, физико-химического, естественно-научного, военного кабинетов, географического класса. Методы преподавания.

Со временем, после создания внутришкольного нормативного базиса, содержание приказов во всех трех образовательных организациях касалось преимущественно текущих вопросов по постоянному и переменному составу: наряды, увольнения, перемещения по службе, списки прибывших и исключенных курсантов, разрешение проживания на частных квартирах, объявление поощрений и взысканий и т. п.

Обращает на себя внимание стремление руководства школ к созданию внутреннего комплекса регламентирующих поведение курсанта предписаний. Так, приказом от 31 марта 1926 г. № 98 по Воронежской школе вводились в действие Положение о службе и Положение «вне службы», а также распорядок выходных и праздничных дней, определяющих права и обязанности курсантов [39. — Л. 198—198 об.]. В Саратовской школе в первые полгода существования были разработаны и внедрены Временные инструкции внутреннего распорядка, Инструкции преподавателям, старшим по классным отделениям, дежурным по классам, лицам суточного наряда [47. — Л. 3]. Все эти документы препровождались в Отдел милиции ЦАУ в качестве приложений к соответствующим приказам по школам.

В целом необходимо констатировать, что копии первых документов 3-й Воронежской школы были наиболее информативны, разнообразны по содержанию, посвящены практически всем аспектам внутришкольной жизни. В свою очередь, отличительной особенностью саратовских приказов являлась строгость и лаконичность формулировок, а также унифицированные печатные шаблоны для заполнения. Это свидетельствовало о довольно высоком уровне культуры делопроизводства в данных образовательных организациях. Пожалуй, наиболее краткими, зачастую схематичными, были официальные материалы Свердловской школы.

Важной организационной составляющей открытия школ являлась т. н. «обработка» откомандированных в школу курсантов: медицинский осмотр; производство испытаний в специально создаваемых комиссиях по русскому языку, географии, арифметике, правовым и милицейским

предметам и политграмоте; экспертиза мандатной комиссии и определение списков переменного состава набора школы [39. — Л. 247].

Контингент преподавателей для работы в областных школах формировался преимущественно по одной схеме, с небольшими отступлениями. Примером может служить Саратовская образовательная организация, в которой для ведения общественно-политических занятий приглашались преподаватели местных коммунистических университетов, рабфаков и школ II ступени; правовых дисциплин — помощники губернского прокурора и начальник учебно-строевой части; специальных милицейских предметов — начальники школы, учебно-строевой и административно-хозяйственной части, а также один из командиров учебных рот [47. — Л. 2]. В Воронежской школе все преподаватели по общеобразовательным, правовым дисциплинам и политграмоте имели высшее образование, причем 11 лекторов из 17 имели педагогический стаж 10 и более лет [31. — Л. 27—27 об.].

Во всех трех школах к весне 1926 г. учебно-воспитательную работу в целом удалось привести в соответствие с нормативными установлениями и методическими рекомендациями ЦАУ. На первых заседаниях учебного бюро, школьных и педагогических советов, а также предметных секций обсуждались и принимались учебные (производственные) планы, рабочие программы и тематические планы предметов [45. — Л. 199, 206 и др.], определялись параметры практики курсантов в территориальных органах милиции, разрабатывались программы учебных экскурсий и кружков, формировались методические указания по принятию сессионных зачетов и экзаменов [45. — Л. 17—19] и т. д. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех мероприятиях непосредственное участие принимали начальники школ и заведующие учебной частью, которые довольно активно занимались также и контролем за качеством преподавания, что выражалось подчас в принятии жестких административных решений. Так, в частности, «как несоответствующие... своему предназначению» от преподавания военных предметов в начале 1926 г.

были отстранены некоторые преподаватели в Саратовской школе [47. — Л. 2 об.].

Особой спецификой образовательного процесса обладали Саратовская и Свердловская школы в силу наличия в них, как уже указывалось выше, курсантов из национальностей. Налаживание учебно-воспитательной работы с ними руководство Саратовской школы видело в организации «особого подготовительного отделения» [47. — Л. 2 об.].

Основной организационной официальной внеучебной формой взаимодействия переменного состава, его вовлечения в управление школой, реализации инициативы являлись общие собрания, посвященные насущным вопросам курсантской жизни. Зачастую на них рассматривались и принимались важные постановления. Так, в частности, 5 июня 1926 г. на общем собрании курсантов 3-й Воронежской школы нарком внутренних дел А. Г. Белобородов и начальник ЦАУ НКВД П. К. Сергиевский были избраны почетными курсантами образовательной организации, что было закреплено приказом начальника ЦАУ НКВД — начальника милиции Республики от 26 июня 1926 г. № 103 [39. — Л. 285].

К сожалению, начало работы областных школ младшего комсостава ГАУ не обходилось без проблем, связанных с поведением первых курсантов, моральный и образовательный уровень которых не всегда соответствовал безусловно повышенным для командного состава милиции требованиям. Достаточно частыми были на первых порах дисциплинарные взыскания в форме арестов, выговоров и замечаний. В частности, первое серьезное взыскание в Воронежской школе (арест на 5 суток) было объявлено уже через три недели после прибытия первого набора курсантов и начала занятий [39. — Л. 87]. Случались и обвинения некоторых курсантов в совершении уголовных преступлений, как, например, в Саратовской школе (хулиганство) [45. — Л. 176—176 об.].

Принципиальным новшеством в процессе создания областных школ стало резкое усиление централизации руководства образовательными организациями РКМ в системе НКВД РСФСР и контроля за ними. Только начальником Отдела милиции ЦАУ в 1925 — начале 1926 г. было проведено 8 выездов для обследования работы школ [44. — Л. 35—39], в результате которых принимались соответствующие меры к устранению замеченных недочетов. Регулярно проводились самообследования, проверки школ со стороны местных партийных и советских органов, включая ревизионные структуры [51. — Л. 486].

В ЦАУ из школ готовились как минимум квартальные подробные доклады [39. — Л. 205—

212 об.], причем Саратовская школа представляла свои первые доклады в секретной форме, что вызвало негативную реакцию республиканского руководства милицией [45. — Л. 5]. Обобщенная информация о деятельности школ содержалась в полугодовых докладах их начальников, первые из которых начали оформляться весной 1926 г. и включали в себя установленные ЦАУ шаблонные разделы: личный состав, организационная работа, учебная, хозяйственно-материальная, медико-санитарная части, а также общий вывод [39. — Л. 246—254]. Копии практически всех приказов по школам [39. — Л. 229], а также протоколов заседаний педсоветов, методических материалов предметных секций первые пять лет существования образовательных организаций неукоснительно представлялись в подраздел службы отдела милиции ЦАУ, где они подвергались тщательной экспертизе, сопровождалась комментариями, замечаниями и итоговым заключением [39. — Л. 4—6; 44. — Л. 99—99 об.; 45. — Л. 5—8].

На рубеже 1926—1927 гг. школьно-курсовая сеть РКМ РСФСР уже насчитывала 5 школ среднего начсостава милиции (2 — на местном бюджете), 9 школ младшего начсостава милиции (6 — на местном бюджете), 20 школ-резервов и 10 краткосрочных курсов [53. — Л. 34]. 5 ноября 1927 г. в Новосибирске была открыта 4-я школа младшего начсостава милиции, которая в 1930 г. была переведена в Горький.

Оценка обновленной системы содержалась в приказе ЦАУ НКВД РСФСР от 11 декабря 1925 г. № 200: «Школы среднего и младшего комсостава милиции имеют громадное значение в деле комплектования рядов милиции квалифицированными работниками, которым предстоит деятельность в обстановке наиболее близкого соприкосновения с населением. Кроме того, эти работники являются ближайшими руководителями низших милицейских работников» [54. — Л. 579—580].

Судьба трех областных образовательных организаций младшего комсостава милиции, созданных сто лет назад, не оставила им прямых правопреемников. Раньше других, летом 1942 г., была ликвидирована школа, располагавшаяся в подвергнувшемся нападению немецко-фашистских захватчиков Воронеже. Весь ее переменный состав отправился на фронты Великой Отечественной войны или выполнять служебные функции в другие регионы страны, в том числе и в блокадный Ленинград. Ее последний начальник, Владимир Васильевич Федюков, с 1942 по 1944 г. возглавлял Саратовскую школу [55. — Л. 83].

Свердловская школа после всех реорганизаций правоохранительных структур в послевоенный период в 1954 г. прекратила подготовку милицейских

кадров и была преобразована в отдельную войсковую часть № 1220 — Свердловскую школу № 304 КГБ СССР при Совете Министров СССР, осуществлявшую обучение оперуполномоченных для прохождения службы в органах государственной безопасности до 1961 г. [50. — Л. 83].

Дольше всех существовала школа в Саратове, с февраля 1998 г. называвшаяся Саратовским юридическим институтом. Эта образовательная организация была ликвидирована 12 января 2012 г. в ходе реорганизации системы профессиональной подготовки полицейских кадров. Ее переменный состав для окончания учебы был распределен в другие образовательные организации МВД Рос-

сии, в том числе и в современный Воронежский институт МВД России.

Несмотря на это, высокая значимость областных школ младшего состава советской милиции остается неоспоримой. Эти образовательные организации скрепили систему профессиональной подготовки милиционеров, оказались жизнеспособными и подверженными адекватному реагированию на объективные вызовы менявшейся общественно-политической обстановки и внутриведомственные трансформации, сформировали прочный организационный и методический фундамент для современных университетов, академий и институтов МВД России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахов П. Школьная подготовка милиции // Рабоче-крестьянская милиция. — 1922. — № 1. — С. 27—29.

2. Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция) : постановление Народных Комиссариатов по Внутренним делам и Юстиции от 12 октября 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. — М., 1942. — С. 1032—1044.

3. Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции : декрет Совета народных комиссаров от 3 апреля 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. / Управление делами Совнаркома СССР. — М., 1943. — С. 187—194.

4. О Советской рабоче-крестьянской милиции : положение, утвержденное Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и Совета Народных Комиссаров от 10 июня 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. / Управление делами Совнаркома СССР. — М., 1943. — С. 550—569.

5. Собрание узаконений РСФСР. — 1925. — № 68. — Ст. 539.

6. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 б.

7. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 44. — Д. 20.

8. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX — начале XX века : монография. — Воронеж, 2018. — 685 с.

9. Ситников К. А. Уездная полицейская стража Российской империи в 1903—1917 гг. (на примере Воронежской губернии). — М., 2024. — 288 с.

10. Шамаров В. М. Государственная служба в милиции НКВД РСФСР : становление и развитие

правовых и организационных основ : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1999. — 363 с.

11. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Организация подготовки сотрудников воронежской губернской рабоче-крестьянской милиции в 1919—1922 гг. // Вестник Воронежского института МВД России. — 2017. — № 4. — С. 9—19.

12. ГАВО. — Ф. 736. — Оп. (8)9. — Д. 1.

13. ГАСО. — Ф. 9-р. — Оп. 1. — Д. 115.

14. Саратовская губернская милиция (октябрь 1917—май 1928) : документы и материалы / сост. А. В. Афанасьев. — Саратов, 2002. — 432 с.

15. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 330 а.

16. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 31. — Д. 334 а.

17. ГАСО. — Ф. 383. — Оп. 1. — Д. 269.

18. ГАРФ. — Ф. Р 393. — Оп. 23 А. — Д. 50.

19. ГАВО. — Ф. Р 38. — Оп. 1. — Д. 3.

20. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 37. — Д. 13.

21. Постников В. Основные предпосылки к организации областных школ милиции (В дискуссионном порядке) // Административный вестник. — 1925. — № 2. — С. 49—54.

22. ГАРФ. — Ф. Р 393. — Оп. 31. — Д. 328.

23. Бюллетень Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). — 1921. — № 8. — С. 36—47.

24. Учеба милиции в прошлом и настоящем // Рабоче-крестьянская милиция. — 1924. — № 11. — С. 13—15.

25. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Некоторые вопросы организации профессиональной подготовки работников волостной милиции во второй половине 1920-х гг. // Вестник Воронежского института МВД России. — 2021. — № 4. — С. 9—24.

26. Школы начсостава рабоче-крестьянской милиции и УГРО : справочник для командирую-

щих организаций и для поступающих в школы / сост. И. Ю. Цветопольский и В. Г. Постников. — М., 1927. — 57 с.

27. Кожевина М. А. Милицейское образование в Советской России : организация и правовое регулирование : 1918—1991 гг. : дис... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — 387 с.

28. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 25.

29. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 58. — Д. 28.

30. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 7.

31. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 64.

32. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 152.

33. Пашин Н. Орловская школа дала четыре выпуска // Административный вестник. — 1925. — № 7. — С. 53—55.

34. Как работала учебная часть Тамбовской губернской милицейской школы младшего состава // Рабоче-крестьянская милиция. — 1924. — № 7-8. — С. 28—29.

35. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 72. — Д. 40.

36. Постников В. Подготовка работников милиции за 1925 г. // Административный вестник. — 1925. — № 11. — С. 80—82.

37. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 170.

38. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Образовательные организации системы МВД / НКВД в Воронежском регионе (1888—1942 гг.) : монография. — Воронеж, 2017. — 382 с.

39. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 58. — Д. 57.

40. ГАВО. — Ф. Р-38. — Оп. 2. — Д. 1097.

41. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 58. — Д. 48.

42. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 51. — Д. 6.

43. ГАВО. — Ф. Р-5. — Оп. 2 доп. — Д. 13.

44. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 58. — Д. 73 б.

45. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 58. — Д. 73 а.

46. Гольдман В. С., Богомолов Г. А. Школа милиции в Саратове. — Саратов, 1977. — 127 с.

47. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 80.

48. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 58. — Д. 75.

49. Шведов В. В. Становление Свердловской областной школы милиции (1925—1933 гг.) // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации : сб. науч. ст. — Екатеринбург, 2006. — С. 298—311.

50. Скипский Г. А., Гребенщикова И. В., Павленков Р. В. История становления системы учебных заведений органов внутренних дел на Урале : монография. — Екатеринбург, 2024. — 100 с.

51. ГАРФ. — Ф. Р-393. — Оп. 65. — Д. 78.

52. Чопп Эмилий Михайлович. — URL: <https://chel-portal.ru> (дата обращения: 20.08.2025).

53. Киселёв И. Ф. 10 лет Рабоче-Крестьянской Милиции // Административный вестник. — 1927. — № 10-11. — С. 36—39.

54. Систематический сборник действующих распоряжений по милиции. — М., 1926. — С. 579—580.

55. Третья школа младшего комсостава рабоче-крестьянской милиции в системе образовательных организаций НКВД РСФСР : монография / А. П. Нахимов, А. В. Кирнос, В. А. Колесников, А. В. Артемченко — Воронеж, 2019. — 209 с.

REFERENCES

1. Astaxov P. Shkol'naya podgotovka milicii // Raboche-krest'yanskaya miliciya. — 1922. — № 1. — S. 27—29.

2. Ob organizacii Sovetskoj Raboche-Krest'yanskoj Milicii (Instrukciya) : postanovlenie Narodny`x Komissariatov po Vnutrennim Delam i Yusticii ot 12 oktyabrya 1918 g. // Sobranie zakonij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917—1918 gg. / Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. — M., 1942. — S. 1032—1044.

3. Ob organizacii Sovetskoj Raboche-Krest'yanskoj Milicii : dekret Soveta narodny`x komissarov ot 3 aprelya 1919 g. // Sobranie zakonij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1919 g. / Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. — M., 1943. — S. 187—194.

4. O Sovetskoj raboche-krest'yanskoj milicii : polozhenie, utverzhdennoe Dekretom Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov i Soveta Narodny`x Komissarov ot 10 iyunya 1920 g. // Sobranie zakonij i rasporyazhenij pravitel'stva za

1920 g. / Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. — M., 1943. — S. 550—569.

5. Sobranie zakonenij RSFSR. — 1925. — № 68. — St. 539.

6. GARF. — F. R-393. — Op. 31. — D. 330 b.

7. GARF. — F. R-393. — Op. 44. — D. 20.

8. Naximov A. P., Kirnos A. V., Kolesnikov V. A. Professional'naya podgotovka nizhnix чинов uездной полиции в Rossijskoj imperii v konce XIX — nachale XX veka : monografiya. — Voronezh, 2018. — 685 s.

9. Sitnikov K. A. Uezdnaya policejskaya strazha Rossijskoj imperii v 1903—1917 gg. (na primere Voronezhskoj gubernii). — M., 2024. — 288 s.

10. Shamarov V. M. Gosudarstvennaya sluzhba v milicii NKVD RSFSR : stanovlenie i razvitie pravovy`x i organizacionny`x osnov : dis. ... d-ra jurid. nauk. — M., 1999. — 363 s.

11. Naximov A. P., Kirnos A. V., Kolesnikov V. A. Organizaciya podgotovki sotrudnikov voronezhskoj gubernskoj raboche-krest'yanskoj milicii

- v 1919—1922 gg. // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2017. — № 4. — S. 9—19.
12. GAVO. — F. 736. — Op. (8)9. — D. 1.
13. GASO. — F. 9-r. — Op. 1. — D. 115.
14. Saratovskaya gubernskaya miliciya (oktyabr` 1917—maj 1928) : dokumenty` i materialy` / sost. A. V. Afanas`ev. — Saratov, 2002. — 432 s.
15. GARF. — F. R-393. — Op. 31. — D. 330 a.
16. GARF. — F. R-393. — Op. 31. — D. 334 a.
17. GASO. — F. 383. — Op. 1. — D. 269.
18. GARF. — F. R 393. — Op. 23 A. — D. 50.
19. GAVO. — F. R 38. — Op. 1. — D. 3.
20. GARF. — F. R-393. — Op. 37. — D. 13.
21. Postnikov V. Osnovny`e predposy`lki k organizacii oblastny`x shkol milicii (V diskussionnom poryadke) // Administrativny`j vestnik. — 1925. — № 2. — S. 49—54.
22. GARF. — F. R 393. — Op. 31. — D. 328.
23. Byulleten` Narodnogo komissariata vnutrennix del (NKVD). — 1921. — № 8. — S. 36—47.
24. Ucheba milicii v proshlom i nastoyashhem // Raboche-krest`yanskaya miliciya. — 1924. — № 11. — S. 13—15.
25. Naximov A. P., Kirnos A. V., Kolesnikov V. A. Nekotory`e voprosy` organizacii professional`noj podgotovki rabotnikov volostnoj milicii vo vtoroj polovine 1920-x gg. // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2021. — № 4. — S. 9—24.
26. Shkoly` nachsostava raboche-krest`yanskoj milicii i UGRO : spravochnik dlya komandiruyushhix organizacij i dlya postupayushhix v shkoly` / sost. I.Yu. Czvetopol`skij i V. G. Postnikov. — M., 1927. — 57 s.
27. Kozhevina M. A. Milicejskoe obrazovanie v Sovetskoj Rossii : organizaciya i pravovoe regulirovanie : 1918—1991 gg. : dis... d-ra jurid. nauk. — M., 2005. — 387 s.
28. GARF. — F. R-393. — Op. 51. — D. 25.
29. GARF. — F. R-393. — Op. 58. — D. 28.
30. GARF. — F. R-393. — Op. 51. — D. 7.
31. GARF. — F. R-393. — Op. 65. — D. 64.
32. GARF. — F. R-393. — Op. 51. — D. 152.
33. Pashin N. Orlovskaya shkola dala chety`re vy`puska // Administrativny`j vestnik. — 1925. — № 7. — S. 53—55.
34. Kak rabotala uchebnaya chast` Tambovskoj gubernskoj milicejskoj shkoly` mladshego sostava // Raboche-krest`yanskaya miliciya. — 1924. — № 7-8. — S. 28—29.
35. GARF. — F. R-393. — Op. 72. — D. 40.
36. Postnikov V. Podgotovka rabotnikov milicii za 1925 g. // Administrativny`j vestnik. — 1925. — № 11. — S. 80—82.
37. GARF. — F. R-393. — Op. 51. — D. 170.
38. Naximov A. P., Kirnos A. V., Kolesnikov V. A. Obrazovatel`ny`e organizacii sistemy` MVD / NKVD v Voronezhskom regione (1888—1942 gg.) : monografiya. — Voronezh, 2017. — 382 s.
39. GARF. — F. R-393. — Op. 58. — D. 57.
40. GAVO. — F. R-38. — Op. 2. — D. 1097.
41. GARF. — F. R-393. — Op. 58. — D. 48.
42. GARF. — F. R-393. — Op. 51. — D. 6.
43. GAVO. — F. R-5. — Op. 2 dop. — D. 13.
44. GARF. — F. R-393. — Op. 58. — D. 73 b.
45. GARF. — F. R-393. — Op. 58. — D. 73 a.
46. Gol`dman V. S., Bogomolov G. A. Shkola milicii v Saratove. — Saratov, 1977. — 127 s.
47. GARF. — F. R-393. — Op. 65. — D. 80.
48. GARF. — F. R-393. — Op. 58. — D. 75.
49. Shvedov V. V. Stanovlenie Sverdlovskoj oblastnoj shkoly` milicii (1925—1933 gg.) // Istoricheskoe obrazovanie na sovremennom e`tape: problemy` i perspektivy` modernizacii : sb. nauch. st. — Ekaterinburg, 2006. — S. 298—311.
50. Skipskij G. A., Grebenshnikova I. V., Pavlenkov R. V. Istorija stanovleniya sistemy` uchebny`x zavedenij organov vnutrennix del na Urale : monografiya. — Ekaterinburg, 2024. — 100 s.
51. GARF. — F. R-393. — Op. 65. — D. 78.
52. Chopp E`milij Mixajlovich. — URL: <https://chel-portal.ru> (data obrashheniya: 20.08.2025).
53. Kiselyov I. F. 10 let Raboche-Krest`yanskoj Milicii // Administrativny`j vestnik. — 1927. — № 10-11. — S. 36—39.
54. Sistematicheskij sbornik dejstvuyushhix rasporyazhenij po milicii. — M., 1926. — S. 579—580.
55. Tret`ya shkola mladshego komsostava raboche-krest`yanskoj milicii v sisteme obrazovatel`ny`x organizacij NKVD RSFSR : monografiya / A. P. Naximov, A. V. Kirnos, V. A. Kolesnikov, A. V. Artemchenko — Voronezh, 2019. — 209 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Нахимов Александр Павлович. Начальник института. Кандидат философских наук.
Воронежский институт МВД России.
E-mail: chief@vimvd.ru
Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Кирнос Андрей Викторович. Начальник кафедры теории и истории государства и права. Кандидат политических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: andrej-kirnos@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Колесников Владимир Александрович. Профессор кафедры теории и истории государства и права. Кандидат политических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vkolesnikov3@gmail.com

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Nakhimov Alexander Pavlovich. Head of the Institute. Candidate of Philosophical Sciences.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: chief@vimvd.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Kirnos Andrey Viktorovich. Head of the chair of Theory and History of State and Law. Candidate of Political Sciences, Assistant Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: andrej-kirnos@yandex.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Kolesnikov Vladimir Alexandrovich. Professor of the chair of Theory and History of State and Law. Candidate of Political Sciences, Assistant Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: vkolesnikov3@gmail.com

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: организационно-правовые аспекты; Советское государство; НКВД РСФСР; школа младшего командного состава.

Key words: organizational and legal aspects; Soviet state; NKVD of the RSFSR; School of Junior Command Staff.

УДК 351.74

ИНФОРМАТИКА, ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА И УПРАВЛЕНИЕ

А. В. Мельников, доктор технических наук, доцент

Н. С. Кобяков, адъюнкт

МОДЕЛЬ И АЛГОРИТМ ОЦЕНКИ ЗАЩИЩЕННОСТИ ИНФОРМАЦИИ В АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМАХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОТ ВРЕДОНОСНЫХ ПРОГРАММ

MODEL AND ALGORITHM FOR ASSESSING INFORMATION SECURITY IN AUTOMATED SYSTEMS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES FROM MALWARE

В статье рассматривается вопрос оценки защищенности информации в автоматизированных системах органов внутренних дел от вредоносных программ. Отмечается, что в настоящее время недостаточное внимание уделяется вопросам количественной оценки защищенности информации при появлении новых способов реализации угроз безопасности информации. Для решения данной задачи предложены модель и алгоритм, позволяющие оценить относительную защищенность информации от вредоносных программ с учетом реализации дополнительных мер защиты информации и приоритета угроз безопасности информации. Результаты исследования могут быть использованы руководителями подразделений по защите информации для принятия обоснованных решений по изоляции автоматизированных систем или реализации дополнительных мер защиты информации.

The article addresses the issue of assessing information security against malware in automated systems of internal affairs agencies. It is noted that currently, insufficient attention is paid to the quantitative assessment of information security when novel threat vectors emerge. To solve this problem, a model and algorithm are proposed that enable the assessment of the relative level of information protection against malware, taking into account the implementation of additional security measures and threat prioritization. The research results can be used by heads of information security departments to make informed decisions regarding system isolation or the implementation of additional protective measures.

Введение. В июне 2025 года зарегистрирован приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России) «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений» [1]. В данном приказе определены мероприятия, реализуемые для обеспечения безопасности информации в информационных

системах и требования по оценке защищенности информации в соответствии с методическим документом ФСТЭК России [2]. Также требования данного приказа распространяются и на автоматизированные системы органов внутренних дел (АС ОВД). В методике [2] определено, что оценка защищенности должна проводиться не реже одного раза в шесть месяцев, а также при возникновении значимого инцидента информационной безопасности или развитии (изменении) архитектуры информационных систем. Вместе с тем в нормативных документах не рассматривается вопрос оценки защищенности информации при появлении новых способов реализации угроз безопасности информации. В работе [3] представлены модели для оценки защищенности информации от угроз несанкционированного доступа, исходя из временных характеристик таких угроз. В работе [4] предложен подход к оценке защищенности информации, исходя из достаточности реализуемых мер защиты информации. В данных работах недостаточное внимание уделяется вопросам количественной оценки защищенности информации при появлении новых способов реализации угроз безопасности информации. Под защищенностью информации в АС ОВД будем понимать способность системы противостоять несанкционированному доступу к конфиденциальной информации, ее искажению или разрушению [5]. В приказе [1] определено требование к приоритизации угроз безопасности информации. Под приоритетом угрозы безопасности информации будем понимать степень ее актуальности для конкретной АС ОВД. При реагировании на более приоритетные УБИ будет задействовано больше ресурсов и приняты наиболее эффективные дополнительные меры защиты информации. Исходя из изложенного, определим относительную защищенность информации в АС ОВД как способность системы противостоять несанкционированному доступу к конфиденциальной информации, ее искажению или разрушению с учетом приоритизации угроз безопасности информации. Полученные значения относительной защищенности информации могут быть использованы для формирования выводов о состоянии защиты информации от конкретных УБИ в АС ОВД.

Таким образом, актуальной **целью** является разработка модели и алгоритма оценки защищенности информации в автоматизированных системах органов внутренних дел с учетом приоритизации угроз безопасности информации.

1. Разработка модели и алгоритма оценки защищенности информации. В методическом документе [2] представлена следующая формула для оценки защищенности:

$$K_{зи} = (k_{11} + k_{12} + \dots + k_{1t})R_1 + (k_{21} + k_{22} + \dots + k_{2g})R_2 + (k_{31} + k_{32} + \dots + k_{3b})R_3 + (k_{41} + k_{42} + \dots + k_{4y})R_4, \quad (1)$$

где:

R_q — весовой коэффициент группы показателей;

k_{qi} — частный показатель безопасности, q -й группы показателей;

t, g, b, y — количество частных показателей безопасности для q -й группы.

В приказе ФСТЭК России [1] определено 21 мероприятие для защиты информации.

Пусть θ_j — мероприятия по защите информации, $\mu_j = R_q \cdot \sum k_{qi}$ — весовые коэффициенты для соответствующих групп мероприятий. Мероприятия по защите информации могут быть реализованы с разным качеством: полностью или частично. Для учета

качества реализуемых мероприятий введем показатель эффективности мер по защите информации ($E \in [0; 1]$).

При условии, что $\Theta_b \equiv K_{3И}$, модель оценки защищенности информации в АС ОВД при реализации базовых мер примет вид

$$\Theta_b = \sum_{j=1}^c \theta_j \cdot E_j \cdot \mu_j, \quad (2)$$

где:

c — количество мероприятий по защите информации.

Для θ_j определим следующие значения: $\theta_j = \begin{cases} 1, & \text{если мероприятие выполняется,} \\ 0, & \text{если иначе} \end{cases}$.

При рассмотрении требований приказа [1] могут быть определены мероприятия по защите информации от конкретных видов угроз. В соответствии с отчетами компаний — разработчиков средств защиты информации внедрение вредоносных программ — наиболее актуальный способ реализации угроз безопасности информации в 2024 году [6]. Следует отметить, что новая вредоносная программа (не внесенная в базу данных сигнатур средства антивирусной защиты) может реализовывать несколько угроз безопасности информации, например, УБИ.198: «Угроза скрытной регистрации вредоносной программой учетных записей администраторов» и УБИ.189: «Угроза маскирования действий вредоносного кода».

В рамках работы будут рассмотрены угрозы безопасности информации, реализуемые с использованием вредоносных программ, а для верификации разработанных модели и алгоритма — класс «Вредоносные утилиты». В таблице 1 представлены мероприятия по защите информации в АС ОВД от вредоносных программ и вычисленные с использованием метода анализа иерархий [7] весовые коэффициенты важности данных мероприятий.

Таблица 1

Мероприятия по защите информации

Наименование, обозначения	Нормированный вес, (μ)
Реализация в информационных системах мер по их защите и защите содержащейся в них информации, в т. ч. управление обновлениями, (θ_1)	0,27
Мониторинг ИБ, выявление и оценка угроз безопасности информации, (θ_2)	0,27
Управление уязвимостями, (θ_3)	0,191
Обеспечение защиты информации при предоставлении пользователям привилегированного доступа, (θ_4)	0,071
Повышение уровня знаний и информированности пользователей по вопросам защиты информации, (θ_5)	0,071
Обеспечение защиты информации при применении конечных устройств, (θ_6)	0,042
Обеспечение непрерывности функционирования информационных систем при возникновении нештатных ситуаций, (θ_7)	0,042
Обеспечение защиты от компьютерных атак, направленных на отказ в обслуживании, (θ_8)	0,025

Наименование, обозначения	Нормированный вес, (μ)
Обеспечение непрерывного взаимодействия с государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации, (θ_9)	0,018

Количество мероприятий может быть уточнено в зависимости от особенностей реализации рассматриваемой угрозы безопасности информации и функционирования АС ОВД. При появлении новых способов реализации угроз безопасности информации эффективность мер будет снижаться. Следовательно, необходимо принимать дополнительные меры защиты информации, направленные на повышение защищенности. Для оценки эффективности дополнительных мер защиты информации воспользуемся подходом, описанным в работе [8]. Модель эффективности дополнительных мер защиты информации, $E_{ad_j} \in [0; 1]$:

$$E_{ad_j} = e_1 \cdot v_1 + e_2 \cdot v_2 + \dots + e_i \cdot v_i + \dots + e_b \cdot v_b, \quad (3)$$

где:

e — цели реализации мер по защите информации;

v — весовые коэффициенты для соответствующих целей;

b — количество целей реализации мер.

Таким образом, с учетом эффективности дополнительных мер защиты информации модель (2) примет вид

$$\Theta_{ad} = \sum_{j=1}^c \theta_j \cdot \mu_j \cdot (E_j + E_{ad_j}). \quad (4)$$

При оценке относительной защищенности необходимо учесть приоритет угрозы безопасности информации. В исследовании [9] авторы отмечают необходимость учета опасности угрозы при реализации мер защиты информации в условиях возможного деструктивного воздействия. Следовательно, модель относительной защищенности информации ($\Theta_r \in [0; 1]$) с учетом приоритета угроз будет иметь вид

$$\Theta_r = \begin{cases} \frac{\Theta_{ad}}{J}, & \text{если } \Theta_{ad} < J, \\ 1, & \text{если иначе} \end{cases}, \quad (5)$$

где:

J — приоритет угрозы безопасности информации.

Определим лингвистическую шкалу для оценки приоритета угроз [9]:

1. $0,9 \leq J \leq 1$ — критический приоритет;
2. $0,7 \leq J < 0,9$ — высокий приоритет;
3. $0,4 \leq J < 0,7$ — средний приоритет;
4. $0 < J < 0,4$ — низкий приоритет.

Если $\Theta_{ad} > J$, то $\Theta_r = 1$. Для формирования выводов о защищенности информации в АС ОВД воспользуемся лингвистической шкалой, предложенной в [2]: $\Theta_r = 1$, уровень состояния защищенности характеризуется как минимальный базовый, реализация

дополнительных мер не требуется. $0,75 < \Theta_r < 1$, уровень состояния защищенности характеризуется как низкий, требуется реализация дополнительных мер защиты информации. $\Theta_r \leq 0,75$, уровень состояния защищенности характеризуется как критический, наряду с реализацией дополнительных мер защиты информации необходимо рассматривать изоляцию автоматизированной системы.

Следует отметить допущения, принятые в рамках данной работы:

1. Эффективность базовых мер в условиях отсутствия неизвестных вредоносных программ равна 1, ($E_j = 1$).

2. При реализации во вредоносной программе паттернов, влияющих на эффективность базовых мер по защите информации (табл. 2), эффективность таких мер будем считать равной 0, ($E_j = 0$).

3. Учет дополнительных мер защиты информации, реализуемых только в рамках выполнения мероприятия «Повышение уровня знаний и информированности пользователей по вопросам защиты информации».

В данной работе приоритет угроз, реализуемых с использованием вредоносной программы, будем оценивать исходя из опасности ее деструктивных функций. Для описания деструктивных функций вредоносных программ будем использовать поведенческие паттерны, определенные АО «Лаборатория Касперского» и уточненные для АС ОВД в исследовании [10]. Под поведенческими паттернами понимаются деструктивные функции, реализуемые вредоносной программой для воздействия на систему, данные или пользователя. Поведенческие паттерны вредоносных программ влияют на эффективность мер по защите информации. Например, если неизвестная вредоносная программа реализует поведенческие паттерны, связанные с проведением атак, направленных на отказ в обслуживании, то эффективность реализуемых мер в рамках мероприятия «Обеспечение защиты от компьютерных атак, направленных на отказ в обслуживании» будет снижаться. Для оценки опасности вредоносной программы исходными данными являются сведения, полученные из бюллетеней Национального координационного центра по компьютерным инцидентам (НКЦКИ).

В работе [10] определены поведенческие паттерны вредоносных программ класса «Вредоносные утилиты» и сформирована частная модель оценки опасности деструктивных программных воздействий с учетом признаков АС ОВД:

$$J_{V_{par}} = A \cdot D \cdot \frac{\sum_{i=1}^n \omega_i \cdot w_{ci} \cdot P_i}{J_{Par_{max}}}, \quad (6)$$

где:

A — максимальное значение лингвистической шкалы, в данной работе $A = 1$;

D — весовой коэффициент, характеризующий класс защищенности автоматизированной системы;

P_i — поведенческие паттерны вредоносных программ;

n — количество поведенческих паттернов вредоносных программ;

w_{ci} — скорректированные весовые коэффициенты для соответствующих поведенческих паттернов;

ω_i — весовые коэффициенты частных признаков для соответствующих поведенческих паттернов;

$J_{Par_{max}}$ — максимальное значение показателя опасности вредоносной утилиты.

Также в работе [11] делается вывод о необходимости учета связи поведенческих паттернов вредоносных программ. Модель оценки опасности (6) с учетом связи пар поведенческих паттернов примет вид

$$J_{KV_{Par}} = A \cdot D \cdot \frac{\sum_{i=1}^n \omega_i \cdot w_{ci} \cdot p_i + \sum_{j=1}^u \omega_j \cdot K_{cj}}{J_{KPar_{max}}}, \quad (7)$$

где:

K_{cj} — коэффициент для учета связи поведенческих паттернов;

u — количество пар связанных поведенческих паттернов;

$J_{KPar_{max}}$ — максимальное значение показателя опасности вредоносной утилиты.

Для модели (5) $J = J_{KV_{Par}}$, если присутствуют связанные поведенческие паттерны, и $J = J_{V_{Par}}$, если связанные поведенческие паттерны отсутствуют.

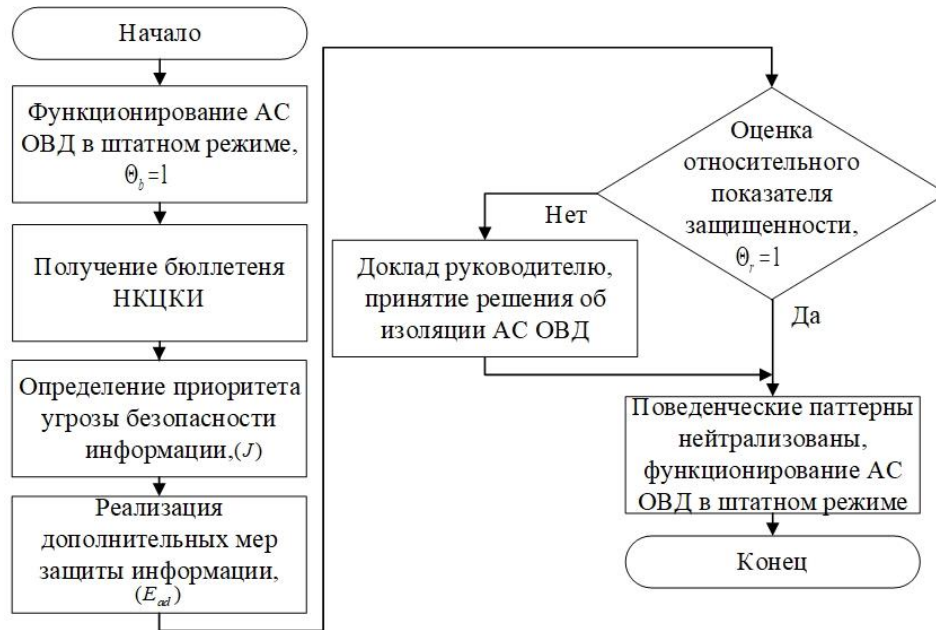
Поведенческие паттерны вредоносных программ класса «Вредоносные утилиты» и мероприятия по защите информации, на эффективность которых они влияют, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Поведенческие паттерны вредоносных утилит и мероприятия по защите информации

Мероприятия ЗИ	(θ_1)	(θ_2)	(θ_3)	(θ_4)	(θ_5)	(θ_6)	(θ_7)	(θ_8)	(θ_9)
Поведенческие паттерны									
Проникновение на компьютер-жертву, p_1	+			+	+	+			
Скрытие следов присутствия преступников в системе, p_2	+	+	+		+	+			
Внесение в список разрешенных посетителей системы новых пользователей, p_3	+			+	+				
Прекращение работы системы, p_4	+	+			+		+	+	+
Проведение атак типа «Отказ в обслуживании», p_5	+				+		+	+	
Сбор и анализ сетевых пакетов, p_6	+				+	+			
Подмена адреса отправителя письма по электронной почте, p_7	+			+	+				
Создание вредоносных программ, p_8	+				+				
Навязывание ложной информации (уведомление об опасности, нарушениях), p_9	+		+		+		+		+
Модификация вредоносных программ, p_{10}	+				+				
Распространение флуда (бесполезных сообщений по каналам электронной почты), p_{11}	+			+	+				

На рисунке представлен алгоритм действий подразделения по защите информации при оценке защищенности информации в АС ОВД.

Алгоритм действий подразделения по защите информации

2. Верификация разработанных модели и алгоритма. Рассмотрим пример формирования модели оценки относительной защищенности АС ОВД от вредоносных программ. Рассмотрим тестовую АС ОВД 4 класса защищенности и вредоносную утилиту Constructor.DarkHorse. Для данной АС ОВД актуальными связанными поведенческими паттернами является пара p_7, p_{11} . При поступлении бюллетеня от НКЦКИ с информацией об угрозах безопасности информации, реализуемых с использованием вредоносной утилиты Constructor.DarkHorse, могут быть сделаны выводы о реализуемых поведенческих паттернах. Исходя из полученных в таблице 1 значений, модель (2) примет вид

$$\Theta_b = 0,27 \cdot \theta_1 \cdot E_1 + 0,27 \cdot \theta_2 \cdot E_2 + 0,191 \cdot \theta_3 \cdot E_3 + 0,071 \cdot \theta_4 \cdot E_4 + 0,071 \cdot \theta_5 \cdot E_5 + 0,042 \cdot \theta_6 \cdot E_6 + 0,042 \cdot \theta_7 \cdot E_7 + 0,025 \cdot \theta_8 \cdot E_8 + 0,018 \cdot \theta_9 \cdot E_9. \quad (8)$$

Защищенность информации в АС ОВД от вредоносной программы, рассчитанная с использованием модели (8), равна 0,431 ($\Theta_b = 0,431$). Рассмотрим реализацию дополнительных мер защиты информации. В работе [8] предложена модель оценки эффективности дополнительных мер защиты информации по подготовке пользователей АС ОВД к эксплуатации систем в условиях возможной реализации деструктивных функций вредоносных программ, разработанная с использованием метода анализа иерархий и искусственных нейронных сетей (3):

$$E_{ad_4} = 0,375 \cdot e_1 + 0,188 \cdot e_2 + 0,125 \cdot e_3 + 0,186 \cdot e_4 + 0,126 \cdot e_5. \quad (9)$$

Дополнительные меры защиты информации по подготовке пользователей АС ОВД к эксплуатации систем в условиях возможной реализации деструктивных функций вредоносных программ принимаются для достижения следующих целей: недопуще-

ние создания угроз реализации деструктивных функций вредоносных программ при эксплуатации АССН ОВД (e_1), умение пользователей эксплуатировать АС ОВД в новых условиях (e_2), знание и понимание алгоритма действий в случае обнаружения признаков реализации деструктивных функций вредоносных программ на автоматизированном рабочем месте пользователя (e_3), понимание ответственности за нарушение новых требований по защите информации, обрабатываемой в АС ОВД (e_4), осведомленность пользователей о появлении неизвестной вредоносной программы (e_5). Аналогично с использованием метода анализа иерархий может быть рассчитана эффективность дополнительных мер защиты информации для других мероприятий.

Таким образом, модель оценки защищенности с учетом эффективности дополнительных мер защиты информации примет вид

$$\Theta_{ad} = 0,27 \cdot \theta_1 \cdot E_1 + 0,27 \cdot \theta_2 \cdot E_2 + 0,191 \cdot \theta_3 \cdot E_3 + 0,071 \cdot \theta_4 \cdot (E_4 + 0,375 \cdot e_1 + 0,188 \cdot e_2 + 0,125 \cdot e_3 + 0,186 \cdot e_4 + 0,126 \cdot e_5) + 0,071 \cdot \theta_5 \cdot E_5 + 0,042 \cdot \theta_6 \cdot E_6 + 0,042 \cdot \theta_7 \cdot E_7 + 0,025 \cdot \theta_8 \cdot E_8 + 0,018 \cdot \theta_9 \cdot E_9. \quad (10)$$

Для вредоносной утилиты Constructor.DarkHorse защищенность с учетом эффективности дополнительных мер защиты информации равна 0,502 ($\Theta_b = 0,502$).

Для оценки относительной защищенности информации в АС ОВД необходимо учесть приоритет вредоносных программ.

В рамках работы рассмотрим АС ОВД 4 класса защищенности. По результатам исследований [10, 11] сформирована модель оценки опасности деструктивных программных воздействий вредоносных программ без учета связи:

$$J_{KV_{Par}} = 1 \cdot (1 \cdot (0,261 \cdot p_1 + 0,123 \cdot p_3 + 0,18 \cdot p_4 + 0,173 \cdot p_6 + 0,199 \cdot p_7 + 0,03 \cdot p_9 + 0,034 \cdot p_{11}) / 0,647). \quad (11)$$

Модель оценки опасности деструктивных программных воздействий вредоносных программ с учетом связи поведенческих паттернов:

$$J_{KV_{Par7,11}} = 1 \cdot (1 \cdot (0,21 \cdot p_1 + 0,09 \cdot p_3 + 0,14 \cdot p_4 + 0,14 \cdot p_6 + 0,15 \cdot p_7 + 0,02 \cdot p_9 + 0,03 \cdot p_{11} + 0,22 \cdot K_{7,11}) / 0,51). \quad (12)$$

Для вредоносной утилиты Constructor.DarkHorse для оценки опасности воспользуемся моделью (11). Показатель опасности равен 0,59 ($J_{KV_{Par}} = 0,59$).

Подставив в модель (5) полученные численные значения в формулах 10—12, получим результаты вычислительного эксперимента по верификации разработанных моделей, представленные в таблице 3.

Таблица 3

Верификация разработанной модели

п/п	Вредоносная программа	Паттерны, (p_i)	Приоритет угрозы, (J)	Защищенность, при реализации базовых мер (Θ_b)	Защищенность, при реализации дополнительных мер (Θ_{ad})	Относительная защищенность, (Θ_r)
1.	Constructor.DarkH	p_1, p_3, p_8, p_{10}	0,59	0,431	0,502	0,85
2.	Spy-Net 0.9	p_1, p_2	0,403	0,085	0,156	0,387
3.	DDoS.Siggen.41	p_4, p_5, p_{10}	0,278	0,304	0,375	1
4.	Linux.Siggen.5542	p_1, p_6	0,67	0,546	0,617	0,92
5.	Tool.TermService	p_3, p_7, p_{11}	0,961	0,588	0,659	0,686
6.	Tool.UDPflood	p_3, p_{11}	0,243	0,588	0,659	1
7.	Tool.In-	p_6, p_9	0,313	0,408	0,479	1
8.	Siggen.23.Tool	p_1, p_3, p_6	0,895	0,546	0,617	0,713
9.	Tool.Flood.312	p_4, p_5, p_7, p_9	0,632	0,042	0,113	0,179
10.	Linux.Tool.12	p_1, p_3, p_7	0,901	0,546	0,617	0,685

Результаты верификации разработанной модели демонстрируют непротиворечивость полученных результатов. Для примеров 3, 6, 7 реализация дополнительных мер защиты информации не требуется, но, на усмотрение руководителя подразделения по защите информации, могут быть внедрены организационные меры, направленные на подготовку пользователей автоматизированных систем. Для примеров 1, 4 необходима реализация дополнительных мер защиты информации. Для примеров 2, 5, 8, 9, 10 необходимо не только принять дополнительные меры защиты информации, но и рассмотреть вопрос об изоляции автоматизированной системы.

Заключение. В исследовании рассмотрен вопрос количественной оценки защищенности информации в АС ОВД от вредоносных программ. Разработана базовая модель оценки защищенности информации в АС ОВД от вредоносных программ, отличающаяся от существующих учетом мероприятий по защите информации, определенных в приказе [1]. Разработаны модель и алгоритм оценки относительной защищенности информации в АС ОВД от вредоносных программ, отличающиеся от существующих учетом приоритета угроз безопасности информации. Выполнена верификация разработанной модели и алгоритма оценки защищенности, подтверждающая непротиворечивость полученных результатов.

Результаты работы могут быть использованы руководителями подразделений по защите информации для принятия решения о реализации дополнительных мер защиты информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений : приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю от 11.04.2025 № 117. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506170011> (дата обращения: 15.07.2025).

2. Методика оценки показателя состояния технической защиты информации и обеспечения безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : методический документ : утвержден ФСТЭК России 2 мая 2024 г. — URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/spetsialnye-normativnye-dokumenty/> (дата обращения: 15.07.2025).

3. Скрыль С. В., Ицкова А. А., Ушаков К. Е. О возможности совершенствования процедур количественной оценки защищенности информации объектов критической информационной инфраструктуры от угроз несанкционированного доступа // Безопасность информационных технологий. — 2024. — Т. 31, № 3. — С. 94—104. — DOI 10.26583/bit.2024.3.04. — EDN CZFYR.

4. Нестеровский О. И., Пашковская Е. С., Бутрик Е. Е. Методический подход к организации проведения контроля защищенности информации на объектах критической информационной инфраструктуры // Вестник Воронежского института МВД России. — 2021. — № 2. — С. 126—133. — EDN BLUVGP.

5. Simulation of Processes to Protect Information of Informatization Objects Against Leakage Through Technical Channels Using an Apparatus of Petri-Markov Nets / O. S. Avsentiev, A. O. Avsentiev, A. G. Krugov, Yu. K. Yazov // Bulletin of the South Ural State University. Series : Mathematical Modelling, Programming and Computer Software. — 2021. — Vol. 14, No. 4. — P. 46—62. — DOI 10.14529/mmp210404. — EDN FLDLBH.

6. Кибератаки на российские компании в 2024 году. — URL: <https://rt-solar.ru/analytics/reports/5320/> (дата обращения: 15.07.2025).

7. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий : пер. с англ. — М. : Радио и связь, 1993. — 320 с.

8. Мельников А. В., Сумин В. И., Кобяков Н. С. Модель оценки эффективности организационных мер для обеспечения информационной безопасности АССН при появлении неизвестной вредоносной программы // Экономика. Информатика. — 2023. — Т. 50, № 4. — С. 873—882. — DOI 10.52575/2712-746X-2023-50-4-873-882. — EDN YXFION.

9. Лапсарь А. П., Назарян С. А., Владимирова А. И. Повышение устойчивости объектов критической информационной инфраструктуры к целевым компьютерным атакам // Вопросы кибербезопасности. — 2022. — № 2 (48). — С. 39—51. — DOI 10.21681/2311-3456-2022-2-39-51. — EDN SGWWWD.

10. Мельников А. В., Кобяков Н. С. Подход к оценке опасности деструктивных воздействий вредоносных программ на автоматизированные системы специального назначения // Безопасность информационных технологий. — 2023. — Т. 30, № 3. — С. 51—60. — DOI 10.26583/bit.2023.3.03. — EDN RJWWZH.

11. Мельников А. В., Кобяков Н. С. Численный метод модификации моделей, разработанных на основе метода анализа иерархий, с использованием искусственной нейронной сети // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Системный анализ и информационные технологии. — 2024. — № 4. — С. 5—21. — DOI 10.17308/sait/1995-5499/2024/4/5-21. — EDN CENQIP.

REFERENCES

1. Ob utverzhdenii Trebovanij o zashchite informacii, sodержashchejsya v gosudarstvennyh informacionnyh sistemah, inyh informacionnyh sistemah gosudarstvennyh organov, gosudarstvennyh unitarnyh predpriyatij, gosudarstvennyh uchrezhdenij : prikaz

Federal'noj sluzhby po tekhnicheskomu i eksportnomu kontrolyu ot 11.04.2025 № 117. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506170011> (data obrashcheniya: 15.07.2025).

2. Metodika ocenki pokazatelya sostoyaniya tekhnicheskoy zashchity informacii i obespecheniya bezopasnosti znachimyh ob"ektov kriticheskoy informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii : metodicheskij dokument : utverzhden FSTEK Rossii 2 maya 2024 g. — URL: <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/spetsialnye-normativnye-dokumenty/> (data obrashcheniya: 15.07.2025).

3. Skryl' S. V., Ickova A. A., Ushakov K. E. O vozmozhnosti sovershenstvovaniya procedur kolichestvennoj ocenki zashchishchennosti informacii ob"ektov kriticheskoy informacionnoj infrastruktury ot ugroz nesankcionirovannogo dostupa // Bezopasnost' informacionnyh tekhnologij. — 2024. — T. 31, № 3. — S. 94—104. — DOI 10.26583/bit.2024.3.04. — EDN CZFYFR.

4. Nesterovskij O. I., Pashkovskaya E. S., Butrik E. E. Metodicheskij podhod k organizacii provedeniya kontrolya zashchishchennosti informacii na ob"ektah kriticheskoy informacionnoj infrastruktury // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2021. — № 2. — S. 126—133. — EDN BLUVGP.

5. Simulation of Processes to Protect Information of Informatization Objects Against Leakage Through Technical Channels Using an Apparatus of Petri-Markov Nets / O. S. Avsentiev, A. O. Avsentiev, A. G. Krugov, Yu. K. Yazov // Bulletin of the South Ural State University. Series : Mathematical Modelling, Programming and Computer Software. — 2021. — Vol. 14, No. 4. — P. 46—62. — DOI 10.14529/mmp210404. — EDN FLDLBH.

6. Kiberataki na rossijskie kompanii v 2024 godu. — URL: <https://rt-solar.ru/analyt-ics/reports/5320/> (data obrashcheniya 15.07.2025).

7. Saati T. Prinyatie reshenij. Metod analiza ierarhij : per. s angl. — M. : Radio i svyaz', 1993. — 320 s.

8. Mel'nikov A. V., Sumin V. I., Kobyakov N. S. Model' ocenki effektivnosti organizacionnyh mer dlya obespecheniya informacionnoj bezopasnosti ASSN pri poyavlenii neizvestnoj vredonosnoj programmy // Ekonomika. Informatika. — 2023. — T. 50, № 4. — S. 873—882. — DOI 10.52575/2712-746X-2023-50-4-873-882. — EDN YXFIOH.

9. Lapsar' A. P., Nazaryan S. A., Vladimirova A. I. Povyshenie ustojchivosti ob"ektov kriticheskoy informacionnoj infrastruktury k celevym komp'yuternym atakam // Voprosy kiberneticheskoy bezopasnosti. — 2022. — № 2 (48). — S. 39—51. — DOI 10.21681/2311-3456-2022-2-39-51. — EDN SGWWWD.

10. Mel'nikov A. V., Kobyakov N. S. Podhod k ocenke opasnosti destruktivnyh vozdeystvij vredonosnyh programm na avtomatizirovannye sistemy special'nogo naznacheniya // Bezopasnost' informacionnyh tekhnologij. — 2023. — T. 30, № 3. — S. 51—60. — DOI 10.26583/bit.2023.3.03. — EDN RJWWZH.

11. Mel'nikov A. V., Kobyakov N. S. Chislennyj metod modifikacii modelej, razrabotannyh na osnove metoda analiza ierarhij, s ispol'zovaniem iskusstvennoj nejronnoj seti // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Sistemnyj analiz i informacionnye tekhnologii. — 2024. — № 4. — S. 5—21. — DOI 10.17308/sait/1995-5499/2024/4/5-21. — EDN CENQIP.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мельников Александр Владимирович. Заведующий кафедрой правовой информатики, информационного права и естественнонаучных дисциплин. Доктор технических наук, доцент.

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева» (г. Воронеж).

E-mail: meln78@mail.ru

Россия, 394006, Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.

Кобяков Николай Сергеевич. Адъюнкт.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: kkobyakov1234@gmail.com

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Melnikov Alexander Vladimirovich. Head of the chair of Legal Informatics, Information Law, and Natural Sciences. Doctor of Technical Sciences, Associate Professor.

Central Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (Voronezh).

E-mail: meln78@mail.ru

Russia, 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya Str., 95.

Kobyakov Nikolay Sergeevich. Post-graduate cadet.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: kkobyakov1234@gmail.com

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: вредоносные программы; метод анализа иерархий; приоритет угроз безопасности информации.

Key words: malware; analytic hierarchy process; information security threat priority.

УДК 004.056

А. Д. Попова, адъюнкт

И. Г. Дровникова, доктор технических наук, профессор

О. В. Пименова, кандидат технических наук

**РАЗРАБОТКА АНАЛИТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ И АЛГОРИТМОВ
ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ КРИТИЧНОСТИ УЯЗВИМОСТЕЙ
НА ЗАЩИЩЕННОСТЬ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**DEVELOPMENT OF ANALYTICAL MODELS AND ALGORITHMS
FOR ASSESSING THE IMPACT OF CRITICAL VULNERABILITIES
ON THE SECURITY OF AUTOMATED SYSTEMS
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES**

Целью статьи является разработка динамических моделей и алгоритмов количественной оценки влияния критичности уязвимостей, выявленных в программном обеспечении (ПО), на его защищенность в процессе функционирования ПО в автоматизированных системах (АС) органов внутренних дел (ОВД). Для достижения поставленной цели предложена система показателей защищенности ПО АС ОВД, учитывающих влияние критичности уязвимостей на защищенность ПО и динамику эксплуатации выявленных в нем уязвимостей. Перспективы практической реализации предложенных моделей и алгоритмов связаны с разработкой программного комплекса анализа и оценки защищенности ПО для выбора наиболее защищенной версии и коррекции времени устранения ее текущих уязвимостей в интересах повышения безопасности функционирования ПО на объектах информатизации ОВД.

The purpose of this article is to develop dynamic models and algorithms for quantifying the impact of vulnerabilities identified in software (SW) on its security during the operation of SW in automated systems (AS) of internal affairs bodies (ATS). To achieve this goal, a system of indicators of the security of the ATS software has been proposed, which takes into account the impact of the vulnerability criticality on the security of the software and the dynamics of exploiting the vulnerabilities identified in it. The prospects for the practical implementation of the proposed models and algorithms are related to the development of a software package for analyzing and evaluating the security of software in order to select the most secure version and correct the time for eliminating its current vulnerabilities in order to improve the security of software operation at law enforcement agencies' information technology facilities.

Введение. Заметной тенденцией последних лет в сфере информатизации органов внутренних дел (ОВД) является возрастание числа уязвимостей в используемом в автоматизированных системах (АС) программном обеспечении (ПО). Это подвергает служебную информацию ограниченного распространения, циркулирующую в АС ОВД, нарушению ее конфиденциальности, целостности или доступности. Учитывая важность задач, решаемых МВД России с использованием АС, и существенные размеры ущерба,

наносимого интересам личности и государства при понижении качества их решения, обеспечение безопасности информации (БИ), циркулирующей в АС, за счет использования наиболее защищенного ПО является важным направлением деятельности ОВД.

Вместе с тем поиск и обоснование применимости версий наиболее защищенного ПО представляет собой достаточно сложную процедуру, связанную с оценкой уровня критичности и возможности эксплуатации выявленных в этих версиях уязвимостей ПО. В большинстве случаев это касается прикладных программ, так как применительно к системному ПО такие уязвимости или устраняют, или применяют «заплатки» по рекомендациям вендора, профильных организаций, занимающихся вопросами анализа уязвимостей ПО, или устанавливают дополнительные (программные или аппаратные) средства защиты, и лишь в редких случаях заменяют программные компоненты операционной системы, такие как новые версии сетевых протоколов, утилит, драйверы и т. д.

Для обоснования выбора версии наиболее защищенного (в этом смысле оптимального) ПО для обеспечения эффективной защиты циркулирующей в АС ОВД служебной информации требуется проведение оценки защищенности такого ПО с учетом уровня критичности его уязвимостей. Вместе с тем сегодня практически отсутствует методическое обеспечение для проведения указанной оценки. Кроме того, до сих пор даже не ставилась задача учета временного фактора, то есть учета динамики реализации угроз БИ в АС ОВД путем эксплуатации текущих уязвимостей в версиях ПО, что существенно влияет на оценку уровня критичности уязвимостей.

В настоящее время на практике используется методический документ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК) России «Методика оценки уровня критичности уязвимостей программных, программно-аппаратных средств» [1], однако в нем, во-первых, отсутствует связь критичности уязвимостей с показателями защищенности ПО в АС, а во-вторых, применяемые показатели критичности уязвимостей являются статическими, то есть не учитывают временной фактор.

Развитию теории информационной безопасности АС посвящены работы А. Ю. Щеглова, К. А. Щеглова [2, 3]. Анализ данных работ выявил возможность проведения количественной оценки защищенности ПО в АС ОВД на основе исследования процесса эксплуатации его уязвимостей в режиме реального времени, однако в них не уделено достаточно внимания вопросам анализа совокупности уязвимостей и оценки их критичности.

С учетом вышеизложенного целью данной статьи является разработка динамических моделей и алгоритмов количественной оценки влияния критичности уязвимостей, выявленных в ПО, на его защищенность в процессе функционирования ПО в АС ОВД.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) разработка системы показателей защищенности ПО АС ОВД, учитывающих влияние критичности уязвимостей на защищенность ПО и динамику эксплуатации уязвимостей, выявленных в этом ПО;

2) разработка аналитических моделей и алгоритмов оценки влияния критичности уязвимостей на показатели защищенности ПО АС ОВД в динамике его функционирования.

Показатели защищенности программного обеспечения автоматизированных систем органов внутренних дел и аналитические модели их оценки. Для обоснования показателей защищенности ПО в процессе его функционирования в АС ОВД проведен анализ информационной базы системы МВД России, типовых структуры, архитектуры АС ОВД, особенностей и недостатков их функционирования с точки зрения обеспечения

информационной безопасности. Определен состав типового ПО автоматизированного рабочего места пользователя АС ОВД [4], осуществлен анализ компонентов ПО на наличие уязвимостей [5]. Проанализированы существующие нормативные правовые акты по информационной безопасности АС, известные методические подходы к оцениванию ПО в АС и анализу его уязвимостей, показана необходимость совершенствования имеющегося методического обеспечения такого анализа в направлении возможности проведения количественной оценки защищенности ПО с учетом уровня критичности его уязвимостей [6]. В результате предложена система количественных показателей, позволяющих всесторонне оценивать защищенность ПО АС ОВД с учетом уровней критичности уязвимостей применяемого системного и прикладного ПО, фактора времени, влияющего на возможности эксплуатации этих уязвимостей, и структурная схема их свертки в комплексный показатель (рис. 1) [7].

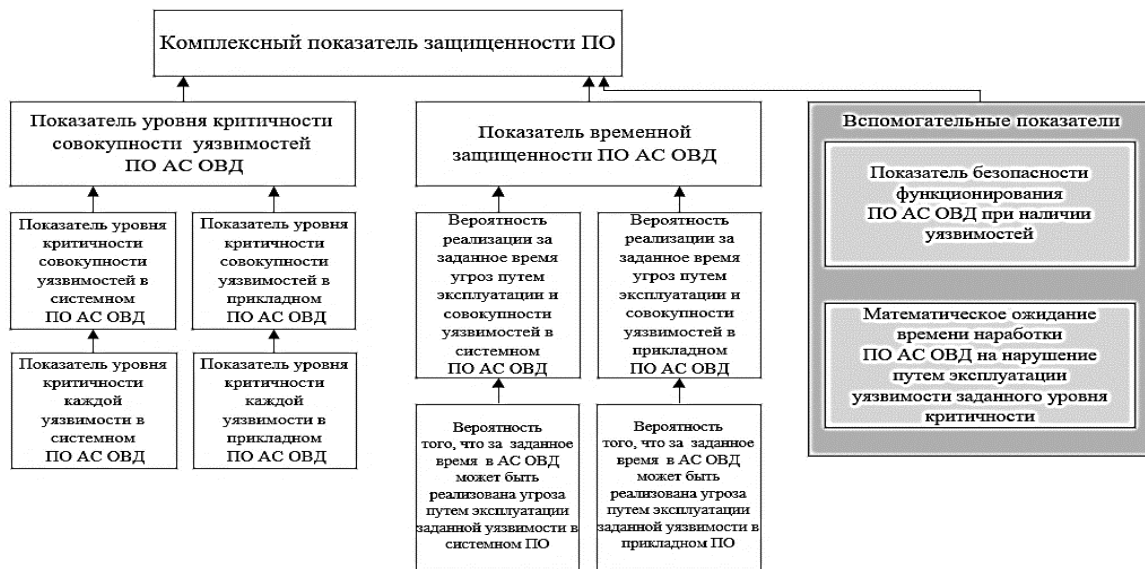

Рис. 1. Структура свертки частных показателей защищенности ПО в процессе его эксплуатации в АС ОВД в комплексный показатель

Для учета уровня критичности уязвимостей, выявляемых в ПО АС ОВД, предложено, во-первых, использовать действующую методика ФСТЭК России по оценке критичности уязвимостей и, во-вторых, модифицировать этот подход в интересах оценки уровня критичности совокупности выявленных уязвимостей, что отсутствует в действующей методике. В этом случае оценка уровня критичности совокупности уязвимостей рассчитывается по показателю ($V_{кр\Sigma}$):

$$V_{кр\Sigma} = 1 - \left(1 - V_{кр}^{(syst)}\right) \cdot \left(1 - V_{кр}^{(user)}\right);$$

$$V_{кр}^{(syst)} = 1 - \prod_{n=1}^{N(syst)} \left(1 - \frac{I_{cvss,n}^{(syst)} \cdot I_{infr,n}^{(syst)}}{I_{cvss}^{(max)} \cdot I_{infr}^{(max)}}\right) = 1 - \prod_{n=1}^{N(syst)} \left(1 - \frac{I_{cvss,n}^{(syst)} \cdot I_{infr,n}^{(syst)}}{10}\right), n = \overline{1, N(syst)}; \quad (1)$$

$$V_{кр}^{(user)} = 1 - \prod_{n=1}^{N(user)} \left(1 - \frac{I_{cvss,n}^{(user)} \cdot I_{infr,n}^{(user)}}{I_{cvss}^{(max)} \cdot I_{infr}^{(max)}}\right) = 1 - \prod_{n=1}^{N(user)} \left(1 - \frac{I_{cvss,n}^{(user)} \cdot I_{infr,n}^{(user)}}{10}\right), n = \overline{1, N(user)},$$

где: $V_{кр\Sigma}$ — показатель уровня критичности совокупности уязвимостей в ПО АС ОВД; $V_{кр}^{(syst)}$, $V_{кр}^{(user)}$ — показатели уровня критичности совокупности уязвимостей в системном и прикладном ПО соответственно; $I_{cvss,n}$ и $I_{cvss}^{(max)}$ — показатель, характеризующий «опасность» (значимость для информационной безопасности) уязвимости ПО (рассчитывается в соответствии со стандартом CVSS v. 3.1 или 4.0), и его максимальное значение (по используемой в стандарте шкале равно 10); $I_{infr,n}$ и $I_{infr}^{(max)}$ — показатель, характеризующий влияние n -й уязвимости на процесс функционирования АС ОВД (рассчитывается по методике, разработанной ФСТЭК России), и его максимальное значение (по используемой в методике шкале не превышает 1); N — количество выявленных уязвимостей в ПО АС ОВД.

Для учета фактора времени, что обусловлено тем, что эксплуатация любой уязвимости не может проходить мгновенно, а осуществляется иногда за весьма значительное время, сначала в рамках работы на основе анализа вербальных моделей эксплуатации уязвимостей в ПО и реализуемых при этом несанкционированных действий были разработаны графовые модели процессов эксплуатации текущих уязвимостей в типичном ПО автоматизированного рабочего места пользователя современной АС ОВД (рисунок 2), описывающие возможные состояния моделируемого процесса реализации угроз БИ с количественными показателями (π_{ij}) переходов из состояния i в состояние j .

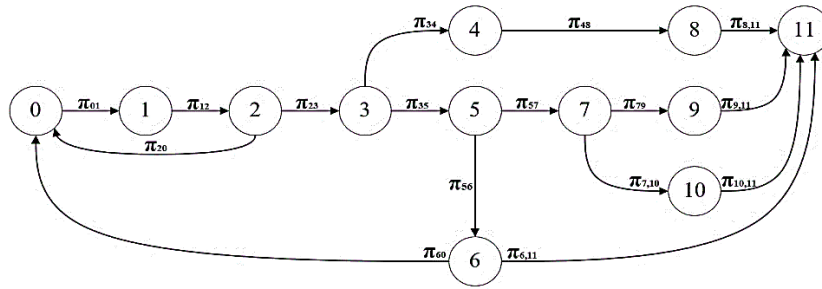
Всего только для уязвимостей офисного пакета LibreOffice (9 версий), широко применяемого в АС ОВД, было разработано 9 графовых моделей (пример такой модели, обобщенной для уязвимостей типа CVE-2021-25631, CVE-2023-31145 и CVE-2024-3044, приведен на рис. 2).

С учетом описанных в графовых моделях действий предложены показатели «динамической» (временной) защищенности ПО в АС ОВД, то есть статистические показатели того, что в течение некоторого заданного времени угрозы не будут реализовываться, несмотря на наличие уязвимостей, в том числе следующие.

1. Вероятности реализации за заданное время угроз БИ путем эксплуатации совокупности уязвимостей в системном и прикладном ПО АС ОВД, рассчитываемые следующим образом:

$$V_{вз\Sigma}(t) = 1 - \left[\prod_{l=1}^{L_{syst}} \left(1 - \prod_{n=1}^{N_l^{(syst)}} \left(1 - P_{\text{э},n}^{(syst)}(t) \right) \right) \right] \cdot \left[\prod_{l=1}^{L_{user}} \left(1 - \prod_{n=1}^{N_l^{(user)}} \left(1 - P_{\text{э},n}^{(user)}(t) \right) \right) \right], \quad (2)$$

где: $V_{вз\Sigma}(t)$ — показатель временной защищенности ПО; L_{syst} , L_{user} — количество программных компонентов с выявленными уязвимостями в системном и прикладном ПО АС ОВД соответственно; $N_l^{(syst)}$, $N_l^{(user)}$ — количество уязвимостей в l -м компоненте системного и прикладного ПО АС ОВД соответственно; $P_{\text{э},n}^{(syst)}(t)$, $P_{\text{э},n}^{(user)}(t)$ — вероятности эксплуатации за время t в АС ОВД n -й уязвимости в системном и прикладном ПО соответственно (нумерация уязвимостей в системном и прикладном ПО независимая).

- 0 — исходное состояние, нарушитель в готовности к действиям, связанным с подготовкой и проведением атаки на АС ОВД;
- 1 — выявлено ПО в составе АС ОВД;
- 2 — осуществлен поиск по базам данных уязвимостей ПО и выявлены (или не выявлены) уязвимости в ПО АС ОВД, подлежащей атаке;
- 3 — определен объект доступа для выполнения несанкционированного действия в ходе атаки (файл с данными или программой) и определено наличие ограничений на получение доступа к объекту;
- 4 — выявлено отсутствие ограничений на доступ к объекту и возможность использования для него штатных средств ОС;
- 5 — выявлено наличие ограничений доступа к объекту и возможностей преодоления этих ограничений с использованием вредоносной программы, эксплойта, подбора пароля в ходе атаки и др.;
- 6 — доступ к объекту путем подбора пароля получен (или не получен);
- 7 — подготовлен эксплойт для эксплуатации уязвимости или вредоносная программа для получения доступа к объекту;
- 8 — получен доступ к объекту с применением штатных средств ОС и выполнения несанкционированного действия (копирования, модификации, уничтожения и др.);
- 9 — вредоносная программа для получения доступа к объекту путем изменения учетной записи и получения привилегий доступа внедрена и запущена;
- 10 — получен доступ к объекту и запущен эксплойт для реализации несанкционированного действия;
- 11 — несанкционированное действие выполнено, угроза реализована.

Рис. 2. Графовая обобщенная для группы уязвимостей модель процесса эксплуатации уязвимостей в офисном пакете LibreOffice ПО АС ОВД

Для расчета вероятностей $P_{zy,n}^{(syst)}(t)$ и $P_{zy,n}^{(user)}(t)$ в связи с наличием разветвлений в процессе реализации угроз (см. рис. 2) в работе предложено применить аппарат полумарковских процессов (ПМП) [8] с использованием построенной для этого системы интегро-дифференциальных уравнений [9]:

$$P_{ij}^{(user)}(t, n) = \delta_{ij} \cdot \left(1 - F_i^{(user)}(t, n)\right) + \sum_{k=1}^{K_n^{(user)}} \pi_{ik}^{(user)} \int_t^\infty f_{ik}^{(user)}(\tau, n) \cdot P_{kj}^{(user)}(t - \tau, n) d\tau, \quad 1 \leq i, j \leq K_n^{(user)}, \quad (3)$$

где: $P_{ij}^{(user)}(t, n)$ — интервально-переходная вероятность того, что процесс эксплуатации n -й уязвимости в прикладном ПО за время t перейдет из состояния i в состояние j , при этом $P_{zy,n}^{(user)}(t, n) \equiv P_{1,K}^{(user)}(t, n)$; δ_{ij} — символ Кронекера, равный 1, если $i = j$, и 0, если $i \neq j$; $F_i^{(user)}(t, n)$ — вероятность того, что за время t процесс эксплуатации n -й уязвимости в прикладном ПО успеет выйти из состояния i ; $\pi_{ik}^{(user)}$ — одношаговые вероятности перехода процесса эксплуатации рассматриваемой уязвимости из состояния i в со-

стояние k (вероятности переходов вложенной марковской цепи); $f_{ik}^{(user)}(\tau, n)$ — плотность вероятности перехода процесса эксплуатации n -й уязвимости в прикладном ПО за время τ из состояния i в состояние k (является производной от функции $P_{ik}^{(user)}(t, n)$); $K_n^{(user)}$ — количество состояний в модели эксплуатации n -й уязвимости в прикладном ПО.

Аналогичный вид имеет система уравнений для системного ПО. Для сведения системы интегро-дифференциальных уравнений к системе линейных алгебраических уравнений к обеим частям уравнения (3) применяется преобразование Лапласа, при этом функция изображения (как применительно к прикладному, так и к системному ПО) имеет вид

$$p_{ij}^*(s, n) = \delta_{ij} \cdot \left(\frac{1}{s} - f_i^*(s, n)\right) + \sum_{k=1}^{K_n} \pi_{ik} f_{ik}^*(s, n) \cdot p_{kj}^*(s, n), \quad 1 \leq i, j \leq K_n, \quad (4)$$

где: $p_{ij}^*(s, n)$, $f_i^*(s, n)$, $f_{ik}^*(s, n)$, $p_{kj}^*(s, n)$ — преобразования Лапласа от функций $P_{ij}(t, n)$, $f_i(x)$ (представляющей собой плотность распределения, соответствующую функции распределения $F_i(t, n)$), $f_{ik}(\tau, n)$ и функции $P_{kj}(t, n)$.

В результате имеют место системы алгебраических уравнений, решением которых для системного и прикладного ПО являются обратные преобразования Лапласа:

$$\begin{aligned} P_{ij}^{(user)}(t, n) &= L^{-1}\{p_{ij}^*(s, n)\}, \text{ где } n = 1, \prod_{l=1}^{L_{user}} N_{user}^{(l)}; \\ P_{ij}^{(syst)}(t, n) &= L^{-1}\{p_{ij}^*(s, n)\}, \text{ где } n = 1, \prod_{l=1}^{L_{syst}} N_{syst}^{(l)}. \end{aligned} \quad (5)$$

Для решения этих систем уравнений с использованием обратного преобразования Лапласа с целью многократного сокращения вычислительных затрат использован пакет программ MATLAB.

2. Вспомогательные показатели, позволяющие для стационарного режима процесса эксплуатации уязвимостей оценивать, во-первых, среднестатистическую готовность системного или прикладного ПО к безопасному функционированию в условиях наличия уязвимостей по показателю «коэффициент готовности» и, во-вторых, математическое ожидание времени возникновения нарушения за счет эксплуатации уязвимости заданного уровня критичности.

Для расчета коэффициента готовности предложена математическая модель, в основу которой положено представление процесса выявления и устранения уязвимостей в ПО АС ОВД в виде многоканальной системы массового обслуживания [10], где в каждом канале реализуется процесс выявления и устранения возможных групп уязвимостей в системном или прикладном ПО и оценивается вероятность того, что каждая n -я уязвимость системного или прикладного ПО ($P_{y,n}^{(syst)}$ или $P_{y,n}^{(user)}$) и совокупность уязвимостей ($P_{\Sigma}^{(syst)}$ или $P_{\Sigma}^{(user)}$) будут выявлены и устранены. При этом коэффициент готовности рассчитывается следующим образом:

для системного ПО:

$$V_{\Gamma}^{(syst)} = \prod_{l=1}^{L_{syst}} \prod_{n=1}^{N_l^{(syst)}} (1 - P_{y,n}^{(syst)}); \quad (6)$$

для прикладного ПО:

$$V_{\Gamma}^{(user)} = \prod_{l=1}^{L_{user}} \prod_{n=1}^{N_l^{(user)}} (1 - P_{y,n}^{(user)}); \quad (7)$$

для системного и прикладного ПО:

$$V_{\Gamma\Sigma} = \prod_{l=1}^{L_{syst}} \prod_{n=1}^{N_l^{(syst)}} (1 - P_{y,n}^{(syst)}) \cdot \prod_{l=1}^{L_{user}} \prod_{n=1}^{N_l^{(user)}} (1 - P_{y,n}^{(user)}), \quad (8)$$

а вероятности $P_{y,n}^{(syst)}$ и $P_{y,n}^{(user)}$ рассчитываются по формуле

$$P_{y,n} = \left[\sum_{m=1}^M \frac{(\lambda_{y,n}/\mu_{y,n})^m}{m!} + \frac{(\lambda_{y,n}/\mu_{y,n})^{C_m+1}}{C_m! \cdot (C_m - \lambda_{y,n}/\mu_{y,n})} \right]^{-1}, \quad (9)$$

где: $\lambda_{y,n}$ и $\mu_{y,n}$ — интенсивности выявления и устранения n -й уязвимости системного или прикладного ПО в АС ОВД ($\lambda_{y,n} = \frac{1}{\overline{\tau_{vy,n}}}$ и $\mu_{y,n} = \frac{1}{\overline{\tau_{yy,n}}}$, где $\overline{\tau_{vy,n}}$ и $\overline{\tau_{yy,n}}$ — математические ожидания времен выявления и устранения n -ой уязвимости в системном или прикладном ПО в зависимости от того, какое ПО рассматривается); M — количество каналов обслуживания; C — количество специалистов в каждом канале, занимающихся выявлением и устранением уязвимостей.

Для расчета математического ожидания времени возникновения нарушения за счет эксплуатации уязвимости заданного уровня критичности – интервального показателя нарушения защищенности ПО — предложено использовать формулу

$$V_{ин} = \overline{T_{y,n^{(r)}}} = \frac{P_{y,n^{(r)}}}{\mu_{y,n^{(r)}} \cdot (1 - P_{y,n^{(r)}})}, \quad (10)$$

где: $n^{(r)}$ — номер уязвимости с заданным уровнем критичности, $n^{(r)} = \overline{1, U_{syst}^{(r)}}$ и $n^{(r)} = \overline{1, U_{user}^{(r)}}$, r — уровень критичности рассматриваемой уязвимости для системного и прикладного ПО соответственно; $U_{syst}^{(r)}$, $U_{user}^{(r)}$ — количество уязвимостей r -го уровня критичности в системном и прикладном ПО соответственно; $P_{y,n^{(r)}}$ — вероятности, рассчитываемые по формулам (3) — (5) для уязвимостей с r -м уровнем критичности; $\mu_{y,n^{(r)}}$ — интенсивности устранения уязвимостей r -го уровня критичности.

Комплексный показатель защищенности ПО АС ОВД ($V_{з\text{ ПО}}(t)$) рассчитывается путем свертки показателей критичности совокупности уязвимостей системного и прикладного ПО для заданного уровня критичности и показателей возможности реализации угроз путем эксплуатации уязвимостей системного и прикладного ПО заданного уровня критичности:

$$V_{з\text{ ПО}}(t) = 1 - \left[1 - \prod_{n=1}^{N^{(syst)}} \left(1 - \frac{I_{cvss,n}^{(syst)} \cdot I_{infr,n}^{(syst)}}{I_{cvss}^{(max)} \cdot I_{infr}^{(max)}} \cdot P_{эy,n}^{(syst)}(t, n) \right) \right] \cdot \left[1 - \prod_{n=1}^{N^{(user)}} \left(1 - \frac{I_{cvss,n}^{(user)} \cdot I_{infr,n}^{(user)}}{I_{cvss}^{(max)} \cdot I_{infr}^{(max)}} \cdot P_{эy,n}^{(user)}(t, n) \right) \right]. \quad (11)$$

Алгоритмы аналитического расчета показателей защищенности программного обеспечения автоматизированных систем органов внутренних дел. На основе предложенных математических моделей разработаны алгоритмы аналитического расчета показателя уровня критичности совокупности уязвимостей в ПО (рис. 3, 4), показателя временной защищенности ПО (рис. 5, 6), вспомогательных показателей (алгоритм расчета интервального показателя нарушения защищенности ПО приведен на рисунке 7, алгоритм расчета коэффициента готовности ПО к безопасному функционированию — на рисунках 8, 9) и комплексного показателя защищенности ПО в АС ОВД (рис. 10, 11).

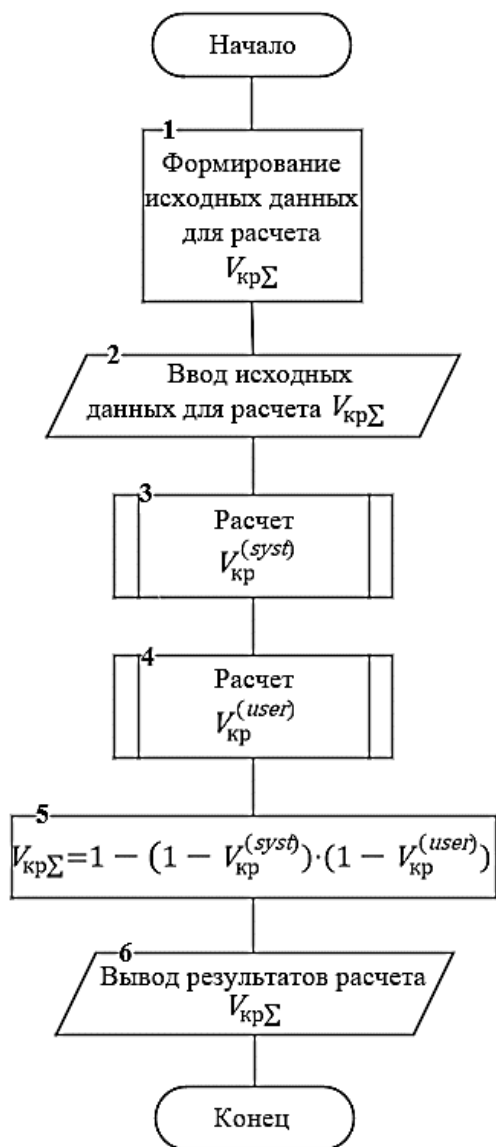

Рис. 3. Алгоритм аналитического расчета показателя уровня критичности совокупности уязвимостей в ПО АС ОВД

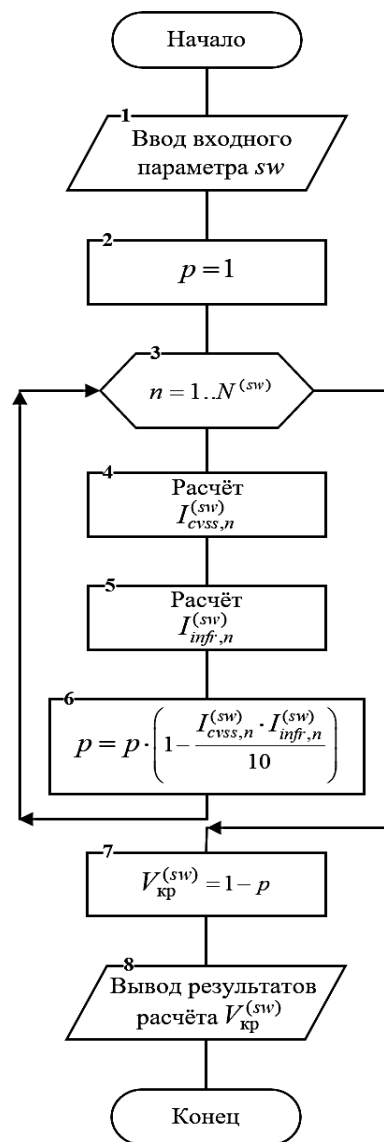

Рис. 4. Алгоритм аналитического расчета $V_{кр}^{(sw)}$

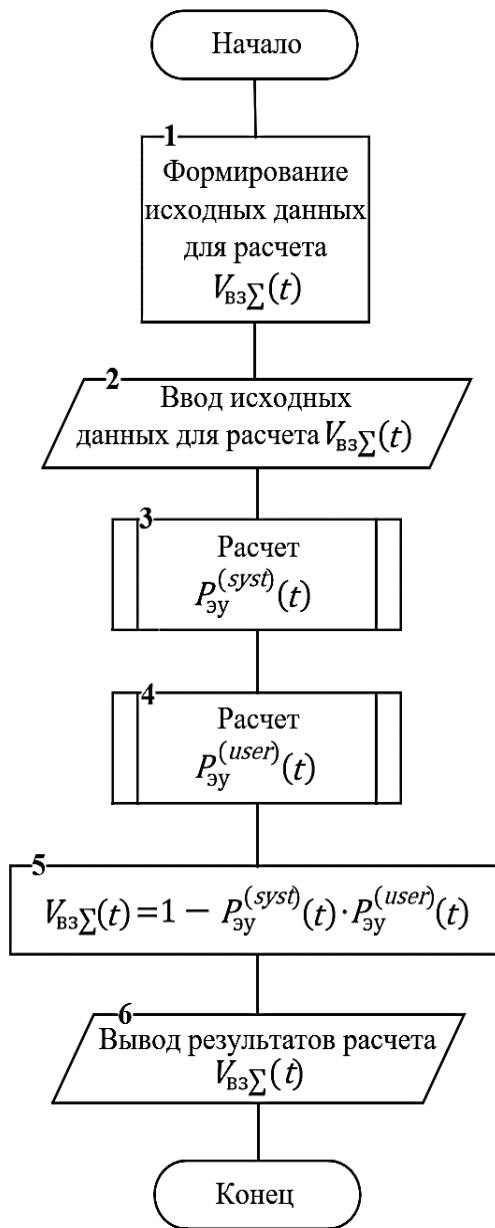

Рис. 5. Алгоритм аналитического расчета показателя временной защищенности ПО АС ОВД

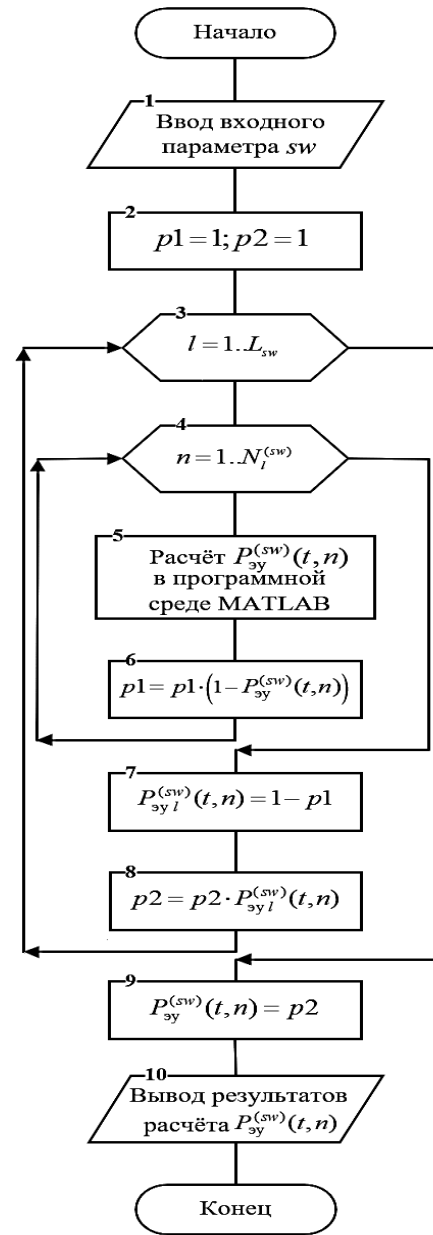

Рис. 6. Алгоритм аналитического расчета $P_{эу}^{(sw)}(t)$

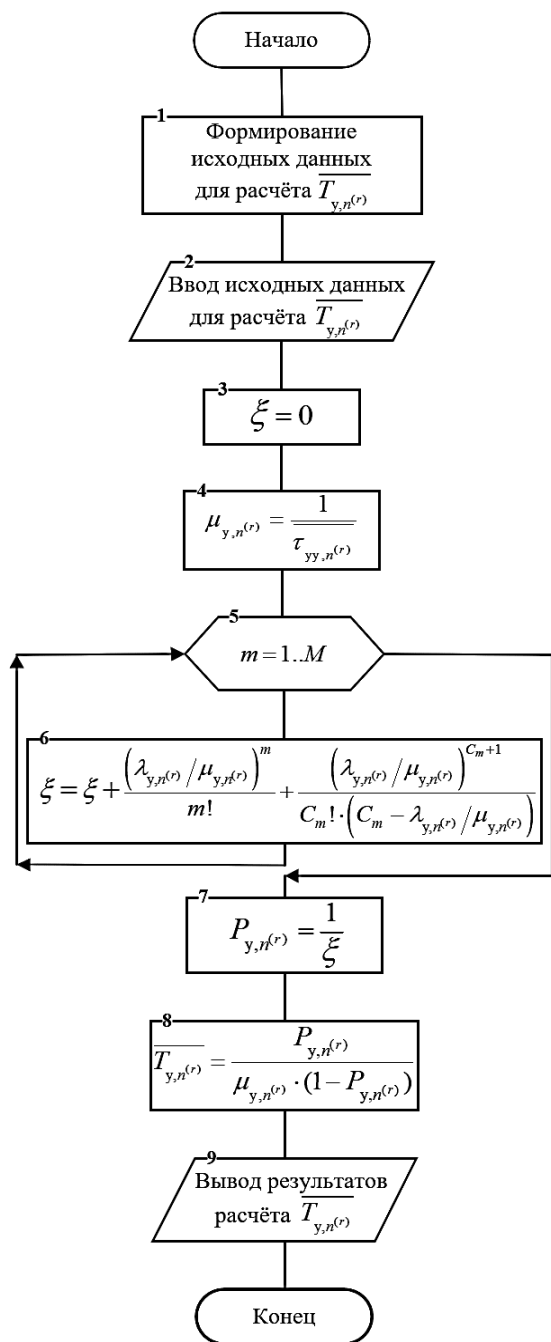

Рис. 7. Алгоритм аналитического расчета интервального показателя нарушения защищенности ПО АС ОВД

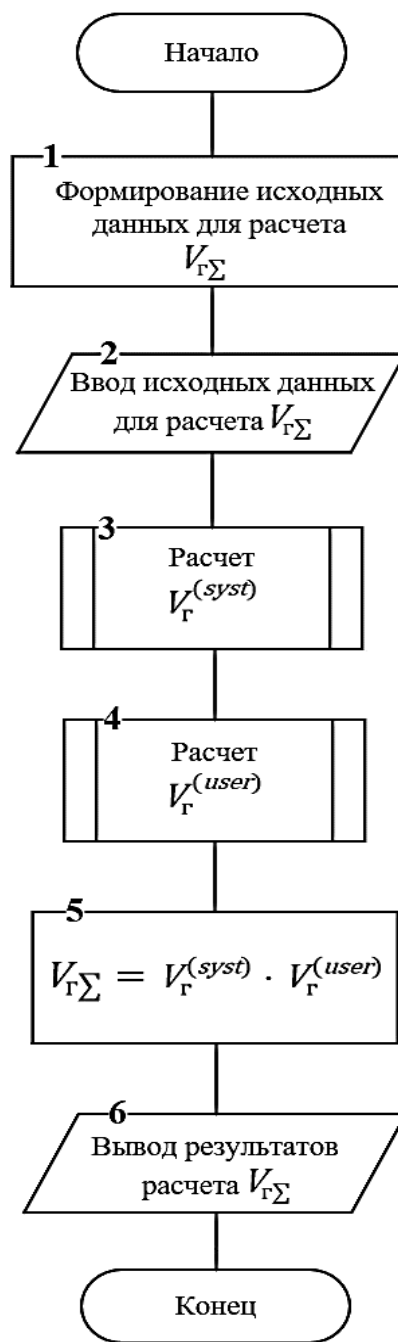

Рис. 8. Алгоритм аналитического расчета коэффициента готовности ПО к безопасному функционированию в АС ОВД

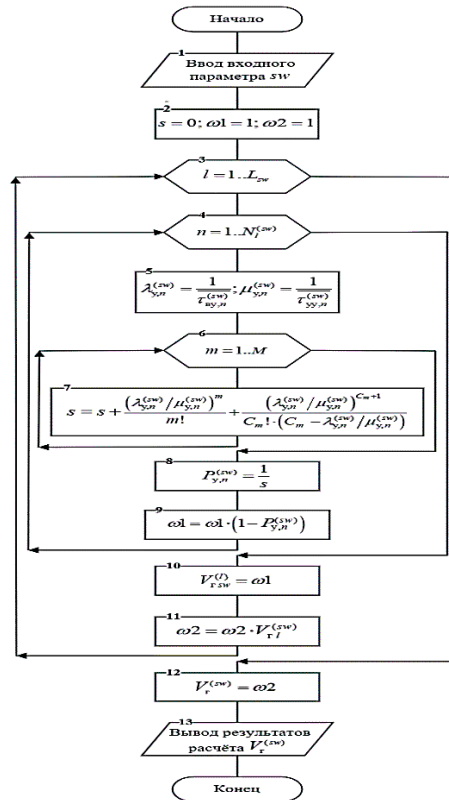

Рис. 9. Алгоритм аналитического расчета $V_r^{(sw)}$

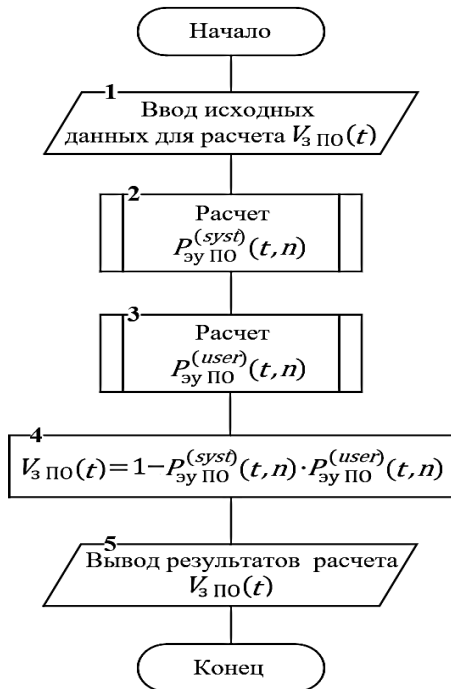

Рис. 10. Алгоритм аналитического расчета комплексного показателя защищенности ПО АС ОВД

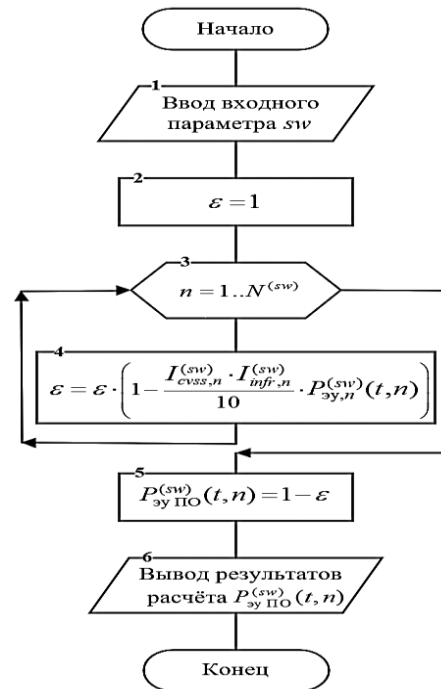

Рис. 11. Алгоритм аналитического расчета $V_{эу ПО}^{(sw)}(t, n)$

Оценивание защищенности ПО в динамике его функционирования в АС ОВД является сложным математическим процессом, требующим для своего осуществления минимизации временных и вычислительных ресурсов. В настоящее время широкое применение для проведения сложных математических вычислений с высокой степенью точности находят аналитические и численные методы, в том числе с использованием системы компьютерной математики MATLAB [11], что позволило выбрать ее для реализации в виде алгоритмов разработанных аналитических моделей оценки показателя временной защищенности ПО и интервального показателя нарушения защищенности ПО в процессе его функционирования в АС ОВД.

Выводы. Таким образом, в статье предложена система показателей, позволяющая всесторонне оценивать защищенность ПО АС ОВД, включающая в себя:

- во-первых, показатель уровня критичности совокупности уязвимостей в ПО для учета влияния критичности уязвимостей в системном и прикладном ПО на его безопасность;

- во-вторых, три показателя временной защищенности ПО: первый (основной) необходим для оценки возможности реализации за заданное время угроз БИ путем эксплуатации совокупности уязвимостей в системном и прикладном ПО, второй (вспомогательный) — для оценки среднестатистической готовности системного и прикладного ПО к безопасному функционированию в условиях наличия уязвимостей, третий (вспомогательный) — для расчета математического ожидания времени наработки ПО на нарушение БИ путем эксплуатации уязвимости заданного уровня критичности;

- в-третьих, комплексный показатель, представляющий собой свертку указанных выше основных частных показателей — показателя уровня критичности совокупности уязвимостей в системном и прикладном ПО для заданного уровня критичности и показателя возможности реализации за заданное время угроз БИ путем эксплуатации совокупности уязвимостей заданного уровня критичности в системном и прикладном ПО.

Разработаны аналитические модели количественной оценки показателей защищенности ПО АС ОВД, отличающиеся наличием процедур оценки критичности выявленных уязвимостей ПО и влияния уровня критичности на защищенность ПО, а также алгоритмы, построенные на основе аппарата ПМП, расчета динамических показателей защищенности ПО с учетом фактора времени эксплуатации выявленных уязвимостей.

Практическая реализация разработанных моделей и алгоритмов в виде программного комплекса анализа и оценки защищенности ПО позволит осуществлять оценку защищенности версий ПО с учетом фактора времени и тем самым существенно повышать обоснованность выбора наиболее защищенной версии и коррекции времени устранения ее текущих уязвимостей в процессе функционирования ПО в АС ОВД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Методика оценки уровня критичности уязвимостей программных, программно-аппаратных средств : методический документ : утвержден ФСТЭК России 28 октября 2022 г. // ФСТЭК России. — URL : <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/spetsialnye-normativnye-dokumenty/> (дата обращения: 10.06.2025).

2. Щеглов А. Ю. Элементы теории эксплуатационной информационной безопасности: учебное пособие. — СПб. : СПб ГУ ИТМО, 2014. — 59 с.

3. Щеглов К. А., Щеглов А. Ю. Математические модели и методы формального

проектирования систем защиты информационных систем : учебное пособие — СПб. : СПбГУ ИТМО, 2014. — 83 с.

4. Попова А. Д. Анализ условий функционирования, состава используемых программных средств и нормативной базы, регламентирующей требования по обеспечению информационной безопасности объектов информатизации органов внутренних дел // Современные информационные технологии в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел : сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 26 апреля 2024 года. — Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт МВД России, 2024. — С. 61—70.

5. Дровникова И. Г., Попова А. Д. Характеристика дефектов безопасности и анализ критичности уязвимостей в программном обеспечении автоматизированных систем органов внутренних дел // Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки. — 2024. — Т. 51. — № 1. — С. 68—78.

6. Дровникова И. Г., Попова А. Д. Способы оценки уровня защищенности программного обеспечения автоматизированных систем органов внутренних дел и направления их совершенствования // Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки. — 2023. — Т. 50. — № 4. — С. 85—92.

7. Дровникова И. Г., Попова А. Д. Показатели защищенности программного обеспечения, используемого на объектах информатизации органов внутренних дел // Вестник Воронежского института МВД России. — 2024. — № 1. — С. 50—59.

8. Корольок В. С., Турбин А. Ф. Полумарковские процессы и их приложения. — Киев : Наукова думка, 1976. — 184 с.

9. Федоров С. В. Методы математической физики: учебное пособие. — Владимир : Владимирский государственный университет, 2002. — 108 с.

10. Бубнов В. П., Еремин А. С., Сергеев С. А. Особенности программной реализации численно-аналитического метода расчета моделей нестационарных систем обслуживания // Труды СПИИРАН. — 2015. — № 38 (1). — С. 218—232.

11. Курбатова Н. В., Пустовалова О. Г. Основы Matlab в примерах и задачах : учебно-методическое пособие. — Ростов-на-Дону : Южный федеральный университет, 2017. — 69 с.

REFERENCES

1. Metodika ocenki urovnya kritichnosti uyazvimostej programmnyh, programmno-apparatnyh sredstv : metodicheskij dokument : utverzhden FSTEK Rossii 28 oktyabrya 2022 g. // FSTEK Rossii. — URL : <https://fstec.ru/dokumenty/vse-dokumenty/spetsialnye-normativnye-dokumenty/> (data obrashcheniya: 10.06.2025).

2. Shcheglov A. Yu. Elementy teorii ekspluatacionnoj informacionnoj bezopasnosti: uchebnoe posobie. — SPb. : SPb GU ITMO, 2014. — 59 s.

3. Shcheglov K. A., Shcheglov A. Yu. Matematicheskie modeli i metody formal'nogo proektirovaniya sistem zashchity informacionnyh sistem : uchebnoe posobie — SPb. : SPbGU ITMO, 2014. — 83 s.

4. Popova A. D. Analiz uslovij funkcionirovaniya, sostava ispol'zuemyh programmnyh sredstv i normativnoj bazy, reglamentiruyushchej trebovaniya po obespecheniyu informacionnoj bezopasnosti ob"ektov informatizacii organov vnutrennih del // Sovremennye informacionnye tekhnologii v professional'noj deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del : sbornik nauchnyh trudov vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Rostov-na-Donu,

26 aprelya 2024 goda. — Rostov-na-Donu : Rostovskij juridicheskij institut MVD Rossii, 2024. — S. 61—70.

5. Drovnikova I. G., Popova A. D. Harakteristika defektov bezopasnosti i analiz kritichnosti uyazvimostej v programmnom obespechenii avtomatizirovannyh sistem organov vnutrennih del // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Tekhnicheskie nauki. — 2024. — T. 51. — № 1. — S. 68—78.

6. Drovnikova I. G., Popova A. D. Sposoby ocenki urovnya zashchishchennosti programmnoho obespecheniya avtomatizirovannyh sistem organov vnutrennih del i napravleniya ih sovershenstvovaniya // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Tekhnicheskie nauki. — 2023. — T. 50. — № 4. — S. 85—92.

7. Drovnikova I. G., Popova A. D. Pokazateli zashchishchennosti programmnoho obespecheniya, ispol'zuemogo na ob'ektah informatizacii organov vnutrennih del // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2024. — № 1. — S. 50—59.

8. Korolyuk V. S., Turbin A. F. Polumarkovskie processy i ih prilozheniya. — Kiev : Naukova dumka, 1976. — 184 s.

9. Fedorov S. V. Metody matematicheskoy fiziki: uchebnoe posobie. — Vladimir : Vladimirskij gosudarstvennyj universitet, 2002. — 108 s.

10. Bubnov V. P., Eremin A. S., Sergeev S. A. Osobennosti programmnoj realizacii chislenno-analiticheskogo metoda rascheta modelej nestacionarnyh sistem obsluzhivaniya // Trudy SPIIRAN. — 2015. — № 38 (1). — С. 218—232.

11. Kurbatova N. V., Pustovalova O. G. Osnovy Matlab v primerah i zadachah : uchebno-metodicheskoe posobie. — Rostov-na-Donu : Yuzhnyj federal'nyj universitet, 2017. — 69 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Попова Арина Дмитриевна. Адъюнкт.
Воронежский институт МВД России.
E-mail: arnpva@mail.ru
Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Дровникова Ирина Григорьевна. Профессор кафедры автоматизированных информационных систем органов внутренних дел. Доктор технических наук, профессор.
Воронежский институт МВД России.
E-mail: idrovnikova@mail.ru
Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Пименова Оксана Владимировна. Доцент кафедры информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий. Кандидат технических наук.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
E-mail: oksana.pimenova@yandex.ru
Россия, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Popova Arina Dmitrievna. Post-graduate cadet.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
E-mail: arnpva@mail.ru
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Drovnikova Irina Grigoryevna. Professor of the chair of Automatic Information Systems. Doctor of Technical Sciences, Professor.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
E-mail: idrovnikova@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Pimenova Oksana Vladimirovna. Associate Professor of the chair of Information Security of the Educational and Scientific Complex of Information Technologies. Candidate of Technical Sciences.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: okcana.pimenova@yandex.ru

Work address: Russia, 117437, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Ключевые слова: программное обеспечение; уязвимости; уровень критичности уязвимости; показатели защищенности; графовая модель; динамические аналитические модели; алгоритмы.

Key words: software; vulnerabilities; vulnerability criticality level; security indicators; graph model; dynamic analytical models; algorithms.

УДК 004.056

А. В. Амелина, кандидат технических наук, доцент

Т. В. Меньших, кандидат технических наук

МОДЕЛЬ И ЧИСЛЕННЫЙ МЕТОД УЧЕТА ЛАТЕНТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРАВОВОЙ СТАТИСТИКИ ПРИ ОЦЕНКЕ КРИМИНОГЕННОЙ СИТУАЦИИ

A MODEL AND NUMERICAL METHOD FOR ACCOUNTING FOR LATENT VALUES OF LEGAL STATISTICS INDICATORS IN ASSESSING THE CRIMINOGENIC SITUATION

Предложен подход к моделированию и учёту в процессе получения оценок криминогенной ситуации латентной преступности на основе использования методов «мягкой» математики. Разработана модель с использованием нечётких множеств, основанная на учёте экспертных оценок предельных значений незарегистрированных преступлений определённых типов. Описан численный метод получения лингвистических оценок криминогенной ситуации в определённом регионе, основанный на сравнительном анализе значений показателей правовой статистики с учётом латентной преступности и набора нечётко описанных интервалов указанных показателей, соответствующих лингвистическим оценкам.

Proposed approach to modeling and accounting in the process of obtaining estimates of the criminogenic situation of latent crime based on the use of methods of "soft" mathematics. Developed a model using fuzzy sets, based on the consideration of expert estimates of the limit values of unregistered crimes of certain types. Described a numerical method for obtaining linguistic estimates of the criminogenic situation in a certain region, based on a comparative analysis of the values of legal statistics indicators, taking into account latent crime and a set of fuzzy intervals of these indicators corresponding to linguistic estimates.

Введение. Эффективность функционирования органов внутренних дел во многом определяется качеством предварительной аналитической работы сотрудников ОВД, осуществляющих обработку показателей правовой статистики [1]. В частности, указанный вид работы может быть направлен на получение оценок криминогенной ситуации в различных регионах [2].

Высокую эффективность для принятия управленческих решений в области правоохранительной деятельности [3] показывает использование лингвистических оценок [4]. Данное обстоятельство объясняется тем, что изначально экспертам приходится работать с числовыми статистическими данными, которые в отдельности не позволяют в общем случае охарактеризовать учитываемые в процессе аналитической работы показатели. Кроме того, в различных ситуациях (например, применительно к различным регионам) одни и те же количественные значения показателей могут иметь различную качественную характеристику. Например, одно и то же количество преступлений какого-

либо вида в регионах с существенно различным количеством населения может как характеризовать ситуацию как опасную, требующую принятия срочных мер, так и быть свидетельством снижения преступности данного вида.

Подход к использованию показателей правовой статистики для оценки криминогенной ситуации, основанный на применении лингвистических оценок, разработан в [4, 5]. Вместе с тем точность оценок, полученных с использованием этого подхода, может значительно искажаться в силу неучёта оценки незарегистрированной части фактически совершённых преступлений, т. е. латентной преступности [6].

В настоящей работе описаны подход к моделированию латентной преступности и модернизация предложенного в [4] подхода к оценке криминогенной ситуации с учётом результатов этого моделирования.

1. Подход к получению лингвистических оценок криминогенной ситуации.

Для получения оценок криминогенной ситуации сотрудники правоохранительных органов, осуществляющие аналитическую работу, выполняют обработку и анализ определённого набора показателей правовой статистики. При этом они сталкиваются с определёнными сложностями, вызванными наличием некоторых факторов, наиболее существенными из которых являются следующие [4]:

состав используемых показателей может существенно различаться для отдельных регионов;

влияние значений показателей правовой статистики на оценку криминогенной ситуации будет различно для различных регионов в силу различных обстоятельств — менталитета населения, национальных, религиозных, исторических или иных особенностей;

использование числовых оценок криминогенной ситуации является малоэффективным для принятия управленческих решений.

Обратимся к описанию способов оценки криминогенной ситуации.

Обозначим:

$$\Omega = \{\omega_1, \omega_2, \dots, \omega_n\} —$$

множество всех показателей правовой статистики, которые потенциально могут быть использованы для оценки криминогенной ситуации в каком-либо регионе, включая виды преступлений;

$$Y(t) = \{y_1(t), y_2(t), \dots, y_n(t)\} —$$

значения показателей из множества Ω в момент времени t (в дальнейшем, учитывая тот факт, что оценка производится для конкретного момента времени, указание на параметр t будет исключаться, т. е. будем обозначать отдельные значения как y_k , а всё множество оценок — Y).

Для учёта первых двух приведённых выше факторов введём параметры влияния значений показателей правовой статистики на оценку криминогенной ситуации в регионе:

$$A(\Omega) = \{\alpha(\omega_1), \alpha(\omega_2), \dots, \alpha(\omega_n)\}.$$

Будем считать, что если $\alpha(\omega_i) = 0$, то показатель правовой статистики ω_i не существует для оценки криминогенной ситуации в рассматриваемом регионе.

Для учёта третьего фактора в [4] предложено использовать лингвистическую шкалу оценки криминогенной ситуации

$$S = (s_1, s_2, \dots, s_m),$$

где $s_1 =$ "очень опасная", $s_2 =$ "опасная", $s_3 =$ "средняя", $s_4 =$ "близкая к нормальной", $s_5 =$ "нормальная" [7]. При этом может быть использована и другая шкала, такая, что число m градаций шкалы S , соответствует числу Миллера, т. е. 7 ± 2 [8].

Соответствие текущих значений показателей правовой статистики $y_k \in Y$ тем или иным оценкам $s_i \in S$ криминогенной ситуации осуществляется на основе проверки принадлежности y_k некоторому диапазону $[y_k^{\min}(s_i), y_k^{\max}(s_i)]$ значений этого показателя правовой статистики.

Каждому лингвистическому значению $s_i \in S$ соответствует один или несколько наборов диапазонов показателей правовой статистики Ω :

$$([y_{1j}^{\min}(s_i), y_{1j}^{\max}(s_i)], [y_{2j}^{\min}(s_i), y_{2j}^{\max}(s_i)], \dots, [y_{nj}^{\min}(s_i), y_{nj}^{\max}(s_i)]), j = 1, 2, \dots, p_i,$$

где $p_i, i = 1, 2, \dots, m$ — количество наборов диапазонов показателей, соответствующих лингвистической оценке криминогенной ситуации s_i .

Если в каком-либо наборе некоторый показатель y_k является незначимым, то естественно считать, что он может принимать произвольные значения, т. е.

$$[y_{kj}^{\min}(s_i), y_{kj}^{\max}(s_i)] = (-\infty, +\infty),$$

а если он может принимать единственное значение, то

$$y_{kj}^{\min}(s_i) = y_{kj}^{\max}(s_i).$$

В таком случае, если для известного набора значений показателей правовой статистики в некотором регионе $\exists j, 1 \leq j \leq p_i$ такие, что выполнены условия

$$\begin{cases} y_1 \in [y_{1j}^{\min}(s_i), y_{1j}^{\max}(s_i)], \\ y_2 \in [y_{2j}^{\min}(s_i), y_{2j}^{\max}(s_i)], \\ \dots \\ y_n \in [y_{nj}^{\min}(s_i), y_{nj}^{\max}(s_i)], \end{cases} \quad (1)$$

то s_i является лингвистической оценкой криминогенной ситуации в этом регионе.

2. Использование нечётких оценок. Недостатком такого подхода, как указано в [9], является то, что для множества значений Y может не выполняться система условий (1). В [4, 5] в таком случае предложено использовать методы «мягкой» математики. Для этого условия (1) было предложено использование нечётких оценок с трапецидальной функцией принадлежности.

Аналитическое описание функции принадлежности $\mu_{y_{kj}}(y)$ нечёткой оценки для интервала $[y_{kj}^{\min}(s_i), y_{kj}^{\max}(s_i)]$, используемого для получения лингвистической оценки показателя правовой статистики y_k , имеет вид, представленный в (2), а геометрическое представление — на рис. 1, где использованы следующие обозначения:

$[y_{kj}^{\min}(s_i), y_{kj}^{\max}(s_i)]$ — интервал, соответствующий лингвистическому значению оценки криминогенной ситуации s_i ;

$(-\infty, \tilde{y}_{kj}^{\min}(s_i)]$ и $[\tilde{y}_{kj}^{\max}(s_i), +\infty)$ — интервалы, в которых использование такой оценки абсолютно неприемлемо;

$(\tilde{y}_{kj}^{\min}(s_i), y_{kj}^{\min}(s_i))$ и $(y_{kj}^{\max}(s_i), \tilde{y}_{kj}^{\max}(s_i))$ — интервалы, в которых использование такой оценки в определённой степени допустимо.

$$\mu_{y_{kj}(s_i)}(y) = \begin{cases} 0, & \text{если } y_k \in (-\infty, \tilde{y}_{kj}^{\min}(s_i)], \\ \frac{y - \tilde{y}_{kj}^{\min}(s_i)}{y_{kj}^{\min}(s_i) - \tilde{y}_{kj}^{\min}(s_i)}, & \text{если } y_k \in (\tilde{y}_{kj}^{\min}(s_i), y_{kj}^{\min}(s_i)), \\ 1, & \text{если } y_k \in [y_{kj}^{\min}(s_i), y_{kj}^{\max}(s_i)], \\ \frac{y - \tilde{y}_{kj}^{\max}(s_i)}{y_{kj}^{\max}(s_i) - \tilde{y}_{kj}^{\max}(s_i)}, & \text{если } y_k \in (y_{kj}^{\max}(s_i), \tilde{y}_{kj}^{\max}(s_i)), \\ 0, & \text{если } y_k \in [\tilde{y}_{kj}^{\max}(s_i), +\infty). \end{cases} \quad (2)$$

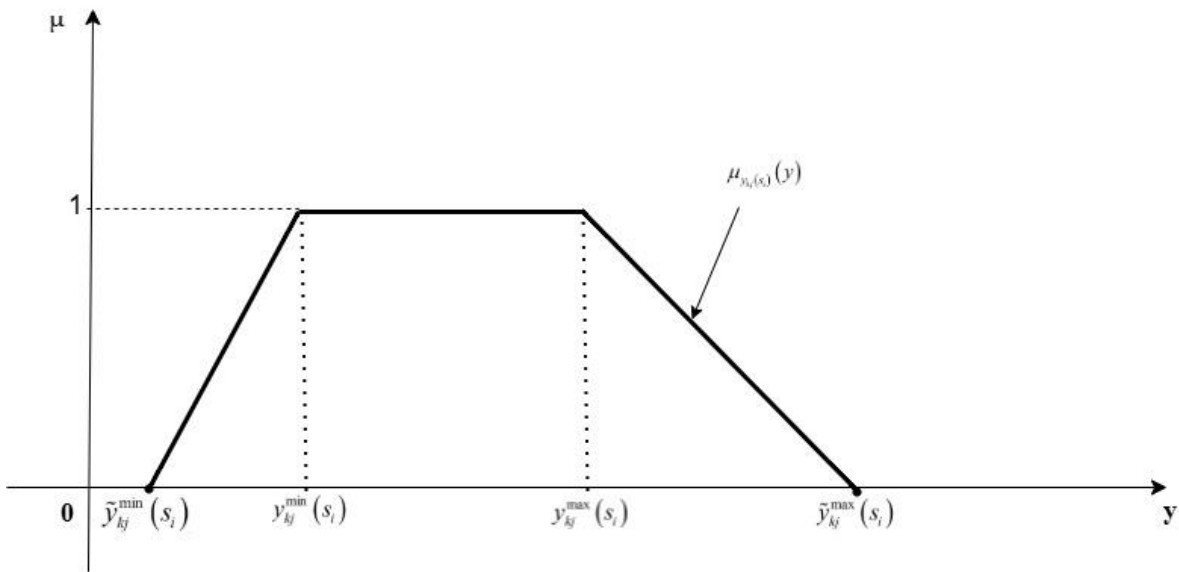

Рис. 1. Графическое представление нечеткой оценки показателя правовой статистики y_{kj}

Если какой-либо показатель правовой статистики является незначимым, то функция принадлежности принимается тождественно равной 1 на всём интервале [10].

3. Нечёткие оценки показателей правовой статистики с учетом латентной преступности. Для повышения точности оценок, как указано выше, может быть использован учёт латентной преступности в рассматриваемом регионе, для чего вновь могут быть использованы методы «мягкой» математики, позволяющие заменить часть точечных оценок $y_k \in Y$ нечёткими оценками.

Для решения данной задачи примем две гипотезы:

для определённой части показателей $y_k \in Y$ на основе криминологических исследований определено предельное значение Δ_k количества незарегистрированных преступлений вида ω_k в данном регионе;

количество преступлений вида ω_k монотонно убывает на промежутке $[y_k, y_k + \Delta_k)$ и описывается линейным законом.

С учётом приведённых гипотез количество преступлений вида ω_k может быть описано нечеткой оценкой, функция принадлежности $\mu_{\omega_k}(y)$ которой определяется на основе следующих утверждений:

$(-\infty, y_k) \cup [y_k + \Delta_k, +\infty)$ — промежуток значений, для которых значение количества преступлений вида ω_k в силу первой гипотезы считается невозможным;

$[y_k, y_k + \Delta_k)$ — промежуток значений, для которых значение количества преступлений вида ω_k считается допустимым и изменяется в соответствии с законом, определяемым второй гипотезой.

В таком случае нечёткая оценка показателя правовой статистики $y_k \in Y$ с учетом латентной преступности аналитически описывается формулой (3) и геометрически представляется в виде, представленном на рис. 2.

$$\mu_{\omega_k}(y) = \begin{cases} 0, & \text{если } y \in (-\infty, y_k), \\ \frac{-y + (y_k + \Delta_k)}{\Delta_k}, & \text{если } y \in [y_k, y_k + \Delta_k), \\ 0, & \text{если } y \in [y_k + \Delta_k, +\infty). \end{cases} \quad (3)$$

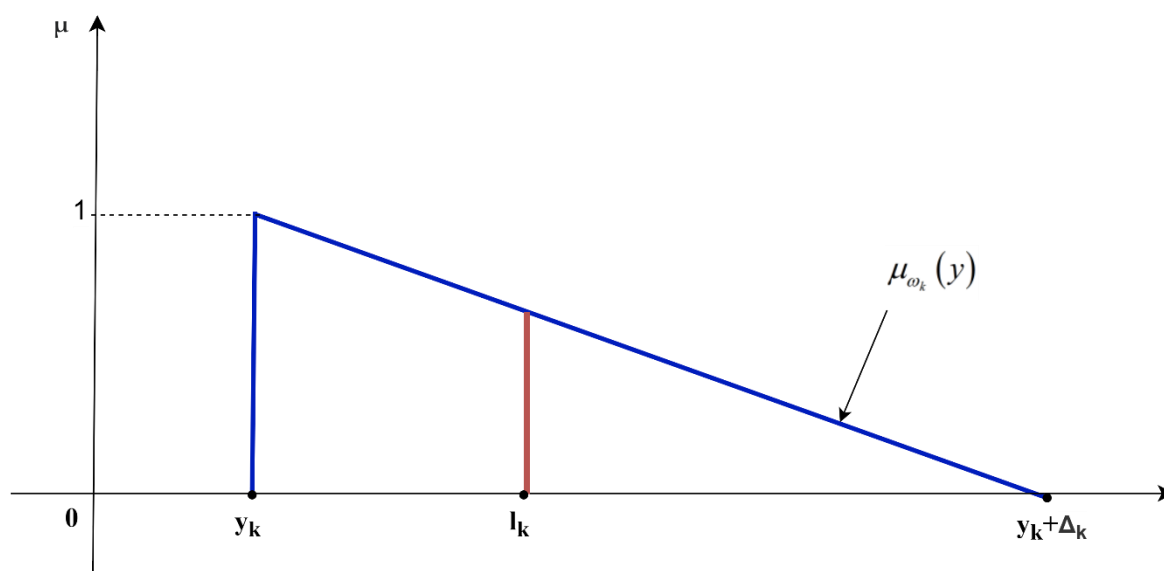

Рис. 2. Графическое представление нечеткой оценки показателя правовой статистики y_k с учетом латентной преступности

Для тех показателей правовой статистики, для которых не дана оценка значения Δ_k предельного числа незарегистрированных преступлений вида ω_k , принимается $\Delta_k = 0$, т. е. оценка остаётся точечной.

4. Оценки криминогенной ситуации с учётом латентной преступности. Для получения указанных оценок необходимо заменить условия (1) попадания точечных значений показателей $y_k \in Y$ в соответствующие лингвистическим оценкам криминогенной ситуации интервалы так, чтобы учесть нечёткие оценки как для интервалов, соответствующих лингвистическим оценкам, так и для показателей правовой статистики с учётом латентной преступности. Для этой цели должны быть учтены соотношения между указанными нечёткими оценками.

С этой целью оценки $y_k \in Y$ могут быть заменены медианными значениями l_k функций принадлежности $\mu_{\omega_k}(y)$ указанных оценок с учётом латентной преступности:

$$l_k = y_k + \left(1 - \frac{\sqrt{2}}{2}\right) \Delta_k.$$

Заметим, что если не дана оценка предельного числа незарегистрированных преступлений, т. е. $\Delta_k = 0$, то $l_k = y_k$.

В таком случае величина соответствия лингвистической оценке s_j при рассмотрении j -го варианта определяется как

$$\delta_j(s_i) = \sum_{k=1}^n \alpha(\omega_k) \cdot \mu_{y_{kj}(s_i)}(l_k),$$

а при рассмотрении всех вариантов —

$$\delta(s_i) = \max_{1 \leq j \leq p_i} \sum_{k=1}^n \alpha(\omega_k) \cdot \mu_{y_{kj}(s_i)}(l_k).$$

Окончательно лингвистическая оценка криминогенной ситуации s^* определяется как

$$s^* = \text{Arg max } \delta(s_i).$$

Заключение. Полученные оценки не позволяют учесть динамику преступности в определённом регионе, поскольку для их получения использованы значения показателей правовой статистики только для текущего момента времени t . Для уточнения оценок могут быть использованы методы правовой статистики [2], позволяющие осуществлять прогноз динамики указанных показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозова В. О. Численный метод нахождения состава расчетных показателей и данных для решения задач аналитической работы // Вестник Воронежского института МВД России. — 2023. — № 1. — С. 81—88.
2. Данилова О. Ю., Меньших В. В., Синегубов С. В. Правовая статистика: методы и модели — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2018. — 302 с.

3. Меньших В. В., Горлов В. В. Алгоритм имитационного моделирования действий органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах криминального характера // Вестник Воронежского института МВД России. — 2013. — № 3. — С. 52—60.
4. Меньших А. В., Меньших Т. В. Модель получения лингвистических оценок криминогенной ситуации с использованием нечётких оценок показателей правовой статистики // Вестник Воронежского института МВД России. — 2024. — № 1. — С. 101—107.
5. Меньших А. В., Меньших Т. В. Выбор методов моделирования оценок криминогенной ситуации // Охрана, безопасность, связь. — 2024. — № 9-3. — С. 133—137.
6. Гусейнова Ш. А., Таилова А. Г. Масштабы латентной преступности, методы оценки и использование её показателей в деятельности органов внутренних дел РФ // Colloquium-Journal. — 2020. — № 8-7 (60). — С. 12—16.
7. Меньших В. В., Морозова В. О. Использование лингвистических значений показателей в статистических моделях // Вестник Воронежского института МВД России. — 2021. — № 1. — С. 46—53.
8. Меньших В. В., Морозова В. О. Описание математических методов оценки показателей работы органов внутренних дел // Охрана, безопасность, связь. — 2021. — № 6-2. — С. 94—99.
9. Меньших В. В., Середа Е. Н. Разработка модели распознавания чрезвычайной ситуации в условиях частичной неопределённости информации // Вестник Воронежского института МВД России. — 2013. — № 4. — С. 168—174.
10. Меньших А. В., Меньших Т. В. Моделирование частичной неопределённости и неполноты данных при принятии управленческих решений // Вестник Воронежского института МВД России. — 2023. — № 2. — С. 132—137.

REFERENCES

1. Morozova V. O. Chislennyj metod nahozhdeniya sostava raschetnyh pokazatelej i dannyh dlya resheniya zadach analiticheskoj raboty // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2023. — № 1. — S. 81—88.
2. Danilova O. Yu., Men'shih V. V., Sinegubov S. V. Pravovaya statistika: metody i modeli — Voronezh : Voronezhskij institut MVD Rossii, 2018. — 302 s.
3. Men'shih V. V., Gorlov V. V. Algoritm imitacionnogo modelirovaniya dejstvij organov vnutrennih del pri chrezvychajnyh obstoyatel'stvah kriminal'nogo haraktera // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2013. — № 3. — S. 52—60.
4. Men'shih A. V., Men'shih T. V. Model' polucheniya lingvisticheskikh ocenok kriminogennoj situacii s ispol'zovaniem nechotkih ocenok pokazatelej pravovoj statistiki // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2024. — № 1. — S. 101—107.
5. Men'shih A. V., Men'shih T. V. Vybor metodov modelirovaniya ocenok kriminogennoj situacii // Ohrana, bezopasnost', svyaz'. — 2024. — № 9-3. — S. 133—137.
6. Gusejnova Sh. A., Tailova A. G. Masshtaby latentnoj prestupnosti, metody ocenki i ispol'zovanie eyo pokazatelej v deyatel'nosti organov vnutrennih del RD // Colloquium-Journal. — 2020. — № 8-7 (60). — S. 12—16.
7. Men'shih V. V., Morozova V. O. Ispol'zovanie lingvisticheskikh znachenij pokazatelej v statisticheskikh modelyah // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2021. — № 1. — S. 46—53.

8. Men'shih V. V., Morozova V. O. Opisaniye matematicheskikh metodov ocenki pokazatelej raboty organov vnutrennih del // Ohrana, bezopasnost', svyaz'. — 2021. — № 6-2. — S. 94—99.

9. Men'shih V. V., Sereda E. N. Razrabotka modeli raspoznavaniya chrezvychajnoj situacii v usloviyah chastichnoj neopredelyonnosti informacii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2013. — № 4. — S. 168—174.

10. Men'shih A. V., Men'shih T. V. Modelirovaniye chastichnoj neopredelennosti i nepolnoty dannyh pri prinyatii upravlencheskih reshenij // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2023. — № 2. — S. 132—137.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амелина Анастасия Валерьевна. Доцент кафедры математики и моделирования систем. Кандидат технических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: asy90@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Меньших Татьяна Валерьевна. Старший преподаватель кафедры математики и естественно-научных дисциплин. Кандидат технических наук.

Воронежский институт ФСИН России.

E-mail: tasay94@rambler.ru

Россия, 394072, Воронеж, ул. Иркутская, 1а.

Amelina Anastasia Valeryevna. Associate Professor of the chair of Mathematics and Systems Modelling. Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: asy90@yandex.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Menshih Tatyana Valeryevna. Senior lecturer of the chair of Mathematics and Natural Sciences. Candidate of Technical Sciences.

Voronezh Institute of Russian Federal Penitentiary Service.

E-mail: tasay94@rambler.ru

Work address: Russia, 394072, Voronezh, Irkutskaya, 1a.

Ключевые слова: криминогенная ситуация; лингвистические оценки; нечёткие множества; треугольный и трапецидальный вид функции принадлежности.

Key words: criminogenic situation; linguistic assessments; fuzzy sets; triangular and trapezoidal form of membership function.

УДК 004.94 : 510.644.4 : 343.97

И. Ю. Бутусов, кандидат технических наук, доцент

Е. А. Татохин, кандидат физико-математических наук, доцент

И. В. Сычев, кандидат физико-математических наук, доцент

УЧЕТ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПРИ ДИАГНОСТИКЕ СЛОЖНЫХ СИСТЕМ

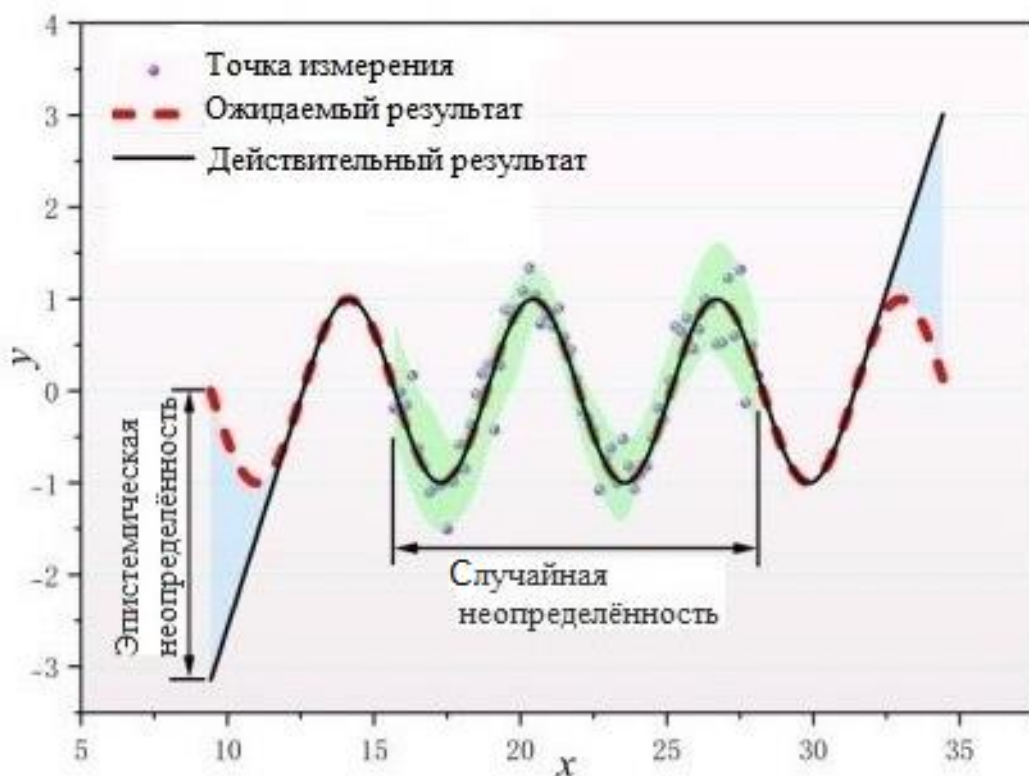
CONSIDERATION OF UNCERTAINTY IN THE DIAGNOSIS OF COMPLEX SYSTEMS

Развитие современных систем связи, управления, сигнализации и контроля объектов требует надежных методов поиска неисправностей или потери контроля до того как нештатная ситуация приведет к серьезным либо, вообще, к аварийным последствиям. Кроме того, следует иметь в виду, что технические тактика и методы выявления нарушений режима охраняемого объекта сходны с тактикой и методами выявления неисправностей любой технической системы. Другими словами, для определения отклонений от «нормального» режима мониторинга объекта следует пользоваться той же методологией, что и для выявления неисправностей технической системы. Выявление и диагностику неисправностей, как и анализ режима объекта, можно осуществлять несколькими тактиками — механической (т. е. наблюдением), анализом данных, поступающих от системы, и гибридной, сочетающей обе вышеприведенные. Здесь будет рассмотрено применение аналитического подхода к выявлению и диагностике нештатных ситуаций с учетом того, что поступающие для анализа данные имеют значительную шумовую составляющую и оставляют некоторую неопределенность.

The development of modern communication, control, alarm and facility monitoring systems requires reliable methods of malfunction or loss of control before an emergency situation leads to serious or even emergency consequences. In addition, it should be borne in mind that the technical tactics and methods of detecting violations of the regime of a protected object are similar to the tactics and methods of detecting malfunctions of any technical system. In other words, to determine deviations from the "normal" monitoring mode of an object, the same methodology should be used as for detecting malfunctions of the technical system. The detection and diagnosis of malfunctions, as well as the analysis of the object's mode, can be carried out using several tactics — mechanical (i.e., observation), analysis of data coming from the system, and hybrid, combining both. The application of an analytical approach to the identification and diagnosis of system emergencies will be considered here, taking into account the fact that the data received for analysis is significant the noise component also leaves some uncertainty.

Введение. Неопределённость — это отсутствие достоверных знаний и информации о каких-либо событиях или результатах. Влияние неопределённости на диагностику неисправностей многогранно. Во-первых, она влияет на обнаружение и идентификацию сигналов о неисправностях. При наличии помех и случайных отклонений диагностиче-

ская система может выдавать ложные срабатывания или пропускать их, снижая надёжность диагностики неисправностей. Во-вторых, неопределённость усложняет прогнозирование поведения системы, увеличивая сложность и вычислительную нагрузку диагностической модели. Кроме того, неполнота данных и модели может привести к неточным результатам диагностики, что повлияет на процесс обслуживания и принятия решений в системе. В зависимости от источника и характера неопределённость можно разделить на случайную и эпистемическую. На рисунке показана их разница и связь с простой кривой сигнала.

Схематическое изображение случайной и эпистемической неопределённости

Случайная неопределённость, также известная как стохастическая неопределённость, возникает из-за случайных колебаний внутри системы и за её пределами [1]. Этот тип неопределённости обычно проявляется в виде случайных отклонений в данных и непредсказуемости поведения системы. Например, в промышленных условиях данные, получаемые с датчиков, часто искажаются из-за шума окружающей среды, который может быть вызван внешними факторами, такими как колебания температуры, электромагнитные помехи или механическая вибрация. Этот шум не только влияет на точность данных, но и может маскировать сигналы о неисправностях, затрудняя их обнаружение.

Кроме того, важным источником случайной неопределённости являются случайные изменения в рабочем состоянии системы. Например, оборудование может работать по-разному при разной нагрузке, температуре и давлении, и эти изменения в рабочих условиях часто носят случайный характер. Случайные изменения в рабочих условиях могут привести к тому, что система будет демонстрировать разные характеристики неисправностей, что затрудняет адаптацию методов диагностики на основе фиксированных режимов и влияет на стабильность и надёжность результатов диагностики.

Эпистемическая неопределённость возникает в основном из-за недостаточного понимания систем и неисправностей, в том числе из-за несовершенных моделей, неполных данных и ограничений в знаниях [2]. Неопределённость возникает из-за того, что из-за ограниченного понимания механизмов сложных систем полученные математические и диагностические модели часто являются упрощёнными и приближительными и неточно отражают реальное поведение системы. Например, некоторые эффекты взаимодействия в системе могут игнорироваться, что приводит к ограниченной прогностической способности модели. Кроме того, в процессе диагностики неисправностей важно учитывать опыт и знания экспертов. Однако разные эксперты с разным уровнем знаний и опытом могут прийти к разным выводам по одной и той же проблеме, что также является своего рода эпистемической неопределённостью. Эпистемическая неопределённость в большей степени зависит от уровня знаний эксперта или исходного уровня экспертной системы. Поэтому её также называют субъективной неопределённостью.

Для повышения эффективности систем диагностики неисправностей в условиях неопределённости важно количественно оценивать неопределённость. Количественная оценка неопределённости не только помогает более точно описать состояние и поведение системы, но и служит важной основой для диагностики и принятия решений. Для этой цели было предложено множество теорий количественной оценки неопределённости. Рассмотрим их ниже.

Теория вероятностей: классический и широко используемый инструмент, обеспечивает систематический подход к количественной оценке и анализу неопределённости [1]. Теория вероятностей основана на использовании вероятностного пространства Ω , набора событий F , и вероятностной меры P . Пространство выборки $\Omega = \{x_1, x_2, \dots\}$ представляет собой набор всех возможных результатов эксперимента. Набор событий F является подмножеством пространства выборки Ω . Более того, вероятностная мера P — это функция, которая присваивает вероятность каждому событию, т. е. $P(x)$ удовлетворяет следующим условиям:

$$P(x) \in [0, 1], \forall x \in \Omega; P(\Omega) = 1. \quad (1)$$

Случайная величина x — это функция, которая сопоставляет элементы пространства выборки с множеством действительных чисел и используется для описания степени неопределённости в реальной задаче. Распределения вероятностей описывают вероятность того, что случайная величина примет то или иное значение, и обычно включают

дискретные распределения (например, биномиальное и пуассоновское) и непрерывные распределения (например, нормальное, равномерное и экспоненциальное). Математическое ожидание указывает на среднее значение случайной величины, а дисперсия — на степень её разброса. Но так как дисперсия является квадратом случайной величины, то для оценки алеаторной неопределённости используют стандартное отклонение.

$$\sigma = \sqrt{\sigma^2} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (X_i - \bar{X})^2}{n - 1}} .$$

Для учета эпистемической неопределённости можно применить байесовскую парадигму. Она использует наблюдаемые данные для обновления предыдущих убеждений и генерации апостериорных распределений. С помощью этого метода вероятность указывает на субъективные уровни веры, а не на долгосрочные частоты, как в случае частотной парадигмы, при этом получаемая оценка является конкретным числом либо интервалом, а в байесовском — апостериорным распределением.

Выбор между этими парадигмами зависит от конкретной задачи и предпочтений исследователя. Частотные методы проще реализовать и интерпретировать, они обеспечивают объективный вывод, основанный исключительно на данных. Байесовские методы допускают включение предварительных знаний и часто рассматриваются как более субъективные, отражающие убеждения индивида.

Теория Демпстера — Шафера: теория доказательств Демпстера — Шафера — это теория неточных рассуждений [3]. В отличие от традиционной теории вероятностей, теория доказательств позволяет напрямую представлять и обрабатывать неопределённую информацию, не полагаясь исключительно на точные распределения вероятностей. Основные понятия теории доказательств включают функцию доверия *Bel*, функцию правдоподобия *Pl* и базовое вероятностное задание *BPA*. Эти концепции обеспечивают гибкий подход к количественной оценке и работе с неопределённостью путём манипулирования наборами данных и логических рассуждений.

Функция доверия *Bel* представляет степень веры в данное утверждение. Для предложения *A* функция убеждения *Bel(A)* указывает общее количество доказательств, полностью подтверждающих *A*. Область определения функции убеждения — это множество, называемое рамкой различения Θ , которое содержит все возможные предложения. Функция правдоподобия *Pl* представляет правдоподобность предложения. Для предложения *A* функция правдоподобия *Pl(A)* указывает общее количество доказательств, которые не опровергают *A*. Взаимосвязь между *Bel* и *Pl* задается с помощью $Pl(A) = 1 - Bel(\neg A)$, где $\neg A$ обозначает дополнение предложения *A*. Базовое вероятностное задание (*BPA*, обозначаемое как *m*) — важнейшее понятие в теории доказательств, присваивающее значение вероятности каждому элементу доказательства и отражающее степень, в которой доказательство подтверждает конкретное утверждение. *BPA* удовлетворяет следующим условиям:

$$\sum_{A \subseteq \Theta} m(A) = 1 \text{ and } m(\emptyset) = 0. \quad (2)$$

Кроме того, теория доказательств предоставляет методы объединения различных доказательств, наиболее известным из которых является правило комбинации Демпстера. Синтетическая функция распределения вероятностей m_C . Используя это правило, можно повысить общую точность принятия решений.

Теория нечетких множеств: математическая структура, предназначенная для работы с неопределенностью и неточностью [4]. В отличие от классической теории множеств, которая гласит, что элементы либо принадлежат множеству, либо нет, теория нечетких множеств допускает различные степени принадлежности, предлагая более гибкий подход к представлению и обработке неопределенной и неоднозначной информации.

В основе теории нечетких множеств лежит понятие нечетких множеств. Нечеткое множество \tilde{A} во вселенной дискурса X характеризуется функцией принадлежности $\mu_{\tilde{A}} : X \rightarrow [0, 1]$. Для каждого элемента $x \in X$ функция принадлежности $\mu_{\tilde{A}}(x)$ присваивает степень принадлежности от 0 до 1, указывающую на степень, в которой x принадлежит \tilde{A} . Функции принадлежности могут принимать различные формы, в том числе треугольную, трапециевидную и гауссову, в зависимости от конкретного применения и характера моделируемых данных. Теория нечетких множеств расширяет классические операции с множествами, позволяя работать со степенями принадлежности. К основным операциям относятся объединение, пересечение и дополнение. Например, функция принадлежности объединения двух нечетких множеств \tilde{A} и \tilde{B} задается с помощью

$$\mu_{\tilde{A} \cup \tilde{B}}(x) = \max(\mu_{\tilde{A}}(x), \mu_{\tilde{B}}(x)). \quad (3)$$

Теория грубых множеств дополняет теорию нечетких (размытых) множеств, так как имеет дело с другим видом неопределенности и противоречивости. Теория грубых множеств в отличие от теории нечетких множеств не требует каких-либо предварительных знаний или функций принадлежности; вместо этого она анализирует сами данные, чтобы выявить и выразить неопределенность [5]. В основе теории грубых множеств лежат отношения эквивалентности и разбиения. В рамках заданной вселенной U отношение эквивалентности R разбивает U на непересекающиеся классы эквивалентности, каждый из которых представляет собой набор элементов, неразличимых в каком-либо смысле. Основываясь на этих отношениях эквивалентности, теория нечетких множеств вводит понятия нижней и верхней аппроксимации для приближения множества при неполной информации:

$$\bar{R}(X) = \{x \in U \mid [x]_R \cap X \neq \emptyset\}; \underline{R}(X) = \{x \in U \mid [x]_R \subseteq X\}, \quad (5)$$

где $\bar{R}(X)$ и $\underline{R}(X)$ представляют собой верхнее и нижнее приближение множества $set X$; $[x]_R$ является классом эквивалентности по отношению к элементу x ; нижний индекс ' R ' обозначает отношение эквивалентности. Важным применением теории размытых множеств является сокращение атрибутов, которое предполагает устранение избыточных неопределённостей при сохранении способности данных к классификации.

Выпуклая модель: одним из ключевых преимуществ выпуклых моделей является их устойчивость в условиях неопределённости. Моделируя неопределённость в виде выпуклых множеств, например неопределённость входных данных или параметров, выпуклые модели могут предоставлять решения, которые не слишком чувствительны к изменениям, что делает их очень надёжными в реальных условиях. К распространённым выпуклым моделям относятся интервальная модель, эллипсоидная модель, параллелепипедная модель и другие [6].

Концепция нерегулярных выпуклых множеств предложена ниже. Приводится пример эллипсоидной модели для демонстрации использования выпуклых моделей при количественной оценке неопределённости. Так, явная математическая формула для представления эллипсоидной модели Ω_e задается следующим образом:

$$\Omega_e = \left\{ x \mid (x - x^0)^T G_e (x - x^0) \leq 1 \right\}, \quad (6)$$

где G_e и x^0 — это характеристическая матрица и центр тяжести эллипсоида соответственно. При количественной оценке неопределённости на основе эллипсоидных моделей считается, что оптимальная эллипсоидная модель должна охватывать все точки выборки в наименьшем объёме. Соответствующими методами построения являются метод матрицы вращения, метод корреляционного приближения и метод, основанный на данных.

Заключение. Помимо вышеперечисленных методов используются и другие. Каждый из этих методов имеет свои сценарии применения и должен использоваться для анализа конкретных проблем. Таким образом, систематически анализируя и количественно оценивая неопределённость, они могут оказать существенную поддержку при принятии окончательного решения о диагностике неисправности.

Однако единый и системный подход ещё не разработан. На данном этапе основными используемыми методами являются сочетание нескольких моделей, в том числе с использованием байесовского вывода, нечёткой логики, нейронных сетей, машинного обучения и др. Благодаря интеграции нескольких методов можно более эффективно обрабатывать неопределённость данных, тем самым повышая точность и надёжность диагностики. В зависимости от того, как обрабатывается неопределённость, методы распознавания закономерностей можно разделить на две категории: параллельные и встроенные.

Параллельные подходы ставят во главу угла количественную оценку неопределённости, что, в свою очередь, приводит к использованию соответствующих моделей классификации для распознавания образов. Этот метод позволяет более точно оценивать

показатели неопределённости, что облегчает выбор наиболее подходящей модели на основе конкретных характеристик данных о неисправностях [7].

И наоборот, встроенные подходы включают обработку неопределённости непосредственно в саму модель классификации. Такой подход позволяет более органично интегрировать управление неопределённостью в процесс диагностики, что часто приводит к созданию более устойчивых к изменениям качества данных и шумам моделей [7].

В настоящее время существует мало исследований, посвящённых диагностике неисправностей с учётом неопределённости. В большинстве из них неопределённость в диагностике неисправностей рассматривается путём объединения различных моделей. Будущие исследования должны не только продолжить изучение интеграции этих технологий, но и сформировать единую систему диагностики неопределённостей для создания более комплексной и эффективной системы диагностики неисправностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлова С. В. Элементы теории неопределённостей при физических измерениях. — СПб. : СЗТУ, 2004.
2. Анищенко В. С., Вадивасова Т. Е., Астахов В. В. Нелинейная динамика хаотических и стохастических систем. — Саратов, 1999.
3. Dempster A. P. Upper and lower probabilities induced by a multivalued mapping // The Annals of Mathematical Statistics. — 1967. — Vol. 38, no. 2. — P. 325—339.
4. Назаров Д. М. Интеллектуальные системы: основы теории нечетких множеств : учебное пособие для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. — М. : Юрайт, 2017. — 799 с.
5. Вепенка П. Альтернативная теория множеств: Новый взгляд на бесконечность — М. : Новосибирск : Институт математики, 2020. — 612 с.
6. Рыбников К. К. Введение в дискретную математику и теорию решения экстремальных задач на конечных множествах. — М. : Гелиос АРВ, 2021. — 320 с.
7. Кофман А. Введение в теорию нечетких множеств. — М. : Огни, 2013. — 432 с.

REFERENCES

1. Mihajlova S. V. Elementy teorii neopredelyonnostej pri fizicheskikh izmereniyah. — SPb. : SZTU, 2004.
2. Anishchenko B. S., Vadivasova T. E., Astahov V. V. Nelinejnaya dinamika haoticheskikh i stohasticheskikh sistem. — Saratov, 1999.
3. Dempster A. P. Upper and lower probabilities induced by a multivalued mapping // The Annals of Mathematical Statistics. — 1967. — Vol. 38, no. 2. — P. 325—339.
4. Nazarov D. M. Intellektual'nye sistemy: osnovy teorii nechetkih mnozhestv: uchebnoe posobie dlya akademicheskogo bakalavriata. 2-e izd., ispr. i dop. — M. : Yurajt, 2017. — 799 s.
5. Vopenka P. Al'ternativnaya teoriya mnozhestv: Novyj vzglyad na beskonechnost' — M. : Novosibirsk : Institut matematiki, 2020. — 612 s.
6. Rybnikov K. K. Vvedenie v diskretnuyu matematiku i teoriyu resheniya ekstremal'nyh zadach na konechnyh mnozhestvah. — M. : Gelios ARV, 2021. — 320 s.

7. Kofman A. Vvedenie v teoriyu nechetkih mnozhestv. — М. : Ogni, 2013. — 432 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бутусов Игорь Юрьевич. Доцент кафедры математики и физики. Кандидат технических наук, доцент.

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I.

E-mail: iy-butusov@yandex.ru

Россия, 394087, Воронеж, ул. Мичурина, 1.

Татохин Евгений Анатольевич. Доцент кафедры физики, теплотехники и теплоэнергетики. Кандидат физико-математических наук, доцент.

Воронежский государственный университет инженерных технологий.

E-mail: tia.vsu@mail.ru

Россия, 394036, Воронеж, проспект Революции, 19.

Сычев Игорь Валерьевич. Начальник кафедры математики и моделирования систем. Кандидат физико-математических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: mail.r.1964@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Butusov Igor Yurievich. Associate Professor of the chair of Mathematics and Physics. Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I.

E-mail: iy-butusov@yandex.ru

Work address: Russia, 394087, Voronezh, Michurina Str., 1.

Tatokhin Evgeny Anatolyevich. Associate Professor of the chair of Physics, Thermal Engineering, and Thermal Power Engineering. Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor.

Voronezh State University of Engineering Technologies.

E-mail: tia.vsu@mail.ru

Work address: Russia, 394036, Voronezh, Prospect Revolyutsii, 19.

Sychev Igor Valerievich. Associate Professor of the chair of Physics and Radioelectronics. Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: mail.r.1964@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: неопределенность; случайная величина; функция доверия; классификация неопределенностей; диагностика неисправностей.

Key words: uncertainty; random variable; confidence function; classification of uncertainties; fault diagnosis.

УДК 004.8

И. В. Лазарев, кандидат технических наук, доцент

А. С. Казаковцев

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СТРУКТУР МНОГОРУБЕЖНОЙ ПЕРИМЕТРИЧЕСКОЙ ОХРАННОЙ СИСТЕМЫ РАСПРЕДЕЛЁННЫХ ОБЪЕКТОВ

ANALYSIS OF INDICATORS OF STRUCTURES OF A MULTI-BORDER PERIMETER SECURITY SYSTEM OF DISTRIBUTED OBJECTS

Для описания различных структур многорубежных многодатчиковых периметрических охранных систем при анализе функции алгебры логики применялся математический аппарат на основе совершенных нормальных форм. В условиях многовариантности структур с использованием вероятностного подхода применительно к сформулированному алгоритму принятия решения по факту преднамеренного воздействия внешнего нарушителя вследствие проникновения его в сигнализационную зону рубежей выполнена оценка топологий периметрической охранной системы. С учетом введенных вероятностных показателей обсуждаются параметры обобщенного показателя представленного вероятностью полной ошибки в ходе принятия решения при возможности проникновения нарушителя на рубежах. Оценка вероятности полной ошибки осуществляется с учетом количественных и качественных характеристик извещателей и структуры системы в целом. Рассмотрена постановка оптимизационной задачи применительно к различным топологиям многорубежных многодатчиковых периметрических охранных систем.

To describe the various structures of multi-border multi-sensor perimeter security systems, a mathematical apparatus based on perfect normal forms was used in the analysis of the logic algebra function. In conditions of multivariate structures, using a probabilistic approach, in relation to the formulated decision-making algorithm on the fact of deliberate exposure to an external intruder due to his penetration into the alarm zone of the borders, an assessment of the topologies of the perimeter security system was performed. Taking into account the introduced probabilistic indicators, the parameters of a generalized indicator are discussed, represented by the probability of a complete error during decision-making if an intruder is able to enter the borders. The probability of a complete error is estimated taking into account the quantitative and qualitative characteristics of the detectors and the structure of the system as a whole. The formulation of the optimization problem is considered in relation to various topologies of multi-border multi-sensor perimeter security systems.

Введение. Анализ работ [1—3] свидетельствует о том, что осуществление воспрепятствования совершению противоправных действий на распределенные объекты, имеющие важное военное и хозяйственное предназначение, осуществляется посредством

привлечения специализированных охранных структур. Охранные структуры выполняют своих первоочередных задач посредством использования технических средств на периметре, создавая при этом сигнализационные зоны (СЗ). Учитывая большую протяженность СЗ, исходят из того, что количество извещателей находится в диапазоне от трех до шести.

Для повышения эффективности функционирования на периметре охраняемого объекта на основе СЗ создают несколько рубежей.

При этом топология системы охраны по типу построения относится к структуре многорубежной многодатчиковой периметрической охранной системы (ММПОС). На этапе проектирования данных систем охраны возникает задача, связанная с необходимостью проведения оценки функциональной эффективности.

При определении функциональной эффективности ММПОС подходы сводятся к необходимости оценки возможности охранной системы по формированию с заданными показателями вероятности полной ошибки при передаче тревожного сообщения, а именно сигнала тревоги, поступающего на пульт централизованного наблюдения.

Следует отметить, что функциональная эффективность ММПОС зависит от решающих правил, используемых на этапе формирования обобщенного информационного сигнала, основанного на объединении информации с рубежей охранной системы.

Поэтому ниже остановимся на рассмотрении подходов к оценке функциональной эффективности структур ММПОС распределенных объектов в условиях ограниченных ресурсных затрат.

Основная часть. Многорубежные многодатчиковые периметрические охранные системы распределенных объектов нацелены на решение задач, связанных с пространственным обнаружением акта незаконного физического проникновения (АНФП), совершаемого внешним нарушителем вследствие его проникновения в СЗ. Кроме того, необходимо при проектировании данных типов охранных систем учитывать их особенность, в частности их многорубежность, которая влечет необходимость объединения (комплексирования) информации с рубежей в целях получения окончательного результата.

Вместе с тем следует отметить, что при объединении сигнальной информации с рубежей достигается синергетический эффект. В результате синергетического эффекта характеристики ММПОС могут быть качественно улучшены.

Однако в этом случае характеристики системы охраны зависят от данных первичных наблюдений и принятых решающих правил в процессе выполнения результирующего пространственного обнаружения нарушителя с учетом топологий ММПОС распределенных объектов.

Кроме того, при централизованном построении ММПОС возникает потребность в использовании каналов связи, а ее рассмотрение целесообразно отождествлять с автоматизированной информационной системой.

В общем случае топология ММПОС содержит ряд основных элементов, отображенных на рис. 1.

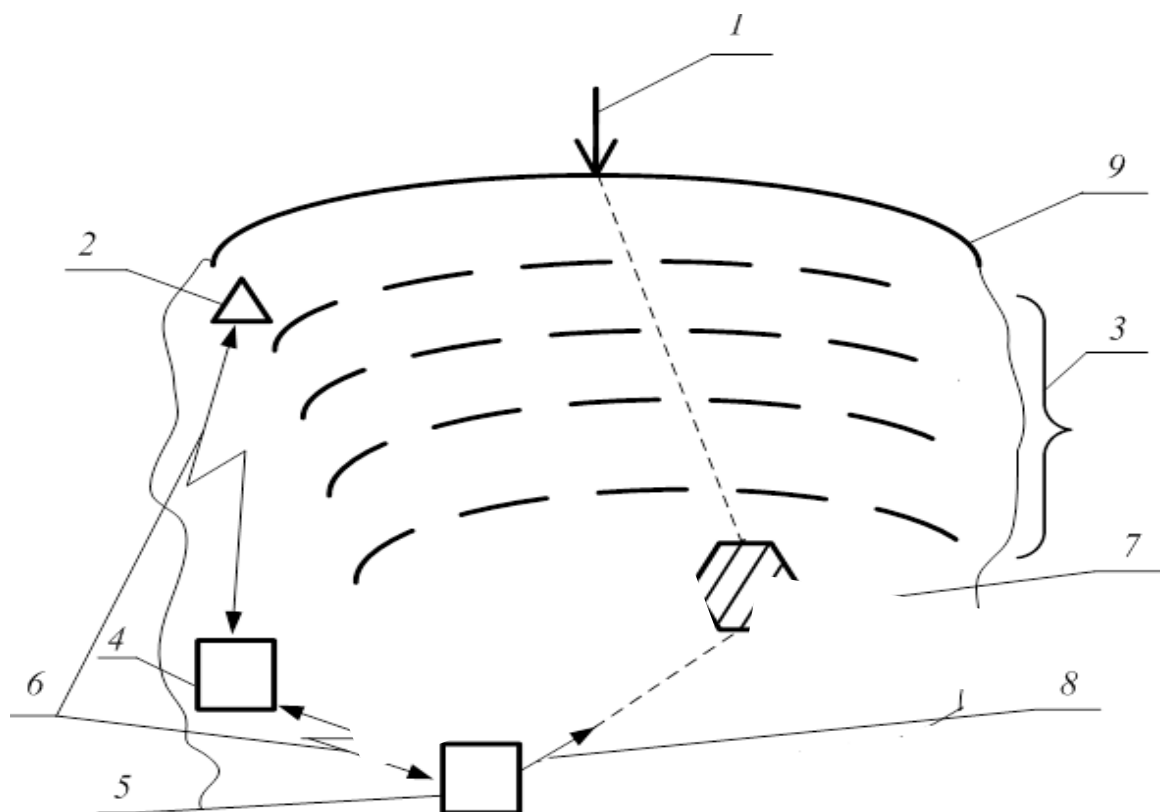

Рис. 1. Топология ММПОС распределенных объектов

На рис.1 цифры соответствуют элементам топологии ММПОС:

1 — внешний нарушитель, совершающий преднамеренный акт незаконного физического проникновения в СЗ;

2 — датчик (извещатель), формирующий зону пространственного обнаружения;

3 — сигнализационная зона, обеспечивающая протяженность зоны пространственного обнаружения на периметре охраны объекта;

4 — пункт централизованной охраны, принимающий сигналы тревожного сообщения;

5 — караульное помещение, обеспечивающее в ходе несения службы нахождение групп задержания;

6 — каналы связи, обеспечивающие передачу тревожной информации и сигналов управления;

7 — критический элемент, характеризующий объект, подлежащий охране;

8 — дежурные силы (силы реагирования), обеспечивающие своевременное противодействие посягательствам со стороны нарушителя;

9 — внешняя граница охраняемой зоны.

Архитектура построения ММПОС направлена на своевременное информирование дежурных сил путем передачи в общем случае информации с рубежей посредством использования проводных или радиоканальных средств связи на пульт централизованного наблюдения.

Вопросы, связанные с проведением и оценками возможности пространственного

обнаружения нарушителя периметрической охранной системой (ПОС), в рамках методологии вероятностного анализа рассматривались в работах [2—4]. Однако изложенные подходы из-за своей узконаправленности не могут быть применены в полном объеме применительно к рассматриваемым охраняемым системам.

Структура построения ММПОС направлена на решение ряда задач, связанных с решением задачи пространственного обнаружения АНФП внешнего нарушителя при совершении им противоправных действий относительно объекта охраны. В интересах решения данной задачи в ММПОС осуществляется первичная, вторичная и третичная обработка информации.

Структурная схема устройства, осуществляющего указанные операции, представлена элементами обработки в структуре ММПОС (рис. 2).

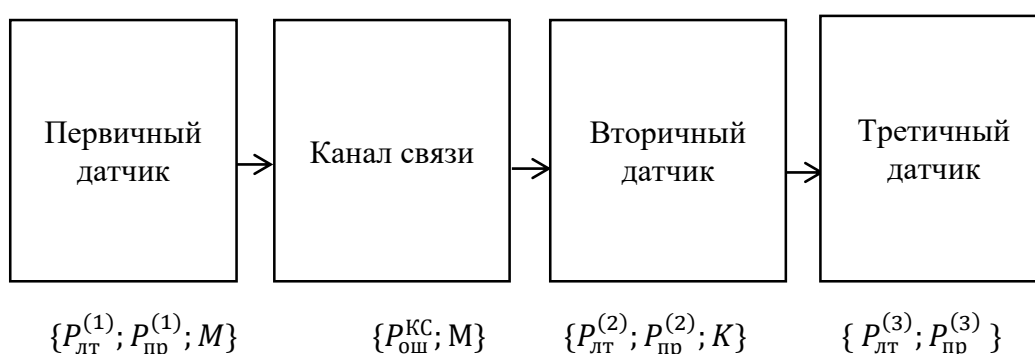

Рис. 2. Структурно-параметрическая схема обработки информации ММПОС

Первичная обработка включает операции, связанные с пространственным обнаружением объекта (цели), которое проводится с использованием технических средств. В частности, в ММПОС распределенных объектов осуществляется конечным набором извещателей, входящих в первичный датчик, формирующих информацию вида «да» или «нет» в СЗ рубежа.

Вторичная обработка направлена на вынесение решения о складывающейся обстановке в СЗ и основывается на использовании совокупности анализа бинарной информации от первичных датчиков устройством обработки информации. При этом результат работы устройства обработки информации выступает в качестве вторичного датчика, используемого для последующей обработки.

В процессе третичной обработки осуществляется анализ данных поступающих с вторичных датчиков, принадлежащих различным рубежам. При этом результат работы устройства обработки информации выступает в качестве третичного датчика и направлен на формирование окончательного решения, свидетельствующего о попытке проникновения внешнего нарушителя в СЗ ММПОС распределенных объектов.

Следует отметить, что топология структуры ММПОС зависит от решающих правил, принятых при обработке информации, на этапе ее использования в первичном, вторичном и третичном датчиках. Поскольку первичный датчик формирует дискретную информацию, то последующие датчики при вынесении решения основываются на применении правила типа « k из n » [2]. С использованием каналов связи (радиоканальных или проводных) бинарная информация поступает во вторичный датчик.

В данной системе на первом этапе выполняются операции, связанные с обнаружением объекта с использованием извещателей первичного датчика. Извещатели в условиях шумов выносят решения с ошибками первого или второго рода, отождествляющие вероятности ложной тревоги и пропуска соответственно.

Применительно к структуре ММПОС (рис. 2), которая характеризуется степенью достижения целей, поставленных при ее функционировании, для дальнейшего описания введем в рассмотрение нижеследующие показатели.

На этапе формирования результирующего пространственного обнаружения:

$P_{\text{пр}}^{(k)}$ — показатель, отождествляющий вероятность правильного обнаружения при использовании третичного датчика;

$P_{\text{лт}}^{(k)}$ — показатель, отождествляющий вероятность ложной тревоги при использовании третичного датчика.

В рамках решаемой задачи в качестве обобщенного показателя функциональной эффективности ММПОС по аналогии с [5] введем вероятность полной ошибки ($P_e^{(k)}$), определяемую как

$$P_e^{(k)} = \frac{P_{\text{лт}}^{(k)} + 1 - P_{\text{пр}}^{(k)}}{2}, \quad (1)$$

где k — принадлежность к категории датчика.

Применительно к этапу, обеспечивающему формирование предварительного пространственного обнаружения, аналогично рассмотренному выше можно ввести в рассмотрение показатели вида:

$P_{\text{пр}.i}^{(k)}$ — показатель, отождествляющий вероятность правильного обнаружения при использовании вторичного датчика на i -м рубеже;

$P_{\text{лт}.i}^{(k)}$ — показатель, отождествляющий вероятность ложной тревоги при использовании вторичного датчика на i -м рубеже.

Аналогично, для i -го рубежа ММПОС в качестве комплексного показателя будем рассматривать величину вероятности полной ошибки $P_{e.i}^{(k)}$:

$$P_{e.i}^{(k)} = \frac{P_{\text{лт}.i}^{(k)} + 1 - P_{\text{пр}.i}^{(k)}}{2}. \quad (2)$$

Следует отметить, что число рубежей и правила вынесения решения в структуре применяемых датчиков ММПОС оказывают существенное влияние на показатели, представленные выражением (1).

При дальнейшем рассмотрении предположим, что гипотетический объект оснащен тремя рубежами (рис. 1). Следует отметить, что в системах обработки информации в условиях ее дискретности применение решающего правила применительно к охраняемым системам обуславливает их архитектуру, направленную на решение пространственного обнаружения в интересах формирования тревожного сообщения.

В этом случае ММПОС может иметь несколько типовых структур, основанных на применении следующих решающих правил:

Правило 1. Основываясь на анализе [4] в условиях пассивного метода, используемого в первичном датчике, при осуществлении задач предварительного пространствен-

ного обнаружения решающее правило можно сформулировать в следующем виде: вторичный датчик выносит решение об обнаружении АНФП, совершаемого нарушителем в СЗ, и формирует решение типа «да» в случае, когда хотя бы два извещателя первичного датчика сформировали сигнал обнаружения. В противном случае формирует решение типа «нет».

Применительно к третичному датчику возможно рассмотреть несколько типовых структур, основанных на нижеследующих решающих правилах.

Правило 2. Решение о формировании результирующего пространственного обнаружения можно сформулировать, используя классические подходы, в следующем виде: датчик выносит решение об обнаружении путем формирования решения типа «да», если все вторичные датчики сформировали сигнал обнаружения. В противном случае формирует решение типа «нет».

Правило 3. Решение о формировании результирующего пространственного обнаружения принимается в следующем виде: датчик выносит решение об обнаружении путем формирования решения типа «да», если хотя бы один из вторичных датчиков сформировал сигнал обнаружения. В противном случае формирует решение типа «нет».

Правило 4. Решение о формировании результирующего пространственного обнаружения на основе комплексирования информации принимается в следующем виде: выносится решение типа «да», если на первом этапе объединение информации с двух рубежей осуществляется по логике И, а на втором этапе — по логике ИЛИ.

Правило 5. Решение о формировании результирующего пространственного обнаружения на основе комплексирования информации принимается в следующем виде: выносится решение типа «да», если на первом этапе объединение информации с двух рубежей осуществляется по логике ИЛИ, а на втором этапе — по логике И.

Для анализа функциональной эффективности топологий ММП ОС предположим вначале, что в СЗ рубежей присутствует нарушитель.

При дальнейшем рассмотрении ограничимся количеством извещателей и примем равным, например, четырем.

В дальнейшем при оценке показателя функциональной эффективности ММП ОС будет использоваться следующая система обозначений:

X_i — дискретная информация от извещателей первичного датчика;

Y_p — дискретная информация на выходе вторичного и третичного датчика.

При этом величины применительно к количеству извещателей СЗ и номерам датчиков рубежей принимают значения $i = 1, \dots, M$ и $p = 1, \dots, K$ соответственно.

На основе схемы (рис. 2) с учетом используемых вышеперечисленных решающих правил многовариантность структур ММП ОС может быть представлена при их алгоритмическом описании с использованием функции алгебры логики $f(x_1, x_2 \dots x_m)$ [7]. Учитывая, что выход вторичного датчика направлен на выдачу информации о результатах предварительного пространственного обнаружения, при описании логики следует исходить из того факта, что функция $f(x_1, x_2 \dots x_m)$ отождествляется с единичным значением.

Данный подход свидетельствует о том, что при представлении функции $f(\cdot)$ возможно использование математического аппарата совершенных нормальных форм (СНФ).

При этом логика работы вторичного датчика может быть представлена на основе совершенной дизъюнктивной нормальной формы (СДНФ) в следующем виде:

$$f(x_1, x_2, x_3, x_4) = \overline{x_1 x_2 x_3 x_4} \vee \overline{x_1 x_2 \overline{x_3} x_4} \vee \overline{x_1 x_2 x_3 \overline{x_4}} \vee \overline{x_1 x_2 x_3 x_4} \vee x_1 \overline{x_2 \overline{x_3} x_4} \vee x_1 \overline{x_2 x_3 \overline{x_4}} \vee x_1 \overline{x_2 x_3 x_4} \vee x_1 x_2 \overline{x_3 \overline{x_4}} \vee x_1 x_2 \overline{x_3 x_4} \vee x_1 x_2 x_3 \overline{x_4} \vee x_1 x_2 x_3 x_4. \quad (3)$$

Используя подходы на основе методов теории вероятностей [8], а также принимая во внимание показатели, характеризующие вероятности правильного обнаружения извещателями первичного датчика, воспользуемся для определения вероятности правильного обнаружения вторичного датчика соотношением вида [5]

$$P_{\text{пр}}^{(M)} = \sum_{j=1}^N \prod_{i=1}^M P_0^{x_i^j} (1 - P_0)^{1-x_i^j}. \quad (4)$$

В выражении (4) введенные обозначения характеризуют:

N — число простых конъюнкций, при представлении функции алгебры логики;

P_0 — отождествляет параметр извещателя, представленного вероятностью правильного обнаружения, применительно к первичному датчику;

x_i^j — отождествляет значения сигналов 0, 1 на i -й позиции при j -й комбинации функции алгебры логики.

Аналогичным образом данный подход применим при оценке составляющих вероятности ложной тревоги вторичного датчика, что позволяет воспользоваться соотношением вида

$$P_{\text{лт}}^{(M)} = \sum_{j=1}^N \prod_{i=1}^M P_{\text{лт}}^{x_i^j} (1 - P_{\text{лт}})^{1-x_i^j}, \quad (5)$$

здесь $P_{\text{лт}}$ — вероятность ложной тревоги извещателя первичного датчика.

При использовании правила 2 архитектура третичного датчика системы охраны при величине $K = 1 \dots 3$ представлена в виде объединения информации трех рубежей, а совершенная нормальная форма описана логикой вида

$$f(y_1, y_2, y_3) = y_1 \wedge y_2 \wedge y_3. \quad (6)$$

Учитывая независимость вынесения решений, осуществляемых на отдельных рубежах, оценка показателей алгоритма представленного выражением (6), может осуществляться по формулам (4) и (5), принимая во внимание замену вероятности правильного обнаружения и вероятности ложной тревоги извещателя первичного датчика на вероятности правильного обнаружения и ложной тревоги на рубежах соответственно.

При использовании правила 3 архитектура третичного датчика представлена в виде объединения трех рубежей, СДНФ которого описывает логику вида

$$f(y_1, y_2, y_3) = (\overline{y_1} \overline{y_2} y_3) \vee (\overline{y_1} y_2 \overline{y_3}) \vee (\overline{y_1} y_2 y_3) \vee (y_1 \overline{y_2} \overline{y_3}) \vee (y_1 \overline{y_2} y_3) \vee (y_1 y_2 \overline{y_3}) \vee (y_1 y_2 y_3) = y_1 \vee y_2 \vee y_3. \quad (7)$$

Аналогичным образом, принимая во внимание независимость вынесения решений, осуществляемых на отдельных рубежах, оценка показателей алгоритма представленного выражением (7), может осуществляться по формулам (4) и (5).

При использовании правила 4 архитектура третичного датчика представлена в виде поэтапного объединения информации трех рубежей. Например, на первом этапе используется информация первого и второго рубежа, а на втором этапе — с учетом информации третьего рубежа. При этом СНФ описывает логику вида

$$f(y_1, y_2, y_3) = y_1 y_2 \vee y_3. \quad (8)$$

Аналогичным образом при использовании правила 5 архитектура третичного датчика представлена в виде поэтапного объединения трех рубежей, СНФ которого описывает логику вида

$$f(y_1, y_2, y_3) = (y_1 \vee y_2) \wedge y_3. \quad (9)$$

При этом оценка составляющих суммарных вероятностей правильного обнаружения и ложной тревоги, представленных алгоритмами (7—9), может производиться на основании представленных выше выражений (4) и (5).

Кроме того, необходимо отметить, что при сопоставлении структур ММПОС в условиях их многовариантности представляется возможным использование показателя, определяемого выражением (1). На основе показателя эффективности ММПОС возможно сформулировать оптимизационную задачу определения наилучшей структуры системы охраны объектов как

$$\omega^* = \operatorname{argmin} P_e(\omega_m), \quad (10)$$

при $\omega_m \in \Omega$, $\Omega = \{\omega_1, \omega_2, \dots, \omega_c\}$, $m = 1, \dots, c$.

В критерии качества наилучшей структуры ММПОС (10) индекс c отождествляет количество датчиков и средств связи ω_c , входящих в состав топологии системы охраны объектов. При этом предполагается, что технические средства, входящие в структуру систем охраны, соответствуют требованиям эффективности при ограничениях на ресурсные затраты.

Вычислительный эксперимент. На практике возникает задача сопоставительного анализа различных структур ММПОС по показателю функциональной эффективности.

При рассмотрении показателя функциональной эффективности предположим, что требования заказчика исходят из анализа вероятностных характеристик извещателей, представленных на рынке охранных услуг различными производителями. При расчетах будем исходить из допустимой вероятности правильного обнаружения при формировании результирующего пространственного обнаружения структурой ММПОС не менее 0,98. Данная величина согласуется, например, с характеристиками извещателя «ГЮРЗА-0,35 ПЗ», который является одним из элементов при оснащении СЗ ПОС.

Извещатели первичного датчика на рубежах полагаем однотипными, одинаковыми и равными, например, четырем.

Вместе с тем, учитывая, что применение объединения нескольких рубежей направлено на повышение функциональной эффективности в сравнении с однорубежными многодатчиковыми ПОС, следует рассматривать вероятности правильного обнаружения для извещателей первичного датчика равными, например: «средней» — 0,7 и «повышенной» — 0,75 обнаружительной надежности. При этом вероятность ложной тревоги извещателей первичного датчика полагалась равной 0,1. Вероятности ложной тревоги $P_{лт}^{(i)}$ для датчиков на рубежах будут принимать значения с учетом вероятности ложной тревоги извещателей первичного датчика.

Кроме того, предположим, что канал связи не привносит искажений при передаче информации. В этом случае величину вероятности ошибки в канале связи $P_{ош}^{кс}$ следует принять равной нулю.

Результаты расчётов суммарной вероятности правильного обнаружения ложной тревоги и полной ошибки применительно к различным топологиям ММППОС и характеристикам используемых извещателей первичного датчика в соответствии с приведенными выражениями (4), (5) отображены в таблицах 1, 2.

Таблица 1

Параметры	Вероятности системы ММППОС					
	Категории датчиков ММППОС					
	Первичный	Вторичный	Третичный (правила)			
2			3	4	5	
$P_{\text{пр}}^{(1)}$	0,75	-	-	-	-	-
$P_{\text{лт}}^{(1)}$	0,1	-	-	-	-	-
$P_{\text{пр}}^{(2)}$	-	0,95	-	-	-	-
$P_{\text{лт}}^{(2)}$	-	0,0523	-	-	-	-
$P_e^{(2)}$	-	0,05	-	-	-	-
$P_{\text{пр}}^{(3)}$	-	-	0,86	0,9998	0,995	0,95
$P_{\text{лт}}^{(3)}$	-	-	0,00014	0,1484	0,0549	0,0053
$P_e^{(3)}$	-	-	0,07	0,07	0,03	0,03

Таблица 2

Параметры	Вероятности системы ММППОС					
	Категории датчиков ММППОС					
	Первичный	Вторичный	Третичный (правила)			
2			3	4	5	
$P_{\text{пр}}^{(1)}$	0,7	-	-	-	-	-
$P_{\text{лт}}^{(1)}$	0,1	-	-	-	-	-
$P_{\text{пр}}^{(2)}$	-	0,9163	-	-	-	-
$P_{\text{лт}}^{(2)}$	-	0,0523	-	-	-	-
$P_e^{(2)}$	-	0,068	-	-	-	-
$P_{\text{пр}}^{(3)}$	-	-	0,769	0,9994	0,987	0,91
$P_{\text{лт}}^{(3)}$	-	-	0,00014	0,1488	0,0549	0,0053
$P_e^{(3)}$	-	-	0,12	0,07	0,034	0,048

Анализ приведенных результатов показывает, что применение в охранных системах структур ММППОС улучшает функциональную эффективность в сравнении с однорубежной многодатчиковой ПОС (вторичный датчик). При этом требования к извещателям первичного датчика относительно их параметров становятся менее критичными. В частности, например, применение извещателей «повышенной» — 0,75, а затем «средней» — 0,7 обнаружительной надежности приводит к незначительному повышению вероятности полной ошибки при использовании структур ММППОС, построенных на основе использования правил 4 и 5.

С учетом обеспечения показателей вероятностей правильного обнаружения и ложной тревоги равными, например, 0,98 и не более 0,06 соответственно топология третиного датчика должна отвечать решающему правилу 4.

Исходя из анализа приведенных результатов табл. 1 и табл. 2, возможно осуществить обоснованный выбор рационального варианта.

Заключение. Проведенные исследования позволяют заключить следующее.

1. Различные структуры ММПОС распределенных объектов могут быть описаны на основе совершенных нормальных форм.

2. При оценке функциональной эффективности с применением вероятностного подхода необходимо учитывать элементы топологий ММПОС в их взаимосвязи.

3. Результаты расчетов функциональной эффективности позволяют сопоставлять различные структуры ММПОС при рассмотрении извещателей с различными характеристиками.

4. На основе введенного показателя функциональной эффективности ММПОС сформулирован и представлен подход к решению оптимизационной задачи.

5. Практическое применение оптимизационной задачи обеспечивает выбор наилучшего варианта построения ММПОС распределенных объектов применительно к выполнению поставленных задач с учетом ограничений на используемые ресурсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Организация деятельности подразделений вневедомственной охраны : курс лекций / С. А. Винокуров [и др.]. Ч. 1. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2010. — 171 с.

2. Магуенков Р. Г. Системы охранной сигнализации: основы теории и принципы построения : учебное пособие. — М. : Горячая линия — Телеком, 2004. — 367 с.

3. Лазарев И. В. Синтез алгоритма обработки информации в сигнализационной зоне периметрических охранных систем распределенных объектов // Вестник Воронежского института МВД России. — 2022. — № 4. — С. 91—98.

4. Лазарев И. В., Анисимов С. Л. О показателе эффективности системы первичной обработки информации периметрических охранных систем распределенных объектов // Вестник Воронежского института МВД России. — 2023. — № 1. — С. 118—127.

5. Лазарев И. В., Сорокин П. М. Анализ показателей структур периметрической охранной системы распределенных объектов // Вестник Воронежского института МВД России. — 2024. — № 4. — С. 148—155.

6. Лазарев И. В. К вопросу оценки показателя эффективности многорубежной периметрической охранной системы распределенных объектов // Вестник Воронежского института МВД России. — 2023. — № 3. — С. 216—224.

7. Угрюмов Е. П. Цифровая схемотехника. — СПб. : БХВ-Петербург, 2010. — 526 с.

8. Справочник по теории вероятности и математической статистике / В. С. Королук [и др.]. — М. : Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1985. — 640 с.

REFERENCES

1. Organizaciya deyatel'nosti podrazdelenij vnevedomstvennoj ohrany : kurs lekcij / S. A. Vinokurov [i dr.]. Ch. 1. — Voronezh : Voronezhskij institut MVD Rossii, 2010 — 171 s.

2. Maguenkov R. G. *Sistemy ohrannoj signalizacii: osnovy teorii i principy postroeniya* : uchebnoe posobie. — M. : Goryachaya liniya — Telekom, 2004. — 367 s.

3. Lazarev I. V. Sintez algoritma obrabotki informacii v signalizacionnoj zone perimetriceskih ohrannyh sistem raspredelennyh ob"ektov // *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. — 2022. — № 4. — S. 91—98.

4. Lazarev I. V., Anisimov S. L. O pokazatele effektivnosti sistemy pervichnoj obrabotki informacii perimetriceskih ohrannyh sistem raspredelennyh ob"ektov // *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. — 2023. — № 1. — S. 118—127.

5. Lazarev I. V., Sorokin P. M Analiz pokazatelej struktur perimetriceskoj ohrannoj sistemy raspredelennyh ob"ektov // *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. — 2024. — № 4. — S. 148—155.

6. Lazarev I. V. K voprosu ocenki pokazatelya effektivnosti mnogorubezhnoj perimetriceskoj ohrannoj sistemy raspredelennyh ob"ektov // *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. — 2023. — № 3. — S. 216—224.

7. Ugryumov E. P. *Cifrovaya skhemotekhnika*. — SPb. : BHV-Peterburg, 2010. — 526 s.

8. *Spravochnik po teorii veroyatnosti i matematicheskoj statistike* / V. S. Koroljuk [i dr.]. — M. : Nauka. Glavnaya redakciya fiziko-matematicheskoj literatury, 1985. — 640 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лазарев Иван Владимирович. Доцент кафедры физики и радиоэлектроники. Кандидат технических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vorhmscl @ comch.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Казаковцев Александр Сергеевич. Курсант.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: kazakovtsev_04@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Lazarev Ivan Vladimirovich. Associate Professor of the chair of Physics and Radioelectronics. Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: vorhmscl @ comch.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Kazakovtsev Alexander Sergeevich. Cadet.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: kazakovtsev_04@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: устройство охраны; функция алгебры логики; вероятности ошибок.

Key words: security device; logic algebra function; the probability of errors.

УДК 396.621

А. И. Ситников, кандидат технических наук, доцент
А. С. Черткова
Н. А. Мельников

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СВЕРТОЧНОЙ И КАПСУЛЬНОЙ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТА ОПРЕДЕЛЕНИЯ АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЦА ЧЕЛОВЕКА

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONVOLUTIONAL AND CAPSULE NEURAL NETWORKS AS A TOOL FOR DETERMINING ANTHROPOMETRIC CHARACTERISTICS OF A HUMAN FACE

В статье проводится сравнительный анализ сверточных (CNN) и капсульных (CapsNet) нейронных сетей для определения антропометрических характеристик лица человека. Актуальность исследования обусловлена широким применением биометрических технологий в системах безопасности, медицине и идентификации личности. Научная новизна работы заключается в комплексной оценке эффективности CNN и CapsNet по таким критериям, как скорость обучения, точность, устойчивость к изменениям положения и освещения, а также требования к вычислительным ресурсам.

Результаты показали, что капсульные сети превосходят сверточные по точности (95% против 92%) и устойчивости к пространственным преобразованиям, несмотря на более высокие требования к аппаратному обеспечению. Однако CNN остаются предпочтительными при ограниченных вычислительных ресурсах. В статье также рассматриваются архитектуры обеих сетей, процесс их обучения и ключевые проблемы, такие как переобучение и интерпретируемость результатов.

Исследование предоставляет практические рекомендации по выбору оптимального подхода для задач детекции антропометрических точек лица в зависимости от условий эксплуатации.

The article provides a comparative analysis of convolutional (CNN) and capsule (CapsNet) neural networks for determining the anthropometric characteristics of a person's face. The relevance of the study is due to the widespread use of biometric technologies in security systems, medicine, and personal identification. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive evaluation of the effectiveness of CNN and CapsNet based on criteria such as training speed, accuracy, resistance to changes in position and lighting, and computational requirements.

The results showed that capsule networks outperform convolutional networks in terms of accuracy (95% vs. 92%) and resistance to spatial transformations, despite having higher hardware requirements. However, CNNs remain preferred when computational resources are limited. The paper also discusses the architectures of both networks, their training process, and key challenges such as overfitting and interpretability of the results.

The study provides practical recommendations for choosing the optimal approach for detecting anthropometric points on the face, depending on the operating conditions.

Введение. В настоящее время идентификация человека по его биометрическим характеристикам [1, 2] применяется повсеместно, начиная от учета количества людей, прошедших через контрольно-пропускной пункт, заканчивая поиском в толпе людей [3], представляющих оперативный интерес. Таким образом, данная задача является актуальной.

Исследования в области применения нейронных сетей для обработки изображений лица активно развиваются. В работах [6—9, 12] рассматриваются различные архитектуры сверточных нейронных сетей, их оптимизация и методы повышения эффективности обучения. В частности, в [6] анализируется применение сверточных сетей для распознавания объектов на телевизионных изображениях, а в [7, 8, 10, 11] исследуются методы выбора архитектуры и настройки скорости обучения.

Капсульные нейронные сети, предложенные как альтернатива сверточных нейронных сетей, изучаются в работах [4], где рассматривается их применение для детекции ключевых точек лица. Преимущества CapsNet, такие как инвариантность к пространственным преобразованиям, делают их перспективными для задач, требующих высокой точности локализации. В работе [5] исследуется применение капсульных сетей в сиамских архитектурах для распознавания лиц в реальном времени, что подтверждает их практическую значимость.

Несмотря на активное развитие обоих подходов, сравнительных исследований их эффективности в задаче определения антропометрических параметров лица в литературе представлено недостаточно.

В качестве аппарата определения антропометрических точек лица будем рассматривать нейронные сети, а именно сверточные и капсульные. Проведем сравнительный анализ данных нейронных сетей, так как они являются наиболее распространенными при работе с фотоизображениями.

На основе проведенного анализа будет выбрана оптимальная архитектура для выполнения задачи распознавания антропометрических точек лица на фотоизображениях человека.

Анализ будет проводиться на основе следующих критериев оценки состоятельности и валидности модели:

- 1) скорость обучения;
- 2) необходимый объем данных для обучения модели;
- 3) точность работы модели;
- 4) скорость работы модели после обучения;
- 5) устойчивость распознавания модели к изменениям положений людей, освещения, теней и т. д.

Архитектура сверточной нейронной сети. Наиболее распространенной и устойчивейшей архитектурой для работы с фотоизображениями является сверточная нейронная сеть.

Для выполнения поставленной задачи по распознаванию антропометрических точек лица человека можно использовать следующую архитектуру сверточной нейронной сети, представленной на рис. 1.

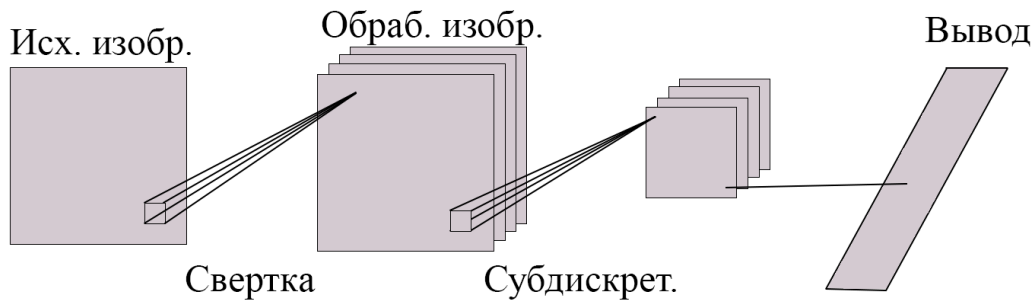

Рис. 1. Архитектура модели сверточной нейронной сети

Рассмотрим подробнее представленную структуру модели нейронной сети для распознавания точек лица на фотоизображениях [8]:

1) Считывание фотоизображений и приведение их к матричному виду

$$F = (f_{ij})_{i,j=1,\overline{512}}.$$

2) Нормализация данных заключается в делении каждого элемента матрицы на 255, что приводит ее к виду

$$G = \left(\left[\frac{f_{ij}}{255} \right] \right)_{i,j=1,\overline{512}},$$

где $[\cdot]$ — округление до целого.

3) Процесс свертки заключается в выборе размерности ядра свертки и свертке данных с помощью этого ядра. Формула для поиска размерности ядра свертки имеет вид $(w, h) = (mw - kw + 1, mh - kh + 1)$,

где (w, h) — вычисляемый размер конечного фото после прохождения через один сверточный слой;

mv — предыдущая ширина фото;

mh — предыдущая высота фото;

kw — ширина ядра свертки;

kh — высота ядра свертки.

4) Активацию данного слоя можно реализовать при помощи функции ReLU, имеющей следующий вид:

$$\text{ReLU}(G) = \max(0, g),$$

где g — сигнал, подаваемый в нейроне.

В дальнейшем от полученных результатов внутрь нейрона поступают откорректированные с помощью функции $\text{ReLU}(G)$ данные.

5) Полученное ядро скользит по изображению, сжимая его и уменьшая его размер. Значение каждого элемента матрицы можно рассчитать по формуле

$$W = (w_{kl})_{k,l=1,\overline{512}},$$

где $w_{kl} = \sum_{i=1}^3 \sum_{j=1}^3 F_{i+k-1, j+l-1} \cdot s_{i,j}$, F — исходная матрица изображения, s — ядро свертки.

6) Следующим слоем является BatchNormalization (пакетная нормализация), где в качестве аргумента передается вектор.

$$\bar{x} = (w_1, w_2, \dots, w_i),$$

где \bar{x} — матрица, получаемая на выходе со сверточного слоя.

7) Формула нормализации имеет вид

$$\hat{y}_i = \frac{w_i - \mu}{\sqrt{\sigma^2 + \theta}};$$

$$\mu = \frac{1}{m} \sum_{i=1}^m w_i;$$

$$\sigma^2 = \frac{1}{m} \sum_{i=1}^m (w_i - \mu)^2,$$

где μ — математическое ожидание, w_i — i -й элемент матрицы, σ^2 — дисперсия пакета.

8) Нормализация \hat{y}_i может изменить представление данных внутри слоя, во избежание данной проблемы следует ввести два дополнительных параметра: параметр сжатия γ и параметр сдвига β .

Общая формула с применениями данных параметров коррекции будет иметь вид

$$a_i = \gamma \hat{y}_i + \beta.$$

Если $\beta = \mu$ и $\gamma = \sqrt{\sigma^2 + \theta}$, то $a_i = w_i$, следовательно, они будут тождественны.

9) Далее идет слой MaxPooling2D, который на вход принимает матрицу A , в качестве параметра слоя прописывается значение фильтра.

$$A = (a_{i,j})_{i,j}$$

MaxPooling2D слой начинает работать с первого элемента матрицы.

$$b_{i,j} = \begin{pmatrix} a_{2i-1,2j-1} & a_{2i-1,2j} \\ a_{2i,2j-1} & a_{2i,2j} \end{pmatrix}_{i,j=1,\log_2 n},$$

$$l_{i,j} = \max(b_{i,j}),$$

$$L = (l_{i,j})_{i,j}.$$

10) После неоднократного прохождения матрицы изображения через Convolution2D, BatchNormalization и MaxPooling слои данные попадают на следующую немаловажную часть архитектуры нейронной сети — слой Flatten.

Слой Flatten используется для преобразования многомерных данных матрицы изображения в одномерный вектор. Данные действия помогают подготовить данные к передаче их на выходной слой Dense. Параметрами данного слоя будет batch_size — размер пакета данных для обучения, height — высота входной матрицы, width — ширина входной матрицы, channels — число цветовой каналности матрицы фото.

Формальное описание данного слоя имеет следующий обобщенный вид:

$$\bar{M}(L) = \text{reshape}(l, (b, f_size)), f_size = \text{height} \cdot \text{width} \cdot \text{channels},$$

где L — входная матрица фото, reshape — функция изменения размерности

$$\text{reshape}(l, (b, f_size)) = [l_{1,1}, l_{1,2}, \dots, l_{1,n}, l_{2,1}, l_{2,2}, \dots, l_{2,n}, \dots, l_{n,1}, l_{n,2}, \dots, l_{n,n}].$$

11) Завершающим слоем архитектуры нейронной сети является слой Dense, который представляет из себя полносвязный слой, в котором нейроны попарно связаны с предыдущим слоем.

$$O = k\bar{M} + \bar{B},$$

где O — выход слоя, \bar{M} — подаваемый на слой вектор, $k = \langle n, m \rangle$ — матрица весов слоя, где n — количество входных признаков, а m — число нейронов в слое, \bar{B} — смещение размерности m .

Архитектура капсульной нейронной сети. Архитектура капсульной нейронной сети несильно отличается от распространенной модели сверточной нейронной сети. Рассмотрим модель капсульной нейронной сети, приведенную на рис. 2.

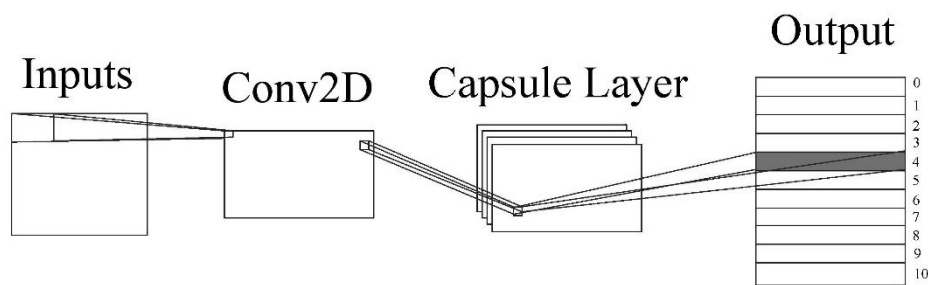

Рис. 2. Архитектура модели капсульной нейронной сети

Опишем архитектуру, показанную на рис. 2:

1) Первый блок является входным и имеет входную размерность 512×512 пикселей и 3 канала цвета.

2) Вторым блоком, как и в сверточной нейронной сети, является слой свертки Conv2D с ядром свертки (9×9). Число слоев во втором блоке зависит от поставленной разработчиком задачи.

3) Третий блок в данной архитектуре — это капсульный слой, принимающий данные с Conv2D слоев. Он заменяет слои MaxPooling2D. Основной задачей данного слоя является преобразование данных в векторы длиной 8. Логика данного слоя:

а) чем больше длина вектора приближается к 1, тем правдивее результат работы модели;

б) чем больше длина вектора приближается к 0, тем лживее результат работы модели.

4) Четвертый блок является капсульным выходным слоем, состоящим из 16 капсул. Данные капсулы распределяют вектор относительно выходного результата матрицы распределения результатов. Ложность и действительность полученной информации распределяется по принципу, описанному в блоке 3.

Приведем формальное описание данных слоев.

1) Вектор, получаемый внутри капсулы, можно описать следующим образом:

$$V_j = \frac{\|s_j\|}{1 + \|s_j\|^2} \cdot \frac{s_j}{\|s_j\|},$$

где s_j — это, $\|s_j\|$ — норма вектора s_j .

Значение длины вектора V_j постоянно стремится к 1:

$$V_j \rightarrow 1.$$

2) Ошибку работы капсулы можно вычислить по формуле

$$L_c = T_c \max(0, m^+ - \|V_c\|)^2 + \lambda(1 - T_c) \cdot \max(0, \|V_c\| - m^-)^2,$$

где L_c — размер ошибки; $\max(0, m^+ - \|V_c\|)^2$ — формула вычисления правильных ответов капсул, у правильных $\lambda \rightarrow 1$; $\max(0, \|V_c\| - m^-)^2$ — формула вычисления неправильных ответов капсул, у неправильных $\lambda \rightarrow 0$

Эта функция также используется для тренировки капсульных слоев на работу с длинами векторов.

3) Рассмотрим математические формулы, применяемые для первичных капсул (Primary Caps):

а) Ниже приведена формула выхода s_j первичной капсулы высокого уровня

$$s_j = \sum_i c_{i,j} \cdot \hat{u}_{j,i},$$

где $\hat{u}_{j,i}$ — веса входов предыдущих капсул, а $c_{i,j}$ — результат итерационного алгоритма

б) $c_{i,j}$ можно рассчитать по формуле

$$c_{i,j} = \frac{\exp(b_{i,j})}{\sum_k \exp(b_{i,k})}.$$

В данной формуле отображается зависимость единичного результата капсулы от таких же точек вокруг (рис. 3).

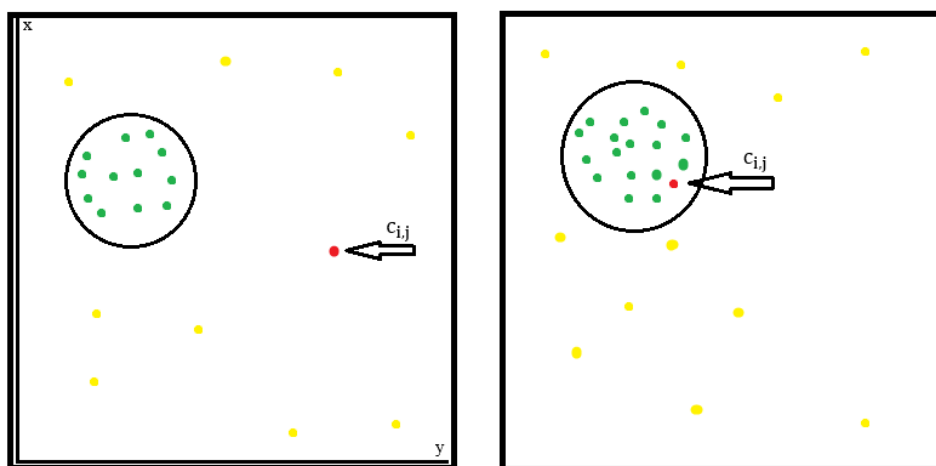

Рис. 3. Зависимость единичного результата капсулы от точек вокруг

с) $\hat{u}_{j,i}$ рассчитывается по формуле

$$\hat{u}_{j,i} = w_{i,j} \cdot u_i,$$

где $w_{i,j}$ — вес связи между двумя рассчитываемыми капсулами, u_i — конкретный пиксель первичной капсулы.

4) Рассмотрим реализацию динамической маршрутизации (Dynamic Routing) капсул:

1. Инициализация всех капсул с “0” коэффициентом

$$b_{i,j} \leftarrow 0.$$

2. Во время итераций:

a) Все капсулы i слоя l инициализируются как

$$c_i \leftarrow \text{soft max}(b_i).$$

b) Все капсулы j слоя $(l+1)$ инициализируются как

$$s_j \leftarrow \sum_i c_{i,j} \hat{u}_{j/i}.$$

c) Все капсулы j слоя $(l+1)$ получают

$$V_j \leftarrow \text{squash}(s_j).$$

d) Все капсулы i и j , слоев l и $(l+1)$ инициализируются как

$$b_{i,j} \leftarrow b_{i,j} + u_{j/i} + V_j.$$

e) Вывод V_j .

Достоинства и недостатки двух архитектур. Плюсами сверточной нейронной сети являются:

1) Инвариантность сдвига данных на входном слое нейронной сети.

Способность сверточной нейронной сети выявлять особенности в данных независимо от их расположения на фотоизображениях благодаря операции свертки.

2) Уменьшение размерности входных данных по отношению к выходным.

Модель способна эффективно уменьшать размерность получаемых на вход данных, сохраняя при этом все важные характеристики.

3) Возможность работы с потоковой информацией.

Такие модели хорошо подходят для анализа потоковой информации: фото, видео, текст и т. д.

Использование общих фильтров на различных данных, что уменьшает количество параметров модели и повышает эффективность обучения.

Минусы и недостатки сверточных нейронных сетей:

1) Требовательность к вычислительным ресурсам.

Обучение сверточных нейронных сетей может быть очень ресурсоемким процессом.

2) Неинтерпретируемость.

Сложность понимания действий, принятых нейронной сетью.

3) Требовательность к данным.

Для эффективного обучения сверточной нейронной сети необходимы большие наборы, хорошо размеченных данных.

4) Склонность к переобучению.

При недостаточном объеме данных или неправильной настройке самой сети существует риск переобучения модели (запоминание обучающих данных).

Преимуществами капсульных нейронных сетей являются:

1) Устойчивое распознавание объекта при изменении его позы, положения в пространстве или изменения масштаба изображения.

2) Возможность обучения на небольших наборах данных.

3) Учет иерархической структуры объектов на изображениях.

Минусы и недостатки капсульных нейронных сетей:

1) Более сложное обучение и требовательность к вычислениям.

Данные факторы очень сильно сказываются на эффективности и скорости работы модели.

2) Уменьшенная поддержка рабочих инструментов и библиотек машинного обучения данной архитектуры из-за ее новизны по отношению к уже устоявшимся методам.

Обучение сверточной нейронной сети. Процесс обучения модели сверточной нейронной сети включает в себя следующие шаги:

1) Проход данных через сеть.

Обучение начинается с передачи обучающего набора данных через нейронную сеть. Каждое изображение лица проходит через слои нейронной сети, где оно подвергается операциям свертки, пулинга, активации и т. д. Эти операции помогают извлекать признаки из данных на разных уровнях абстракции.

2) Вычисление ошибки.

После того как данные прошли через сеть, вычисляется ошибка между предсказанными значениями и фактическими метками (например, классы объектов на изображениях). Для этого используется функция потерь, такая как кросс-энтропия для задач классификации или среднеквадратичная ошибка для задач регрессии.

3) Обратное распространение ошибки.

После вычисления ошибки происходит процесс обратного распространения ошибки, который позволяет определить, какие параметры модели необходимо скорректировать для уменьшения ошибки. Этот процесс основан на градиентном спуске, где градиенты ошибки по отношению к параметрам модели вычисляются и используются для обновления весов.

4) Обновление весов.

На основе вычисленных градиентов и выбранного метода оптимизации (например, стохастический градиентный спуск или его вариации) параметры модели (веса и смещения) обновляются с целью минимизации ошибки. Этот шаг позволяет модели «узнавать» из данных и корректировать свои предсказания для повышения точности.

5) Повторение процесса.

Шаги 1 — 4 повторяются для каждой эпохи обучения, где эпоха представляет собой один полный проход через весь обучающий набор данных. Обычно обучение продолжается до достижения определенного критерия остановки, такого как достижение определенной точности на отложенном наборе данных или достижение максимального числа эпох.

Обучение капсульной нейронной сети. Процесс обучения капсульных нейронных сетей включает в себя следующие шаги:

1) Представление входных данных.

Процесс обучения начинается с подачи входных данных на входной слой капсульной нейронной сети. Эти данные представляют из себя пиксели фотоизображения лица человека.

2) Извлечение признаков.

На следующем этапе происходит извлечение признаков из входных данных. Это может осуществляться с помощью операций свертки, что позволяет модели выявлять особенности и структуры в данных. Капсульная нейронная сеть использует капсулы для

представления признаков, что позволяет ей сохранять информацию о различных аспектах объектов на изображениях или других типах данных.

3) Динамическая маршрутизация.

Одной из ключевых особенностей капсульных нейронных сетей является динамическая маршрутизация. Это процесс, в ходе которого капсулы в одном слое сети взаимодействуют с капсулами в следующем слое для обмена информацией и коррекции предсказанных признаков. В результате этого процесса модель может уточнять предсказания и улучшать качество классификации.

4) Обновление параметров.

Во время обучения капсульной нейронной сети параметры модели регулярно обновляются с помощью методов оптимизации, таких как обратное распространение ошибки. Цель состоит в том, чтобы минимизировать ошибку предсказания модели и улучшить ее способность к обобщению на новые данные.

5) Оценка и повторение.

После завершения каждой итерации обучения производится оценка производительности модели на валидационном наборе данных. Это позволяет оценить качество обучения и, при необходимости, внести коррективы в процесс обучения. Обучение может повторяться многократно до достижения требуемого уровня производительности модели.

Сравнение архитектур на основе полученных результатов обучения. На основе проделанных тестов двух обученных архитектур: капсульной и сверточной нейронных сетей, можно сделать следующий вывод. Капсульная нейронная сеть превзошла сверточную нейронную сеть по всем критериям оценки.

1) Скорость обучения капсульных нейронных сетей в 1,5 раза выше, чем у сверточной нейронной сети.

2) Капсульная нейронная сеть показала точность в 95 % (рис. 4, а), что на 3% лучше, чем у сверточной нейронной сети (рис. 4, б).

3) Капсульная нейронная сеть устойчива к поворотам изображения с лицами людей. При этом качество детекции не понижается.

4) Скорость работы капсульной и сверточной нейронной сети показала одинаковые результаты: 0,34 — 0,35 с.

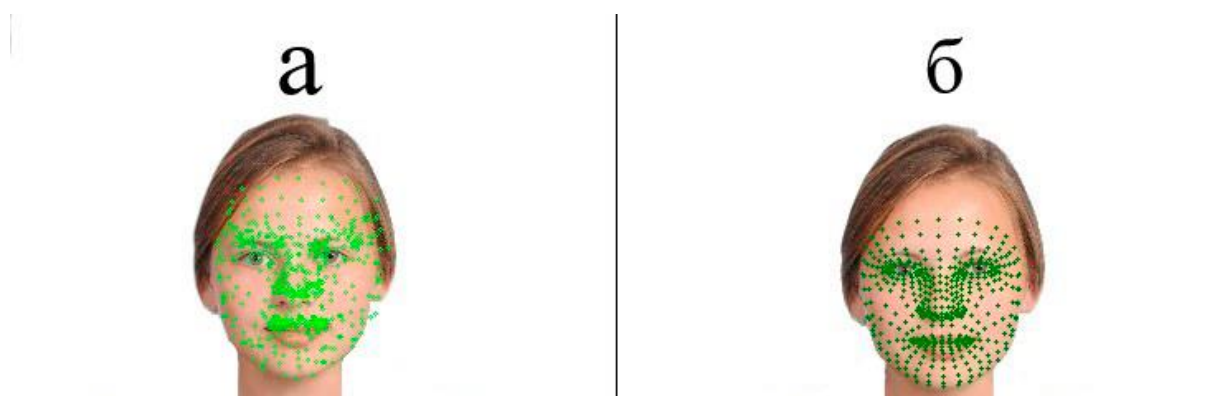

Рис. 4: а — пример работы сверточной нейронной сети, б — пример работы капсульной нейронной сети.

Проблемы, возникшие во время конструирования, разработки и обучения капсульной нейронной сети:

1) Структурная модель капсульной нейронной сети, представленной Д. Хинтоном в 2017 г. (рис. 5), имела сугубо тестовый характер. Поэтому возникла необходимость разработки совершенной отказоустойчивой архитектуры капсульной нейронной сети.

2) Необходимая вычислительная мощность.

Это является самой главной зависимостью в процессе обучения модели, так как слабая аппаратная составляющая пагубно влияет на скорость обучения самой архитектуры. Из чего следует, что процесс отладки и тестов модели может затянуться на долгие месяцы, что неприемлемо в процессе научных исследований.

3) Потребность в наборе данных.

Так как процесс обучения модели происходит на основе фотографий лиц людей, процесс поиска и отбора необходимых фотографий может занимать достаточно долгое время.

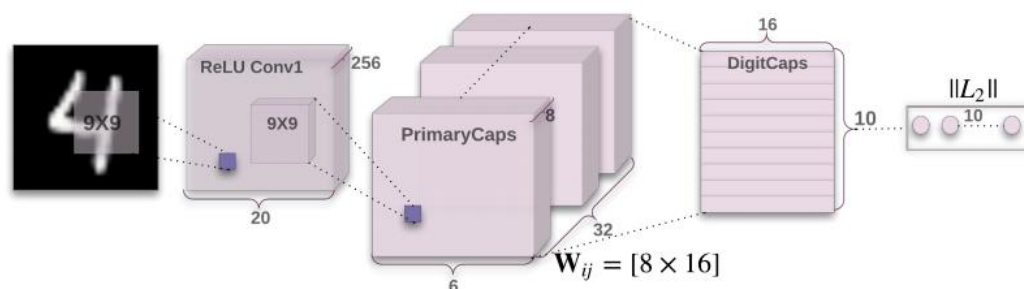

Рис. 5. Структура капсульной нейронной сети, представленная Д. Хинтоном

Вывод. Были разработаны и предложены две архитектуры сверточной и капсульной нейронных сетей для решения задачи по распознаванию антропометрических точек лица, которые могут быть использованы в разных отраслях человеческой деятельности.

Однако необходимо брать во внимание параметры вычислительной системы, на которой будет проводиться обучение, так как может возникнуть ситуация, когда обучение капсульной нейронной сети займет достаточно большое время из-за слабых аппаратных комплектующих, тогда для работы лучше использовать сверточную нейронную сеть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матричный метод как способ определения антропометрических точек лица / А. И. Ситников, Н. А. Мельников, В. А. Никитенко, В. С. Редькин // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 20 октября 2022 года. — Воронеж : Научная книга, 2022. — С. 193—194.

2. Мельников Н. А. Некоторые особенности определения антропологических характеристик лица на основе глубокого машинного обучения // Актуальные вопросы эксплуатации систем охраны и защищенных телекоммуникационных систем : сборник материалов конференции, Воронеж, 9 июня 2022 года. — Воронеж : Воронежский институт

МВД России, 2022. — С. 278—280.

3. Редькин В. С., Ситников А. И. Использование методов распознавания образов при видеофиксации для повышения безопасности объектов // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. — Воронеж, 2021. — С. 233—234.

4. Детекция ключевых точек лица с помощью капсульных нейронных сетей / А. А. Бойцев, Д. Г. Волчек, Е. Н. Магазенков [и др.] // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. — 2023. — Т. 23, № 3. — С. 506—518. — DOI 10.17586/2226-1494-2023-23-3-506-518.

5. Овсов Н. А. Разработка капсульной сямской нейронной сети для распознавания лиц в реальном времени // Математическое моделирование и информационные технологии : материалы Пятнадцатой всероссийской (седьмой международной) научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых : Иваново, 7—10 апреля 2020 года. Т. 5. — Иваново : Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина, 2020. — С. 57—58.

6. Толстых А. А., Голубинский А. Н. Распознавание объектов на телевизионных изображениях с использованием аппарата сверточных нейронных сетей // Вестник Воронежского института МВД России. — 2017. — № 1. — С. 71—81.

7. Толстых А. А., Голубинский А. Н. Выбор архитектуры искусственной нейронной сети на основе сравнения эффективности методов распознавания изображений // Вестник Воронежского института МВД России. — 2018. — № 1. — С. 27—37.

8. Толстых А. А., Голубинский А. Н. Сравнение эффективности методов изменения скорости обучения искусственных нейронных сетей в различных задачах классификации // Международный научно-исследовательский журнал. — 2022. — № 7-1 (121). — С. 102—106.

9. Глубокая нейронная сеть для обнаружения точек на изображениях с использованием Keras / А. И. Ситников, В. А. Никитенко, Н. А. Мельников, Т. В. Гладких // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. — 2024. — № 1. — С. 68—78.

10. Железный С. В., Ситников А. И., Толстых А. А. Использование методов машинного обучения для прогнозирования загрязненности атмосферного воздуха // Вестник Воронежского института МВД России. — 2019. — № 3. — С. 73—81.

11. Редькин В. С. Методы машинного обучения как инструмент прогнозирования загрязнения окружающей среды автомобильным транспортом // Актуальные вопросы эксплуатации систем охраны и защищенных телекоммуникационных систем: сборник материалов конференции, Воронеж, 9 июня 2022 года. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2022. — С. 291—292.

12. Мельников Н. А., Ситников А. И., Никитенко В. А. Строение сверточной нейронной сети для определения контрольных точек лица человека // Технологии информационного общества: сборник трудов XVII Международной отраслевой научно-технической конференции, Москва, 2—3 марта 2023 года. — М. : Медиа паблишер, 2023. — С. 127—128.

REFERENCES

1. Matrichnyj metod kak sposob opredeleniya antropometricheskikh toчек лица / А. И. Ситников, Н. А. Мел'ников, В. А. Никитенко, В. С. Ред'кин // Aktual'nye problemy

deyatelnosti podrazdelenij UIS : sbornik materialov vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Voronezh, 20 oktyabrya 2022 goda. — Voronezh : Nauchnaya kniga, 2022. — S. 193—194.

2. Mel'nikov N. A. Nekotorye osobennosti opredeleniya antropologicheskikh harakteristik lica na osnove glubokogo mashinnogo obucheniya // Aktual'nye voprosy ekspluatacii sistem ohrany i zashchishchennykh telekommunikacionnykh sistem : sbornik materialov konferencii, Voronezh, 9 iyunya 2022 goda. — Voronezh : Voronezhskij institut MVD Rossii, 2022. — S. 278—280.

3. Red'kin V. S., Sitnikov A. I. Ispol'zovanie metodov raspoznavaniya obrazov pri videofiksacii dlya povysheniya bezopasnosti ob"ektov // Aktual'nye problemy deyatelnosti podrazdelenij UIS : sbornik materialov vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. — Voronezh, 2021. — S. 233—234.

4. Detekciya klyuchevykh toчек lica s pomoshch'yu kapsul'nykh nejronnykh setej / A. A. Bojcev, D. G. Volchek, E. N. Magazenkov [i dr.] // Nauchno-tekhnicheskij vestnik informacionnykh tekhnologij, mekhaniki i optiki. — 2023. — T. 23, № 3. — S. 506—518. — DOI 10.17586/2226-1494-2023-23-3-506-518.

5. Ovsov N. A. Razrabotka kapsul'noj siamskoj nejronnoj seti dlya raspoznavaniya lic v real'nom vremeni // Matematicheskoe modelirovanie i informacionnye tekhnologii : materialy Pyatnadcatoj vserossijskoj (sed'moj mezhdunarodnoj) nauchno-tekhnicheskoi konferencii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh : Ivanovo, 7–10 aprelya 2020 goda. T. 5. — Ivanovo : Ivanovskij gosudarstvennyj energeticheskij universitet im. V. I. Lenina, 2020. — S. 57—58.

6. Tolstyh A. A., Golubinskij A. N. Raspoznavanie ob"ektov na televizionnykh izobrazheniyah s ispol'zovaniem apparata svertochnykh nejronnykh setej // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2017. — № 1. — С. 71—81.

7. Tolstyh A. A., Golubinskij A. N. Vybor arhitektury iskusstvennoj nejronnoj seti na osnove sravneniya effektivnosti metodov raspoznavaniya izobrazhenij // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2018. — № 1. — С. 27—37.

8. Tolstyh A. A., Golubinskij A. N. Sravnenie effektivnosti metodov izmeneniya skorosti obucheniya iskusstvennykh nejronnykh setej v razlichnykh zadachah klassifikacii // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. — 2022. — № 7-1 (121). — С. 102—106.

9. Glubokaya nejronnaya set' dlya obnaruzheniya toчек na izobrazheniyah s ispol'zovaniem Keras / A. I. Sitnikov, V. A. Nikitenko, N. A. Mel'nikov, T. V. Gladkih // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MChS Rossii. — 2024. — № 1. — S. 68—78.

10. Zheleznyj S. V., Sitnikov A. I., Tolstyh A. A. Ispol'zovanie metodov mashinnogo obucheniya dlya prognozirovaniya zagryaznennosti atmosfernogo vozduha // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2019. — № 3. — S. 73—81.

11. Red'kin V. S. Metody mashinnogo obucheniya kak instrument prognozirovaniya zagryazneniya okruzhayushchej sredy avtomobil'nym transportom // Aktual'nye voprosy ekspluatacii sistem ohrany i zashchishchennykh telekommunikacionnykh sistem: sbornik materialov konferencii, Voronezh, 9 iyunya 2022 goda. — Voronezh : Voronezhskij institut MVD Rossii, 2022. — S. 291—292.

12. Mel'nikov N. A., Sitnikov A. I., Nikitenko V. A. Stroenie svertochnoj nejronnoj seti dlya opredeleniya kontrol'nykh toчек lica cheloveka // Tekhnologii informacionnogo obshchestva: sbornik trudov XVII Mezhdunarodnoj otraslevoj nauchno-tekhnicheskoi konferencii, Moskva, 2—3 marta 2023 goda. — M. : Media publisher, 2023. — S. 127—128.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ситников Александр Иванович. Доцент кафедры физики и радиоэлектроники. Кандидат технических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: sitnikov_74@list.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Черткова Анастасия Сергеевна. Научный сотрудник научно-исследовательского отдела.

Воронежский институт МВД России.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Мельников Никита Алексеевич. Слушатель.

Воронежский институт МВД России.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Sitnikov Alexander Ivanovich. Associate Professor of the chair of Physics and Radioelectronics. Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: sitnikov_74@list.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Chertkova Anastasia Sergeevna. Researcher of the Research department.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Melnikov Nikita Alekseevich. Listener.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: капсульные нейронные сети; сверточные нейронные сети; сравнительный анализ; оптимальная архитектура нейронной сети.

Key words: capsule neural networks; convolutional neural networks; comparative analysis; optimal neural network architecture.

УДК 004.032.26

А. А. Терентьев, кандидат технических наук

А. С. Лукьянов, кандидат технических наук

В. Я. Пославская

ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ КОНФЛИКТА

INVESTIGATION OF THE FUNCTIONING OF THE FORENSIC CENTER AS AN ORGANIZATIONAL AND TECHNICAL SYSTEM BASED ON THE THEORY OF CONFLICT

В статье приведены результаты исследования функционирования экспертно-криминалистического центра как организационно-технической системы с наличием многокритериального конфликта. При использовании теории конфликта возможно оценить степень эффективности ее функционирования, а также сформулировать рекомендации по повышению степени сбалансированности такой сложной системы.

The article presents the results of a study of the functioning of the Forensic expert Center as an organizational and technical system with of a multi-criteria conflict. When using the theory of conflict, it is possible to assess the degree of its effective functioning, as well as formulate recommendations for improving the degree of balance of such a complex system.

Введение. С развитием цифровых технологий количество совершаемых киберпреступлений резко возросло. Одним из важных этапов расследования такого вида преступлений является проведение квалифицированной компьютерно-технической экспертизы, особое место при этом отведено деятельности экспертно-криминалистического центра органов внутренних дел. На основе анализа основных функций экспертно-криминалистического центра (ЭКЦ) [1] можно сказать, что данный центр является сложной системой.

Под системой понимается набор взаимосвязанных элементов, объединённых общими связями и отношениями, создающих общую структуру и целостность [2]. Сложная система, согласно работе [3], это динамическая открытая система, где элементы находятся в постоянном взаимодействии и конкурируют друг с другом. Таким образом, анализируя вышеприведенное понятие, можно сказать, что экспертно-криминалистический центр является сложной системой, функционирование которой невозможно представить без вмешательства человеческого фактора, а также без использования специализированных программных и аппаратных средств. Согласно [4], данную систему корректно рассматривать как организационно-техническую.

Постановка задачи. В настоящее время исследованию организационно-технических систем уделяется особое внимание, что подтверждает ряд опубликованных работ на данную тематику [4—7]. Учитывая, что внутри такой сложной системы между объектами могут быть различного рода отношения, согласно теории конфликта [8], а также принимая во внимание свойство многокритериальности, возникает необходимость исследования функционирования ЭКЦ как организационно-технической системы с разработкой дальнейших рекомендаций по оптимизации проведения компьютерной экспертизы в интересах органов внутренних дел.

Решение задачи. При исследовании ЭКЦ как организационно-технической системы предлагается использовать методы и алгоритмы математического моделирования с целью оценки функционирования таких сложных систем относительно многокритериального конфликта.

Шаг 1. Построение модели исследуемой системы. Представим систему компьютерной экспертизы в виде графа $G(V, E)$, где $V = \{v_1, \dots, v_m\}$ — множество вершин, представляющих ключевые элементы исследуемой системы, а $E = \{(v_i, v_j) \in E \times E \mid i \neq j\}$ — множество ребер, отражающих взаимосвязи между вершинами, e_{ij} — дуга демонстрирующая влияние вершины v_i на вершину v_j , дуга e_{ji} — демонстрация влияния вершины v_j на вершину v_i . В качестве вершин графа рассмотрим:

1. *Технический персонал (ТП)* — эксперты, аналитики, техники, участвующие в проведении экспертизы.
2. *Персональные компьютеры (ПК)* — рабочие станции, ноутбуки, серверы, используемые для сбора, обработки и анализа данных.
3. *Программное обеспечение (ПО)* — операционные системы, специализированные инструменты для компьютерной экспертизы, анализаторы данных.
4. *Носители информации (НИ)* — съёмные носители информации, такие как жесткие диски, USB-накопители, оптические диски, содержащие данные, требующие восстановления или анализа.

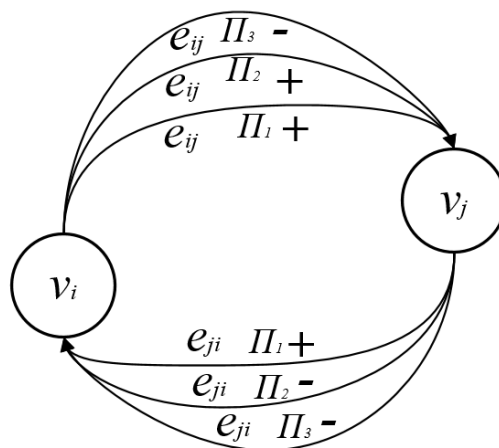

Рис. 1. Модель системы в виде графа G

Шаг 2. Определение показателей эффективности функционирования системы. В качестве показателей функционирования, которые будут оказывать влияние на исследуемую систему, примем следующие показатели:

Показатель № 1: Уровень квалифицированности сотрудников ($U_{p_{кв_сотрд}}$). Данный показатель оценивается по шкале от низкого до высокого, отражает знания, навыки и опыт технического персонала. В условиях ограниченных ресурсов, а именно при нехватке квалифицированных кадров, этот параметр часто оказывает критическое влияние на общий результат работы всей исследуемой системы.

Показатель № 2: Уровень работоспособности технических средств ($U_{p_{раб_ТС}}$). Данный показатель предлагается оценивать по аналогичной шкале. При этом оценивание будет зависеть от состояния используемых аппаратных и программных средств.

Показатель № 3: Время, затрачиваемое на проведение экспертизы ($t_{эксп}$).

На основе представленной модели и теории конфликтов построим ориентированный граф для каждого показателя с указанием отношений между его вершинами.

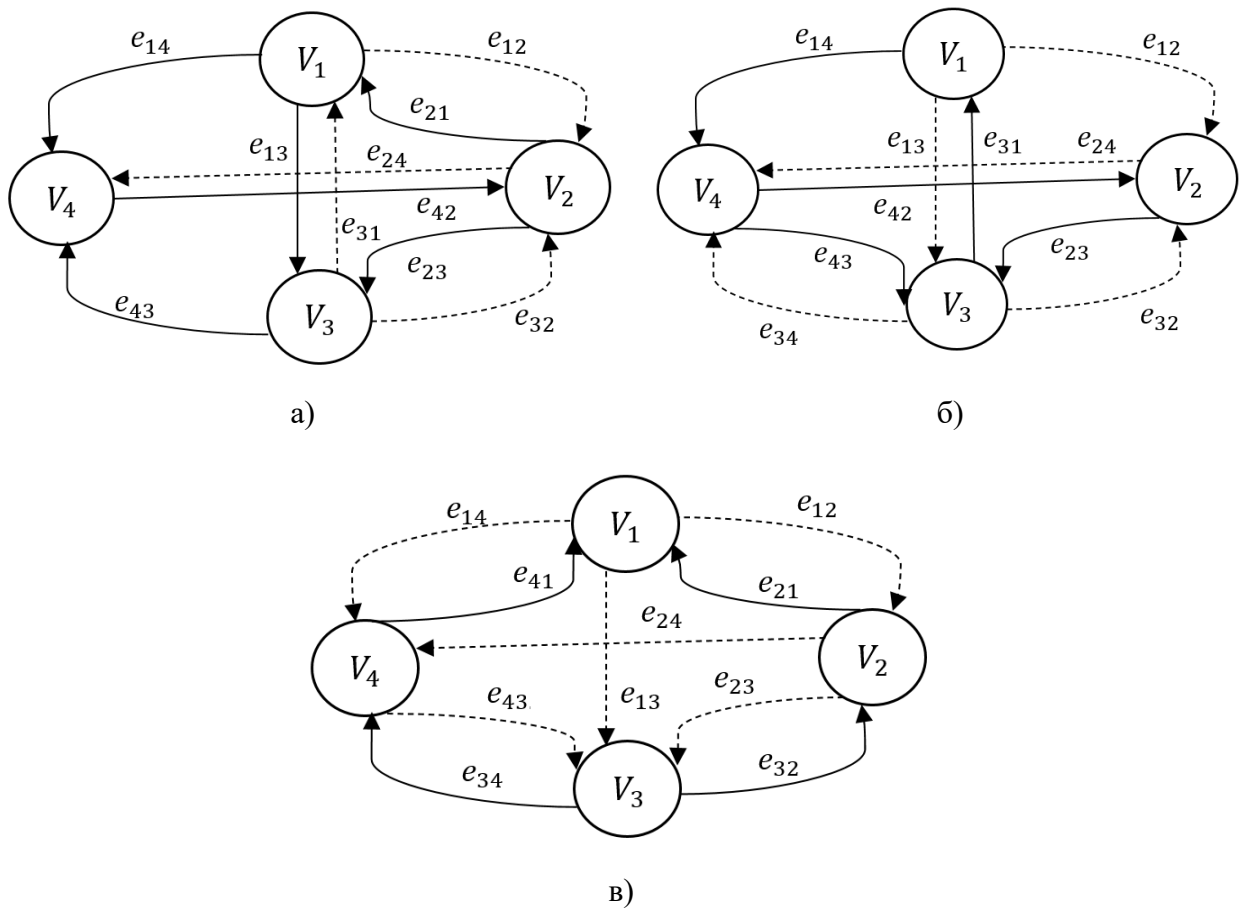

Рис. 2. Ориентированные графы для каждого показателя эффективности системы:
 а — граф G для показателя $t_{эксп}$; б — граф G для показателя $U_{p_{кв_сотрд}}$;
 в — граф G для показателя $U_{p_{раб_ТС}}$

Рассмотрим ориентированный граф G для показателя $t_{эксп}$. При условии низкого уровня квалификации у персонала (сотрудников) и штатного режима работы персональных компьютеров полезность системы понизится, а значит, между вершинами V_1 и V_2 возникнет отношение конфликта:

$$e_{12}: [t_{\text{эксп}}(V_1) \downarrow \Rightarrow t_{\text{эксп}}(V_2) \uparrow] \equiv > I.$$

Используемые современные технические средства экспертизы (ПК) в совокупности с правильно установленным программным обеспечением позволят ускорить процесс проведения компьютерной экспертизы, и затраченное время будет стремиться к минимуму, в этом случае полезность всей системы будет повышаться и между вершинами V_2 и V_3 будет наблюдаться отношение сотрудничества:

$$e_{23}: [t_{\text{эксп}}(V_2) \uparrow \Rightarrow t_{\text{эксп}}(V_3) \uparrow] \equiv > I_c.$$

Для двух оставшихся графов определение отношений внутри системы осуществлялось аналогичным образом. Следующим этапом является объединение трех графов в общий мультиграф G_Σ .

Шаг 3. Присвоение весовых коэффициентов показателям эффективности. Присвоение весовых коэффициентов для показателей эффективности системы будем осуществлять экспертным способом при помощи метода попарного сравнения. В качестве экспертов для проведения эксперимента будем использовать слушателей Воронежского института МВД России, обучающихся по специальности 10.05.01 Компьютерная безопасность. Выбранная категория обучающихся проходила практику в подразделениях экспертно-криминалистических центров МВД России. Общее количество экспертов составило 15 человек.

Обработка экспертных оценок осуществлялась ранее разработанным и апробированным методом расчета вектора приоритетов [9].

Итоговые весовые коэффициенты, полученные в результате эксперимента, приведены ниже:

$$v = (0,35; 0,41; 0,24).$$

Шаг 4. Определение оценки сбалансированности исследуемой системы. Для расчета оценки сбалансированности системы воспользуемся разработанным программным обеспечением [10], позволяющим автоматизировать процесс расчета. Программное обеспечение позволяет строить мультиграф любой сложности. На основании построенных в шаге 2 графов и рассчитанных в шаге 3 весовых коэффициентов построим мультиграф G_Σ и рассчитаем оценку сбалансированности для исследуемой системы (см. рис. 3 и рис. 4).

Используемое программное обеспечение показало, что исследуемую систему можно считать сбалансированной:

$$M \approx 0,7676.$$

Следующим шагом для всестороннего исследования функционирования экспертно-криминалистического центра как сложной системы предлагается построить имитационную модель при помощи сетей Петри [11].

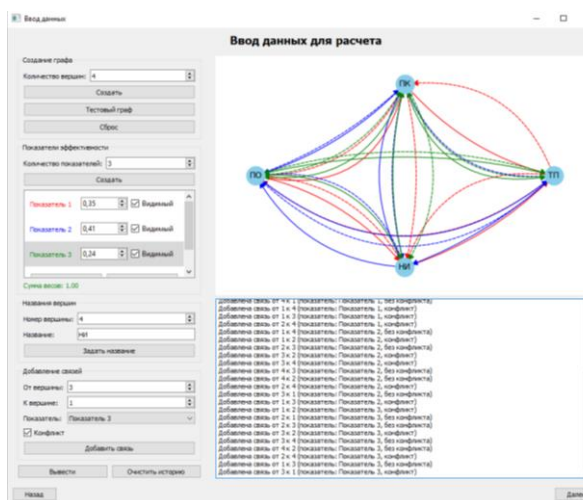

Рис. 3. Окно ввода данных для расчета

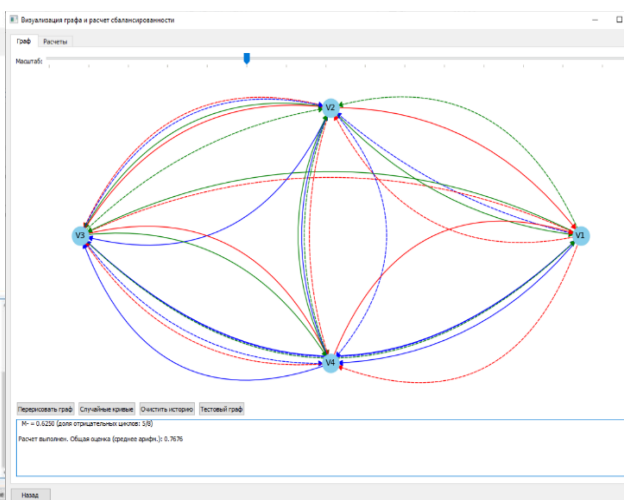

Рис. 4. Генерация мультиграфа G_{Σ} и расчет средневзвешенной оценки сбалансированности системы

Шаг 5. Имитационная модель исследуемой системы. При построении имитационной модели рассмотрим конкретный пример деятельности экспертно-криминалистического центра при проведении компьютерной экспертизы. Основные компоненты имитационной модели содержат: позиции (P) — состояния процесса экспертизы, переходы (T) — действия, фишка – демонстрация состояния системы в определённый момент.

Позиции:

1. P_1 — устройство изъято.
2. P_2 — образ диска создан.
3. P_3 — хеш-сумма верифицирована.
4. P_4 — данные извлечены.
5. P_5 — анализ завершен.
6. P_6 — отчет сформирован.
7. P_7 — журналы извлечены.

Переходы:

1. T_1 — создать образ диска.
2. T_2 — проверить целостность.
3. T_3 — извлечь файлы.
4. T_4 — проанализировать данные.
5. T_5 — составить отчет.
6. T_6 — анализировать журналы.

Описание работы имитационной модели:

1. Фишка стоит на P_1 (устройство изъято).
2. T_1 срабатывает, соответственно фишка перемещается из P_1 в P_2 (образ создан).
3. T_2 срабатывает, фишка из P_2 перемещается в P_3 (целостность повреждена).
4. T_3 срабатывает, фишка из P_3 перемещается в P_4 (данные извлечены).
5. T_4 срабатывает, фишка из P_4 перемещается в P_5 (анализ завершен).
6. T_5 срабатывает, фишка из P_5 перемещается в P_6 (отчет готов).

7. Работа параллельных процессов, при которых T_6 анализирует журналы, в результате в P_7 журналы извлечены и проанализированы.

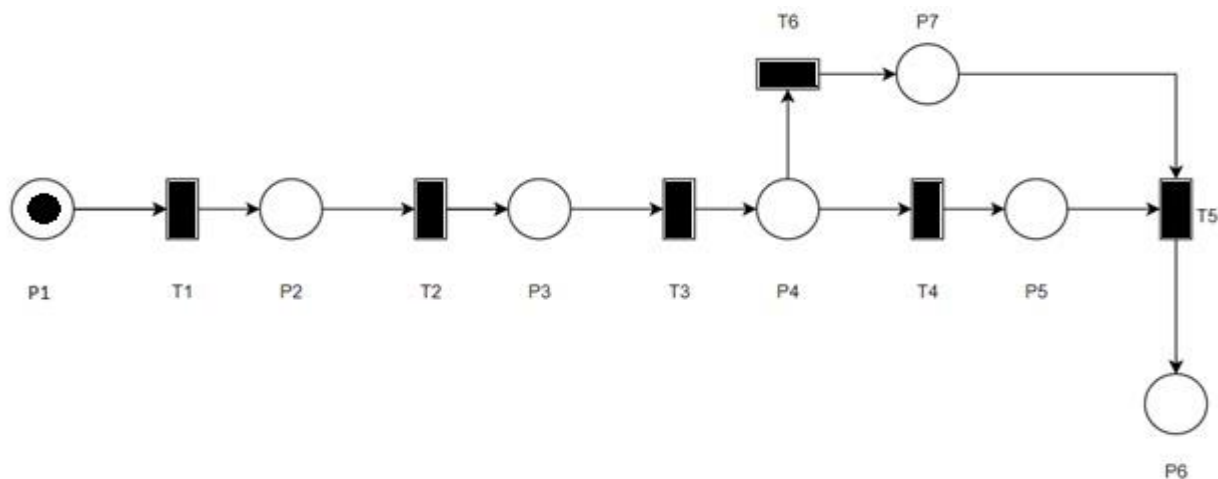

Рис. 5. Имитационная модель исследуемой системы

Имитационная модель позволяет наглядно представить последовательность процессов, что особенно полезно для анализа сложных систем, таких как функционирование ЭКЦ при проведении компьютерных экспертиз. Применение имитационного моделирования помогает выявить потенциальные узкие места, конфликты и тупиковые ситуации, а также оценить эффективность и надежность процесса.

Исследуемая система, представленная в виде математической модели, дает комплексное визуальное представление взаимодействий между различными объектами внутри сложной системы центра при наличии многокритериального конфликта.

Благодаря такому графическому представлению становятся возможными: прогнозирование потенциальных трансформаций в работе объектов системы, оценка влияния этих изменений на функционирование ЭКЦ в целом.

При низкой оценке сбалансированности ОТС можно произвести ряд модификаций:

- пересмотр целевых показателей отдельных объектов системы;
- инвертирование направления связей между элементами (изменение знака дуги);
- исключение компонентов системы с сопутствующим удалением связанных с ними связей;
- применение комплексных преобразований, сочетающих различные типы изменений.

Заключение. В статье приведены результаты исследования функционирования экспертно-криминалистического центра как организационно-технической системы относительно воздействия на нее многокритериального конфликта. Применение методов математического моделирования продемонстрировало возможность корректировки функционирования сложной системы при наличии конфликтных отношений между объектами, которые будут оказывать негативное влияние на работу всей системы.

При выявлении удовлетворительной оценки сбалансированности исследуемой системы при помощи имитационного моделирования имеется возможность отследить работу системы при взаимодействии элементов с разным уровнем отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Устава федерального государственного казенного учреждения «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» : приказ МВД России от 16 июня 2010 г. № 437 (с изм. от 12.05.2022 № 328) // СТРАС «ЮРИСТ» (дата обращения: 04.08.2025).
2. Философский энциклопедический словарь. — М. : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
3. White B. Fostering Intra-Organizational Communication of Enterprise Systems Engineering Practices. MITRE Public Release Case No. 06-0351 // National Defense Industrial Association, 9Th Annual Systems Engineering Conference. — San Diego, 2006. — 25 p.
4. Белов М. В., Новиков Д. А. Управление жизненными циклами организационно-технических систем. — М. : ЛЕНАНД, 2020. — 384 с.
5. Моделирование информационного воздействия на эргатический элемент в эрготехнических системах / В. В. Алексеев, С. И. Корыстин, В. А. Малышев, В. В. Сысоев. — М. : Стенсвил, 2003. — 200 с.
6. Соловьёв И. В. Проблемы исследования сложной организационно-технической системы // Вестник МГТУ МИРЭА. — 2013. — № 1. — С. 20—40.
7. Терентьев А. А., Пьянков О. В. Исследование сбалансированности организационно-технических систем при наличии нескольких показателей эффективности функционирования // Вестник Воронежского института МВД России. — 2023. — № 4. — С. 88—95.
8. Сысоев В. В. Конфликт. Сотрудничество. Независимость. Системное взаимодействие в структурно-параметрическом представлении. — М. : Московская академия экономики и права, 1999. — 151 с.
9. Пьянков О. В., Терентьев А. А. Разработка численного метода определения весов конфликтных взаимодействий // Вестник Воронежского института МВД России. — 2019. — № 1. — С. 69—74.
10. Терентьев А. А., Смирнов И. А. Расчет оценки сбалансированности организационно-технических систем при наличии нескольких показателей эффективности функционирования // Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ № 2024688235 от 26.11.2024. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=76399161> (дата обращения: 12.08.2025).
11. Котов В. Е. Сети Петри. — М. : Наука, 1984. — 160 с.

REFERENCES

1. Ob utverzhdanii Ustava federal'nogo gosudarstvennogo kazennogo uchrezhdeniya «Ekspertno-kriminalisticheskij centr Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii» : prikaz MVD Rossii ot 16 iyunya 2010 g. № 437 (s izm. ot 12.05.2022 № 328) // STRAS «YuRIST» (data obrashcheniya: 04.08.2025).
2. Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. — M. : Sovetskaya enciklopediya, 1983. — 840 s.
3. White B. Fostering Intra-Organizational Communication of Enterprise Systems Engineering Practices. MITRE Public Release Case No. 06-0351 // National Defense Industrial Association, 9Th Annual Systems Engineering Conference. — San Diego, 2006. — 25 p.
4. Belov M. V., Novikov D. A. Upravlenie zhiznennymi ciklami organizacionno-

tehnicheskikh sistem. — М. : LENAND, 2020. — 384 s.

5. Modelirovanie informacionnogo vozdejstviya na ergaticheskij element v ergo-tehnicheskikh sistemah / V. V. Alekseev, S. I. Korystin, V. A. Malyshev, V. V. Sysoev. — М. : Stensvil, 2003. — 200 s.

6. Solov'yov I. V. Problemy issledovaniya slozhnoj organizacionno-tehnicheskoy sistemy // Vestnik MGTU MIREA. — 2013. — № 1. — S. 20—40.

7. Terent'ev A. A., P'yankov O. V. Issledovanie sbalansirovannosti organizacionno-tehnicheskikh sistem pri nalichii neskol'kih pokazatelej effektivnosti funkcionirovaniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2023. — № 4. — S. 88—95.

8. Sysoev V. V. Konflikt. Sotrudnichestvo. Nezavisimost'. Sistemnoe vzaimodejstvie v strukturno-parametricheskom predstavlenii. — М. : Moskovskaya akademiya ekonomiki i prava, 1999. — 151 s.

9. P'yankov O. V., Terent'ev A. A. Razrabotka chislennogo metoda opredeleniya vesov konfliktnyh vzaimodejstvij // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2019. — № 1. — S. 69—74.

10. Terent'ev A. A., Smirnov I. A. Raschet ocenki sbalansirovannosti organizacionno-tehnicheskikh sistem pri nalichii neskol'kih pokazatelej effektivnosti funkcionirovaniya // Svidetel'stvo o registracii programmy dlya EVM № 2024688235 ot 26.11.2024. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=76399161> (data obrashcheniya: 12.08.2025).

11. Kotov V. E. Seti Petri. — М. : Nauka, 1984. — 160 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Терентьев Александр Андреевич. Старший преподаватель кафедры инфокоммуникационных систем и технологий. Кандидат технических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: Alextt02021993@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Лукьянов Александр Сергеевич. Старший преподаватель кафедры инфокоммуникационных систем и технологий. Кандидат технических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: las92@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Пославская Виктория Яновна. Инженер отдела информационно-технического обеспечения учебного процесса.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vikka464@gmail.com

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Terentyev Alexander Andreevich. Senior lecturer of the chair of Infocommunication Systems and Technologies. Candidate of Technical Sciences.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: Alextt02021993@yandex.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Lukyanov Alexander Sergeevich. Senior lecturer of the chair of Infocommunication Systems and Technologies. Candidate of Technical Sciences.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: las92@yandex.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Poslavskaya Victoria Yanovna. Engineer of the Department of the Information and Technical support of the Educational process.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: vikka464@gmail.com

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: компьютерная экспертиза; организационно-техническая система; оценка степени сбалансированности; теория конфликтов; теория графов; имитационное моделирование.

Key words: computer expertise; organizational and technical system; assessment of the degree of balance; conflict theory; graph theory; simulation modeling.

УДК 004.032

А. О. Ефимов

Г. И. Зверев, кандидат технических наук

О ВЛИЯНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ВРЕМЕННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ АТАКИ МЕТОДОМ ХОЛОДНОЙ ПЕРЕЗАГРУЗКИ

ON THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE TIME LIMITS OF IMPLEMENTING A COLD REBOOT ATTACK

Атака методом холодной перезагрузки использует временное сохранение данных в оперативной памяти устройства после отключения питания при экстремальном охлаждении. Современные мобильные устройства и носимая электроника с памятью LPDDR остаются потенциально уязвимыми, несмотря на снижение времени удержания заряда. В настоящем исследовании рассмотрено влияние искусственного интеллекта на возможность восстановления частично утраченных данных, что может увеличить временные ограничения атаки методом холодной перезагрузки. Проведён анализ физических характеристик различных типов памяти (DDR1-DDR5; LPDDR3, LPDDR5), построена математическая модель оценки времени реализации атаки в зависимости от температуры и техпроцесса. Добавлен параметр вероятности восстановления информации, основанный на способности нейросетевых моделей реконструировать частично утраченные данные. Оценка защищённости дополнена новой временной шкалой с учётом возможности постобработки данных средствами искусственного интеллекта.

A cold boot attack exploits temporary data retention in the device's RAM after power is turned off during extreme cooling. Modern mobile devices and wearable electronics with LPDDR memory remain potentially vulnerable despite the reduction in charge retention time. This study examines the impact of artificial intelligence on the possibility of partially lost data recovery, which can increase the time limits of a cold boot attack. The physical characteristics of various memory types (DDR1-DDR5; LPDDR3, LPDDR5) are analyzed, and a mathematical model for estimating the attack implementation time depending on temperature and process technology is built. A parameter for the probability of information recovery is added, based on the ability of neural network models to reconstruct partially lost data. The security assessment is supplemented with a new time scale taking into account the possibility of data post-processing by artificial intelligence.

Введение. В настоящее время существует ряд работ, достаточно широко рассматривающих проблему реализации атак методом холодной перезагрузки. Приведем основные источники информации, которые будут использованы при проведении исследования. В [1] проанализированы проблемы атаки методом холодной перезагрузки, данная работа подробно описывает проблему предметной области. В [2] рассмотрены практиче-

ские вопросы реализации атаки методом холодной перезагрузки, а также приведены программные решения, позволяющие значительно упростить реализацию данной атаки. В [3] приведен анализ уязвимостей средств вычислительной техники на основе существующих видов памяти с произвольным доступом и возможных механизмов блокирования эксплуатации таких уязвимостей, в частности достаточно подробно рассматривается физическое устройство памяти, и возможности реализации атаки. В [4] рассматриваются вопросы повышения эффективности защиты информации, обрабатываемой на планшетных компьютерах (планшетах), в том числе затрагиваются вопросы, связанные с атакой холодной перезагрузки. В работе [5] рассматриваются вопросы, связанные с реализацией возможности применения искусственного интеллекта в целях восстановления поврежденных данных. В [6] — процесс восстановления поврежденного фотоизображения путем применения сверточной нейронной сети. В статье [7] рассматривается применение искусственного интеллекта в системах хранения данных, в том числе возможность «интеллектуального восстановления» данных. В работах [8, 9] представлены основы построения чипов памяти и модели, позволяющие представлять поведение чипов памяти в зависимости от различных температур. В [10] приведены спецификации рассматриваемой оперативной памяти.

Порядок атаки методом холодной перезагрузки представляет собой выполнение пяти этапов: получение устройства, вскрытие корпуса, охлаждение, загрузка операционной системы, снятие дампа памяти. Современный уровень развития информационных технологий, технологий искусственного интеллекта и машинного обучения позволяет осуществлять восстановление частично утерянных данных, в связи с чем логично предположить, что данную возможность необходимо считать одним из этапов атаки, а также учитывать возможности расширения временных интервалов окна реализации атаки, зависящего от температуры охлаждения атакуемого устройства. В этой связи исследование рассматриваемой предметной области является важным и актуальным.

Порядок реализации атаки методом холодной перезагрузки. Атака холодной перезагрузкой (cold boot attack) представляет собой тип физического воздействия на вычислительную систему, основанного на эффекте остаточной заряженности конденсаторных ячеек оперативной памяти (DRAM) после снятия питающего напряжения, и состоит из следующих этапов:

1. Получение физического доступа к целевому устройству. На этом этапе злоумышленник получает несанкционированный физический доступ к целевому устройству, находящемуся в активном состоянии или в режиме сна, гибернации либо заблокированного экрана. Принципиально важно, чтобы содержимое оперативной памяти ещё не было уничтожено посредством полной перезагрузки или программной очистки.

2. Демонтаж защитных элементов корпуса. В минимально возможные сроки осуществляется вскрытие корпуса устройства для получения доступа к модулям оперативной памяти. В случае с персональными компьютерами и ноутбуками данная операция может быть проведена с использованием стандартных инструментов. Однако в случае с мобильными и носимыми устройствами (например, планшетами с LPDDR-памятью) требуется применение специализированного оборудования для аккуратного демонтажа герметичных конструкций без разрушения критически важных элементов.

3. Охлаждение модулей оперативной памяти. С целью увеличения времени удержания остаточного заряда в конденсаторных ячейках DRAM память подвергается быстро охлаждению. Используются различные методы:

- аэрозольные хладагенты (например, перевернутый баллон с сжатым газом);

- сухой лёд (CO₂);
- жидкий азот.

Снижение температуры микросхем до значений в диапазоне от –30 °С до –196 °С существенно замедляет процесс деградации данных за счёт уменьшения скорости утечки заряда с ёмкостных элементов, согласно экспоненциальной зависимости времени удержания от температуры.

4. Инициализация среды извлечения данных. После охлаждения устройство перезагружается с внешнего носителя, содержащего операционную систему с функциональностью извлечения содержимого оперативной памяти (например, memdump, coldboot, msramdump). В случае невозможности перезагрузки на исходном устройстве (например, при удалении элементов питания или разрядке аккумулятора) память может быть физически извлечена и подключена к другому устройству с идентичной конфигурацией, если это допустимо.

5. Снятие дампа и анализ содержимого. Проводится снятие полной копии содержимого DRAM. Полученный дамп анализируется с использованием автоматизированных инструментов для поиска структурированных фрагментов:

- криптографические ключи (в том числе AES, RSA, TPM);
- остаточные пароли, сессионные токены, данные файловых кэшей;
- исполняемые фрагменты и табличные структуры;
- других искомым файлов.

6. Восстановление частично утраченной информации с использованием методов искусственного интеллекта. Современные исследования показывают, что даже при частичной деградации данных, обусловленной температурными условиями или временной задержкой, возможно восстановление значимой части информации. Для этого применяются предварительно обученные модели машинного обучения и нейросетевые архитектуры, способные:

- проводить реконструкцию битовых последовательностей на основе вероятностной интерпретации шаблонов;
- восстанавливать структуры криптографических ключей и форматы данных на основе контекста (структуры PE, ELF, JSON, XML и пр.);
- использовать методы восстановления повреждённых изображений и текстов по аналогии с задачами inpainting и error correction.

Этот этап увеличивает временные рамки, в течение которых возможна успешная реализация атаки, и увеличивает объём потенциально извлекаемой информации даже в условиях субкритического охлаждения или частичного разрушения структуры памяти.

7. Извлечение важной информации. По завершении процедуры восстановления проводится извлечение полезных данных.

Учитывая сохраняемость данных в течение ограниченного времени после выключения устройства, реализация данной атаки требует строго регламентированной последовательности действий, при этом в связи с развитием технологии искусственного интеллекта возникает возможность увеличения времени и эффективности атаки за счёт применения методов восстановления частично утраченных данных с использованием искусственного интеллекта. Разрабатываемая модель будет учитывать указанную возможность.

В целях математического моделирования процесса реализации атаки представим его как вероятностный автомат [14, 15] A вида:

$$A = (X, Y, S, P, \xi^0), \quad (1)$$

где $S = \{S_i\}, i = (1..n)$ — множество состояний процесса реализации атаки, $P = \{P_i\}, i = (1..n)$ — переходы между состояниями S_i , ξ^0 — начальное состояние, X, Y — входной и выходной алфавиты. Наличие выделенного начального состояния делает его инициальным.

Опишем более подробно (1).

$X = \{x_1, x_2, x_3, x_4, x_5, x_6\}$ — возможные входные сигналы, которые соответствуют командам или условиям, при которых реализация атаки переходит к следующему этапу; x_i означает команду перейти от состояния S_i к S_{i+1} .

$Y = \{y_1, y_2, y_3\}$ — возможные выходные сигналы автомата, отражающие результат перехода:

- y_1 — успешная реализация этапа атаки, переход на следующий;
- y_2 — ошибка, переход в поглощающее состояние S_0 ;
- y_3 — успешная реализация атаки, переход в состояние S_7 .

$S = \{S_1, S_2, S_3, S_4, S_5, S_6, S_7, S_0\}$ — множество состояний автомата:

- S_1 — получение устройства;
- S_2 — вскрытие корпуса устройства;
- S_3 — охлаждение устройства;
- S_4 — загрузка операционной системы;
- S_5 — снятие физического дампа памяти;
- S_6 — восстановление данных с использованием технологий искусственного интеллекта;
- S_7 — анализ физического дампа памяти;
- S_0 — отказ устройства.

$\xi^0 = S_1$ — начальное состояние, характеризующее начало реализации атаки.

$P: S \times X \times S \times Y \rightarrow [0,1]$ — функция перехода, определяющая вероятности перехода из одного состояния в другое.

Переходы возможны только в двух направлениях: $S_i \rightarrow S_{i+1}$ с вероятностью p_i , либо $S_i \rightarrow S_0$ с вероятностью $1 - p_i$. S_0 и S_7 являются поглощающими состояниями, из которых отсутствуют дальнейшие переходы.

На основании изложенного можно построить матрицу переходов M :

$$M = \begin{matrix} & S_0 & S_1 & S_2 & S_3 & S_4 & S_5 & S_6 & S_7 \\ \begin{matrix} S_0 \\ S_1 \\ S_2 \\ S_3 \\ S_4 \\ S_5 \\ S_6 \\ S_7 \end{matrix} & \begin{pmatrix} 1 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 1-p_1 & 0 & p_1 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 1-p_2 & 0 & 0 & p_2 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 1-p_3 & 0 & 0 & 0 & p_3 & 0 & 0 & 0 \\ 1-p_4 & 0 & 0 & 0 & 0 & p_4 & 0 & 0 \\ 1-p_5 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & p_5 & 0 \\ 1-p_6 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & p_6 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 0 & 1 \end{pmatrix} \end{matrix}. \quad (2)$$

Дополнительно определим два взаимоисключающих временных ограничения:

- время сохранения заряда аккумулятора $T_{акб}$ (в случае автономного питания не применяется);
- общее время реализации атаки $T_{атаки}$ (зависит от достигнутой температуры охлаждения устройства, а также техпроцесса устройства).

Графическое изображение вероятностного автомата, описывающего модель [12, 13] реализации атаки методом холодной перезагрузки на носимые устройства, представлено на рисунке 1.

Вероятность реализации этапов зависит от множества факторов и сводится по своей сути к оценке возможности осуществления того или иного этапа.

В случае невозможности осуществляется переход в состояние S_0 , обозначающий неудачное осуществление атаки (состояние отказа). Также состояние отказа наступает при превышении времени сохранения заряда аккумулятора $T_{акб}$ [11]:

$$T_{акб} = \frac{QU}{P}, \quad (3)$$

где Q — остаточная емкость аккумулятора (А/ч.); U — напряжение (В); P — потребляемая мощность (Вт).

В то же самое время состояние отказа может наступать при превышении общего времени реализации атаки $T_{атаки}$ с момента начала охлаждения и холодной перезагрузки устройства. Время зависит от достигнутой температуры охлаждения устройства, а также техпроцесса устройства и в упрощенном виде может быть представлено следующим образом [1]:

$$T_{атаки} = \tau_0 e^{\frac{E_a}{k(T+273.15)}} \frac{1}{\mu}, \quad (4)$$

где τ_0 — время удержания заряда (с), зависит от типа DRAM; E_a — энергия активации утечки заряда (эВ); k — постоянная Больцмана; T — температура (°C); μ — техпроцесс памяти в нанометрах (нм).

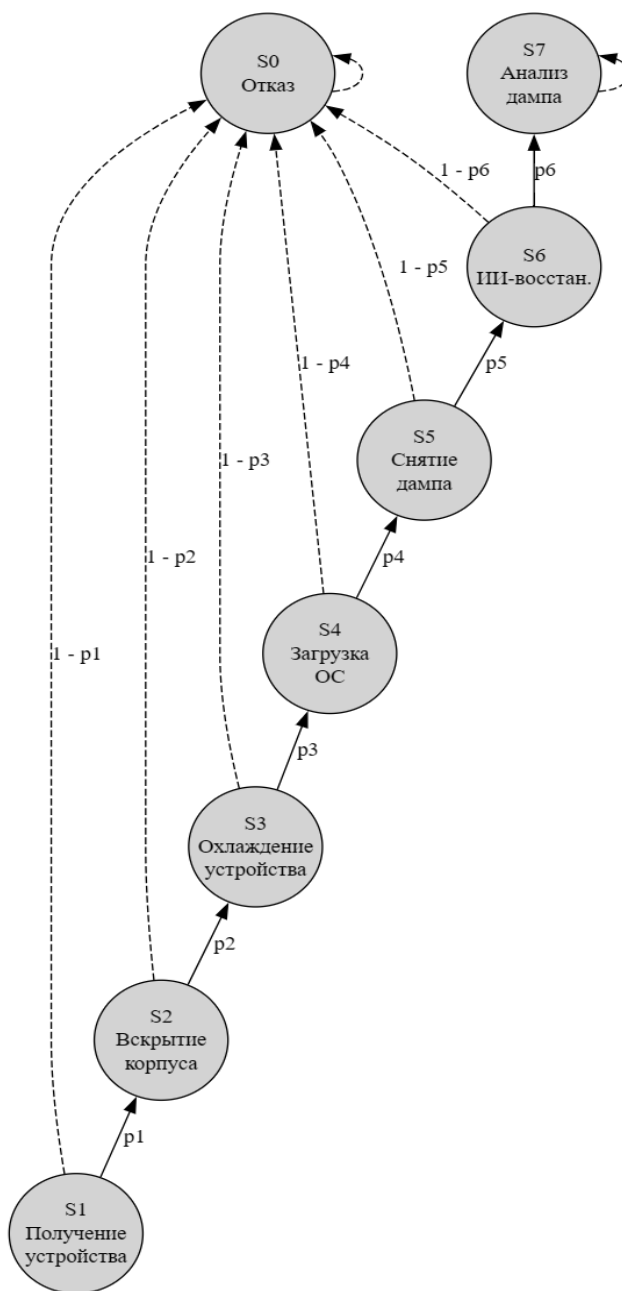

Рис. 1. Вероятностный автомат

В таблице 1 приведены значения энергии активации утечки заряда для различных значений технологического процесса [1, 2, 5]:

Таблица 1

Значения энергии активации утечки заряда

№ п/п	Техпроцесс (нм)	E_a (эВ)
1.	130	0,35
2.	90	0,30
3.	65	0,28

№ п/п	Техпроцесс (нм)	E_a (эВ)
4.	45	0,25
5.	32	0,22
6.	28	0,20
7.	22	0,19
8.	14	0,18
9.	10	0,17
10.	7	0,16
11.	5	0,15

Представим значения энергии активации утечки заряда в виде графика на рисунке 2.

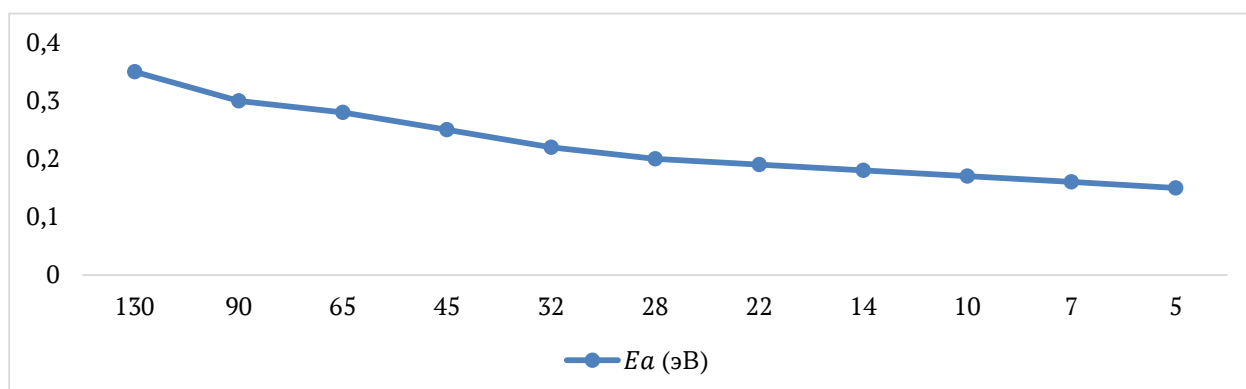

Рис. 2. Значения энергии активации утечки заряда

Время удержания заряда τ_0 определим следующим образом:

$$\tau_0 = \frac{\tau}{e^{\frac{E_a}{kT}}}, \quad (5)$$

где τ — условное значение времени удержания (сек).

Рассчитанные значения времени удержания заряда приведены в таблице 2.

Таблица 2

Время удержания заряда

№ п/п	Техпроцесс (нм)	E_a (эВ)	τ_0 (сек)
1.	130	0,35	$9,608e^{-07}$
2.	90	0,30	$6,954e^{-06}$
3.	65	0,28	$1,535e^{-05}$
4.	45	0,25	$5,034e^{-05}$
5.	32	0,22	$1,651e^{-04}$
6.	28	0,20	$3,643e^{-04}$
7.	22	0,19	$5,413e^{-04}$
8.	14	0,18	$8,042e^{-04}$
9.	10	0,17	$1,195e^{-03}$
10.	7	0,16	$1,775e^{-03}$
11.	5	0,15	$2,637e^{-03}$

Ранее был определен новый этап в процессе атаки (состояние S_6), который обозначает процесс восстановления данных с применением искусственного интеллекта. Восстановление данных, подвергнутых частичному деградированию, позволяет увеличить время реализации атаки, так как снижается требовательность к целостности дампа памяти.

Исходя из этого, можем определить дополнительный временной показатель ΔT , корректирующий изначальные значения:

$$\Delta T = \tau_0 P_{AI} \gamma, \quad (6)$$

где γ — доля информации, допускающая восстановление, в диапазоне $(0,1]$; P_{AI} — вероятность успешного восстановления данных.

Тогда итоговое время реализации атаки $T_{AI_{атаки}}$:

$$T_{AI_{атаки}} = T_{атаки} + \Delta T. \quad (7)$$

Проведем вычислительный эксперимент и сравним модели (4) и (7). Исходные данные: диапазон рассматриваемых техпроцессов памяти с соответствующими им τ_0 и E_a ; $\gamma = 0,87$; $P_{AI} = 0,176$, температура охлаждения -50 °С. Результаты представим в таблице 3.

Произведем расчет представленных показателей для различных температур и техпроцессов, результаты представлены на графике (рис. 3).

Таблица 3

Результаты вычислительного эксперимента

№ п/п	Техпроцесс (нм)	τ_0 (сек)	E_a (эВ)	$T_{атаки}$ (с)	ΔT (с)	$T_{AI_{атаки}}$ (с)
1.	130	$9,608e^{-07}$	0,35	133,59	0,08	133,67
2.	90	$6,954e^{-06}$	0,30	73,63	0,06	73,70
3.	65	$1,535e^{-05}$	0,28	50,26	0,05	50,31
4.	45	$5,034e^{-05}$	0,25	33,61	0,05	33,65
5.	32	$1,651e^{-04}$	0,22	19,30	0,04	19,33
6.	28	$3,643e^{-04}$	0,20	10,64	0,03	10,67
7.	22	$5,413e^{-04}$	0,19	6,22	0,02	6,25
8.	14	$8,042e^{-04}$	0,18	3,24	0,02	3,25
9.	10	$1,195e^{-03}$	0,17	2,02	0,01	2,03
10.	7	$1,775e^{-03}$	0,16	1,11	0,01	1,12
11.	5	$2,637e^{-03}$	0,15	133,59	0,08	133,67

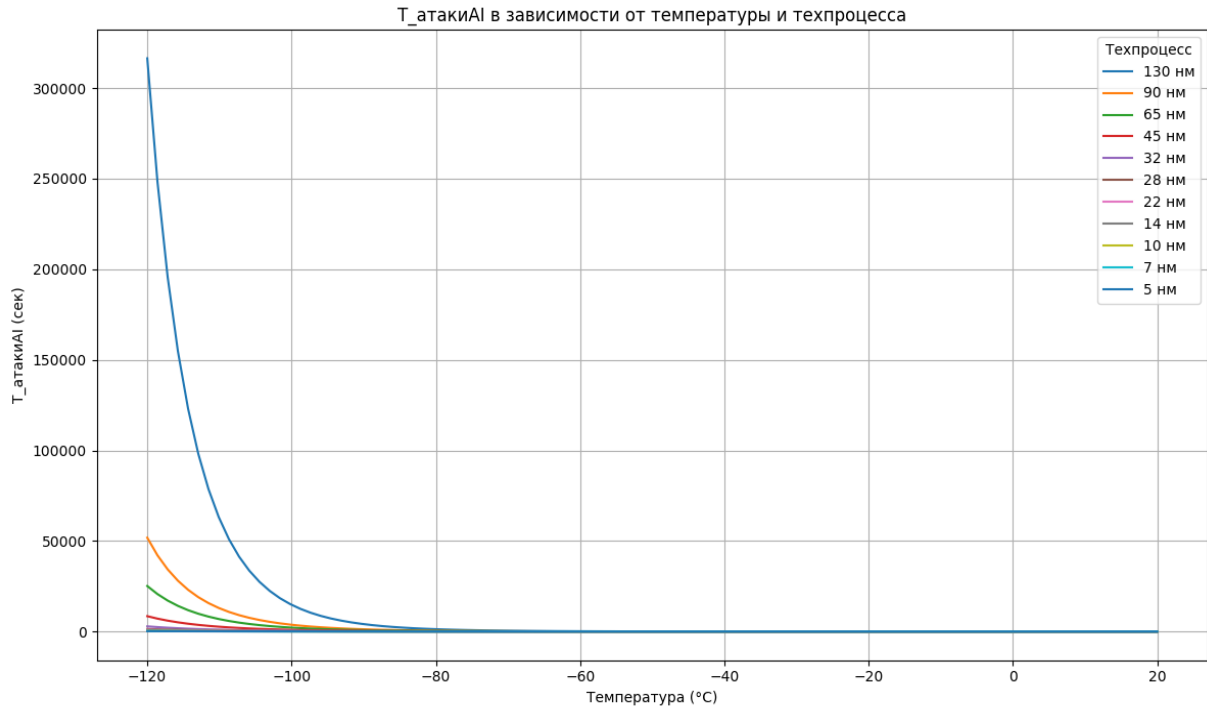

Рис. 3. Показатели времени осуществления атаки в зависимости от температуры

Как видно на графике, реализация атаки возможна только при значительном охлаждении атакуемого устройства.

При этом реализация атаки возможна лишь в случаях

$$P_{реализ.} = \begin{cases} \prod_{i=1}^7 p_i, & \text{если } \sum_{i=1}^7 t_i \leq T_{атаки} \\ 0, & \text{иначе} \end{cases} \quad (8)$$

или

$$P_{реализ.} = \begin{cases} \prod_{i=1}^7 p_i, & \text{если } \sum_{i=1}^7 t_i \leq T_{акб.} \\ 0, & \text{иначе} \end{cases}, \quad (9)$$

где t_i — время реализации этапа i .

Данная модель может быть использована для оценки возможности реализации атаки на различные устройства. Далее рассмотрим подверженность атакам методом холодной перезагрузки оперативной памяти различных типов.

Сравнение уязвимости оперативной памяти различных типов. Рассмотрим основные стандарты применяемой оперативной памяти, а на основе техпроцесса определим временные интервалы реализации атаки, представим их в табличной форме записи в таблице 4 (температура -50 градусов Цельсия) [1, 10]:

Таблица 4

Временные интервалы реализации атаки различных стандартов оперативной памяти

№ п/п	Техпроцесс (нм)	Стандарт оперативной памяти	$T_{AI_{атаки}}$ (сек)
1.	130	DDR1	133,67
2.	90	DDR2	73,70
3.	65	DDR3	50,31
4.	45	DDR4	33,65
5.	28	LPDDR3	10,67
6.	22	DDR5	6,25
7.	14	DDR5	3,25
8.	10	LPDDR5	2,03

Исходя из представленного выше, можно сделать вывод о достаточной уязвимости к рассматриваемому виду атак только устаревших стандартов оперативной памяти. Начиная со стандарта DDR5 реализация атаки крайне затруднительна.

Заключение. Атака методом холодной перезагрузки остается актуальной для устаревших устройств, представленные модели и показатели предоставляют возможность оценки защищенности устройств, реализованных на различных техпроцессах. Проведенное исследование демонстрирует, что интеграция методов искусственного интеллекта в процесс атаки методом холодной перезагрузки позволяет расширить временные границы её реализации за счёт восстановления частично деградировавших данных.

Ключевой вывод заключается в сохраняющейся уязвимости устаревших стандартов памяти (DDR1-DDR4), в то время как современные решения (DDR5/LPDDR5) требуют экстремального охлаждения и остаются труднодоступными для атакующих. Полученные результаты могут быть использованы для оценки защищенности устройств, разработки мер противодействия атакам данного вида [16, 17].

Перспективные направления исследований включают экспериментальную верификацию модели для LPDDR5, исследование возможности создания адаптивных ИИ-методов, учитывающих специфику повреждённых криптографических ключей и структурированных данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lest we remember: cold-boot attacks on encryption keys / J. A. Halderman [et al.] // Communications of the ACM. — 2009. — Т. 52. — № 5. — С. 91—98.
2. SecurityLab. Использование метода «холодной» перезагрузки и других криминалистических техник в пентестах. — URL: <https://www.securitylab.ru/analytics/452899.php> (дата обращения: 07.05.2025).
3. Коротин А. М. Перспективные виды памяти с произвольным доступом и новые уязвимости СВТ на их основе // Безопасность информационных технологий. — 2014. — Т. 21, № 3. — С. 71—78. — EDN TRZJJZ.
4. Ефимов А. О., Мещерякова Т. В., Рогозин Е. А. Меры защиты планшетных компьютеров, осуществляющих обработку конфиденциальной информации, от несанкционированного доступа // Вестник Воронежского института МВД России. — 2023. — № 2.

— С. 31—38. — EDN AYGAD.

5. AI in Data Recovery and Data Analysis / A. Singh [et al.] // Artificial Intelligence in Forensic Science. — CRC Press, 2024. — С. 142—164.

6. Хабр. Восстановить удаленную фотографию с флешки? Искусственный интеллект в помощь / NTC Vulkan. — URL: <https://habr.com/ru/companies/ntc-vulkan/articles/692818/> (дата обращения: 07.05.2025).

7. Жилин В. В., Сафарьян О. А. Искусственный интеллект в системах хранения данных // Вестник Донского государственного технического университета. — 2020. — Т. 20, № 2. — С. 196—200. — DOI 10.23947/1992-5980-2020-20-2-196-200. — EDN JQSQI.

8. Aldana S., Zhang H. Unravelling the data retention mechanisms under thermal stress on 2D memristors // ACS omega. — 2023. — Т. 8. — № 30. — С. 27543—27552.

9. Retention enhancement through capacitance-dependent voltage division analysis in 3D stackable TaOx/HfO2-based selectorless memristor / J. H. Sung [et al.] // Materials & Design. — 2021. — Т. 207. — С. 109845.

10. JEDEC (Joint Electron Device Engineering Council). — URL: <https://www.jedec.org> (дата обращения: 17.05.2025).

11. How to calculate backup time for 200Ah battery // Bajaj Finserv. — URL: <https://www.bajajfinserv.in/200ah-battery-backup-time> (дата обращения: 17.05.2025).

12. Zverev G. I., Menshikh V. V. Optimizing the selection of combination of alternative functions of ergatic system multifunctional elements // Journal of Physics : Conference Series, Voronezh, 11—13 nov. 2019. Vol. 1479. — Voronezh: IOP Publishing Ltd, 2020. — P. 012062. — DOI 10.1088/1742-6596/1479/1/012062.

13. Menshikh V. V., Zverev G. I. Simulating the Evaluation of Survivability of Ergatic Systems Based on the Use of Weighted Hypergraphs // XXI International Conference "Complex Systems: Control and Modeling Problems" (CSCMP) : Proceedings, Samara, 3—6 sep. 2019. — Samara : Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2019. — P. 541—544. — DOI 10.1109/CSCMP45713.2019.8976840.

14. Поспелов Д. А. Вероятностные автоматы.— М. : Энергия, 1970. — 88 с.

15. Миронов А. М. Основные понятия теории вероятностных автоматов // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. — 2015. — № 19:4. — С. 75—116.

16. Ефимов А. О. Об осуществлении управления уязвимостями автоматизированных систем // Вестник Воронежского института МВД России. — 2023. — № 3. — С. 186—196.

17. Зверев Г. И., Ефимов А. О. Автоматизация обработки информации о выявлении уязвимостей программного обеспечения в целях решения задач управления и принятия решений // Вестник Донецкого национального университета. Серия Г: Технические науки. — 2025. — № 2. — С. 61—75. — DOI 10.5281/zenodo.15586023.

REFERENCES

1. Lest we remember: cold-boot attacks on encryption keys / J. A. Halderman [et al.] // Communications of the ACM. — 2009. — Т. 52. — №. 5. — S. 91—98.

2. SecurityLab. Ispol'zovanie metoda «holodnoj» perezagruzki i drugih kriminalisticheskikh tekhnik v pentestah. — URL: <https://www.securitylab.ru/analytics/452899.php> (data obrashcheniya: 07.05.2025).

3. Korotin A. M. Perspektivnye vidy pamyati s proizvol'nym dostupom i novye uyazvimosti SVT na ih osnove // Bezopasnost' informacionnyh tekhnologij. — 2014. — Т. 21, № 3. — С. 71—78. — EDN TRZJJZ.
4. Efimov A. O., Meshcheryakova T. V., Rogozin E. A. Mery zashchity planshetnyh komp'yuterov, osushchestvlyayushchih obrabotku konfidencial'noj informacii, ot nesankcionirovannogo dostupa // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2023. — № 2. — С. 31—38. — EDN AYYGAD.
5. AI in Data Recovery and Data Analysis / A. Singh [et al.] // Artificial Intelligence in Forensic Science. — CRC Press, 2024. — С. 142—164.
6. Habr. Vosstanovit' udalennuyu fotografiyu s fleshki? Iskusstvennyj intellekt v pomoshch' / NTC Vulkan. — URL: <https://habr.com/ru/companies/ntc-vulkan/articles/692818/> (data obrashcheniya: 07.05.2025).
7. Zhilin V. V., Safar'yan O. A. Iskusstvennyj intellekt v sistemah hraneniya dannyh // Vestnik Donskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. — 2020. — Т. 20, № 2. — С. 196—200. — DOI 10.23947/1992-5980-2020-20-2-196-200. — EDN JIQSQI.
8. Aldana S., Zhang H. Unravelling the data retention mechanisms under thermal stress on 2D memristors // ACS omega. — 2023. — Т. 8. — № 30. — С. 27543—27552.
9. Retention enhancement through capacitance-dependent voltage division analysis in 3D stackable TaOx/HfO2-based selectorless memristor / J. H. Sung [et al.] // Materials & Design. — 2021. — Т. 207. — С. 109845.
10. JEDEC (Joint Electron Device Engineering Council). — URL: <https://www.jedec.org> (data obrashcheniya: 17.05.2025).
11. How to calculate backup time for 200Ah battery // Bajaj Finserv. — URL: <https://www.bajajfinserv.in/200ah-battery-backup-time> (data obrashcheniya: 17.05.2025).
12. Zverev G. I., Menshikh V. V. Optimizing the selection of combination of alternative functions of ergatic system multifunctional elements // Journal of Physics : Conference Series, Voronezh, 11—13 nov. 2019. Vol. 1479. — Voronezh: IOP Publishing Ltd, 2020. — P. 012062. — DOI 10.1088/1742-6596/1479/1/012062.
13. Menshikh V. V., Zverev G. I. Simulating the Evaluation of Survivability of Ergatic Systems Based on the Use of Weighted Hypergraphs // XXI International Conference \"Complex Systems: Control and Modeling Problems\" (CSCMP) : Proceedings, Samara, 3—6 sep. 2019. — Samara : Institute of Electrical and Electronics Engineers, 2019. — P. 541—544. — DOI 10.1109/CSCMP45713.2019.8976840.
14. Pospelov D. A. Veroyatnostnye avtomaty. — М. : Energiya, 1970. — 88 s.
15. Mironov A. M. Osnovnye ponyatiya teorii veroyatnostnyh avtomatov // Intel'lektual'nye sistemy. Teoriya i prilozheniya. — 2015. — № 19:4 — С. 75—116.
16. Efimov A. O. Ob osushchestvlenii upravleniya uyazvimostyami avtomatizirovannyh sistem // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2023. — № 3. — С. 186—196.
17. Zverev G. I., Efimov A. O. Avtomatizaciya obrabotki informacii o vyyavlenii uyazvimostej programmnoho obespecheniya v celyah resheniya zadach upravleniya i prinyatiya reshenij // Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya G: Tekhnicheskie nauki. — 2025. — № 2. — С. 61—75. — DOI 10.5281/zenodo.15586023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ефимов Алексей Олегович. Преподаватель кафедры автоматизированных информационных систем органов внутренних дел.

Воронежский институт МВД России.
E-mail: ea.aleksei@yandex.ru
Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Зверев Георгий Игоревич. Заместитель начальника кафедры автоматизированных информационных систем органов внутренних дел. Кандидат технических наук.
Воронежский институт МВД России.
E-mail: georgiyzverev@gmail.com
Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Efimov Aleksey Olegovich. Lecturer of the chair of Automated Information Systems of Internal Affairs Bodies.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
E-mail: ea.aleksei@yandex.ru
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Zverev Georgiy Igorevich. Deputy chief of the chair of Automated Information Systems of Internal Affairs Bodies.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
E-mail: georgiyzverev@gmail.com
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: защита информации; уязвимость; автоматизированная система; алгоритм управления уязвимостями; менеджмент уязвимостей; вероятностный автомат; модель.

Key words: information protection; vulnerability; automated system; vulnerability management algorithm; vulnerability management; probabilistic automaton; model.

УДК 004.056:004.8:303.732.4

И. А. Савоськин

Н. В. Давидюк, кандидат технических наук, доцент

МОДИФИЦИРОВАННАЯ СХЕМА ЦИФРОВЫХ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ НА ОСНОВЕ ДИСКРЕТНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ САМОКОРРЕКТИРУЮЩИХСЯ КОДОВ

MODIFIED DIGITAL WATERMARKING SCHEME BASED ON DISCRETE TRANSFORMATIONS USING SELF-CORRECTING CODES

В статье рассматривается модифицированная схема встраивания и извлечения цифровых водяных знаков (ЦВЗ) в электронных изображениях с использованием комбинации дискретных косинусного и вейвлет-преобразований, а также кодов Боуза — Чоудхури — Хоквингема (БЧХ), используемых для повышения робастности встроенного ЦВЗ. Подробно представлен поэтапный процесс внедрения и извлечения ЦВЗ с описанием математических преобразований. Проведен сравнительный анализ эффективности извлечения метки с использованием самокорректирующихся кодов и без них. Результаты показывают, что применение БЧХ-кодов позволяет повысить робастность метки примерно на 15%, обеспечивая лучшую стойкость к пассивным атакам на изображение-контейнер. Предложенный алгоритм может использоваться для защиты авторских прав и аутентификации цифровых изображений.

The paper discusses a modified algorithm for embedding and extracting digital watermarks (WM) in electronic images using a combination of discrete cosine and wavelet transforms, as well as Bose — Chowdhury — Hockingham (BCH) codes used to improve the robustness of the embedded WM. The step-by-step process of embedding and extracting the WM with a description of the mathematical transformations is presented in detail. A comparative analysis of the efficiency of mark extraction with and without the use of selfcorrecting codes is carried out. The results show that the use of BCH codes can improve the robustness of the mark by about 15%, providing better resistance to passive attacks on the container image. The proposed algorithm can be used for copyright protection and authentication of digital images.

Введение. В 1990-х годах в цифровой стеганографии появилось новое обособленное направление — цифровые водяные знаки (ЦВЗ). Цифровой водяной знак — специальная метка, несущая в себе некую информацию, встраиваемая в цифровой контент с целью защиты авторских прав или аутентификации электронных изображений.

В отличие от классической цели стеганографии — передачи секретной информации, ЦВЗ используются, как правило, для доказательства правообладания или первоисточника какого-либо медиаконтента, в большинстве случаев изображений [1, 2]. В таком случае изображение, в которое проводится встраивание, называется контейнером, а сама встраиваемая информация — меткой.

При этом ЦВЗ бывают как видимыми для человека, так и нет. Во втором случае такой ЦВЗ называется скрытым. Если для встраивания видимой метки достаточно простого редактора изображений, то для скрытой необходимо специальное программное обеспечение.

ЦВЗ зарекомендовали себя как отличный инструмент, поскольку для рядового пользователя сама метка в помеченном изображении незаметна, однако в случае необходимости ее можно извлечь для доказательства авторства или его источника [3]. Следует отметить, что ЦВЗ и скрытие информации в метаданных — разные методы, так как в первом случае метка встраивается непосредственно в информационную составляющую сигнала (изображения), в то время как во втором случае метка как бы «прикрепляется» к нему обособленно.

Так как в случае с ЦВЗ метка встраивается непосредственно в информационный сигнал, неизбежно возникают помехи на изображении, т. е. исходное и помеченное изображения будут отличаться, но такое различие не должно быть заметно системе зрения человека. Помимо этого, изображение по ходу своего цифрового пути (пересылка с одного узла сети на другой, сжатие, обрезание, изменение формата и др.) может подвергаться изменениям, а вместе с ним и встроена метка.

ЦВЗ бывают хрупкими, полухрупкими и робастными. Хрупкие ЦВЗ разрушаются даже при минимальных воздействиях на контейнер, полухрупкие разрушаются при определенных воздействиях, в зависимости от конкретного алгоритма ЦВЗ, в то время как робастные метки устойчивы к большинству типов пассивных атак на помеченные изображения [4]. В большинстве случаев используются робастные алгоритмы, однако хрупкие и полухрупкие ЦВЗ могут использоваться для проверки целостности и идентификации изображений.

Дискретные преобразования зачастую используются как «ядро» некоторых робастных систем ЦВЗ, поскольку позволяют получить частотные характеристики изображения из пространственных. Встраивание именно в частотную область изображения обеспечивает устойчивость метки к таким атакам, как сжатие, фильтрация, изменение контрастности или яркости, пространственная обработка изображения и др. В стеганографии в основном используются 3 дискретных преобразования, а именно дискретное косинусное преобразование (ДКП), дискретное вейвлет-преобразование (ДВП) и дискретное преобразование Фурье (ДПФ).

Причем комбинация ДКП и ДВП позволяет получить лучшую степень устойчивости метки, нежели использование этих дискретных преобразований по отдельности [5].

Оригинальный алгоритм описан в работе [6], и его суть состоит во встраивании метки непосредственно в среднечастотные коэффициенты ДКП, применив перед этим к контейнеру двухуровневое дискретное вейвлет-преобразование Хаара. В качестве самого ЦВЗ выступает битовое квадратное изображение размером, как правило, 32 на 32 или 64 на 64 бита. Причем само изображение-контейнер должно быть как минимум в 16 раз больше, чем размер битового изображения.

Извлечение метки из контейнера происходит за счет «угадывания» очередного извлекаемого бита из среднечастотных коэффициентов блока ДКП путем сравнения коэффициентов корреляции частотных коэффициентов изображения и исходной последовательности единичного или нулевого бита. Это является причиной того, что извлеченная метка в подавляющем числе случаев не будет полностью совпадать с оригинальной. Поэтому под точностью извлечения будем понимать коэффициент корреляции, вычисляе-

мый по Пирсону, между оригинальной меткой и извлеченной. Значение, при котором извлеченную метку можно назвать аутентифицированной, может меняться в зависимости от требований к системе, однако, исходя из эмпирического опыта, извлеченную метку с точностью 0,5 уже можно назвать легитимной.

Тем не менее в некоторых случаях точность оригинального алгоритма может не достигать необходимых значений, а дальнейшее усиление внедрения приводит к значительным искажениям контейнера, которые заметны системе зрения человека. В таком случае можно достичь большей точности извлечения за счет использования кодов с исправлением ошибок (самокорректирующиеся коды), а именно кодов Боуза — Чоудхури — Хоквингема (БЧХ). Самокорректирующиеся коды предназначены для того, чтобы обеспечивать целостность хранимых или передаваемых данных в условиях, где возможны случайные ошибки. Коды БЧХ являются циклическими блоковыми кодами, работающими в полях Галуа, и позволяют исправлять сразу несколько ошибок в блоке данных. Они были выбраны из-за высокой помехоустойчивости и степени коррекции ошибок при минимальном объеме избыточных данных и простоты реализации.

Используя коды БЧХ для обеспечения большей степени целостности, мы неизбежно добавляем избыточность к нашей метке, а значит, количество информации, внедряемой в изображение-контейнер, также возрастает. Если в оригинальном алгоритме для встраивания метки размером 32 на 32 бита требовалось изображение с минимальным разрешением в 512 на 512 пикселей, то в адаптированном варианте для того же размера метки потребуется изображение с разрешением как минимум 1024 на 1024 пикселя.

Однако новое ограничение существенно на работу системы ЦВЗ не влияет за счет того, что бинарное изображение размером 32 на 32 имеет достаточное разрешение для отображения конкретных объектов, логотипов, надписей и др., как продемонстрировано на рис. 1, где можно четко идентифицировать Эйфелеву башню. Помимо этого, большинство современных изображений имеют формат Full HD (1920×1080 разрешение) и выше, а значит, они обладают достаточной емкостью для внедрения метки с избыточностью.

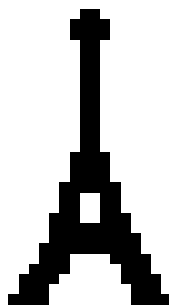

Рис. 1. Наглядное представление достаточной вместимости бинарного изображения с разрешением 32 на 32 бита

Описание модифицированного алгоритма. Допустим, имеется растровое изображение, представляющее собой двумерный массив пикселей, где P — длина массива, Q — ширина массива, а пиксели представляют собой кортеж из трех значений: R — интенсивность красного, G — интенсивность зеленого, B — интенсивность синего. Таким образом, алгоритм будет иметь следующий вид:

Шаг 1. Получение значений яркости Y , насыщенности синего C_b и красного C_r пикселей из значений интенсивности красного R , зеленого G и синего B цветовой палитры RGB по формулам:

$$Y = 0 + (0,299 * R) + (0,587 * G) + (0,114 * B); \quad (1)$$

$$Cb = 128 - (0.168736 * R) - (0.331264 * G) + (0.5 * B); \quad (2)$$

$$Cr = 128 + (0.5 * R) - (0.418688 * G) - (0.081312 * B). \quad (3)$$

Шаг 2. Обработка сигнала $S (Y_1, Y_2, \dots, Y_N)$ с длиной $M = P * Q$. Попарное применение к полученному сигналу двухуровневого ДВП Хаара по формулам:

$$a_i = \frac{S_{2i-1} + S_{2i}}{2}; \quad (4)$$

$$b_i = \frac{S_{2i-1} - S_{2i}}{2},$$

где $i = 1, 2, \dots, N/2$; S_{2i-1}, S_{2i} — элементы входного сигнала под соответствующими индексами.

В результате чего получается следующее частотное распределение значений яркости (рис. 2), где LL — блок низкочастотных коэффициентов, LH и HL — блок среднечастотных коэффициентов и HH — блок высокочастотных коэффициентов.

LL ₁	LL ₂	HL ₂
	LH ₂	HH ₂
LH ₁	HH ₁	

Рис. 2. Получившиеся в результате двухуровневого ДВП Хаара коэффициенты

Шаг 3. Полученный поддиапазон HL₂ разбивается на блоки X размером $N \times N$, равные 4×4 , после чего к каждому блоку применяется ДКП по формуле

$$C(i, j) = \frac{2}{N} \alpha(i) \alpha(j) \sum_{n=0}^{N-1} \sum_{m=0}^{N-1} X(n, m) \cos \frac{(2n+1)i\pi}{2N} \cos \frac{(2m+1)j\pi}{2N}, \quad (5)$$

где i, j — частотные координаты в области преобразования; n, m — пространственные координаты исходного блока; $\alpha(i), \alpha(j) = \begin{cases} \frac{1}{\sqrt{2}} & \text{при } i, j = 0; \\ 1 & \text{при } i, j \neq 0. \end{cases}$

Шаг 4. Преобразование бинарного изображения ЦВЗ в одномерный массив. Разбиение этого массива на блоки для последовательного применения к ним кодов БЧХ.

Шаг 5. Генерация двух псевдослучайных последовательностей битов seq^0 и seq^1 , длиной в 4, отвечающих за внедрение соответствующего бита 1 или 0. Один бит метки встраивается в один блок ДКП, полученный на шаге 3. Пусть L — подмножество

среднечастотных коэффициентов блока ДКП, состоящее из M элементов. Внедрение ЦВЗ будет осуществляться следующим образом:

$$\begin{aligned} L_m^* &= L_m + (\alpha * seq_m^0), \text{ если встраиваемый бит равен } 0; \\ L_m^* &= L_m + (\alpha * seq_m^1), \text{ если встраиваемый бит равен } 1, \end{aligned} \quad (6)$$

где m — порядковый номер коэффициента, $\alpha > 1$ — усиливающий коэффициент, определяющий «силу» внедрения метки.

Шаг 6. Поблочное применение обратного ДКП к блокам по формуле:

$$X(n, m) = \frac{2}{N} \sum_{i=0}^{N-1} \sum_{j=0}^{N-1} C(i, j) \alpha(i) \alpha(j) \cos \frac{(2n+1)i\pi}{2N} \cos \frac{(2m+1)j\pi}{2N}. \quad (7)$$

Шаг 7. Применение обратного двухуровневого ДВП Хаара по формулам:

$$\begin{aligned} S_{2i-1} &= a_i + b_i; \\ S_{2i} &= a_i - b_i. \end{aligned} \quad (8)$$

Шаг 8. Получение коэффициентов интенсивности красного, зеленого и синего по формулам:

$$R = Y + 1.402 * (Cr - 128); \quad (9)$$

$$G = Y - 0.34414 * (Cb - 128) - 0.71414 * (Cb - 128); \quad (10)$$

$$B = Y + 1.772 * (Cb - 128). \quad (11)$$

В результате выполнения данных шагов в исходное изображение-контейнер встраивается метка в виде бинарного изображения в яркостную составляющую изображения. Внедрение производится именно в коэффициенты яркости, так как это обеспечивает высокую робастность по отношению ко многим атакам, в том числе сжатия, шума и изменения яркости или контрастности [7]. Наглядная схема алгоритма и его отличие от оригинального представлены на рисунке 3.

Рис. 3. Схема внедрения метки модифицированного алгоритма на основе оригинального

Процедура извлечения метки является схожей с процедурой встраивания, однако имеет свои тонкости. После разбиения контейнера на блоки ДКП начинается сама процедура извлечения, а именно находится коэффициент корреляции Пирсона для среднечастотных коэффициентов блока ДКП с псевдослучайными битовыми последовательностями seq^0 и seq^1 . Полученные коэффициенты корреляции сравниваются между собой по величине. На основе этого сравнения принимается решение об извлечении бита единицы или нуля по большей степени корреляции соответственно.

Затем у извлеченных битов по блочно исправляются ошибки, где это возможно, при помощи самокорректирующихся кодов БЧХ. В результате получается извлеченное бинарное изображение, вычисляется его коэффициент корреляции Пирсона с исходным изображением-меткой, в результате чего выносится решение об успешной или неуспешной процедуре извлечения. Схема самой процедуры также представлена на рисунке 4.

Рис. 4. Схема извлечения метки модифицированного алгоритма на основе оригинального

Сравнительный анализ модифицированного и оригинального алгоритмов. В настоящем исследовании также было проведено сравнение модифицированного БЧХ алгоритма и алгоритма без использования БЧХ по одной из основных характеристик алгоритмов ЦВЗ — точности извлечения, и соответственно, степени робастности метки. Сравнение проводилось с различными значениями коэффициента усиления α от 1 до 5. Результаты сравнительного анализа приведены на рисунке 5.

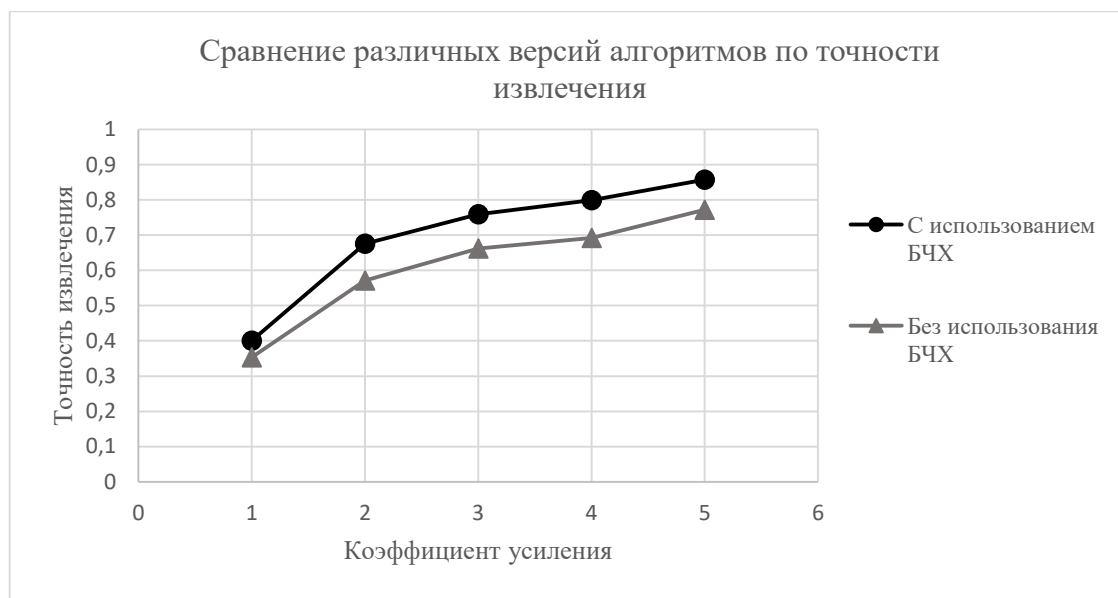

Рис. 5. Сравнительный анализ двух алгоритмов по точности извлечения ЦВЗ

Заключение. Сравнительный анализ показал, что использование модифицированного алгоритма повышает точность извлечения метки примерно на 15%, что позволяет обеспечивать лучшую степень робастности ЦВЗ.

В статье был рассмотрен модифицированный алгоритм, основанный на дискретных косинусном и вейвлет- преобразованиях, с добавлением самокорректирующихся кодов БЧХ для повышения робастности встраиваемой метки. Исследование показало, что в модифицированном алгоритме метка имеет большую степень робастности, а значит, лучше противостоит атакам на изображение-контейнер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Digital Watermarking System for Copyright Protection and Authentication of Images Using Cryptographic Techniques / P. V. Sanivarapu [et al.] // Appl. Sci. — 2022. — V. 12. — P. 8724.
2. Hosny K. M., Darwish M. M. Invariant image watermarking using accurate polar harmonic transforms // Comput. Electr. Eng. — 2017. — V. 62. — P. 429—447.
3. Печенкина А. В., Карманов Н. Н. Стеганографические методы и алгоритмы обработки изображений в оптотехнических системах // Актуальные проблемы оптотехники. — 2018. — Т. 1. — С. 112—117.
4. Завьялов С. В., Ветров Ю. В. Стеганографические методы защиты информации : учеб. пособие. — Спб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2012. — 190 с.
5. Performance evaluation of moment-based watermarking methods / E. D. Tsougenis, G. A. Papakostas, D. E. Koulouriotis, V. D. Tourassis // Jour. of Sys. and Soft. — 2012. — V. 85, iss. 8. — P. 1864—1884.
6. Ali Al-Haj Combined DWT-DCT Digital Image Watermarking // Journal of Computer Science. — 2007. — P. 740—746.
7. Сибикина И. В., Давидюк Н. В., Савоськин И. А. Исследование влияния коэффициента усиления на степень искажения и эффективность извлечения цифрового водяного знака на полноцветные изображения методом дискретных преобразований // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия : Управление,

вычислительная техника и информатика. — 2023. — № 4. — С. 33—40.

REFERENCES

1. Digital Watermarking System for Copyright Protection and Authentication of Images Using Cryptographic Techniques / P. V. Sanivarapu [et al.] // *Appl. Sci.* — 2022. — V. 12. — P. 8724.
2. Hosny K. M., Darwish M. M. Invariant image watermarking using accurate polar harmonic transforms // *Comput. Electr. Eng.* — 2017. — V. 62. — P. 429—447.
3. Pechenkina A. V., Karmanov N. N. Steganograficheskie metody i algoritmy obrabotki izobrazhenij v optotekhnicheskikh sistemah // *Aktual'nye problemy optotekhniki.* — 2018. — Т. 1. — С. 112—117.
4. Zav'yalov S. V., Vetrov Yu. V. Steganograficheskie metody zashchity informacii : ucheb. posobie. — Spb. : Izd-vo Politekhn. un-ta, 2012. — 190 s.
5. Performance evaluation of moment-based watermarking methods / E. D. Tsougenis, G. A. Papakostas, D. E. Koulouriotis, V. D. Tourassis // *Jour. of Sys. and Soft.* — 2012. — V. 85, iss. 8. — P. 1864—1884.
6. Ali Al-Haj Combined DWT-DCT Digital Image Watermarking // *Journal of Computer Science.* — 2007. — P. 740—746.
7. Sibikina I. V., Davidyuk N. V., Savos'kin I. A. Issledovanie vliyaniya koefficienta usileniya na stepen' iskazheniya i effektivnost' izvlecheniya cifrovogo vodyanogo znaka na polnocvetnye izobrazheniya metodom diskretnyh preobrazovanij // *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya : Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika i informatika.* — 2023. — № 4. — С. 33—40.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Савоськин Игорь Александрович. Ассистент кафедры информационной безопасности. Астраханский государственный технический университет.
E-mail: igor.sav.astu@gmail.com
Россия, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 16/1.

Давидюк Надежда Валерьевна. Заведующий кафедрой информационной безопасности. Кандидат технических наук, доцент. Астраханский государственный технический университет.
E-mail: davidyuknv@bk.ru
Россия, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 16/1.

Savoskin Igor Aleksandrovich. Assistant of the chair of Information Security. Astrakhan State Technical University.
E-mail: igor.sav.astu@gmail.com
Work address: Russia, 414056, Astrakhan, Tatishcheva Str., 16/1.

Davidyuk Nadezhda Valerievna. Head of the chair of Information Security. Candidate of technical Sciences, Assistant professor. Astrakhan State Technical University.
E-mail: davidyuknv@bk.ru
Work address: Russia, 414056, Astrakhan, Tatishcheva Str., 16/1.

Ключевые слова: цифровой водяной знак; стеганография; дискретные преобразования; защита авторских прав; цифровые изображения.

Key words: digital watermark; steganography; discrete transformations; copyright protection; digital images.

УДК 004.932, 003.26

РАДИОТЕХНИКА И СВЯЗЬ

Д. В. Журавлёв, кандидат технических наук, доцент

Р. В. Кузьменко, доктор физико-математических наук, доцент

Н. А. Андреева, кандидат физико-математических наук, доцент

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОТОКОЛА СВЯЗИ ELRS ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫМИ ВОЗДУШНЫМИ СУДАМИ НА НЕСТАНДАРТНЫХ ЧАСТОТАХ

INVESTIGATION OF THE ELRS COMMUNICATION PROTOCOL FOR CONTROLLING UNMANNED AIRCRAFT ON NON-STANDARD FREQUENCIES

В статье рассматривается применение протокола связи Express Long Range System (ELRS) для управления беспилотными воздушными судами (БВС) на нестандартных частотах. Проведен анализ характеристик и возможностей ELRS, а также предложены технические решения для повышения эффективности и безопасности управления БВС.

The article discusses the use of the Express Long Range System (ELRS) communication protocol for controlling unmanned aerial vehicles (UAVs) at non-standard frequencies. An analysis of the characteristics and capabilities of the ELRS has been carried out, and technical solutions have been proposed to improve the efficiency and safety of UAV control.

Введение. В современном мире беспроводные технологии связи стали неотъемлемой частью повседневной жизни и играют ключевую роль в различных сферах, включая беспилотную авиацию. Использование беспилотных воздушных судов (БВС) значительно расширяет возможности как в военной, так и в гражданской сфере.

Существует большое разнообразие БВС для различных целей. Особый интерес представляет тип дронов, известных как FPV-дроны (First-Person View — вид от первого лица). Эти аппараты предоставляют пользователю уникальное ощущение полета и обладают широкими возможностями использования, начиная от развлечений и заканчивая профессиональными задачами, такими как мониторинг, съемка, участие в боевых действиях и спасательные операции. Ключевым фактором, влияющим на эффективность FPV-дронов, является их система связи, ответственная за управление устройством и передачу видеосигнала. Для таких БВС используются различные протоколы связи [1], однако в данной работе мы остановимся на протоколе ExpressLRS (ELRS), известном своими уникальными свойствами и функциональными возможностями.

ExpressLRS — это современный протокол связи, разработанный с акцентом на повышение дальности, скорости передачи данных и минимизацию задержек сигнала. В

отличие от традиционных протоколов, ELRS предлагает пользователям ряд особенностей: кодирование CRC (метод обнаружения ошибок при передаче данных), поддержка Dynamic Power (автоматическое регулирование мощности передатчика в зависимости от уровня сигнала), Low Latency (низкая задержка), High Packet Rate (способность отправлять большое количество пакетов в секунду для обеспечения более плавного управления) [2, 3].

Обзор протокола Express Long Range System. В настоящее время протокол связи Express Long Range System (ELRS) демонстрирует значительную популярность благодаря своим возможностям в управлении БВС.

ELRS доступна в двух основных диапазонах частот: 915 МГц (в некоторых регионах 868 МГц) и 2,4 ГГц. Версия 915 МГц обеспечивает большую дальность действия, но требует антенн большего размера, тогда как версия 2,4 ГГц обеспечивает немного меньший радиус действия, но позволяет использовать антенны меньшего размера.

Система, реализующая ELRS, отличается дальностью действия: проверенная дальность действия на частоте 915 МГц составляет не менее 40 км. Эта возможность обеспечивает надежную передачу сигнала даже в местах с препятствиями, такими как здания или деревья. Кроме того, ELRS отличается низкой задержкой, что означает минимальную задержку между управляющими входами и реакцией БВС. Регулируя скорость передачи пакетов, операторы могут оптимизировать баланс между дальностью действия и задержкой.

ELRS предлагает удобные обновления прошивки модуля ELRS. Пользователи могут легко обновить прошивку через Wi-Fi или USB, используя сквозной доступ к контроллеру полета. Этот оптимизированный процесс позволяет операторам обновлять свои передатчики и приемники ELRS с использованием новейших функций и исправлений ошибок.

Главной особенностью ELRS является использование метода псевдослучайной перестройки несущей частоты. Псевдослучайная перестройка рабочей частоты (ППРЧ) — метод передачи информации по радио, особенность которого заключается в частой смене несущей частоты. Этот метод помогает повысить помехоустойчивость системы и значительно снизить заметность сигнала. А это, в свою очередь, особенно важно для военных целей.

В протоколе связи Express Long Range System применяется модуляция LoRa (Long Range), которая обеспечивает значительную дальность передачи данных и высокую помехоустойчивость [3]. Она основана на технологии Chirp Spread Spectrum (CSS) и активно применяется в беспроводных сетях IoT [4], радиоуправлении и других системах связи. Скорость передачи может варьироваться в зависимости от установленных параметров, что позволяет достичь оптимального баланса между дальностью, устойчивостью сигнала и временем задержки.

Аппаратные компоненты. Для исследования работы протокола ELRS была собрана экспериментальная установка, которая состоит из следующих аппаратных компонентов: пульт управления FLYSKY FS-i6, передатчик BetaFPV ELRS Micro TX, приемник ELRS 915MHz RX и SDR приемник RTL2932U.

Передатчики (TX): микроконтроллер ESP32 функционирует в качестве центрального элемента в базовых станциях (радиомодулях) системы ELRS, обеспечивая передачу

управляющих команд от пульта управления к различным устройствам. Он играет ключевую роль в обработке сигналов и управлении радиочастотным модулем, таким как SX1276, используемым для технологии LoRa.

Модули передатчиков, построенные на базе ESP32, используют встроенные аппаратные средства для автоподстройки скорости передачи данных.

Приемники (RX): в рамках системы ELRS ESP32 выполняет функции декодирования радиосигналов и преобразования их в команды для управляющих устройств, таких как полетные контроллеры БВС.

Для того чтобы передать команды управления с передатчика на приемник, необходимо к передатчику подключить пульт управления FLYSKY FS-i6 (аппаратуру управления). Имеющийся пульт управления работает с поддержкой протокола передачи данных PPM.

PPM (Pulse Position Modulation) — это аналоговый формат сигнала, который используется для передачи команд в виде позиции импульса. Он объединяет несколько каналов управления в один временной сигнал, что позволяет более эффективно использовать пропускную способность передачи. Передатчик и приемник работают с поддержкой протокола передачи CRSF.

Для того чтобы осуществить конвертацию управляющих сигналов, передаваемых в формате PPM в формат CRSF, будем использовать программу (elrs-joystick-control). Для оценки работы программы на нестандартных частотах была осуществлена настройка передачи на первый канал (1000 МГц).

Для того чтобы посмотреть пакеты, принимаемые приемником, он был подключен к ПК через переходник USB-UART.

На языке Python была разработана программа «парсер пакетов», показывающая на консоли характеристики принимаемого сигнала:

RSSI (Received Signal Strength Indicator) — индикатор уровня мощности принимаемого модемом сигнала. Измеряется в децибел-милливаттах (дБм) со знаком “-“. Чем больше значение RSSI, тем более мощный сигнал поступает на устройство.

LQ — индикатор качества связи (в процентах); 0% — все пакеты теряются; 100% — все пакеты принимаются.

Блок-схема алгоритма по разбору пакетов приведена на рисунке 1.

Анализ сигнала на нестандартных частотах. Протокол ELRS стал популярным для управления FPV-БВС благодаря своей низкой задержке и высокой надежности, однако до сих пор мало исследовалось, насколько хорошо он работает на нестандартных частотах.

Эксперименты проводились с использованием SDR приемника RTL2932U и программы sdrsharp-x86 для просмотра спектра сигнала передатчика.

Центральная частота передатчика ELRS 915MHz RX была настроена на нестандартную частоту 1000 МГц. При этом нижняя граница частотного диапазона в настройках передатчика составляла 990 МГц, а верхняя 1010 МГц. Спектр сигнала, передаваемого передатчиком ELRS 915MHz RX, можно посмотреть, воспользовавшись SDR приемником RTL2932U и программным обеспечением sdrsharp-x86.

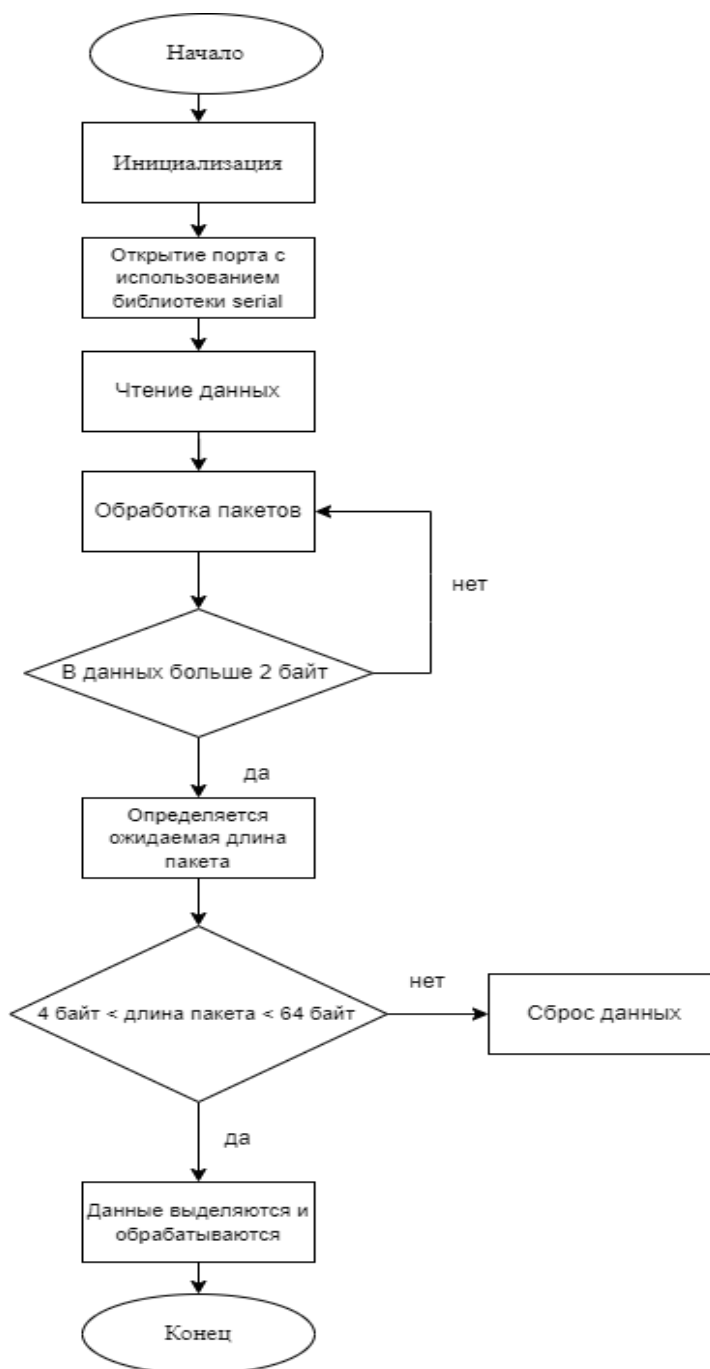
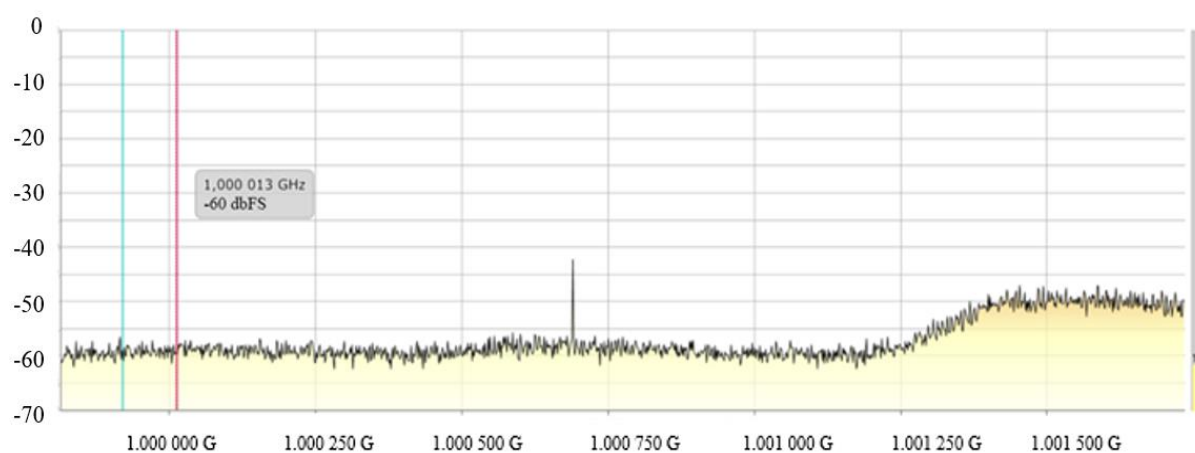

Рис. 1. Блок-схема алгоритма по разбору пакетов

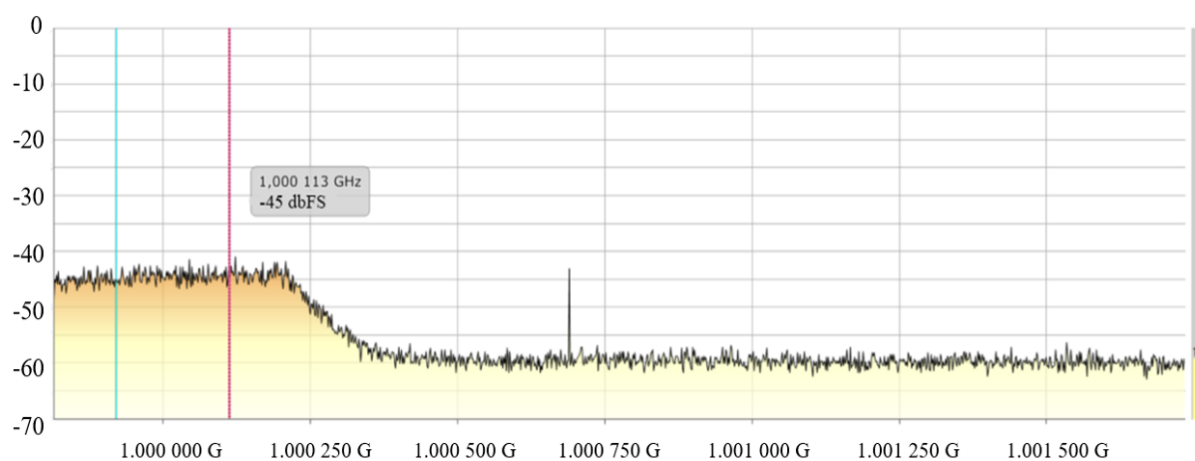
На рисунке 2 представлен участок спектра принимаемого сигнала (примерно от 975 МГц до 1175 МГц) в режиме радиотелеграфа (CW). Шаг сетки составляет 12,5 КГц. Режим работы ППРЧ позволяет псевдослучайно изменять частоту работы радиопередатчика относительно центральной частоты. Скорость такого изменения соответствует частоте передаваемых пакетов. В нашем случае частота передаваемых пакетов составляла 25 и в последующих опытах менялась до 100 и более пакетов в секунду. Ширина спек-

трального окна, соответствующего режиму передачи, составляет примерно 75 МГц. Такое окно постоянно перемещается в случайном порядке по участку спектра в диапазоне от 825 до 1175 МГц (при центральной частоте 1000 МГц). На рисунке 2, а видно, что окно находится в области частоты 1125 МГц и выше, а на рисунке 2, б видно, что окно переместилось в область частоты 1025 МГц и ниже.

Левый и правый вертикальные маркеры позволяют количественно измерить ширину спектра и амплитудный уровень сигнала в цифровой системе передачи (ЦСП). Амплитудный уровень сигнала в ЦСП измеряется в децибелах относительно полной шкалы (dBFS). Уровень в 0 dBFS присваивается максимально возможному цифровому уровню. Из рисунков 2, а и 2, б видно, что амплитудный уровень сигнала в режиме передачи возрастает на 10—15 dBFS относительно уровня шума -60 dBFS и становится примерно равным от -40 до -45 dBFS.

а

б

Рис. 2. Участки спектра сигнала канала с центральной частотой 1000 МГц при работе ППРЧ

Алгоритм изменения частоты в соответствии с псевдослучайной последовательностью чисел известен как передающему, так и сопряженному с ним приемному устройству. Изменение частоты передачи сигнала в соответствии с режимом ППРЧ позволяет добиться высокой помехозащищённости канала связи.

Такой канал связи достаточно проблематично подавить даже при использовании широкополосных средств радиоэлектронной борьбы.

Значение SNR — соотношения сигнал/шум, которое передатчик сообщает о пакетах телеметрии — было взято из индикаторов уровня сигнала на водопаде спектрограммы. Оно выражается в децибелах (дБ) (чем больше значение SNR, тем лучше).

На основе исследования была составлена таблица, отражающая зависимость уровней сигналов и шумов для восходящего и нисходящего каналов.

Telem ratio — частота пакетов телеметрии; показывает, как часто пакеты телеметрии будут приходить от приёмника аппарата управления на передатчик.

1:16 означает, что 1 из каждых 16 пакетов используется для телеметрии.

Packet rate: 25, 50 и 100 Гц, 100 Ful — это количество пакетов данных, передаваемых в секунду. Чем выше скорость передачи пакетов, тем ниже латентность и меньше дальность. 500, 250, 150 и 50 Гц — нормальные режимы с модуляцией LoRa, которые обеспечивают большую дальность связи и лучшую устойчивость к радиопомехам. Результаты проведенных измерений представлены в таблицах 1—5.

Таблица 1

Количество пакетов данных, передаваемых в секунду: 25;
мощность передачи: 100 мВт; Telem ratio: 1:8.

	Восходящий канал	Нисходящий канал
LQ	100	96
RSSI	-55	-17
SNR	7	8

Таблица 2

Количество пакетов данных, передаваемых в секунду: 50;
мощность передачи: 100 мВт; Telem ratio: 1:16.

	Восходящий канал	Нисходящий канал
LQ	100	100
RSSI	-40	-27
SNR	7	7

Таблица 3

Количество пакетов данных, передаваемых в секунду: 100;
мощность передачи: 100 мВт; Telem ratio: 1:32.

	Восходящий канал	Нисходящий канал
LQ	100	100
RSSI	-35	-23
SNR	5	5

Таблица 4

Количество пакетов данных, передаваемых в секунду: 100 Full;
мощность передачи: 100 мВт; Telem ratio: 1:32.

	Восходящий канал	Нисходящий канал
LQ	100	100
RSSI	-34	-25
SNR	4	3

Таблица 5

Количество пакетов данных, передаваемых в секунду: 200;
мощность передачи: 100 мВт; Telem ratio: 1:64.

	Восходящий канал	Нисходящий канал
LQ	100	100
RSSI	-25	-16
SNR	3	3

Таким образом, можно констатировать, что с увеличением частоты передачи пакетов с данными отчетливо видно снижение соотношения сигнал/шум, что говорит об увеличении уровня шумов и приведет, соответственно, к снижению дальности радиосвязи. Однако даже в этом случае можно увидеть зависимость уровня RSSI от частоты пакетов: при увеличении частоты пакетов уровень RSSI увеличивается. Кроме того, для разных скоростей передачи пакетов и частотных диапазонов характерны разные пороговые значения RSSI.

Подводя итоги, стоит отметить, что с увеличением частоты пакетов происходит увеличение мощности сигнала с одновременным увеличением уровня шумов. В реальных условиях задача оптимальной настройки состоит в том, чтобы добиться такого значения частоты передачи пакетов, которое обеспечивает наибольшую дальность передачи при значении LQ = 100%.

Выводы. В рамках данной работы был изучен современный протокол связи Express Long Range System (ELRS), который на данный момент является одним из самых популярных в управлении беспилотными воздушными судами. Были рассмотрены принципы работы, особенности и преимущества для систем передачи управляющих сигналов. Использование данного протокола связи позволяет обеспечить увеличение дальности связи, низкую задержку и устойчивость к помехам, что делает его перспективным вариантом для использования в радиосистемах.

В ходе эксперимента была осуществлена прошивка и настройка радиосистемы LoRa. Далее была осуществлена прошивка компонентов аппаратной части системы, включающая настройку параметров протокола ELRS и адаптацию системы под цели передачи управляющих сигналов. Данная система была успешно протестирована. Управляющие сигналы передавались с использованием радиосистемы, работающей на основе технологии LoRa и протокола CRSF. Испытания системы подтвердили её работоспособность. Реализован разбор пакетов данных, передаваемых по протоколу CRSF.

Кроме того, была проведена корректировка программного обеспечения передатчика и приемника для осуществления перехода радиосистемы в режим работы на нестандартных частотах. Проведенный анализ показал, что радиопередающая аппаратура имеет достаточную гибкость для настройки вне стандартного частотного диапазона, со-

храня при этом устойчивую связь и оптимальные характеристики сигнала. Это открывает новые перспективы для использования радиосистем в условиях, требующих работы на нестандартных частотах.

Таким образом, выполненная работа позволила улучшить технические характеристики радиосистемы и адаптировать её функционал для работы в условиях, выходящих за рамки стандартных спецификаций. Результаты исследований имеют практическую ценность и могут быть использованы для дальнейшей оптимизации различных радиотехнических систем, в том числе систем управления беспилотными воздушными судами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М. В. Современные системы управления БПЛА: анализ и перспективы. — М. : Издательство радиотехнической литературы, 2023. — 254 с.
2. Кирсанов А. Н. Использование LoRa и ELRS в системах связи БПЛА // Сборник научных трудов по радиоэлектронике. — 2022. — № 3. — С. 56—64.
3. Макарычев М. Модуляция LoRa // Молодежный научно-технический вестник. — 2017. — № 7. — С. 38.
4. Антипин Б. М., Виноградов Е. М., Терновая А. К. Возможности мониторинга радиоэлектронного оборудования беспилотных авиационных систем. — СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, 2023.

REFERENCES

1. Artamonov M. V. Sovremennyye sistemy upravleniya BPLA: analiz i perspektivy. — M. : Izdatel'stvo radiotekhnicheskoy literatury, 2023. — 254 s.
2. Kirsanov A. N. Ispol'zovanie LoRa i ELRS v sistemah svyazi BPLA // Sbornik nauchnyh trudov po radioelektronike. — 2022. — № 3. — S. 56—64.
3. Makarychev M. Modulyaciya LoRa // Molodezhnyj nauchno-tekhnicheskij vestnik. — 2017. — № 7. — S. 38.
4. Antipin B. M., Vinogradov E. M., Ternovaya A. K. Vozmozhnosti monitoringa radioelektronnogo oborudovaniya bespilotnyh aviacionnyh sistem. — SPb. : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet telekommunikacij im. prof. M. A. Bonch-Bruevicha, 2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Журавлёв Дмитрий Владимирович. Заведующий кафедрой радиоэлектронных устройств и систем. Кандидат технических наук, доцент.
Воронежский государственный технический университет.
E-mail: ddom1@yandex.ru
Россия, 394026, Воронеж, ул. Московский проспект, 14.

Кузьменко Роман Валентинович. Профессор кафедры радиоэлектронных устройств и систем. Доктор физико-математических наук, доцент.
Воронежский государственный технический университет.
E-mail: roman_kuzmenko@inbox.ru
Россия, 394026, Воронеж, ул. Московский проспект, 14.

Андреева Наталья Александровна. Доцент кафедры физики и радиоэлектроники. Кандидат физико-математических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.
E-mail: andreevafsin@yandex.ru
Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Zhuravlev Dmitry Vladimirovich. Head of the chair of Radioelectronic Devices and Systems. Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.
E-mail: ddom1@yandex.ru
Voronezh State Technical University.
Work address: Russia, 394026, Voronezh, Moskovsky Prospect, 14.

Kuzmenko Roman Valentinovich. Professor of the chair of Radio-Electronic Devices and Systems. Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor.
Voronezh State Technical University.
E-mail: roman_kuzmenko@inbox.ru
Work address: Russia, 394026, Voronezh, Moskovsky Prospect, 14.

Andreeva Natalia Aleksandrovna. Professor of the chair of Physics and Radioelectronics. Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
E-mail: andreevafsin@yandex.ru
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: беспилотное воздушное судно; БВС; ExpressLRS; LoRa; IoT.

Key words: unmanned aircraft; UAV; ESP-32CAM; ExpressLRS; LoRa; IoT.

УДК 004.738.5

Ю. В. Белозерцев

А. И. Климов, доктор технических наук, профессор

СПИРАЛЬНО-СТЕРЖНЕВАЯ АНТЕННА ДЛЯ НОСИМЫХ РАДИОСТАНЦИЙ ДИАПАЗОНА УВЧ

HELIX-ROD ANTENNA FOR UHF BAND PORTABLE RADIOS

Представлены результаты разработки модифицированной широкополосной антенны линейной поляризации с круговой диаграммой направленности диапазона УВЧ. Рабочая полоса частот антенны, ограниченная качеством согласования по значению коэффициента стоячей волны напряжения не более 2, в пределах 370—520 МГц. Антенна может быть использована в составе носимых радиостанций систем подвижной радиосвязи и аппаратуре других радиосистем диапазона УВЧ.

The results of the development of a modified broadband linear polarization antenna with a circular radiation pattern of the UHF band are presented. The operating frequency band of the antenna, limited by the matching quality in terms of the value of the voltage standing wave ratio of no more than 2, is in the range of 370–520 MHz. The antenna may be used as part of portable radio stations of mobile radio communication systems and equipment of other UHF radio systems.

В предыдущей статье [1] были представлены результаты разработки и исследований широкополосной антенны для носимых радиостанций диапазона УВЧ, выполненной на основе короткозамкнутой спирально-стержневой излучающей структуры, в которой использовалась спираль из металлической полоски. Показано, что антенна характеризуется весьма широкой полосой частот качественного согласования по входу с коэффициентом стоячей волны напряжения не более 2,5 [2] и высоким реализуемым коэффициентом усиления (КУ).

Целью данной работы была разработка модифицированной широкополосной антенны на основе спирально-стержневой структуры с круговой диаграммой направленности для носимых радиостанций систем подвижной радиосвязи различных стандартов в диапазоне УВЧ, которая имела бы более простую и технологичную конструкцию.

Для достижения поставленной цели в работе решались следующие задачи:

1. Разработка модифицированного варианта антенны, в котором полосковая спираль заменена спиралью из металлического провода круглого поперечного сечения, отличающегося более простой и технологичной конструкцией.

2. Исследование новой антенны и анализ ее электрических характеристик в различных условиях эксплуатации, в частности при размещении радиостанции с антенной относительно тела человека.

Предшествующий [1] и новый варианты спирально-стержневой антенны иллюстрируются рис. 1, а, б. В результате расчетов параметров конструкции новой антенны получено, что ее полная высота составляет 144 мм, внешний диаметр 8 мм. Спираль может быть выполнена из медной (бронзовой) проволоки диаметром 0,5—0,7 мм, при диа-

метре витка (по внешнему периметру) 6—7 мм. Концы спирали и стержня замкнуты перемычкой. Нижний конец спирали соединен с внешним цилиндрическим элементом 50-омного коаксиального разъема типа SMA. Центральный металлический стержень, соединенный с центральным проводником коаксиального разъема, может иметь диаметр 2—4 мм. Конструкция антенны помещена в сплошной цилиндрический корпус из полиэтилена (на рис. 1 не показан). Стоит отметить, что стержень может быть заменен металлической трубкой, отрезком радиочастотного коаксиального кабеля, металлизированным диэлектрическим стержнем соответствующих размеров, причем, как было проверено в ходе имитационного компьютерного моделирования, практически без заметного ухудшения электрических характеристик антенны.

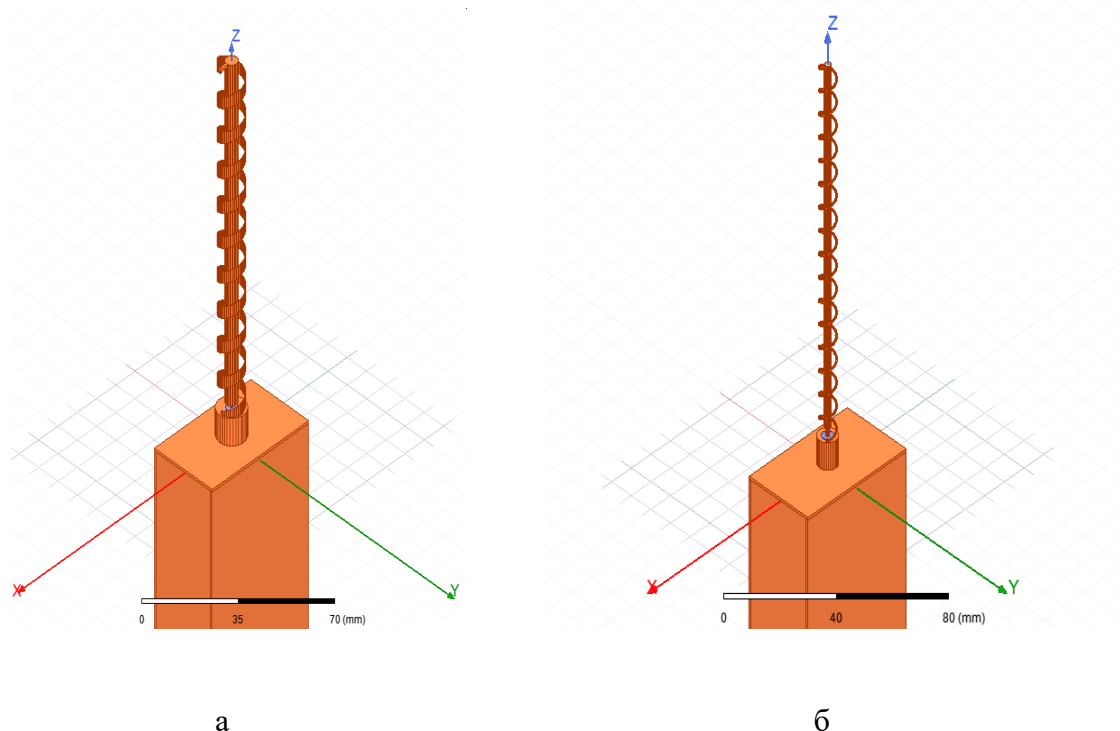

Рис.1. Модели антенн на корпусе станции: антенны с полосковой спиралью (а) и антенны со спиралью из проводника круглого поперечного сечения (б)

На рис. 2, а, б приведены частотные характеристики входного сопротивления и коэффициента стоячей волны (КСВ) модели антенны, установленной на модели металлического шасси радиостанции, полученные в процессе моделирования в условиях свободного пространства с помощью программы HFSS.

Как видно из частотной характеристики КСВ на рис. 2, б, антенна обладает широкой полосой частот по уровню КСВ=2, достигающей 150 МГц (370—520 МГц), что объясняется поведением частотных характеристик входного сопротивления, рис. 2, а, которые демонстрируют три резонанса на частотах порядка 370, 430 и 510 МГц.

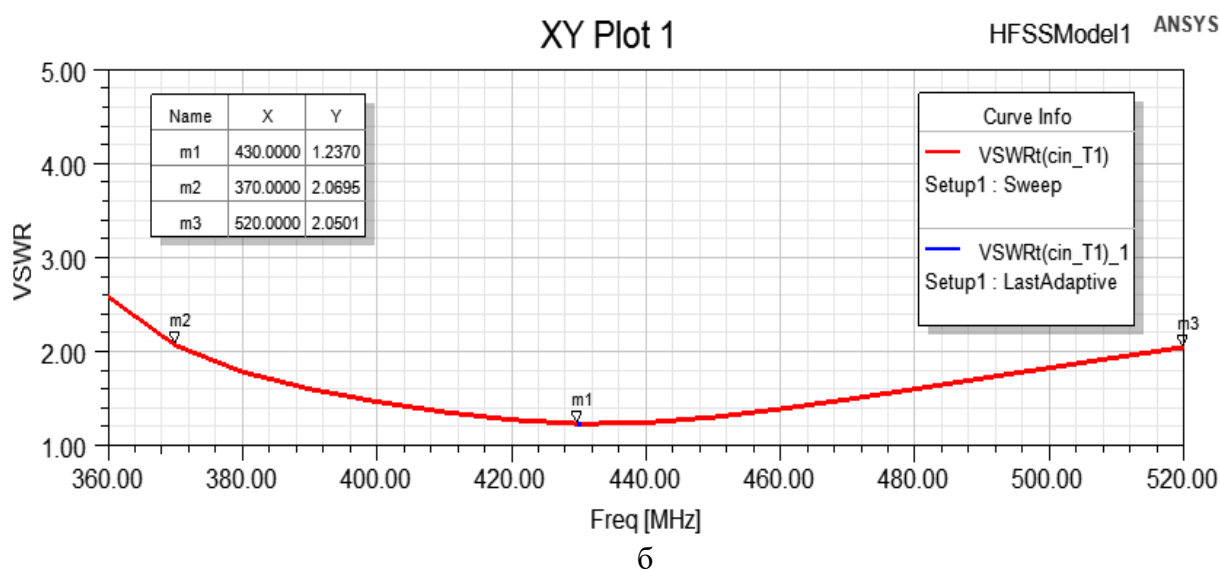
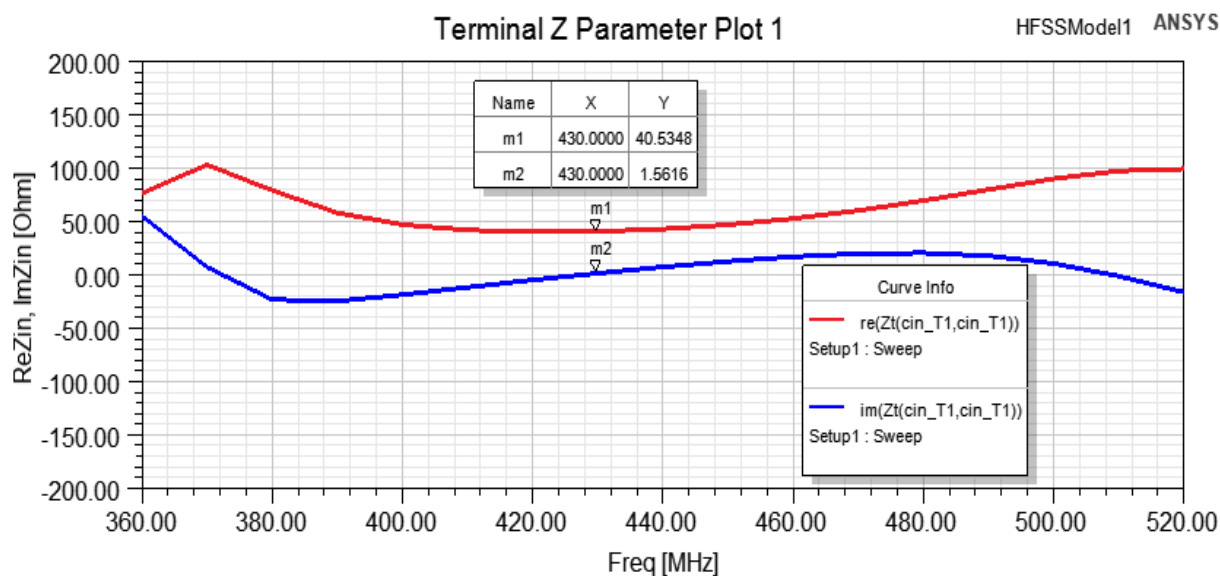

Рис. 2. Частотные характеристики входного сопротивления (а) и КСВ (б)

На рис. 3 показаны частотные характеристики коэффициента направленного действия (КНД) D и реализуемого КУ RG в азимутальных направлениях.

Из представленных на рис. 3 частотных характеристик видно, что реализуемый КУ антенны в полосе частот 380—520 МГц превышает 1,4 дБ, а максимальное значение составляет 2,0 дБ на частоте 430 МГц.

Как и в случае предшествующей антенны [1], путем имитационного моделирования были получены характеристики антенны при удержании модели шасси радиостанции в модели кисти руки вблизи модели головы человека. Полученные при этом характеристики антенны (частотная характеристика КСВ, пример азимутальных диаграмм направленности (ДН) и частотная характеристика реализуемого КУ в направлении наименее интенсивного излучения) иллюстрируются рисунками 4—6.

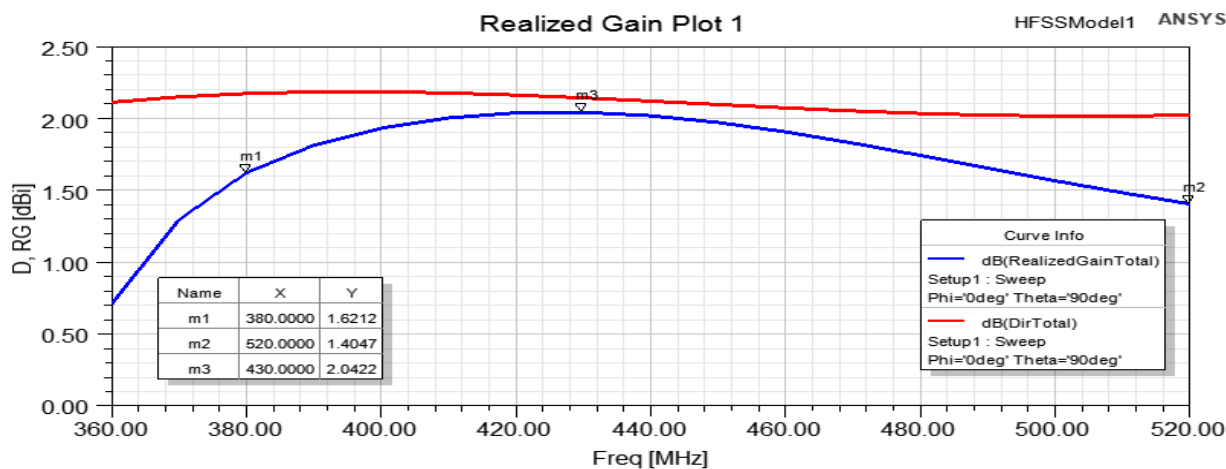

Рис. 3. Частотные характеристики КНД и реализуемого КУ в азимутальных направлениях

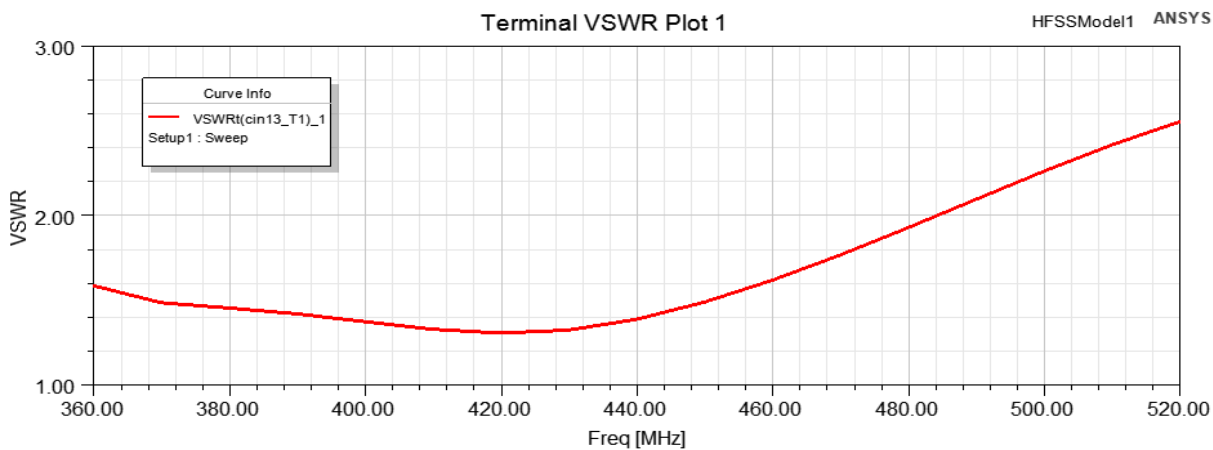

Рис. 4. Частотная характеристика КСВ

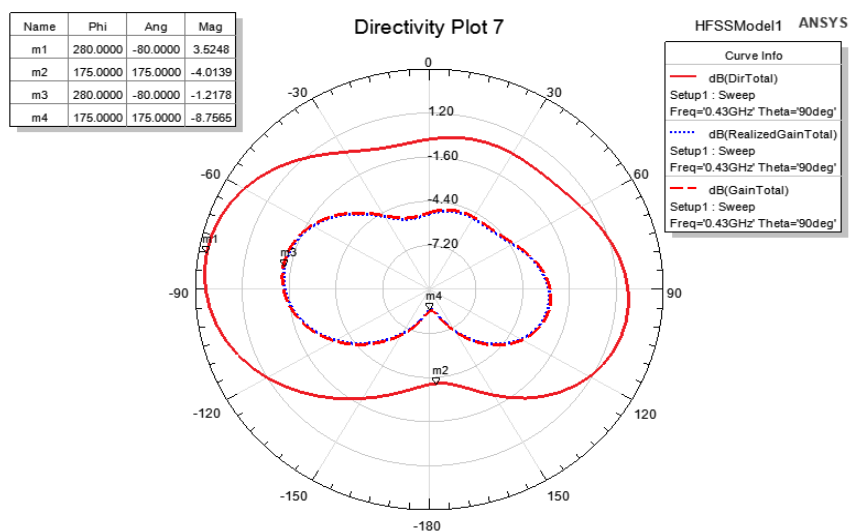

Рис. 5. Пример азимутальных ДН на частоте 430 МГц

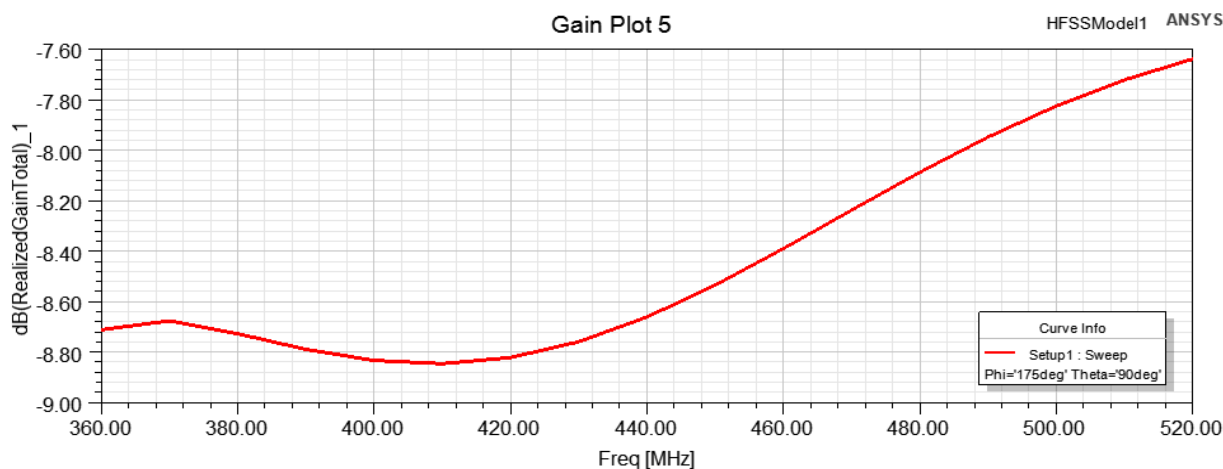

Рис. 6. Частотная характеристика реализуемого КУ в направлении наименее интенсивного излучения

Как видно из рис. 4, частотная характеристика КСВ вследствие изменения комплексного входного сопротивления антенны из-за влияния кисти руки и головы человека смещается вниз по частоте, однако практически до частоты 520 МГц КСВ не превышает предельного значения 2,5, установленного ГОСТ [2].

Анализ множества азимутальных ДН антенны показал, что при указанном в [1] ее размещении относительно головы человека наименьшие значения реализуемого КУ имеют место в азимутальных направлениях 170° — 180° (рис. 5) и находятся в пределах от минус 8,8 дБ до минус 7,6 дБ, что иллюстрируется частотной характеристикой, показанной на рис. 6.

Приведенные выше результаты показывают, что представленная в статье модифицированная антенна по своим характеристикам лишь незначительно уступает предыдущей [1], в то же время является более конструктивно простой и технологичной (в частности, по сравнению с широкополосными спиральными антеннами [3, 4]) и тоже может использоваться в составе носимых радиостанций систем подвижной радиосвязи стандартов TETRA, DMR и APCO-25.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозерцев Ю. В., Климов А. И. Широкополосная антенна для носимых радиостанций диапазона УВЧ // Вестник Воронежского института МВД России. — 2025. — № 2. — С. 83—93.
2. ГОСТ Р 56154-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Антенны приемопередающие для центральных (базовых) и мобильных радиостанций сухопутной подвижной радиосвязи и их характеристики. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200113846>.
3. Wide-band helical antenna / US Patent Number: 4,772,895. Date of Patent: Sep. 20, 1988.
4. Compact Wide Band Double Helical Antenna for Public Safety VHF Band. — DOI:10.34385/proc.35.3C19-3/

REFERENCES

1. Belozercev Yu. V., Klimov A. I. Shirokopolosnaya antenna dlya nosimyh radiostancij diapazona UVCh // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2025. — № 2. — S. 83— 93.
2. GOST R 56154-2014. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Antenny priemoperedayushchie dlya centrovyh (bazovyh) i mobil'nyh radiostancij suhoputnoj podvizhnoj radio-svyazi i ih harakteristiki. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200113846>.
3. Wide-band helical antenna / US Patent Number: 4,772,895. Date of Patent: Sep. 20, 1988.
4. Compact Wide Band Double Helical Antenna for Public Safety VHF Band. — DOI:10.34385/proc.35.3C19-3/

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белозерцев Юрий Васильевич. Заместитель генерального директора по научно-техническому развитию.

АО ВНИИ «Вега».

E-mail: belozertsev.yuriy@yandex.ru

Россия, 394026, Воронеж, Московский проспект, 7б.

Климов Александр Иванович. Профессор кафедры инфокоммуникационных систем и технологий. Доктор технических наук, профессор.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: alexserkos@inbox.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Belozertsev Yuriy Vasil'yevich. Deputy Director General for Scientific and Technical Development.

JSC Research Institute «Vega», Voronezh.

E-mail: belozertsev.yuriy@yandex.ru

Russia, 394026, Voronezh, Moskovsky Prospect, 7b.

Klimov Alexander Ivanovich. Professor of the chair of Infocommunication Systems and Technologies. Doctor of Sciences (Radio Engineering), Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: alexserkos@inbox.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: диапазон УВЧ; подвижная радиосвязь; антенна; спирально-стержевая структура; диаграмма направленности; коэффициент стоячей волны напряжения.

Key words: UHF band; mobile radio communications; antenna; helix-rod structure; radiation pattern; voltage standing wave ratio.

УДК 621.396.67

С. А. Шерстюков, доктор технических наук, доцент
 О. В. Толстых, кандидат технических наук

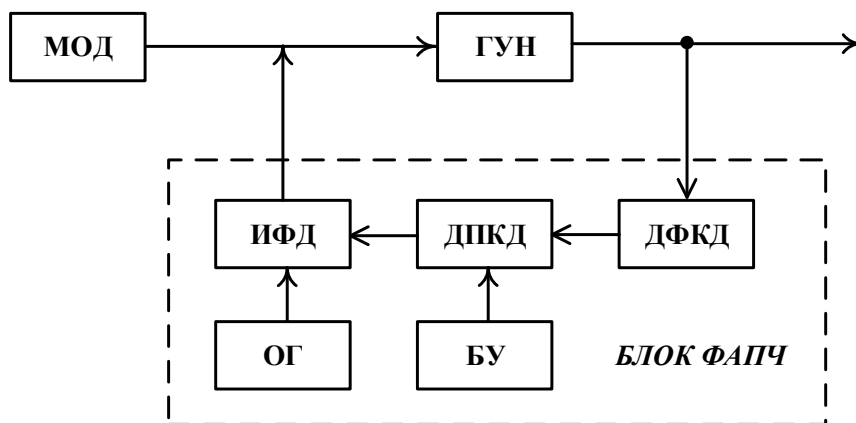
КОМПЕНСАЦИЯ ИСКАЖЕНИЙ В ВОЗБУДИТЕЛЕ-ФОРМИРОВАТЕЛЕ ЛИНЕЙНО-ЧАСТОТНОЙ МОДУЛИРОВАННОЙ ШУМОВОЙ ПОМЕХИ

COMPENSATION OF DISTORTIONS IN THE EXCITER-FORMER OF LINEAR-FREQUENCY MODULATED NOISE INTERFERENCE

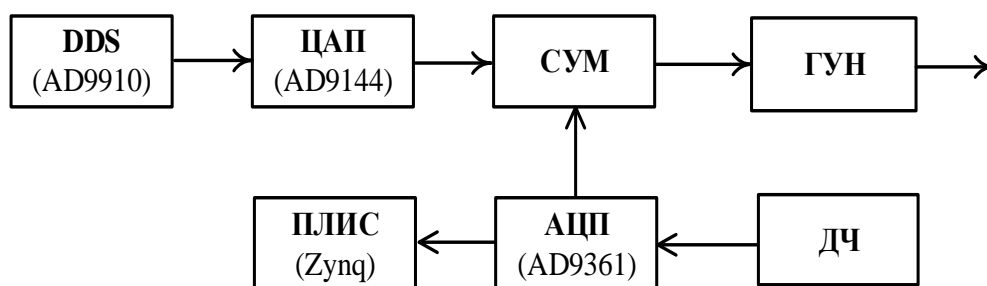
Разработан алгоритм компенсации амплитудно-фазовых искажений в квадратурном формирователе вне кольца импульсно-фазовой автоматической подстройки частоты, позволяющий формировать линейно-частотную модулированную шумовую помеху для подавления беспилотных летательных аппаратов.

An algorithm has been developed for compensating amplitude-phase distortions in a quadrature shaper outside the ring of a pulse-phase automatic frequency control, which allows the formation of a linear-frequency modulated noise interference for suppressing unmanned aerial vehicles.

В статье [1] отмечалось, что блок-схема возбудителя (ВО) (рис. 1, а), формирующая линейно-частотную модулированную шумовую помеху (ЛЧМШП), предназначенную для радиоэлектронного подавления (РЭП) радиоканалов управления беспилотными летательными аппаратами (БПЛА), обладает рядом недостатков. В частности, на временном графике, иллюстрирующем модулирующий сигнал $m(t)$, состоящий из суммы шумового сигнала $n(t)$ и пилообразного сигнала $p(t)$, из-за наличия в схеме аналоговых компонентов, наблюдаются хаотичные колебания с периодическими «провалами» (эффект пилообразной модуляции), приводящие к снижению коэффициента РЭП.

а

б

Рис. 1: а — блок-схема формирования помехового сигнала на основе ЛЧМШ; б — модернизированная структурная схема, реализованная по SDR-технологии

Для улучшения качества ЛЧМШ-помехи, формируемой схемой на рис. 1, а, на практике в некоторых случаях возможно использовать структурную схему, реализованную по SDR-технологии (рис. 1, б), которая позволяет формировать равномерные во временной области радиочастотные колебания без резких провалов, в отличие от схемы на рис. 1, а. В то же время полная замена *аналоговых* блоков в структурной схеме на рис. 1, а *цифровыми* блоками (рис. 1, б) не решает проблему возникающих амплитудных и нелинейных искажений, вызванных неидеальностью генератора, управляемого напряжением (ГУН).

Причинами возникновения амплитудных и нелинейных искажений ГУН являются:

- неидеальность передаточной функции ГУН, вызывающая искажение линейности закона частотной модуляции (ЧМ);
- фазовый шум (шумы активных элементов, в том числе источников питания), приводящий к «размытию» спектра выходного сигнала;
- дрейф частоты, возникающий в результате температурных и временных изменений, приводящий к смещению центральной частоты;
- задержка реакции кольца импульсно-фазовой автоматической подстройки частоты (ИФАПЧ), возникающая из-за наличия в ней паразитных ёмкостей и индуктивностей, приводящая к искажению временных и спектральных форм на начальных участках выходных радиосигналов.

Компенсацию таких искажений целесообразно проводить *вне кольца ИФАПЧ* (импульсно-фазовой автоматической подстройки частоты) [2], которая позволит обеспечить: стабильность линейного закона изменения частоты, минимальный выходной фазовый шум и равномерное распределение энергии по спектру выходного радиосигнала.

Рассмотрим использование метода компенсации амплитудно-фазовых искажений в квадратурном формирователе (КФ) на базе управляемых усилителей (амплитудных модуляторов) в квадратурных каналах, основанного на синтезе управляющих компенсационных сигналов, структурная схема которого представлена на рис. 1, 2.

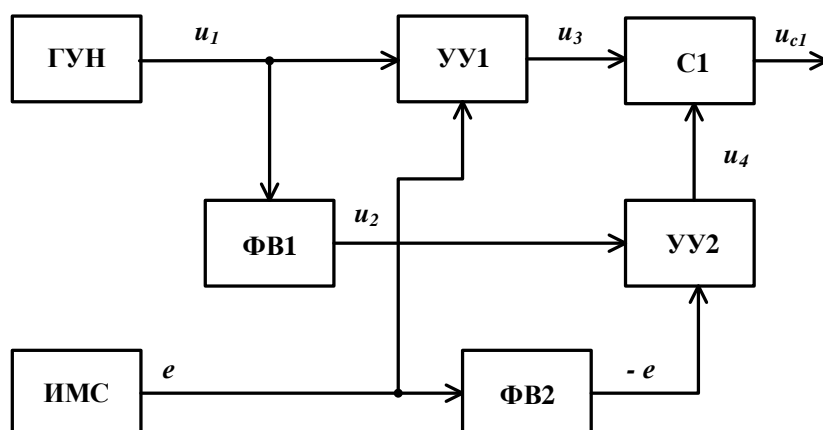

Рис. 2. Структурная схема КФ с использованием амплитудных модуляторов (управляемых усилителей), реализующая метод компенсации амплитудно-фазовых искажений

На рис. 2 приведены следующие обозначения: ГУН — генератор, управляемый напряжением; ИМС — источник модулирующего сигнала e , состоящего из суммы шумового сигнала $n(t)$ и пилообразного сигнала $p(t)$; ФВ1 — фазовращатель на $\pi/2$; ФВ2 — фазовращатель на π ; УУ1 и УУ2 — управляемые усилители (амплитудные модуляторы); С1 — линейный сумматор.

Для схемы на рис. 2 мгновенное значение напряжения несущего колебания

$$u_1 = U \cdot \cos \omega t, \text{ при этом напряжение после фазовращателя ФВ1}$$

$$u_2 = U \cdot \cos(\omega t + \pi/2) = -U \cdot \sin \omega t.$$

Если принять амплитуду несущего колебания U за единицу, имеем

$$u_{c1} = u_3 + u_4 = (1 + m_a \cdot \sin \Omega \cdot t) \cos \omega t + (1 - m_a \cdot \sin \Omega \cdot t) \sin \omega t = U_{c1} \cdot \cos(\omega t + \varphi_{c1}), \quad (1)$$

где амплитуда и фаза выходного сигнала

$$U_{c1} = 1,41 \cdot \sqrt{1 + m_a^2 \sin^2 \Omega \cdot t}, \quad (2)$$

$$\varphi_{c1} = -\pi/4 + \arctg(m_a \cdot \sin \Omega \cdot t), \quad (3)$$

m_a — коэффициент глубины амплитудной модуляции.

Представим (2) и (3) двумя членами разложения по формуле Тейлора для многочлена [3]. В этом случае выражения (2) и (3) соответственно для U_c и φ_c , запишутся в виде

$$U_{c1} = 1,41 \cdot \left(1 + \frac{1}{2} m_a^2 \cdot \sin^2 \Omega \cdot t\right), \quad (4)$$

$$\varphi_c = -\pi/4 + (m_a \cdot \sin \Omega \cdot t) + \frac{1}{3} (m_a \cdot \sin \Omega \cdot t)^3. \quad (5)$$

Из (4) и (5) следует, что в выходном радиосигнале (РС) имеют место значительные паразитная амплитудная модуляция (ПАМ) и паразитная фазовая модуляция (ПФМ), о чём свидетельствуют соответственно квадратичное и кубическое слагаемые в выражениях.

Очевидно, что для полной компенсации ПАМ в выходном РС КФ напряжение управления e_{y1} должно изменяться в соответствии с (2), но с обратным знаком квадратичного слагаемого под корнем [4]. Для этого в структурную схему на рис. 2 введено дополнительное устройство формирования компенсационного управляющего сигнала амплитудных искажений (УФКСАИ), представленное на рис. 3.

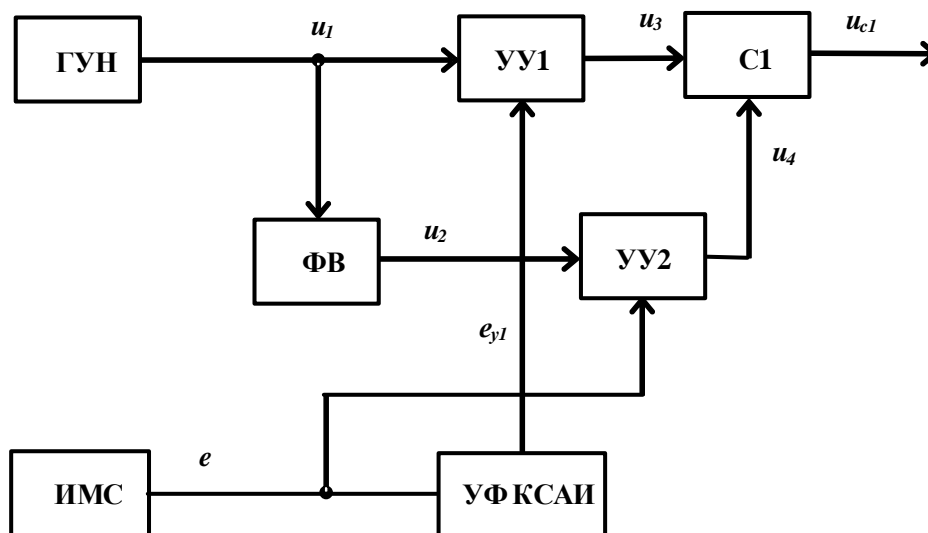

Рис. 3. Структурная схема КФ на базе управляемых усилителей в квадратурных каналах и устройства формирования управляющего компенсационного сигнала амплитудных искажений, при $m_{\varphi} \leq 0,5$ рад.

Работа схемы. С выхода ГУН одновременно на вход ФВ и на сигнальный вход УУ1 поступает гармоническое напряжение несущей частоты с единичной амплитудой u_1 , при этом на выходе ФВ формируется напряжение u_2 , которое поступает на сигнальный вход УУ2.

На выходе УФКСАИ формируется напряжение

$$e_{y1} = \sqrt{1 - m_a^2 \sin^2 \Omega \cdot t}, \quad (6)$$

которое подаётся на модулирующий вход УУ1. В результате на выходе УУ1 формируется высокочастотная синфазная составляющая

$$u_3 = \left(1 + \sqrt{1 - m_a^2 \sin^2 \Omega \cdot t}\right) \cos \omega t, \quad (7)$$

а на выходе УУ2 — высокочастотная квадратурная составляющая

$$u_4 = -(1 + m_a \sin \Omega \cdot t) \sin \omega t. \quad (8)$$

Линейно складывая (7) и (8) в сумматоре С1, получаем выходной РС

$$u_{c1} = u_3 + u_4 = U_{c1} \cos(\omega t + \varphi_{c1}),$$

$$\text{где } U_{c1} = \sqrt{1 - m_a^2 \sin^2 \Omega \cdot t + m_a^2 \sin^2 \Omega \cdot t} = 1, \quad (9)$$

$$\varphi_{c1} = -\pi/4 + \operatorname{arctg} \left(\frac{m_a \sin \Omega \cdot t}{\sqrt{1 - m_a^2 \sin^2 \Omega \cdot t}} \right), \quad (10)$$

при этом

$$u_{cl} = \cos \left[\omega t - \frac{\pi}{4} + \arctg \left(\frac{m_a \sin \Omega \cdot t}{\sqrt{1 - m_a^2 \sin^2 \Omega \cdot t}} \right) \right] = \cos \left[\omega \cdot t - \frac{\pi}{4} + \arcsin(m_a \sin \Omega \cdot t) \right]. \quad (11)$$

Если представить $\arcsin(m_a \sin \Omega \cdot t)$ двумя членами разложения формулы Тейлора для многочлена, выражение (11) запишется в виде

$$u_{cl} = \cos \left[\omega \cdot t - \frac{\pi}{4} + \left(m_a \sin \Omega \cdot t + \frac{m_a^3 \sin^3 \Omega \cdot t}{6} \right) \right]. \quad (12)$$

Из (12) видно, что в выходном РС КФ полностью скомпенсирована ПАМ. Кроме того, из сравнения (10) с (5) видно, что одновременно и ПФМ ослаблена на 10 дБ.

Проведем анализ статических фазовой $\varphi = f(e)$ (10) и амплитудной $U = f(e)$ (9) модуляционных характеристик [3, 4] схемы КФ, изображенной на рис. 3. Зададим от ИМС статические приращения напряжения e от $-0,5 В$ до $0,5 В$ и построим модуляционные характеристики.

На рис. 4 и рис. 5 сплошными линиями представлены соответственно ФМХ и АМХ КФ, а точечными линиями — ФМХ и АМХ идеального КФ. Анализ модуляционных характеристик показывает, что коэффициент нелинейности ФМХ этой схемы составляет 4,8%, а коэффициент неравномерности АМХ равен нулю.

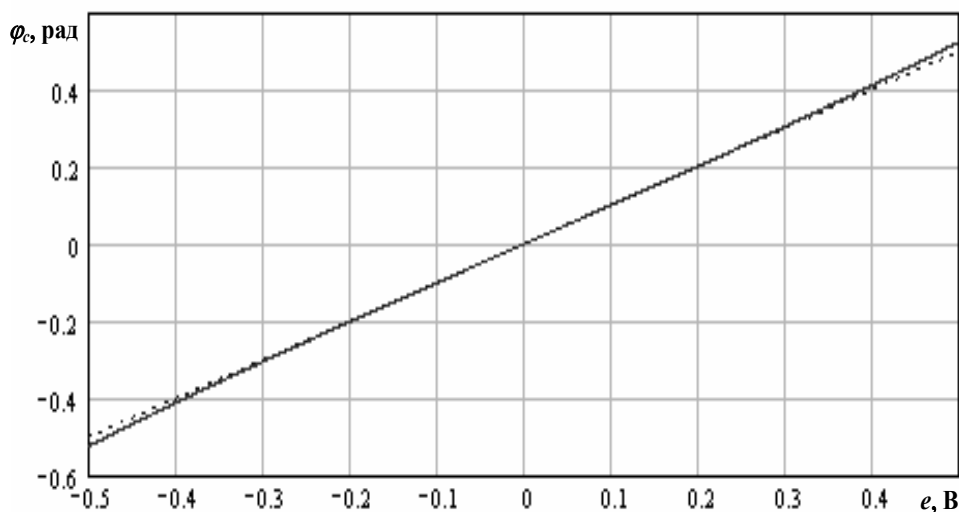

Рис. 4. ФМХ КФ, изображенного на рис. 3

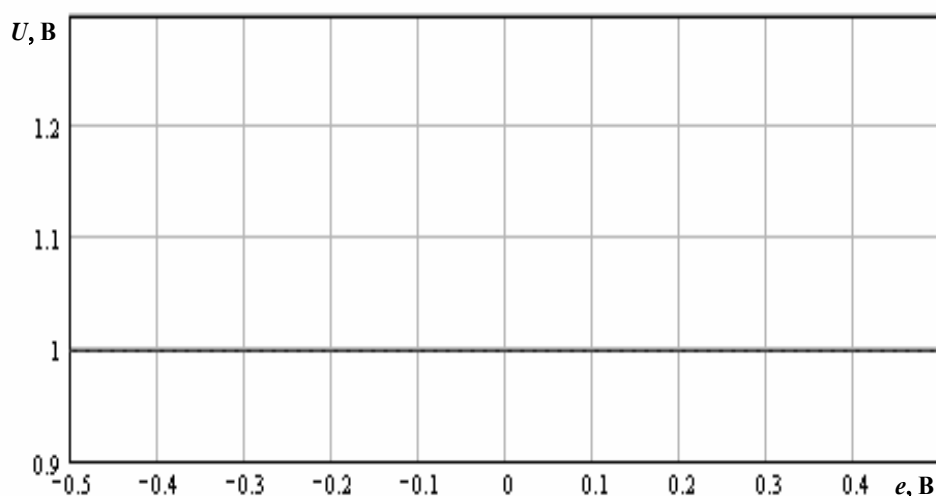

Рис. 5. АМХ КФ, изображенного на рис. 3

Следует также отметить, что коэффициент нелинейности ФМХ КФ, изображенного на рис. 3, в 1,5 раза меньше значения коэффициента нелинейности ФМХ КФ, изображенного на рис. 2, и на 4,3% выше по сравнению со структурной схемой КФ с автокомпенсацией нелинейных искажений, изображённой на рис. 1, а.

Для увеличения степени компенсации ПФМ в выходном РС в структурную схему КФ на рис. 3 необходимо дополнительно вводить устройство формирования компенсационного управляющего сигнала нелинейных искажений, что будет изложено в следующей научной статье.

Таким образом, для повышения качества ЛЧМШП в процессе ее формирования вне кольца ИФАПЧ представление выражений (2) и (3) возможно не более чем двумя членами разложения по формуле Тейлора, так как при увеличении этого значения для многочлена в выходном сигнале будут появляться дополнительные ПАМ и ПФМ, вызванные как ограничением значений коэффициентов амплитудной модуляции УУ1 и УУ2, так и неидеальностью квадратурных плеч. В то же время отсутствие в структурной схеме на рис. 3 управляемых реактивных элементов и частотно-избирательных цепей позволяет с ее помощью осуществлять формирование помеховых радиосигналов без перестройки схем в достаточно широком диапазоне изменения частот как модулирующего, так и несущего колебаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шерстюков С. А., Толстых О. В. Алгоритмы и устройства радиоэлектронного противодействия беспилотным летательным аппаратам с бортовыми автоматическими радиопеленгаторами // Вестник Воронежского института МВД России. — 2025. — № 2. — С. 103—118.
2. Квадратурные формирователи радиосигналов : монография / П. А. Попов, С. А. Шерстюков, Д. А. Жайворонок, В. В. Ромашов ; под ред. П. А. Попова. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2001. — 176 с.
3. Шерстюков С. А. Теоретический анализ характеристик и моделирование квадратурных формирователей радиосигналов с угловой модуляцией : монография. — Воронеж : Научная книга, 2010. — 214 с.

4. Шерстюков С. А., Тихомиров Н. М., Никулин С. С. Компенсация паразитной амплитудной модуляции и нелинейных искажений в квадратурных фазовых модуляторах // Теория и техника радиосвязи. — Воронеж : Воронежский НИИ связи, 2004. — Вып. 1. — С. 131—136.

REFERENCES

1. Sherstyukov S. A., Tolstykh O. V. Algoritmy i ustrojstva radioelektronnogo protivodejstviya bespilotnykh letatelnykh apparatam s bortovymi avtomaticheskimi radiopelengatorami // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2025. — № 2. — С. 103—118.

2. Kvadrurnye formirovateli radiosignalov : monografiya / P. A. Popov, S. A. Sherstyukov, D. A. Zhajvoronok, V. V. Romashov ; pod red. P. A. Popova. — Voronezh: Voronezhskij institut MVD Rossii, 2001. — 176 s.

3. Sherstyukov S. A. Teoreticheskij analiz xarakteristik i modelirovanie kvadrurnyx formirovatelej radiosignalov s uglovoj modulyaciej : monografiya. — Voronezh : Nauchnaya kniga, 2010. — 214 s.

4. Sherstyukov S. A., Tikhomirov N. M., Nikulin S. S. Kompensaciya parazitnoj amplitudnoj modulyacii i nelinejnykh iskazhenij v kvadrurnyx fazovykh modulyatorax // Teoriya i tehnika radiosvyazi. — Voronezh : Voronezhskij NIИ svyazi, 2004. — Vy`p. 1. — S. 131—136.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шерстюков Сергей Анатольевич. Профессор кафедры инфокоммуникационных систем и технологий. Доктор технических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: sherserge@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Толстых Ольга Владимировна. Доцент кафедры радиотехнических систем и комплексов охранного мониторинга. Кандидат технических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: tov48@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Sherstyukov Sergey Anatolyevich. Professor of the chair of Infocommunication Systems and Technologies. Doctor of Technical Sciences, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: sherserge@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Tolstykh Olga Vladimirovna. Associate Professor of the chair of Radio Technical Systems and Security Monitoring Complexes. Candidate of Technical Sciences.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: tov48@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: квадратурный формирователь; паразитная амплитудная модуляция; паразитная фазовая модуляция.

Key words: quadrature shaper; parasitic amplitude modulation; parasitic phase modulation.

УДК 621.396.62

И. В. Гилев, кандидат технических наук

С. В. Канавин, кандидат технических наук, доцент

**ПРОГРАММА АВТОМАТИЗАЦИИ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ
МОБИЛЬНОГО ИСТОЧНИКА РАДИОИЗЛУЧЕНИЯ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРИЕМНИКА
ПРОГРАММНО-ОПРЕДЕЛЯЕМОГО РАДИО**

**PROGRAM FOR AUTOMATION OF LOCATION
OF A MOBILE RADIO EMISSION SOURCE
USING A SOFTWARE-DEFINED RADIO RECEIVER**

В статье рассматриваются вопросы организации автоматизированного поиска и локализации местоположения мобильного источника радиоизлучения с использованием программно-определяемого радиоприемника RTL SDR на основе принципов трилатерационного метода пеленгования. Приведены практические рекомендации по работе с данным приемником. Представлена блок-схема работы алгоритма разработанного программного обеспечения, реализующего данную задачу. Программно-аппаратная реализация на базе радиотехнического устройства, созданного по технологии SDR, в совокупности с разработанным программным обеспечением позволяет выполнять разные задачи по поиску, обнаружению и определению координат источника радиоизлучения применительно как для гражданских нужд, так и для решения задач в области специального назначения.

The article considers the issues of organizing automated search and localization of the location of a mobile radio source using a software-defined radio receiver RTL SDR based on the principles of the trilateration direction finding method. Practical recommendations for working with this receiver are given. A block diagram of the algorithm of the developed software implementing this task is presented. The hardware and software implementation based on a radio technical device created using SDR technology, together with the developed software, allows performing various tasks on searching, detecting and determining the coordinates of a radio source applicable both to civil needs and to solving problems in the field of special purposes.

Введение. В настоящее время наблюдается совершенствование беспроводных инфокоммуникационных систем: радиосвязи, радиовещания, телевидения, беспроводной передачи данных. Ежегодно в Российской Федерации количество радиоэлектронных средств (РЭС) различного назначения увеличивается в среднем на 5—8% и по результатам 2024 года составляет более 2,5 миллионов единиц и будет продолжать расти в связи с использованием оборудования 5-го поколения [1, 2]. Технологическое развитие направленно на увеличение пропускной способности, спектральной эффективности, помехозащищенности, которое реализуется на основе использования сложных видов моду-

ляции с кодовым и временным разделением, применения сверхширокополосных сигналов, адаптации к окружающим условиям, перераспределения и повторного использования радиочастот и т. д. Высокая занятость некоторых полос частот при некорректном планировании, а также влияние каких-либо неучтенных факторов, нарушение (умышленное или непреднамеренное) разрешенных режимов работы и/или правил эксплуатации РЭС могут привести к появлению взаимных помех. Мероприятия, связанные с обнаружением и локализацией источников как зарегистрированных, так и не зарегистрированных источников радиоизлучений, входят в перечень задач радиотехнического контроля [3, 4].

Порядок осуществления радиоконтроля определен постановлением Правительства Российской Федерации от 1 апреля 2005 г. № 175 «Об утверждении правил осуществления радиоконтроля в Российской Федерации». Радиоконтроль как составная часть системы регулирования (управления) использования радиочастотного спектра предназначен для повышения эффективности этого управления. Основную цель радиоконтроля можно сформулировать как получение необходимых данных о реальной электромагнитной обстановке в интересующем географическом районе на основе данных специализированных комплексов пеленгования источников радиоизлучений (АРТИКУЛ-Н1, БАРС ПЛЗ, КАССАНДРА ТМ30 и др.).

При этом стоящие на вооружении комплексы пеленгования источников радиоизлучений, измерительное оборудование и специальные технические средства определения местоположения достаточно дороги, т. к. содержат в своем составе многоканальные радиоприемные устройства, многолитерные антенные системы и устройства коммутации. Для решения задач радиоконтроля в условиях отсутствия специализированных комплексов пеленгования возможно применение оборудования, реализованного на основе технологии Software-defined radio (SDR). Целью данной статьи является разработка программного обеспечения для автоматизации определения местоположения мобильного источника радиоизлучения с использованием приемника программно-определяемого радио.

Описание принципов функционирования SDR и методов пеленгования источников радиоизлучения. Программно-определяемая радиосистема SDR — это радиопередатчик и/или радиоприёмник, использующий технологию, позволяющую с помощью программного обеспечения устанавливать или изменять рабочие радиочастотные параметры, включая, в частности, диапазон частот, тип модуляции или выходную мощность, за исключением изменения рабочих параметров, используемых в ходе обычной работы с предварительными установками радиоустройства, согласно той или иной спецификации системы [5]. SDR выполняет значительную часть цифровой обработки сигналов на обычном персональном компьютере или на программируемой логической интегральной схеме (ПЛИС). Целью такой системы является радиоприёмник или радиопередатчик с возможностью программной переконфигурации (отсюда происходит альтернативное наименование таких систем — программно-конфигурируемые).

Подобные радиосистемы широко применяются как для гражданского, так и для военного назначения и оказания беспроводных услуг связи, так как поддерживают большое количество радиопrotocolов. Оборудование для SDR обычно состоит из супергетеродинного приёмника, который преобразует сигнал с радиочастоты на промежуточную, аналого-цифрового и цифро-аналогового преобразователей (АЦП и ЦАП).

В настоящее время технология SDR используется для реализации простых радиомодемов, в частности GSM, Wi-Fi, WiMax. Со временем SDR, возможно, станет основной технологией в сфере радиосвязи. Технологическая эволюция программно-определяемых радиосистем приведена на рисунке 1.

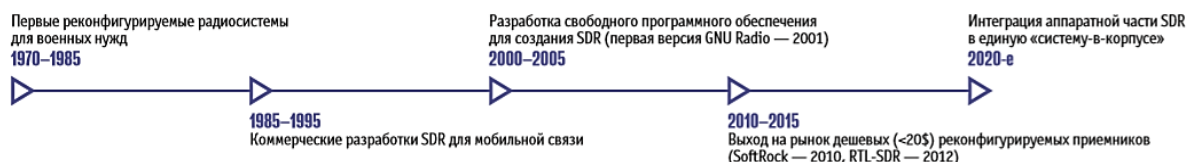

Рис. 1. Технологическая эволюция программно-определяемых радиосистем

Задачи пеленгования источников радиоизлучения решаются различными методами.

1. Методы пеленгования (определение направления на источник радиоизлучения):

Амплитудные методы:

- Максимума сигнала. Антенна с узкой диаграммой направленности (ДН) вращается, направление на источник определяется по максимуму принятого сигнала. Метод прост в реализации, но характеризуется невысокой точностью и чувствителен к помехам [6].

- Минимума сигнала (нулевые методы). Используются антенны с резким минимумом в ДН (направленная, рамочная, Adcock). Направление определяется по минимуму сигнала при вращении. Высокая точность в точке минимума, но сложно определить сторону (180° неоднозначность), требует высокой чувствительности приемника.

- Амплитудного сравнения. Сигналы от двух (или более) перекрывающихся ДН сравниваются (направленная, антенна Удо-Яги, системы типа «косинус»). Отношение амплитуд определяет пеленг. Хорошая точность, широкий угол обзора.

Фазовые методы:

- Интерферометрия. Сигнал принимается двумя (или более) разнесенными антеннами. Разность фаз сигналов пропорциональна разности хода волны до антенн и определяет направление прихода волны. Очень высокая точность (особенно на высоких частотах и с большой базой), но присуща неоднозначность (периодичность фазы) [7].

Доплеровские методы:

Антенна (или группа антенн) движется по кругу. Из-за эффекта Доплера частота принимаемого сигнала модулируется. Фаза этой модуляции несет информацию о пеленге. Используется в спутниковых системах (направленная, ARGOS), радиомаяках.

Современные методы на базе ФАР (фазовых антенных решеток):

- Цифровое формирование луча (Digital Beamforming — DBF). Многоканальный прием сигналов с отдельных элементов решетки и цифровая обработка, позволяющая формировать узкие ДН и определять направление прихода (Direction of Arrival — DoA) по амплитудам.

- Пространственно-временная обработка сигналов (Space-Time Adaptive Processing — STAP). Позволяет подавлять помехи и точно определять DoA в сложной помеховой обстановке.

Методы спектрального оценивания (MUSIC, ESPRIT). Сверхразрешающие алгоритмы, определяющие DoA по корреляционной матрице сигналов с решетки. Позволяют разделять близко расположенные источники и достигают точности лучше предела Релея.

2. Методы определения местоположения (помимо пеленга):

- Триангуляция (многопеленгаторный метод). Требуется минимум двух пеленгаторов, разнесенных в пространстве. Местоположение источника находится как точка пересечения линий пеленга (пеленгов). Точность зависит от точности пеленгаторов, расстояния между ними (базы) и угла пересечения пеленгов (оптимально $\sim 90^\circ$).

- Разностно-дальномерные методы (Time Difference Of Arrival — TDOA / Hyperbolic Positioning). Сигнал источника регистрируется тремя (минимум) или более разнесенными приемниками. Измеряется разность времени прихода сигнала (DTOA) на пары приемников. Каждая разность времен определяет гиперболу, на которой находится источник. Местоположение — точка пересечения гипербол. Лежит в основе систем радионавигации (LORAN-C) и современных систем радиомониторинга/пеленгации. Не требует синхронизации источника с приемниками, только синхронизация между приемниками. Точность зависит от точности измерения времени и геометрии расположения приемников.

- Дальномерные методы (Time Of Arrival — TOA). Требуется измерения абсолютного времени прихода сигнала на минимум трех приемниках при известном времени излучения источника. Местоположение — точка пересечения сфер. Требуется очень точной синхронизации источника и приемников (как в GPS, где спутники — синхронизированные источники).

- Доплеровское определение местоположения. Используется эффект Доплера при движении приемника (спутника) относительно неподвижного источника. Измеряя доплеровский сдвиг частоты в разных точках орбиты, можно определить местоположение источника. Используется в спутниковых системах поиска (направленная, COSPAS-SARSAT).

Подробнее рассмотрим дальномерный метод, а именно трилатерацию. Трилатерация — метод TOA, основанный на измерении задержки распространения радиосигнала между устройством, излучающим сигнал, и приёмными станциями, в нашем случае SDR-приемниками. Основными преимуществами метода являются: высокая точность позиционирования, простая геометрическая форма отображения, низкая чувствительность к угловым ошибкам, устойчивость к многолучевому распространению, меньшая зависимость по сравнению с триангуляцией от характеристик антенн приемника, позволяет измерить расстояние до источника радиоизлучения и др.

Программно-аппаратная реализация поиска мобильного источника радиоизлучения. Определение местоположения источника радиоизлучения трилатерационным методом представлено на рисунке 2.

Минимальное количество измерений приемными станциями для определения местоположения мобильного устройства (МУ) излучения равно трем. Для осуществления определения местоположения источника радиоизлучения необходимо осуществить последовательность действий, представленную в таблице.

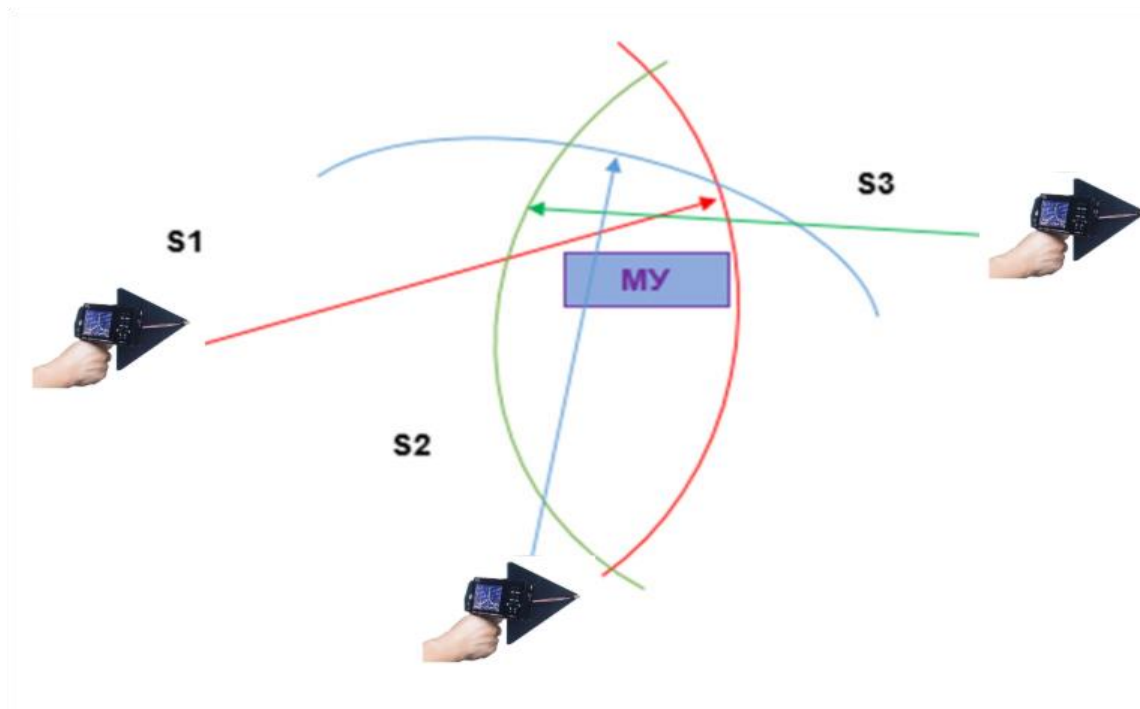

Рис. 2. Трилатерационный метод определения местоположения источника радиоизлучения с использованием технологии SDR

Последовательность действий
для определения местоположения мобильного источника радиоизлучения

Этап	Действие	Инструменты/Методы
Развёртывание сети	Установка 3-4 SDR-приёмников в зоне поиска	Точное измерение координат приёмников (GPS) Синхронизация времени (GPS PPS или PTP)
Запись сигнала	Одновременная запись целевого сигнала на все SDR	GNU Radio, SDR++ Общий триггер старта записи
Измерение ToA/TDoA	Вычисление времени прихода сигнала	Алгоритмы корреляции: <i>Cross-Correlation</i> сигналов между приёмниками Пик-детекция огибающей
Расчёт расстояний	Конвертация времени в расстояния	ToA: $d = c \cdot (t_n - t_s)$ TdoA: $\Delta d = c \cdot (t_i - t_j)$

Этап	Действие	Инструменты/Методы
Трилатерация	Определение координат источника	Решение системы уравнений сфер Оптимизация ошибок (метод наименьших квадратов)
Визуализация	Отображение позиции источника	Карты (OpenStreetMap) 3D-модели (Blender)

В сложных условиях сигнально-помеховой обстановки, например в плотной городской застройке, горно-лесистой местности, а также в условиях специальной военной операции, не всегда представляется возможным осуществить развертывание системы мобильных пунктов радиоконтроля.

В связи с этим авторами предложен метод определения местоположения источника радиоизлучения на основе использования одного SDR-приемника и проведения мероприятий по измерению параметров искомого сигнала в трех точках с различными координатами (рис. 3, а). В работе оператора радиоконтроля для скрытности определения координат используется смартфон с отключенной возможностью геопозиционирования и передачи данных на базе операционной системы Android с предустановленным программным обеспечением AlpineQuest, а также приложением для отображения спектра принимаемого сигнала от источника радиоизлучения (рис. 3, б) (RF Analyzer, SDR++, MagicSDR). В трех точках с известными координатами осуществляется измерение мощностей источника радиоизлучения (рис. 3, в).

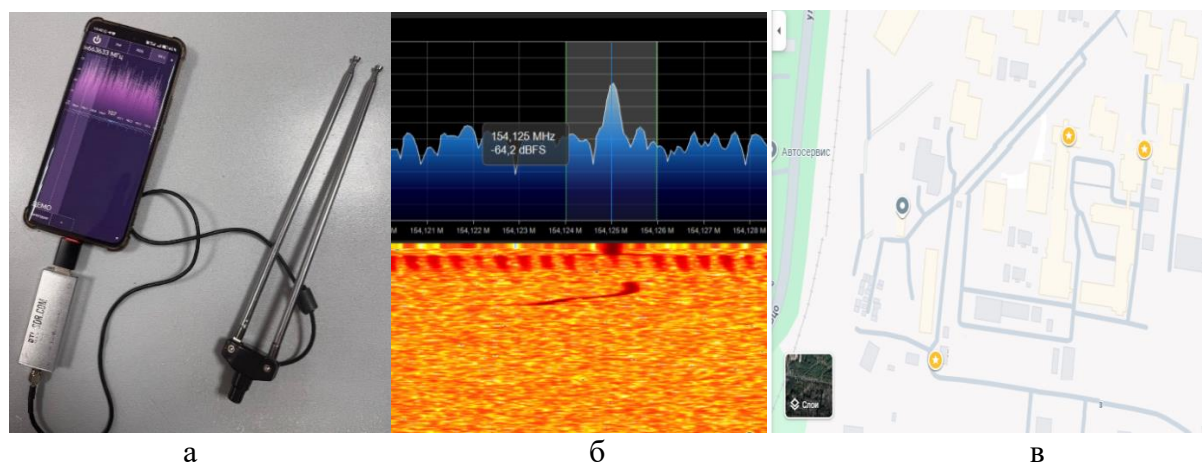

Рис. 3. Метод определения местоположения источника радиоизлучения с использованием одного SDR-приемника

Для автоматизации определения местоположения источника радиоизлучения авторами разработано программное обеспечение, функционирующее согласно алгоритму, представленному на рисунке 4 [8—11].

Рис. 4. Блок-схема работы алгоритма программного обеспечения

На первом этапе работы алгоритма программного обеспечения происходит преобразование десятичных градусов (DD) в формат «градусы-минуты-секунды» (DMS) для удобочитаемого представления координат.

Затем при помощи формулы (1) вычисляется расстояние L до источника радиоизлучения. Эта формула является обратной реализацией классической логарифмической модели затухания сигнала в беспроводных каналах [12].

$$L = 10^{\frac{T_x - (RSSI + N(0, \sigma))}{10 \cdot n}}, \quad (1)$$

где L — расстояние от передатчика до приёмника в метрах; T_x — мощность передатчика на расстоянии 1 метр (dBm); $RSSI$ — измеренная мощность принятого сигнала (dBm); $N(0, \sigma)$ — случайная погрешность измерения с нормальным распределением (среднее 0, стандартное отклонение σ); n — коэффициент затухания сигнала (свободное пространство: $n = 2$; городская среда: $n = 2.7—3.5$; помещения: $n = 4—6$).

Далее составляется и решается система уравнений трилатерации с использованием метода линеаризации Тейлора (уравнения окружностей):

$$\begin{bmatrix} 2(x_1 - x_0) & 2(y_1 - y_0) \\ 2(x_2 - x_0) & 2(y_2 - y_0) \end{bmatrix} \cdot \begin{bmatrix} x \\ y \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} d_0^2 - d_1^2 + x_1^2 + y_1^2 - x_0^2 - y_0^2 \\ d_0^2 - d_2^2 + x_2^2 + y_2^2 - x_0^2 - y_0^2 \end{bmatrix},$$

где x_0, y_0 — координаты станций мониторинга; x и y — искомые координаты источника сигнала; d_i — расстояние от мобильного источника радиоизлучения до i -й станций мониторинга.

Затем с использованием метода наименьших квадратов решается система уравнений для оптимальной оценки координат источника. Локальные декартовы координаты (в метрах) преобразуются обратно в географические координаты (широта/долгота). Следующим этапом является расчет среднеквадратической ошибки RMSE:

$$RMSE = \frac{\sqrt{\Sigma(residuals)^2}}{n}, \quad (2)$$

где residuals — вектор невязок (разностей между предсказанными и фактическими значениями), $\Sigma(residuals)^2$ — сумма квадратов невязок, n — количество наблюдений (размерность вектора b). RMSE представляет собой стандартное отклонение остатков (невязок) и измеряет среднюю величину ошибки предсказания в единицах исходной переменной [13].

На основании полученной величины RMSE вычисляется погрешность в градусах для координат источника:

$$\sigma_\varphi = \frac{RMSE}{R_\varphi}, \quad (3)$$

$$\sigma_\lambda = \frac{RMSE}{R_\lambda \cdot \cos(\varphi \text{ base})}, \quad (4)$$

где σ_φ — погрешность в градусах широты, σ_λ — погрешность в градусах долготы; RMSE — среднеквадратическая ошибка в метрах; R_φ — длина одного градуса широты ($\approx 111\,000$ м/град); R_λ — длина одного градуса долготы на экваторе ($\approx 111\,000$ м/град); $\varphi \text{ base}$ — базовая широта в радианах.

После вычисления программное обеспечение выводит пользователю отчет о местонахождении мобильного источника радиоизлучения. Графический интерфейс отчета представлен на рисунке 5.

Полученные географические координаты пользователь задает в приложении AlpineQuest и на картографической подложке наблюдает местоположение мобильного источника радиоизлучения, в данном случае с погрешностью до 8 метров, и принимает решение о его корректности.

```

→ Ввод данных для станции 1:
Широта: 51.646616
Долгота: 39.104110
RSSI: -86

→ Ввод данных для станции 2:
Широта: 51.646716
Долгота: 39.102820
RSSI: -43

→ Ввод данных для станции 3:
Широта: 51.644944
Долгота: 39.100507
RSSI: -28

=====
Результаты:
Координаты (DD): 51.6485109 ± 0.0000721°
                 39.1047961 ± 0.0001161°
Координаты (DMS): 51°38'54.64"N
                 39°06'17.27"E

Погрешность: 8.00 метров
Ссылка на карту: https://www.google.com/maps/place/51.648511,39.104796
=====

```

Рис. 5. Графический интерфейс отчета программного обеспечения

Вывод. В статье рассматриваются вопросы организации автоматизированного определения местоположения мобильного источника радиоизлучения с использованием программно-определяемого радиоприемника RTL SDR на основе принципов трилатерационного метода пеленгования. Приведены практические рекомендации по работе с данным приемником. Предложенное программное обеспечение в совокупности с SDR-приемником может быть использовано для выполнения оперативно-служебных задач в условиях, связанных с необходимостью выявления источников помеховых мобильных радиоизлучений, возникающих в частотных диапазонах функционирования как систем связи общего пользования, так и систем связи специального назначения. Также необходимо отметить, что подобного рода технические решения на основе технологии SDR позволяют обнаруживать присутствие беспилотных авиационных систем в воздушном пространстве по их сигналам управления и передачи видеоданных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Организация радио- и радиотехнического контроля в интересах органов внутренних дел : учебное пособие / Н. С. Хохлов [и др.]. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2025. — 145 с.
2. Кувшинов О. А., Плохих О. В. Применение программно-определяемого радио в системах связи // *Ural Radio Engineering Journal*. — 2022. — № 6 (2). — С. 140—159.
3. Локализация источников радиоизлучения подвижным приемником на основе измерений времени прихода периодических сигналов / И. Б. Крыжко, В. А. Козьмин, В. А. Сладких [и др.] // *Системы управления, связи и безопасности*. — 2025. — № 2. — С. 87—104.
4. Радзиевский В. Г., Сирота А. А. Теоретические основы радиоэлектронной разведки. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Радиотехника, 2004. — 432 с.
5. Рембовский А. М. Ашихмин А. В., Козьмин В. А. Автоматизированные системы радиоконтроля и их компоненты. — М. : Горячая линия — Телеком, 2017. — 424 с.
6. Конахович Г. Ф., Бабак В. П., Фисенко В. М. Специальный РирТК. — М. : Додэка — XXI, 2007. — 384 с.
7. Трифонов А. П., Шинаков Ю. С. Совместное различение сигналов и оценка их

параметров на фоне помех. — М. : Радио и связь, 1986. — 264 с.

8. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025665012 Российская Федерация. Программа анализа спектров информационных сигналов систем радиосвязи с использованием технологии программно-определяемого радио : заявл. 07.05.2025 : опубл. 09.06.2025 / В. В. Юркин, И. В. Гилев, С. В. Канавин, С. М. Климов. — EDN JRFZQQ.

9. Гилев И. В., Юркин В. В. Использование технологии SDR для мониторинга радиочастотного спектра // Радиолокация, навигация, связь : сборник трудов XXXI Международной научно-технической конференции, Воронеж, 15–17 апреля 2025 года. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2025. — С. 307—310. — EDN MSUSC

10. Гилев И. В. Перспективы применения технологии программно-определяемого радио в системах радиосвязи специального назначения // Научный бюллетень Воронежского института МВД России. — 2024. — № 3. — С. 85—88. — EDN LWXEKG.

11. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023662861 Российская Федерация. Программа визуализации и динамического анализа спектров информационного сигнала и деструктивных воздействий на основе данных, поступающих с программно-определяемого приемника : № 2023661454 : заявл. 01.06.2023 : опубл. 14.06.2023 / И. В. Гилев, С. В. Канавин, С. С. Никулин, Н. С. Хохлов. — EDN SPLAAN.

12. RSSI-метод в отслеживании активов внутри помещений: преимущества, недостатки и сравнение с AoA. — URL: <https://nvgn.ru/blog/rssi-metod-v-otslezhivanii-aktivov-vnutri-pomescheniy/> (дата обращения: 12.08.2025).

13. Гилев И. В., Терентьев А. А., Лукьянов А. С. Алгоритм противодействия источнику мешающего радиоизлучения при определении его местоположения комплексом радиомониторинга и радиоконтроля // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. — № 3. — С. 160—170. — EDN BENQQQ.

REFERENCES

1. Organizaciya radio- i radiotekhnicheskogo kontrolya v interesah organov vnutrennih del : uchebnoe posobie / N. S. Hohlov [i dr.]. — Voronezh : Voronezhskij institut MVD Rossii, 2025. — 145 s.

2. Kuvshinov O. A., Plohih O. V. Primenenie programmno-opredelyaemogo radio v sistemah svyazi // Ural Radio Engineering Journal. — 2022. — № 6(2). — S. 140—159.

3. Lokalizaciya istochnikov radioizlucheniya podvizhnym priemnikom na osnove izmerenij vremeni prihoda periodicheskikh signalov / I. B. Kryzhko, V. A. Koz'min, V. A. Sladkih [i dr.] // Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti. — 2025. — № 2. — S. 87—104.

4. Radzievskij V. G., Sirota A. A. Teoreticheskie osnovy radioelektronnoj razvedki. — 2-e izd., ispr. i dop. — М. : Radiotekhnika, 2004. — 432 s.

5. Rembovskij A. M. Ashihmin A. V., Koz'min V. A. Avtomatizirovannye sistemy radiokontrolya i ih komponenty. — М. : Goryachaya liniya — Telekom, 2017. — 424 s.

6. Konahovich G. F., Babak V. P., Fisenko V. M. Special'nyj RiRTK. — М. : Dodeka — ННН, 2007. — 384 s.

7. Trifonov A. P., Shinakov Yu. S. Sovmestnoe razlichenie signalov i ocenka ih parametrov na fone pomekh. — М. : Radio i svyaz', 1986. — 264 s.

8. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlya EVM № 2025665012 Rossijskaya Federaciya. Programma analiza spektrov informacionnyh signalov sistem radiosvyazi s ispol'zovaniem tekhnologii programmno-opredelyaemogo radio : заявл. 07.05.2025 : опубл. 09.06.2025 / V. V. Yurkin, I. V. Gilev, S. V. Kanavin, S. M. Klimov. —

EDN JRFZQQ.

9. Gilev I. V., Yurkin V. V. Ispol'zovanie tekhnologii SDR dlya monitoringa radiochastotnogo spektra // Radiolokaciya, navigaciya, svyaz' : sbornik trudov XXXI Mezhdunarodnoj nauchno-tekhnicheskoy konferencii, Voronezh, 15–17 aprelya 2025 goda. — Voronezh : Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2025. — S. 307—310. — EDN MSUSC

10. Gilev I. V. Perspektivy primeneniya tekhnologii programmno-opredelyaemogo radio v sistemah radiosvyazi special'nogo naznacheniya // Nauchnyj byulleten' Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2024. — № 3. — S. 85—88. — EDN LWXEKG.

11. Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii programmy dlya EVM № 2023662861 Rossijskaya Federaciya. Programma vizualizacii i dinamicheskogo analiza spektrov informacionnogo signala i destruktivnyh vozdeystvij na osnove dannyh, postupayushchih s programmno-opredelyaemogo priemnika : № 2023661454 : zayavl. 01.06.2023 : opubl. 14.06.2023 / I. V. Gilev, S. V. Kanavin, S. S. Nikulin, N. S. Hohlov. — EDN SPLAAN.

12. RSSI-metod v otslezhivanii aktivov vntri pomeshchenij: preimushchestva, nedostatki i sravnenie s AoA. — URL: <https://nvgn.ru/blog/rssi-metod-v-otslezhivanii-aktivov-vnutri-pomeshchenij/> (data obrashcheniya: 12.08.2025).

13. Gilev I. V., Terent'ev A. A., Luk'yanov A. S. Algoritm protivodejstviya istochniku meshayushchego radioizlucheniya pri opredelenii ego mestopolozheniya kompleksom radio-monitoringa i radiokontrolya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2022. — № 3. — S. 160—170. — EDN BENQGG.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гилев Игорь Владимирович. Старший преподаватель кафедры инфокоммуникационных систем и технологий. Кандидат технических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: gileviv@bk.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Канавин Сергей Владимирович. Доцент кафедры инфокоммуникационных систем и технологий. Кандидат технических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: sergejj-kanavin@rambler.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Gilev Igor Vladimirovich. Senior lecturer of the chair of Infocommunication Systems and Technologies. Candidate of Technical Sciences.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: gileviv@bk.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Kanavin Sergey Vladimirovich. Associate Professor of the chair of Infocommunication Systems and Technologies. Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: sergejj-kanavin@rambler.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: программно-определяемое радио; SDR-приемник; источник радиоизлучения; локализация местоположения источника радиоизлучения.

Key words: software-defined radio; SDR receiver; radio source localization; radio source location localization.

УДК 681.3

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

И. А. Андреева, доктор юридических наук, доцент

ИДЕАЛ КОДИФИКАЦИИ ПРАВА В НОВОЕ ВРЕМЯ

THE IDEAL OF CODIFICATION OF LAW IN MODERN TIMES

В статье раскрывается генезис идеала кодификации права в Новое время. Кодекс в его современном виде, как наилучший инструмент проведения в жизнь новых (разумных) начал организации общества, является одновременно продуктом длительного исторического созревания, имея предпосылки в римской традиции, и результатом разрыва, благодаря двойному влиянию политико-консолидирующего аспекта кодификации в период становления абсолютизма и политико-философской мысли (школы естественного права и философии Просвещения). Идеал кодификации включает такие компоненты, которые выработаны в Новое время, как единство, ясность, полнота, доступность, постоянство, всеобщность, рациональность. Это придавало кодексам как результатам кодификации права моральную, рациональную, методологическую, реформаторскую, научную, педагогическую ценность.

The article reveals the genesis of the ideal of codification of law in Modern times. The code in its modern form, as the best tool for implementing new (reasonable) principles of the organization of society, is at the same time the product of a long historical maturation, having presuppositions in the Roman tradition, and the result of a gap, due to the dual influence of the political-consolidating aspect of codification during the period of the establishment of absolutism and political-philosophical thought (schools of natural law and philosophy of Enlightenment). The ideal of codification includes such components that have been developed in Modern times as unity, clarity, completeness, accessibility, consistency, generality, rationality. This gave the codes, as a result of the codification of law, moral, rational, methodological, reformatory, scientific, and pedagogical value.

Введение. Отечественная теоретико-историческая правовая наука кодификацию права (как вид систематизации права и особое историко-правовое явление) всегда помещала в число центральных научных проблем для обсуждения, обуславливая необходимостью осмысления и оценки правового опыта, совершенствованием законодательства [13. — С. 219; 8]. Актуализация проблем кодификации права связана с возрастанием правотворческой активности государств во всем мире, ростом проблем, вызванных так называемой законодательной инфляцией. Сегодня в осуществление кодификационных работ вовлечены не только законодательные, но и исполнительные органы власти. Не случайно XII Общероссийское годовое собрание теоретиков права 2025 г., проводимое ежегодно Институтом сравнительного законодательства и правопедения при Правительстве Российской Федерации, было посвящено систематизации законодательства. Избранная в этой статье тема исследования во многом явилась откликом на обсуждаемые на форуме проблемы, где подчеркивалось, что переосмысление имеющихся

доктринальных оснований и существующих правовых традиций с учетом новых реалий, анализ исторического опыта не теряют своей актуальности. Данный период представляет особый интерес, поскольку протекавшие в Новое время взаимосвязанные процессы усиления верховной власти и единства правовой системы, использование кодификации права в качестве инструмента правовой модернизации предопределили высокую роль систематизации (кодификации) в правовых системах романо-германской правовой семьи, в это же время складываются ее доктринальные основания [3. — С. 77; 10. — С. 71; 1. — С. 22].

В теоретико-правовой науке под кодификацией понимается форма систематизации, обладающая отличительными признаками от иных видов систематизации — инкорпорации, консолидации. Применительно к историко-правовому прошлому нередко можно встретить смешение данных терминов, при значительном преобладании употребления в историко-правовом контексте термина кодификация применительно к разным формам систематизации. Как отметил

Г. И. Муромцев, мы не можем дать единого понятия кодификации, потому что в каждой конкретно-исторической эпохе — оно свое. Тем не менее в историко-правовых работах под кодификацией понимается обычно законодательная деятельность по упорядочению, систематизации и опубликованию действующего права страны путем обобщения его в едином кодексе, уложении или своде законов [10. — С. 71]. Близким нашему терминопотреблению является определение кодификации Е. Н. Трикоз [12. — С. 21] как длящегося во времени процесса реформирования и компиляции права с элементами правовой новации.

Этапы генезиса современного идеала кодификации права. Характеристика особенностей кодификации на изучаемом историческом этапе невозможна без обращения к его историко-правовым и доктринальным предпосылкам. На наш взгляд, генезис современного идеала кодификации права включает три этапа.

1. Римский правовой идеал упорядоченной компиляции источников, выражаемый в целях Кодекса Юстиниана: обеспечить единство, ясность и полноту свода правовых установлений, структурированных в определенном порядке.

2. Идеал кодификации как инструмента политической централизации и правовой консолидации вокруг самодержавного суверена в позднее Средневековье — раннее Новое время, раскрывающий юридико-политическое измерение кодификации права, политические условия реализации единства права.

3. Создание теоретико-методологических основ кодификации в результате двойного влияния школы естественного права и философии Просвещения.

Римский опыт в генезисе современной кодификации. Вспомним, что слово «кодекс» имеет латинское происхождение (кодекс — это носитель письменного документа в виде небольшой таблички), и первоначально имело широкое значение — писанный закон. В этом смысле кодекс не является римским изобретением. Но кодексы Феодосия (428 г.) и особенно Юстиниана (529—534 гг.)¹ обычно указываются как отправная точка кодификационной традиции [11. — С. 3].

В Конституции от 13 февраля 528 года Юстиниан определил цели Кодекса: повышение правовой грамотности, упрощение судопроизводства и ускорение судебной процедуры. Кодекс был призван обеспечить единство, ясность

и полноту правовых установлений, структурированных в определенном порядке. Эти различные атрибуты, поставленные на службу лучшему знанию права, выглядят набросками элементов, которые сформируют в будущем современный идеал кодификации. Но на этом сходство не заканчивается. Желание «установить не только для настоящего, но и для последующего века наилучшие законы» [11. — С. 9], то есть создать стабильный, постоянный кодекс, наталкивается на необходимость ввиду «изменчивой природы вещей» включения в Кодекс новелл. Подобно кодификаторам, несколько столетий спустя оказавшимся в подобном парадоксе, Юстиниан понимал, что принцип совершенного и неизменного законодательства — это фантазия, несовместимая с реалиями этого мира.

Концентрация источников в целях единства дополняется запретом делать комментарии под страхом суровых наказаний и контролем императора за толкованием кодифицированного текста. В спорных случаях судья и стороны обращаются к императору, единственному гаранту ортодоксальности толкования [11. — С. 18], так намечается тенденция превращения всего права в писанный закон, а в условиях усиления неограниченной власти монарха — в закон императора. Эти два принципа служат не только для обеспечения единства и постоянства судебной практики (правовой определенности), но и для утверждения имперской (верховой) власти над созданием и развитием права.

Все это, безусловно, говорит о важности римского опыта в генезисе современной кодификации. Однако есть и важные отличия. В этом отношении решающими являются два критерия. Первый из них носит политический характер. Хотя кодекс выполнял скрытую политическую функцию на уровне полученного результата: «теперь развитие права происходило не через посредство научной деятельности юристов, а путем законодательства императора» [11. — С. 30], о кодексе как факторе объединения и политической централизации не упоминается. Очевидно, что это не является движущей силой римской имперской кодификации. И с этой точки зрения разрыв с кодификацией как проектом государственной консолидации в том виде, в каком он возникает в эпоху Нового времени, очевиден. Лишь в период становления абсолютизма кодификация станет фактором коренного изменения политического ландшафта в пользу центральной власти.

¹ Систематизация римского права (Кодификация Юстиниана) была осуществлена в VI веке н. э. в виде создания 4 сборников права (Институций, Дигест, Кодекса и Новелл). Эта систематизация в XII веке получила название «Свод гражданского права».

Второй критерий носит философско-методологический характер. Римские кодексы, несмотря на их заботу о порядке и классификации, не знают того системного духа, который присущ кодексам эпохи Просвещения. Нигде в книгах Юстиниана не встречается идеала единого свода законов, основанного на логико-дедуктивной системе, на конкретизации общих принципов, из которых вытекают бы частные положения. Римский метод носит казуистический характер.

Кодификация как инструмент политической централизации и правовой консолидации. Появление национальных государств, характеризующихся сильной центральной властью, положившей конец типичной для феодального общества раздробленности или политической системе рассеянного суверенитета, не могло не быть сопряжено с рождением кодексов [7. — С. 45]. И именно из динамики, вызванной политической консолидацией в Европе, возникает идеал систематизирующего и одновременно реформаторского кодекса. Стремление объединить и упорядочить довольно запутанное правовое производство, унаследованное от Средневековья, проявляется по-разному в разных странах и регионах — но всегда это важнейший симптом зарождающейся современности в Европе [2. — С. 121]. «По своей природе кодификация была задумана как ответная и быстрая реакция на непреодолимый кризис в нормативном правовом поле с избыточным множеством правовых источников и бессистемным ростом как правовых, так и квазиправовых регуляторов» [12. — С. 82]. Но кодекс быстро становится предпочтительным средством для преобразований. Провозглашаемые цели носят юридический характер, а скрытые — политический. Вслед за римской традицией речь по-прежнему идет об удовлетворении идеала знания права и потребности в правовой определенности. Но за критикой недостатков прежней системы права скрывается также политическое объединение и консолидация. С XVI века кодификация в Европе была тесно связана с проектом политической централизации, именно поэтому «в западной традиции права в XVI—XVII вв. укрепилась тенденция к централизации правового пространства и созданию унифицированного права, что находило конкретизацию в терминологии и привело к возрождению термина «кодекс» в римском его понимании» [12. — С. 63].

Кодекс, систематизируя королевское или княжеское законодательство, как правило, не отменял иные источники права, но отводил им вспомогательную роль, юридически обеспечивал перераспределение власти в пользу центра. Ведь создание кодекса королевского права и concentra-

ция власти толкования в руках суверена закрепляли статус королевской власти как единственного источника правовой легитимности. Стремление к кодификации достигает даже берегов Англии: в 1616 г. сэр Френсис Бэкон адресует королю Якову I сочинение «Предложение по поводу обобщения и улучшения права Англии», где высказывается не только за обобщение, но и за рационализацию правовых норм [7. — С. 46].

Первые признаки этого политико-консолидирующего аспекта кодификации проявились еще в XVI веке в «Священной Римской империи германской нации» с Каролиной Карла V. [9. — С. 50]. Р. Кабриак указывает на решение короля Франции Генриха III о проведении кодификации в ордонансе 1579 г., опубликование ее результатов состоялось в 1595 г. под наименованием Кодекса Генриха III, хотя этот кодекс так и не приобрел юридической силы. Еще в середине XVI в. правовед Шарль Дюмулен высказался за унификацию кутюмов для обеспечения политического единства Франции. Франсуа Отман в работе «Антитрибониан, или Речи выдающегося и знаменитого юрисконсульта нашего времени об изучении законов» (1567 г.), стал первым, кто указал на кодификацию как средство борьбы с раздробленностью права [9. — С. 51]. Впоследствии французская доктрина (А. де Луазель, Дома и др.) больше не упустит из виду это двойное юридико-политическое измерение систематизации права.

Позже Ордонанс 1667 г. о гражданском судопроизводстве — так называемый Кодекс Людовика; Ордонанс 1670 г. об уголовном судопроизводстве и др. кодификации Ж. Б. Кольбера соответствовали более или менее удавшемуся замыслу создания свода единых правовых норм для всего французского королевства [14. — С. 4].

Почти везде в Европе примерно в XVII в. (даже с учетом того факта, что хронология варьируется в зависимости от страны) суверены утверждают кодексы, унифицирующие право их королевств.

Кодификация сопровождала завершение процесса государственной централизации вокруг самодержавного суверена и представляла собой несомненный прогресс, но она, тем не менее, оставалась принципиально консервативным проектом. В этом отношении процесс кодификации, начатый примерно в середине XVIII в. в Пруссии и Баварии, продолженный в России и завершенный различными кодексами или проектами «просвещенных» уголовных кодексов, в Тоскане (1786 г.), Австрии (1787 г.) и Ломбардии (1791 г.) в конце века, знаменует собой значительное изменение идеала кодификации.

Создание теоретико-методологических основ кодификации в результате двойного влияния школы естественного права и философии Просвещения. В значительной мере этому способствовало [7. — С. 58; 6. — С. 62] двойное влияние школы естественного права и философии Просвещения. В то время как римское право отталкивалось от конкретных случаев, выводя концепцию из факта, представители естественного права предприняли обратный демарш, сначала создавая абстрактную систему, основанную на неких идеях и определенном языке, а потом сопоставляя ее с конкретной реальностью. Такой подход, характеризующийся логикой и рационализмом, способствовал деятельности по систематизации существующих норм и выработке новых норм, что, собственно, и составляет суть кодификации как особой формы систематизации права. Как отмечают Р. Давид и К. Жоффре-Спинози, «школа естественного права видела ... творение человеческого разума ... Выдвижение на первый план разума как силы, творящей право, подчеркивало новую важную роль, отводимую закону, и открывало путь к кодификациям» [4. — С.38]. По утверждению Р. Циммерманна, «характерная особенность кодификации — это ее систематическая природа. Она базируется на убеждении, что материал законодательства представляет собой не случайную массу отдельных норм и судебных решений, а что этот материал может быть сведен к рационально организованной системе» [цит. по: 5].

Следуя научным проектам, начатым школой естественного права, абсолютистский кодификатор стремится создать логико-дедуктивное целое, построенное на модели логических умозаключений. Речь идет о возможности вывести вторичные нормы (специальная часть кодексов) из набора первичных норм (общая часть кодексов). Структура кодексов, разделенных на общую и специальную части, на заголовки, главы и статьи, свидетельствует об этом постулате рациональности, который лежит в основе закрытой структуры. Эта методология, отдающая предпочтение абстракции, логико-дедуктивным рассуждениям, с самого начала делает кодекс символом научности в праве. Тема о связи между системностью права и существованием научного разума, способного распознавать истину природы — одна из ведущих тем в дебатах о кодексах в кодексомании, охватившей Европу. Кодификация обладает педагогическим достоинством, о чем свидетельствует, в частности, использование плана, который упрощает поиск действующих правил и облегчает запоминание общей логики.

Конечно, не следует забывать о расхождении относительно представления о научной рациональности среди теоретиков, сторонников и практиков

кодификации. Одни, сторонники абстрактного универсализма, в поисках универсальной истины ориентируются на модель математической науки, что позволяет поддерживать идеал совершенного и вечного кодекса, применимого ко всем нациям (Д. Дидро, австрийский эрцгерцог Иосиф II). Другие, сторонники политического историзма, выбирают более релятивистскую модель, основанную на естественных науках. Вслед за рассуждениями Ш. Л. Монтескье разумность воспринимается как относительное выражение порядка, присущего духу и характеру каждого народа, это станет основанием создания кодексов, соответствующих более национальному разуму, чем универсальному.

Кодификация как фактор общественного развития в Новое время. Политические факторы, уже присутствовавшие при компиляции изданных королевской властью в предыдущие века правовых норм, начали играть еще более важную роль в XVIII столетии [7. — С. 59]. В идеологии просвещенного абсолютизма право выступает основным инструментом проведения в жизнь разумных начал организации общества. Кодификация получила новые функции, состоящие не только и не столько в систематизации старого права, сколько в создании нового, построенного на иных началах и активно проводящего в обществе волю абсолютного государя [10. — С. 71]. Этот вывод особенно поучителен в том, что касается понимания неудач или препятствий, с которыми может столкнуться проект кодификации. Учет этого политического аспекта является основополагающим для любого, кто хочет включить проект по кодификации или реформу кодекса в политическую повестку дня.

В результате кодификация в Новое время (в отличие от традиционных ее форм) становится самостоятельным фактором общественного развития.

На новом этапе были предприняты кодификационные усилия представителями естественно-правовой школы, остановимся лишь на отдельных примерах того, как новая научная основа определяет архитектуру кодекса. Задачи систематизации, унификации и рационализации права, сформулированные в указе прусского короля Фридриха II Великого от 31 декабря 1746 г., должны были решаться на основании разума и естественного права. В первом проекте кодекса Фридриха, разработанном в 1749 г. канцлером и министром юстиции Самюэлем фон Кокцеусом, назвалась его цель: изложить по каждому предмету наиболее естественные принципы, дать четкие определения и вывести в наиболее точном порядке причину, объект и следствие таким образом, чтобы судья, обладающий здравым смыслом, смог легко извлечь из этого необходимые последствия, чтобы применить ко всем возможным случаям, которые возникнут. Речь шла, как уточнялось, о создании системы, в

которой различные части связаны друг с другом как звенья одной цепи. Этот образ цепочки, который отсылает к необходимости внутренней связи, свойственной замкнутой системе логических принципов, впоследствии будет часто повторяться в кодификационных проектах XVIII в. Общее направление работы, согласно духу времени, состояло в попытке создания кодекса, основанного на началах чистого разума и имеющего всеобщее применение. Предполагалось поэтому, что кодекс должен устранить все недостатки предшествующего, исторически сформировавшегося права. Кроме того, и стремление создать кодекс, понятный для всех, также было заявлено Фридрихом II.

В Габсбургской империи, возможно под влиянием кодификации в Пруссии, аналогичные законодательные работы начались в 1753 г., когда по указанию Марии-Терезии в Брюнне была созвана кодификационная комиссия для создания общего права, соответствующего принципам разума, для всех земель, входивших в состав империи. Именно это недвусмысленно было высказано Иосифом II, продолжившим кодификацию гражданского права и связавшим с правом четыре основополагающих принципа политики: природа, разум, справедливость и истина [10. — С. 83].

Таким образом, помимо обращения к философскому посланию Просвещения, абсолютистские кодификаторы способствуют важному качественному скачку в развитии идеала кодификации, связывая кодификацию с процессом реформ [15; 12. — С. 220].

С этим связаны темпоральные характеристики кодификации — она явно ориентирована на будущее. В крайнем варианте кодекс рвет с прошлым в той части, где оно не соответствует идеалу совершенно нового, наилучшего из возможных, универсального и бессмертного законодательства. В более реалистичном варианте кодекс связывается с существующим правом, что обрекает его на последующую реформу. Понимание кодификации как разновидности законодательной деятельности закрепляется в трактовке ее двойственной природы (систематизация и правотворчество) и получает отражение в современной теории права и государства.

Выводы. Если XVIII век — это время зарождения кодификаций, то XIX век, бесспорно, становится временем их расцвета. Расцвет кодификации права в XIX в. не рассматривался бы как золотой век права, а декодификация или исчезновение кодификации как признак упадка, кризиса права в настоящее время, если бы идея кодификации не была основана на нормативных идеях юридического совершенства. Идеал кодификации включает такие компоненты, которые вырабо-

ваны в Новое время, как единство, ясность, полнота, доступность, постоянство, всеобщность, рациональность. Это придавало кодексам как результатам кодификации права моральную, рациональную, методологическую, реформаторскую, научную, педагогическую ценность. Представление о кодексе в Новое время, кодексе, наделенном обозначенными чертами и в силу этого являющемся наилучшим инструментом проведения в жизнь новых (разумных) начал организации общества, является одновременно продуктом длительного исторического созревания, имеет предпосылки в римской традиции, и результатом разрыва, благодаря двойному влиянию политического процесса и политико-философской мысли (школы естественного права и философии Просвещения). Кодификация как правовое понятие и технология обеспечения целостности, единства и определенности права является порождением эпохи модерна. Конечно реальный опыт кодификации совсем не сводился к созданию новых законов под влиянием просветленного разума. В опыте создания большинства крупных кодексов получили отражение идеи модерна, а новое право родилось от соединения римской традиции, местных обычаев и естественного права (абстрактных принципов, имеющих универсальное значение и выходящих за пределы территориальных рамок).

В XIX в. юснатурализм уступает место позитивизму, осуществление кодификации опустошило теории естественного права, лишив их основного содержания и предопределив упадок самой школы. С этого момента кодекс не есть право, которое должно существовать и которое нужно создавать, кодекс есть право, которое уже существует и его нужно изучать. Первоначальная доктринальная (естественно-правовая основа) кодификации права утрачена. Государство создает или пересматривает свои кодексы на основе своего законодательства и судебной практики. Эти технологии кодификации чужды идеалу кодексов, выработанному в предшествующее время, но претензии на соответствие идеалам (рациональности и т. д.) сохранились, во многом мифологизируя его качества.

В заключение нельзя не остановиться на том, что сегодня все эти характеристики ставятся под сомнение постмодернизмом. Всеобщность вытесняется казуистикой и специализацией правового регулирования. Аксиоматичность и абстрактность — прагматизмом. Единство и целостность, основанные на парадигмах этатизма, противостоят юридическому плюрализму. Кодекс не может больше претендовать на то, чтобы быть исключительным источником права. Ни законодательство в целом, ни кодификация в частности больше не соответствуют

ни требованиям совершенства, полноты, всеобщности, стабильности, ни надежде смоделировать новое общество на основе новых ценностей, как это предполагалось кодификаторами XVIII и XIX веков. Современность заставляет ставить ряд вопросов, ответы на которые предстоит дать современной науке. Идеалы фор-

мального и материального совершенства кодексов, разработанные еще в XVIII веке, больше не отвечают реалиям и потребностям XXI века? Не является ли кодификация устаревшим историческим явлением на современном этапе эволюции источников права? Возможна ли новая теория кодификации?

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдиева Д. А. Систематизация законодательства в условиях перехода к новому технологическому укладу : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2024. — 192 с.

2. Антропов Р. В., Дондоков Ц. С., Лупенко И. Ю. Кодификация законодательства как фактор становления единой политико-правовой системы: политико-правовые и философские доктрины Германии // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2014. — № 5. — С. 118—124.

3. Горшенева И. А., Малышева Н. А. Исторический аспект процесса кодификации гражданского права в зарубежных странах // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 6. — С. 76—78.

4. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. — М., 1996. — 400 с.

5. Дудырев Ф. Ф. Кодификация европейского законодательства в XVIII—XIX веках: культурно-исторический контекст // Современное право. — 2004. — № 1. — С. 157—160. — URL: <https://www.sovremennoerpravo.ru/> (дата обращения: 08.06.2025).

6. Иванов А. Б. Общетеоретические проблемы кодификации в трудах дореволюционных российских юристов // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. — 2020. — № 19. — С. 61—73.

7. Кабрияк Р. Кодификация / пер. с фр. Л. В. Головки. — М. : Статут, 2007. — 476 с.

8. Кодан С. В. Акты систематизации законодательства как опорные точки в периодизации истории русского права (IX — начало XX в.) // Вестник Самарского юридического института. — 2013. — № 2 (10). — С. 105—110.

9. Логинова Т. Е. «Каролина» 1532 г. как средство усиления императорской власти в Германии // Инновационная наука. — 2018. — № 7—8. — С. 122—123.

10. Медушевский А. Н. Кодификация права в странах Восточной Европы эпохи Просвещенного абсолютизма. Сравнительное историко-правовое исследование // Исследования по источниковедению истории России доктябрьского периода : сборник статей / Российская академия наук, Институт российской истории ; отв. ред. В. А. Кучкин. — М., 1993. — С. 71—104.

11. Удальцова З. В. Законодательные реформы Юстиниана // Византийский временник. — М. : Наука, 1965. — Т. XXVI. — С. 3—45.

12. Трикоз Е. Н. Генезис и эволюция уголовно-правовой кодификации в традиции общего права : дис. ... д-ра юрид. — М., 2025. — 503 с.

13. Ящук Т. Ф. Систематизация законодательства: теоретические, историко-правовые и отраслевые проблемы (обзор материалов круглого стола) // Вестник Омского университета. Серия : Право. — 2019. — № 1. — С. 219—224.

14. De Maromont C. A. Habitude et codification du droit civil (XVIIIe-XIXe siècles). L'habitude en droit, Faculté de Droit; Université de La Réunion, Oct 2018, Saint Denis, La Réunion. — С. 4. — URL: <https://hal.univ-reunion.fr/hal-2296231v1/document> (дата обращения: 08.06.2025).

15. Lasserre-Kiesow V. La codification en Allemagne au XVIIIe siècle. Réflexions sur la codification d'hier et d'aujourd'hui // Archives de Philosophie de Droit. — 1998. — Vol. 42. — URL: <http://www.philosophie-droit.asso.fr/APDpourweb/143.pdf> (дата обращения: 08.06.2025).

REFERENCES

1. Abdieva D. A. Sistematizaciya zakonodatel'stva v usloviyah perekhoda k novomu tekhnologicheskomu ukladu : dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2024. — 192 s.

2. Antropov R. V., Dondokov C. S., Lupenko I. Yu. Kodifikaciya zakonodatel'stva kak faktor

stanovleniya edinoj politiko-pravovoj sistemy: politiko-pravovye i filosofskie doktriny Germanii // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. — 2014. — № 5. — S. 118—124.

3. Gorsheneva I. A., Malysheva N. A. Istoričeskij aspekt processa kodifikacii gra-

zhdanskogo prava v zarubezhnyh stranah // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2020 — № 6. — S. 76—78.

4. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti / per. s fr. V.A. Tumanova. — M., 1996. — 400 s.

5. Dudyrev F. F. Kodifikaciya evropejskogo zakonodatel'stva v XVIII—XIX vekah: kul'turno-istoricheskij kontekst // Sovremennoe pravo. — 2004. — № 1. — S. 157—160. — URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/> (data obrashcheniya: 08.06.2025).

6. Ivanov A. B. Obshcheteoreticheskie problemy kodifikacii v trudah dorevolucionnyh rossijskih yuristov // Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoj sistemy obshchestva. — 2020. — № 19. — S. 61—73.

7. Kabriyakov R. Kodifikaciya / per. s fr. L. V. Golovko. — M. : Statut, 2007. — 476 s.

8. Kodan S. V. Akty sistematizacii zakonodatel'stva kak opornye tochki v periodizacii istorii russkogo prava (IX — nachalo XX v.) // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. — 2013. — № 2 (10). — S. 105—110.

9. Loginova T. E. «Karolina» 1532 g. kak sredstvo usileniya imperatorskoj vlasti v Germanii // Innovacionnaya nauka. — 2018. — № 7—8. — S. 122—123.

10. Medushevskij A. N. Kodifikaciya prava v stranah Vostochnoj Evropy epohi Prosveshchennogo

absolyutizma. Sravnitel'noe istoriko-pravovoe issledovanie // Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii dooktyabr'skogo perioda : sbornik statej/ Rossijskaya akademiya nauk, Institut rossijskoj istorii ; otv. red. V. A. Kuchkin. — M., 1993. — S. 71—04.

11. Udal'cova Z. V. Zakonodatel'nye reformy Yustiniana // Vizantijskij vremennik. — M. : Nauka, 1965. — T. XXVI. — S. 3—45.

12. Trikoz E. N. Genesis i evolyuciya ugolovno-pravovoj kodistiki v tradicii obshchego prava : dis. ... d-ra yurid. — M., 2025. — 503 s.

13. Yashchuk T. F. Sistematizaciya zakonodatel'stva: teoreticheskie, istoriko-pravovye i otraslevye problemy (obzor materialov kruglogo stola) // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya : Pravo. — 2019. — № 1. — S. 219—224.

14. De Maromont C. A. Habitude et codification du droit civil (XVIIIe-XIXe siècles). L'habitude en droit, Faculté de Droit; Université de La Réunion, Oct 2018, Saint Denis, La Réunion. — S. 4. — URL: <https://hal.univ-reunion.fr/hal2296231v1/document> (data obrashcheniya: 08.06.2025).

15. Lasserre-Kiesow V. La codification en Allemagne au XVIIIe siècle. Réflexions sur la codification d'hier et d'aujourd'hui // Archives de Philosophie de Droit. — 1998. — Vol. 42. — URL: <http://www.philosophie-droit.asso.fr/APDpour-web/143.pdf> (data obrashcheniya: 08.06.2025)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андреева Ирина Анатольевна. Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин. Доктор юридических наук, доцент.

Академия управления МВД России.

E-mail: irinandreeva3812@rambler.ru

Россия, 125130, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, к.1.

Andreeva Irina Anatolyevna. Professor of the chair of State and Legal Disciplines. Doctor of Law, Associate Professor.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: irinandreeva3812@rambler.ru

Work address: Russia, 125130, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str., 8, k. 1.

Ключевые слова: право; кодификация права; Новое время; кодекс; естественное право.

Key words: law; codification of law; Modern times; code; natural law.

УДК 340

В. А. Лелеков, доктор юридических наук, профессор
А. Д. Бородин

ИНСТИТУТ СЕМЬИ И ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ГОСУДАРСТВЕ РОССИЙСКОМ

THE FAMILY INSTITUTE AND JUVENILE DELINQUENCY IN THE RUSSIAN STATE

В статье рассматривается взаимосвязь состояния института семьи и преступности несовершеннолетних в государстве Российском в Древней Руси, Царской и Советской России, в Российской Федерации. Определяются пути преодоления кризиса семьи, продолжающегося в Российской Федерации с 90-х годов прошлого столетия.

The article examines the relationship between the state of the institution of the family and juvenile delinquency in the Russian state in Ancient Russia, Tsarist and Soviet Russia, and in the Russian Federation. The ways of over-coming the family crisis that has been going on in the Russian Federation since the 90s of the last century are being determined.

Криминологи современности пришли к выводу, что преступность — вечный спутник человечества, так как является следствием общественных противоречий, которые всегда были и будут.

Источником общей преступности является преступность несовершеннолетних.

Зарубежные и отечественные ученые, политические деятели с древнейших времен отмечали прямую связь семейного воспитания и состояния правопорядка в обществе.

Древнегреческий философ Аристотель (384—322 г до н. э.) утверждал, что содержание государственного строя зависит от воспитания юношества: «Если ведь не дисциплинирован один, не дисциплинировано все государство» [2].

Отмечая значение школьного воспитания, многие авторы подчеркивали роль семьи. Так, знаменитый историк Корнелий Тацит Римский (55—120 н. э.) критиковал состоятельных родителей, которые приучают детей не к добродетели и скромности, а к распущенности и роскоши [3]. Эта проблема представляется актуальной для современной России. Его соотечественник Марк Фабий Квинтилиан (42—118 н. э.) в обобщенном варианте подчеркивал недостатки воспитания в семье: «Они видят то, о чем стыдно и говорить... Получив такое разложение и неустойчивость, дети не от школы заимствуют это зло, а приносят его с собой в школу» [4].

Древняя Русь опаздывала в своем развитии. Объединение восточных славян в единое Древнерусское государство происходило в условиях

язычества, многобожия. Прогрессивную роль в развитии Древнерусского государства с центром в г. Киеве сыграло Крещение, осуществленное в 988—989 г. при Владимире I Святославиче. В 1054 году Древняя Русь выделилась из католического мира, приняв православие, тем самым избежав действовавших в средние века в Западной Европе особых судов церковной инквизиции. «Охота на ведьм», подавление инакомыслия осуществлялось против ученых, общественных деятелей. В 1992 году Иоан Павел II объявил деятельность инквизиции ошибочной.

На Руси церковь являлась частью княжеской, а позже царской власти. По примеру Византии в Древнерусском государстве создаются церковные суды. Их судопроизводство осуществлялось не только по религиозным делам, но и в сфере семейных отношений, нравственности. В Церковных уставах излагались требования к гражданам поддерживать христианские начала в семье и обществе, уважительное отношение к родителям, женщинам. Осуждалась насильственная выдача дочерей замуж. Эти требования перекликаются с Поучениями Владимира II Мономаха детям, в котором он призывал детей защищать вдов и сирот, уважительно относиться к старикам. «Богу надо угождать, — писал он, — не отшельничеством, не монашеством, не постом, а добрыми делами». Знаковым событием для Руси стало принятие первого свода законов «Русская Правда» при Ярославе Мудром (978—1054), по разным источникам, дата принятия этого Закона датируется от

1015—1016 годов до 1036 года. По мнению авторов учебника «История России с древнейших времен до наших дней» [5], предпочтительной следует рассматривать последнюю дату, так как к этому времени Ярослав Мудрый одержал победу в междоусобной борьбе и добился объединения Древнерусского государства. До этого времени проблематично было рассматривать создание единого закона, так как Русь была раздроблена на отдельные княжества. «Русская Правда» действовала более 400 лет, девять раз переиздавалась.

В «Русской Правде», княжеских, церковных уставах, содержались правовые нормы по укреплению института семьи, по созданию надлежащих условий для воспитания детей. Предусматривалось обеспечение попечительства над детьми-сиротами. При Ярославе Мудром в Новгороде было создано сиротское училище для подростков мужского пола [6]. Конкретно в законе не обозначался возраст, с которого наступала уголовная ответственность, но подчеркивалась недопустимость совершения преступлений против родителей. Мало того, за некоторые преступления родителей следовало наказание и детей. В ст. 7. «Русской Правды» сказано: «Будет ли сталь на разбойи безъ всякоя свободы, то за разбоиника люди не платять, но выдать и всего с женою и с детьми на поток и разграбление» [7] (конфискация имущества и высылка членов семьи).

Для многовековой истории Царской России характерным являлись не только укрепление власти имущих классов, сохранение и расширение территории государства, но и подготовка право-поислушных «сынов Отечества».

В судебнике 1550 года Ивана IV Грозного, Соборном Уложении 1649 года (при царе Алексее Михайловиче) отмечается тенденция к устрашению наказанием. Возраст наступления уголовной ответственности закон не определял, но отмечалось: «Еще седми лет отрок, или бесный убьект кого, не повинен есть смерти» [8].

Прослеживается связь норм закона с рекомендациями Библии о послушании детей в семье и жен мужьям. За убийство отца предусматривалась смертная казнь, а мужа женой последнюю живьем закапывали в землю, беременной давали возможность родить ребенка, после чего смертная казнь приводилась в исполнение.

Статья 26 главы XXII Соборного Уложения 1649 года гласила: «А буде которая жена жить блудно и скверно и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама или кто иной по ее велению погубит, казнить смертью безо всякой пощады, чтобы на то смотря, иные такого беззаконного и скверного дела не делали и от блуда унялись» [9].

В Уложении 1649 года содержалась норма о запрете табакокурения. Виновные приговаривались к битью кнутом, вырыванию ноздрей и ссылке.

В Царской России длительный период действовал «Домострой» — свод житейских правил и наставлений, в том числе при Иване IV Грозном. Он не обладал статусом нормативного правового акта, имел статус своего рода бытовой библии, его предписания предлагалось соблюдать всем. Что касается воспитания детей, рекомендовалось, как и в Библии, применять физическое воздействие: «Наказывай сына своего с юности и порадуюсь за него в зрелости его, и среди злых им похваляйся и позавидуют тебе враги твои» [10].

При Петре I в Воинском (1716) и Морском (1720) Артикулах были приняты нормы, усилившие уголовную ответственность за преступления против детей.

В сенатском указе от 13 августа 1742 года при Елизавете Петровне впервые малолетними были признаны лица от рождения до 17 лет. Против них за любые преступления смертная казнь не назначалась. Вместе с тем за убийства, поджоги, святотатство малолетние преступники могли быть сосланы в дальние монастыри на 15 лет для постоянного надзора, использования на тяжелых работах и участия во всех богослужениях. Возраст наступления уголовной ответственности сенат не определял.

В условиях действия в Царской России крепостного права государство не стремилось к повышению грамотности низших сословий. Крестьяне и дворовые люди могли посещать только приходские и уездные училища. Хотя количество учащихся в них возросло с 79 420 в 1830 году до 97 314 в 1858, но для большой страны этот показатель оставался низким. Не случайно один из основоположников науки о преступности — криминологии — итальянский ученый Чезаре Ломброзо сделал любопытный анализ о связи состояния образования с преступностью. Он сравнивал число школьников на каждые 100 жителей в 1891 году в западных странах и России с количеством убийств на 100 тыс. населения. Соотношение этих показателей составляло в Пруссии — 17,8 и 5,7; Англии — 16,4 и 5,6; в Нидерландах — 14,3 и 5,6; а в России — 2,4 и 14,0 [11].

После отмены крепостного права (1861 г.) в России отмечался рост промышленного производства, происходило увеличение численности городского населения. Александр III 13 июня 1884 г. утвердил «Правила о церковно-приходских школах». Если в 1880 году таких школ было менее пяти тысяч, то в 1899 году их количество достигло почти 31 тысячи, в них обучалось более миллиона мальчиков и девочек.

Как недостаток следует отметить широкое применение в учебных заведениях телесных наказаний, против которых выступали многие известные педагоги, общественные деятели.

Семейная политика государства опиралась на церковные предписания, в том числе запрещалось расторжение брака между супругами, под запретом было прерывание беременности. Численность населения России увеличивалась не только за счет расширения границ государства, но и роста многодетных семей.

В России вплоть до октябрьских событий 1917 г. отсутствовал полный учет данных о состоянии преступности. Вместе с тем изучение некоторых публикаций позволяет нам сделать определенные выводы по теме нашего исследования.

По мнению Е. Н. Тарновского, удельный вес женщин в составе осужденных преступников при крепостном праве (1856—1860 гг.) составлял 6,3%, а в 1893 году вырос до 12,8%. Он также отмечает, что если среди осужденных за кражу женщины составляют 8,7%, то за убийство супругов и родственников — 39,3%, за детоубийство — 98,3% [12]. Этому способствовала насильственная выдача женщины замуж, жестокое обращение с ней мужа и его родственников, невозможность развода и т. д.

Отмечая абсолютное преобладание среди преступников крестьян и мещан (90,7%), Е. Н. Тарновский обращал внимание на рост преступности среди несовершеннолетних и молодежи: среди осужденных в 1889—1893 гг. лица в возрасте 10—14 лет составили 0,2%; 14—17 лет — 1,6%; 17—21 год — 10,2%; 22—30 — 30,1%.

Острая нужда в питании, одежде многодетных семей рабочих и крестьян побуждали к приобщению к труду дома и на производстве детей с раннего возраста.

В экстремальных условиях оказался институт российской семьи в условиях революционных событий 1905—1907 гг., Русско-Японской и Первой мировой войн, октябрьских событий 1917 года и Гражданской войны. Эти военно-политические события обострили криминогенную обстановку. В Царской России создаются различные молодежные террористические организации. Были убиты Александр II, министр образования Н. П. Богомолов, председатель совета министров П. А. Столыпин, «с октября 1905 по конец 1907 г. было убито и искалечено 4 500 государственных чиновников ... с января 1908 по май 1910 г. зафиксировано 19 957 терактов и революционных грабежей. Убивали полицейских, взрывали дома» [13].

В целях противостояния преступности несовершеннолетних государство принимает закон от 2 июля 1897 г. «О малолетних и несовершеннолетних пре-

ступниках» [14], в соответствии с которым уголовная ответственность наступала с 10 лет. В возрасте 10—12 лет в 1912 году в тюрьмы и арестные дома направлено 15 822 преступника [15]. В 1917—1922 гг. в результате военных столкновений, голода и эпидемий численность населения в России сократилась примерно на 10 млн человек [16].

Миллионы детей лишились родителей, оказались на улице. За 75 лет своей истории советское многонациональное государство продемонстрировало некоторые преимущества перед миром капитала в решении проблем семейной политики.

В условиях иностранной интервенции и гражданско-протестного противостояния в 1917—1921 гг., в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. массовый характер принимало сиротство детей. В тяжелых экономических условиях государство изыскивало возможности по созданию детских домов, макаренковских коммун, приютов. За погибших на фронте родителей несовершеннолетним детям государством назначалось ежемесячное денежное содержание.

Изъяном в государственной политике представляется отсутствие таких пособий для детей за пропавших без вести родителей.

Следует признать, что в советский период многие вопросы, связанные с институтом семьи, решались достаточно успешно. Обеспечивались бесплатное образование, медицинское обслуживание, занятие детей в кружках и спортивных секциях. В микрорайонах создавались подростковые технические, спортивные клубы, для чего были предусмотрены 2-процентные отчисления от ежемесячной квартирной платы.

В многонациональной стране широкое распространение получили смешанные браки. В условиях отсутствия роскоши многие семьи были многодетными.

Демографический анализ свидетельствует о том, что уже в 1950 году естественный прирост населения РСФСР составил 1 млн 714 тыс. 987 человек. За 1960 год население увеличилось на 1 млн 896 тыс. 263 человека.

К 2000 году Российская Федерация по численности населения занимала пятое место в мире.

«Демографическая яма» (резкое падение рождаемости) 90-х годов прошлого века привела к сокращению численности населения страны: в 1995 году население РФ сократилось на 840 тыс. человек, в 2001 году — на 943 тыс. 252 человека, в 2002 году — на 935 тыс. 305 человек. Этот негативный процесс продолжается. В 2023 году Российская Федерация по численности населения переместилась на девятое место [17].

Подтверждением тому, что в Российской Федерации институт семьи переживает глубокий

кризис, служат статистические сведения о заключении браков и разводов. В советские годы церковь была отделена от государства, не требовалось ее согласие и участие в бракоразводном процессе. В 1960 году в РСФСР на 1000 браков приходилось 123 развода.

В Российской Федерации после распада СССР произошел всеобщий кризис, в том числе института семьи. Количество расторжений брака между супругами постоянно возрастало и в 2002 году достигло максимальных значений: на 1000 зарегистрированных браков приходилось 837 разводов. Мало изменилась ситуация и в последующие годы: в 2020 году этот показатель составил 733 развода; в 2021 году — 697; в 2022 году — 648.

В многочисленных работах криминологов советского и постсоветского периодов достаточно полно раскрыта связь состояния семьи и преступности несовершеннолетних. Общее мнение ученых заключается в том, что абсолютное большинство несовершеннолетних преступников свою криминальную зараженность приобрели в условиях так называемой проблемной семьи. В литературе такие семьи именовались неблагополучными. Законодатель в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» дал единое определение: «семья, находящаяся в социально опасном положении — семья, имеющая детей, находящихся в социально опасном положении, а также семья, где родители или законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними».

Анализ судебной статистики позволяет сделать вывод о том, что свыше половины осуждаемых

несовершеннолетних воспитывались в семье с одним родителем или вне семьи (детском доме, интернате).

В полной семье воспитывались в 2005 году 41,5% осужденных подростков, в 2007 году — 40,3%, в 2010 — 41,5%, в 2023 — 48,8 [18]. Из них в 2010 году 24,0% составляли ранее судимые, в 2019 году — 20,6%, в 2023 году — 17,8%.

В 2024 году, объявленном в Российской Федерации годом семьи, принят комплекс мер по укреплению материнства, преодолению семейного кризиса. Намечены и осуществляются меры по материальной поддержке малообеспеченных семей, а также участников специальной военной операции на Украине. Есть надежда, что усилиями государства и общества семейный кризис в стране будет преодолен.

Опрос, проведенный нами среди студентов Воронежского экономико-правового института и курсантов Воронежского института ФСИН России, позволяет сделать вывод о причинах отсрочки замужества или женитьбы и рождения детей. Абсолютное большинство опрошенных считает, что в современных условиях для молодежи первоочередными целями являются получение образования, устройство по специальности на достойно оплачиваемую работу, решение жилищной проблемы.

Решение этих и других задач предусмотрено в ряде правовых документов государства, в том числе в Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» [1]. Для их воплощения в жизнь потребуется конкретная многоплановая деятельность властных структур, общественных формирований в каждом субъекте Российской Федерации с учетом экономических, социальных, национальных и иных региональных особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4 / под ред. А. И. Доватура, Ф. Х. Кессиди. — М. : Мысль, 1983. — С. 551.
3. Корнелий Тацит. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : Аналлы. Малые произведения / под ред. А. С. Бобовича. — Л. : Наука, 1969.
4. Квинтилиан М. Ф. О подготовке факторов : хрестоматия по истории педагогики. Т.1. — М., 1936. — С. 56.
5. История России с древнейших времен до наших дней / под ред. А. Н. Сахарова. — М. : Аст., 2023. — С. 99—100.
6. Зак А. И. Характеристика детской преступности // Дети-преступники / под ред. М. Н. Гернета. — М., 1912. — С. 30.
7. Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. — М., 1984. — С. 64.
8. Лиховицкий А. Курс русского уголовного права. — СПб., 1867. — С. 168.
9. Соборное уложение 1649 года : текст, комментарий. — Л., 1987. — С. 129.

10. Михалков А. В. К вопросу о редакциях «Домостроя», его составе и происхождении. — СПб., 1889. — С. 115.

11. Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты / сост. и предисл. В. С. Овчинского — М. : ИНФРА — М., 2004. — С. 77.

12. Гарновский Е. Н. Итоги русской уголовной статистики // Журнал министерства юстиции. — 1899. — № 7. — С. 137.

13. Лунеев В. В. Юридическая статистика. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2004. — С. 159.

14. О малолетних и несовершеннолетних преступниках : закон от 2 июля 1897 г. — СПб., 1899.

15. Мельников Э. Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии : учеб. пособие. — М. : Дело, 2000. — С. 56.

16. Галин В. В. Интервенция. Гражданская война. — М. : Алгоритм, 2004.

17. Демографический ежегодник России. 2023 : стат. сб. — М., 2023. — 256 с.

18. Преступность и правонарушения : статистический сборник (2006—2010); (2019—2023). — М., 2011, 2024.

REFERENCES

1. O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 30.12.2020 № 489-FZ (poslednyaya redakciya) // SPS «Konsul'tantPlyus».

2. Aristotel'. Sochineniya : v 4 t. T. 4. / pod red. A. I. Dovatura, F. H. Kessidi. — М. : Mysl', 1983. — С. 551.

3. Kornelij Tacit. Sochineniya : v 2 t. T 1: Anally. Malye proizvedeniya / pod red. A. S. Bobovicha. — L. : Nauka, 1969.

4. Kvintilian M. F. O podgotovke faktorov : hrestomatiya po istorii pedagogiki. T. 1. — М., 1936. — С. 56.

5. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do nashih dnei / pod red. A. N. Saharova. — М. : Ast., 2023. — С. 99—100.

6. Zak A. I. Harakteristika detskoj prestupnosti // Deti-prestupniki / pod red. M. N. Gerneta. — М., 1912. — С. 30.

7. Rossijskoe zakonodatel'stvo X—XX vekov : v 9 t. T. 1. : Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi. — М., 1984. — С. 64.

8. Lihovickij A. Kurs russkogo ugovolnogo prava. — SPb., 1867. — С. 168.

9. Sobornoe ulozhenie 1649 goda : tekst, komentarij. — L., 1987. — С. 129.

10. Mihalkov A. V. K voprosu o redakciyah «Domostroja», ego sostave i proiskhozhdenii. — SPb., 1889. — С. 115.

11. Lombroso Ch. Prestuplenie. Novejschie uspekhi nauki o prestupnike. Anarhisty / sost. i predisl. V. S. Ovchinskogo — М. : INFRA — М., 2004. — С. 77.

12. Tarnovskij E. N. Itogi russkoj ugovolnoj statistiki // Zhurnal ministerstva yusticii. — 1899. — № 7. — С. 137.

13. Luneev V. V. Yuridicheskaya statistika. 2-e izd., pererab. i dop. — М., 2004. — С. 159.

14. O maloletnih i nesovershennoletnih prestupnikah : zakon ot 2 iyulya 1897 g. — SPb., 1899.

15. Mel'nikov E. B. Yuvenal'naya yusticiya: problemy ugovolnogo prava, ugovolnogo processa i kriminologii : ucheb. posobie. — М. : Delo, 2000. — С. 56.

16. Galin V. V. Intervenciya. Grazhdanskaya vojna. — М. : Algoritm, 2004.

17. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2023 : Stat. sb. — М., 2023. — 256 с.

18. Prestupnost' i pravonarusheniya: statisticheskij sbornik (2006—2010); (2019—2023). — М., 2011, 2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лелеков Виктор Андреевич. Профессор кафедры уголовного права и криминологии. Доктор юридических наук, профессор.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: victor.leleckov@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Бородин Андрей Дмитриевич. Ассистент.

Воронежский экономико-правовой институт.

E-mail: Andrew.borodin98@yandex.ru

Россия, 394033, Воронеж, Ленинский проспект, 119а.

Lelekov Viktor Andreyevich. Professor of the chair of Criminal Law and Criminology. Doctor of Law, Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: victor.leleckov@yandex.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Borodin Andrey Dmitrievich. Assistant.

Voronezh Institute of Economics and Law.

E-mail: Andrew.borodin98@yandex.ru

Work address: Russia, 394033, Voronezh, Leninsky Prospect, 119a.

Ключевые слова: институт семьи; семья, находящаяся в социально опасном положении; государственная семейная политика; семья и преступность несовершеннолетних; комплексные региональные программы по преодолению кризиса семьи.

Key words: family institution; family in a socially dangerous situation; state family policy; family and juvenile delinquency; comprehensive regional programs to overcome the family crisis.

УДК 343.9

И. А. Насонова, доктор юридических наук, профессор

П. В. Фадеев, доктор юридических наук, доцент

ВОЗВРАТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

RETURN MECHANISMS AS A MEANS OF ACHIEVING THE PURPOSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье рассматриваются следующие возвратные механизмы: а) возвращение прокурором уголовного дела следователю (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ); б) возвращение судом уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ). Исследуются их общие черты и различия. Рассматриваются основания возвращения уголовного дела. Анализируется отечественный опыт правового регулирования указанных оснований. Выявляются недочеты в указанной области. Показывается роль возвратных механизмов в достижении назначения отечественного уголовного судопроизводства.

The article discusses the following return mechanisms: a) the return of a criminal case by a prosecutor to an investigator (Part 2, Article 221 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation); b) the return of a criminal case by a court to a prosecutor (Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). The article examines their common features and differences. It also discusses the grounds for returning a criminal case. The article analyzes the domestic experience of legal regulation of these grounds. The article identifies shortcomings in this area. The article highlights the role of return mechanisms in achieving the purpose of domestic criminal proceedings.

В отечественном уголовном процессе существует много механизмов, способных обеспечить соблюдение законности при производстве по уголовному делу, о чем уже не раз писалось [1; 2; 3. — С. 221; 4. — С. 19, 24]. Все эти механизмы так или иначе способствуют достижению назначения уголовного судопроизводства, главным сегментом которого выступает защита личности. Однако данные механизмы разнородны. Они отличаются друг от друга субъектным составом, объектом воздействия, средствами, используемыми при функционировании соответствующего механизма. Различна также и роль процессуальных механизмов в достижении назначения уголовного судопроизводства, а значит, и степень их эффективности. К числу механизмов, поставленных на службу цели уголовного судопроизводства, относятся возвратные механизмы. Они занимают важное место в уголовно-процессуальной системе. К ним следует относить две процедуры: а) возвращение прокурором уголовного дела следователю (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ); б) возвращение судом уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ).

Данные процедуры имеют существенные отличия. Так, механизм, регулируемый статьей 221 УПК РФ, функционирует на стадии предварительного расследования и связан с возвращением прокурором уголовного дела следователю. Процедура,

предусмотренная ст. 237 УПК РФ, может реализовываться на разных стадиях: в ходе назначения судебного разбирательства, судебного разбирательства, апелляционного производства, кассационного производства. Указанная процедура предполагает возвращение судом уголовного дела прокурору.

Отличия упомянутых возвратных механизмов не могут нивелировать их близости. Она заключается, во-первых, в общем объекте. Таким объектом является уголовное дело, в котором имеются существенные нарушения уголовно-процессуального законодательства.

Во-вторых, оба возвратных механизма опираются на принципы уголовного судопроизводства (в первую очередь на общеправовой принцип законности) и принимают активное участие в их реализации.

В-третьих, функционирование указанных механизмов имеет своей целью обеспечение надлежащего качества предварительного следствия, включая соблюдение в ходе него прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [5. — С. 540]. Достижение указанной цели осуществляется путем создания условий для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального законодательства в ходе предварительного расследования.

Выполняя свое назначение, возвратные механизмы функционируют как в интересах надлежащего обеспечения прав и законных интересов личности, так и в интересах качества уголовного преследования, которое также комплекзует назначение уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 6 УПК РФ). Данные механизмы вносят свой вклад в решение отмеченных задач, обеспечивая возвращение соответствующему субъекту уголовного дела, производство по которому страдало процессуальными нарушениями, нанесшими урон правам и законным интересам граждан и (или) поставившими под сомнение законность уголовного преследования в той или иной его части. К данному выводу нетрудно прийти, проанализировав основания возвращения уголовного дела. Они свидетельствуют о следующих изъянах уголовного преследования: составление обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления с нарушением требований УПК РФ, исключающим возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта или постановления (п. 1 ч. 2 ст. 237 УПК РФ); необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера (п. 3 ч. 1 ст. 237 УПК РФ); наличие оснований для соединения уголовных дел (п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

Основаниями возвращения уголовного дела могут быть также обстоятельства, свидетельствующие о ненадлежащем обеспечении прав обвиняемого. К ним относятся неразъяснение обвиняемому прав при ознакомлении с материалами уголовного дела (п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ); невручение обвиняемому копии обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления (п. 2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ).

В пользу просчетов следователя, дознавателя, допущенных в досудебном производстве как в ходе правообеспечительной деятельности, так и при осуществлении уголовного преследования, говорит ситуация, при которой фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении, постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния либо в ходе предварительного

слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий указанных лиц как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния (п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). На первый взгляд может показаться, что в указанной ситуации права обвиняемого не испытывают на себе негативного воздействия. Вероятнее всего, это так. Однако неправильная квалификация действий обвиняемого затрагивает интересы другого участника уголовного судопроизводства — потерпевшего. Права последнего в описанной ситуации становятся уязвимыми вследствие ненадлежащей правообеспечительной деятельности следователя, дознавателя, прокурора, что наряду с некачественным уголовным преследованием влечет возвращение судом уголовного дела прокурору. Такое возвращение уголовного дела можно рассматривать в качестве уголовно-процессуальной санкции, наступающей за несоответствующую требованиям закона деятельность следователя, дознавателя, прокурора. Применение указанной санкции очевидно, поскольку урон наносится компонентам, формирующим назначение уголовного судопроизводства. Следовательно, негативное воздействие на себе испытывает все назначение уголовного судопроизводства.

Один из компонентов назначения уголовного судопроизводства по своей сути ориентирован на обеспечение прав личности. Однако в официальном изложении назначения уголовного судопроизводства этот компонент именуется защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Такая трактовка не совсем точна по следующим причинам. Защита прав и законных интересов лиц и организаций в первую очередь ориентирована на охрану частных интересов. В указанной защите в первую очередь заинтересованы невластные участники, о чем также не раз писалось применительно к той или иной проблеме [6; 7; 8. — С. 243; 9. — С. 34]. Защитительная деятельность для указанных участников — главный способ продвижения собственных интересов в уголовном процессе. Для государственных органов и должностных лиц — носителей публичных интересов — забота о личности и организациях выражается в осуществлении ими правообеспечительной деятельности [10, 11]. Последняя приобретает различные формы: разъяснение прав участникам уголовного судопроизводства, рассмотрение жалоб и ходатайств и др. Эти и иные средства используются властными субъектами в ходе пра-

вообеспечительной деятельности, осуществляемой параллельно уголовному преследованию. Защитительная же деятельность базируется на других средствах (например, свидание лица с защитником, ознакомление лица с материалами уголовного дела, участие лица в следственных действиях и др.). На данное обстоятельство не раз обращалось внимание в литературе. С учетом этого отдельные авторы предлагают скорректировать назначение уголовного судопроизводства, заменив в нем защитительную деятельность на правообеспечительную [12. — С. 53, 94, 447; 13. — С. 130—132, 641].

Вместе с тем было бы ошибочным считать, что законодатель проигнорировал правообеспечительный аспект уголовно-процессуальной деятельности властных участников. Наоборот, о нем содержится упоминание на уровне фундаментальных понятий. Так, о правообеспечительной деятельности властных субъектов говорится в норме, регламентирующей такие принципы уголовного судопроизводства, как охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ч. 1 ст. 11 УПК РФ); обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ). Однако выборочная адресация правообеспечительной деятельности, как это имеет место быть в принципе, регулируемом ст. 16 УПК РФ, не может отражать все богатство указанной деятельности. Поэтому отдельные ученые обосновывают необходимость включения в систему принципов уголовного судопроизводства принципа обеспечения прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства [14. — С. 54—55]. Кстати, по этому пути пошло и законодательство некоторых зарубежных стран. Например, в УПК Азербайджанской Республики [15] четко прослеживается правообеспечительный вектор в системе принципов и условий уголовного судопроизводства. Помимо того, что указанная система включает в себя принцип обеспечения закрепленных Конституцией прав и свобод человека и гражданина (ст. 12), в ней размещены: обеспечение права на получение юридической помощи и на защиту (ст. 19); обеспечение права на свободу (ст. 14); обеспечение принципа неприкосновенности личности (ст. 15); обеспечение права на неприкосновенность личной жизни (ст. 16); обеспечение права на неприкосновенность жилища (ст. 17); обеспечение права собственности (ст. 18); обеспечение права требования судебного разбирательства (ст. 22); обеспечение права на повторное обращение в суд (ст. 35); обеспечение восстановления нарушенных прав реабилитированных (ст. 36).

В УПК Республики Беларусь [16] также уделяется большое внимание правообеспечительному

вектору в построении системы принципов уголовного процесса. Во-первых, деятельность по обеспечению законных прав и интересов физических и юридических лиц упоминается в задачах уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 2). Во-вторых, как минимум два принципа уголовного процесса имеют правообеспечительную направленность: принцип обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту (ст. 17) и принцип обеспечения защиты прав и свобод граждан (ст. 10). Последний имеет более широкую сферу применения, поскольку касается не только подозреваемого и обвиняемого, но и других участников уголовного процесса. Кстати, похожий принцип общего характера присутствует и в УПК Молдовы [17] (ст. 17), и в УПК Эстонской Республики [18] (ст. 8) и др.

Думается, что такой подход к регулированию правообеспечительной деятельности является правильным, поскольку позволяет учитывать интересы широкого круга невластных участников уголовного судопроизводства. Тем самым достигается всеобъемлемость правового регулирования правообеспечительной деятельности в уголовном судопроизводстве. При таком подходе к регулированию деятельности государственных органов и должностных лиц в части обеспечения прав и законных интересов лиц и организаций не должно оставаться сомнений том, что практически все процессуальные механизмы ориентированы на достижение правообеспечительной цели. Не являются исключением в этом смысле и возвратные механизмы. Данное обстоятельство было продемонстрировано ранее на примере процедуры возвращения судом уголовного дела прокурору.

Примечательно, что и возвращение уголовного дела прокурором следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ) также имеет правообеспечительную направленность. Последняя реализуется на фоне устранения односторонности и необъективности предварительного следствия, нарушений процессуальных норм и норм материального права.

Общий вектор функционирования возвратных механизмов напрямую связан с их другими общими особенностями. К их числу прежде всего относится общий повод возвращения уголовного дела, к которому относятся существенные нарушения уголовно-процессуального законодательства. Данное обстоятельство обуславливает схожесть оснований возвращения уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ и по ст. 237 УПК РФ. И

это при том, что правовое регулирование указанных оснований применительно к этим двум случаям будет неидентично. В ст. 237 УПК РФ основания возвращения уголовного дела расписаны подробнее, чем в п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ. Трактовка оснований, изложенных в п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, близка формулировке, содержащейся в п. 1, 3, 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Эти основания связаны с недостатками итоговых документов стадии предварительного расследования.

Вместе с тем законодатель формирует систему оснований возвращения уголовного дела прокурором (ст. 237 УПК РФ) и другими обстоятельствами. Одни из них относятся к существенным нарушениям права обвиняемого на защиту от обвинения (п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ), другие напрямую связаны с ошибками, допущенными при соединении уголовных дел (п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). В связи с этим возникает вопрос: работают ли указанные основания применительно к ситуации, изложенной в п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ? Можно ли их относить к выявленным прокурором недостаткам, требующим устранения?

Схематичная регламентация оснований возвращения уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ не дает очевидного ответа на поставленные вопросы. Вместе с тем авторы ряда комментариев к УПК РФ утвердительно отвечают на подобные вопросы. Так, в одном из них обращается внимание на то, что возвращение уголовного дела прокурором возможно, когда данный участник не согласен с предъявленным обвинением, соединением или разделением уголовных дел, когда обвиняемому и его защитнику не обеспечено полное ознакомление с материалами расследования, когда другим способом существенно нарушены права и т. п. [19. — С. 286]. Похожей позиции придерживаются и авторы других комментариев к УПК РФ, рекомендующих прокурору выяснять указанные вопросы при принятии решения по уголовному делу [20. — С. 221, 222]. Такое толкование п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ позволяет утвердительно отвечать и на ранее поставленные вопросы. Существенные нарушения права обвиняемого на защиту, ошибки, допущенные при соединении уголовных дел, также находятся в поле зрения прокурора, принимающего решения на заключительном этапе стадии предварительного расследования.

Следует отметить, что в дополнительных разъяснениях нуждаются не только основания, изложенные в п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, но и основания, предусмотренные ст. 237 УПК РФ. Это как никто лучше понимает Верховный Суд РФ. Одно из его постановлений рассчитано на случаи, описанные в ст. 237 УПК РФ [21]. Речь идет о постановлении Пленума Верховного Суда РФ от

17.12.2024 № 39. Некоторые положения этого постановления позволяют задуматься над необходимостью корректировки формулировки оснований возвращения судом уголовного дела прокурору, содержащихся в статье 237 УПК РФ. Это связано с тем, что постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 достаточно широко трактует основания возвращения уголовного дела прокурора, закрепленные в ст. 237 УПК РФ. Например, в п. 2 указанного постановления говорится о том, что к существенным нарушениям, препятствующим вынесению приговора, относится невыделение в отдельное производство уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. И это при том, что п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ в качестве препятствия рассматривает лишь соединение уголовных дел. Представляется, что несоблюдение правил выделения уголовного дела также должно быть упомянуто в указанной норме. Подобный подход использовался еще в советскую эпоху. Так, п. 5 ст. 232 УПК РСФСР был посвящен возвращению уголовного дела судом для дополнительного расследования по причине неправильного соединения или разъединения дела. Учитывая правовую позицию Верховного Суда РФ по соответствующему вопросу, именно такой подход должен быть использован и для оптимизации редакции п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. В ней в качестве условий возвращения уголовного дела необходимо указать имеющиеся основания не только для соединения уголовных дел, но и для их выделения.

Расхождение постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 и УПК РФ наблюдается и по другим вопросам. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 к числу существенных процессуальных нарушений, препятствующих вынесению приговора, относит нарушение прав лица не только на этапе окончания предварительного расследования, как об этом говорится в п. 5 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, но и на других, более ранних этапах предварительного расследования, и даже в стадии возбуждения уголовного дела. Так, в п. 2 упомянутого постановления обращается внимание на следующие нарушения, которые негативно сказываются на правах лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство: осуществление предварительного расследования ненадлежащим (неуполномоченным) или подлежащим отводу лицом; производство дознания по уголовному делу, по которому предварительное следствие является обязательным; нарушение предусмотренного статьей 448 УПК РФ порядка возбуждения уголовного дела или привлечения в качестве обвиняемого. В п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от

17.12.2024 № 39 говорится уже о других нарушениях: необеспечение обвиняемому, не владеющему или недостаточно владеющему языком, на котором ведется судопроизводство, права пользоваться помощью переводчика; предъявление обвинения без участия защитника в случаях, когда в соответствии с частью 1 статьи 51 УПК РФ такое участие обязательно; предъявление обвинения несовершеннолетнему в отсутствие законного представителя, ходатайствовавшего о своем участии на основании пункта 2 части 2 статьи 426 УПК РФ.

Учитывая позицию Верховного Суда РФ по рассматриваемому вопросу, можно констатировать, что действующая редакция п. 5 ст. 237 УПК РФ, упоминающая лишь нарушение прав обвиняемого на этапе окончания предварительного расследования, является неполной. Представляется, что более оптимальной будет такая модель упомянутой нормы, в которой к числу оснований возвращения уголовного дела относится нарушение не только прав обвиняемого при ознакомлении с материалами дела, но и других его прав.

Предложенные варианты формулировок оснований возвращения уголовного дела прокурору коррелируют с потребностями практики применения норм, регулирующих указанный вопрос. В случае их принятия постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 не будет расходиться с соответствующими процессуальными

нормами и не будет претендовать на роль источника уголовно-процессуального права. А это немаловажно, поскольку источником уголовно-процессуального права является только уголовно-процессуальный закон. Правовые позиции Верховного Суда РФ, впрочем, как и правовые позиции Конституционного Суда РФ, таковыми не считаются. Они не содержат правовых норм. И Верховный Суд РФ, и Конституционный Суд РФ не являются субъектами нормотворческого процесса. Они относятся к судебным органам, осуществляющим судебную власть. Такой подход полностью отвечает требованию статьи 10 Конституции РФ, согласно которой государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что возвратные механизмы являются необходимой составляющей отечественной уголовно-процессуальной системы. Эффективность их функционирования напрямую зависит от качества их правового регулирования. Поддержание последнего на должном уровне возможно путем своевременной коррекции правовых норм, посвященных указанному механизму. В настоящее время сформировалась потребность в коррекции правового регулирования оснований возвращения уголовного дела прокурору, содержащихся в п. 4 и п. 5 ст. 237 УПК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковтун Ю. А. Обеспечение прав и законных интересов личности при контроле и записи переговоров : дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2006. — 166 с.

2. Асанов Р. Ш. Обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2021. — 299 с.

3. Насонов А. А. Меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые к лицу, запрашиваемому к выдаче для уголовного преследования // Вестник Воронежского института МВД России. — 2017. — № 1. — С. 221—225.

4. Насонова И. А., Зотова М. В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 224 с.

5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко; науч. ред. В. Т. Томина, М. П. Поляков. — 2-е изд. перераб. и доп. — М. : Юрайт-издат, 2006. — 1124 с.

6. Яшин С. В. Защита прав и законных интересов личности в досудебном производстве по

уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб, 2004. — 162 с.

7. Никурадзе Н. О. Защита прав гражданского истца в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. — Оренбург, 2017. — 232 с.

8. Насонов А. А. Основания появления в российском уголовном процессе лица, выдача которого запрашивается для уголовного преследования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. — 2016. — № 1 (24). — С. 241—250.

9. Насонова И. А. Ходатайства, жалобы, отводы: сходства и различия // Вестник Воронежского института МВД России. — 2011. — № 1. — С. 34—38.

10. Фадеев П. В. Признаки и понятие обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. — 2014. — № 3. — С. 32—34.

11. Фадеев П. В. Проблемы обеспечения прав личности при международном сотрудничестве по уголовным делам // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2013. — № 1. — С. 6—8.

12. Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. — Ульяновск, 2022. — 595 с.

13. Насонов А. А. Согласие и его реализация в уголовном судопроизводстве России: теоретические основы, правовое регулирование и правоприменение : дис. ... д-ра юрид. наук. — Воронеж, 2025. — 655 с.

14. Михеенко М. М. Обеспечение участвующим в деле лицам права на защиту их законных интересов как принцип советского уголовного процесса // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. — Саратов, 1981. — С. 54—55.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ) (с изм. и доп. по состоянию на 29.11.2024). — URL: <https://online.zakon.kz/Document/?doc> (дата обращения: 28.07.2025).

16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-3 (с изм. вступ. в силу 21.05.2025). — URL: <https://pravo.by/document/> (дата обращения: 28.07.2025).

17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изм. и доп. по состоянию на 19.06.2025). — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729 (дата обращения: 28.07.2025).

18. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12.02.2003 RT I 2003, 27, 166 (ред. от 22.02.2023). — URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?t> (дата обращения: 28.07.2025).

19. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). — М. : ВИТРЭМ, 2002. — 832 с.

20. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. — 2-е изд. перераб. и доп. — М. : Юрайт-издат, 2008. — 1181 с.

21. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.07.2025).

REFERENCES

1. Kovtun Yu. A. Obespechenie prav i zakonnyh interesov lichnosti pri kontrole i zapisi peregovorov : dis. ... kand. jurid. nauk. — Moskva, 2006. — 166 s.

2. Asanov R. Sh. Obespechenie prav lichnosti kak funkciya sledovatelya v ugovolnom processe : dis. ... kand. jurid. nauk. — Volgograd, 2021. — 299 s.

3. Nasonov A. A. Mery ugovolno-processual'nogo prinuzhdeniya, primenyaemye k licu, zaprashivaemому k vydache dlya ugovolnogo presledovaniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2017. — № 1. — S. 221—225.

4. Nasonova I. A., Zotova M. V. Doznanie v sokrashchennoj forme v rossijskom ugovolnom processe. — M. : Yurlitinform, 2017. — 224 s.

5. Kommentarij k Ugovolno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / otv. red. V. I. Radchenko; nauch. red. V. T. Tomin, M. P. Polyakov. — 2-e izd. pererab. i dop. — M. : Yurajt-izdat, 2006. — 1124 s.

6. Yashin S. V. Zashchita prav i zakonnyh interesov lichnosti v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam : dis. ... kand. jurid. nauk. — SPb, 2004. — 162 s.

7. Nikuradze N. O. Zashchita prav grazhdanskogo istca v ugovolnom processe : dis. ... kand. jurid. nauk. — Orenburg, 2017. — 232 s.

8. Nasonov A. A. Osnovaniya pojavleniya v rossijskom ugovolnom processe lica, vydacha koto-rogo zaprashivaetsya dlya ugovolnogo presledovaniya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Pravo. — 2016. — № 1 (24). — S. 241—250.

9. Nasonova I. A. Hodatajstva, zhaloby, otvody: skhodstva i razlichiya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2011. — № 1. — S. 34—38.

10. Fadeev P. V. Priznaki i ponyatie obespecheniya prav lichnosti v ugovolnom sudoproizvodstve // Rossijskaya yusticiya. — 2014. — № 3. — S. 32—34.

11. Fadeev P. V. Problemy obespecheniya prav lichnosti pri mezhdunarodnom sotrudnichestve po ugovolnym delam // Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. — 2013. — № 1. — S. 6—8.

12. Maksimov O. A. Hodatajstva i zhaloby kak forma vyrazheniya naznacheniya ugovolnogo sudoproizvodstva : dis. ... d-ra jurid. nauk. — Ul'yanovsk, 2022. — 595 s.

13. Nasonov A. A. Soglasie i ego realizaciya v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii: teoreticheskie osnovy, pravovoe regulirovanie i pravoprimenenie : dis. ... d-ra jurid. nauk. — Voronezh, 2025. — 655 s.

14. Miheenko M. M. Obespechenie uchastvuyushchim v dele licam prava na zashchitu

ih zakonnyh interesov kak princip sovetskogo uголовного processa // Problemy pravovogo statusa lichnosti v uголовном processe. — Saratov, 1981. — S. 54—55.

15. Uголовно-processual'nyj kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki (utv. Zakonom Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 14 iyulya 2000 goda № 907-IQ) (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 29.11.2024). — URL: <https://online.zakon.kz/Document/?doc> (data obrashcheniya: 28.07.2025).

16. Uголовно-processual'nyj kodeks Respubliki Belarus' ot 16.07.1999 № 295-3 (s izm. vstup. v silu 21.05.2025). — URL: <https://pravo.by/document/> (data obrashcheniya: 28.07.2025).

17. Uголовно-processual'nyj kodeks Respubliki Moldova ot 14 marta 2003 goda № 122-XV (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 19.06.2025). — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729 (data obrashcheniya: 28.07.2025).

18. Uголовно-processual'nyj kodeks Estonskoj Respubliki ot 12.02.2003 RT I 2003, 27, 166 (red. ot 22.02.2023). — URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?t> (data obrashcheniya: 28.07.2025).

19. Bezlepkina B. T. Kommentarij k Uголовно-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj). — M. : VITREM, 2002. — 832 s.

20. Nauchno-prakticheskiy kommentarij k Uголовно-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod obshch. red. V. M. Lebedeva; nauch. red. V. P. Bozh'ev. — 2-e izd. pererab. i dop. — M. : Yurajt-izdat, 2008. — 1181 s.

21. O praktike primeneniya sudami norm Uголовно-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, reglamentiruyushchih osnovaniya i poryadok vozvrashcheniya uголовного dela prokuroru: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17.12.2024 № 39 // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 28.07.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Насонова Ирина Александровна. Профессор кафедры уголовного процесса. Доктор юридических наук, профессор.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: nasonova-amelina@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Фадеев Павел Владимирович. Профессор кафедры предварительного расследования. Доктор юридических наук, доцент.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.

E-mail: fadeevpv2001@yandex.ru

Россия, 117997, Москва, Академика Волгина, 12, корп. 1.

Nasonova Irina Alexandrovna. Professor of the chair of Criminal Procedure. Doctor of Law, Professor. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: nasonova-amelina@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov 53.

Fadeev Pavel Vladimirovich. Professor of the chair of Preliminary Investigation. Doctor of Law, Associate Professor.

Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Ya. Kikot.

E-mail: fadeevpv2001@yandex.ru

Work address: Russia, 117997, Moscow, Akademika Volgina Str., 12, building 1.

Ключевые слова: возвратный механизм; возвращение прокурором уголовного дела следователю; возвращение судом уголовного дела прокурору; назначение уголовного судопроизводства; обеспечение прав личности; уголовное преследование; защитительная деятельность.

Key words: return mechanism; return of a criminal case by a prosecutor to an investigator; return of a criminal case by a court to a prosecutor; purpose of criminal proceedings; protection of individual rights; criminal prosecution; protective activities.

УДК 343.1

У. Н. Ахмедов, кандидат юридических наук, доцент
О. С. Павленко

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА
УЧАСТНИКАМ СУДОПРОИЗВОДСТВА
ПРИ ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ
И ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)
ПО ОСНОВАНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ОСОБЫМИ УСЛОВИЯМИ
ПРОХОЖДЕНИЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ**

**ON SOME ISSUES OF COMPENSATION FOR HARM
TO PARTICIPANTS IN LEGAL PROCEEDINGS DURING
THE SUSPENSION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION
AND TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION
IN RELATION TO A SUSPECT (ACCUSED) ON GROUNDS RELATED
TO THE SPECIAL CONDITIONS OF MILITARY SERVICE**

В статье анализируются вопросы, возникающие при реализации права потерпевшего на возмещение вреда по уголовным делам, предварительное следствие по которым приостановлено, либо если имеет место прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого) по основаниям, связанным с особыми условиями прохождения военной службы. На основе анализа положений современного законодательства, материалов судебно-следственной практики сформулирован авторский подход к содержанию понятия «вред, причиненный преступлением», выявлены проблемы, возникающие в процессуальной деятельности следователя (дознателя). Предложены конкретные законодательные изменения в части регламентации дополнительных условий освобождения подозреваемых (обвиняемых) от уголовной ответственности, сформулированы основы института предоставления бесплатной юридической помощи потерпевшим от преступных посягательств, предложены новые правовые механизмы возмещения вреда за счет денежного довольствия военнослужащего — участника СВО, а также за счет средств федерального бюджета.

The article analyzes issues arising in the implementation of the victim's right to compensation for damage in criminal cases, the preliminary investigation of which is suspended or if there is a termination of criminal prosecution against the suspect (accused) on the grounds related to special conditions of military service. Based on the analysis of the provisions of modern legislation, materials of judicial and investigative practice, the author's approach to the content of the concept of «harm caused by a crime» is formulated, problems arising in the procedural activities of the investigator (inquiry officer) are identified. Specific legislative changes are proposed in terms of regulating additional conditions for the release of suspects (accused) from criminal liability, the principles of the institution of providing free legal assistance to victims of criminal attacks are formulated, new legal mechanisms for compensation for damage at the expense of the monetary allowance of a military man participating in the special military operation, as well as at the expense of the federal budget are proposed.

С началом специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины (далее — СВО) в феврале 2022 г. значительным изменениям подверглись многие сферы общественной жизни. Государством были предприняты комплексные социально-экономические, законодательные, организационно-правовые меры,

направленные на укрепление военного потенциала российских войск, повышение уровня материальной и социально-правовой защищенности участников СВО и членов их семей.

Существенным преобразованиям подверглось и уголовное судопроизводство. В частности, Федеральным законом от 23 марта 2024 г.

№ 64-ФЗ (далее — ФЗ № 64) были установлены дополнительные основания освобождения лица от уголовной ответственности и уголовного наказания, а также погашения судимости в связи с призывом на военную службу, заключением контракта о прохождении военной службы либо ее прохождением в период мобилизации или в военное время. Кроме того, были введены соответствующие основания приостановления предварительного следствия и прекращения уголовного преследования в целом. Последние изменения нашли свое отражение в п. 3.1 ч. 1 ст. 208 и ст. 28.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1].

Так, в соответствии с новыми уголовно-процессуальными положениями предварительное следствие в отношении лица, совершившего преступление, может быть приостановлено при одновременном наличии следующих условий:

- совершившее преступление лицо проходит военную службу в период мобилизации или в военное время, либо призвано в указанные период или время на военную службу, либо заключило в указанные период или время контракт о прохождении военной службы;

- от командования воинской части поступило соответствующее ходатайство о приостановлении предварительного следствия.

В свою очередь, согласно ст. 28.2 УПК РФ, прекращение уголовного преследования в отношении указанной категории лиц возможно, если, помимо основных вышеизложенных оснований, соблюдены также дополнительные:

- преступление не относится к числу уголовно наказуемых деяний, отраженных в ч. 1 ст. 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), в том числе к преступлениям террористической направленности, преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершению диверсии и др.;

- лицо награждено государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы, либо уволено с военной службы на основании достижения предельного возраста пребывания на службе, либо по состоянию здоровья, а равно в связи с отменой военного положения, окончанием периода мобилизации и (или) истечением военного времени;

- в отношении данного лица предварительное следствие было прекращено на основании п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ;

- лицо не возражает против прекращения уголовного преследования;

- свое согласие на принятие соответствующего процессуального решения выразил прокурор.

В настоящее время новые законодательные положения активным образом применяются в судебно-следственной практике. В частности, постановлением Семилукского районного суда Воронежской области от 2 октября 2024 г. № 1-174/2024 гражданин А., обвиняемый в совершении умышленного преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, совершенного в сентябре 2023 г., был освобожден от уголовной ответственности. Так, 17 октября 2023 г. гражданин А. поступил на военную службу по контракту, в ходе прохождения военной службы проявил мужество, отвагу и самоотверженность, в связи с чем Указом Президента России от 16 апреля 2024 г. был награжден государственной наградой — медалью Суворова. Следовательно, возникло основание прекращения уголовного преследования в отношении гражданина А., предусмотренное п. «а» ч. 1 ст. 78.1 УК РФ [2].

В другом случае постановлением Аргаяшского районного суда Челябинской области от 18 ноября 2024 г. № 1-26/2024 гражданин Д., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, также был освобожден от уголовной ответственности, ввиду того что в период прохождения военной службы в зоне СВО был признан негодным к ее прохождению на основании заключения военно-врачебной комиссии по причине наличия у него заболевания печени, сердца, а также туберкулеза в закрытой форме, желание продолжить военную службу не изъявил и был уволен в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [3].

Представленные нормы демонстрируют относительную гуманизацию российской уголовной политики, выражают собой своеобразные «меры государственной компенсации» за понесенные гражданами в процессе охраны публичных национальных интересов риски и потери.

Исследователи С. А. Галактионов, А. В. Кулаков, В. Л. Афанасьевский полагают, что «возможность освобождения от уголовной ответственности стимулирует осужденных к заключению контракта о прохождении военной службы» [4. — С. 17].

В реальной следственной практике после разъяснения уполномоченным должностным лицом норм действующего законодательства, регламентирующего основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, многочисленные меры социально-правовой поддержки участников СВО и членов их семей, подозреваемые и обвиняемые зачастую принимают решение о подписании контракта с Министерством обо-

роны России, осознавая привлекательность высокого денежного довольствия, предоставляемых налоговых, трудовых, социальных и иных гарантий и льгот, а также исключительного шанса на прощение совершенного преступления.

Актуальность темы научной статьи обусловлена тем, что в современных условиях существуют законодательные и организационные проблемы возмещения вреда лицам, понесшим реальные имущественные и физические потери и испытывавшим моральные страдания в связи с совершением в отношении них преступных посягательств, в случаях, если подозреваемый (обвиняемый) по соответствующим уголовным делам согласился на сделку с правосудием.

В настоящее время нормы материального и процессуального уголовного права, а также сравнительно молодая судебная практика не содержат эффективных механизмов возмещения вреда потерпевшим от преступлений, уголовные дела по которым приостановлены или прекращены на основании п. 3.1 ч. 1 ст. 208 и ст. 28.2 УПК РФ соответственно. Отмечается явная нереализованность назначения уголовного судопроизводства, состоящего в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, которые оказываются вне области надлежущей государственно-правовой охраны.

Представляется, что данная проблема существенным образом подрывает авторитет правоохранительных органов в глазах жертв преступных посягательств, заметно снижает их доверие к органам предварительного расследования и правоохранительной системе в целом, в связи с чем она требует своевременных, целенаправленных, адекватных и действенных мер государственного реагирования. В рамках настоящей статьи предпринята попытка выработки основных законодательных, организационно-правовых и научно-практических методов повышения эффективности возмещения вреда лицам, потерпевшим от преступных посягательств участников СВО.

Первоочередное научно-практическое значение имеет определение содержания понятия «вред, причиненный преступлением». Рассматриваемая категория используется в российском гражданском, уголовном, уголовно-процессуальном, трудовом и иных отраслях права довольно широко. Например, в области регламентации уголовно-процессуальных отношений законодатель использует понятие «вред» в п. 34, 35 ст. 5 УПК РФ, п. 3.1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, устанавливающих особенности возмещения вреда, причиненного лицу, подвергнутому необоснованному уголовному преследованию (реабилитации), а также

в ст. 42, 44 УПК РФ, закрепляющих понятия потерпевшего и гражданского истца [5]. Так, согласно ст. 42 УК РФ вред, причиненный потерпевшему физическому лицу, может быть имущественным, моральным и физическим. В свою очередь, юридическое лицо претерпевает две формы вреда: вред имуществу и вред деловой репутации. Однако, что же понимается под названным выше вредом?

Единое легальное определение рассматриваемого понятия в российском законодательстве отсутствует, в силу чего возникает необходимость обращения к научно-правовой мысли и имеющимся источникам судебного толкования, поскольку исключительная ясность и точность закона являются необходимыми условиями его действительности и правильного безошибочного применения.

Согласно Определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 января 2015 г. № 81-КГ14-19 «О возмещении материального ущерба, причиненного преступлением», под вредом надлежит понимать «всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любые неблагоприятные изменения в охраняемом законом благе, которое может быть как имущественным, так и нематериальным (нематериальным)» [6].

Следовательно, для вреда, причиненного преступлением, характерны следующие признаки:

- представляет собой социально-негативный результат противоправного посягательства на охраняемые законом общественные отношения;
- выражается в имущественной, физической, либо иной нематериальной форме;
- влечет негативные последствия в виде умаления охраняемых законом различных материальных и нематериальных благ;
- является обязательным признаком потерпевшего, при этом для физического лица характерно причинение имущественного, физического и морального вреда, а для юридического — вреда имуществу и деловой репутации.

Вместе с тем в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве нередко используется понятие «ущерб». Например, согласно ст. 45 УПК РФ предусмотрена возможность отстранения законного представителя от участия в уголовном деле, «если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего потерпевшего». В свою очередь, в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ уголовное преследование в отношении лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, может быть прекращено с назначением судебного штрафа, «если это лицо возместило ущерб или

иным образом загладило причиненный преступлением вред». А в ст. 28.1 УПК РФ в целом дается определение возмещения ущерба, причиненного бюджетной сфере. В частности, оно рассматривается как «уплата в полном объеме недоимки, пеней и штрафов».

Анализ уголовного законодательства позволяет выделить следующие контекстные употребления этих понятий. Так, в п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ используется словосочетание «возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением». Кроме того, термин «вред» используется либо самостоятельно, либо в сочетаниях «вред здоровью человека», «моральный вред», «иной вред, причиненный преступлением», в то время как понятие «ущерб» наиболее часто рассматривается в квалифицирующих признаках «значительный ущерб», «крупный ущерб», «особо крупный ущерб», разграничиваемых по вещественно-материальному признаку и исчисляемых в денежном выражении.

Следовательно, представляется справедливым предложить соотносить понятия «вред» и «ущерб» как общее и частное. Вред есть всякое умаление охраняемого законом субъективного права или иного охраняемого законом материального или нематериального блага, определяемое в физическом, моральном или имущественном выражении, а также в умалении деловой репутации. Ущерб же есть исключительно вред имущественный, то есть негативные материально-экономические последствия преступления, имеющие денежную стоимостную оценку.

Аналогичное суждение содержится в результатах научного исследования Н. Е. Мартыненко, по мнению которого ущерб есть материальное выражение вреда, используемое в случаях, когда происходит уменьшение или уничтожение имущества [7. — С. 108].

Право потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, имеет важное значение и находится под охраной. Так, согласно ст. 52 Конституции Российской Федерации государство обеспечивает потерпевшим от преступлений доступ к правосудию, а также компенсацию причиненного им ущерба. Кроме того, согласно ст. 6 УПК РФ защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, является назначением уголовного судопроизводства.

Вопросы возмещения вреда решаются путем подачи гражданского иска. В частности, в соответствии со ст. 44 УПК РФ гражданский истец при наличии оснований полагать, что имущественный вред причинен ему преступлением,

вправе с момента возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия предъявить требование о возмещении данного имущественного вреда, а также об имущественной компенсации морального вреда.

В общем порядке законодатель предусматривает возможность разрешения гражданского иска в рамках уголовного дела. При этом в связи со ст. 160.1 УПК РФ следователь (дознатель) в случае, если совершенным преступлением причинен имущественный вред, незамедлительно принимает меры по установлению имущества подозреваемого (обвиняемого), стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного преступлением имущественного вреда, а также меры по наложению ареста на такое имущество.

Срок наложения ареста на имущество определяется в соответствии с требованиями ст. 115 УПК РФ. Вместе с тем в соответствии с п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» (далее — ППВС РФ № 23) «в случае удовлетворения гражданского иска арест на имущество, соразмерное удовлетворенным требованиям сохраняет свое действие вплоть до исполнения приговора в части гражданского иска». Вред, причиненный потерпевшему, подлежит возмещению в полном объеме. По общему правилу, гражданским ответчиком выступает обвиняемое лицо [8].

Однако возмещение вреда потерпевшим по уголовным делам, предварительное следствие по которым приостановлено на основании п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ или прекращено на основании ст. 28.2 УПК РФ, реализуется несколько иначе. В частности, в правоприменительной практике возникают следующие проблемы возмещения вреда.

Во-первых, в соответствии со ст. 3 упомянутого выше ФЗ № 64 все вопросы, связанные с возмещением вреда лицами, освобождаемыми от уголовной ответственности и наказания по рассматриваемым в настоящей научной статье основаниям, разрешаются исключительно в порядке гражданского судопроизводства [1]. Кроме того, согласно ч. 2 ст. 306 УПК РФ, п. 30 ППВС РФ № 23 при вынесении судом постановления о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию, в том числе в связи с призывом подозреваемого (обвиняемого) на военную службу, заключением им контракта о прохождении военной службы либо прохождением военной службы в период мобилизации или в военное время, гражданский иск в рамках уголовного дела остается без рассмотрения, при этом за потерпевшим остается право на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства.

Следовательно, потерпевший лишается эффективной судебной защиты, а назначение уголовного судопроизводства в части защиты прав потерпевших остается в целом нереализованным, что противоречит нормам, изложенным в ст. 52 Конституции РФ. В большей степени это отягощается тем, что, в отличие от согласия подозреваемого (обвиняемого) на прекращение в отношении него уголовного преследования в рамках ст. 28.2 УПК РФ, согласие потерпевшего и гражданского истца на принятие данного процессуального решения не требуется, в связи с чем они никак не могут повлиять на ход предварительного следствия (дознания). Иными словами, в этом обнаруживается некая односторонность уголовного процесса, нарушается принцип состязательности сторон защиты и обвинения, их равенства перед законом и судом.

Представляется, что необходимо внести изменения в ч.ч. 2 и 3 ст. 28.2 УПК РФ, а именно предусмотреть обязанность следователя (дознателя), суда до прекращения уголовного преследования разъяснять потерпевшему основания его прекращения, возникающие в связи с этим правовые последствия, а также право выражать согласие на прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого) либо возражать против такого решения. При этом возражение потерпевшего против прекращения уголовного преследования на основании ст. 28.2 УПК РФ делает невозможным принятие указанного процессуального решения.

Во-вторых, нерешенным является вопрос, обязан ли следователь (дознатель) при принятии решения о прекращении уголовного преследования на основании ст. 28.2 УПК РФ выносить постановление об отмене ареста, ранее наложенного на имущество подозреваемого (обвиняемого). Так, в отличие от ст. 110 УПК РФ, регламентирующей обязательную отмену меры пресечения в связи с подачей ходатайства командования воинской части о приостановлении производства по делу на основании п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, которое предшествует принятию соответствующего судебного решения в рамках ст. 28.2 УПК РФ, уголовно-процессуальное законодательство не регулирует вопросы, связанные с отменой или изменением в рассматриваемой ситуации такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что при принятии решения о приостановлении следствия на основании п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ следователи (дознатели) обычно оставляют без изменения вынесенное по делу постановление о наложении ареста на имущество, поскольку итоговое решение по делу еще

не принято, а производство по нему все еще может быть возобновлено. Другое дело, не всегда следователем (дознателем) правильно определяется срок наложения ареста на имущество, поскольку он является сложно прогнозируемым ввиду возможности военнослужащего продлевать заключенный им контракт о прохождении службы.

Полагаем, что при принятии решения о наложении ареста на имущество следователь (дознатель) должны исходить из первоначального срока заключенного контракта о прохождении службы, обеспечивать в течение всего этого срока соблюдение наложенной меры процессуального принуждения, условия хранения имущества, подвергнутого аресту. При этом командование воинской части обязано своевременно информировать следователя (дознателя) обо всех изменениях прохождения подозреваемым (обвиняемым) военной службы, в том числе его гибели, заключения контракта на новый срок, откомандирования в распоряжение командования иной воинской части и других обстоятельствах, имеющих значение для принятия процессуальных решений по приостановленному уголовному делу.

В-третьих, потерпевшие сталкиваются с проблемой необходимости несения издержек, связанных с подачей и рассмотрением гражданского иска. Действительно, в соответствии со ст. 333.36 Налогового кодекса РФ подача иска о возмещении имущественного и (или) морального вреда, причиненного преступлением, является основанием освобождения истца от уплаты государственной пошлины [9]. Однако это не отменяет того, что первоначально все процессуальные издержки, связанные с рассмотрением гражданского дела и предусмотренные ст. 94 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ), несет именно гражданский истец [10]. Это является одной из причин, по которым потерпевшие редко обращаются за помощью к правосудию. Так, даже если судебное решение по гражданскому делу будет вынесено в пользу истца, процедура взыскания с ответчика причитающихся истцу сумм обычно затягивается на продолжительное время, исчисляемое годами.

Кроме того, в связи с необходимостью правильного составления гражданского иска о возмещении вреда, причиненного преступлением, а также отсутствием юридических знаний потерпевшие вынуждены обращаться за юридической помощью к адвокатам или иным лицам, ее оказывающим. Такие услуги также не являются бесплатными и налагают серьезное бремя на потерпевших, пытающихся защитить свои нарушенные права.

Полагаем, что частичное решение данной проблемы может быть достигнуто путем закрепления в ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи» в качестве отдельной категории лиц, имеющих право на предоставление бесплатной юридической помощи, «граждан, которым в результате совершения преступления причинен имущественный, физический или моральный вред». Юридическая помощь таким лицам должна оказываться на безвозмездной основе во всех своих видах, в том числе путем правового консультирования в устной и письменной форме, представления интересов граждан в судах, составления жалоб, документов, ходатайств и иных документов правового характера, в том числе гражданского иска [11]. Это позволит снизить финансовую нагрузку на потерпевших от преступлений и в то же время станет одним из элементов реализации конституционного права потерпевших на компенсацию причиненного преступлением вреда.

Вместе с тем в целях своевременного обеспечения прав потерпевших, гражданские иски которых о возмещении вреда, причиненного преступлением, были удовлетворены, возможно предусмотреть следующие правовые механизмы:

- обращение взыскания на денежное довольствие военнослужащего — участника СВО, отличающееся своим высоким уровнем и выступающее в качестве материального поощрения защиты государственных интересов;

- в случае отсутствия возможности своевременного и полного взыскания денежных средств с виновного лица — путем возмещения причиненного преступлением вреда за счет средств федерального бюджета с возможностью дальнейшего взыскания указанных средств с преступника в пользу государства в регрессном порядке.

Отдельного внимания заслуживает возможность потерпевшего при составлении иска о возмещении вреда, причиненного преступлением, адресовать свои требования не военнослужащему — участнику СВО, а Российской Федерации. Так, в июне 2024 г. гражданин А. обратился в Керченский городской суд Республики Крым с иском о взыскании с Российской Федерации за счет государственной казны морального вреда, который он испытал в связи с совершением в отношении него со стороны Б. покушения на убийство путем производства выстрела из огнестрельного оружия. В результате произведенного выстрела гражданин А. получил ранения кишечника и мочеоточника, квалифицированные как опасные для жизни и здоровья. Уголовное преследование в отношении Б. было прекращено на основании,

предусмотренном ч. 1 ст. 28.2 УПК РФ. Исковые требования гражданина А. о взыскании с РФ в лице главного распорядителя бюджетных средств за счет казны РФ компенсации морального вреда были удовлетворены [12].

Думается, что такая практика является вполне оправданной и необходимой. В действительности в настоящее время существует проблема, которую многие научные исследователи называют «конфликтом частных и публичных интересов» [13]. Действительно, прохождение военной службы в период военного времени, мобилизации имеет важное значение для защиты национальной безопасности государства, противодействия экзистенциальным угрозам его существования. В связи с этим принимаются меры по стимулированию прохождения гражданами военной службы, в том числе уголовно-правовые. Вопросы возмещения вреда лицам, потерпевшим от преступлений участников СВО, относятся к сфере частных интересов, однако это не умаляет их важность для обеспечения стабильности и безопасности общественных отношений.

Краеугольным вопросом является также вопрос о целесообразности безусловного освобождения лиц от уголовной ответственности по данному основанию. Думается, наиболее справедливым было бы дополнение ч. 1 ст. 78.1 УК РФ указанием на то, что при наличии указанных в настоящей статье оснований лицо освобождается от уголовной ответственности только при условии, «если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред». Такое законодательное нововведение позволит избежать проблем, связанных с возмещением вреда потерпевшему. Представляется, что способами реализации добровольного возмещения вреда могут послужить возмещение такого вреда в полном объеме либо заключение между подозреваемым (обвиняемым), с одной стороны, и потерпевшим, с другой стороны, договора о возмещении вреда (например, путем отчислений определенной суммы денежных средств из получаемого военнослужащим денежного довольствия либо иным путем).

Таким образом, сегодняшний институт возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, в случаях приостановления предварительного следствия на основании п. 3.1. ч. 1 ст. 208 УПК РФ, а равно прекращения уголовного преследования на основании ст. 28.2 УПК РФ нуждается в надлежащем организационно-правовом обеспечении и восполнении существующих законодательных пробелов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 13. — Ст. 1687.
2. Постановление Семилукского районного суда Воронежской области от 02.10.2024 № 1-174/2024. — URL: <https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=98004747> (дата обращения: 11.05.2025).
3. Постановление Аргаяшского районного суда Челябинской области от 18.11.2024 № 1-26/2024. — URL: <https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=98004742> (дата обращения: 07.05.2025).
4. Галактионов С. А., Кулаков А. В., Афанасьевский В. Л. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу (ст. 78.1 УК РФ) // Вестник Самарского юридического института. — 2024. — № 5 (61). — С. 14—18.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
6. О возмещении материального ущерба, причиненного преступлением : определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.01.2015 № 81-КГ14-19 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Мартыненко Н. Э. Понятия «вред» и «ущерб» и их уголовно-правовая оценка // Труды Академии управления МВД России. — 2020. — № 2 (54). — С. 103—109.
8. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 32. — Ст. 3340.
10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
11. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6725.
12. Решение Керченского городского суда Республики Крым от 22.10.2024 № 2-1989/2024. — URL: <https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=98004748> (дата обращения: 12.05.2025).
13. Дежнев А. С., Павлов А. В. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в условиях прохождения подозреваемым либо обвиняемым военной службы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2024. — № 3 (56). — С. 129—134.

REFERENCES

1. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 23.03.2024 № 64-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2024. — № 13. — St. 1687.
2. Postanovlenie Semiluksskogo rajonnogo suda Voronezhskoj oblasti ot 02.10.2024 № 1-174/2024. — URL: <https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=98004747> (data obrashcheniya: 11.05.2025).
3. Postanovlenie Argayashskogo rajonnogo suda Chelyabinskoy oblasti ot 18.11.2024 № 1-26/2024. — URL: <https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=98004742> (data obrashcheniya: 07.05.2025).
4. Galaktionov S. A., Kulakov A. V., Afanas'evskij V. L. Aktual'nye voprosy osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti v svyazi s prizyvom na voennuyu sluzhbu (st. 78.1 UK RF) // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. — 2024. — № 5 (61). — S. 14—18.
5. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2001. — № 52 (ch. I). — St. 4921.
6. O vozmeshchenii material'nogo ushcherba, prichinennogo prestupleniem : opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda RF ot 27.01.2015 № 81-KG14-19 // SPS «Konsul'tantPlyus».
7. Martynenko N. E. Ponyatiya «vred» i «ushcherb» i ih ugolovno-pravovaya ocenka // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. — 2020. — № 2 (54). — S. 103—109.
8. O praktike rassmotreniya sudami grazhdanskogo iska po ugolovnomu delu : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 13.10.2020 № 23 // SPS «Konsul'tantPlyus».
9. Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 05.08.2000 № 117-FZ (red. ot

28.12.2024, s izm. ot 01.04.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2000. — № 32. — St. 3340.

10. Grazhdanskiy processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 01.04.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2002. — № 46. — St. 4532.

11. O besplatnoj yuridicheskoy pomoshchi v Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 324-FZ (red. ot 01.04.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2011. — № 48. — St. 6725.

12. Reshenie Kerchenskogo gorodskogo suda Respubliki Krym ot 22.10.2024 № 2-1989/2024. — URL: <https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=98004748> (data obrashcheniya: 12.05.2025).

13. Dezhnev A. S., Pavlov A. V. Vozmeshchenie vreda, prichinennogo prestupleniem, v usloviyah prohozhdeniya podozrevaemym libo obvinyaemym voennoj sluzhby // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2024. — № 3 (56). — S. 129—134.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахмедов Ульви Низами оглы. Доцент кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: Ulvi27@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Павленко Ольга Сергеевна. Научный сотрудник научно-исследовательского отдела.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: olinon@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Akhmedov Ulvi Nizami ogli. Associate Professor of the chair of Criminal Proceedings. Candidate of Law, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: Ulvi27@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Pavlenko Olga Sergeevna. Researcher of the Research Department.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: olinon@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; прекращение уголовного преследования; приостановление предварительного следствия; призыв на военную службу либо заключение контракта о прохождении военной службы; потерпевший, возмещение вреда.

Key words: criminal proceedings; termination of criminal prosecution; suspension of preliminary investigation; conscription or conclusion of a contract for military service; victim, compensation for harm.

УДК 343.1

А. Н. Белоусова, кандидат юридических наук, доцент

МЕХАНИЗМ ДЕСТРУКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ НА ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

THE MECHANISM OF DESTRUCTIVE INFLUENCE OF INFORMATION RESOURCES ON THE BEHAVIOR OF MINORS

В последние несколько десятилетий эволюция общества протекает в условиях нарастающей цифровизации. Необходимость и незаменимость инфотелекоммуникационных технологий в повседневной бытовой жизни и профессиональной деятельности теперь обуславливают беззащитность любого пользователя перед массовостью, динамизмом и напором информационного влияния.

Технические характеристики, доступность, простота восприятия, отсутствие интеллектуальных, физических и материальных вложений, продолжительность влияния превращают информационные ресурсы в институт социализации. Среди всех групп населения его влияние наиболее заметно на несовершеннолетних. Оно проявляется в соматическом недомогании, физиологических нарушениях, нравственных деформациях и психологических проблемах. Объем, динамизм, постоянство влияния и невозможность отказаться от информационных ресурсов (по объективным и субъективным причинам) обуславливают виктимизацию, деструктивный контент порождает криминогенное поведение. В этой связи информационные ресурсы оказывают в равной степени и виктимогенное и криминогенное влияние.

In the last few decades, the evolution of society has been taking place in the context of increasing digitalization. The necessity and irreplaceability of information and telecommunication technologies in everyday life and professional activities have now made any user vulnerable to the mass, dynamism, and pressure of information influence.

The technical characteristics, accessibility, ease of perception, lack of intellectual, physical, and material investments, and duration of influence have transformed information resources into an institution of socialization. Among all population groups, its influence is most noticeable on minors. It manifests itself in somatic malaise, physiological disorders, moral deformities, and psychological problems. The volume, dynamism, and constant influence of information resources, as well as the inability to refuse them (for both objective and subjective reasons), lead to victimization, and destructive content generates criminal behavior.

Развитие современного общества невозможно без наращивания потенциала его социальных институтов. Базовые социальные структуры семьи и брака, образования, религии реализуют функцию социализации. Их роль в поиске собственного «Я», определении смысла жизни, направлении развития личности, постановке жизненных целей и способов их достижения, в обеспечении психологической поддержкой в первую очередь молодого поколения неопределима.

Молодежь составляет безусловную основу созидания общества. Именно она обеспечивает поступательное движение государства во всех сферах экономического и социального существования. Дети, подростки, несовершеннолетние — не просто биологический ресурс нации. Благодаря высокой адаптивности, обучаемости, восприимчивости они определяют вектор развития государства. От их повседневного привычного

поведения, образа жизни, личностных качеств зависит благополучие общества и государства. Закономерно, что в соответствии с Основным законом дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. В этой связи будущее общественного благополучия, процветание и развитие многонационального народа России зависит от мировоззрения, ценностей, нравственных ориентиров, духовных стержней и моральных столпов подрастающего поколения.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (Росстата), из 146,1 млн человек населения страны пятую часть составляют несовершеннолетние. Это одна из наиболее подвижных, развивающихся частей общества, которую рассматривают как мобилизационный ресурс социально-экономической и политической активности. Но как бы ни было парадоксально, это

наиболее зависимая по своему социальному и правовому положению категория населения. Поэтому характер и содержание поведения несовершеннолетних, которые остро реагируют на происходящие изменения, следует рассматривать не только как результат политики государства, но и как перспективы этой политики. В этой связи всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие детей и подростков, воспитание в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим является залогом эффективного развития государства.

Результат правильной социализации напрямую зависит от учета психофизиологических качеств личности и условий ее реализации. В современной обстановке повсеместной цифровизации социализация подростков проходит с использованием и под воздействием информационно-телекоммуникационных технологий. Согласно данным «Лаборатории Касперского» за 2024 г., почти все дети России (92%) пользуются мессенджерами. При этом популярность выросла среди младших школьников (82% детей 7—10 лет, а в 2022 г. таких было 72%). Дети в возрасте от 3—6 лет пользуются сетью Интернет в 83% [1].

Несовершеннолетние легко откликаются на все новации в сфере высоких технологий и являются активными пользователями информационных ресурсов. Последние уникальны не только своими техническими характеристиками, которые делают их орудием, средством или способом совершения преступлений, но и особыми социальными системообразующими признаками, влияющими на состояние культурной, образовательной, духовной, политической, экономической жизни общества, его безопасности [2]. Но от этого их криминогенный потенциал не становится слабее. Преступления, совершенные с использованием информационных технологий, продолжают оставаться одним из самых распространенных видов противоправных деяний. Так, в период с января по декабрь 2024 г. совершено 765 тыс. «киберпреступлений», что на 13,1% больше, чем за аналогичный период 2023 г. В общем количестве совершаемых преступлений в 2022 г. их доля составила 25,8 %, в 2023 г. — 34,1%, в 2024 г. — 39,9%.

Помимо рисков, существующих в реальной жизни, появились виртуальные источники опасности. По данным ВЦИОМ, 58% россиян убеждены, что современные несовершеннолетние живут в более опасное время, чем они. Среди всех угроз респонденты (57%) на первое место поставили влияние гаджетов и компьютеров; на второе (43% опрошенных) — опасность употребления наркотических средств, психотропных веществ;

на третье (39% опрошенных) — травлю, проявления жестокости, агрессии со стороны сверстников [3].

Информационное пространство выступает одновременно и фактором социализации, и фактором криминализации, и фактором виктимизации. Оно формирует эмоционально-волевую, коммуникативную и мотивационную сферу личности и в то же время создает обстановку выбора определенной линии поведения. Последняя при социальной незрелости, незавершенном интеллектуальном развитии подростков, отсутствии четких моральных принципов в массовом потоке разнохарактерной информации способна склониться в сторону криминогенных проявлений. Следовательно, необходимо четкое понимание алгоритма взаимосвязи психофизиологических особенностей несовершеннолетнего возраста и киберпространства, а также их взаимовлияния на генезис поведения подростков.

Несовершеннолетие как этап социализации личности представляет собой единство биологического (генетических задатков и физиологических процессов) и социального (нравственных характеристик личности и микросоциального окружения).

В основе поведения и реакций подростков лежат биологические и физиологические особенности, связанные со становлением организма. Физиология подростка характеризуется слабостью и незавершенностью развития, несформированностью клеток, тканей, органов, организма как системы. Физическая слабость определяет низкие волевые свойства и обуславливает беззащитность, беспомощность, неспособность сопротивляться или противостоять внешним воздействиям, в том числе и взрослым лицам.

Важнейшим биологическим процессом формирования личности является половое созревание. Это время гормональной перестройки всех систем организма, подготовки его к новому этапу жизни. Изменение гормонального статуса определяет важные перемены в организме ребенка, связанные с интенсивностью и неравномерностью развития всех органов и систем [4]. Так, быстрый рост костно-мышечной системы обуславливает нарушение пропорций тела и координации движений; неравномерное развитие внутренних органов способствует скачкам артериального давления, учащенному сердцебиению, одышке, головным болям и т. п. Состояние соматического недомогания у подростков характеризуется не просто дискомфортом. Слабость и утомляемость повышают восприимчивость организма к действию различных внешних факторов, и следовательно, снижается его сопротивляемость к ним. Это делает несовершеннолетнего беззащитным перед

внешними обстоятельствами, которые в сложившихся условиях можно рассматривать как угрозы нормальному развитию. В современных реалиях таким внешним обстоятельством выступает интернет-пространство. С. А. Сашенков выделяет коммуникативные (связанные с процессом получения и передачи информации) и контентные (содержательные) формы его влияния [5].

Негативные последствия первой группы факторов были выявлены относительно быстро, т. к. быстро проявились и имели осязаемые результаты — ухудшение физического здоровья. Постоянное пользование гаджетами увеличивает время и степень интенсивности воздействия электромагнитного излучения, что вызывает повышенную утомляемость, нарушение режима сна и функций щитовидной железы, изменение кровяного давления, падение остроты зрения, повышение порогов чувствительности. Свет их экранов препятствует выработке мелатонина, что снижает общее самочувствие и может нарушить циркадные ритмы сна и привести к бессоннице. Нефизиологичное положение тела во время использования технических устройств влечет искривление позвоночника, округлая спина снижает емкость легких, а уменьшение количества вдыхаемого кислорода увеличивает нагрузку на сердце [6]. Увеличивается вероятность суставных и мышечных болей, связанных с гиподинамизмом.

В период полового созревания система регуляторов поведения несовершеннолетних физиологически нарушается. Изменяется привычное соотношение таких важных психофизиологических процессов, как возбуждение и торможение, поведение их отличается крайним напряжением, нестабильностью и непредсказуемостью [4]. Пользователи интернет-пространства теряют контроль за своим состоянием, пропускают приемы пищи или не обращают внимание на ее форму и качество (перекусы), что способно изменить пищевые привычки и вызвать желудочно-кишечные расстройства. Глубокое погружение в виртуальное пространство дестабилизирует упорядоченный уклад жизни. Ребенок перестает обращать внимание на свой внешний вид, окружающую домашнюю обстановку, семейные проблемы, отказывается от общения с друзьями и близкими.

Ядро поведения подростка составляют генетические и физиологические особенности нервной системы, формирующей психические особенности личности. Ее слабость и неразвитость в подростковом возрасте обуславливает низкие интеллектуальные качества, которые при отсутствии жизненного опыта способствуют непониманию обстановки и происходящих событий. У пользователей сети Интернет отмечается изменение когнитивных свойств, снижение интеллекта и

внимания, ухудшение памяти (т. к. в ней отпадает необходимость) [7, 8], потеря интереса к социально-значимой и полезной информации, способности к логическому мышлению, невозможность сосредоточиться. Такой результат информационного воздействия получил название «клиповое мышление» [9]. Кроме того, большой поток информации и необходимость/невозможность ее осмыслить приводит к общему перенапряжению нервной системы, снижению зрительной работоспособности, концентрации внимания, а они, в свою очередь, предшественники неврозов, судорожных состояний, депрессий.

Физиологические особенности нервной системы определяют особую яркость восприятия окружающей действительности, впечатлительность и эмоциональность подростков. И если в обычных условиях они проявляются в резкой смене настроения и напряженности переживаний, то под воздействием интернет-пространства вспыльчивость и обидчивость трансформируются в психопатии, неврозы и тревожные расстройства, завышенная самооценка при отсутствии комментариев или их негативный контекст в сети Интернет — в депрессию. Так, выявлена связь злоупотребления активностью в социальных сетях с психическими расстройствами, в том числе — депрессиями, тревожными расстройствами, самоповреждающей и суицидальной активностью, расстройствами пищевого поведения» [10], которые делают подростков более уязвимыми перед неблагоприятным влиянием окружающей действительности, в том числе неспособными защитить себя от преступных действий в интернет-пространстве.

Физическое развитие, безусловно, определяет и развитие психическое, а оно обуславливает изменение нравственных ориентиров. Именно они определяют эффективность социализации. В этот период взгляды несовершеннолетних не сформированы, жизненные и нравственные цели туманны, они толком не знают чего хотят, поэтому противоречивы и не уверены в суждениях и поступках. При недостаточности знаний и жизненного опыта, несформированности взглядов жизненные ценности, цели и способы их достижения смещаются в сторону психологического комфорта и сиюминутных наслаждений [4]. Но в условиях транслирования красивой жизни блогеров и звезд, выставляющих в социальных сетях фотографии, показывающие высокий уровень жизни, с уверенностью можно говорить не просто о снижении самооценки подростков, а о психологическом самоуничижении. Все увиденное на экране недоступно ни в социальном, ни в правовом поле. Состояние нереализованных и недостижимых, не только в настоящий момент, но и

в будущем, транслируемых стандартов создает стрессовую обстановку, как основу депрессии [11].

Повсеместное внедрение инфотелекоммуникационных технологий коренным образом изменило условия детства. Становление личности происходит в условиях информатизации, цифровизации и сетевизации общества. Последние воздействуют на разум, волю, эмоциональное состояние, отучая от критического мышления, от стремления к познанию истины. Ранее мы писали об особенностях виктимизации несовершеннолетних и криминогенных характеристиках информационного пространства [12, 13]. Однако хотелось бы обратить внимание на содержательные характеристики информации.

Интернет-пространство переполнено информацией, что само по себе вызывает дезориентацию, но оно насыщено и информацией деструктивного характера, причиняющей вред физическому, психическому и нравственному развитию несовершеннолетних, с примерами девиантного и аддиктивного поведения. Такой контент формирует определенную модель поведения, которое в равной степени определяет и виктимогенный, и криминогенный потенциал подростков. С полной уверенностью можно говорить о вредоносном характере, о разрушающем потенциале нежелательной информации. Так, к ней можно отнести:

- собственно деструктивную информацию, причиняющую вред здоровью и развитию несовершеннолетних (по вовлечению в экстремистские, террористические, насильственные, иные радикальные и противоправные группы («Колумбайн», «АУЕ», «МКУ» и т. д.); суицидально-депрессивный контент, видео суицидов, жестоких убийств [14];

- недостоверную информацию, манипулирующую общественным сознанием (дезинформация о прививочной кампании, о действиях российских военных, фальсифицированные факты);

- информацию, размывающую традиционные российские духовно-нравственные ценности, насаждающую культ насилия, дискутирующую о статусе наркотических средств, значимости института брака, разжигающую межнациональную и межконфессиональную рознь и т. д.;

- аморальные публикации, идеологии гедонизма, свободных сексуальных отношений, сатанизма, зоофилии, педофилии;

- непристойные сведения (в том числе нецензурная брань, оскорбление, дискредитация, информация порнографического характера) [15].

По оценкам различных исследовательских групп, количество российских интернет-пользователей, вовлеченных в каналы распространения деструктивной информации, составляет 5—

10 миллионов. Данные показатели пропорциональны 3—7% от общего числа пользователей Рунета (общее число пользователей сети Интернет составляет 130 миллионов [16, 17, 18]).

Частота и длительность трансляции новоявленных ценностей и норм приводит к тому, что незрелые и находящиеся в постоянной оппозиции подростки берут их за безусловные образцы поведения.

Постоянство публикации такого контента свидетельствует о целенаправленности действий в информационном пространстве по разрушению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, блокировке восприятия культурного и исторического наследия народа России, подрыву культурного суверенитета Российской Федерации. Размывание фундаментальных понятий о мире, о добре, о зле, о любви, о совести, о памяти, о долге в современном мире называют ментальной войной [19]. Такая форма воздействия на общество — не просто угроза национальной безопасности, ее с полной уверенностью можно назвать войной за будущее, войной за разум наших детей [20].

Важными результатами социализации являются навыки общения. Однако они в виртуальном пространстве искажаются. Коммуникация с внешним миром осуществляется не выходя из дома, не придерживаясь правил и норм поведения, без контроля со стороны родителей или наставников, без моральной ответственности за ее содержание. Такая форма общения позволяет избежать трудностей реальной жизни, но не учит их преодолевать. Кроме того, это самый быстрый и доступный способ удовлетворения потребности в самовыражении. Так, вольная интерпретация, неумелое использование или использование во вредных целях, по мнению В. Э. Разуваева, превращает нейтральную информацию в деструктивную [21]. Считаем, что создание деструктивной информации выступает одной из форм рискованного или протестного поведения.

Об этом пишет и К. А. Шуликов, определяя деструктивность информации не через ее контент, а через технологические свойства вирусного распространения, характеризующиеся возможностью каждого пользователя создавать какие-либо информационные материалы, доступные для потребления неопределенным кругом лиц; применением PR-технологий, влиянием экономических инструментов социальных сетей, механизмов приоритизации (системы рекомендаций, трендов, интересных событий и т. д.), быстрой информационной реакцией пользователей на социально значимые события, слабой модерацией и верификацией размещаемой информации, ее трансграничным характером.

Безусловно, эти признаки гиперболизируют возможности оказания информационно-психологического воздействия на потребителей информации [22]. А. С. Лариошин, опираясь на основы языкознания, выявил технологию превращения нейтральной объективной (когнитивной, по А. С. Лариошину) информации в субъективную, т. е. эмоционально окрашенную, которая при обретении побуждающих средств (императивная информация) превращается в деструктивную [23]. В результате недостаточного профессионализма авторов, незнания массово-коммуникативных закономерностей, непродуманных последствий публикаций о криминале, игнорирования психологических особенностей восприятия информации несовершеннолетними социализационная функция превращается в ее противоположность — десоциализационную дисфункцию или вызывает дисфункциональный эффект [24]. Исследователи сходятся в главном — деструктивность информации зависит от ее направленности на затруднение, предотвращение или оказание негативного воздействия на формирование необходимых государству и обществу ценностных ориентиров. Таким образом, внедряемая в сознание информация, оценки, суждения принимаются без понимания сути. Их противоречие с устоявшимися мнениями и взглядами взрослой части населения, родителей не просто вызывает чувство протеста, их поддержание и есть сам протест.

Протестные настроения в несовершеннолетнем возрасте выступают единственным действенным способом заявить о своем «Я». Протест дает ощущение смысла жизни, одобряет приоритет личных интересов, оправдывает любые способы удовлетворения сиюминутных удовольствий. Но при этом протест, тем более выраженный в категоричной форме, присущей юношескому максимализму, свидетельствует о неумении разрешить проблему, о социальной незрелости. Возрастная же оппозиция при отсутствии нравственно-патриотического воспитания продуцирует зарождение криминальных взглядов и способна перерасти в криминальную [25].

Рискованное поведение выступает одной из форм реализации протеста и в то же время формой самоактуализации. Несовершеннолетними движет стремление к переменам, интерес к новому и неизвестному, к приключениям, желание попробовать свои силы, испытать себя и тем самым самоутвердиться. Но при отсутствии четкого нравственного ориентира, в состоянии подростковой противоречивости, противопоставлении своих взглядов стереотипам жизни взрослых подростки чаще всего выбирают социально неодобряемые формы поведения (сексуальная активность, употребление психоактивных веществ, фанатские движения, крайне необычные виды деятельности). К последним относится и противоправная деятельность, которая не просто включает риск, она сама создает экстремальные ситуации, поощряет успешное их преодоление, привлекает внимание, шокирует и раздражает [14, 26].

Однако мы должны понимать, что при интеллектуальной несостоятельности и социальной незрелости подростки оказываются в положении жертвы чаще, чем бы нам этого хотелось или говорит статистика (чуть более 110 тыс. человек). Специфические биогенетические особенности несовершеннолетних под влиянием эффективных технологических и содержательных факторов способствуют изменению их поведения и психики, виктимизации и обуславливают криминализацию. В этой связи нельзя не согласиться с П. А. Кабановым, считающим, что причины виктимизации несовершеннолетних в киберпространстве отличаются от общих причин их виктимизации, а потому выработка мер по снижению криминальной виктимности несовершеннолетних в информационном пространстве требует разработки специфических мер [27].

Детальное рассмотрение механизма влияния цифровизации на поведение несовершеннолетних позволит глубже исследовать процесс их виктимизации, своевременно предупреждать зарождение криминогенных качеств личности и формировать социально-значимые.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сиденко А. Г. Взрослые и дети в интернете : аналитический отчет — URL: https://kids.kaspersky.ru/files/13443_Brochure_Kid.s.pdf.
2. Кузнецова Е. В. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Курск, 2019. — С. 3.
3. От чего нужно защищать современных детей? — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor>
4. Щеголева А. Н. Механизм использования криминальной субкультурой психофизиологических особенностей несовершеннолетнего возраста // Вестник Воронежского института МВД России. — 2019. — № 2. — С. 263—270.

5. Сашенков С. А. Криминогенное влияние социальных сетей на несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. — 2015. — № 3. — С. 215—219.
6. Влияние технологий на здоровье. — URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/pre-emptive-safety/impacts-of-technology-on-health>
7. Исследование: социальные сети влияют на наше здоровье. — URL: <https://vc.ru/id3312150/1190630>
8. Смирнова А. А., Синогина Е. С. Влияние компьютера и сети Интернет на физическое и психическое состояние школьника // Народное образование. — 2017. — № 2. — С.199—204.
9. Гуцко Е. Физиологические и психологические характеристики виктимности несовершеннолетних жертв преступных посягательств, совершаемых с использованием сети Интернет // Законность и правопорядок. — 2024. — № 2. — С. 50—54.
10. Пережогин Л. О. Влияние социальных сетей на психическое здоровье детей и подростков // Психическое здоровье. — 2022. — № 17 (5). — С. 45—54.
11. Сердюкова Е. А. Влияние интернета и социальных сетей на жизнь современного человека. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n>
12. Белоусова А. Н., Кулешова В. В. Виктимогенный механизм совершения преступлений в отношении несовершеннолетних с использованием социальных сетей и мессенджеров // Вестник Воронежского института МВД России. — 2024. — №1. — С. 186—192.
13. Жмуров Д. В. Факторы кибервиктимизации // Академический юридический журнал. — 2021. — Т. 22, № 3. — С. 268—276.
14. Противодействие распространению криминальной субкультуры среди несовершеннолетних / Р. Б. Иванченко, О. А. Садыкова, А. Н. Щеголева [и др.]. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2018. — С.18.
15. Рыдченко К. Д. Административная ответственность за оборот вредоносной информации накануне третьей кодификации административно-деликтного законодательства // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. — 2019. — № 5-1. — С. 249—252.
16. Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных сетях // Ежедневное онлайн-издание D-russia.ru. — URL: <https://drussia.ru/wp-content/uploads/2019/03/tsifrovaya-gigiena.pdf?ysclid=19x614evs5666833911>.
17. Более 10 млн детей в России подписаны на деструктивные группы и сообщества в интернете // Информационное агентство «ТАСС». — URL: <https://tass.ru/obschestvo/15758099?ysclid=19cqfs79t5329120456>
18. Капранов О. Чернышенко: 90% населения России являются пользователями интернета // Российская газета. — 28.09.2022. — URL: <https://rg.ru/2022/09/28>
19. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. — 2021. — № 8. — С. 19—33.
20. Тимошина Е. М. Деструктивная информация в цифровом пространстве как инструмент организованной преступной деятельности против России. — URL: <http://https://crimas.ru/wp-content/uploads/2022/09/statya-na-RKA>
21. Разуваев В. Э. Правовые средства противостояния информационным войнам : автореф. дис. ... канд. юр. наук. — М. : Институт государства и права РАН, 2007. — С.13.
22. Шуликов К. А. Деструктивный контент: понятие, административно-правовая характеристика, виды // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2023. — № 2. — С. 176—182.
23. Лариошин А. С. Формирование у обучающихся устойчивости к деструктивной информации // Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции «Экономика, управление, общество: история и современность». — Хабаровск, 2019. — С. 372—380.
24. Горшенков А. Г., Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. Преступник и жертва как элементы преступления: криминологический анализ // Виктимология. — 2024. — Т. 11. — № 2. — С. 199—209.
25. Белоусова А. Н., Шевцова К. А. Современное состояние участия несовершеннолетних в преступлениях, посягающих на общественный порядок // Вестник Воронежского института МВД России. — 2022. — № 1. — С. 124—130.
26. Дашкова С. В., Никифорова Г. Ф. Экстремальные формы социального протеста // Исторические, политические и юридические науки, культурология и естествознание: вопросы теории и практики. — 2014. — № 10 (48). — Ч. 1. — С. 62—67.
27. Кабанов П. А. Криминальная виктимность несовершеннолетних от имущественной киберпреступности: анализ статистических показателей и перспективы формирования ювенальной кибервиктимологии // Виктимология. — 2024. — Т.11. — № 3. — С. 359—366.

REFERENCES

1. Sidenko A. G. Vzroslye i deti v internete: analiticheskij otchet — URL: https://kids.kaspersky.ru/files/13443_Brchure_Kids.pdf.
2. Kuznecova E. V. Preduprezhdenie delinkventnogo povedeniya nesovershennoletnih, produciruemogo kontentom seti Internet : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Kursk, 2019. — S. 3.
3. Ot chego nuzhno zashchishchat' sovremennyh detej? — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor>
4. Shchegoleva A. N. Mekhanizm ispol'zovaniya kriminal'noj subkul'turoj psihofiziologicheskikh osobenostej nesovershennoletnego vozrasta // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2019. — № 2. — S. 263—270.
5. Sashenkov S. A. Kriminogennoe vliyanie social'nyh setej na nesovershennoletnih // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2015. — № 3. — S. 215—219.
6. Vliyanie tekhnologij na zdorov'e. — URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/preemptive-safety/impacts-of-technology-on-health>
7. Issledovanie: social'nye seti vliyayut na nashe zdorov'e. — URL: <https://vc.ru/id3312150/1190630>
8. Smirnova A. A., Sinogina E. S. Vliyanie komp'yutera i seti Internet na fizicheskoe i psihicheskoe sostoyanie shkol'nika // Narodnoe obrazovanie. — 2017. — № 2. — S. 199—204.
9. Gucko E. Fiziologicheskie i psihologicheskie karakteristiki viktimnosti nesovershennoletnih zhertv prestupnyh posyagatel'stv, sovershaemyh s ispol'zovaniem seti Internet // Zakonnost' i pravoporyadok. — 2024. — № 2. — S. 50—54.
10. Perezhogin L. O. Vliyanie social'nyh setej na psihicheskoe zdorov'e detej i podrostkov // Psihicheskoe zdorov'e. — 2022. — № 17 (5). — S. 45—54.
11. Serdyukova E. A. Vliyanie interneta i social'nyh setej na zhizn' sovremennogo cheloveka. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n>
12. Belousova A. N., Kuleshova V. V. Viktimogenyj mekhanizm soversheniya prestuplenij v otnoshenii nesovershennoletnih s ispol'zovaniem social'nyh setej i messendzherov // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2024. — № 1. — S. 186—192.
13. Zhmurov D. V. Faktory kiberviktimizacii // Akademicheskij juridicheskij zhurnal. — 2021. — T. 22, № 3. — S. 268—276.
14. Protivodejstvie rasprostraneniya kriminal'noj subkul'tury sredi nesovershennoletnih / R. B. Ivanchenko, O. A. Sadykova, A. N. Shchegoleva [i dr.]. — Voronezh : Voronezhskij institut MVD Rossii, 2018. — S.18.
15. Rydchenko K. D. Administrativnaya otvetstvennost' za oborot vredonosnoj informacii nakanune tret'ej kodifikacii administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. — 2019. — № 5-1. — S. 249—252.
16. Metodicheskoe posobie po vyyavleniyu priznakov riska povedeniya v social'nyh setyah // Ezhdnevnoe onlajn-izdanie D-russia.ru. — URL: <https://drussia.ru/wp-content/uploads/2019/03/tsifrovaya-gigiena.pdf?ysclid=19x614evs5666833911>
17. Bolee 10 mln detej v Rossii podpisany na destruktivnye grupy i soobshchestva v internete // Informacionnoe agentstvo «TASS». — URL: <https://tass.ru/obschestvo/15758099?ysclid=19cqfs79t5329120456>
18. Kapranov O. Chernyshenko: 90% naseleeniya Rossii yavlyayutsya pol'zovatelyami interneta // Rossijskaya gazeta. — 28.09.2022. — URL: <https://rg.ru/2022/09/28>
19. Il'nickij A. M. Mental'naya vojna Rossii // Voennaya mysl'. — 2021. — № 8. — S. 19—33.
20. Timoshina E. M. Destruktivnaya informaciya v cifrovom prostranstve kak instrument organizovannoj prestupnoj deyatel'nosti protiv Rossii. — URL: [http:// https://crimas.ru/wp-content/uploads/2022/09/statya-na-RKA](http://https://crimas.ru/wp-content/uploads/2022/09/statya-na-RKA)
21. Razuvaev V. E. Pravovye sredstva protivostoyaniya informacionnym vojnám : avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. — M. : Institut gosudarstva i prava RAN, 2007. — S.13.
22. Shulikov K. A. Destruktivnyj kontent: ponyatie, administrativno-pravovaya karakteristika, vidy // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. — 2023. — № 2. — С. 176—182.
23. Larioshin A. S. Formirovanie u obuchayushchihsya ustojchivosti k destruktivnoj informacii // Materialy XVII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Ekonomika, upravlenie, obshchestvo: istoriya i sovremennost'». — Habarovsk, 2019. — S. 372—380.
24. Gorshenkov A. G., Gorshenkov G. G., Gorshenkov G. N. Prestupnik i zhertva kak elementy prestupleniya: kriminologicheskij analiz // Viktimologiya. — 2024. — T. 11. — № 2. — S. 199—209.
25. Belousova A. N., Shevcova K. A. Sovremennoe sostoyanie uchastiya nesovershennoletnih v prestupleniyah, posyagayushchih na obshchestvennyj poryadok // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2022. — № 1. — S. 124—130.
26. Dashkova S. V., Nikiforova G. F. Ekstremal'nye formy social'nogo protesta // Istoricheskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i

estestvoznanie: voprosy teorii i praktiki. — 2014. — № 10 (48). — Ch. 1. — S. 62—67.

27. Kabanov P. A. Kriminal'naya viktimnost'nesovershennoletnih ot imushchestvennoj

kiberprestupnosti: analiz statisticheskikh pokazatelej i perspektivy formirovaniya yuvenal'noj kiberviktimologii // Viktimologiya. — 2024. — T.11. — № 3. — S. 359—366.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Белоусова Анна Николаевна. Доцент кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Belousova Anna Nikolaevna. Associate Professor of the chair of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law Sciences, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: несовершеннолетние; виктимность несовершеннолетних; информационное пространство; интернет-ресурсы; деструктивная информация.

Key words: minors; victimization; vulnerability; psychophysical characteristics of minors; information space; Internet resources; destructive information.

УДК 343.971

Е. А. Буданова, кандидат юридических наук, доцент

Ю. И. Козаренко, кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ФАКТАМИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF ACTS RELATED TO THE FACTS OF INVOLVEMENT OF MINORS COMMITTING VARIOUS CRIMES

В представленной статье рассматриваются проблемы квалификации деяний, связанных с фактами вовлечения несовершеннолетних в совершение различных преступлений. На основе проведенного анализа материалов судебно-следственной практики, научных и иных публикаций из открытого доступа, мнений действующих сотрудников правоохранительных органов авторами сформированы предложения по оптимизации норм уголовного законодательства России и правоприменительной практики.

This article discusses the problems of qualifying acts related to the involvement of minors in the commission of various crimes. Based on the analysis of materials from judicial and investigative practice, scientific and other openaccess publications, and the opinions of current law enforcement officials, the authors have formulated proposals to optimize the norms of Russian criminal legislation and law enforcement practice.

В современной России вопросы, связанные с фактами вовлечения несовершеннолетних в совершение различных преступлений, имеют особую актуальность в условиях социальных трансформаций и повышенного внимания к проблемам подростковой и молодежной преступности [1]. Большинство исследователей практически едины во мнении о том, что уязвимость несовершеннолетних, их недостаточный жизненный опыт и неокрепшая психика делают данную категорию лиц одной из наиболее подверженных негативному влиянию со стороны взрослых либо даже со стороны более старших подростков. В рамках уголовно-правовой политики многих государств существует повышенная защита несовершеннолетних, а законодательство предусматривает специальные нормы, направленные на охрану их прав и законных интересов. Согласно официальным данным ГИАЦ МВД России [2], случаи вовлечения несовершеннолетних в различные формы противоправной деятельности в некоторых регионах нашей страны сохраняют тенденцию стабильного роста, и речь идет не только о фактах, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Правоохранительными органами все больше регистрируется преступлений, связанных с вовлечением подростков взрослыми

лицами не только в совершение краж, разбоев, мошеннических действий, вымогательств, угон транспортных средств, сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, фальшивомонетничество, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, но и участие в деятельности экстремистских организаций, совершение террористических актов, диверсий, главным образом, наиболее доступным для таких преступников-кураторов способов — с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. При этом вовлечение может осуществляться в самых разных формах: от прямого психического и (или) физического воздействия до использования служебного положения, обмана, подкупа или угроз в адрес ребенка или его близких родственников, друзей. Особую тревогу вызывает тот факт, что методы вовлечения постоянно совершенствуются и становятся все более изощренными, а сфера преступной деятельности — более разнообразной [3; 4].

Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Следовательно, преступление, предусмотренное ст. 150 УК РФ, стоит рас-

смагивать как активное целенаправленное воздействие на несовершеннолетнего со стороны взрослого лица. Взрослые преступники, имея цель вовлечь лицо, не достигшее совершеннолетия, в преступную деятельность, шаг за шагом навязывают подросткам противоправный настрой, обещая много денег без усилий, романтизируя преступную жизнь, гарантируя удовольствие от употребления алкогольной и наркотической продукции, обнадеживая получением невероятных эмоций и адреналина при совершении преступления.

При этом постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» определяет рассматриваемый состав как материальный, объясняя это тем, что преступление по ст. 150 УК РФ можно считать оконченным с момента покушения, приготовления и совершения деяния несовершеннолетним. Преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 150 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление. Если последствия, предусмотренные диспозициями названных норм, не наступили по не зависящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и по ст. 150 УК РФ.

Тем не менее повторим тезис о том, что с позиции теории и практики проблема вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность не сводится исключительно к ст. 150 УК РФ. Как показало проведенное исследование, правоприменитель нередко сталкивается с проблемой выбора квалификации, учитывая, что помимо общего состава вовлечения (ст. 150 УК РФ) в ряде случаев применяются и иные уголовно-правовые нормы, в том числе определяющие вовлечение как квалифицирующий признак. На данное обстоятельство указало 72,6% опрошенных в январе — марте 2025 г. в рамках исследования респондентов из числа действующих сотрудников следственных подразделений МВД России и Следственного комитета России (всего 56 человек из 14 регионов РФ). Не случайно ведущие отечественные ученые (А. И. Рарог, А. В. Наумов) подчеркивают необходимость более детальной регламентации объективных и субъективных признаков состава преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего в преступную деятельность, а также установления дифференцированной ответственности в зависимости от тяжести послед-

ствий, способа вовлечения и возраста несовершеннолетнего [5; 6]. Наряду с этим респонденты вполне ожидаемо отмечают сложность доказывания субъективной стороны преступления, связанного с вовлечением подростков в совершение того или иного преступления, поскольку на практике в более 90% случаев взрослый вовлекатель изначально и полностью отрицает сам факт целенаправленных действий по склонению конкретного ребенка к противоправному поведению, а несовершеннолетний, в свою очередь, в большинстве случаев не осознает до конца характера и степени общественной опасности своих собственных действий (как правило, сказывается правовая неграмотность и последствия обмана и манипуляций со стороны взрослого вовлекателя).

Важно отметить, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений представляет собой комплексное явление, охватывающее различные способы и приемы склонения, принуждения или побуждения лица, не достигшего совершеннолетия (18 лет), к участию в криминальной деятельности. В широком смысле слова под вовлечением понимают любую форму влияния на волю и сознание ребёнка или подростка, которая приводит к тому, что он осуществляет общественно опасные действия. Как показало проведенное исследование материалов судебно-следственной практики (изучено 64 уголовных дела и обвинительных приговоров судов за период 2022—2025 гг., связанных с фактами вовлечения несовершеннолетних в совершение различных преступлений), следует выделять следующие формы вовлечения: во-первых, психологическое воздействие на ребенка: уговоры, внушение, побуждение к противоправному действию, создание иллюзии безнаказанности или легитимности деяния (46,5% случаев); во-вторых, физическое воздействие: прямое насилие, угрозы его применения или демонстрация силы с целью принудить к совершению преступления (17,1% случаев); в-третьих, воздействие путем обмана: введение в заблуждение относительно сути предстоящего деяния, его правовых последствий или мотивов (15% случаев); в-четвертых, воздействие путем подкупа: обещание вознаграждения, подарков или других материальных благ в обмен на участие подростка в преступной деятельности (12,9% случаев); в-пятых, воздействие авторитетом: использование доверия, родственных или иных близких отношений, статуса учителя, тренера, наставника и т. п. (8,5% случаев). При этом $\frac{3}{4}$ респондентов (77,5%) отметили, что на практике достаточно часто встречаются варианты комбинации способов, когда вовлекаются не один, а несколько несовершеннолетних, или когда один и тот же ребенок

сразу не соглашается на уговоры взрослого вовлекателя, а впоследствии под угрозой физического насилия дает согласие на участие в совершении преступления.

Побудительные мотивы таких действий взрослого лица по вовлечению подростков в совершение преступлений могут быть различны: корысть, хулиганские побуждения, месть, садистские наклонности, стремление самоутвердиться и т. д. [7]. Учет мотивов взрослого вовлекателя важен при квалификации, так как нередко именно мотивы (совокупно со способом вовлечения) позволяют суду определить виновность вовлекателя, исходя из самой специфики того или иного деяния, и назначить виновному лицу справедливое наказание. При этом для правильной квалификации совершенного вовлечения, ответственность за которое наступает в рамках ст. 150 УК РФ, необходимо, чтобы субъект осознавал несовершеннолетие вовлекаемого. Если лицо заблуждалось относительно возраста потерпевшего (по объективным причинам и при наличии реальных оснований считать его совершеннолетним), возможность привлечения к ответственности по ст. 150 УК РФ исключается либо требует дополнительного доказывания умысла [6].

Анализируя труды ученых и действующее уголовное законодательство РФ, касающееся ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления, хотелось бы отметить, что отечественным законодателям несколько раз предлагались проекты, в которых была предпринята попытка изменения нормы ст. 150 УК РФ. В частности, отмечались: 1) необходимость обращения пристального внимания на проблему регулярного вовлечения взрослым лицом несовершеннолетних в совершение преступления (введение в норму нового квалифицирующего признака — систематичности действий); 2) целесообразность введения уголовной ответственности не за вовлечение, а за сам факт совместного участия несовершеннолетнего и взрослого лица в совершении умышленного деяния (как показало проведенное исследование, на практике сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел в разных регионах страны ежегодно фиксируется более 1/3 случаев, когда реальными инициаторами совершения того или иного преступления выступали именно несовершеннолетние, которые фактически сами склоняли более старших по возрасту, совершеннолетних лиц — друзей, товарищей, родственников и знакомых — к совершению преступлений, на которые они бы никогда не решились и не могли физически самостоятельно совершить, например, диверсии в форме поджога релейных шкафов на объектах железнодорожного

транспорта, вымогательство, разбойное нападение, незаконный оборот наркотических средств, мошеннические действия и т. п.); 3) введение нового квалифицирующего признака — вовлечение двух и более несовершеннолетних в совершение того или иного преступления.

В этой связи добавим, что в ряде зарубежных правовых систем также предусмотрены специальные уголовно-правовые нормы, защищающие детей от вовлечения в преступную деятельность, которые используют комбинированный подход при определении объективных и субъективных признаков составов преступления, связанного с фактом вовлечения несовершеннолетнего лица. К примеру, в УК ФРГ [8] закреплён отдельный состав подстрекательства несовершеннолетних к правонарушению (различается по степени тяжести в зависимости от характера деяния), а в США (в разных штатах) применяется термин *contributing to the delinquency of a minor*, который охватывает широкий спектр действий, направленных на склонение подростка к правонарушению. В странах общего права (Англия, США, Канада) важное значение имеет судебный прецедент, в котором вырабатываются критерии «подстрекательства», «помощи» и «совмещения умысла» [9]. При этом обращается особое внимание на степень осознания взрослым лицом возраста вовлекаемого, а также на вопрос о том, мог ли несовершеннолетний осознавать характер и последствия своих действий. Зарубежный опыт показывает, что более детальная регламентация состава вовлечения в законе и подзаконных актах позволяет правоприменителю точнее определять границы ответственности и назначать наказания, адекватные степени общественной опасности деяния. Кроме того, в некоторых правовых системах существует механизм индивидуальной превенции, когда потенциального вовлекателя могут привлечь к ответственности уже на стадии подготовки или покушения, если выявлены явные признаки склонения несовершеннолетнего к преступным действиям.

Очевидно, что прямой умысел характеризуется осознанием и желанием взрослого лица своими действиями побудить несовершеннолетнего к совершению конкретного преступления, понимая его несовершеннолетний возраст. Не случайно в судебно-следственной практике основные проблемы возникают при доказательстве того, что именно действия взрослого лица повлекли решение несовершеннолетнего совершить преступное деяние. Напомним, что объективная сторона вовлечения в совершение преступления выражается в активных действиях (классическое бездействие в данном случае не применимо), направленных на склонение, подстрекательство,

принуждение или иное побуждение несовершеннолетнего лица к участию в различных формах криминальной деятельности — от единичного деяния до систематического совершения преступлений в составе группы [10]. Именно поэтому ключевое (определяющее) значение имеет установление факта причинно-следственной связи между действиями вовлекающего и последующим совершением преступления самим несовершеннолетним. На данное обстоятельство прямо указали 66,5% опрошенных. Практика показывает, что достаточно часто подросток мог уже состоять в преступной группе или самостоятельно решиться на преступление, а действия взрослого носили лишь формальный характер (например, результат совместного распития спиртных напитков и употребления наркотиков, «болтовня» о романтике преступного мира и возможности быстрого и легкого обогащения, а также о криминальной субкультуре и своей личной судьбе). В таких случаях встает вопрос о наличии или отсутствии умысла на вовлечение и о том, действительно ли имело место побуждение к деянию [3]. Дополнительная сложность при квалификации связана с тем, что само вовлечение может совершаться как одним действием (например, прямое указание «соверши кражу, а я буду тебя прикрывать»), так и комплексом действий, растянутых во времени (к примеру, постепенная обработка и манипуляция сознанием несовершеннолетнего в сети Интернет, поддержка в конфликтных ситуациях, обещания, демонстрация выгоды и т. д.).

На наш взгляд, ярким примером наличия проблемы квалификации деяний, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений, являются попытки массового склонения детей, подростков и молодежи к совершению диверсий и террористических актов на территории РФ, особенно после начала специальной военной операции (СВО). За весь период проведения СВО на территории различных субъектов фиксировались факты, когда ребенка в социальных сетях и мессенджерах вовлекали путем обмана — более 80% случаев на практике [4] (в частности, проукраинские кураторы представлялись действующими сотрудниками ФСБ России, создавали иллюзию необходимости помощи правоохранительным органам в борьбе со шпионами и

диверсантами путем поджога автомобилей, фотографирования зданий и сооружений, промышленных и транспортных объектов, просили несовершеннолетних работать в качестве курьеров, забирать деньги и переводить их в криптовалюту, отвозить предметы из одного места в другое, даже оформляли поддельные трудовые договоры и платили якобы официальную зарплату, чем, например, гордился один из жертв обмана — 16-летний студент-курьер из вполне благополучной семьи, который ранее не привлекался ни к административной, ни к уголовной ответственности и который гордо рассказывал близким родственникам, что он выполняет важную работу, помогая нашим силовикам в период СВО). В подавляющем количестве случаев несовершеннолетних привлекали к уголовной ответственности в качестве соучастника (пособника или соисполнителя), а взрослого — как организатора преступления, хотя искусный обман такого вовлечателя действительно предполагает непонимание ребенком общественной опасности своих действий и их последствий (т. е. налицо классический пример невиновного причинения вреда, ст. 28 УК РФ). Судебные органы и прокуратура еще в начале 2025 г. обратили внимание на наличие данной проблемы, указав необходимость применения комплексного подхода к проведению органами предварительного следствия уголовно-правовой оценки объективных и субъективных признаков вовлечения детей и подростков в совершение подлых, «специфических» преступлений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что динамичное изменение криминогенной ситуации под воздействием внешних и внутренних факторов диктует необходимость пересмотра уголовно-правовой модели и перечня норм, устанавливающих основания и пределы ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений со стороны взрослых лиц. Правоприменитель в вопросах правильной квалификации таких фактов должен исходить из необходимости точной уголовно-правовой оценки всех объективных и субъективных признаков вовлечения несовершеннолетних, а также понимания специфики механизма совершения деяний на практике, личностных особенностей взрослых и подростков, определяющих их мотивацию, желание и готовность совершить то или иное преступление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Факторы, способствующие вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности и террористического характера //

Вестник Воронежского института МВД России. — 2024. — № 2. — С. 250—255.

2. Преступность и правонарушения (2019—2023) : стат. сб. — М., 2024. — 177 с.

3. Польшиков А. В., Демидова О. В., Бuzин Р. В. Особенности ранней профилактики преступлений с участием несовершеннолетних, создающих угрозу национальной безопасности России // Вестник Воронежского института ФСИН России. — 2024. — № 4. — С. 215—225.

4. Польшиков А. В., Демидова О. В., Кулешов А. А. Основные проблемы предупреждения террористических актов и диверсий, совершаемых несовершеннолетними и при их соучастии // Вестник Воронежского института ФСИН России. — 2025. — № 1. — С. 195—206.

5. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. — М. : Проспект, 2024. — 816 с.

6. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник для бакалавров / В. А. Авдеев, И. А. Клепичский, Л. А. Иногамова-Хегай [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект,

2016. — 625 с.

7. Буслев М. М., Польшиков А. В., Мальцев Е. П. Состояния и тенденции совершения несовершеннолетними преступлений против родителей и других членов своей семьи // Вестник Воронежского института ФСИН России. — 2022. — № 2. — С. 167—173.

8. German Criminal Code (Strafgesetzbuch — StGB). — URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/index.html (дата обращения: 25.04.2025).

9. Аистова Л. С., Краев Д. Ю. Уголовное право зарубежных стран : учебное пособие. — СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. — 131 с.

10. Лелеков В. А., Бородин А. Д. Ребенок и преступность // Вестник Воронежского института МВД России. — 2022. — № 4. — С. 166—171.

REFERENCES

1. Puchnina M. Yu., Puchnin A. V. Faktory, sposobstvuyushchie вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности и террористического характера // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2024. — № 2. — S. 250—255.

2. Prestupnost' i pravonarusheniya (2019—2023) : statisticheskij sbornik. — M., 2024. — 177 s.

3. Pol'shikov A. V., Demidova O. V., Buzin R. V. Osobennosti rannej profilaktiki prestuplenij s uchastiem nesovershennoletnih, sozdayushchih угрозу nacional'noj bezopasnosti Rossii // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. — 2024. — № 4. — S. 215—225.

4. Pol'shikov A. V., Demidova O. V., Kuleshov A. A. Osnovnye problemy preduprezhdeniya terroristicheskikh aktov i diversij, sovershaemyh nesovershennoletnimi i pri ih souchastii // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. — 2025. — № 1. — S. 195—206.

5. Naumov A. V. Rossijskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast' : kurs lekcij. — M. : Prospekt, 2024. — 816 s.

6. Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya : uchebnik dlya bakalavrov / V. A. Avdeev, I. A. Klepichskij, L. A. Inogamova-Hehaj [i dr.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2016. — 625 с.

7. Buslov M. M., Pol'shikov A. V., Mal'cev E. P. Sostoyaniya i tendencii soversheniya nesovershennoletnimi prestuplenij protiv roditelej i drugih chlenov svoej sem'i // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. — 2022. — № 2. — S. 167—173.

8. German Criminal Code (Strafgesetzbuch — StGB). — URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/index.html (дата обращения: 25.04.2025).

9. Aistova L. S., Kraev D. Yu. Ugolovnoe pravo zarubezhnyh stran : uchebnoe posobie. — SPb. : Sankt-Peterburgskij juridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii, 2020. — 131 s.

10. Lelekov V. A., Borodin A. D. Rebenok i prestupnost' // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2022. — № 4. — S. 166—171.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Буданова Елена Александровна. Заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: budanovaelena@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Козаренко Юлия Игоревна. Доцент кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел. Кандидат юридических наук.

Волгоградская академия МВД России.
E-mail: 4ernika87@mail.ru
Россия, 400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Budanova Elena Aleksandrovna. Deputy Head of the chair of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law Sciences, Associate Professor.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
E-mail: budanovaelena@yandex.ru
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Kozarenko Yulia Igorevna. Associate Professor of the chair of Criminal Law of the educational and scientific complex on preliminary investigation in law enforcement agencies. Candidate of Law Sciences.
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: 4ernika87@mail.ru
Work address: Russia, 400075, Volgograd, Historichesky Str. 130.

Ключевые слова: несовершеннолетние; ребенок; подросток; взрослый; вовлечение; склонение; преступление; общественно опасное деяние; квалификация; состав преступления; совершенствование норм.

Key words: minors; child; teenager; adult; involvement; declension; crime; socially dangerous act; qualification; corpus delicti; improvement of norms.

УДК 343.54

В. А. Гапоненко, кандидат технических наук
Н. В. Талышев, кандидат технических наук, доцент

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОХРАНЫ ИМУЩЕСТВА ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF FORMING STATE SCIENTIFIC AND TECHNICAL POLICY IN THE FIELD OF PROTECTING THE PROPERTY OF INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES AND PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION

В статье рассмотрены историко-правовые аспекты формирования и текущее состояние государственной научно-технической политики в сфере обеспечения охраны имущества физических и юридических лиц. В ходе ее анализа определен ряд проблем, оказывающих влияние на современные условия оказания охранных услуг, а также развитие систем централизованного наблюдения и элементов подсистем, входящих в их состав.

This article examines the historical and legal aspects of the formation and current state of the state scientific and technical policy in the field of ensuring the protection of the property of individuals and legal entities. During its analysis, a number of problems were identified that affect the current conditions of providing security services, as well as the development of centralized surveillance systems and their subsystems.

Право собственности в России охраняется законом и защищается от противоправных посягательств [1]. Попытка нарушения этого права влечет за собой установленную Уголовным кодексом Российской Федерации ответственность [2]. Имущество физических и юридических лиц относится к объекту материальной собственности. Данное имущество, как правило, эксплуатируется или хранится на каких-либо стационарных или подвижных объектах, которые в зависимости от условий договора так же, как и находящееся в них имущество могут подпадать под понятие охраняемого объекта [23]. Обеспечение безопасности таких объектов представляет собой систему (далее — система охраны), включающую в себя совокупность организационно-правовых и инженерно-технических мероприятий, а также действий сотрудников подразделений охраны, направленных на предотвращение противоправных посягательств в отношении охраняемого объекта, осуществляемых различными типами нарушителей. Данная система в настоящее время наряду с проведением мероприятий по поддержанию законности правовых основ существования как охраняемого объекта, так и проводимых для его защиты

мероприятий подразумевает оснащение его инженерными средствами физической защиты (далее — ИСФЗ) [23] и техническими средствами охраны (далее — ТСО) [24]. Эти средства обеспечения безопасности, как правило, объединяются в интегрированные системы безопасности (далее — ИСБ) [25] или системы централизованного наблюдения (далее — СЦН) [24], которые могут выполнять функции предупреждения, наблюдения, обнаружения, санкционирования допуска и воздействия.

Авторы исходят из того, что диалектика развития систем охраны идет по пути от отправной точки, когда человек только через свои органы чувств идентифицировал нарушителя и с применением своих физических возможностей пресекал его воздействие, проходя через этапы создания ИСФЗ, а затем и ТСО, заменяющие органы восприятия и оставляющие за человеком только управление данными средствами и противодействие, движется к точке, в которой может произойти исключение человека из контура принятия решений. Однако, несмотря на развитие систем управления, использующих в том числе технологии искусственного интеллекта, человек еще дол-

гое время будет оставаться основным и незаменимым элементом любой системы охраны, так как только он на данный момент времени наделяется субъективным правом и юридической обязанностью принятия решения по выбору и реализации способа противодействия противоправным посягательствам правонарушителя в отношении охраняемого объекта. Такой вывод основывается на том, что при исключении человека из контура управления системы охраны потребуется осуществить передачу «машине» функций по выбору и применению в том числе и летального способа воздействия на предполагаемого преступника.

Также необходимо осознавать, что создание любой системы охраны является вынужденным актом, направленным на преодоление несовершенства развития современного общества и связанным с тем, что некоторые его члены (нарушители) осуществляют противоправные посягательства в отношении чужого имущества. Следовательно, система охраны не является необходимым элементом для охраняемого объекта, а ее создание и функционирование отвлекает из экономики финансовые и человеческие ресурсы, что в итоге компенсируется увеличением юридическими лицами накладных расходов в структуре цены производящихся на данных объектах продукции и услуг, а физические лица несут дополнительные затраты.

Таким образом, можно констатировать, что для повышения конкурентоспособности проводимой предпринимательской деятельности необходимо в том числе снижение косвенных расходов, связанных с созданием системы охраны и поддержанием ее функционирования. Это и определяет актуальную задачу в области создания систем охраны, которая заключается в минимизации затрат на осуществление охраны объектов за счет поиска оптимальной структуры и состава ИСФЗ, ТСО и подразделения охраны, необходимых для достижения требуемой эффективности противодействия нарушителям, при условии, что уровень исходящих от них как существующих, так и прогнозируемых угроз носит эвентуальный характер.

Работы по созданию первообразов ИСФЗ и ТСО были начаты во второй половине XIX века. К первым таким средствам можно отнести [26]:

- механические, которые представляли собой натянутую по периметру проволоку или веревку, удерживающую груз над бойком с пороховым зарядом. При обрыве проволоки груз падал и порох взрывался, оповещая охрану о нарушении периметра («Патентованная сигнализация от грабителей и ловушки для животных» Джорджа Пратта);

- электрические, построенные по принципу замыкания контактов и приведения в действия

электровзвонка (патент от 21 июня 1853 г. № 9.802 Альберт Августус Поуп (Pope Albert Augustus)).

В нашей стране на системном уровне разработка ИСФЗ и ТСО началась в конце 50-х годов прошлого века и интенсифицировалась в начале 60-х годов с созданием в ряде организаций научно-исследовательских и конструкторских подразделений.

Во исполнение п. 3 постановления Совета Министров РСФСР от 18 мая 1962 г. № 670 [14] приказом МВД РСФСР от 27 августа 1962 г. в Центральном научно-исследовательском институте противопожарной обороны (ЦНИИПО) сформировано специальное конструкторское бюро (далее — СКБ) для разработки аппаратуры охранной сигнализации и других видов технических средств охраны, правопреемником которого с 2016 года является ФКУ «НИЦ «Охрана» Росгвардии (с 1962 года — СКБ ВНИИПО МВД СССР, с 1989 года — ГУ НИЦ «Охрана» ВНИИПО МВД России, с 1999 года — ГУ «НИЦ «Охрана» ГУВО МВД России, с 2005 года — ФГУ НИЦ «Охрана» МВД России, с 2011 года — ФКУ НИЦ «Охрана» МВД России) [27];

Приказом Министерства среднего машиностроения СССР от 13 марта 1963 года во Всесоюзном научно-исследовательском институте химической технологии (ВНИИХТ) создана лаборатория № 36 [28] для разработки ТСО, предназначенных для обеспечения охраны государственной границы и особо важных объектов, правопреемником которой является АО «ФЦНИВТ «СНПО «Элерон», входящее в структуру ГК «Росатом».

Директивой Генерального штаба ВС СССР от 21 января 1969 г. № ОРГ/7/86710 в НИИ-4 Министерства обороны СССР штатно выделены два научно-исследовательских отдела (отдел систем охраны и отдел технических средств охраны) [29], которыми впервые в нашей стране в начале 70-х годов разработан новый класс технических систем — автоматизированные системы охраны объектов РСН.

Далее изложение материалов статьи будет посвящено рассмотрению только историко-правовых аспектов развития и современного состояния государственной научно-технической политики (абз. 7 ст. 2 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ [4]) в сфере обеспечения охраны имущества физических и юридических лиц (далее — ГНТП), при условии учета достижений в области создания ИСФЗ и ТСО другими государственными и частными структурами в Российской Федерации.

Фактический старт осуществления ГНТП в Советском Союзе был дан постановлением Совета Министров СССР от 24 января 1959 г.

№ 93- 42 [13], которым на МВД СССР было возложено составление заявок на ТСО и разработка единых инструкций и наставлений по несению службы ведомственной охраной, программ обучения личного состава, а также давалось поручение Государственному комитету Совета Министров СССР предусматривать по заявкам МВД СССР в планах научно-исследовательских и конструкторских работ (далее — НИОКР) разработку ТСО. Таким образом, данным постановлением МВД СССР было определено ведомство, которое проводит ГНТП через заказ НИОКР и устанавливает порядок использования ИСФЗ и ТСО подразделениями ведомственной охраны (далее — ВО).

В целях реализации его положений было выпущено постановление Совета Министров РСФСР от 18 мая 1962 г. № 610 [14], в котором кроме создания СКБ было предусмотрено проведение ряда мероприятий для сокращения численности ведомственной военизированной и сторожевой охраны и вневедомственной сторожевой охраны при обеспечении надежной сохранности социалистической собственности. К основным из них относятся:

1. Требование к министерствам и ведомствам РСФСР, Советам Министров автономных республик, крайисполкомам, облисполкомам, Московскому и Ленинградскому горисполкомам: обеспечить к концу 1965 года оснащение ИСФЗ и ТСО всех объектов, охраняемых ведомственной военизированной и сторожевой охраной и вневедомственной сторожевой охраной за счет выделения соответствующих денежных средств для выполнения работ связанных с внедрением указанных средств, и их эксплуатации и предусматривать при разработке типовых и индивидуальных проектов на строительство и реконструкцию промышленных предприятий, а также складов, баз, магазинов и других охраняемых объектов оснащение их новейшими ИСФЗ и ТСО.

2. Ежегодное представление МВД РСФСР Госплану РСФСР заявок на изготовление необходимого количества ИСФЗ и ТСО, составляемых с учетом потребности в этих средствах.

В 1966 году было создано Управление вневедомственной охраны в составе Министерства охраны общественного порядка СССР и введено в действие Типовое положение о вневедомственной охране при органах милиции [15], в котором подпунктом «б» п. 7 на ВО возлагалась разработка и осуществление мероприятий по совершенствованию ИСФЗ и ТСО, сокращению численности, удешевлению охраны объектов.

К началу 70-х годов в Советском Союзе был создан научно-технический задел в области ИСФЗ и ТСО, необходимый для организации на предприятиях страны их серийного производства.

Эти достижения положили начало техническому перевооружению подразделений ВО, продолжавшемуся в течение последующих 20 лет, что способствовало переходу на охрану объектов с использованием СЦН, то есть к фактическому решению задач по сокращению численности личного состава данных подразделений и уменьшению стоимости предоставления охранных услуг по договорам для различных объектов.

Таким образом, в период с 1959 года по начало 90-х годов ГНТП осуществлялась МВД СССР через Управление вневедомственной охраны путем проведения НИОКР по созданию ТСО в СКБ, освоения их серийного производства на предприятиях страны с последующим внедрением и эксплуатацией на пунктах централизованной охраны (далее — ПЦО) и охраняемых объектах. Основопологающим моментом ГНТП в эти годы можно считать то, что наличие в структуре МВД СССР СКБ, бывшего главным исполнителем НИОКР по созданию ТСО для нужд ВО, обеспечивало единые подходы к алгоритмам функционирования данных средств и преемственность между их поколениями.

Переломным моментом стал 1992 год, когда в Российской Федерации была разрешена частная охранная деятельность, при осуществлении которой частные охранные организации (далее — ЧОО) получили полномочия, установленные ч. 3 ст. 3 Закона Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 [3] (с 1 сентября 2026 года полномочия ЧОО будут регулироваться п. 2 ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 30 ноября 2024 г. № 427-3 [9]).

Для регулирования произошедших изменений в сфере обеспечения охраны объектов в августе 1992 года вводится в действие Положение о ВО при органах внутренних дел Российской Федерации [15], в котором п. 2 было установлено, что одной из основных задач ВО является проведение на территории Российской Федерации единой технической политики в области создания средств охранной сигнализации, их промышленного освоения, контроля за качеством, тактики их применения, внедрения и эксплуатационного обслуживания.

Кроме того, с отменой в этом же году монополии государства на средства производства в Российской Федерации стали создаваться частные предприятия с уставной деятельностью, связанной с разработкой и производством разнообразных ИСФЗ и ТСО (далее — Предприятия), востребованность которых на зарождающемся рынке обеспечивала в условиях непростой криминогенной обстановки в нашей стране резкий рост спроса на оказание охранных услуг физическим и юридическим лицам. Для покрытия возросшей

потребности на ТСО при дефиците предложений со стороны отечественных предприятий на рынок России активно вышли производители средств иностранного производства.

Для контроля качества ТСО, в том числе иностранного производства, в структуре МВД России был создан Центр по сертификации аппаратуры охранной и пожарной сигнализации ГУВО МВД России и в качестве приоритетного направления определено ежегодное формирование Перечня средств сигнализации, разрешенных для использования в подразделениях охраны [18].

В связи с возросшей активностью иностранных фирм, предлагающих низкокачественные изделия, принятых мер по контролю качества ТСО иностранного производства оказалось недостаточно, и с целью исключения использования в подразделениях ВО ТСО с неудовлетворительными характеристиками функционирования МВД России с 1995 года был введен Каталог средств охранной и охранно-пожарной сигнализации, прошедших сертификацию в Центре по сертификации аппаратуры охранной и пожарной сигнализации ГУВО МВД России [20].

В период с 1992 по 2004 год ВО МВД России находилась на самофинансировании, то есть ее функционирование осуществлялось за счет средств, полученных за оказание охранных услуг физическим и юридическим лицам. Наличие внебюджетных средств позволяло ВО МВД России часть доходов направлять на реализацию ГНТП путем проведения ГУ «НИЦ «Охрана» ГУВО МВД России НИОКР по созданию новых ТСО. В качестве соисполнителей при проведении НИОКР привлекались Предприятия, которые в последующем осуществляли серийный выпуск совместно разработанных средств. При этом ГУВО МВД России ежегодно утверждало Перечень технических средств, разрешенных к применению во ВО [30], а внедрение и эксплуатация ТСО в подразделениях ВО проводились на основании внутренних нормативных правовых актов [31]. Такой подход к осуществлению ГНТП в эти годы был целесообразным, так как основным покупателем ТСО выступало ГУВО МВД России.

С начала 2000-х годов ЧОО начали постепенно осуществлять переход от физической охраны объектов за счет выставления стационарных постов охраны к использованию частных ПЦО. При создании таких пунктов ЧОО вводили в эксплуатацию близкие по построению или полные аналоги СЦН, применяемых на ПЦО ВО. Такое изменение способов предоставления охранных услуг со стороны ЧОО вызвало рост их конкурентоспособности как собственно в секторе услуг, так и в секторе потребления ТСО для их

оказания. Это привело к увеличению доли финансовых средств, поступающих Предприятиям от ЧОО, следствием чего стала постепенная переориентация Предприятий на учет потребностей ЧОО в разработке ТСО, и тем самым фактически ослабило механизм ГНТП, связанный с проведением ГУ «НИЦ «Охрана» ГУВО МВД России НИОКР, соисполнителем которых выступали указанные Предприятия.

С 1 января 2004 года согласно Федеральному закону от 23 декабря 2003 г. № 186-ФЗ [5] ВО переведена на бюджетное финансирование. В рамках исключения коммерческой составляющей в деятельности службы в конце 2005 года проведено ее реформирование, в ходе которого из структуры ВО выделены подразделения, осуществляющие функции по проектированию, монтажу, обслуживанию и ремонту ИСФЗ и ТСО. На их базе было создано ФГУП «Охрана» МВД России [17], на которое были возложены указанные выше функции. По итогам реформирования данное предприятие лишилось права быть единственной организацией, оказывающей данные функции на объектах, охраняемых подразделениями ВО [21]. Составляя конкуренцию ФГУП «Охрана» МВД России, проектирование, монтаж, обслуживание и ремонт ИСФЗ и ТСО на этих объектах стали осуществлять частные коммерческие организации, в том числе не являющиеся ЧОО.

В целях обеспечения требуемых характеристик ТСО ГУВО МВД России в это время ввело в действие Единые технические требования к системам централизованного наблюдения, предназначенным для применения в подразделениях ВО [32], которые впоследствии нашли свое отражение в уже издаваемых Бюллетенях ТСО, рекомендованных к использованию ВО и ФГУП «Охрана» [33].

Издание в 2013 году постановления Правительства Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 182 [18] отменило обязательную сертификацию ТСО, что еще более ослабило контроль государства за качеством предоставляемых услуг по охране объектов с помощью ТСО.

Преобразования, проведенные в данное десятилетие, значительно снизили влияние ГНТП на общий рынок ТСО, в том числе и на проведение НИОКР. Это фактически свело ГНТП в стране к уровню конкуренции между Предприятиями при распределении долей данного рынка.

После вхождения в 2016 году ВО в состав Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии) [10] ГНТП значительных изменений не претерпела.

Исходя из вышеизложенного в части состояния рынка ТСО и оказания охранных услуг, с учетом определения понятия «отрасль эконо-

мики» [34], можно констатировать, что произошедшие с 1992 года изменения в части производственных отношений и разрешения частной охранной деятельности в нашей стране позволили к настоящему времени сформировать в экономике Российской Федерации отдельную отрасль, которая представлена в двух сферах:

- материального производства — производство различного вида ТСО, развертывание СЦН (ИСБ) на охраняемых объектах;

- нематериального производства — НИОКР и оказание услуг по эксплуатации СЦН (ИСБ), а также реагированию на возникающие угрозы.

Наличие и успешное функционирование указанной отрасли экономики показывает правильность проведенных в Российской Федерации реформ в области охранной деятельности, связанной с предоставлением услуг физическим и юридическим лицам.

Однако хроническое недофинансирование в последние десятилетия со стороны государства НИОКР по созданию ТСО привело к тому, что основную роль в их разработке взяли на себя частные организации. С какой-то долей участия государства на рынке фактически остались только предприятия, занятые в сфере создания систем и средств охраны для особо важных объектов, например, входящие в ГК «Росатом» [28, 35, 36]. Сложившийся к настоящему времени в России подход к созданию ТСО обеспечивает достаточно чуткое реагирование на запросы потребителя в сфере внедрения инноваций в области информационных технологий. Вместе с тем заинтересованность всех участников рынка в проведении НИОКР по разработке принципиально новых средств охраны снижена. Такое положение дел связано прежде всего с тем, что использование информационных технологий в ТСО является относительно быстрым способом повысить потребительские свойства уже имеющихся средств, а следовательно, при минимальных временных и финансовых затратах получить большую норму прибыли. В свою очередь, для разработки принципиально новых ТСО необходимо проведение фундаментальных исследований, что требует значительных финансовых затрат без гарантии их возврата, так как цели данных исследований в перспективе могут быть не достигнуты. В настоящее время Предприятия не имеют достаточных экономических ресурсов и у них отсутствует серьезный стимул к проведению таких исследований, а государство в силу различных причин данные работы в требуемых объемах не финансирует. Анализ причин не является предметом данной статьи.

Как отмечалось ранее, подразделения ВО и ЧОО в своей инженерно-технической деятельности в большинстве случаев применяют аналогичные принципы охраны объектов, основанные на использовании на ПЦО и в мониторинговых центрах однотипных СЦН, что создает конкурентную среду для конечного потребителя их услуг. А так как оказание охранных услуг ВО и ЧОО напрямую обеспечивает достижение одного из национальных интересов нашей страны в части защиты граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств [12], то их деятельность должна осуществляться по единым стандартам, устанавливаемым государством, и не зависит от того, кто их предоставляет. С этой целью п. 1 Положения о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации (далее — Положение о Росгвардии) [11] определено, что Росгвардия является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере частной охранной деятельности и ВО. Там же в п. 9 установлено, что Росгвардия имеет полномочия разрабатывать и реализовывать единую техническую политику в области создания, промышленного освоения, контроля качества, внедрения и эксплуатационного обслуживания продукции (товаров, работ, услуг), поставляемой для войск национальной гвардии.

Распоряжением Росгвардии от 7 июня 2023 г. № 1/1107-р [22] вводится Единая техническая политика в сфере ВО, в которой установлено, что она является частью ГНТП и реализуется через следующие документы:

- Единые требования к системам передачи извещений, объектовым техническим средствам охраны и охранным сигнальнопротивоугонным устройствам автотранспортных средств, предназначенным для применения в подразделениях ВО войск национальной гвардии Российской Федерации (далее — Единые требования) [37];

- Список технических средств безопасности, удовлетворяющих «Единым требованиям к системам передачи извещений, объектовым техническим средствам охраны и охранным сигнальнопротивоугонным устройствам автотранспортных средств, предназначенным для применения в подразделениях вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации» (далее — Список) [38].

Указанные документы рекомендованы к применению решением расширенного заседания Технического совета Главного управления вневедомственной охраны Росгвардии. Такой статус

Единых требований и Списка позволяет применять их только в рамках подразделений ВО. Также необходимо отметить, что включение Росгвардией в Список технического средства осуществляется на добровольной основе по инициативе Предприятия и не оказывает прямого влияния на повышение объемов использования данного технического средства в СЦН (объема продаж).

Одновременно в Российской Федерации много лет существует система национальных стандартов на ТСО, используемые в СЦН, например [23—25], но в соответствии с Федеральным законом от 29 июня 2015 г. №162-ФЗ [7] указанные стандарты перестали быть обязательными и применяются на добровольной основе. При этом зачастую ряд тактико-технических характеристик, установленных Едиными требованиями, для средств, включаемых в Список, имеют более высокие показатели, чем установлены национальными стандартами, например, к источникам электропитания вторичным с резервом.

Поэтому проведение ГНТП только в рамках ВО Росгвардии создает предпосылки для ЧОО в целях получения дополнительной прибыли применять в своих СЦН отечественные и иностранные ТСО, обладающие худшими тактико-техническими характеристиками по сравнению с установленным в национальных стандартах и тем более в Единых требованиях Росгвардии, и вследствие этого имеющие, как правило, меньшую стоимость.

Применение на охраняемых ЧОО объектах указанных ТСО может привести к несвоевременному принятию мер по противодействию возникающим инцидентам или их пропуску из-за низких показателей вероятности обнаружения нарушителей или снижения надежности изделий (увеличение числа ложных тревог), формирующих условия для выработки толерантности к сигналам «Тревога» у сил реагирования.

Кроме того, отсутствие единых правил осуществления проектных и монтажных работ по оборудованию охраняемых объектов ТСО из состава СЦН в совокупности с низким качеством их тактико-технических характеристик также создает предпосылки снижения вероятности обнаружения нарушителя.

Немаловажным фактом является то, что ЧОО в целях экономии на людских ресурсах в качестве сил реагирования на тревожные сообщения, регистрируемые СЦН мониторинговых центров, в том числе и ложным, зачастую привлекают дежурные силы подразделений ВО Росгвардии или подразделений МВД России. Такое задействование сил правопорядка опирается на законодательство Рос-

сийской Федерации в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [6, 8], что приводит к увеличению нагрузки на личный состав подразделений данных ведомств.

Рассмотренные выше неурегулированные вопросы ГНТП при прочих равных условиях:

- во-первых, позволяют ЧОО более гибко формировать тарифы на оказание охранных услуг в сторону их уменьшения, при необходимости осуществляя целенаправленный демпинг в отношении подразделений ВО, что сужает круг потенциальных заказчиков охранных услуг для них;

- во-вторых, могут привести к снижению качества предоставления охранных услуг со стороны ЧОО, что несет в себе риск репутационных потерь для государства. Это связано с тем, что в случае непредотвращения или несвоевременного реагирования на инциденты, особенно на социальных объектах и объектах с массовым пребыванием граждан, вопросы будут возникать в первую очередь, в том числе на эмоциональном уровне, к государству в лице его органов обеспечения безопасности и правопорядка о непринятии ими необходимых мер.

Исходя из вышеизложенного, а также во исполнение п. 1 Положения о Росгвардии [11] видится актуальным создание современных механизмов проведения ГНТП, которые определяются следующими положениями:

- 1) необходимостью повышения уровня защиты граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств как реализации одного из национальных интересов Российской Федерации [12];

- 2) потребностью в снижении репутационных потерь Российской Федерации за счет повышения качества предоставления охранных услуг ВО Росгвардии и ЧОО для физических и юридических лиц;

- 3) обязательностью создания для подразделений ВО Росгвардии и ЧОО системы взаимодействия и разграничения сфер и полномочий при оказании охранных услуг;

- 4) актуальностью снижения паразитной нагрузки на дежурные силы подразделений ВО Росгвардии и подразделений МВД России.

При этом необходимо отметить, что в основе успешного проведения ГНТП, как это было показано выше, лежат НИОКР, следовательно, в первую очередь должен быть разработан механизм решающего влияния Росгвардии на программу исследований и разработок ИСФЗ и ТСО в сфере обеспечения охраны имущества физических и юридических лиц в нашей стране, а также на процессы их применения в СЦН (ИСБ).

Авторы также считают, что решение обозначенных в статье проблем в области ГНТП должно быть направлено на:

- обеспечение преимущества для поступления на рынок охранных услуг качественной продукции;

- развертывание в Российской Федерации системы обязательной сертификации ТСО;

- запуск процесса проведения фундаментальных исследований и разработок по созданию принципиально новых ТСО.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г.

№ 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

3. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (ред. от 21.04.2025) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. — 1992. — № 17. — Ст. 888.

4. О науке и государственной научно-технической политике : Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 35. — Ст. 4137.

5. О федеральном бюджете на 2004 год : Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 186-ФЗ (ред. от 10.11.2004) // Собрание законодательства РФ. — 2003 — № 52 (ч. I). — Ст. 5038.

6. О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2011 — № 7. — Ст. 900.

7. О стандартизации в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 27. — Ст. 3953.

8. О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 27 (ч. I). Ст. 4159.

9. О частной охранной деятельности : Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 49 (ч. IV). — Ст. 7418.

10. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 (ред. от 17.06.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 15. — Ст. 2072.

11. О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 (ред. от 23.05.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 41 — Ст. 5802.

12. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 27 (ч. II). — Ст. 5351.

13. Об упорядочении охраны предприятий, организаций и учреждений : постановление Совета Министров СССР от 24 января 1959 г. № 93-42 // Государственный архив РФ. — Ф. Р-546. — Оп. 10ба. — Д. 1138. — Л. 190—195.

14. О мерах по внедрению технических средств охраны на объектах, охраняемых ведомственной военизированной и сторожевой охраной и вневедомственной сторожевой охраной : постановление Совет Министров РСФСР от 18 мая 1962 г. № 670 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/885226997> (дата обращения 23.06.2025).

15. Об утверждении Типового положения о вневедомственной охране при органах милиции : постановление Совета Министров СССР от 18 февраля 1966 г. № 129 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711441> (дата обращения 22.05.2025).

16. Об утверждении Положения о вневедомственной охране при органах внутренних дел Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 589 (ред. от 04.08.2005) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 1992. — № 8. — Ст. 507.

17. Вопросы реформирования вневедомственной охраны при органах внутренних дел Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 11 февраля 2005 г. № 66 (ред. от 09.09.2015) // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 8. — Ст. 648.

18. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2009 г. № 982 : постановление Правительства Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 182 // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 10. — Ст. 1032.

19. Об организации исполнения постановления правительства Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 589 «Об утверждении положения о вневедомственной охране при органах внутренних дел Российской Федерации»: приказ МВД РФ 20 октября 1992 г. № 372 // URL: <https://base.garant.ru/1352032/?ysclid=mc4axk7hvj772096792> (дата обращения: 23.06.2025).

20. Об утверждении Основных направлений совершенствования инженерно-технической службы вневедомственной охраны на 1995—1996 гг. : приказ МВД РФ от 28 декабря 1994 г. № 435 // URL: <https://base.garant.ru/1352304/?ysclid=mc4b2ja0vc98211655> (дата обращения: 23.06.2025).

21. Об утверждении Инструкции по организации эксплуатации технических средств охраны на объектах, охраняемых вневедомственной охраной при органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД РФ от 2 ноября 2005 г. № 890 // URL: <https://base.garant.ru/1356212/> (дата обращения: 23.06.2025).

22. О формировании и реализации Единой технической политики в сфере вневедомственной охраны : распоряжение Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 7 июня 2023 г. № 1/1107-р // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407254410/> (дата обращения: 23.06.2025).

23. ГОСТ Р 52551-2016. Системы охраны и безопасности. Термины и определения : утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 22 ноября 2016 г. № 1743-ст. — М. : Стандартинформ, 2016.

24. ГОСТ Р 56102.1-2014. Системы централизованного наблюдения. Часть 1. Общие положения : утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 10 сентября 2014 г. № 1045-ст. — М. : Стандартинформ, 2015.

25. ГОСТ Р 57674-2017. Интегрированные системы безопасности. Общие положения : утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 19 сентября 2017 г. № 1142-ст. — М. : Стандартинформ, 2017.

26. Курбанбаев Д. Ж., Булычева М. Ф. Актуальность применения СТО для совершенствования способов управления территориальной безопасностью воинских частей // Инновационное развитие в образовательной деятельности. — 2023. — № 2 (7). — С. 116.

27. Портал ФКУ «НИЦ «Охрана» Росгвардии // URL: <https://nicohrana.ru/o-nas/> (дата обращения: 22.05.2025).

28. Портал АО «ФЦНИВТ «СНПО «Элефон» // URL: <https://site-9e6f23c.1c-umi.ru/o-kompanii/> (дата обращения: 22.05.2025).

29. Сухина Г. А., Резник А. В., Кандауров А. А. 45 лет на передовых рубежах ракетной науки. Исторический очерк о Военно-научном комитете РВСН 1962-2007 гг. / под ред. В. С. Дикова — М. : ЦИПК РВСН, 2007. — 126 с.

30. Перечень технических средств, разрешенных к применению во вневедомственной охране в 2004 году П 78.36.001-2004 // URL: <https://ohranatruda.ru/upload/iblock/0f7/4294813844.pdf?ysclid=ma2jnx51cu254778535> (дата обращения: 22.05.2025).

31. Инженерно-техническая укрепленность. Технические средства охраны. Требования и нормы проектирования по защите объектов от преступных посягательств : руководящий документ РД 78.36.003-2002 // URL: <https://legalacts.ru/doc/rd-7836003-2002> (дата обращения: 22.05.2025).

32. Единые технические требования к объектовым подсистемам технических средств охраны (ТСО), предназначенным для применения в подразделениях вневедомственной охраны, утвержденные ДГЗИ МВД России 1 октября 2008 г. // URL: <https://k-systemy.ru/f/yettkobyektovympod sistemamtso.pdf> (дата обращения: 22.05.2025).

33. Бюллетень технических средств безопасности, рекомендованных к использованию подразделениями вневедомственной охраны и филиалами ФГУП «Охрана», утвержденный Департаментом государственной защиты имущества МВД России 21 мая 2007 г. // URL: http://www.ktso.ru/normdoc/bulleten_tsb-2007/bulleten_tsb-2007_0.php (дата обращения: 22.05.2025).

34. Большой экономический словарь: 19000 терминов / М. Ю. Агафонова [и др.]; под ред. А. Н. Азрилияна. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Ин-т новой экономики, 1997. — 856 с.

35. Портал АО «НИКИРЭТ» // URL: <https://www.nikiret.ru/about/history/> (дата обращения: 22.05.2025).

36. Портал АО «НПК «Дедал» // URL: <https://www.dedal.ru/company/history/> (дата обращения: 22.05.2025).

37. Единые требования к системам передачи извещений, объектовым техническим средствам охраны и охранным сигнально-противоугонным устройствам автотранспортных средств, предназначенным для применения в подразделениях вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации, утвержденные решением расширенного заседания Технического совета ГУВО Росгвардии (Протокол № 2 от 14—17 октября 2024 г.) // URL: <https://nicohrana.ru/wp-content/uploads/2024/11/et-2024.pdf> (дата обращения: 22.05.2025).

38. Список технических средств безопасности, удовлетворяющих «Единым требованиям к системам передачи извещений, объектовым техническим средствам охраны и охранным сигнальнопротивоугонным устройствам автотранспортных средств, предназначенным для применения в подразделениях вневедомственной

охраны войск национальной гвардии Российской Федерации», утвержденный решением расширенного заседания Технического совета ГУВО Росгвардии (Протокол № 2 от 14—17 октября 2024 г.) // URL: <https://nicohrana.ru/wp-content/uploads/2024/11/spisok-2024.pdf> (дата обращения: 22.05.2025).

REFERENCES

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2020. — № 11. — St. 1416.

2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 1996. — № 25. — St. 2954.

3. O chastnoj detektivnoj i ohrannoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii : zakon Rossijskoj Federacii ot 11 marta 1992 g. № 2487-I (red. ot 21.04.2025) // Vedomosti S"ezda narodnyh deputatov RF i Verhovnogo Soveta RF. — 1992. — № 17. — St. 888.

4. O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tekhnicheckoj politike : Federal'nyj zakon ot 23 avgusta 1996 g. № 127-FZ (red. ot 24.06.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 1996. — № 35. — St. 4137.

5. O federal'nom byudzhete na 2004 god : Federal'nyj zakon ot 23 dekabrya 2003 g. № 186-FZ (red. ot 10.11.2004) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2003 — № 52 (ch. I). — St. 5038.

6. O policii : Federal'nyj zakon ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ (red. ot 28.02.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2011 — № 7. — St. 900.

7. O standartizacii v Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 29 iyunya 2015 g. № 162-FZ (red. ot 30.12.2020) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2015. — № 27. — St. 3953.

8. O vojskakh nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 226-FZ (v red. ot 08.08.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2016. — № 27 (ch. I). St. 4159.

9. O chastnoj ohrannoj deyatel'nosti : Federal'nyj zakon ot 30 noyabrya 2024 g. № 427-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2024. — № 49 (ch. IV). — St. 7418.

10. Voprosy Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 5 aprelya 2016 g. № 157 (red. ot 17.06.2019) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2016. — № 15. — St. 2072.

11. O Federal'noj sluzhbe vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30 sentyabrya 2016 g. № 510 (red. ot 23.05.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2016. — № 41 — St. 5802.

12. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2021 g. № 400 // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2021. — № 27 (ch. II). — St. 5351.

13. Ob uporyadochenii ohrany predpriyatij, organizacij i uchrezhdenij : postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 24 yanvarya 1959 g. № 93-42 // Gosudarstvennyj arhiv RF. — F. R-546. — Op. 10ba. — D. 1138. — L. 190—195.

14. O merah po vnedreniyu tekhnicheskikh sredstv ohrany na ob"ektah, ohranyaemykh vedomstvennoj voenizirovannoj i storozhevoj ohranoj i vnevedomstvennoj storozhevoj ohranoj : postanovlenie Sovet Ministrov RSFSR ot 18 maya 1962 g. № 670 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/885226997> (data obrashcheniya 23.06.2025).

15. Ob utverzhdenii Tipovogo polozheniya o vnevedomstvennoj ohrane pri organah milicii : postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 18 fevralya 1966 g. № 129 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711441> (data obrashcheniya 22.05.2025).

16. Ob utverzhdenii Polozheniya o vnevedomstvennoj ohrane pri organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 avgusta 1992 g. № 589 (red. ot 04.08.2005) // Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF. — 1992. — № 8. — St. 507.

17. Voprosy reformirovaniya vnevedomstvennoj ohrany pri organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 11 fevralya 2005 g. № 66 (red. ot 09.09.2015) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2005. — № 8. — St. 648.

18. O vnesenii izmenenij v postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 1 dekabrya 2009 g. № 982 : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 4 marta 2013 g. № 182 // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2013. — № 10. — St. 1032.

19. Ob organizacii ispolneniya postanovleniya pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 avgusta 1992 g.

№ 589 «Об утверждении положений о вневедомственной охране при органах внутренних дел Российской Федерации»: приказ МВД РФ 20 октября 1992 г. № 372 // URL: <https://base.garant.ru/1352032/?ysclid=mc4axk7hvj772096792> (дата обращения: 23.06.2025).

20. Об утверждении Основных направлений совершенствования инженерно-технической службы вневедомственной охраны на 1995—1996 гг.: приказ МВД РФ от 28 декабря 1994 г. № 435 // URL: <https://base.garant.ru/1352304/?ysclid=mc4b2ja0vc98211655> (дата обращения: 23.06.2025).

21. Об утверждении Инструкции по организации эксплуатации технических средств охраны на объектах, охраняемых вневедомственной охраной при органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД РФ от 2 ноября 2005 г. № 890 // URL: <https://base.garant.ru/1356212/> (дата обращения: 23.06.2025).

22. О формировании и реализации Единой технической политики в сфере вневедомственной охраны: распоряжение Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 7 июня 2023 г. № 1/1107-р // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407254410/> (дата обращения: 23.06.2025).

23. GOST R 52551-2016. Системы охраны и безопасности. Термины и определения: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 22 ноября 2016 г. № 1743-ст. — М.: Стандартинформ, 2016.

24. GOST R 56102.1-2014. Системы централизованного наблюдения. Част' 1. Общие положения: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 10 сентября 2014 г. № 1045-ст. — М.: Стандартинформ, 2015.

25. GOST R 57674-2017. Интегрированные системы безопасности. Общие положения: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 19 сентября 2017 г. № 1142-ст. — М.: Стандартинформ, 2017.

26. Kurbanbaev D. Zh., Bulycheva M. F. Aktual'nost' primeneniya STO dlya sovershenstvovaniya sposobov upravleniya territorial'noj bezopasnost'yu voinskih chastej // Innovacionnoe razvitie v obrazovatel'noj deyatel'nosti. — 2023. — № 2 (7). — S. 116.

27. Portal FKU «NIC «Ohrana» Rosgvardii // URL: <https://nicohrana.ru/o-nas/> (дата обращения: 22.05.2025).

28. Portal AO «FCNIVT «SNPO «Eleron» // URL: <https://site-9e6f23c.1c-umi.ru/o-kompanii/> (дата обращения: 22.05.2025).

29. Suhina G. A., Reznik A. V., Kandarov A. A. 45 let na peredovyh rubezhah raketnoj nauki. Istoricheskij ocherk o Voенно-nauchnom komitete RVSН 1962-2007 gg. / pod red. V. S. Dikova — М.: CIPK RVSН, 2007. — 126 s.

30. Perechen' tekhnicheskikh sredstv, razreshennyh k primeneniyu vo vnevodomstvennoj ohrane v 2004 godu P 78.36.001-2004 // URL: <https://ohranatruda.ru/upload/iblock/0f7/4294813844.pdf?ysclid=ma2jnx51cu254778535> (дата обращения: 22.05.2025).

31. Inzhenerno-tekhnicheskaya ukreplennost'. Tekhnicheskie sredstva ohrany. Trebovaniya i normy proektirovaniya po zashchite ob"ektov ot prestupnyh posyagatel'stv: rukovodyashchij dokument RD 78.36.003-2002 // URL: <https://legalacts.ru/doc/rd-7836003-2002> (дата обращения: 22.05.2025).

32. Edinye tekhnicheskie trebovaniya k ob"ektovym podsystemam tekhnicheskikh sredstv ohrany (TSO), prednaznachennym dlya primeneniya v podrazdeleniyah vnevodomstvennoj ohrany, utverzhennyye DGZI MVD Rossii 1 oktyabrya 2008 g. // URL: <https://k-systemy.ru/f/yettkobyektovym-podsystemamtso.pdf> (дата обращения: 22.05.2025).

33. Byulleten' tekhnicheskikh sredstv bezopasnosti, rekomendovannyh k ispol'zovaniyu podrazdeleniyami vnevodomstvennoj ohrany i filialami FGUP «Ohrana», utverzhennyj Departamentom gosudarstvennoj zashchity imushchestva MVD Rossii 21 maya 2007 g. // URL: http://www.ktso.ru/normdoc/bulleten_tsb-2007/bulleten_tsb-2007_0.php (дата обращения: 22.05.2025).

34. Bol'shoj ekonomicheskij slovar': 19000 terminov / M. Yu. Agafonova [i dr.]; pod red. A. N. Azriliyana. — 2-e izd., pererab. i dop. — М.: In-t novej ekonomiki, 1997. — 856 s.

35. Portal AO «NIKIRET» // URL: <https://www.nikiret.ru/about/history/> (дата обращения: 22.05.2025).

36. Portal AO «NPK «Dedal» // URL: <https://www.dedal.ru/company/history/> (дата обращения: 22.05.2025).

37. Edinye trebovaniya k sistemam peredachi izveshchenij, ob"ektovym tekhnicheskim sredstvam ohrany i ohrannym signal'no-protivougonnym ustrojstvam avtotransportnyh sredstv, prednaznachennym dlya primeneniya v podrazdeleniyah vnevodomstvennoj ohrany vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, utverzhennyye resheniem rasshirenogo zasedaniya Tekhnicheskogo soveta GUVO Rosgvardii (Protokol № 2 ot 14—17 oktyabrya 2024 g.) // URL: <https://nicohrana.ru/wp-content/uploads/2024/11/et-2024.pdf> (дата обращения: 22.05.2025).

38. Spisok tekhnicheskikh sredstv bezopasnosti, udovletvoryayushchih «Edinym trebovaniyam k sistemam peredachi izveshchenij, ob"ektovym tekhnicheskim sredstvam ohrany i ohrannym signal'no-protivougonnym ustrojstvam avtotransportnyh

sredstv, prednaznachennym dlya primeneniya v podrazdeleniyah vnevedomstvennoj ohrany vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii», utverzhdenyj resheniem rasshirennogo zasedaniya

Tekhnicheskogo soveta GUVU Rosgvardii (Protokol № 2 ot 14—17 oktyabrya 2024 g.) // URL: <https://nicohrana.ru/wp-content/uploads/2024/11/spisok-2024.pdf> (data obrashcheniya: 22.05.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гапоненко Вадим Александрович. Старший научный сотрудник отдела развития централизованной охраны. Кандидат технических наук.

Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский центр «Охрана» федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

E-mail: GaponenkoVA@rosgvard.ru

Россия, 111539, Москва, ул. Реутовская, 12б.

Талышев Николай Васильевич. Начальник отдела развития централизованной охраны. Кандидат технических наук, доцент.

Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский центр «Охрана» федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

E-mail: TalishevNV@rosgvard.ru

Россия, 111539, Москва, ул. Реутовская, 12б.

Gaponenko Vadim Aleksandrovich. Senior researcher of the Department of development of centralized security. Candidate of Technical Sciences.

Federal state Institution «Scientific Research Center «OKHRANA» of the Federal service of National Guard of Russia.

E-mail: GaponenkoVA@rosgvard.ru

Work address: Russia, 111539, Moscow, Reutovskaya Str., 12b.

Talyshev Nikolay Vasilyevich. Head of the Department of development of centralized security. Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor.

Federal state Institution «Scientific Research Center «OKHRANA» of the Federal service of National Guard of Russia.

E-mail: TalishevNV@rosgvard.ru

Work address: Russia, 111539, Moscow, Reutovskaya Str., 12b.

Ключевые слова: государственная научно-техническая политика; мониторинговый центр; вневедомственная охрана; система централизованного наблюдения; технические средства охраны; частная охранная организация.

Key words: state scientific and technical policy; monitoring center; security units; centralized surveillance system; technical security equipment; private security organization.

УДК 351.741

С. В. Gladchenko, кандидат педагогических наук

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

SOME THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF CONTESTABILITY IN CONTEMPORARY CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье актуализируются интерпретации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Проанализирована сущность и признаки состязательности с учетом современных реалий уголовного судопроизводства. Отмечается дискуссионность взаимосвязи принципа состязательности с равноправием сторон, возможность его использования на всех этапах уголовного процесса.

The article updates the interpretations of the principle of adversarial proceedings in criminal justice. The essence and characteristics of adversarial proceedings have been analyzed taking into account the modern realities of criminal proceedings. The article notes the controversial relationship between the principle of adversarial proceedings and the equality of the parties, as well as the possibility of using it at all stages of the criminal process.

Основой любого судопроизводства выступают его принципы. В их системе роль принципа состязательности сторон неоспорима. В процессе состязания сторон достигается истина и разрешается спор, определяются особенности судебного разбирательства.

Несмотря на то, что принцип состязательности достаточно давно известен уголовно-процессуальному законодательству, внимательно проработан научным сообществом, число дискуссий и размышлений в отношении отдельных его составляющих со временем не снижается. Среди обсуждаемых аспектов: содержательное наполнение состязательности; ее проявление на различных этапах уголовного судопроизводства; роль суда, прокурора, защитника в состязательном процессе; модификация состязательности в условиях информатизации.

Часть 5 ст. 123 Конституции Российской Федерации декларирует осуществление судопроизводства «на основе состязательности и равноправия сторон», развивает данное утверждение ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Термин «состязательность» в уголовном процессе толкуется по-разному. Так, позицию М. С. Строговича о присутствии состязательности в уголовном судопроизводстве России в качестве одного из принципов разделяют П. А. Лупинская, П. И. Кудрявцев, Э. Ф. Куцова, Н. Н. Полянский и др. Вместе с тем отдельные процессуалисты рассуждают об отсутствии состязательности

(Л. Н. Гусев, З. В. Макарова, К. Ф. Скворцов) и бездоказательном ее включении в число принципов уголовного судопроизводства (Р. Х. Якупов).

Н. Н. Полянский состязательность воспринимает как «метод отыскания истины», заключающийся в состязании сторон под контролем и непосредственным участием суда [1]; А. В. Смирнов, Д. А. Исмаилов — как тип уголовного процесса [2; 3]; И. Л. Петрухин — как «форму организации судопроизводства» с характерным расчленением функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела [4]; Т. Г. Бородинова — как общее условие судебного разбирательства, ввиду возможности реализации в полном объеме только на судебных стадиях уголовного процесса [5].

Резюмируя, обратим внимание на два направления в юриспруденции относительно правовой природы состязательности. Одно направление исследует состязательность как принцип уголовного судопроизводства, другое ставит под сомнение наличие у состязательности признаков общеправового принципа уголовного процесса. Мы в своих рассуждениях придерживаемся версии законодателя, поместившего статью 15 в главу 2 УПК РФ и тем самым включившего состязательность в число принципов уголовного судопроизводства.

Содержательная основа состязательности менее полемична и инкорпорирует разрешение дела с участием трех субъектов — стороны и суд; разграничение процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела; равноправие сторон;

беспристрастность суда и обеспечение им необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и реализации их прав.

Фундамент состязательного процесса базируется на сторонах, обладающих равными правами (ч. 4 ст. 15 УПК РФ) и запрете возлагать на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела [6]. Сторона — это тот участник «процесса, который выступает перед судом как носитель определенных интересов, обладает процессуальными правами для отстаивания этих интересов» [7].

УПК РФ использует дефиницию «участник» процесса. Сторону же в процессе представляет один из участников, выполняющих функцию обвинения или защиты. Такая терминология оппонируется в исследованиях, представляется не совсем удачной, вплоть до того, что отказ законодателя от понятия «стороны» связывают с приобретением участниками со стороны обвинения более привилегированного положения, чем участниками со стороны защиты [8; 9; 10]. Например, прокурор поддерживает государственное обвинение и имеет больше возможностей по собиранию и предоставлению доказательств суду, чем обвиняемый. А защитник на фоне лиц, осуществляющих предварительное расследование, наделенных широкими полномочиями по производству следственных действий, применению мер уголовно-процессуального принуждения, лишен подобных возможностей.

Мы рассматриваем такие заключения как спорные и разделяем позицию правоведов, которые через детализацию процессуального статуса отдельных участников уголовного процесса обращаются к вопросам реализации принципа состязательности. В частности, среди участников со стороны обвинения самым противоречивым выглядит следователь. Принимая решения по уголовному делу, он действует как сторона обвинения, а при составлении обвинительного заключения, указывая доказательства, на которые ссылается сторона защиты, выполняет функцию защиты. Отсюда вывод о неправильности причисления должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, к стороне судопроизводства [11]. Как следствие, имеющие место инициативы относительно уточнения процессуального статуса следователя, закрепления за ним только обвинительной составляющей. А также более радикальные предложения, исключающие следователя из числа участников процесса на стороне обвинения и придающие ему статус судебного следователя; наделяющие функцией предваритель-

ного расследования с возложением на следователя обязанности по поддержанию обвинения в зале суда [12].

Мы вслед за В. Л. Кудрявцевым не видим в этом целесообразности ввиду того, что следователь будет лишен возможности выполнять возложенные на него задачи и перед законодателем возникнет вопрос об обозначении новой функции для следователя и ее встраивании в уже существующие [13]. Наверное, будет правильным уйти от обсуждения исключения следователя из числа участников со стороны обвинения и обратиться к вопросам точного и неукоснительного исполнения им закона для всесторонней реализации принципа состязательности.

Состязательность возможна не только при конкуренции участвующих в деле лиц, а равным образом «при наличии активной роли суда, наделенного функциями правосудия по руководству и управлению процессом» [14]. И. Я. Фойницкий подчеркивал, что суд в своей деятельности «заклучен в рамки требований, предъявляемых сторонами, не имея права выходить за их пределы» [15]. Не оспариваются юридической наукой обозначенные М. С. Строговичем задачи суда (руководство процессом, активное исследование обстоятельств дела и решение самого дела) [7] и правило, предусмотренное ч. 3 ст. 15 УПК РФ, об исключении суда из системы государственных органов, осуществляющих уголовное преследование, невозможность суда участвовать в процессе на стороне обвинения или защиты.

Обратимся к одной из самых полемизируемых составляющих принципа состязательности — равноправию сторон. М. С. Строгович равноправие рассматривает как равенство «процессуальных средств», необходимых сторонам для «отстаивания своих убеждений и оспаривания утверждения противной стороны» [7]. В понимании А. Я. Вышинского равноправие сторон начинается действовать «с момента допущения участия защитника в процессе» и приобретения им «тех прав, какие представляются обвинителю» [16].

Сравнительный анализ научных источников дефиниции «равноправие» отображает её особенности и дает возможность вести речь о ней как:

- о составляющей принципа состязательности, выражающей «не равенство сторон, а их равные права в процессе доказывания»;

- об общем условии судебного разбирательства, не обладающем чертами принципов [8];

- о самостоятельном принципе уголовного судопроизводства, ввиду наделения стороны обвинения, представленной органами государственной власти, публично-правовыми компетенциями, не позволяющими говорить о наличии у неё равного объема прав со стороной защиты [11];

- об элементе состязательности, присутствующем только на судебных стадиях уголовного судопроизводства (ст. 244 УПК РФ).

На наш взгляд заслуживают внимания рассуждения Н. Г. Муратовой, акцентирующей внимание на противоречиях в формулировках ч. 3 ст. 123 Конституции РФ («и равноправия сторон») и ч. 4 ст. 15 УПК РФ («стороны обвинения и защиты равноправны перед судом») и предлагающей не порождать неверные представления о равенстве сторон и не смешивать понятия [17]. Мы разделяем и тезис о том, что равноправие сторон выступает одним из главных условий реализации состязательности, первостепенно для сторон, несмотря на дисбаланс в применении состязательности и равноправия на практике.

Редакция ч. 4 ст. 15 УПК РФ большинством исследователей толкуется буквально: стороны равноправны только в присутствии суда либо лишь на судебных стадиях. Как результат — распространение принципа состязательности исключительно на судебные стадии процесса. Несомненно, такой вывод неоднозначен, но в целом, состязательность не может одинаково распространяться на все этапы уголовного судопроизводства. В частности, М. В. Духовской, В. И. Викторский писали об элементах состязательности при «подготовке к суду», а вот судебное разбирательство проникнуто уже сравнительно большим состязательным началом [18].

А. Я. Вышинский устанавливает «начало состязательности и равноправия сторон ... с момента окончания предварительного следствия», получает она «свое наиболее полное выявление в судебно-следственной стадии процесса» [16]. М. С. Строгович возможность реализации принципа состязательности связывает исключительно с одновременным присутствием прокурора и защитника [7].

Современная дискуссия о применении принципа состязательности сводится, прежде всего, к узкому и не всегда корректному толкованию термина «судопроизводство» (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ч. 1 ст. 15 УПК РФ) и как следствие, ограниченности состязательности в досудебном производстве.

Напомним, что норма ч. 1 ст. 15 УПК РФ указывает на ведение всего уголовного судопроизводства на основе состязательности, а собственно понятие «судопроизводство» подразумевает и досудебные этапы (п. 56 ст. 5 УПК РФ).

Очевидно, что применение принципа состязательности в досудебном производстве наиболее часто подвергается обсуждению, поскольку УПК РФ закрепил построение досудебных производств по розыскному типу, но с внедрением элементов состязательности. Это выражается в судебном контроле за предварительным расследованием;

наделении участников судопроизводства полномочиями по участию в собирании доказательств и др. Однако остается много спорных вопросов. В частности, требует доработки процедура избрания меры пресечения в части усиления возможностей защиты, особенно в тех случаях, когда у следователя, руководителя следственного органа и прокурора нет единого мнения по разрешаемому ходатайству [19]. Кроме того, для оптимизации применения состязательности в досудебном производстве современная наука предлагает неоднозначные решения: внедрить институт «следственного судьи» (В. И. Руднев); обязать судебного следователя собирать доказательства без оправдательного и обвинительного уклона (И. Л. Петрухин); создать Палату предварительного производства, которая бы принимала решения в досудебных стадиях уголовного процесса на основе принципа состязательности (А. Ю. Чурикова).

В литературе отмечается ослабление использования состязательности даже в судебном разбирательстве за счет сокращения живой полемики сторон и популяризации такого способа исследования доказательств, как оглашение показаний, данных в досудебном производстве. В связи с этим вносится абсолютно полемичное, на наш взгляд, предложение включить «состязательность» в систему общих условий судебного разбирательства и применять только в судебном производстве.

Более того, не все судебные процедуры отвечают требованиям состязательности в чистом виде, речь идет, прежде всего, об особом порядке рассмотрения уголовных дел. В особом порядке отсутствует ядро состязательности — это спор о виновности (Н. Г. Стойко), наблюдается уход от полноценного доказывания всех значимых для дела обстоятельств (О. В. Химичева), присутствует процессуальное неравенство сторон (Ю. П. Синельщиков). Для коррекции ситуации предлагается сузить категорию дел, по которым судебное разбирательство может проходить в особом порядке, закрепить правило обязательного допроса обвиняемого в суде по существу предъявленного ему обвинения.

Переосмысливаются и аспекты реализации принципа состязательности сторон после оглашения приговора и вступления его в законную силу. Проблематика представлена работами, демонстрирующими: а) неоднозначность положения прокурора и суда в суде апелляционной инстанции (С. В. Романов, А. В. Кудрявцева); б) недостаточные возможности суда по устранению судебной ошибки в суде кассационной инстанции (В. А. Давыдов); в) неопределенность действия

принципа состязательности и аспекты его гарантированности в стадии исполнения приговора (С. В. Бурмагин, С. М. Даровских).

Такое критическое отношение к принципу состязательности сторон в какой-то степени оправдано сущностью отечественного уголовного процесса. О смешанной форме процесса с элементами состязательного начала писал В. И. Викторский [18]. «В чистом виде действительности не известен ни розыскной, ни состязательный порядок» рассуждал И. Я. Фойницкий [15]. По оценке В. В. Дорошкова, смешанный тип отражает реальное построение уголовного судопроизводства и именно он характеризует любой современный уголовный процесс [20].

А. В. Смирнов обращает внимание, что «ни одна реальная уголовно-процессуальная система не знает состязательных или розыскных процедур в их абсолютно чистом виде» [3]. Автор выдвигает достаточно дискуссионный тезис о перерождении в недалеком будущем состязательности в поиск компромиссов, вследствие исчезновения противостояние государства и гражданского общества [21].

А. В. Ламтева теоретизирует о конвергенции (соединении) черт обвинительного, розыскного и состязательного процессов для получения «удобного и рабочего механизма уголовного судопроизводства» [11].

Поскольку законодатель видит в состязательности общетраслевой принцип, действие которого должно распространяться на все этапы уголовного процесса, мы присоединимся к рекомен-

дации В. Ю. Стельмаха, призывающего сосредоточиться на оптимизации существующих процессуальных конструкций [21]. На наш взгляд, сегодня подобные алгоритмы должны осуществляться с учетом повсеместной цифровизации. К числу наиболее обсуждаемых из них для трансформации принципа состязательности сторон отнесем:

- укрепление возможностей стороны защиты при доступе к «электронному уголовному делу», позволяющее участникам со стороны защиты в комфортных условиях готовиться к судебному разбирательству, создающее баланс сторон на этапе предварительного расследования [12; 24];

- использование цифровых технологий для поиска и фиксации доказательств, существующих в нецифровой форме;

- увеличение качества и скорости процесса за счет модернизации коммуникативной сферы;

- повышение степени общественного доверия граждан к государству и правосудию [25].

Таким образом, состязательность сторон — изменчивая правовая категория, имеющая возможности для роста и эволюции, что подтверждают различные исследования, выступления, круглые столы [21; 23]. В статье нами предпринята попытка показать разноплановость принципа состязательности и пути его дальнейшей оптимизации. Мы не относим себя к числу сторонников кардинального переосмысления принципа состязательности, но уверены, что многие предложения заслуживают дальнейшей теоретической разработки и законодательной корректировки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. — М., 1956. — 271 с.
2. Исмаилов Д. А., Мурузиди А. В., Ожегова Г. А. Проблема обеспечения равноправия и состязательности сторон в уголовном процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2022. — Т. 8 (74). — № 3. — С. 301—308.
3. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. — СПб. : Наука, 2000. — 224 с.
4. Петрухин И. Л. Состязательность — основа правосудия // Государство и право на рубеже веков. Криминология. Уголовное право. Судебное право : материалы всерос. конф. — М., 2001. — С. 274.
5. Бородинова Т. Г. Место состязательности в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации. — URL: <https://https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 17.05.2025).
6. Насонова И. А., Халимоненко С. С. Классификация запретов в уголовно-процессуальном праве России // Вестник Воронежского института МВД России. — 2022. — № 4. — С. 172—183.
7. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Том 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. — М. : Наука, 1968. — 470 с.
8. Даровских С. М. К вопросу о соотношении понятий «состязательность» и «равноправие сторон» // Вестник ЮУрГУ. Серия : Пра-во.— 2007. — № 18. — С. 33—36.
9. Давыдова Н. Н. Принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2023. — № 5 (154). — С. 235—240.
10. Трухачев В. В., Ахмедов У. Н., Кретьнин А. В. Вопросы совершенствования уголовно-процессуального статуса участников уголовного судопроизводства и их классификации //

Вестник Воронежского института МВД России. — 2024. — № 1. — С. 165—174.

11. Дьяконова В. В. О реализации принципа состязательности в особом порядке уголовного судопроизводства // Проблемы права. — 2019. — № 1 (70). — С. 87—90.

12. Ламтева А. В. Процессуальное ассорти из типов уголовного судопроизводства // Юристы-Правоведь. — 2022. — № 4 (103). — С. 79—85.

13. Кудрявцев В. Л. Некоторые вопросы становления состязательности и особенности её реализации в контексте деятельности следователя в досудебном производстве России // Вопросы правоведения. — 2014. — № 2 (24). — С. 277—297.

14. Шумилова Л. Ф. Принципы состязательности и объективной истины как фундаментальные начала правоприменительной практики // Журнал российского права. — 2005. — № 11. — С. 54—61.

15. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. — СПб., 1996. — 607 с.

16. Вышинский А. Я. Курс уголовного процесса — URL: <https://djuvonline/file> (дата обращения: 12.05.2025).

17. Муратова Н. Г. Состязательность сторон в уголовном судопроизводстве: мифы и реальность // Вестник экономики, права и социологии. — 2010. — № 2. — С. 76—82.

18. Викторский В. И. Русский уголовный процесс. — URL: <https://rusneb.ru> (дата обращения: 14.06.2025).

19. Цоколова О. И., Безруков С. С. Проблемы реализации принципа состязательности при избрании мер пресечения // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2019. — № 33. — С. 175—186.

20. Дорошков В. В. Мироззренческие подходы к состязательности в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. — 2019. — № 7. — С. 3—11.

21. Коновалов С. Г., Снегирёва А. И. Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича // Государство и право. — 2020. — № 2. — С. 189—194.

22. Стельмах В. Ю. Некоторые проблемы состязательности в российском уголовном процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2016. — № 3 (26). — С. 292—302.

23. Качалова О. В., Марковичева Е. В. Состязательность в уголовном судопроизводстве: от классических моделей к современным технологиям // Российское правосудие. — 2019. — № 11. — С. 102—107.

24. Андреева О. И., Зайцев О. А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. — 2018. — № 12. — С. 57—61.

25. Зуев С. В., Зазулин А. И. Цифровой УПК: новая концепция развития права // Правопорядок : история, теория, практика. — 2024. — № 1 (40). — С. 67—77.

REFERENCES

1. Polyanskiy N. N. Voprosy teorii sovetskogo ugolovnogogo processa. — M., 1956. — 271 s.

2. Ismajlov D. A., Muruzidi A. V., Ozhegova G. A. Problema obespecheniya ravnopraviya i sostyazatel'nosti storon v ugolovnom processe // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. — 2022. — T. 8 (74). — № 3. — S. 301—308.

3. Smirnov A. V. Modeli ugolovnogogo processa. — SPb. : Nauka, 2000. — 224 s.

4. Petruhin I. L. Sostyazatel'nost' — osnova pravosudiya // Gosudarstvo i pravo na rubezhe vekov. Kriminologiya. Ugolovnoe pravo. Sudebnoe pravo : materialy vseros. konf. — M., 2001. — S. 274.

5. Borodinova T. G. Mesto sostyazatel'nosti v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii. — URL: <https://cyberleninka.ru> (data obrashcheniya: 17.05.2025).

6. Nasonova I. A., Halimonenko S. S. Klassifikaciya zapretov v ugolovno-processual'nom prave

Rossii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2022. — № 4. — S. 172—183.

7. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogogo processa. Tom 1 : Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogogo processa. — M. : Nauka, 1968. — 470 s.

8. Darovskih S. M. K voprosu o sootnoshenii ponyatij «sostyazatel'nost'» i «ravnopravie storon» // Vestnik YuUrGU. Seriya : Pravo. — 2007. — № 18. — S. 33—36.

9. Davydova N. N. Princip sostyazatel'nosti storon v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. — 2023. — № 5 (154). — S. 235—240.

10. Truhachev V. V., Ahmedov U. N., Kretinin A. V. Voprosy sovershenstvovaniya ugolovno-processual'nogo statusa uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva i ih klassifikacii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2024. — № 1. — S. 165—174.

11. D'yakonova V. V. O realizacii principa sostyazatel'nosti v osobom poryadke ugovolnogo sudoproizvodstva // Problemy prava. — 2019. — № 1 (70). — S. 87—90.

12. Lamteva A. V. Processual'noe assorti iz tipov ugovolnogo sudoproizvodstva // Yurist"-Pravoved". — 2022. — № 4 (103). — S. 79—85.

13. Kudryavcev V. L. Nekotorye voprosy stanovleniya sostyazatel'nosti i osobennosti eyo realizacii v kontekste deyatel'nosti sledovatelya v dosudebnom proizvodstve Rossii // Voprosy pravovedeniya. — 2014. — № 2 (24). — S. 277—297.

14. Shumilova L. F. Principy sostyazatel'nosti i ob'ektivnoj istiny kak fundamental'nye nachala pravoprimeritel'noj praktiki // Zhurnal rossijskogo prava. — 2005. — № 11. — S. 54—61.

15. Fojnickij I. Ya. Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva. — SPb., 1996. — 607 s.

16. Vyshinskij A. Ya. Kurs ugovolnogo processa — URL: <https://djvu.online/file> (data obrashcheniya: 12.05.2025).

17. Muratova N. G. Sostyazatel'nost' storon v ugovolnom sudoproizvodstve: mify i real'nost' // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. — 2010. — № 2. — S. 76—82.

18. Viktoriskij V. I. Russkij ugovolnyj process. — URL: <https://rusneb.ru> (data obrashcheniya: 14.06.2025).

19. Cokolova O. I., Bezrukov S. S. Problemy realizacii principa sostyazatel'nosti pri izbranii mer

presecheniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2019. — № 33. — S. 175—186.

20. Doroshkov V. V. Mirovozzrencheskie podhody k sostyazatel'nosti v ugovolnom sudoproizvodstve // Mirovoj sud'ya. — 2019. — № 7. — S. 3—11.

21. Konovalov S. G., Snegiryova A. I. Priroda rossijskogo ugovolnogo processa i princip sostyazatel'nosti: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya M. S. Strogovicha // Gosudarstvo i pravo. — 2020. — № 2. — S. 189—194.

22. Stel'mah V. Yu. Nekotorye problemy sostyazatel'nosti v rossijskom ugovolnom processe // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. — 2016. — № 3 (26). — S. 292—302.

23. Kachalova O. V., Markovicheva E.V. Sostyazatel'nost' v ugovolnom sudoproizvodstve: ot klassicheskikh modelej k sovremennym tekhnologiyam // Rossijskoe pravosudie. — 2019. — № 11. — S. 102—107.

24. Andreeva O. I., Zajcev O. A. Perspektivy vedeniya rossijskogo ugovolnogo sudoproizvodstva v elektronnom formate // Ugolovnaya yusticiya. — 2018. — № 12. — S. 57—61.

25. Zuev S. V., Zazulin A. I. Cifrovoj UPK: novaya koncepciya razvitiya prava // Pravoporyadok : istoriya, teoriya, praktika. — 2024. — № 1 (40). — S. 67—77.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гладченкова Светлана Викторовна. Доцент кафедры философии, истории и социологии. Кандидат педагогических наук.

Брянский государственный инженерно-технологический университет.

E-mail: glad.swet@yandex.ru

Россия, 241037, Брянск, проспект Станке Димитрова, 3.

Gladchenkova Svetlana Viktorovna. Associate Professor of the chair of Philosophy, History and Sociology. Candidate of Pedagogical Sciences.

Bryansk State University of Engineering and Technology.

E-mail: glad.swet@yandex.ru

Work address: Russia, 241037, Bryansk, Prospect Stanke Dimitrova, 3.

Ключевые слова: принцип состязательности; уголовное судопроизводство; равноправие сторон; суд; сторона защиты; сторона обвинения.

Key words: adversarial principle; criminal proceedings; equality of the parties; court; defense side; prosecution side.

УДК 343.131

Н. Ю. Дутов, кандидат юридических наук, доцент
Ю. И. Дутов, кандидат педагогических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

SOME PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE AND WAYS TO IMPROVE LEGISLATION IN THE FIELD OF CHOOSING A PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF DETENTION

В статье рассматриваются современные проблемы применения меры пресечения в виде заключения под стражу в уголовном процессе Российской Федерации. Анализируются нормативно-правовые пробелы, обуславливающие субъективизм при выборе меры, недостаточная доказательная база и бюрократические задержки в принятии решения о заключении под стражу. На основании анализа предлагается ряд изменений в Уголовно-процессуальный кодекс, направленных на повышение прозрачности, объективности и гуманизации судебной практики. Среди предлагаемых мер — уточнение перечня медицинских документов для принятия решения о невозможности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, пересмотр процедуры согласования и ограничения полномочий судей. В заключение выдвигаются рекомендации по совершенствованию как нормативного регулирования, так и практических механизмов контроля за избранием меры пресечения.

The article examines the current problems of the application of a preventive measure in the form of detention in the criminal process of the Russian Federation. The article analyzes the regulatory and legal gaps that lead to subjectivity in choosing a measure, insufficient evidence base and bureaucratic delays in making a decision on detention. Based on the analysis, a number of amendments to the Code of Criminal Procedure are proposed, aimed at increasing transparency, objectivity and humanization of judicial practice. Among the proposed measures is clarifying the list of medical documents for making a decision on the impossibility of choosing a preventive measure in the form of detention, reviewing the procedure for approving and limiting the powers of judges. In conclusion, recommendations are made to improve both regulatory regulation and practical control mechanisms for the selection of preventive measures.

Институт мер пресечения в уголовном процессе Российской Федерации является неотъемлемой частью системы правосудия, обеспечивающей баланс между правами обвиняемых и необходимостью охраны общественного порядка. Одной из самых строгих и при этом спорных мер пресечения является заключение под стражу, которое применяется в случаях, когда менее строгие меры не могут обеспечить достижение целей уголовного судопроизводства.

Если проанализировать УПК РФ, то в нем существуют только две меры пресечения, реально ограничивающие свободу лица — заключение под стражу и домашний арест. Другие меры пресечения носят, скорее, психологический характер и заставляют подсудимого

поступать, как требуется лицу, ведущему уголовное судопроизводство, под страхом все тех же реально ограничивающих свободу мер пресечения или возможности применения определенных запретов [1].

Заключение под стражу как мера пресечения, обеспечивающая проведение расследования и судебного разбирательства, имеет достаточно давнюю историю в российской правовой системе. Несмотря на это, её применение не всегда сопровождается необходимым соблюдением прав человека, что порой вызывает общественные и юридические споры. Проблематика использования заключения под стражу становится всё более актуальной в условиях современных изменений в законодательстве.

При этом в правовой действительности Российской Федерации происходит постепенная гуманизация уголовного судопроизводства. Это затрагивает как материальное право — декриминализация ряда составов уголовного кодекса, так и процессуальное право — расширение прав участников уголовного судопроизводства и уменьшение карательного уклона правосудия. Одним из элементов гуманизации уголовно-процессуального законодательства является отказ от жестких мер воздействия на лиц, привлекаемых в уголовное судопроизводство, выраженный в исключительности избрания мер пресечения, связанных с реальным ограничением свободы в отношении подозреваемых или обвиняемых [2]. В частности, Президент РФ В. В. Путин по итогам заседания совета по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 7 декабря 2022 года, утвердил перечень предложений по гуманизации уголовно-процессуального законодательства в части избрания меры пресечения в виде заключения под стражу [3].

Тем не менее, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 2023 год было рассмотрено 94 603 ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, 82 480 из которых было удовлетворено [4]. При этом ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста было рассмотрено всего 8 767, а запрета определенных действий — 4 474. За первое полугодие 2024 года было направлено в суды 46 643 ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых удовлетворено 40 963. Данный факт свидетельствует о том, что заключение под стражу остается наиболее часто избираемой мерой пресечения из ограничивающих реальную свободу обвиняемых (подозреваемых), также отражает то, что объективная оценка степени общественной опасности обвиняемого нередко уступает влиянию иных, не процессуальных факторов.

Учитывая данные обстоятельства, был принят Федеральный закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», внесший существенные изменения в основания и условия избрания заключения под стражу в виде меры пресечения. Данный закон разработан в рамках исполнения указанного выше поручения Президента России и ограничивает применение заключения под стражу для подозреваемых и обвиняемых в ненасиленных преступлениях, женщин с малолетними детьми и лиц с тяжелыми заболеваниями.

Согласно закону, данная мера пресечения для преступлений средней тяжести будет возможна только при насильственном характере деяния.

Для преступлений небольшой тяжести — если подозреваемый скрылся или нарушил ранее избранную меру пресечения.

Женщинам с малолетними детьми заключение под стражу грозит только при тяжких или особо тяжких преступлениях, а в исключительных случаях — при насильственных преступлениях средней тяжести. Кроме того, новые нормы устраняют пробел в действующем законодательстве, где отсутствовал явный запрет на заключение под стражу лиц с тяжелыми заболеваниями. Теперь суды смогут избирать такую меру только при отсутствии подтвержденных медицинских документов о заболевании на момент рассмотрения ходатайства.

Помимо этого уточняется, что неустановленная личность или отсутствие постоянного места жительства в РФ могут служить основанием для заключения под стражу, но не для продления его срока. Данная мера направлена на исключение необоснованного содержания под стражей, так как за первоначальный период расследования к моменту продления данной меры пресечения личность преступника уже должна быть установлена.

Таким образом, принятые изменения должны способствовать исключению случаев содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, когда они не препятствуют предварительному расследованию и рассмотрению уголовного дела, а также не занимают иной противоправной деятельностью.

Отдельно стоит отметить, что данные новеллы законодательства не содержат аналогий с уголовно-процессуальным законодательством близких к России в правовом плане стран, таких как Казахстан и Беларусь, и являются исключительно российской идеей.

Но насколько эти изменения решают все проблемы одной из наиболее спорных и сложных мер пресечения в Российской Федерации? Применение данного института вызывает многочисленные дискуссии как среди практиков, так и среди ученых-правоведов. И при этом главная проблема данной меры пресечения заключается в том, что она зачастую принимается с нарушением принципов соразмерности и справедливости, что негативно сказывается на соблюдении прав обвиняемых в преступлении лиц. И именно данная проблема, на наш взгляд, не была замечена законодателем.

В целом стоит отметить, что проблема избрания меры пресечения в виде заключения под стражу имеет множество аспектов — от методологических разночтений в толковании норм уголовно-процессуального законодательства до практических вопросов, связанных с реальными

условиями содержания под стражей. При этом существует и другая сторона уголовного процесса — сторона обвинения, которая также в лице следователей и дознавателей сталкивается с проблемами при избрании данной меры пресечения.

Проанализируем основные проблемы и сформулируем предложения по совершенствованию процедуры избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

Первая проблема связана с нормативно-правовым закреплением самой нормы в Уголовно-процессуальном кодексе. Учёные отмечают, что неоднозначность законодательных норм способствует субъективизму в оценке необходимости применения меры пресечения [5], а неопределённость правовых норм способствует появлению ошибок в судебной практике, что негативно сказывается на защите прав лиц, находящихся под стражей. Законодатель, приняв Федеральный закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», попытался сузить субъективный момент принятия решения о данной мере пресечения, внося дополнительные ограничения, но при этом не обозначил четких мотивов для принятия соответствующего решения органами расследования. Почему в определённом случае можно избрать домашний арест за тяжкое преступление, а в другом заключение под стражу при наличии общих оснований для избрания меры пресечения? Статья 108 УПК РФ эту ситуацию не регулирует и не содержит четких критериев выбора именно этой меры пресечения.

Отдельно стоит отметить тот факт, что УПК РФ не предусматривает зависимости от тяжести и вида преступления для обязывания следователя избрать меру пресечения в виде заключения под стражу. При этом Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь в ч. 1 ст. 126 содержит указание на то, что «к лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления против мира и безопасности человечества, государства, военного преступления, преступления, сопряженного с посягательством на жизнь и здоровье человека, мера пресечения в виде заключения под стражу может быть применена по мотивам одной лишь тяжести преступления» [6], тем самым законодательно закрепляя взаимосвязь между тяжестью преступления и мотивом избрания меры пресечения. На наш взгляд, законодателю России стоит перенять этот опыт и сформулировать аналогичный перечень статей, за которые можно избирать меру пресечения в виде заключения под стражу по мотиву тяжести совершенного преступления.

Анализ судебной практики избрания исследуемой меры пресечения позволяет утверждать, что

часто этот процесс сопровождается недостаточной доказательственной базой обоснования ее избрания. Решения о заключении под стражу принимаются на основании предварительного судебного анализа, где зачастую отсутствуют достаточные данные о степени общественной опасности обвиняемого и возможности уклонения от следствия. В ряде случаев меры пресечения применяются даже при наличии альтернативных вариантов, таких как домашний арест или запрет определенных действий.

Например, наличие в тексте ст. 99 УПК РФ, содержащей перечень обстоятельств, которые должны учитываться при избрании меры пресечения, неоднозначно и широко толкуемого на практике термина «другие обстоятельства» [7] нередко используется сотрудниками органов расследования для обоснования избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Что такое «другие обстоятельства» и как их интерпретировать в выборе строгости меры пресечения, законодатель не расшифровывает, в связи с этим предлагаем внести в УПК РФ исчерпывающий перечень «других обстоятельств» с целью усовершенствования правового регулирования института заключения под стражу. При этом, на наш взгляд, даже исключение категории «других обстоятельств» из текста анализируемой статьи не повлияет негативно на возможности избрания какой-либо меры пресечения.

Часть 2.1 статьи 108 УПК РФ определяет, что мера пресечения в виде заключения под стражу не может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в случае, если он страдает тяжелым заболеванием, которое включено в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, утвержденный Правительством Российской Федерации, и наличие которого подтверждено медицинскими документами. Именно Федеральный закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» попытался решить вопрос с заболеванием подозреваемого (обвиняемого) на момент рассмотрения соответствующего ходатайства о мере пресечения. Однако в новой редакции статьи 108 УПК РФ не совсем ясно, какими медицинскими документами это заболевание должно быть подтверждено. Как должен оценивать данные документы следователь, ведущий расследование? Нужно ли ему проводить освидетельствование или назначать экспертизу или достаточно выписки из лечебного учреждения? С другой стороны, как поступать органам расследования в тех ситуациях, когда лицо подозревается в особо тяжких преступлениях

(например, по статье 275 УК РФ — государственная измена) [8]? Можно ли обеспечить невозможность пробега данных лиц из лечебных учреждений? Или обеспечить их безопасность там? Кто будет нести ответственность в случае ухудшения здоровья обвиняемого? К сожалению, ответа на данные вопросы законодатель не формулирует.

По нашему мнению, необходимо внести корректировку в норму ст. 2.1 УПК РФ следующего содержания: «Подтверждением наличия тяжелого заболевания, препятствующего содержанию под стражей, считаются:

1) официальное медицинское заключение (выписка) из лицензированного лечебного учреждения, в котором указаны поставленный диагноз, данные о течении болезни, прогноз и необходимость специализированного лечения;

2) результаты независимого медицинского освидетельствования или экспертизы, проведенной уполномоченной комиссией;

3) иные медицинские документы, заверенные печатями и подписями соответствующих специалистов, позволяющие объективно установить наличие заболевания.»

Также мы считаем, что в случае ухудшения состояния здоровья обвиняемого вследствие неправомερных действий органов расследования должна быть предусмотрена компенсация вреда, причиненного обвиняемому, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Да, законодатель провел очень большую работу по корректировке ст. 108 УПК РФ, учтя последние тенденции развития правовой мысли в России, но все же не избавил данную норму от некоторых правовых проблем и неоднозначных трактовок.

Отметим, что большое влияние на количество избираемых мер пресечения в виде заключения под стражу оказывает и социально-политический контекст, и в частности влияние социально-политической конъюнктуры на практику избрания меры пресечения. В периоды обострения общественных опасений и высокого уровня преступности наблюдается тенденция к ужесточению мер пресечения. Такая практика обусловлена не только объективными факторами, но и стремлением органов следствия и судов продемонстрировать жесткость правоохранительной политики. Тем самым данная мера пресечения выполняет и охранительно-предупредительную функцию. Например, увеличение преступлений, направленных на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации, повлекло за собой увеличение количества избранных мер пресечения в виде заключения под стражу по указанным преступле-

ниям. Тем самым государство как бы предупреждает склонных к данному виду преступлений о том, что оно будет реагировать с максимальной жесткостью. Следовательно, само решение об избрании данной меры пресечения со стороны следователя подчиняется текущей общественно-политической обстановке в стране, а не только конкретным обстоятельствам дела и личности подозреваемого (обвиняемого).

Второй круг проблем связан с порядком деятельности органов расследования и суда при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. При избрании заключения под стражу законодатель предусмотрел усложненные процедуры, выраженные в необходимости получения согласия от руководителя следственного органа или прокурора. Само по себе согласие служит определенным барьером, препятствующим необоснованному принятию решения о заключении под стражу, тем самым повышая законность в избрании меры пресечения. Однако необходимость согласования с различными инстанциями может привести к задержкам в принятии решения, тем более что у следователя на все это, как правило, меньше 48 часов. Решения руководителей могут зависеть от их профессионализма, личного отношения к определенным категориям преступлений и предшествующего опыта работы с подобными делами. Это может приводить к тому, что даже при схожих объективных обстоятельствах результаты оказываются различными.

Отметим, что внутри ведомств наблюдается тенденция к излишней формализации процесса. Руководители следственных органов и прокуроры зачастую вынуждены действовать в условиях жестко регламентированной процедуры, что снижает их возможности для гибкого применения мер пресечения в зависимости от конкретных обстоятельств дела. В ряде случаев материалы следствия могут содержать неполную или недостаточно обоснованную информацию, что затрудняет объективную оценку степени общественной опасности или вероятности уклонения обвиняемого от следствия. В результате руководитель следственного органа (прокурор) формально подходит к исследованию конкретных обстоятельств дела, так как понимают, что само решение все равно будет принимать суд, тем самым снимая с себя ответственность. Таким образом, процедуры согласования зачастую проводятся без достаточного уровня публичности и возможности независимого анализа.

При этом в случае ошибочного или необоснованного применения меры пресечения отсутствуют эффективные механизмы для привлечения к ответственности должностных лиц, согла-

совавших их применение, что создает предпосылки для повторения подобных ошибок в будущем.

Таким образом, основные проблемы получения согласия от руководителя следственного органа или прокурора для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в России проявляются в виде нормативно-правовой неопределённости, бюрократических барьеров, субъективного подхода, а также недостаточной доказательной базы для принятия решений и слабых механизмов контроля. Решение этих проблем требует не только совершенствования законодательной базы, но и изменения институциональных процедур, повышения прозрачности принятия решений и усиления ответственности за правоприменительную практику. Ранее действовавший УПК РСФСР 1961 года вообще не предполагал вовлечения суда в вопрос избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, и данное решение было закреплено за прокурором, что, на наш взгляд, выглядит логичным, так как именно он отвечает за государственное обвинение. Но в настоящее время возврат к данной процедуре невозможен в силу требований Конституции РФ. Также стоит отметить, что включение руководителя следственного органа в перечень лиц, дающих согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, на наш взгляд, не соответствует его роли в уголовном процессе. Например, если руководитель следственного органа принимает дело к своему производству, то он может, исходя из норм УПК РФ, сам себе дать согласие на обозначенное выше ходатайство, что, на наш взгляд, не отражает смысла ведомственного контроля за данным решением. Например, УПК Республики Казахстан предусматривает получение аналогичного согласия исключительно от прокурора (ч. 3 ст. 147 УПК РК) [9].

С целью минимизации формализма, характерного для проверки ходатайств дознавателя и следователя со стороны прокурора (руководителя следственного органа), обоснованно предоставить указанным должностным лицам возможность непосредственного обращения в суд с соответствующим ходатайством об избрании данной меры пресечения. В данной связи следует внести соответствующие поправки в часть 3 статьи 108 УПК РФ.

Судьи, получив согласованное ходатайство, в силу своей загруженности могут также формально подойти к его рассмотрению, так как считают, что его уже проанализировали в рамках ведомственного и процессуального контроля. О. В. Качалова и В. И. Качалов указывают на стереотипность формулировок в судебных реше-

ниях. Данный факт свидетельствует о том, что нередко суды подходят к решению вопроса о мере пресечения формально, не анализируя индивидуальную ситуацию в рамках конкретного уголовного дела [10]. Нередко содержание судебных решений дословно воспроизводит текст ходатайства, поступившего от органов предварительного расследования, суды просто копируют и вставляют его в итоговое решение. Возможно, в данном вопросе поможет внедрение искусственного интеллекта [11].

Часть 13 ст. 108 УПК РФ указывает, что не допускается возложение полномочий, предусмотренных настоящей статьей, на одного и того же судью на постоянной основе, но при этом нет запрета на допустимость рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения и судебного следствия по уголовному делу одним и тем же судьей. Насколько судья будет непредвзятым, если он уже рассматривал частично данное дело в рамках избрания меры пресечения? Статья 63 УПК РФ «Недопустимость повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела» такого запрета не содержит. На наш взгляд, необходимо ввести четкий запрет на рассмотрение уголовного дела по существу тем же судьей, который рассматривал вопросы избрания меры пресечения по данному уголовному делу.

На основании проведенного анализа можно выделить следующие рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу:

1) разработать и принять поправки к УПК РФ, которые позволят четко определить критерии и условия применения меры пресечения в виде заключения под стражу. В этих поправках должно быть предусмотрено обязательное использование альтернативных мер в случаях, когда они способны обеспечить защиту общественной безопасности, а также учтены предложенные нами изменения;

2) ввести обязательные программы повышения квалификации для судей, следователей и прокуроров с акцентом на анализ судебной практики, изучение международного опыта и применение информационных технологий в правоприменении;

3) разработать и нормативно закрепить ответственность должностных лиц за необоснованное и незаконное согласование решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу;

4) создать региональные или федеральные аналитические центры, задача которых будет заключаться в мониторинге судебной практики по избранию меры пресечения, анализе судебных

ошибок и выработке рекомендаций для судов и следственных органов;

5) разработать и внедрить информационные системы, способные проводить сравнительный анализ судебных решений, что позволит снизить субъективизм при избрании меры пресечения и обеспечить более объективное принятие решений;

6) усилить механизмы общественного контроля за деятельностью судов и следственных органов в сфере применения меры пресечения. Это может быть достигнуто через создание независимых экспертных комиссий, в состав которых войдут представители правозащитных организаций, научного сообщества и судебной системы.

Проблемы, связанные с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, требуют комплексного подхода как на законодательном уровне, так и в рамках практики правоприменения. Предлагаемые изменения в УПК РФ направлены на устранение нормативно-правовой неопределённости, снижение субъективизма при оценке доказательной базы, оптимизацию процедуры согласования мер пресечения и усиление ответственности должностных лиц. Введение данных поправок позволит не только обеспечить соблюдение прав обвиняемых, но и повысить эффективность уголовного судопроизводства, создавая баланс между охраной общественного порядка и защитой прав личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дутов Н. Ю., Дутов Ю. И. Особенности избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. — 2019. — № 1 (6). — С. 26—30.

2. Дутов Ю. И., Дутов Н. Ю. Особенности избрания залога в качестве меры пресечения // Теория и практика инновационных технологий в АПК: материалы научной и учебно-методической конференции научно-педагогических работников и аспирантов ВГАУ, Воронеж, 18—26 марта 2019 г. / под общ. ред. В. Н. Плаксина. — Воронеж : Воронежский ГАУ им. императора Петра I, 2019. — С. 435—438.

3. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 12 января 2023 года № Пр-19. — URL: https://sudact.ru/law/perechen-poruchenii-po-itogam-zasedaniia-soveta-po_28/ (дата обращения: 20.04.2025).

4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год. — URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809> (дата обращения: 20.04.2025).

5. Дутов Н. Ю. Тенденции развития уголовно-процессуального законодательства в сфере применения мер пресечения // Общественная безопасность, законность и правопорядок в

III тысячелетии. — 2019. — № 5-1. — С. 77—80.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3 (с изм. и доп. по сост. на 17.02.2025). — URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 28.03.2025).

7. Брацюк Н. А. «Другие» основания применения заключения под стражу в качестве меры пресечения // Проблемы защиты прав: история и современность. — СПб., 2023. — С. 29—32.

8. Новосибирского ученого с раком в 4-й стадии отправили в СИЗО по подозрению в госизмене. — URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2022/07/03/71458592/> (дата обращения: 24.03.2025).

9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изм. и доп. по сост. на 13.03.2025). — URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 28.03.2025).

10. Качалова О. В., Качалов В. И. Заключение под стражу в качестве меры пресечения : учеб.-метод. матер., подготовленный в рамках программы сотрудничества Совета Европы и Российской Федерации. — М. : Деловой стиль, 2019. — 82 с.

11. Овчинникова О. В. Перспективы применения искусственного интеллекта в досудебном производстве // Правопорядок: история, теория, практика. — 2022. — № 1 (32). — URL: <https://cyberleninka.ru/article> (дата обращения: 28.03.2025).

REFERENCES

1. Dutov N. Yu., Dutov Yu. I. Osobennosti izbraniya mery presecheniya v vide zapreta opredelennykh dejstvij v otnoshenii nesovershennoletnih podozrevaemykh (obvinyaemykh) // Ugolovno-procussual'naya ohrana prav i zakonnykh interesov

nesovershennoletnih. — 2019. — № 1 (6). — С. 26—30.

2. Dutov Yu. I., Dutov N. Yu. Osobennosti izbraniya zaloga v kachestve mery presecheniya // Teoriya i praktika innovacionnykh tekhnologij v APK:

materialy nauchnoj i uchebno-metodicheskoj konferencii nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov i aspirantov VGau, Voronezh, 18–26 marta 2019 g. / pod obshch. red. V. N. Plaksina. — Voronezh : Voronezhskij GAU im. imperatora Petra I, 2019. — S. 435—438.

3. Perechen' poruchenij Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 12 yanvarya 2023 goda № Pr-19. — URL: https://sudact.ru/law/perechen-poruchenii-poitogam-zasedaniia-soveta-po_28/ (data obrashcheniya: 20.04.2025).

4. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatelnosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2023 god. — URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809> (data obrashcheniya: 20.04.2025).

5. Dutov N. Yu. Tendencii razvitiya ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva v sfere primeneniya mer presecheniya // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. — 2019. — № 5-1. — S. 77—80.

6. Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Belarus' ot 16 iyulya 1999 goda № 295-Z (s izm. i dop. po sost. na 17.02.2025 g.). — URL: <https://online.za->

[kon.kz/](https://online.za-kon.kz/) (data obrashcheniya: 28.03.2025).

7. Bracyuk N. A. «Drugie» osnovaniya primeneniya zaklyucheniya pod strazhu v kachestve mery presecheniya // Problemy zashchity prav: istoriya i sovremennost'. — SPb., 2023. — S. 29—32.

8. Novosibirskogo uchenogo s rakom v 4-j stadii otpravili v SIZO po podozreniyu v gosizmene. — URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2022/07/03/71458592/> (data obrashcheniya: 24.03.2025).

9. Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231-V (s izm. i dop. po sost. na 13.03.2025). — URL: <https://online.zakon.kz/> (data obrashcheniya: 28.03.2025).

10. Kachalova O. V., Kachalov V. I. Zaklyuchenie pod strazhu v kachestve mery presecheniya : ucheb.-metod. mater., podgotovlennyj v ramkah programm sotrudnichestva Soveta Evropy i Rossijskoj Federacii. — M. : Delovoj stil', 2019. — 82 s.

11. Ovchinnikova O. V. Perspektivy primeneniya iskusstvennogo intellekta v dosudebnom proizvodstve // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. — 2022. — № 1 (32). — URL: <https://cyberleninka.ru/article> (data obrashcheniya: 28.03.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дутов Николай Юрьевич. Доцент кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент. Воронежский институт МВД России.
E-mail: dutov.nick@mail.ru
Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Дутов Юрий Иванович. Доцент кафедры юридических дисциплин. Кандидат педагогических наук, доцент.
Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I.
E-mail: puschay@mail.ru
Россия, 394087, Воронеж, ул. Мичурина, 1.

Dutov Nikolay Yurievich. Associate Professor of the chair of Criminal Proceedings. Candidate of Law, Associate Professor.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
E-mail: dutov.nick@mail.ru
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Dutov Yury Ivanovich. Associate Professor of the chair of Legal Disciplines. Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.
Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I.
E-mail: puschay@mail.ru
Work address: Russia, 394087, Voronezh, Michurina Str., 1.

Ключевые слова: заключение под стражу; уголовно-процессуальный кодекс; подозреваемый; обвиняемый; прокурор.

Key words: detention; Code of Criminal Procedure; suspect; accused; prosecutor.

УДК 343.1

Р. В. Колесников, кандидат юридических наук, доцент

В. А. Ершова

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROBLEMS OF QUALIFICATION AND PRACTICE OF APPLICATION OF CRIMINAL LEGISLATION ON RESPONSIBILITY FOR BRIBERY IN THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются материалы исследования уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией в общем и взяточничеством в частности. Приведены статистические данные о количестве взяток, денежных средств и имущества, конфискованного в результате коррупционных правонарушений. Рассмотрены проблемные вопросы квалификации деяний, содержащих признаки взяточничества и разграничения со смежными составами преступлений. Приведены актуальные примеры следственно-судебной практики по делам о взяточничестве. По результатам анализа проблемных вопросов квалификации и практики применения законодательства об ответственности за взяточничество сформулированы предложения в уголовное законодательство и разъяснения судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

The article examines the materials of a joint study of criminal-legal measures to combat corruption in general and bribery in particular. Statistical data on the number of bribes, funds and property confiscated as a result of corruption offenses are provided. Problematic issues of qualifying acts containing elements of bribery and distinguishing them from related crimes are considered. Current examples of investigative and judicial practice in bribery cases are given. Based on the analysis of problematic issues of qualifying and applying the legislation on liability for bribery, proposals for criminal legislation and clarifications of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation are formulated.

За пятилетний период наблюдается стремительный рост коррупционных практик — уровень взяточничества увеличился более чем на 60%. Особенно тревожит ускорение тенденции: за один только 2024 год зафиксировано 23 240 эпизодов подкупа, что на 14,6% превышает показатели предыдущего года [1]. Однако правоохранительная система демонстрирует активность — в рамках антикоррупционных мероприятий у нарушителей конфисковано имущества на рекордные 504 млрд рублей. Судебные инстанции удовлетворили иски прокуроров о передаче государству свыше 10 000 активов, приобретённых незаконным путём. Финансовые последствия для коррупционеров также усилились: суммы взысканий по искам к недобросовестным чиновникам выросли втрое, а административные штрафы за коррупционные проступки приблизились к отметке в 900 млн рублей [2].

Эскалация коррупции обусловлена комплексом институциональных дисфункций.

Среди ключевых факторов эксперты выделяют:

- чрезмерную бюрократизацию госаппарата;
- противоречия в экономическом регулировании;
- пробелы в законодательстве и правоприменительной практике;
- низкую эффективность судебных механизмов;
- отсутствие последовательной стратегии противодействия коррупции на уровне уголовной политики [3].

Действующие нормы Уголовного кодекса РФ в части борьбы со взяточничеством требуют пересмотра. Меры ответственности за данные преступления не полностью соответствуют принципу соразмерности наказания, а правоприменители сталкиваются с трудностями при квалификации составов и разграничении смежных правонарушений.

Это создаёт правовую неопределённость и снижает превентивный потенциал законодательства.

В Российской Федерации теоретическим и практическим вопросам борьбы со взяточничеством уделяется самое большое внимание, поскольку это в целом влияет на безопасность нашего государства, любые проявления коррупции разрушающе действуют на его конституционные основы. Правовыми средствами такой борьбы являются нормы права, устанавливающие ответственность за взяточничество.

Вышеизложенные обстоятельства обусловили актуальность темы научного исследования и необходимость в формулировании предложений для дальнейшего совершенствования законодательства об ответственности за взяточничество.

В практике применения уголовного законодательства об ответственности за взяточничество возникают некоторые проблемы, требующие своего разрешения.

Ключевая проблема правоприменения связана с дифференциацией единого умысла при множественных коррупционных эпизодах. На практике нередки ситуации, когда субъект совершает серию однотипных деяний, объединённых общей преступной целью, что формирует состав продолжаемого правонарушения.

Согласно правовой доктрине, совокупность преступлений возникает, если должностное лицо получает взятки от разных лиц, причём каждое действие направлено на удовлетворение интереса конкретного взяткодателя. Следовательно, продолжаемым преступлением следует считать регулярное получение материальных благ или услуг от одних и тех же субъектов в рамках общего преступного замысла.

В п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 № 24 (далее — ППВС РФ № 24) [4] подчёркивается, что систематическое принятие взятки от одного лица квалифицируется как единое деяние. Аналогичный подход распространяется на случаи получения вознаграждения от нескольких лиц за одно действие/бездействие. Напротив, совокупность возникает, если каждое полученное вознаграждение связано с отдельным служебным решением в интересах конкретного взяткодателя.

Считаем целесообразным при квалификации совокупности взяточничества не только руководствоваться разъяснениями ППВС РФ № 24, но и оценивать каждый конкретный случай отдельно, учитывая направленность умысла на совершение единого преступления.

В правоприменительной практике при квалификации взяточничества возникает вопрос о том, к какому виду посредничества относится признак

значительного размера, сформулированный в диспозиции ч. 1 ст. 291.1 УК РФ [5].

Следует учитывать, что диспозиция основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, охватывает два его вида:

- непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя;
- иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки.

При этом если следовать буквальному толкованию рассматриваемой нормы, то можно прийти к заключению о том, что признак «в значительном размере» законодателем отнесен ко второму виду посредничества, поскольку следует сразу же после его указания, в то время как от первого вида посредничества рассматриваемый признак отделен указанием второго его вида (способствования).

Как представляется, для исключения неоднозначной трактовки изучаемой нормы целесообразно внести в ППВС РФ № 24 разъяснение о том, что уголовная ответственность по ч. 1 ст. 291.1 УК РФ наступает только в том случае, если размер взятки является значительным применительно к обеим формам посредничества во взяточничестве. Иными словами, признак «в значительном размере» действует одинаково как в отношении непосредственной передачи взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя, так и в отношении иного содействия взяткодателю или взяткополучателю в достижении или реализации соглашения между ними о получении (даче) взятки. Как вариант можно внести изменение в диспозицию ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, указав на признак значительного размера и применительно к первой форме посредничества.

Правоприменительная практика сталкивается с проблемой доказывания субъективной стороны взяточничества, в частности — формирования умысла. Согласно ст. 5 Федерального закона № 144-ФЗ от 12.08.1995 [6], сотрудники оперативно-розыскных органов (далее — ОРД) не имеют права провоцировать или косвенно стимулировать совершение противоправных действий. Это означает, что доказательства, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, могут быть использованы в суде исключительно при подтверждении самостоятельности преступного намерения, возникшего без влияния оперативников.

ППВС РФ № 24 акцентирует: если умысел на получение взятки сформировался у лица в результате целенаправленных действий сотрудников ОРД, такие действия признаются провокацией. В подобных случаях обвиняемый подлежит оправ-

данию, так как его намерение не отвечает критерию добровольности. Данный подход иллюстрируется конкретными примерами из судебной практики, где ключевым аргументом защиты становилось доказательство искусственного создания преступной ситуации.

Так, А., участковый врач-терапевт городской поликлиники, согласилась с предложением Н. о выдаче ей листка нетрудоспособности за взятку в сумме 10 000 рублей. При этом Н. действовала под контролем сотрудников правоохранительных органов. А. оформила необходимые документы для получения Н. листка нетрудоспособности, в то время как она каким-либо заболеванием не страдала и в оказании медицинской помощи на тот момент не нуждалась. Соответствующие данные были внесены в медицинскую карту, заведенную на имя Н. За выдачу листка нетрудоспособности А. получила денежные средства в сумме 10 000 рублей в качестве взятки за свои незаконные действия. После этого А. была задержана на месте происшествия сотрудниками ОЭБ и ПК УВД по СЗАО ГУ МВД России по г. Москве, проводившими ОРМ «Оперативный эксперимент». Однако суд указал, что в действиях А. отсутствует состав преступления, поскольку в материалах уголовного дела отсутствовали доказательства того, что она совершила бы преступление без вмешательства сотрудников правоохранительных органов. Суд установил, что действия сотрудников полиции были направлены на склонение А. к получению незаконного вознаграждения [7].

Актуальным вопросом реформы уголовного законодательства является разработка механизмов освобождения от уголовного преследования лиц, вынужденно участвующих в коррупционных схемах. В целях устранения правовой коллизии предлагается дополнить ст. 291 УК РФ примечанием 2, предусматривающим освобождение от ответственности граждан, передавших взятку в ответ на систематическое давление или шантаж со стороны должностного лица.

Ключевой аргумент в поддержку поправки — необходимость защиты лиц, чьи законные интересы нарушаются вымогательскими действиями чиновника. Принуждение к передаче материальных ценностей под угрозой причинения вреда (например, блокирования законных процедур) создаёт ситуацию вынужденного соучастия, что требует дифференцированного подхода к квалификации.

Важно подчеркнуть, что предложенная норма не распространяется на случаи, когда взяткодатель преследует собственные противоправные цели (ст. 291.2 УК РФ). Коррупционный интерес такого лица, не имеющий правовых оснований,

исключает возможность ссылаться на «вынужденность» передачи вознаграждения.

Еще одна сложность связана с определением «крупного размера». Согласно примечанию 1 к ст. 290 УК РФ, крупной считается взятка, если совокупная стоимость денег, ценных бумаг, иного имущества либо имущественных выгод превышает 150 000 рублей. Получение взятки в крупном размере может иметь место как путем единовременного получения всей взятки в крупном размере, так и при ее получении по частям, каждая из которых не достигает крупного размера. В случае передачи взятки по частям содеянное подлежит квалификации как оконченное преступление в момент получения хотя бы одной части взятки, даже если размер этой части не отвечает критерию крупной взятки. Разбивка взятки на несколько траншей нередко применяется из конспиративных соображений или из-за взаимного недоверия участников сделки. Такие действия образуют эпизоды одного продолжаемого преступления — если суммарно получено 150 000 рублей и более, содеянное квалифицируется как получение взятки в крупном размере по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

Одна из проблем квалификации вытекает из того, что в ч. 5 ст. 290 УК РФ отсутствует ссылка на ч. 2 данной статьи. Вследствие этого, по нашему глубокому убеждению, возникает закономерный вопрос: возможна ли квалификация по п. «а» или «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ, когда взятка в значительном размере получена группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с вымогательством взятки?

Считаем, что при получении взятки в условиях отягчающих обстоятельств, когда реальной совокупности преступлений нет, действия виновного следует квалифицировать по той части ст. 290 УК РФ, которая предусматривает более суровую санкцию.

Очередная коллизия касается применения ч. 2 ст. 290 УК РФ. Буквальное толкование позволяет заключить, что она охватывает получение значительной взятки независимо от того, совершались ли действия, указанные в ч. 1 или ч. 3. Однако сопоставление санкций и анализ степени общественной опасности показывают, что ч. 2 подлежит ограничительному толкованию: речь идет лишь о квалифицированном варианте взятки в формах, описанных в ч. 1. Следовательно, получение значительной взятки за незаконные действия (или бездействие) должно квалифицироваться по ч. 3 ст. 290. Для устранения противоречия предлагается дополнить статью новой ч. 3.1, дифференцирующей ответственность за «получение взятки в значительном размере за незаконные действия (бездействие)».

Как представляется, получение взятки в значительном размере за незаконные действия (бездействие) должно квалифицироваться по ч. 3 ст. 290 УК РФ.

В целях устранения раскрытых противоречий целесообразно внести изменения в ст. 290 УК РФ, дифференцировав ответственность за «получение взятки в значительном размере за незаконные действия (бездействие)» посредством дополнения рассматриваемой статьи ч. 3.1:

«3.1. Получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации взятки в значительном размере за незаконные действия (бездействие) — наказывается ...»

В правоприменительной практике нередко возникают проблемы, связанные с необходимостью отграничения взяточничества от смежных составов преступлений.

Стоит отметить, что под смежными составами преступлений понимаются такие составы, которые отличаются друг от друга по одному или нескольким признакам. Причем в одном составе преступления имеется один или несколько признаков, отсутствующих в другом, однако этот другой состав имеет один или несколько признаков, отсутствующих в первом составе. Следовательно, при разграничении смежных составов требуется их сравнение по всем элементам и признакам составов. По отношению к составам взяточничества смежными являются, прежде всего, коммерческий подкуп, злоупотребление должностными полномочиями и мошенничество.

Ключевое разграничение между коммерческим подкупом (ст. 204 УК РФ) и взяточничеством (ст. ст. 290, 291 УК РФ) определяется характером защищаемых правовых благ. Взятничество посягает на интересы публичной власти, обеспечивающие законность деятельности государственных институтов (ст. 290 УК РФ). В свою очередь, коммерческий подкуп затрагивает сферу корпоративного управления, нарушая принципы добросовестного исполнения обязанностей в коммерческих и некоммерческих организациях (ст. 204 УК РФ) [8].

Взяточничество: субъектом выступает должностное лицо, статус которого закреплен в примечании к ст. 285 УК РФ (представитель власти, административно-распорядительные функции).

Коммерческий подкуп: субъектом является руководитель или управленец частной структуры, чьи полномочия определены примечанием к ст. 201 УК РФ.

Взяточничество подрывает авторитет госслужбы, создавая системные нарушения в реализации властных полномочий. Пример: требование взятки за общее покровительство или сокрытие нарушений.

Коммерческий подкуп дестабилизирует рыночные механизмы, искажая принципы конкуренции и корпоративной этики. Пример: передача вознаграждения за лоббирование интересов компании в ущерб партнёрам.

При коммерческом подкупе передача материальных ценностей осуществляется строго за конкретные действия/бездействие (например, заключение контракта). Взятничество шире по содержанию: предметом может выступать как выполнение отдельных поручений, так и пассивное попустительство (игнорирование нарушений).

Различие в квалификации влияет на меру ответственности. Взятничество предполагает более строгие санкции, учитывая угрозу национальной безопасности.

Коммерческий подкуп, хотя и наносит значительный экономический ущерб, рассматривается как преступление против деловой репутации и рыночной стабильности.

Отличия проявляются и в объективной стороне. При коммерческом подкупе ценность передается в интересах дающего до совершения нужного действия, тогда как при взятке предмет может быть передан как заранее, так и после оказания услуги взяткодателю. Иными словами, в первом случае это аванс, во втором — благодарность.

Стоит отметить, что в п. 8 ППВС РФ № 24 разъясняется, что ответственность за получение, дачу взятки, посредничество во взяточничестве наступает независимо от времени получения должностным лицом взятки — до или после совершения им действий (бездействия). Аналогичное разъяснение в отношении предмета коммерческого подкупа отсутствует. Как представляется, логично дополнить названный пункт указанием, что ответственность за его совершение также наступает независимо от времени передачи предмета подкупа.

Получение взятки (ст. 290 УК РФ) и злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) также являются смежными составами, вследствие чего необходимо их разграничивать. Данные составы отнесены к категории должностных преступлений. В обоих случаях субъектами преступлений выступают должностные лица. По родовому и видовому объекту посягательства данные составы также совпадают, поскольку помещены законодателем в один раздел X «Преступления против государственной власти») и в одну главу 30 УК РФ. Что касается непосредственного объекта, то здесь также имеет место совпадение.

Объектом всех составов взяточничества, как уже отмечалось, выступают общественные отношения, связанные с осуществлением в соответствии с законом деятельности органов публичной

власти. Аналогичен объект и в случае злоупотребления должностными полномочиями.

Оба состава посягают на один и тот же объект, совершаются только с прямым умыслом и имеют общего специального субъекта — должностное лицо. Тем не менее ст. 290, в отличие от ст. 285, расширяет сферу служебной активности: наказуемым становится использование должностного положения даже вне пределов прямых полномочий. В случае получения взятки должностное лицо может и не иметь возможности самому непосредственно выполнить действия во исполнение обязательства по сделке взяточничества, но имеет возможность принять меры к выполнению просьбы взяткодателя другим должностным лицом.

Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) — материальный состав. Для квалификации необходимо доказать наступление общественно опасных последствий, таких как: существенное нарушение прав граждан/организаций; ущерб охраняемым законом интересам общества или государства [9].

Получение взятки (ст. 290 УК РФ) — формальный состав. Преступление считается оконченным с момента принятия материальных ценностей вне зависимости от достижения результата.

Как подчеркивает А. К. Коновалов, ключевое различие заключается в действиях чиновника: если он получил вознаграждение, но не совершил и даже не обещал совершить действий в интересах взяткодателя, состава взяточничества не возникает [10]. В этом случае применяется ст. 285 УК РФ (злоупотребление полномочиями), так как отсутствует прямая связь между получением благ и служебным поведением.

При одновременном совершении злоупотребления полномочиями и принятия взятки действия квалифицируются по совокупности статей (ст. 285, ст. 290 УК РФ).

Э., сотрудник государственного учреждения, получил денежные средства за незаконное ускорение процедуры лицензирования. Поскольку его действия повлекли нарушение прав других участников процесса, суд Республики Калмыкия вынес обвинительный приговор:

- ч. 1 ст. 285 УК РФ — за злоупотребление полномочиями;

- п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ — за получение взятки в крупном размере.

Э., государственный инспектор Нижне-Волжского управления Ростехнадзора, находясь в составе комиссии на объекте — Скважина № 1, удостоверившись в том, что используемая ООО «...» для ведения работ по бурению нефтяной скважины буровая установка готова к пуску, составил

подтверждающий техническую исправность оборудования буровой установки акт ее ввода в эксплуатацию. Э., понимая, что ООО в дальнейшем будет осуществлять работы по бурению нефтяной скважины, относящейся к опасному производственному объекту, и зная, что он, как должностное лицо, может применить в отношении ООО меры ограничительного, предупредительного и профилактического характера, а в случае выявления фактов работ по бурению скважины в отсутствие лицензии составить протокол об административном правонарушении по ст. 9.1 КоАП РФ, принять меры по приостановлению деятельности, решил использовать данные обстоятельства в качестве повода для получения от П. взятки в виде денег за попустительство по службе и за незаконное бездействие. С этой целью Э. из корыстной заинтересованности позвонил П. и предложил последнему передать ему в качестве взятки денежные средства в размере 200 тыс. рублей посредством перечисления на его банковскую карту за попустительство по службе и за незаконное бездействие, заключающееся в невоспрепятствовании в будущем выполнению работ по бурению нефтяной скважины и, как следствие, неприменение мер ограничительного, предупредительного и профилактического характера.

В тот же день П., опасаясь возможного воспрепятствования со стороны Э., посредством мобильного приложения осуществил безналичный перевод денежных средств в размере 200 тыс. рублей на банковскую карту Э. в качестве взятки за попустительство и незаконное бездействие [11].

Таким образом, Э. использовал свои служебные полномочия вопреки интересам службы. Это повлекло существенное нарушение прав и законных интересов общества и государства в виде грубого нарушения требований промышленной безопасности (осуществления деятельности по эксплуатации взрывопожароопасных и химически опасных производственных объектов без лицензии), а также в непривлечении ООО и его представителей к ответственности, нанесении урона экологии региона, заключающегося в бесконтрольном осуществлении деятельности по пользованию недрами, воспрепятствовании нормальному осуществлению Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору деятельности по надзору за объектами нефтегазового комплекса, дискредитации и подрыве доверия граждан к должностным лицам данной службы.

Исследуемые составы преступлений различаются также еще по одному обстоятельству — корыстная цель при получении взятки является обязательным признаком субъективной стороны, а

при злоупотреблении должностными полномочиями — альтернативным признаком.

Следует отметить, что в процессе квалификации взяточничества возникают некоторые проблемы, связанные с разграничением получения взятки и мошенничества (ч. 3 ст. 159 УК РФ).

Рассмотрим пример судебной практики.

Руководитель административно-хозяйственной работы С. был обвинен в совершении мошенничества, злоупотребляя своим служебным положением (ч. 3 ст. 159 УК РФ). Ведомый необходимостью приобретения строительных материалов для практики студентов, он попросил подготовить коммерческое предложение от имени ООО «СМК», содержащее конкретный перечень товаров с завышенной стоимостью. Менеджер ООО составил коммерческое предложение на сумму 94 690 рублей, основываясь на данных, предоставленных С.

Затем менеджер, не ведающая о настоящих преступных намерениях С., по просьбе последнего составила договор и его спецификацию, согласно которым ООО должно было поставить строительные материалы на общую сумму 94 690 рублей. С. с целью придать видимость законности своим действиям и тем самым облегчить совершение преступления представил вышеуказанный договор на подпись директору, не раскрывая последнему своих истинных преступных намерений.

Продолжая осуществлять свои преступные намерения, С. получил от ООО счет на оплату в соответствии с условиями договора. Далее С. передал этот счет в бухгалтерию, и на его основании были переведены денежные средства в размере 94 690 рублей с расчетного счета как оплата за строительные материалы.

Затем, находясь в магазине ООО, С. объяснил менеджеру, что нет необходимости исполнять обязательства по договору, забрал у него денежные средства в размере 94 690 рублей, которые ранее были переведены на основании счета на оплату.

С., осознавая необходимость поставки строительных материалов, решил скрыть свое хищение бюджетных денежных средств. Он приобрел строительные материалы на сумму 40 950 рублей, оплатив их наличными. Затем он оформил доставку материалов, но в документах указал завышенную стоимость на 53 740 рублей. Разницу в деньгах он присвоил себе. Таким образом, Министерство образования и науки понесло ущерб на сумму 53 740 рублей [12].

Согласно критериям для разграничения смежных преступлений, данное деяние С. может быть квалифицировано как получение взятки со стороны должностного лица, ведь он использовал

свое служебное положение для незаконного получения материальных ценностей.

Если лицо получило ценности в результате своих действий или бездействия, но не использовало свои служебные полномочия, такое поведение может быть квалифицировано как мошенничество, совершенное с использованием служебного положения.

Разъяснения п. 24 ППВС РФ № 24 указывают, что когда должностное лицо, обманом либо злоупотребив доверием, получает ценности за содействие, которое не может оказать из-за отсутствия полномочий, содеянное образует мошенничество с использованием служебного положения. Передавший ценности несет ответственность за покушение на дачу взятки либо коммерческий подкуп.

Различие между использованием служебного положения и использованием служебных полномочий заключается в следующем:

- использование служебного положения означает помощь должностного лица в совершении законных действий другим лицом;

- использование служебных полномочий включает в себя использование служебного положения для совершения незаконных действий и помощь другим должностным лицам в совершении незаконных действий.

Следовательно, если должностное лицо, обладая полномочиями, использовало их для содействия незаконным действиям и получения взятки, то данное деяние подпадает под квалификацию по ч. 3 ст. 159 УК РФ.

В завершение заметим: сущность коррупционных преступлений, включая взяточничество, заключается в устойчивом криминальном симбиозе организованной преступности и коррупции, а также в том, что именно благодаря организованной преступности поддерживается изнутри весь криминальный механизм коррупции, становится возможным совершение взяточничества должностными лицами, при котором эти лица остаются безнаказанными. На основании изложенных обстоятельств считаем целесообразным дополнить ч. 5 ст. 290 УК РФ и ч. 4 ст. 291 УК РФ новым особо квалифицирующим признаком — совершение данного преступления «в интересах организованной группы или преступного сообщества». Это позволит усилить ответственность за совершение взяточничества в организованных его формах.

Таким образом, по результатам анализа проблемных вопросов квалификации и практики применения законодательства об ответственности за взяточничество считаем целесообразным:

- 1) при квалификации взяточничества как совокупности нескольких преступных деяний необходимо руководствоваться не только разъяснениями положений ППВС РФ № 24, но и обязательно

оценивать каждый конкретный случай (эпизод) отдельно, учитывая направленность умысла на совершение единого преступления;

2) внести изменения в ст. 290 УК РФ, дифференцировав ответственность за «получение взятки в значительном размере за незаконные действия (бездействие)» посредством дополнения рассматриваемой статьи частью 3.1:

«3.1. Получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации взятки в значительном размере за незаконные действия (бездействие) — наказывается ...»;

3) дополнить ч. 5 ст. 290 УК РФ особо квалифицирующим признаком за деяния по ч. ч. 1, 3 и 4, если они совершены:

«г) в интересах организованной группы или преступного сообщества»;

4) дополнить ч. 4 ст. 291 УК РФ особо квалифицирующим признаком за деяния по ч. 1—3, если они совершены:

«в) в интересах организованной группы или преступного сообщества»;

5) дополнить ст. 291 УК РФ примечанием 2, где указать:

«Лицо, передавшее взятку за совершение в интересах его или представляемых им лиц заведомо незаконных действий (бездействия), по основанию вымогательства взятки со стороны должностного лица от уголовной ответственности не освобождается»;

6) дополнить п. 8 ППВС № 24 абзацем 2 следующего содержания:

«Ответственность за коммерческий подкуп наступает независимо от времени передачи предмета подкупа»;

7) внести в п. п. 13.2 ППВС РФ № 24 абзац 4 с разняшением следующего содержания:

«Уголовная ответственность по ч. 1 ст. 291.1 УК РФ наступает только в том случае, если размер взятки является значительным применительно к обеим формам посредничества во взяточничестве»;

8) относительно разграничения взяточничества и близких ему составов преступлений следует подчеркнуть следующее. Взятка и

коммерческий подкуп отделяются друг от друга по трём ключевым критериям:

а) объект посягательства. Коммерческий подкуп подрывает интересы службы внутри коммерческих либо иных негосударственных структур, тогда как взяточничество затрагивает авторитет государственной власти и интересы государственной (муниципальной) службы;

б) объективная сторона. При подкупе имущественная выгода передаётся в интересах дающего до совершения требуемого действия, в то время как при взятке ценность может быть вручена как заранее, так и после выполнения должностным лицом действий (либо бездействия) в пользу взяткодателя;

в) субъект преступления. Для взятки субъектом неизменно выступает должностное лицо, обладающее властными или организационно-распорядительными полномочиями; при коммерческом подкупе — лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой либо иной организации негосударственного характера;

9) граница между взяточничеством и злоупотреблением должностными полномочиями проводится по объективной стороне. Получение вознаграждения всегда сопряжено с фактическим совершением либо обещанием совершения действий (бездействия) в интересах дающего; если же чиновник обогащается, не совершая и не обещая таких действий, содеянное образует злоупотребление должностными полномочиями, а не взятку;

10) состав злоупотребления должностными полномочиями требует наступления общественно опасных последствий, а состав получения взятки сконструирован как формальный, считается оконченным с момента вручения взятки взяткополучателю;

11) при отграничении получения взятки и мошенничества нужно учитывать следующее. Когда должностное лицо, вводя в заблуждение либо злоупотребляя доверием, принимает ценности за содействие, которое фактически не может оказать из-за отсутствия необходимых служебных полномочий или должностного положения, содеянное квалифицируется как мошенничество, совершённое с использованием своего служебного положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России за 2024 год : статистические данные // Официальный сайт МВД России. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 09.06.2025).

2. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации //

Официальный сайт Президента Российской Федерации. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73735> (дата обращения: 09.06.2025).

3. Жаглин А. В., Иванченко Р. Б., Иванченко О. С. О причинах коррупции и мерах по ее

предупреждению // Вестник Воронежского института МВД России. — 2020. — № 2. — С. 255—262.

4. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ — 2013. — № 9.

5. Любавина М. А. Квалификация взяточничества (ст. ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ) : учебное пособие — СПб : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 156 с.

6. Приговор Тушинского районного суда г. Москвы от 18 ноября 2020 г. по делу № 01- 0435/2020. — URL: <https://sudpraktika.ru/precedent/103991.html> (дата обращения: 02.06.2025).

7. Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.

8. Булгаков С. Н. Виды коррупционных пра-

вонарушений // Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс» (актуально на 10.06.2022). — URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/ponyatie_korruptcionnogo_pravonarusheniya/(дата обращения: 09.06.2025).

9. Голомазова А. А. Понятие и характеристика существенного нарушения охраняемых законом интересов общества и государства как последствия злоупотребления должностными полномочиями // Молодой ученый. — 2020. — № 12 (302). — С. 176—178.

10. Коновалов А. К. Некоторые вопросы разграничения получения взятки как единичного преступления и как ее совокупности // Достижения науки и образования. — 2020. — № 14 (68). — С. 63—66.

11. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Калмыкия от 27 мая 2021 г. по делу № 22-221/2021. — URL: <http://судебныерешения.рф/59564335> (дата обращения: 05.06.2025).

12. Приговор Советского районного суда г. Самары от 20 февраля 2017 г. по делу № 1- 0/2017. — URL: <https://sudpraktika.ru/precedent/203582.html> (дата обращения: 03.06.2025).

REFERENCES

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za 2024 god : statisticheskie dannye // Oficial'nyj sajt MVD Rossii. — URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/> (data obrashcheniya: 09.06.2025).

2. Rasshirennoe zasedanie kollegii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii // Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossijskoj Federacii. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73735> (data obrashcheniya: 09.06.2025).

3. Zhaglin A. V., Ivanchenko R. B., Ivanchenko O. S. O prichinah korrupcii i merah po ee preduprezhdeniyu // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2020. — № 2. — S. 255—262.

4. O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inyh korrupcionnyh prestupleniyah : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24.12.2013 № 24 (red. ot 24.12.2019) // Byulleten' Verhovnogo Suda RF — 2013. — № 9.

5. Lyubavina M. A. Kvalifikaciya vzyatochnichestva (st. st. 290, 291, 291.1, 291.2 UK RF) : uchebnoe posobie — SPb : Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2018. — 156 s.

6. Prigovor Tushinskogo rajonnogo suda g. Moskvy ot 18 noyabrya 2020 g. po delu № 01- 435/2020. — URL: <https://sudpraktika.ru/precedent/103991.html> (data obrashcheniya: 02.06.2025).

7. Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti : Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 12.08.1995 № 144-FZ (red. 29.12.2022) // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 1995. — № 33. — St. 3349.

8. Bulgakov S. N. Vidy korrupcionnyh pravonarushenij // Dokument predostavljen SPS «Konsul'tantPlyus» (aktual'no na 10.06.2022). — URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/ponyatie_korruptcionnogo_pravonarusheniya/(data obrashcheniya: 09.06.2025).

9. Golomazova A. A. Ponyatie i harakteristika sushchestvennogo narusheniya ohranyaemyh zakonom interesov obshchestva i gosudarstva kak posledstviya zloupotrebleniya dolzhnostnymi polnomochiyami // Molodoj uchenyj. — 2020. — № 12 (302). — S. 176—178.

10. Konovalov A. K. Nekotorye voprosy razgraničeniya polucheniya vzyatki kak edinichnogo prestupleniya i kak ee sovokupnosti // Dostizheniya nauki i obrazovaniya. — 2020. — № 14 (68). — S. 63—66.

11. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Verhovnogo Suda Respubliki Kalmykiya ot 27 maya 2021 g. po delu № 22-221/2021. — URL: <http://судебныерешения.рф/59564335> (data obrashcheniya: 05.06.2025).

12. Prigovor Sovetskogo rajonnogo suda g. Samary ot 20 fevralya 2017 g. po delu № 1- 0/2017.

— URL: <https://sudpraktika.ru/precedent/203582.html>
(data obrashcheniya: 03.06.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Колесников Роман Викторович. Доцент кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: rkolesnikow@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Ершова Вероника Алексеевна. Дознаватель отдела организации дознания.

ГУ МВД России по Воронежской области.

E-mail: nikaschanikova@mail.ru

Россия, 394006, Воронеж, ул. Володарского, 64.

Kolesnikov Roman Viktorovich. Associate Professor of the chair of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: rkolesnikow@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ershova Veronika Alekseevna. Investigator of the Investigation Department.

Main Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Voronezh Region.

E-mail: nikaschanikova@mail.ru

Work address: Russia, 394006, Voronezh, Volodarsky Str., 64.

Ключевые слова: коррупция; взяточничество; состав преступления; квалификация; законодательство; судебная практика; ответственность; постановление.

Key words: corruption; bribery; elements of a crime; qualification; legislation; judicial practice; responsibility; resolution.

УДК 343.352.4

Г. А. Коробов, кандидат юридических наук, доцент

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ НАСЛЕДИЕ Н. Н. АЛЕКСЕЕВА: ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

N. N. ALEKSEEV'S THEORETICAL AND LEGAL HERITAGE: ITS SIGNIFICANCE FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN THEORY OF STATE AND LAW

В статье сделана попытка проанализировать элементы теоретико-правового наследия выдающегося русского государствоведа евразийской школы Н. Н. Алексеева. Целью исследования является обзор представлений учёного о перспективах развития постсоветского российского государства на основе его опыта понимания сущности буржуазного государства и права, почерпнутого из собственных лет жизни в Европе на протяжении нескольких десятилетий середины XX века. Результатом работы служит вывод о необходимости воспользоваться теоретическими выкладками Н. Н. Алексеева для формирования суверенной концепции современной отечественной государственности, весьма отличной от классического западного представления о сущности государства.

The article attempts to analyze the elements of the theoretical and legal legacy of Nikolai Alekseyev, an outstanding Russian statesman of the Eurasian school. The purpose of the study is to review Alekseyev's views on the prospects for the development of the post-Soviet Russian state, based on his understanding of the essence of the bourgeois state and law, which he gained from his years of living in Europe during the mid-20th century. The article concludes that it is necessary to use Alekseyev's theoretical insights to form a sovereign concept of modern Russian statehood that differs significantly from the classical Western understanding of the essence of the state.

Современное отечественное государствоведение переживает сегодня кризис, сравнимый разве что с кризисом конца 80-х — начала 90-х годов прошлого века. Именно тогда руководство государства решило сменить парадигму развития страны с социалистического на рыночный путь. А иначе говоря, наше общество в одночасье переместилось из «развитого социализма» в капитализм, да еще и в самой его агрессивной для собственного населения звериной стадии — первоначального накопления капитала.

И вот прошло почти 40 лет, и мы снова круто меняем курс. Семья «цивилизованных» народов (государства развитого Запада во главе с США) отчего-то не восприняла Россию как равную себе. И скоротечный отказ от идеологического наследия марксизма-ленинизма не помог. Достаточно было десятилетия, чтобы понять простую истину: наша страна несоразмерна своим европейским соседям во главе с заокеанским вожатым. Для включения в ими сконструированную цепочку необходимо было всего-навсего забыть о каких-либо амбициях и послушно исполнять роль сырьевого придатка. Россия, будучи вот уже четвёртый век в ранге великой державы, с такой ролью согласиться, разумеется, не могла.

И вновь на повестке дня оказался вопрос идеологического сопровождения нашей государственности. Легко написать в Конституции о неприемлемости единой идеологии как таковой, а вот на какой основе строить новое государство?

Надо иметь в виду, что мироощущение россиянина достаточно сильно отличается от мироощущения представителей иных народов. Возьмём, к примеру, население в определённой степени дружественной нам Китайской народной республики. Если гражданин преуспевающего в экономическом отношении сегодня Китая спокойно воспринимает диссонанс между коммунистической риторикой и рыночной реальностью, то для нас, россиян, такое состояние крайне дискомфортно. Для русского характера необходима полная ясность в понимании мира и своего места в этом самом мире.

Просуществовав в идеологическом вакууме два десятка лет, наше государство делает, как нам представляется, исключительно важный шаг. В самом разгаре весьма активная общегосударственная дискуссия о возможности и даже необходимости для некоторых весьма важных акторов политического процесса (глава Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин и ряд других) закрепления

неких фундаментальных принципов государственного строительства с включением их в текст Конституции.

Частью, и весьма важной, начавшегося процесса стали изменения в программах учебного процесса. С 1 сентября 2023 г. на первом курсе образовательных программ бакалавриата, специалитета, среднего специального звена вузов вне зависимости от направлений подготовки обучающихся был введён курс «Основы российской государственности». Новая учебная дисциплина разрабатывалась в спешном порядке (что видно по содержанию первых учебников [1, 2]) и включена в учебные программы в соответствии с Поручением Президента РФ В. В. Путина по итогам заседания Госсовета, состоявшегося 22 декабря 2022 года [3].

Как показал опыт либеральных десятилетий, невозможно возвести здание обновлённой отечественной государственности без обращения к богатейшему багажу отечественного государственоведения. В теории государства основные классические постулаты, зафиксированные в нашем законодательстве: демократические механизмы, деление власти на три ветви, декларация правовой государственности и пр. — в недостаточной степени отражают особенности существа нашего государства. Попытка механистического переноса западных схем на нашу почву, в иную по сути цивилизацию, скорее всего, провалилась, как это ни прискорбно для российских западников. Не по нашему размеру, что называется, оказались составляющие суть западной общности её элементы. Россия скроена по другим лекалам.

Досоветское русское государственоведение прославлено множеством имён и направлений. Достаточно сказать о том, что цивилизационный подход к типологии государства в наших национальных учебных программах до недавнего времени изучался на основе трудов европейцев, таких как Арнольд Дж. Тойнби [4], Освальд Шпенглер [5] и ряда других. А вот, по существу, первооткрыватель такого подхода, русский учёный Николай Яковлевич Данилевский [6], опубликовавший свой капитальный труд «Россия и Европа» в далёком 1869 г., даже не всегда упоминался в длинном списке приверженцев этой концепции.

Среди множества течений отечественного обществознания в широком понимании этого термина (консерватизм, либерализм, анархизм, солидаризм и пр.), по нашему мнению, должно быть востребовано в первую очередь «евразийство». Как известно, центральным для евразийцев был принцип «познай себя и будь самим собой». И именно он стал на сегодня для нашего общества определяющим. В рамках данного течения сле-

дует отметить таких авторов, как Николай Трубецкой, Петр Савицкий и Николай Алексеев, чьи работы отличаются особенной глубиной по данному вопросу. В частности, Н. Трубецкой уделял внимание культурно-этническим и идеологическим аспектам евразийства, тогда как П. Савицкий выбрал в качестве своего направления исследований геополитику и географию.

В свою очередь Н. Н. Алексеев всецело посвятил себя теории евразийского права и государственства.

Николай Николаевич Алексеев (1879—1964 гг.), отвергая досоветскую и советскую концепцию власти, предложил свою глубоко традиционную концепцию в рамках евразийской модели государства (Третьего пути). Указанная концепция характеризовалась, во-первых, отказом от социальной механики, превращающей государство в машину бездушной власти, что характерно для западных взглядов, во-вторых, провозглашением в качестве главной обязанности государства создания условий для духовного развития своих граждан. Государство Н. Н. Алексеев понимал через противопоставление приоритета целого по отношению к частям и индивидуалистического, контрактного подхода.

В статье «Евразийцы и государство» [7. — С. 169—185] Н. Н. Алексеев чётко даёт характеристику тех черт западной демократии, к которым все привыкли, но которые вовсе не являются таковыми по сути. Так, автор считает, что «европейская демократия гордится тем, что она основывает свою власть на “свободном” общественном мнении, выражающем волю большинства “нации” [7. — С.180]. Но общественное мнение, как справедливо считает автор, представляет собой не глубоко укоренившееся в народе убеждение, а очень изменчивые народные настроения, искусственно привитые политическими партиями, вооружёнными всеми приёмами новейшей рекламной техники. Если объективно оценить деятельность ныне существующих отечественных партий, то мы должны констатировать исключительную точность прогноза Н. Н. Алексеева. Практически все политические партии имеют не массовый, мягко говоря, характер. Неудивительно, что правящая «Единая Россия» за последнее время поднакопила авторитета в обществе за счёт организации массового «Народного фронта».

В противовес наличию традиционных партий учёный предлагает «сознательно зафиксировать в политическом бытии нашего государства то, что западные демократии старательно прячут: путеводную идею государства, как целого, его основное призвание, его цель. В этом смысле можно назвать наше государство идеократией или,

иначе, государством стабилизированного общественного мнения. Мы считаем, что в понятии народа как совокупности исторических поколений и воплощена истинная народная воля, единственным органом которой отнюдь нельзя признать случайное голосование наличного большинства взрослых граждан» [8]. И пусть эта мысль кажется на первый взгляд слишком абстрактной и неведомо как реализуемой, но на то и армия отечественных теоретиков, обретающихся в многочисленных вузах и научно-исследовательских институтах, а также общественно-политическая практика, чтобы воплотить данную концепцию в жизнь.

Кроме всего прочего Н. Н. Алексеев отмечает, что слой, наделенный стабилизирующими взглядами, должен стать органической частью государства. При этом правящая партия должна быть представлена наряду с ними как носительница органической государственной идеи. Формирование правильного соотношения в советах делегатов от территориальных и национальных частей и от профессиональных организаций с делегатами от правящего слоя благоприятно скажется на сочетании государственной константы с государственной динамикой. Исходя из этого, классические партии должны быть заменены реальными общественными слоями, способными выражать волю нации как некоего органического целого [7. — С. 184]. Так что автор делает упор на слой профессиональных управленцев в купе с представителями национальных диаспор (при необходимости, дополним мы).

Оттачивая своё понимание государства для России будущего, Н. Н. Алексеев в итоге создал собственную концепцию «гарантийного государства». В основных чертах она сформулирована в статье «О гарантийном государстве» [7. — С. 373—385], а в развёрнутом виде в работе «Современное положение — в науке о государстве и её ближайшие задачи» [7. — С. 386—624].

Гарантийное государство характеризуется способностью обеспечить достижение ряда стабильных целей и задач, что свидетельствует о его позитивной миссии. В противоположность ему выделяют релятивистское государство, которое не формирует определённых положительных ориентиров, не придерживается постоянной программы и не руководствуется неизменными принципами.

Объективность взглядов Н. Н. Алексеева о природе буржуазного государства обусловлена тем, что он видел его изнутри, прожив в странах Запада (Чехословакия, Германия, Франция, Югославия, Швейцария) значительную часть своей жизни. По его мнению, если для государства

свойственен политический союз только в качестве защиты гражданских прав в случае их нарушения, то возможно говорить о государственном релятивизме. Между тем формальная демократия также подвержена политическому релятивизму, поскольку принципы государственной деятельности определяются произвольным партийным большинством, сформированным в конкретной политической обстановке и способным при изменении условий развиваться в диаметрально противоположном направлении [7. — С. 373].

Как показал опыт функционирования институтов постсоветской государственности в первые полтора десятка лет, именно такая схема устраивала наших западных «партнёров». Две-три партии от левых до правых либералов должны раз в 4—6 лет оспаривать власть друг у друга без изменения сути государства. Заняв президентское кресло, В. В. Путин некоторое время двигался по заданному маршруту, но довольно быстро осознал бесперспективность и тупиковость такого пути. Точкой отчёта ухода от классического либерального государства явилось не внутреннее, а внешнее событие — мюнхенская речь Президента РФ на конференции по безопасности 10 февраля 2007 г. Выступление было посвящено критике однополярности современной мировой политики и, главное для нас, видению места и роли России в современном мире с учётом современных реалий и вероятностных угроз. Только после этого начались очень медленные подвижки в изменении лица российского государства.

Отсутствие динамики в процессе ухода от либеральных постулатов не случайно. Конституция, принятая в 1993 г., была написана в соответствии с соблюдением всех признанных норм демократического правового государства в том виде, который признаёт западная политическая традиция. Было записано, что международное право выше национального, что наше государство должно обладать всеми атрибутами, положенными для современного либерального государства. Как быть в такой ситуации? Невозможно в одночасье сменить понятийно-категориальный аппарат и риторику, к которым привыкали десятилетиями.

Возможно, это и не нужно в обозримом будущем: слишком велика инерция традиционных догм. Облик государства должен меняться изнутри, в его сущности.

Однако вернёмся к концепции Н. Н. Алексеева, без внедрения которой в практику строительства новой российской государственности, по нашему мнению, обществу будет тяжело бороться как с внутренними, так и внешними проблемами. Атомарный подход, присущий классической теории государства, рассматривает все социально-

исторические образования — этносы, государства, классы и т. д. — как следствие произвольного объединения в группы отдельных индивидуумов, которые фиксируют такое объединение в разнообразных формах «контракта», «договора». Иными словами, неделимым, константным в таком подходе является только индивидуум, все остальные образования в итоге являются историческим произволом, не обладают никакой самостоятельной онтологией и поэтому могут столь же произвольно меняться, уступая место иным формам контрактных групп. Вот поэтому классическая теория правового государства со всеми её сопровождающими годна для всех народов на всех континентах, невзирая на специфику их исторического развития, менталитета и пр.

Неудивительно, что формирование постсоветской государственности буксует. Монтируя наше государство по европейским чертежам, мы просто не могли получить требуемый результат по причине разницы мироощущения, миропонимания между представителями западной цивилизации и нашей, российской.

«Юридическое выражение своей идея гарантийности, — считает Н. Н. Алексеев, — находится в основном государственном законе или конституции. Основой такой конституции является Декларация обязанностей государства. В отличие от буржуазных деклараций прав человека и гражданина гарантийная Декларация утверждает не требования, которые общественное мнение данной эпохи предъявляет к государству и которые государственная власть обязуется проводить в жизнь. Гарантийное государство не отрицает “прав граждан”, которые провозглашались в буржуазно-демократических декларациях, но оно считает, что права эти висят в воздухе, если они не гарантированы обязанностями государственного целого. Оно не отрицает также и прав государства по отношению к гражданам, но полагает, что односложнее выделение их является признаком режима авторитарного и деспотического» [7. — С. 374].

Помимо этого Н. Н. Алексеев утверждает, что предложенный путь юридической мысли и развития правовых институтов представляет собой лишь одну из возможных траекторий социального развития, основанную на атомарном индивидуализме и рационалистической философии, которая естественна и логична для Запада, но совершенно чужда и неприемлема для Востока (включая Рос-

сию). Геополитическая, географическая реальность напрямую связана с понятием «право». Несмотря на его притязания на универсальность, оно отражает локальный процесс развития лишь одного из сегментов человечества.

Опираясь на собственные исследования, Н. Н. Алексеев заключает, что «общая теория права» в понимании западных представителей юридической науки и практики представляется как общая теория западного права, в предмет которой не входят иные альтернативные модели, получившие распространение в других частях света.

Таким образом, становится очевидным навязывание западной юридической мысли, сформированной уникальным, но все же локальным географическим и историческим опытом, остальным народам магистрального пути социальной и моральной эволюции.

Концепции права в социальной модели России противостоит концепция обязанности. «В противоположность западной жизни наше государство сложилось при преимущественном преобладании начала обязанности над началом права» [7. — С. 164]. Приводя в пример социальную историю России, автор употребляет термин «тягловое государство», иными словами, государство, строящееся на принципах доминирования обязанностей.

Нам очевидно, что сегодня такая характеристика государства как нельзя лучше отразит чаяния подавляющей части российского народа. За прошедшие десятилетия говорилось так много о правах индивидуальных, правах различных общностей, а делалось так немного, что «обязанное» государство — это то самое, что необходимо сегодня нашему обществу.

Разумеется, мы осознаём, насколько долог и тернист путь и в теории, и, тем более, на практике от классической европейской демократической государственности к отечественной социальной модели. Должен пройти не один десяток лет, чтобы окончательно выработать эту модель и воплотить её в жизнь. Но, как показал опыт прошлого века и первых лет нынешнего, другого выхода у России перед стоящими внутренними и внешними вызовами, видимо, просто нет. И неоценимую помощь в выходе из теоретического тупика нам может оказать в том числе и наследие выдающегося учёного земли русской Николая Николаевича Алексеева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы российской государственности : учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т. В. Евгеньева,

И. И. Кузнецов, С. В. Перевезенцев ; под ред. С. В. Перевезенцева. — М. : Дело, 2023. — 550 с.

2. Основы российской государственности : учебное пособие для студентов естественнонаучных и инженерно-технических специальностей / А. П. Шевырёв, В. В. Лапин, С. В. Рогачёв. — М. : Дело, 2023. — 252 с.

3. <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421#assignment-30> (дата обращения: 15.05.2025).

4. Тойнби А. Дж. Исследование истории : в 3 т. / пер. с англ., вступ. статья и комментарии К. Я. Кожурина. — СПб., 2006.

5. Шпенглер О. Закат Европы. — М., 1993.

6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М.: ОГИЗ, 2023. — 624 с.

7. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. — М. : Аграф. 1998. — С.169—185.

REFERENCES

1. Osnovy` rossijskoj gosudarstvennosti : uchebnoe posobie dlya studentov, izuchayushhix sociogumanitarny`e nauki / T. V. Evgen`eva, I. I. Kuzneczov, S. V. Perevezencev ; pod red. S. V. Perevezenceva. — M. : Delo, 2023. — 550 s.

2. Osnovy` rossijskoj gosudarstvennosti : uchebnoe posobie dlya studentov estestvennonauchny`x i inzhenerno-texnicheskix special`nostej / A. P. Shevy`ryov, V. V. Lapin, S. V. Rogachyov. — M. : Delo, 2023. — 252 s.

3. <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421#assignment-30> (data obrashheniya: 15.05.2025).

4. Tojnbi A. Dzh. Issledovanie istorii : v 3 t. / per. s angl., vstup. stat`ya i kommentarii K. Ya. Kozhurina. — SPb., 2006.

5. Shpengler O. Zakat Evropy`. — M., 1993.

6. Danilevskij N. Ya. Rossiya i Evropa. — M.: OGIZ, 2023. — 624 s.

7. Alekseev N. N. Russkij narod i gosudarstvo. — M. : Agraf. 1998. — S.169—185.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коробов Геннадий Алексеевич. Доцент кафедры теории и истории государства и права. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: genkorobov@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Korobov Gennady Alekseevich. Associate Professor of the chair of Theory and History of State and Law. Candidate of Law, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: genkorobov@yandex.ru 53

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: учебная дисциплина «Основы российской государственности»; перспективы развития постсоветского российского государства; Н. Н. Алексеев и его роль в формировании суверенной концепции современной отечественной государственности.

Key words: the academic discipline "Fundamentals of Russian Statehood"; prospects for the development of the post-Soviet Russian state; N. N. Alekseyev and his role in shaping the sovereign concept of modern Russian statehood.

УДК 340.12

С. Ю. Можяева, кандидат юридических наук
Н. В. Полякова, кандидат юридических наук, доцент

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ,
ИМЕЮЩИХ СУДИМОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
(НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**ABOUT SOME ISSUES OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION
IN RELATION TO PERSONS WITH A CONVICTION
FOR COMMITTING A CRIME AGAINST SEXUAL INVIOABILITY
AND SEXUAL FREEDOM OF MINORS
(ON THE EXAMPLE OF THE VORONEZH REGION)**

Статья посвящена анализу отдельных проблем правоприменительного характера, возникающих у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее — сотрудников ОВД РФ) при осуществлении административного надзора за отдельной категорией лиц, и возможных путей их решения. С учетом проведенного анализа рассмотрены перспективные формы и методы работы сотрудников ОВД РФ, а также освещены предложения по совершенствованию данной деятельности. Вместе с тем обращено внимание на необходимость осуществления пристального контроля за лицами, имеющими судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, ввиду значительных рисков совершения ими повторных аналогичных преступлений.

The article is devoted to the analysis of individual law enforcement problems that arise for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation (hereinafter referred to as employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation) when implementing administrative supervision over a separate category of persons, and possible ways to solve them. Taking into account the analysis, promising forms and methods of work of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation are considered, and proposals for improving this activity are highlighted. At the same time, attention is drawn to close attention to supervised persons who have a criminal record for committing a crime against the sexual inviolability and sexual freedom of a minor, in view of the significant risks of their committing similar crimes again.

Обеспечение защиты несовершеннолетних от преступных посягательств на их половую неприкосновенность остается в числе приоритетных в деятельности полиции. Данная категория преступлений отличается своей беспринципностью и безвозвратно ломает детские судьбы. Большой общественный резонанс вызывают противоправные действия со стороны ранее судимых лиц. Несмотря на проводимую сотрудниками ОВД РФ профилактическую работу, ряд ранее судимых, выйдя на свободу, не отказываются от прежнего образа жизни. Полагаем, что среди последних в особом внимании нуждаются лица, имеющие судимость за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, которым установлен административный надзор.

В соответствии с частью 2 статьи 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 года № 64 «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее — ФЗ № 64 от 6 апреля 2011 г.) административный надзор устанавливается в обязательном порядке в отношении совершеннолетнего лица, освобожденного или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, в том числе лица, совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающего

расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключая вменяемости [1].

Перечень составов преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, в том числе в отношении несовершеннолетних, отражен в главе 18 Уголовного кодекса РФ [2].

Анализ положений указанного кодекса показывает, что в настоящее время административному надзору в обязательном порядке могут подлежать лица, освобожденные из мест лишения свободы и имеющие непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, ч. 5 ст. 131 УК РФ, п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, ч. 5 ст. 132 УК РФ, ч. ч. 2, 3 ст. 133 УК РФ, ст. 134 УК РФ, ст. 135 УК РФ.

В соответствии с примечанием к статье 73 УК РФ для целей указанной статьи, а также статей 79, 80, 82 и 97 УК РФ к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, относятся преступления, предусмотренные статьями 240, 241, 242, 242.1 и 242.2 УК РФ, совершенные в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

Проведенный анализ статистических сведений свидетельствует о росте поставленных на профилактический учет поднадзорных лиц, совершивших сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних. Так, если число поднадзорных в Российской Федерации в 2019 году составляло 7069 человек, то в 2023 году их количество возросло на 5,8% и составило 7479. В абсолютных числах прирост на 410 поднадзорных лиц.

В Воронежской области на профилактическом учете территориальных органов внутренних дел на районном уровне по состоянию на 1 января 2025 года состоит 92 поднадзорных данной категории (на 1 января 2024 — 75 лиц, +22,7%), причем их значительный прирост отмечался на протяжении трех последних лет (2021 — 58 лиц, +9,4%, 2022 — 65, +12,0%, 2023 — 80, +23,0%), наиболее весомый, почти на четверть, — в 2023 году (+23,0%).

Необходимо отметить, что названная категория поднадзорных лиц требует наиболее пристального внимания со стороны сотрудников ОВД РФ ввиду их социальной опасности и склонности к совершению аналогичных деяний, вызывающих широкий общественный резонанс [3].

В настоящее время для данной категории лиц ФЗ № 64 от 6 апреля 2011 года предусмотрено два обязательных из пяти возможных ограничений — явка в орган внутренних дел от одного до четырех

раз в месяц и запрет выезда за установленные судом пределы территории и посещения объектов и территорий образовательных, медицинских, санаторно-курортных, физкультурно-спортивных организаций, организаций культуры, предназначенных для детей, организаций отдыха детей и их оздоровления, площадок с использованием открытой плоскостной детской игровой и детской спортивной инфраструктур (за исключением случаев, если поднадзорное лицо, являясь родителем несовершеннолетнего, сопровождает его, в том числе для представления его интересов) [1].

В Воронежской области из 92 поднадзорных лиц названной категории имеют по два ограничения 7 лиц (7,7%), три ограничения — 19 лиц (20,6%), четыре ограничения — 30 лиц (32,6%) и у 36 лиц установлены все пять ограничений, предусмотренных законом (39,1%).

Изучение судебных решений об установлении административного надзора лицам, имеющим непогашенную (неснятую) судимость за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, показало, что в 19 случаях срок административного надзора был установлен на 3 года (в связи с совершением преступления в несовершеннолетнем возрасте либо преступления средней тяжести), в 39 — на 8 лет и в 34 — на 10 лет.

Местами совершения поднадзорными преступлениями в каждом втором случае являлись квартиры либо частные домовладения (46 из 92 преступлений, или 50%), в остальных случаях общественное место (стадионы, клубы, детские площадки и др.).

Проведенный анализ также показал, что на территории региона из 92 поднадзорных лишь 15 лиц, или каждый шестой, на момент совершения сексуального преступления ранее привлекались к уголовной ответственности. 83,7% поднадзорных совершили сексуальные преступления в отношении детей впервые и ранее проблем с законом не имели.

При этом из 15 ранее осуждавшихся лиц только одно имело судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, остальные 14 ранее были осуждены за преступления имущественного характера (кражи, угоны, вымогательства).

В 59,8% (55 лиц) поднадзорные лица указанной категории на момент совершения преступлений являлись безработными, 9 лиц (9,8%) — учащимися (студентами) образовательных организаций, 3 лица (3,2%) были в статусе пенсионеров.

Вместе с тем 8 поднадзорных лиц на момент совершения преступлений были несовершеннолетними (8,7%), 36 лиц — в возрасте от 18 до 24 лет (39,2%), 22 лица — от 25 до 29 лет (23,9%),

12 — от 30 до 39 лет (13,0%), 7 — от 40 до 49 лет (7,6%), 4 — от 50 до 59 лет (4,3%) и 3 лица — старше 60 лет (3,3%). Лишь 4 (4,3%) поднадзорных имели высшее образование, 32 (34,7%) — среднее профессиональное, 42 (45,7%) — среднее (полное) общее, 10 (10,9%) — основное общее, 2 (2,2%) — начальное общее и 2 (2,2%) не имели образования вообще.

Кроме того, в 52 случаях, или 56,5%, преступники были знакомы со своими жертвами, в том числе в 8 случаях (8,6%) потерпевшие были их родственниками (дочери, сестры, племянницы). Практически в половине случаев жертвами преступлений являлись дети, не достигшие четырнадцатилетнего возраста, то есть лица, заведомо находившиеся в беспомощном состоянии (39 из 92, или 42,4%).

Третья часть всех преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего была совершена в состоянии алкогольного опьянения (28 из 92, или 30,4%) и каждое седьмое с использованием сети Интернет (12 из 92, или 13,0%).

Практически во всех случаях преступниками осуществлялась переписка с несовершеннолетними в социальной сети «ВКонтакте», через которую демонстрировались различные материалы порнографического содержания.

Среди основных причин совершенных посягательств сексуального характера в отношении несовершеннолетних необходимо выделить попустительское отношение родителей к обеспечению безопасности детей при формировании своего близкого окружения — друзей, сожителей, супругов. Нередко одинокие матери при выборе спутника жизни не проявляют настороженности и предпочитают не замечать противоправных посягательств, совершаемых в отношении несовершеннолетних со стороны своих сожителей и знакомых. Расставовка таких неправильных приоритетов в личной жизни создает существенные риски для защиты прав несовершеннолетних.

Так, Борисоглебским городским судом Воронежской области в отношении гражданина В. в 2022 году был вынесен приговор за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ в отношении не достигшей четырнадцатилетнего возраста дочери его сожительницы К. Судом было установлено, что совершению указанного деяния способствовал аморальный образ жизни матери К., а также создание близких отношений с неоднократно судимыми лицами, ведущими маргинальный образ жизни.

Предусмотренные ФЗ № 64 от 6 апреля 2011 г. административные ограничения, даже при качественном контроле со стороны сотрудников полиции за их соблюдением поднадзорными лицами,

не позволяют исключить риски совершения ими новых преступлений.

При этом подобные деяния нередко приобретают извращенную форму и обоснованно вызывают широкий общественный резонанс.

Например, 4 января 2022 года в г. Костроме имеющий судимость за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего поднадзорный, несмотря на установление ему максимально возможного перечня предусмотренных ФЗ № 64 от 6 апреля 2011 г. запретов и надлежащего контроля за их соблюдением со стороны органов внутренних дел, вновь совершил изнасилование пятилетней девочки, после чего убил ее.

Полагаем, что с развитием информационных технологий особый интерес представляет возможность применения технических средств слежения для контроля за соблюдением поднадзорными лицами ограничений в виде запрета пребывания вне жилого помещения в определенное время суток.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным внести изменения в ФЗ № 64 от 6 апреля 2011 г., установив новый вид административного ограничения в отношении поднадзорного лица — постоянное (бессрочное) наблюдение с применением средств электронного слежения (электронных браслетов системы глобального позиционирования GPS и ГЛОНАСС) для лиц, совершивших преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости.

Существенного увеличения нагрузки на сотрудников уголовно-исполнительной системы при этом не произойдет, так как механизм их участия будет предполагать минимальное задействование для установки необходимого оборудования и информирования органов внутренних дел о фиксации системой электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) нарушений поднадзорным установленными ограничениями для принятия полицией предусмотренных законодательством мер реагирования.

Безусловно, важной составляющей в профилактике сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних является обеспечение безопасности в школах и детских садах, которая достигается в первую очередь усилиями самих образовательных организаций.

К числу мер в этой части относится воспрепятствование неправомерному проникновению на объекты посторонних лиц путем обеспечения охраны, организации и контроля пропускного режима, оснащения территории инженерно-техническими средствами и системами

охраны (видеонаблюдение, охранная сигнализация и др.).

Повышение безопасности объектов образования во многом зависит от систем мониторинга и контроля управления доступом. В этой связи целесообразно повсеместно вводить в практику использование электронных карт, которые применяются, например, в городе Москве, а также оборудование прилегающей территории школ и детских садов видеокамерами с функцией распознавания лиц аппаратно-программного комплекса «Безопасный город».

С учетом анализа правоприменительной практики и складывающейся ситуации в области предупреждения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних предлагаемые новеллы представляют интерес и в определенной степени, полагаем, являются востребованными.

Проведенный в настоящей статье анализ позволяет сформировать ряд предложений и рекомендаций сотрудникам ОВД РФ по осуществлению профилактической работы с указанной категорией лиц.

Во-первых, сотрудникам ОВД РФ следует в каждом конкретном случае тщательно изучать сведения о судимости лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, отраженные в письмах-сообщениях исправительных учреждений ФСИН России, что позволит оперативно выявлять лиц, отбывавших наказание за половые преступления в отношении несовершеннолетних.

Во-вторых, правоохранительным органам следует обращать внимание на резолютивные части приговоров о наличии дополнительных видов наказаний, а также на аналогичную информацию, содержащуюся в справках об освобождении лиц из мест лишения свободы. Указанное обусловлено тем, что в последние годы повсеместно расширяется практика назначения судами при вынесении приговоров о реальном лишении свободы дополнительных видов наказания в виде ограничения свободы на определенный срок. Значительное количество таких приговоров постановляется в отношении лиц, осуждаемых за совершение преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

В соответствии с частью 8 статьи 270 КАС РФ административное исковое заявление об установлении административного надзора по основаниям, предусмотренным ФЗ № 64 от 6 апреля 2011 г., в отношении лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, назначенное в качестве дополнительного вида наказания, или при замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы ограничением свободы подается органом внутренних дел не позднее чем за один месяц до истечения срока отбывания осужденным наказания в виде ограничения свободы [4].

И в-третьих, вполне очевидно, что для оперативного выявления и пресечения фактов внутрисемейного насилия, работу с поднадзорными лицами, проживающими в семьях с детьми, целесообразно проводить во взаимодействии с заинтересованными ведомствами, в том числе специализированными органами опеки и попечительства, социальными педагогами и психологами образовательных организаций.

К другим рекомендациям для органов внутренних дел по профилактике преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних представляется целесообразным отнести:

1) организацию на системной основе обмена информацией между подразделениями ОВД РФ о ранее судимых лицах, в том числе за преступления против половой неприкосновенности, проживающих в семьях с несовершеннолетними, для комплексной отработки всеми заинтересованными службами данного контингента на причастность к совершению уголовных посягательств в отношении детей;

2) необходимость участия представителей комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов опеки и попечительства, педагогов, психологов школ и общественных объединений в проверке условий проживания несовершеннолетних в семьях с ранее судимыми лицами и совместной отработке в части складывающихся внутрисемейных взаимоотношений;

3) оказание помощи несовершеннолетним жертвам сексуального насилия, а также осуществление социальной адаптации и ресоциализации ранее судимых лиц по профилактике рецидивной преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм.

и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Балмочных С. Ю., Можаяев С. А. К вопросу о необходимости совершенствования мер административного надзора в связи с распространением преступлений с использованием информационно-

телекоммуникационных технологий // Вестник Воронежского института МВД России. — 2023. — № 1. — С. 218—224.

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Ob administrativnom nadzore za liczami, osvobodzhenny`mi iz mest lisheniya svobody` : Federal`ny`j zakon ot 6 aprelya 2011 g. № 64-FZ // SPS «Konsul`tantPlyus».

2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.04.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 02.05.2025) // SPS «Konsul`tantPlyus».

3. Balmochny`x S. Yu., Mozhaev S. A. K vo-

prosu o neobходимosti sovershenstvovaniya mer administrativnogo nadzora v svyazi s rasprostraneniem prestuplenij s ispol`zovaniem informacionno-telekommunikacionny`x tehnologij // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2023. — № 1. — С. 218—224.

4. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 № 21-FZ (red. ot 01.04.2025) // SPS «Konsul`tantPlyus».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Можаяева Светлана Юрьевна. Доцент кафедры административного права. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: svetlana0710@internet.ru

Россия, 39065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Полякова Наталья Викторовна. Начальник кафедры административного права. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: n.v.poliyakova@list.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Mozhaeva Svetlana Yuryevna. Associate Professor of the chair of Administrative Law. Candidate of Law. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: svetlana0710@internet.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Polyakova Natalia Viktorovna. Head of the chair of Administrative Law. Candidate of Law, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: n.v.poliyakova@list.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: административный надзор; поднадзорный; ограничения; несовершеннолетний.

Key words: administrative supervision; supervised; restrictions; minor.

УДК 342

Н. А. Моругина, кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕГО РЕЗУЛЬТАТОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

SOME HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF INFORMATION TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT AND THE USE OF ITS RESULTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье проведен анализ развития технологий и их применения в уголовном судопроизводстве: от механических устройств до современных способов хранения и обработки данных, включая ДНК. Автор предлагает создать единую информационную систему с генетической информацией о лице. Кроме того, в статье указано на необходимость закрепления в УПК РФ определения понятия «электронный носитель информации», а также внесения в уголовно-процессуальный закон статей, регламентирующих правила сбора, оценки и хранения информации, полученной с электронных носителей.

The article analyzes the development of technologies and their application in criminal proceedings, from mechanical devices to modern methods of data storage and processing, including DNA. The author proposes the creation of a unified information system with genetic information about a person. Additionally, the article highlights the need to define the concept of «electronic information carrier» in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as to introduce articles in the criminal procedure law that regulate the rules for collecting, evaluating, and storing information obtained from electronic carriers.

Совершенствование носителей информации, применяемых в разных сферах деятельности человека, можно найти на ранних этапах создания устройств, облегчающих выполнение задач по систематизации данных, оказанию помощи в планировании и т. д.

Рассмотрим закономерности развития информационных технологий и использование его результатов в уголовном судопроизводстве:

1. Бумажные носители информации.

«Бумажные компьютеры» или «механические устройства для хранения и обработки информации» стали использовать в начале XIX века (1900—1930 гг.) в целях совершенствования расследования и повышения эффективности работы правоохранительных органов (опыт США, Великобритании, Германии и Франции), в частности, для:

– систематизации данных (автоматический сбор и сортировка большого объема информации);

– создания карточных систем (хранение информации о «белокожих и чернокожих подозреваемых» — «цифровой профиль лица» (на примере США));

– анализа преступлений и планирования расследования.

Напомним, что в 1910 году бельгийские ученые П. Отле и А. Лафонтен создали первую систему носителей больших данных *в бумажном виде* — *Mundaneum* (Информационное хранилище).

Mundaneum включал в себя многочисленные ящики с карточками как носители определенной информации и 12 миллионов указателей, обрабатывающих в год около 1500 запросов со всего мира.

Сбором и упорядочиванием информации, а также «поисковым сервером», обеспечивающим оперативное получение ответа, выступали специально набранные сотрудники, принимающие пришедшие по почте запросы.

Принцип работы поисковой системы П. Отле выглядел следующим образом: сотрудники хранилища сортировали и обрабатывали запрос пользователя до вывода ключевых слов (в настоящее время аналог метаданных), по которым осуществлялся поиск необходимой информации. Далее заполняли специальный бланк ответа и направляли его составителю запроса.

Позже, в целях модернизации процесса поиска было изобретено устройство, по функционалу напоминающее бумажный компьютер, которое перемещало документы при помощи колес и спиц.

В 2000 году американский инженер Джим Уиллард создал бумажный компьютер с центральным процессором, памятью, клавиатурой и дисплеем, который выглядел как листок тонкого картона, объединив современные технологии для его реализации: токопроводящие чернила с хорошей адгезией, гибкие транзисторы, эластичные жидкокристаллические дисплеи и т. д. Основной идеей для разработки бумажного компьютера вместо универсального, но громоздкого и дорогого компьютера из металла и пластика являлось его удешевление [1].

В 2004 году шведская технологическая фирма Сурак также представила «ПК будущего» — одноразовый бумажный компьютер, который, по словам изобретателей, способен собирать, обрабатывать и обмениваться данными. Устройство представляло собой маленькие электронные модули с 32 Кб памяти и датчики, работающее на основе чипов радиочастотной идентификации (RFID), содержащее печатаемые датчики и другие встроенные электронные схемы [2].

2. Перфокарта как носитель закодированной информации.

Первое применение перфокарты (от лат. *perforo* — пробиваю и лат. *charta* — лист из папируса) уже в «интеллектуальных машинах», служивших для информационного поиска и классификации записей [3. — С. 5], берет начало в XXI в.

Перфокарта как носитель информации представляла собой пластиковую или картонную карту с отверстиями, расположенными в определенных позициях, с помощью которых записывались необходимые данные путем прокалывания отверстий в нужных местах. Гомеоскоп сравнивал информацию с перфокарт, табулятор [4] ее считывал и выводил на бумажный носитель.

В уголовном процессе перфокарты применялись для автоматизации обработки данных, что позволяло систематизировать информацию о подозреваемых (обвиняемых), потерпевших, свидетелях по различным параметрам поиска, таким как Ф.И.О., возраст, адрес место жительства.

3. Восковой валик (цилиндр) как аудионоситель информации.

Запись звука на восковой поверхности, так называемый восковой валик — восковая запись, стала основой для дальнейшей технологии записи аудиоинформации и представляла собой метод хранения и воспроизведения аудиоданных.

К преимуществам применения записи на восковой валик стоит отнести:

- 1) долговечность хранения;
- 2) использование в отсутствие электроэнергии;
- 3) высокое качество звука.

Восковая запись в начале XX века стала применяться для фиксации показаний участников уголовного судопроизводства и использовалась как доказательство по уголовному делу.

4. Магнитные носители информации.

В 1898 году В. Поульсен разработал технологию записи по магнитной проволоке с аналоговым типом хранения звука. Звуковые сигналы записывались на тонкую стальную проволоку, в дальнейшем провод был заменен на магнитную ленту.

В 1949 году Д. Моучли и П. Эккерт создали первый двоичный автоматический компьютер BINAC — Binary Automatic Computer, способный принимать данные с магнитной ленты и магнитную пленку, предназначенную для ввода и вывода информации. Магнитная лента представляла собой носитель информации, фиксируемой посредством цифровой магнитной записи с помощью магнитофона.

В 1960—1980-е годы для хранения и использования больших массивов информации использовались накопители на магнитных лентах, похожие на большие магнитофоны [5] — электромеханические устройства, предназначенные для записи звуковой информации на магнитные носители и/или её воспроизведения.

Напомним, что Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 года [6] в УПК РСФСР были внесены изменения, регламентирующие порядок применения звукозаписи при допросе. Приложением к протоколу допроса значилась фонограмма, т. е. звукозапись, обеспечивающая полноту фиксации хода и результата следственного действия.

В связи с этим хочется согласиться с В. И. Романовым в том, что звукозапись по сравнению с обычным протоколом имеет ряд преимуществ при допросе лица. Так, например, по голосу можно было составить фонографическую характеристику допрашиваемого лица (интеллект, словарный запас, психологическое состояние), а также определить степень его искренности [7. — С. 167].

В 1969 году А. П. Миршавкой и В. А. Башкировым было изобретено устройство для магнитной записи телефонных переговоров (речевой информации) — SU 352307 A1 [8], которое принимало, кодировало и передавало сигнал.

Стоит отметить, что с 1970 года стали активно использоваться в уголовном судопроизводстве (при производстве следственных действий, в ходе оперативно-розыскных мероприятий) такие магнитные носители информации, как флоппи-диск (накопитель информации на гибких магнитных дисках — дискета), предназначенный для многократной записи и хранения данных.

В 1979 году Госарбитраж СССР опубликовал Инструктивные указания, где в соответствии с п. 9 в качестве доказательств по делу признавались данные, содержащиеся на перфоленке, перфокарте, магнитной ленте, магнитном диске и т. п. при условии преобразования их в форму, пригодную для обычного восприятия и хранения в деле [9].

5. Электронный носитель информации.

В 1977 году В. В. Петров впервые в мире предложил концепцию оптического диска как «единого электронного носителя информации» [10], который в настоящее время насчитывает четыре поколения приемников: (1 — лазерный диск, компакт-диск и MiniDisc; 2 — DVD и Digital Multilayer Disk; 3 — Blu-ray Disc, HD DVD и др.; 4 — Archival Disc, Holographic Versatile Disc) [11].

В соответствии с п. 3.1.15 ГОСТ 2.051-2006 электронный носитель — материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники [12].

В 2015 году ГОСТ Р 7.0.95-2015 закрепил термин «электронный носитель информации», предложив определять его как материальный объект, который используется для записи, хранения и воспроизведения цифровой информации [13].

В данном случае интерес представляет позиция профессора С. В. Зуева, высказывавшегося о необходимости законодательного определения электронного носителя информации и установления единообразного, понятного и логичного порядка процессуальных действий с ним. По мнению автора, существующая практика обращения с электронными доказательствами приводит к нарушениям прав граждан, вовлечённых в уголовное судопроизводство, и невозможности равноправного участия сторон в доказывании [15].

Действительно, отсутствие легальной дефиниции понятия «электронный носитель информации» в нормах УПК РФ, несмотря на активное использование данного термина, создало противоречивую интерпретационную ситуацию при понимании сущности термина в уголовно-процессуальном доказывании [14. — С. 116].

Так, например, Ю. Н. Соколов считает, что электронный носитель информации — это адаптированное к многократному использованию *электронное устройство*, которое предназначено для записи, хранения, передачи и воспроизведения информации [16. — С. 19—20]. А. Е. Федулова к электронному носителю информации относит *техническое устройство* [17. — С. 94]. Е. Д. Васильков говорит об электронном носителе информации как о *материальном устройстве* [18. — С. 1831], а А. А. Балашова — как о «тех-

ническом средстве, конструктивно предназначенном для хранения информации в электронно-цифровой форме», предлагая классификацию электронных носителей информации по разным основаниям (по характеру связи с расследуемым событием, по способу использования, получения доступа к содержащейся на электронных носителях информации и т. д.) [19. — С. 10—11].

В. Н. Григорьев и О. А. Максимов рассматривают электронный носитель информации в составе вещественных доказательств как *предмет*, содержащий значимую для уголовного дела информацию [20. — С. 40], другие авторы — как *материальный объект*, предназначенный для записи, хранения и использования электронной информации в доказывании по уголовным делам [21. — С. 304].

Проанализировав мнения ученых относительно определения понятия «электронный носитель информации», которое трактуется ими с учётом технических, процессуальных и классификационных аспектов, считаем, что электронный носитель информации в уголовном судопроизводстве является не только техническим (электронным, материальным) устройством (средством), предметом или объектом, но и ключевым элементом процесса доказывания, требующим чёткого процессуально-регламентированного правила изъятия и исследования.

Следует согласиться с мнением профессора В. Б. Вехова в том, что отсутствие законодательного определения «электронный носитель информации» позволяет отнести к этой категории любое устройство (к примеру: электронный полис обязательного медицинского страхования, электронный ключ от домофона, микроволновую печь и т. д.) [22. — С. 50].

Считаем, что определение понятия «электронный носитель информации» в уголовном судопроизводстве можно рассматривать в двух аспектах: процессуально-правовом и техническом.

В первом случае электронный носитель информации представляет собой материальный объект, предназначенный для записи, хранения, обработки и воспроизведения информации в электронно-цифровой форме с использованием средств вычислительной техники, содержащий значимую для уголовного дела информацию (к примеру: жёсткий диск, флеш-накопитель, SIM-карта, смартфон и т. д.). Во втором случае электронный носитель информации — это техническое устройство, предназначенное для записи, хранения и воспроизведения цифровой информации, содержащее данные, имеющие значение для уголовного дела, доступ к которым возможен только через электронные средства (к при-

меру: облачное хранилище, сервер, где информация, имеющая значение для уголовного дела, может быть в виде метаданных, LOG-файле и т. д.).

Отметим, что на практике сведения, представляющие значение для расследования уголовного дела и хранящие в себе большой объем информации, помещают на электронный носитель, признав впоследствии его в качестве вещественного доказательства [23. — С. 389], который обязательно изолируется и опечатывается, исключая вероятность внесения в него изменений [24. — С. 90].

В подтверждение данного довода обратимся к описательно-мотивировочной части приговора Магаданского городского суда, где «...носитель информации № ... осмотрен, признан и приобщен к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства [25]», а также к Постановлению Ленинского городского суда г. Пензы № 1-35/2024 1-364/2023 от 25 января 2024 г. по делу № 1-35/2024, согласно которому признан вещественным доказательством приобщенный к материалам уголовного дела: «диск с реестром сообщений по корпоративной и внешней электронной почте с их вложениями; оптический диск с аудиозаписями телефонных переговоров ФИО5; оптический диск с видеозаписями с камер видеонаблюдения в кабинете ФИО5 за 28.04.2022» [26].

Учитывая изложенное, выделим наиболее распространённые электронные носители информации, используемые в уголовном судопроизводстве для её хранения, распространения и передачи, содержащие в себе важную для расследования и раскрытия преступлений информацию:

1) *портативные накопители информации* (к примеру, внешние жёсткие диски (HDD) и внешние SSD-накопители);

2) *коммуникационные устройства* (такие, как смартфоны, планшеты, смарт-часы);

3) *сервисы синхронизации и обмена файлами* (облачные хранилища, например Google Диск, Amazon Cloud Drive, Microsoft One Drive);

4) *интернет-пространство* (социальная сеть, чат-бот, электронный почтовый ящик и т. д.).

Могут быть использованы также другие носители (к примеру, банковские карты, криптовалюта), содержащие в себе информацию в электронном (цифровом) виде.

ДНК как носитель информации.

В 2017 году ученые из Нью-Йоркского и Колумбийского университетов продемонстрировали еще один носитель информации — ДНК (дезоксирибонуклеиновую кислоту), которая содержит большое количество генетической информации, представляемой в цифровой форме и, по мнению ученых, может быть использована для индивидуализации. Суть исследования заключалась в том,

что информацию со смартфона «сжали» и сохранили ее в четырёх нуклеотидных основаниях. Отметим, что ДНК — это природный носитель информации, которую можно хранить в виде кода, где вместо 0 и 1 (данные значения используются в двоичном коде как способ передачи, хранения и представления информации) информация закодирована последовательностью нуклеотидов — четырёх азотистых оснований: аденина (А), гуанина (G), тимина (Т) и цитозина (С), которые определяют последовательность аминокислот в белке с помощью генетического кода. Для кодирования информации каждому из нуклеотидов приписывают цифру-код (к примеру: тимин — 0, гуанин — 1, аденин — 2, цитозин — 3). Вследствие этого ДНК способна передавать изображения, звуки, видео не только через генетический код, но и сохранить информацию в геноме, а потом передавать обратно [27].

Отметим, что в соответствии с Указом Президента РФ от 11 марта 2019 года № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» генетическая паспортизация и геномная регистрация населения России рассматриваются как важные меры по обеспечению биологической безопасности [28].

Выделим некоторые ступени развития баз данных ДНК-информации на территории страны:

1) 1988 год: провели первую генетическую экспертизу, которая стала отправной точкой к созданию отечественной системы ДНК-экспертизы (П. Л. Иванов — сотрудник Института молекулярной биологии имени В. А. Энгельгардта АН СССР провёл молекулярно-генетическую экспертизу, которая помогла поймать «ивановского маньяка» Сопова), после чего Государственный комитет СССР по науке и технике принял решение о создании лаборатории генотипоскопии на базе Всесоюзного научно-криминалистического центра МВД СССР;

2) 1989 год: в Бюро главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава РСФСР создали лабораторию геномной идентификации, которую возглавил П. Л. Иванов;

3) 1990 год: был создан первый Всесоюзный научно-криминалистический центр МВД СССР (в настоящее время — ФГКУ «Экспертно-криминалистический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации), в котором провели генотипоскопическую экспертизу. Длительное время лаборатория выполняла исследования на основании постановления сотрудников правоохранительных органов о назначении судебной экспертизы, однако результаты заключения экспертизы в какую-либо базу данных не вносились;

4) 2006 год: в соответствии с приказом МВД России от 10.02.2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учётов органов внутренних дел Российской Федерации» была создана первая база геномной регистрации ДНК в РФ;

5) 2009 год: в соответствии с положениями Федерального закона от 3 декабря 2008 года №242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» начала действовать Федеральная база данных геномной информации (ФБДГИ) [31], в рамках которой определённые категории лиц (к примеру: лица, осуждённые или отбывающие наказания за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, неустановленные лица, близкие родственники лиц, пропавших без вести и т. д.) проходили обязательную процедуру постановки на учёт либо добровольную регистрацию (иностранцы граждане и лица без гражданства, находящиеся на территории страны).

В настоящее время достаточно перспективным видится применение ДНК как носителя информации в уголовном судопроизводстве для решения следующих задач:

1) *идентификация преступника/подозреваемого (обвиняемого) или его жертвы/потерпевшего* — генетический анализ биологических следов/образцов, полученных на месте происшествия позволяет идентифицировать личность с высокой точностью. В частности, еще в 2021 году пресс-центр МВД России сообщал, что с 2009 года с помощью базы данных ДНК удалось раскрыть более 30 тыс. преступлений категории тяжких и особо тяжких [29];

2) *установление принадлежности биологических следов/образцов* — в том случае если по уголовному делу нет подозреваемого лица, то для его идентификации используется «Федеральная база данных геномной информации» (далее — база ФБДГИ). В 2020 году сообщалось, что в базе ФБДГИ находятся результаты ДНК-анализов 965 тыс. лиц [30]. К середине 2023 года количество генетических профилей лиц, размещённых в ФБДГИ, составило 2 млн [31];

3) *прогнозирование внешнего облика участника уголовного судопроизводства* — воссоздание облика лица по образцу ДНК, полученному с места преступления.

Представляется, что в целях раскрытия и расследования преступлений необходимо в ФБДГИ создать единую информационную систему с генетической информацией о гражданах — общенациональную базу данных (ДНК-хранилище) (по примеру опыта Китайской Народной Республики), обеспечив к ней доступ сотрудников правоохранительных органов, прокуратуры и суда, а

также предусмотрев процедуру и механизм обжалования хранения данных.

Следует заметить, что в последнее время законодатель постепенно вводит в УПК РФ нормы, регламентирующие использование электронных носителей информации в качестве доказательств, в частности термин «электронный носитель информации» упоминается в следующих нормах: ч. 4 ст. 81, ч. 4 ст. 81.1, ст. 82, ч. 41. ст. 164, ст. 164.1, ч. 8 ст. 166 УПК РФ. Однако в числе основных понятий (ст. 5), используемых в УПК РФ, данное определение отсутствует, что приводит к тому, что лица, осуществляющие производство по уголовному делу, а также суд интерпретируют данный термин достаточно произвольно.

Исходя из вышесказанного, считаем, что в ст. 5 УПК РФ необходимо закрепить определение понятия «электронный носитель информации», изложив его в следующей редакции «электронный носитель информации — это материальный объект, предназначенный для записи, хранения и воспроизведения электронной информации, содержащий данные, имеющие значение для уголовного дела, изъятый в соответствии со ст. 164.1 настоящего Кодекса».

В связи с тем, что электронный носитель информации требует особых правил сбора и оценки данных из-за их уязвимости к изменениям, риска утраты данных и необходимости использования специализированных методов проверки (к примеру, криптографическая защита, усиленная квалифицированная электронная подпись), а также условий хранения для предотвращения несанкционированного доступа, считаем, что введение отдельных норм в УПК РФ, а именно статьи 82.1 «Хранение информации, полученной с электронных носителей» и статьи 81.2 «Порядок признания процессуального значения информации, полученной с электронных носителей», регламентирующей правила сбора информации и ее оценки, позволит унифицировать этот подход.

Таким образом, каждый этап технологического развития сохраняет преемственность, интегрируя новые методы в существующую систему, последовательно трансформируя носители информации, сохраняя исторический контекст и оставляя свой след в истории уголовного судопроизводства.

Бумажные носители информации, несмотря на архаичность, сохраняют актуальность благодаря энергонезависимости, тактильному комфорту. Восковые валики как аудионосители уступили место грампластинкам из-за качества звука. Перфокарты стали символом первых шагов в автоматизации обработки данных, но их ограниченная ёмкость и хрупкость привели к замене на магнитные носители. Информационные системы и

электронные носители информации позволяют хранить, анализировать, обрабатывать большие

массивы данных и использовать полученные результаты для задач уголовного судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПК будущего: беспроводной и бумажный. — URL: <https://www.itweek.ru/pc/article/detail.php?ID=54098&ysclid=marz0y045550055078>
2. Компьютер из картона. — URL: <https://pechatnick.com/news/komputer-iz-kartona>
3. Михайлов А. С. Усиление возможностей разума — изобретения С. Н. Корсакова // Искусственный интеллект и принятие решений. — 2016. — № 2. — С. 5—15.
4. Табулятор. — Электромеханическая машина, предназначенная для автоматической обработки (суммирования и категоризации) числовой и буквенной информации, записанной на перфокартах, с выдачей результатов на бумажную ленту или специальные бланки. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Табулятор#cite_note-ЕС-1
5. Смолевицкая М. Э. Магнитные носители информации. — URL: <https://inf.1sept.ru/article.php?ID=200802015>
6. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 года (утратил силу). — URL: <https://base.garant.ru/1306636/?ysclid=marzjojn252190906>
7. Романов В. И. Особенности применения звукозаписи на предварительном следствии // Вестник экономики, права и социологии. — 2013. — № 1. — С. 167—169.
8. SU 352307 A1 — Устройство для магнитной записи телефонных переговоров. Описание изобретения к авторскому свидетельству № 352307. 17.11.1972 // Бюллетень. — № 28.
9. Об использовании в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники. Пункт 8 Инструктивных указаний Госарбитража СССР от 29 июня 1979 г. № И-1-4. — URL: <https://legalacts.ru/doc/instruktivnye-ukazaniya-gosarbitrazha-sssr-ot-29061979n/?ysclid=m5279jxm8r507709525>
10. История носителей информации. От перфокарты до SSD накопителя. — URL: <https://dzen.ru/a/YUFnN1nYmUDvK2f5>
11. Оптический диск. — URL: <https://ru.wikipedia.org>
12. ГОСТ 2.051-2006 Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. URL: <http://www.gost-baza.ru/?gost=4288>
13. ГОСТ Р 7.0.95-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные документы. Основные виды, выходные сведения, технологические характеристики: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 09.12.2015 № 2127-ст. — М., 2017.
14. Зуев С. В. Электронные доказательства, используемые в уголовном процессе : видеолекция. — URL: <http://iuaj.lgb.ru/node/2666?ysclid=marztrgy4219973585>
15. Количенко А. А. Электронные носители информации как источник получения электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2022. — Т. 13. — № 1 (47). — С. 114—121.
16. Соколов Ю. Н. Информационные технологии и оборот цифровых данных в криминалистике: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра. юрид. наук. — Екатеринбург, 2023. — 440 с.
17. Федулова А. Е. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2022. — № 2 (60). — С. 90—100.
18. Васильков Е. Д. Электронные носители информации в уголовном Судопроизводстве // «StudNet» научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей. — 2021. — № 6. — С. 1825—1833.
19. Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. — 30 с.
20. Григорьев В. Н., Максимов О. А. Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник УЮИ. — 2019. — № 2 (84). — С. 33—44.
21. Правовые и организационно-технологические гарантии цифрового уголовного судопроизводства : монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. С. В. Зуева. — М. : Юрлитинформ, 2025. — 312 с.
22. Вехов В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. — 2016. — № 4 (11). — С. 46—50.
23. Рябова О. В. Роль электронных доказательств в расследовании отдельных категорий

преступлений // Вопросы российского и международного права. — 2023. — Т. 13. — № 6А. — С. 382—391.

24. Литвин И. И. Современные технические средства и проблемы их применения в доказывании на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2018. — 219 с.

25. Приговор Магаданского городского суда № 1-532/2023 1-56/2024 от 28.02.2024 по делу № 1-532/2023. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BevrsigHEX5l/?regular-txt>

26. Постановление Ленинского городского суда г. Пензы № 1-35/2024 1-364/2023 от 25 января 2024 г. по делу № 1-35/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc>

27. Кудерин Д. ДНК-компьютеры: хранилище данных внутри клеток. — URL: <https://sci->

ence.mail.ru/articles/4573-dnk-kompyutery/

28. Об основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу : указ Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72092478>

29. В МВД назвали число раскрытых благодаря базе данных ДНК преступлений. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6096007>

30. Секвеномика. Как расшифровка генома создает рынок на 80 млрд долл. URL: <https://dzen.ru/a/ZBrRcRTncAZvMhTh>

31. Надоненко О. Н., Николаева А. В. Пути повышения эффективности федеральной базы данных геномной информации // Эксперт-криминалист. — 2024. — № 2. — С. 19—22.

REFERENCES

1. PK budushchego: besprovodnoj i bumazhnyj. — URL: <https://www.itweek.ru/pc/article/detail.php?ID=54098&ysclid=marz0y045550055078>

2. Komp'yuter iz kartona. — URL: <https://pechatnick.com/news/komputer-iz-kartona>

3. Mihajlov A. S. Usilenie vozmozhnostej razuma — izobreteniya S. N. Korsakova // Iskusstvennyj intellekt i prinyatie reshenij. — 2016. — № 2. — С. 5—15.

4. Tabulyator. — Elektromekhanicheskaya mashina, prednaznachennaya dlya avtomaticheskoy obrabotki (summirovaniya i kategorizacii) chislovoj i bukvennoj informacii, zapisannoj na perfokartah, s vydachej rezul'tatov na bumazhnyu lentu ili special'nye blanki. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Tabulyator#cite_note-EC-1

5. Smolevickaya M. E. Magnitnye nositeli informacii. — URL: <https://inf.1sept.ru/article.php?ID=200802015>

6. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR : ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 31 avgusta 1966 goda (utratil silu). — URL: <https://base.garant.ru/1306636/?ysclid=marzjojn252190906>

7. Romanov V. I. Osobennosti primeneniya zvukozapisi na predvaritel'nom sledstvii // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. — 2013. — № 1. — С. 167—169.

8. SU 352307 A1 — Ustrojstvo dlya magnitnoj zapisi telefonnyh peregovorov. Opisanie izobreteniya k avtorskomu svidetel'stvu № 352307. 17.11.1972 // Byulleten'. — № 28.

9. Ob ispol'zovanii v kachestve dokazatel'stvu po arbitrazhnym delam dokumentov, podgotovlennyh s pomoshch'yu elektronno-vychislitel'noj tekhniki.

Punkt 8 Instruktivnyh ukazaniy Gosarbitrazha SSSR ot 29 iyunya 1979 g. № I-1-4. — URL: <https://legalacts.ru/doc/instruktivnye-ukazaniya-gosarbitrazha-sssr-ot-29061979n/?ysclid=m5279jxm8r507709525>

10. Istoriya nositelej informacii. Ot perfokarty do SSD nakopitelya. — URL: <https://dzen.ru/a/YUFnN1nYmUDvK2f5>

11. Opticheskij disk. — URL: <https://ru.wikipedia.org>

12. GOST 2.051-2006 Edinaya sistema konstruktorskoj dokumentacii. Elektronnye dokumenty. Obshchie polozheniya. URL: <http://www.gost-baza.ru/?gost=4288>

13. GOST R 7.0.95-2015. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Sistema standartov po informacii, bibliotechnomu i izdatel'skomu delu. Elektronnye dokumenty. Osnovnye vidy, vyhodnye svedeniya, tekhnologicheskie karakteristiki: utv. i vveden v dejstvie prikazom Rosstandarta ot 09.12.2015 № 2127-st. — М., 2017.

14. Zuev S. V. Elektronnye dokazatel'stva, ispol'zuemye v ugolovnom processe : videolekciya. — URL: <http://iuaj.lgb.ru/node/2666?ysclid=marztrgy4219973585>

15. Kolichenko A. A. Elektronnye nositeli informacii kak istochnik polucheniya elektronnyh dokazatel'stv v ugolovnom processe // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2022. — Т. 13. — № 1 (47). — С. 114—121.

16. Sokolov Yu. N. Informacionnye tekhnologii i oborot cifrovyyh dannyh v kriminalistike: voprosy teorii i praktiki : dis. ... d-ra. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2023. — 440 s.

17. Fedulova A. E. Elektronnye nositeli informacii v ugovnom sudoproizvodstve // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. — 2022. — № 2 (60). — S. 90—100.

18. Vasil'kov E. D. Elektronnye nositeli informacii v ugovnom Sudoproizvodstve // «StudNet» nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal dlya studentov i prepodavatelej. — 2021. — № 6. — S. 1825—1833.

19. Balashova A. A. Elektronnye nositeli informacii i ih ispol'zovanie v ugovno-processual'nom dokazyvanii : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2020. — 30 s.

20. Grigor'ev V. N., Maksimov O. A. Ponyatie elektronnyh nositelej informacii v ugovnom sudoproizvodstve // Vestnik UYU. — 2019. — № 2 (84). — S. 33—44.

21. Pravovye i organizacionno-tekhnologicheskie garantii cifrovogo ugovnogo sudoproizvodstva : monografiya / pod red. dokt. jurid. nauk, prof. S. V. Zueva. — M. : Yurlitinform, 2025. — 312 s.

22. Vekhov V. B. Elektronnye dokazatel'stva: problemy teorii i praktiki // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. — 2016. — № 4 (11). — S. 46—50.

23. Ryabova O. V. Rol' elektronnyh dokazatel'stv v rassledovanii otdel'nyh kategorij prestuplenij // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. — 2023. — T. 13. — № 6A. — S. 382—391.

24. Litvin I. I. Sovremennye tekhnicheskie sredstva i problemy ih primeneniya v dokazyvanii na

dosudebnyh stadiyah ugovnogo sudoproizvodstva : dis. ... kand. jurid. nauk. — Ekaterinburg, 2018. — 219 s.

25. Prigovor Magadanskogo gorodskogo suda № 1-532/2023 1-56/2024 ot 28.02.2024 po delu № 1-532/2023. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BevrsigHEX5l/?regular-txt>

26. Postanovlenie Leninskogo gorodskogo suda g. Penzy № 1-35/2024 1-364/2023 ot 25 yanvarya 2024 g. po delu № 1-35/2024. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc>

27. Kuderin D. DNK-komp'yutery: hranilishche dannyh vnutri kletok. — URL: <https://science.mail.ru/articles/4573-dnk-kompyutery/>

28. Ob Osnovah gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti obespecheniya himicheskoy i biologicheskoy bezopasnosti na period do 2025 goda i dal'nejshuyu perspektivu : ukaz Prezidenta RF ot 11 marta 2019 g. № 97. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72092478>

29. V MVD nazvali chislo raskrytyh blagodarya baze dannyh DNK prestuplenij. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6096007>

30. Sekvenomika. Kak rasshifrovka genoma sozdaet rynek na 80 mlrd doll. URL: <https://dzen.ru/a/ZBrRcRTncAZvMhTh>

31. Nadonenko O. N., Nikolaeva A. V. Puti povysheniya effektivnosti federal'noj bazy dannyh genomnoj informacii // Ekspert-kriminalist. — 2024. — № 2. — S. 19—22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Моругина Надежда Анатольевна. Доцент кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: moruginy@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Morugina Nadezhda Anatolievna. Associate Professor of the chair of Criminal Procedure. Candidate of Law, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: moruginy@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: электронный носитель информации; бумажный носитель информации; перфокарта в уголовном судопроизводстве; цифровой носитель информации; магнитный носитель информации в уголовном судопроизводстве, генетическая информация.

Key words: electronic information carrier; paper information carrier; punched card in criminal proceedings; digital information carrier; magnetic information carrier in criminal proceedings; genetic information.

УДК 343.1

А. А. Насонов, кандидат юридических наук

О СИСТЕМЕ ОСНОВАНИЙ ВЫДЕЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ON THE SYSTEM OF REASONS FOR SEPARATING A CRIMINAL CASE

В статье анализируется система оснований выделения уголовного дела. Показаны недочеты в ее правовом регулировании. Обосновывается, что их устранение позволит восстановить баланс значимости уголовно-процессуальных норм и разъяснений Верховного Суда РФ в уголовно-процессуальных отношениях, возникающих в связи с выделением уголовного дела. Исследуется проблема влияния выделения уголовного дела на процессуальный статус участников уголовного судопроизводства.

The article analyzes the system of reasons for separating a criminal case. The shortcomings in its legal regulation are shown. It is substantiated that their elimination will allow to restore the balance of the significance of criminal procedural norms and the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation in criminal procedural relations arising in connection with the separation of a criminal case. The problem of the influence of the separation of a criminal case on the procedural status of participants in criminal proceedings is investigated.

Выделение уголовного дела в отдельное производство так же, как и многие другие положения, предусмотренные гл. 21 УПК РФ, законодатель относит к общим условиям предварительного расследования. Потребность в указанном механизме возникла в силу ряда причин. Первой из них является обеспечение всестороннего и объективного исследования обстоятельств совершения преступления. Данный вывод вытекает из ч. 2 ст. 154 УПК РФ, ставящей во главу угла предварительного расследования именно это требование. Данным требованием руководствуются и суды, оценивающие законность выделения уголовного дела.

Несмотря на важность последнего для уголовного судопроизводства, оно до сих пор не включено в систему принципов, как на том настаивает ряд авторов [1. — С. 34—36; 2. — С. 15]. Вместе с тем в советские годы положение о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела считалось одним из важных в системе принципов уголовного процесса (ст. 20 УПК РСФСР). Не потеряло оно актуальности и на современном этапе развития российского государства. Достаточно проанализировать ряд уголовно-процессуальных норм, чтобы прийти к указанному выводу (ч. 1 ст. 33, п. «в» ч. 1 ст. 35, ч. 4 ст. 152, ч. 2 ст. 154, ст. 239.1, ч. 2 ст. 325, ч. 6 ст. 340 УПК РФ).

Действительно, должны быть выяснены все обстоятельства (как отягчающие, так и смягчающие). Как верно отмечает И. Ю. Мурашкин, «следователь, дознаватель по собственной инициативе должны собирать доказательства,

оправдывающие обвиняемого, преследуя цель объективного расследования уголовного дела» [3. — С. 27].

При этом властные участники не вправе перекладывать обязанность доказывания на подозреваемого, обвиняемого. И уж тем более участники из числа государственных органов и должностных лиц не имеют права применять к подозреваемому, обвиняемому и другим участникам уголовного судопроизводства насилие либо угрожать применением насилия. Властные участники уголовного судопроизводства, осуществляя предварительное расследование, должны быть беспристрастны.

Положение о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела востребовано не только в российском уголовно-процессуальном праве, но и в зарубежном. Ряд стран придал указанному положению статус принципа уголовного процесса. Среди них: Республика Беларусь (ст. 18 УПК Республики Беларусь), Республика Таджикистан (ст. 21 УПК Республики Таджикистан), Туркменистан (ст. 23 УПК Туркменистана), Республика Казахстан (ст. 24 УПК Республики Казахстан), Кыргызская Республика (ст. 19 УПК Кыргызской Республики) и др.

Приведенные факты свидетельствуют в пользу того, что всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела стало положением межгосударственного значения. Следовательно, подчинение института выделения уголовного дела идее обеспечения всестороннего и объективного исследования обстоятельств совершения преступления является вполне закономерным.

Следующая причина, вызвавшая к жизни упомянутый институт, — это возможность надлежащим образом организовать работу следователя [4. — С. 5], определить оптимальный объем расследования [5. — С. 222].

Выделение уголовных дел позволяет также лучше организовать профилактическую работу по делу. На данное обстоятельство обращали внимание еще советские ученые, рассматривая значимость указанного института [6. — С. 45].

Наконец, возможность достичь процессуальной экономии путем продолжения или завершения расследования, несмотря на возникшие препятствия [7. — С. 412], является еще одной причиной, по которой институт выделения уголовного дела стал интересен законодателю.

Режим функционирования механизма выделения уголовного дела включает в себя ряд запретов, важными из которых являются следующие:

а) недопустимость ущемления прав подозреваемого, обвиняемого, и в особенности их права на защиту. Последнее носит комплексный характер, поскольку охватывает различные виды прав указанных участников (например, право на заявление ходатайств, право на принесение жалоб, право на заявление отводов [8. — С. 34; 9. — С. 247] и др.). Об обеспечении этих и других прав участников уголовного судопроизводства должны позаботиться властные участники [10. — С. 295—328; 11. — С. 3, 39; 12. — С. 222]. В одном из определений Конституционного Суда четко говорится о том, что выделение уголовного дела в отдельное производство является частью механизма, гарантирующего каждому судебную защиту его прав и свобод и предполагающего обязанность органов предварительного расследования и суда осуществлять производство по уголовному делу в разумный срок и без неоправданной задержки [13];

б) недопустимость нанесения урона своевременности и качеству предварительного расследования.

На реализацию указанных запретов ориентирована система оснований выделения уголовного дела, предусмотренная ст. 154 УПК РФ. В ней одни основания имеют правообеспечительный вектор, другие — больше относятся к гарантиям качества предварительного расследования. Например, к первой группе оснований выделения следует относить привлечение к уголовной ответственности вместе с несовершеннолетними обвиняемыми несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых (п. «2» ч. 1 ст. 154 УПК РФ). Очевидно, что выделение уголовного дела по указанному основанию направлено в первую очередь на охрану прав несовершеннолетнего обвиняемого. Как верно отмечается в литературе, выделение

уголовного дела в обозначенном случае позволяет «устранить в процессе расследования влияние на подростка взрослого соучастника» [14. — С. 350].

Ко второй группе оснований относятся, например, выявление в ходе расследования сведений о новых, ранее не известных преступлениях или о новом лице (ч. 3 ст. 154 УПК РФ).

В большинстве случаев применение предусмотренных законом оснований, предусмотренных ст. 154 УПК РФ, не носит обязательного характера для лица, ведущего производство по уголовному делу. Выделение уголовного дела зачастую является правом указанных лиц. В пользу этого свидетельствует и регламентация оснований выделения уголовного дела в ч. 1 ст. 154 УПК РФ. Все эти основания должны применяться по усмотрению следователя и дознавателя, не снимающего с них обязанности приводить в постановлении о выделении уголовного дела соответствующее фактическое и правовое обоснование.

К сожалению, такой подход не всегда стыкуется с разъяснениями Верховного Суда РФ. Так, в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 говорится, по сути, об обязательности для лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, одного из оснований, содержащихся в ч. 1 ст. 154 УПК РФ [15]. Речь идет о заключении с лицом досудебного соглашения о сотрудничестве. Невыделение уголовного дела в отношении данного лица Пленум Верховного Суда РФ рассматривает как обстоятельство, исключающее возможность вынесения приговора или иного итогового судебного решения. Значит, применение основания, предусмотренного в п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, является обязанностью для следователя и дознавателя. Следовательно, указанное основание не может находиться в перечне тех, применение которых осуществляется указанными лицами по своему усмотрению. Данное обстоятельство должно быть отражено в ст. 154 УПК РФ, которая должна быть подвержена коррекции. В частности, заключение с лицом досудебного соглашения о сотрудничестве следует исключить из перечня оснований, предусмотренных в ч. 1 ст. 154 УПК РФ. Нужно дополнить указанную статью новой частью — частью 1.1, в которой должно содержаться указание на данное основание выделения уголовного дела и обязанность дознавателя и следователя его применить. Тем самым один из дефектов системы оснований выделения уголовного дела будет устранен. Кроме того, будет снят конфликт между правовым регулированием соответствующего вопроса на законодательном уровне и актом судебного толкования, хотя и юридически обязательного, но не относящегося к источникам уголовно-процессуального права.

К сожалению, указанная система страдает и другими недостатками. Один из них обусловлен следующими обстоятельствами. Правовое регулирование оснований выделения уголовного дела таково, что может создаться впечатление об исчерпываемости их перечня. Однако это не так. Обратимся к п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ. В нем закреплено еще одно основание выделения уголовного дела: отказ одного или нескольких обвиняемых от суда с участием присяжных заседателей. Такой отказ, содержащийся в ходатайстве, заявленном обвиняемым до направления дела в суд, должен быть рассмотрен следователем. Последний решает вопрос о выделении уголовного дела в отношении этого обвиняемого в отдельное производство. По непонятным причинам рассмотренное основание не было включено в систему оснований выделения уголовного дела, предусмотренную ст. 154 УПК РФ. Представляется, что такой подход законодателя не вполне удачен. В указанную статью необходимо включить еще одно основание — отказ одного или нескольких обвиняемых от суда с участием присяжных заседателей. Причем включить его следует в ч. 1 ст. 154 УПК РФ, так как выделение уголовного дела по указанному основанию не всегда возможно. На это указывает и сам законодатель. Так, в п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ отмечается, что при невозможности выделения уголовного дела в отдельное производство уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей.

За пределами системы оснований выделения уголовного дела, предусмотренной ч. 1 ст. 154 УПК РФ, по непонятным причинам оказалось еще одно обстоятельство: совершение преступления кем-либо из соучастников в состоянии невменяемости или наступление у соучастника психического расстройства после совершения преступления. Данное обстоятельство хотя и не содержится в ст. 154 УПК РФ, все же уголовно-процессуальным законом урегулировано. Ему посвящена ст. 436 УПК РФ. Представляется, что такой подход законодателя создает неполную картину о системе оснований выделения уголовного дела. Поскольку ей посвящена ст. 154 УПК РФ, постольку как минимум все основания выделения уголовного дела должны быть сосредоточены в этой статье. В связи с этим упомянутое основание также нуждается в размещении в части первой указанной статьи.

Принятие следователем и дознавателем решения в порядке ст. ст. 154, 217, 436 УПК РФ ставит подозреваемого, обвиняемого, лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, в положение лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство. Об

одном из обладателей указанного статуса в уголовно-процессуальном в законе уже упоминается. Это лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ). Поскольку досудебное соглашение заключается с подозреваемым или обвиняемым (ч. 1 ст. 317.3 УПК РФ), то, по сути, в указанной статье речь идет именно о них. Представляется, что конструировать для указанных участников самостоятельный процессуальный статус и закреплять его в ст. 56.1 УПК РФ, нормы которой формируют уголовно-процессуальный институт «иные участники уголовного судопроизводства» (глава 8 УПК РФ), не вполне оправданно. Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, заинтересовано в защите собственных интересов. Именно она по-прежнему остается его основной уголовно-процессуальной функцией. Размещение же данного лица в главе 8 УПК РФ ставит под сомнение этот тезис, так как все лица, указанные в ней, должны выполнять вспомогательную роль.

Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, по-прежнему остается подозреваемым или обвиняемым и притом соучастником преступления. Привлечение его к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении других соучастников — не повод для преобразования процессуального статуса лица, с которым заключается досудебное соглашение о сотрудничестве. Применительно к другим подозреваемым и обвиняемым, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство, законодатель избрал именно такую тактику. Например, это касается выделения уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 154, в том числе распространяющимся на соучастников преступления (п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ). Указанные подозреваемый и обвиняемый даже после выделения уголовного дела по-прежнему являются носителями уголовно-процессуальной функции защиты, в то время как лицу, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, отводится вспомогательная роль в уголовном судопроизводстве. О нецелесообразности отнесения лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, к иным участникам уголовного судопроизводства, выполняющим вспомогательную роль, писали и другие авторы. Так, отмечалось, что доминирующей для такого лица будет не вспомогательная функция, а функция защиты [16. — С. 103].

В заключение важно отметить, что завершение формирования системы оснований выделения уголовного дела напрямую должно быть связано с совершенствованием правового регулирования

входящих в нее компонентов. Такое совершенствование должно основываться на безоговорочном признании приоритета уголовно-процессуального закона перед судебными актами толкования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кругликов А. Равенство всех перед законом и судом — принцип уголовного судопроизводства // *Законность*. — 2007. — № 3. — С. 34—36.

2. Федорин В. Е. Процессуальные гарантии объективности и беспристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Воронеж, 2007. — 234 с.

3. Мурашкин И. Ю. Сторона обвинения как субъект доказывания невиновности // *Научный вестник Омской академии МВД России*. — 2018. — № 1 (68). — С. 25—29.

4. Тумашов С.А. Проблемы соединения и выделения уголовных дел на предварительном расследовании : дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 1998. — 241 с.

5. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. В. П. Божьева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2014. — 573 с.

6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. — М. : СПАРК, 1996. — 624 с.

7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. — СПб. : Питер, 2003. — 1008 с.

8. Насонова И. А. Ходатайства, жалобы, отводы: сходства и различия // *Вестник Воронежского института МВД России*. — 2011. — № 1. — С. 34—38.

9. Насонов А. А. Основания появления в российском уголовном процессе лица, выдача которого запрашивается для уголовного преследования // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право*. — 2016. — № 1 (24). — С. 241—250.

10. Гладышева О. В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных инте-

ресов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2013. — 478 с.

11. Насонова И. А., Зотова М. В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 224 с.

12. Насонов А. А. Меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые к лицу, запрашиваемому к выдаче для уголовного преследования // *Вестник Воронежского института МВД России*. — 2017. — № 1. — С. 221—225.

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сугрובה Дениса Александровича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 154 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2016 № 96-О. — URL: // <https://sudact.ru/law/> (дата обращения: 03.08.2025).

14. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник. 3-е изд. перераб. и доп. / Л. Н. Башкатов [и др.]; отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. — М. : Проспект, 2011. — 688 с.

15. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.08.2025).

16. Малыева Р. Ю. Согласие как базовое понятие досудебного соглашения о сотрудничестве // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. — 2019. — № 5-1. — С. 101—104.

REFERENCES

1. Kruglikov A. Ravenstvo vsexh pered zakonom i sudom — princip ugolovnogo sudoproizvodstva // *Zakonnost'*. — 2007. — № 3. — S. 34—36.

2. Fedorin V. E. Processual'nye garantii ob"ektivnosti i bespristrastnosti professional'nyh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Voronezh, 2007. — 234 s.

3. Murashkin I. Yu. Storona obvineniya kak sub"ekt dokazyvaniya nevinovnosti // *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii*. — 2018. — № 1 (68). — S. 25—29.

4. Tumashov S.A. Problemy soedineniya i vydeleniya ugolovnyh del na predvaritel'nom rassledovanii : dis. ... kand. yurid. nauk. — Volgograd, 1998. — 241 s.

5. Ugolovnyj process : uchebnyj dlya vuzov / pod red. V. P. Bozh'eva. — 4-e izd., pererab. i dop. — M. : Yurajt, 2014. — 573 s.

6. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu RSFSR. — M. : SPARK, 1996. — 624 s.

7. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod red. A. V. Smirnova. — SPb. : Piter, 2003. — 1008 s.

8. Nasonova I. A. Hodatajstva, zhaloby, otvody: skhodstva i razlichiya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2011. — № 1. — S. 34—38.

9. Nasonov A. A. Osnovaniya poyavleniya v rossijskom ugolovnom processe lica, vydacha kotorogo zaprashivaetsya dlya ugolovnogo presledovaniya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Pravo. — 2016. — № 1 (24). — S. 241—250.

10. Gladysheva O. V. Teoreticheskaya model' mekhanizmov obespecheniya prav i zakonnyh interesov cheloveka i grazhdanina v ugolovnom sudoproizvodstve : dis. ... d-ra jurid. nauk. — M., 2013. — 478 s.

11. Nasonova I. A., Zotova M. V. Doznanie v sokrashchennoj forme v rossijskom ugolovnom processe. — M. : Yurlitinform, 2017. — 224 s.

12. Nasonov A. A. Mery ugolovno-processual'nogo prinuzhdeniya, primenyaemye k licu,

zaprashivaemomu k vydache dlya ugolovnogo presledovaniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2017. — № 1. — S. 221—225.

13. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Sugrobova Denisa Aleksandroviča na narushenie ego konstitucionnyh prav chastyami pervoj i vtoroj stat'i 154 Ugolovno-processual'nogo Kodeksa Rossijskoj Federacii : opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.01.2016 № 96-O. — URL: // <https://sudact.ru/law/> (data obrashcheniya: 03.08.2025).

14. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii : uchebnyj. 3-e izd. pererab. i dop. / L. N. Bashkatov [i dr.]; otv. red. I. L. Petruhin, I. B. Mihajlovskaya. — M. : Prospekt, 2011. — 688 s.

15. O praktike primeneniya sudami norm Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, reglamentiruyushchih osnovaniya i poryadok vozvrashcheniya ugolovnogo dela prokuroru: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17.12.2024 № 39 // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 03.08.2025).

16. Malueva R. Yu. Soglasie kak bazovoe ponyatie dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. — 2019. — № 5-1. — S. 101—104.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Насонов Александр Александрович. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: tribalcrest@yandex.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Nasonov Alexander Alexandrovich. Senior lecturer of the chair of Criminal Proceeding. Candidate of Law. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: tribalcrest@yandex.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: выделение уголовного дела; следователь; дознаватель; основания выделения уголовного дела; лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Key words: allocation of a criminal case; investigator; interrogator; grounds for allocating a criminal case; person against whom a criminal case is allocated in a separate proceeding in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with them.

УДК 343.1

А. В. Польшиков, кандидат юридических наук, доцент

О. В. Демидова, кандидат юридических наук, доцент

М. Ю. Пучнина, кандидат юридических наук

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ МИГРАНТАМИ

MAIN DIRECTIONS FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF CRIME PREVENTION BY MINOR MIGRANTS

В статье на основе проведенного опроса респондентов различных категорий, комплексного изучения статистических сведений, материалов судебно-следственной практики, научных и иных публикаций из открытого доступа представлен авторский взгляд на проблему повышения эффективности системы предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними мигрантами. По итогам исследования выделены наиболее значимые направления ранней профилактики таких деяний с учетом наблюдаемой криминогенной ситуации в России и прогноза ее развития.

Based on a survey of respondents from various categories, a comprehensive study of statistical data, materials from judicial and investigative practice, and scientific and other publications from open sources, the article presents the author's perspective on improving the effectiveness of the system for preventing crimes committed by underage migrants. The study identifies the most significant areas for early prevention of such acts, taking into account the current criminal situation in Russia and its projected development.

Миграция оказывает значительное влияние практически на все жизненные сферы общества, а в большей степени — на демографию и на экономику [1]. Приток мигрантов в нашу страну призван сформировать, прежде всего, трудовые ресурсы, однако этот процесс существенно увеличивает риски ухудшения криминальной обстановки и может привести к социальной и политической напряженности внутри общества.

В начале 2025 г. МВД России в открытом доступе опубликовало ежегодную миграционную статистику за январь—декабрь 2024 г., согласно которой за этот период российское гражданство получили более 209 тыс. человек (на 44,8% меньше, чем в 2023 г.) — и это минимальный показатель за последние 5 лет статистического наблюдения. При этом в 2024 г. разрешение на временное проживание оформили 44,5 тыс. человек (снижение на 50,4% по сравнению с 2023 г.), а вид на жительство — 214,9 тыс. (также снижение на 21,3%). Такое резкое уменьшение количества «новых россиян» специалисты МВД России связывают с тем, что большинство жителей новых регионов получили паспорта в упрощенном режиме еще в период 2022—2023 гг.

Кроме того, в 2024 г. из нашей страны были выдворены или депортированы рекордные 190,2 тыс. человек (на 31,1% больше, чем в

2023 г.). Из них 157 тыс. иностранцев вынужденно покинули страну из-за нарушений российского законодательства (+44,6%). Лишились гражданства РФ 1757 человек. Помимо этого, подразделениями по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь—декабрь 2024 г. проведено 293,2 тыс. (+3,4%) мероприятий, направленных на выявление фактов нарушения миграционного законодательства РФ; активизирована работа по ограничению въезда в страну иностранных граждан, не соблюдающих требования российского законодательства (в 2024 г. направлено 267,2 тыс. представлений о неразрешении въезда в страну (на 93,8 тыс. больше, чем за 2023 г.). Результатом проведенной работы в части реализации административного законодательства стал рост на 43,1% (с 2 348 561 в 2023 г. до 3 360 311 в 2024 г.) количества составленных сотрудниками ОВД протоколов об административных правонарушениях в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства [2].

По мнению подавляющего большинства ученых и практиков, подобная тенденция обусловлена вполне оправданным ужесточением контроля в сфере миграции на межведомственном уровне после начала 24.02.2022 г. специальной военной операции (далее — СВО) по защите жителей Донбасса, в том числе в связи с возросшими

угрозами национальной безопасности России (риска использования этих лиц для организации террористической и диверсионной деятельности [3]) и наблюдаемым в последнее время во многих регионах РФ усложнением криминогенной обстановки с преступностью мигрантов.

Вышеперечисленные меры привели к снижению «иностранный преступности» в 2024 г. Так, количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, сократилось на 0,9%, число иностранных граждан, привлеченных к ответственности за совершение преступлений, снизилось на 3,8% по сравнению с 2023 г. Удельный вес преступлений, совершенных иностранными гражданами, от общего массива предварительно расследованных преступлений составил 4,3%; сократилось на 2,2% количество совершенных иностранными гражданами тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе убийств и покушений на убийство — на 6,7%, против собственности — на 6,2%, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств — на 12,3%. Однако, на наш взгляд, такое снижение с учетом показателей естественной и искусственной латентности — «минимальное», а наблюдаемая динамика и структура преступлений несовершеннолетних иностранцев (далее будет использоваться терминология «дети-мигранты» и «подростки-мигранты»), наоборот, отражает явное ухудшение в стране криминогенной ситуации и поэтому вполне обоснованно вызывает особые опасения у криминологов и практических работников.

Интересен и тот факт, что в рамках проведения Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) с 18 по 21 июня 2025 г. руководитель Главного управления по вопросам миграции МВД России (далее — ГУВМ МВД России) привела следующие цифры: в РФ в 2024 г. прибыло более 6 млн мигрантов и только ½ из них приезжает с целью работать (в 2024 г. в стране находились 700 тыс. нелегалов); преимущественно в Россию приезжают мигранты из стран СНГ — Узбекистана (23,3%), Таджикистана (16,7%), Киргизии (10,4%), а остальные — это лица, прибывшие из стран — участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ), которые составили основной прирост в период 2022—2023 гг. При этом за прошлый год миграционный прирост в России составил 568,5 тыс. — самый большой за 29 лет наблюдения. Кроме того, резко выросло число родителей-мигрантов из Средней Азии, особенно в г. Москве и Санкт-Петербурге, где их доля среди «родившихся» превысила 40–50%. Особенно заметен прирост среди выходцев из Таджикистана (количество матерей увеличилось на 236,6%, а отцов — на 286,8%; у

киргизов число отцов выросло на 258,1%, матерей — на 84%, что может быть связано с браками с россиянками) [4]. Как видно, ситуация постоянно меняется и усложняется, и не только в связи с изменением внешних миграционных потоков, но и социально-демографической картины внутри страны как результата роста потоков мигрантов и получения ими гражданства РФ.

Не случайно в начале апреля 2025 г. Президент России В. В. Путин поставил задачу создать на базе ГУВМ МВД России новую специализированную службу по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан. При этом в современных российских условиях актуальность проблемы поиска наиболее оптимального варианта повышения эффективности предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними мигрантами, не вызывает сомнений ни у ученых-криминологов, ни, тем более, у практиков [5]. Данный вопрос вызывает широкий общественный резонанс и неоднократно поднимался на самом высоком государственном уровне. Причем о проблеме эскалации криминальной активности среди детей-мигрантов специалисты прямо говорят давно, начиная с 2015 г. [6; 7].

Достаточно привести лишь некоторые выдержки из официальных выступлений руководителей правоохранительных органов нашей страны. Так, 3 июня 2025 г. Председатель Следственного комитета Российской Федерации генерал юстиции Российской Федерации доктор юридических наук А. И. Бастрыкин провел оперативное совещание по вопросам расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, на котором была особо отмечена проблема роста преступной активности несовершеннолетних мигрантов: «Несмотря на некоторую позитивную динамику состояния подростковой преступности в 2024 году, в целом по стране по итогам четырех месяцев 2025 года отмечается рост числа всех криминальных проявлений подростков на четверть (соответственно с 7630 до 9522), а преступная активность несовершеннолетних мигрантов увеличилась в 2024 г. на 8%, а в январе — апреле 2025 г. — уже на 13%; в 2024 г. на 82% возросло число особо тяжких посягательств подростков-мигрантов по сравнению с 2023 годом» [8]. На заседании было отмечено, что 3785 деяний (49,6%), совершенных подростками на территории России в 2024 г., связаны с незаконным оборотом наркотиков, и, как правило, при этом использовались современные цифровые способы связи, а руководителям региональных Следственных управлений СК России поручено тщательно проанализировать состояние подростковой преступности, наметить конкретные шаги по нейтрализации негативных факторов, среди

которых отрицательное влияние взрослых, имеющих преступный опыт, негативная информация в сети Интернет и деятельность злоумышленников, вовлекающих детей в криминальную деятельность через социальные сети и мессенджеры. Кроме того, подчеркнута необходимость более тесного взаимодействия с профильными комиссиями, а также активизации работы по повышению эффективности механизмов выявления подростков, склонных к криминальной деятельности.

Напомним, что ранее, 2 июня 2025 г., Комитет Совета Федерации РФ по науке, образованию и культуре поддержал законопроект, который устанавливает новый механизм передачи данных о несовершеннолетних мигрантах между подразделениями МВД России и региональными, муниципальными образовательными ведомствами. По мысли авторов законодательной инициативы, данный механизм будет способствовать выявлению детей-мигрантов и их последующей адаптации и интеграции в российское общество [9]. Как отмечено в пояснительной записке, органы власти будут обязаны направить в МВД России и его территориальные органы сведения: 1) о результатах тестирования несовершеннолетних иностранцев на знание русского языка, достаточное для освоения образовательных программ начального, общего, основного общего и среднего общего образования; 2) о приеме такого ребенка на обучение в школы и колледжи; 3) об отчислении из образовательной организации; 4) об обращении в образовательную организацию законных родителей, включенных в реестр контролируемых лиц, с заявлением о приеме на обучение по соответствующим программам; 5) о выдаче иностранцам сертификатов, подтверждающих уровень владения русским языком, и сертификатов, подтверждающих знание истории России, а также законодательства Российской Федерации на уровне, который необходим для приобретения гражданства. При этом передача вышеперечисленных сведений будет осуществляться с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия и подключенных к ней региональных систем.

И это не случайно, как показывает практика, более 60% несовершеннолетних детей-мигрантов ни разу не посещали по месту нового жительства в России соответствующие общеобразовательные организации. Досуг у таких подростков не организован должным образом, как не осуществляется и контроль со стороны их собственных родителей. Более того, как показало проведенное исследование, именно по этим причинам индивидуальная и групповая профилактическая работа со

стороны органов и учреждений действующей системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних либо вовсе не осуществляется, либо проводится эпизодически (формально), прежде всего, из-за отсутствия в уполномоченных ведомствах информации о таких подростках (в некоторых случаях отсутствуют юридические основания постановки на профилактический учет такого ребенка и его родительской семьи) либо «профессионального страха» из-за сложности таких случаев (практически всегда крайне эмоциональная реакция родителей и других родственников, представителей диаспор на даже очевидные факты нарушения закона несовершеннолетними-мигрантами; в ряде случаев прямые угрозы и психологическое давление (классический вариант преследования) в отношении представителей потерпевшей стороны и даже в адрес самих сотрудников правоохранительных органов, судей, педагогов и психологов образовательных организаций, работников органов опеки и попечительства и т. д.).

Важно отметить, что спектр преступлений, совершаемых несовершеннолетними мигрантами, обширен [10]. При этом в средствах массовой информации (далее — СМИ) практически ежедневно появляются новые публикации, которые описывают ставшие известными вопиющие случаи совершения противоправных и аморальных действий со стороны вполне состоявшихся этнических преступных групп с участием малолетних и несовершеннолетних мигрантов в разных регионах Российской Федерации — от Калининграда до Владивостока, от Мурманска до Севастополя, большая часть из которых либо являются иностранными гражданами, либо имеют миграционную историю и ранее получили гражданство нашей страны вместе со своими родителями.

Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации В. А. Колокольцев [11] на открытом для СМИ совещании по вопросам миграции дал общую оценку ситуации и перспективы для разрешения проблем в этой сфере: «Мигранты, которые не работают и не учатся, а также те, кто не прошел процедуру дактилоскопии и не изучал русский язык, должны покинуть Россию. На улицах и в жилом секторе не должно быть нелегально пребывающих мигрантов. Те, кто утратил работу, отчислен из вуза, не прошел дактилоскопию, не обучается языку, не приносит пользы для российского общества, должны покинуть нашу страну. Сейчас необходимо системно противодействовать преступности среди мигрантов, работая на упреждение, и освещать принятые меры нужно, обеспечивая неотвратимость наказания для виновных». В

этих ключевых тезисах, как представляется, заложена основа для оптимизации существующей модели организации ранней профилактики преступлений как среди взрослых, так и несовершеннолетних мигрантов.

На этом же совещании статс-секретарь — заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса И. Н. Зубов отметил, что «значительная часть детей мигрантов, которые живут в России, не ходят в школу. Всего в настоящее время (по состоянию на 11 июня 2025 г. — Авт.) в Российской Федерации находится 638 174 несовершеннолетних мигранта, количество их уменьшается [11]. При этом также было отмечено, что «весной 2024 года в России начали ужесточать миграционную политику — иностранцам запретили покупать сим-карты мобильных операторов связи без сдачи биометрии, а сотрудники ОВМ территориальных ОВД получили право без санкции суда выдворять приезжих, которые нарушили правила пребывания в стране, а также лишать паспорта тех мигрантов, которые не встали на воинский учет. Также государство запретило посредникам принимать у иностранцев экзамен по русскому. Вскоре его планируют перевести в онлайн-формат и добавить устную часть. В феврале 2025 г. в России заработал реестр контролируемых лиц — база данных МВД России, куда включают иностранцев, незаконно находящихся в стране, а с апреля 2025 г. обязательным для зачисления в школы детей-мигрантов стало тестирование по русскому. Кроме того, в отношении приезжих ввели штрафы за нарушения при въезде и оказание услуг нелегальным мигрантам» [11]. Эти меры ранней профилактики в комплексе призваны способствовать снижению криминальной активности мигрантов.

Проведенный в рамках исследования в январе — марте 2025 г. опрос сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее — сотрудники ПДН ОВД) из 56 регионов РФ (всего 134 человека: из них 37 — начальники; 52 — старшие инспекторы; 45 — инспекторы; более ½ со стажем от 5 до 10 лет) подтвердил мнение о том, что проблема криминальной активности несовершеннолетних мигрантов в настоящее время действительно имеет место. Так, на поставленный вопрос респондентам «Какой удельный вес составляют дети-мигранты среди всех несовершеннолетних, с которыми Вы непосредственно работаете по линии профилактики безнадзорности и правонарушений?» нами были получены следующие ответы: 1) «менее 10%» — 94,1% и 2) «20-30%» — 5,9%. Причем 22,7% сотрудников территориальных ПДН ОВД

именно из крупных регионов нашей страны (таких наиболее развитых и признанных экономических центров, как Москва и Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области) ответили, что удельный вес детей-мигрантов составляет «20-30%» и что они занимают особое место в их повседневной служебной деятельности по линии профилактики подростковой преступности, т. е. для них общероссийский показатель превышен практически в 4 раза.

Таким образом, специфика того или иного региона Российской Федерации является одним из определяющих факторов не только в понимании детерминации преступности несовершеннолетних мигрантов, но и в организации профилактической деятельности непосредственно на местах. Не случайно именно в крупных экономических центрах, где проходят внешние и внутренние миграционные потоки, данной проблеме уделяется особое внимание. Например, проведенный опрос показал, что в вышеуказанных регионах 67,5% сотрудников ПДН ОВД не менее 2 раз только за последние полгода участвовали в ведомственных или межведомственных совещаниях, посвященных обсуждению вопросов профилактики незаконной миграции и преступности среди несовершеннолетних мигрантов. Для остальных, менее крупных, регионов РФ положительные ответы варьировались примерно от 10% до 35%, что весьма показательно для понимания общей криминальной географии преступности детей-мигрантов, которая прямо коррелирует с миграционной картиной в целом по стране.

На вопрос респондентам «С какими трудностями Вы сталкиваетесь при работе с несовершеннолетними из числа мигрантов?» были получены следующие ответы: 1) «не испытываю особых трудностей, работаем с ними так же, как и с другими подростками» — 38,1%; 2) «языковой барьер в общении с подростком, его родителями и другими членами семьи ребенка» — 28,6; 3) «отсутствие должного контроля со стороны родителей, которые постоянно заняты трудовой деятельностью и из-за этого могут находиться вне места и даже региона проживания несовершеннолетнего мигранта (ребенок де-факто предоставлен сам себе)» — 14,3%; 4) «культурные, религиозные и другие различия, мешающие взаимопониманию» — 9,5%; 5) «недоверие со стороны родительской семьи и (или) этнической общины, в которой в настоящий момент проживает и социализируется ребенок-мигрант, к представителям правоохранительных органов» — 4,9%; 6) «вовлеченность в замкнутые этнические группы, которые могут поощрять противоправное поведение подростка, а также негласно и открыто пропагандировать полное игнорирование любых действий и

законных требований представителей органов и учреждений государственной власти» — 4,7%.

Интересен и тот факт, что отличительной и крайне опасной, на наш взгляд, особенностью совершаемых несовершеннолетними мигрантами преступлений в настоящий момент является преимущественно групповой характер противоправных деяний начиная с раннего подросткового возраста (причем малолетний период — на практике это примерно с 7 до 14 — также целесообразно включать в данный возрастной диапазон) и впоследствии крайне высокая степень организованности для лиц в возрасте 14—17 лет, когда в состав преступных групп включается и взрослая молодежь (18—25 лет).

Следует учитывать и тот факт, что такие подростковые «группировки» ярко выраженной антиобщественной и криминальной направленности с участием несовершеннолетних мигрантов активны не только по месту жительства, но и учебы. Именно такие лица, как показывает практика, могут быть потенциальными носителями экстремистских идей, могут проявлять физическое и психическое насилие («буллинг») к другим подросткам в школе, а также осваивают «треш-стрим» — создание онлайн-контента, ими транслируемого в закрытых группах в социальных сетях и мессенджерах, который содержит материалы с издевательствами над случайными гражданами в общественных местах (парках, скверах, торгово-развлекательных центрах, спортивных объектах и т. п.) и элементы преследования в отношении знакомых и незнакомых сверстников и детей более младшего возраста. Такие подростки активно увлекаются смешанными единоборствами (наиболее популярной является изначально спортивная дисциплина «ММА» (Mixed Martial Arts) — предполагает рукопашный бой в установленных пределах), которую несовершеннолетние мигранты осваивают вместе со взрослыми в специализированных клубах, часто действующих нелегально).

Повторим главный тезис — значительная часть мигрантов являются законопослушными людьми, уважающими в полной мере сложившиеся культурно-исторические традиции, духовно-нравственные ценности и устои российского общества. Тем не менее ряд исследователей [12] в своих прогнозах развития криминогенной ситуации, связанной с незаконной внешней миграцией, ранее предупреждали о том факте, что уже в среднесрочной перспективе данное негативное явление (своеобразный феномен для российского общества образца начала XXI века) может привести к высоким рискам эскалации преступности, и не только общеуголовной корыстной и корыстно-насильственной, но и насильственной, связанной

с различными посягательствами на национальную безопасность нашей страны. Как видим, подобные пессимистические прогнозы, особенно в период проведения СВО, к сожалению, сбылись в полной мере; практически все террористические акты на территории нашей страны против мирного населения, представителей общественности и должностных лиц органов государственной и муниципальной власти совершались с участием иностранных граждан, ранее прибывших на территорию РФ.

Подчеркиваем, что авторы связывали угрозы безопасности лишь с «незаконной миграцией», однако проблема более глобальная, поскольку многие иностранные граждане, получившие впоследствии на законных основаниях гражданство РФ, не понимают и не желают принять устои, ценности и традиции своего нового социума (для них Российская Федерация — это не вторая родина, а просто место временного жительства; они не ассоциируют себя с российским обществом и законами даже в перспективе), а их несовершеннолетние дети полностью копируют поведение и позицию родителей. Главной целью для них является не идея интеграции в российском обществе, а получение возможности повышения материального достатка семьи за счет социальных выплат от государства и нормального трудоустройства, бесплатного образования и медицинского обслуживания. Не случайно в последнее время в разных регионах РФ фиксируются конфликты между лицами с миграционной историей и коренным населением. Такие «новые» граждане РФ вместе с иностранными гражданами из числа трудовых мигрантов, как показывает практика, требуют повышенного внимания со стороны субъектов профилактики преступности, в том числе подростковой. Задачей номер один для органов и учреждений профилактики преступности является организация эффективной комплексной ранней предупредительной работы с семьями детей-мигрантов (как родителями, так и непосредственно несовершеннолетними детьми), прибывающими для постоянного проживания или временной трудовой деятельности на территорию нашей страны. И такая деятельность должна включать, прежде всего, разъяснительную работу (в рамках правового информирования), в том числе в стенах дошкольных учреждений и общеобразовательных организаций, где имеются максимальные возможности собрать в одних стенах как родителей, так и несовершеннолетних, т. е. все базовые условия для начала реализации комплекса индивидуальных, групповых и общепрофилактических мер.

Напомним, еще в октябре 2024 г. А. И. Бастрькин совершенно справедливо, на наш взгляд, отметил, что «главными причинами

противоправного поведения среди подростков-мигрантов, как и многих других категорий несовершеннолетних лиц, являются социальная неустроенность, безнадзорность, незанятость, низкий уровень морали и правосознания, отсутствие надежных жизненных ориентиров, пагубные привычки, воспитание в неблагополучной семье» [13]. В этой связи надо отметить, что в отечественной криминологии и в практике сложилось устойчивое мнение о возможности условного деления населения на три основные группы по критерию уровня правовой культуры и правосознания (это в полной мере, на наш взгляд, относится и к отдельной социальной группе — мигрантам в целом и к более узкой подгруппе мигрантов — несовершеннолетним мигрантам): *первая* — никогда ни при каких обстоятельствах не совершает преступления в силу высокого уровня правовой культуры и правосознания; *вторая* — не совершает их из-за понимания возможной ответственности за содеянное в силу существования законодательства (прежде всего, норм УК РФ); *третья* — самая немногочисленная, но, к сожалению, наиболее опасная — так называемые «правовые нигилисты», которые полностью игнорируют действующие правила поведения в обществе и нормы законодательства, способны совершить и совершают преступления, не опасаясь возможных негативных правовых последствий для себя и близких лиц. Исходя из такого представления уровней правосознания данного социума и должна строиться и реализовываться на практике концепция организации ранней профилактики совершения преступления среди детей-мигрантов с обязательным привлечением родительской семьи каждого ребенка.

Представляется, что основными направлениями такой работы могут быть:

Построение эффективной системы раннего предупреждения преступлений несовершеннолетних иностранных граждан, поступивших на обучение в российские образовательные организации. Специалисты едины во мнении о том, что первостепенной задачей здесь является создание комфортной образовательной среды, создание максимальных условий для всесторонней адаптации детей-мигрантов. Следует сказать о том, что образовательный процесс в данном случае происходит неразрывно с социально-психологическим сопровождением несовершеннолетнего иностранного гражданина, что способствует его быстрой и качественной интеграции в российское общество. В процессе создания комфортной образовательной среды для учащихся, имеющих миграционную историю, рассматриваются такие индивидуальные меры, как: индивидуальные бе-

седы, затрагивающие темы российского законодательства и его соблюдения; возможность участия в системе школьного самоуправления иностранных граждан, поступивших на обучение в российское образовательное учреждение; наблюдение за иностранными обучающимися во внеурочное время; проведение различных психологических тренингов, бесед, игровых викторин и правовых квестов на тему реагирования и решения конфликтов межэтнического и межнационального характера; организация взаимодействия учителей с родителями или же законными представителями иностранных граждан в целях их адаптации в российском обществе [14].

В настоящее время общеобразовательные организации в целях недопущения совершения несовершеннолетними иностранными обучающимися преступных действий разделяют свою профилактическую работу на три основных этапа:

1. Правовые беседы, затрагивающие общие вопросы о действующих нормах российского законодательства, устанавливающих права и обязанности человека и гражданина (такие беседы проводятся со всеми обучающимися и их родителями по рекомендациям Министерства просвещения России).

2. Выявление среди несовершеннолетних мигрантов лиц, у которых диагностируется в результате проводимого психолого-педагогического внутришкольного мониторинга социальная дезадаптация (в частности, возможные конфликтные ситуации и проблемы с освоением дисциплин) для устранения причин и условий, негативно влияющих на ребенка.

3. Последний и заключительный этап предполагает работу с иностранными обучающимися, которые с успехом овладели русским языком и беспрепятственно обучаются по российской образовательной программе и у которых нет признаков социальной дезадаптации.

Необходимо уточнить то обстоятельство, что по достижении третьего этапа реализации профилактических мер работа с подростками не заканчивается, а продолжается их сопровождение и оказывается помощь в случае проявления каких-либо трудностей в процессе обучения в конкретной образовательной организации.

Вывод очевиден — при нормальном отношении несовершеннолетнего мигранта и его родителей к обучению, позитивном поведении такая работа может дать результат как с позиции успешной социализации ребенка, так и в плане становления его как законопослушного гражданина в обществе. С этим мнением согласилось 77,4% опрошенных в рамках исследования социальных педагогов и психологов различных общеобразовательных органи-

заций нашей страны (всего 96 человек из 52 регионов РФ). При этом важно понимать, что начинать профилактику патриотизма надо, как ни странно, с дошкольных учреждений (детских садов), когда начинает закладываться основа становления личности ребенка и его родители еще молоды, а значит, могут правильно воспринимать цели, задачи и содержание профилактических мероприятий и акций [15].

Это сложная задача, поскольку многие мигранты зачастую самобытны и не желают интегрироваться в российское общество, объединяются по национальному признаку в местах компактного проживания, трудовой деятельности, отдыха, учебы [16]. Несовершеннолетние-мигранты в процессе взросления часто дерзко и открыто противопоставляют себя остальному обществу, как и их родители (неудивительно, поскольку дети практически полностью копируют поведение отца и матери), поддерживают дружеские отношения исключительно по национальному признаку и по месту проживания в искусственно созданных мигрантских анклавах [17], проводят время в торговых центрах, на игровых площадках и т. д. Здесь важно акцентировать работу с родителями по месту учебы ребенка (без формализма и максимально ответственно), когда педагогическому работнику в образовательной организации своевременно и качественно оказывают необходимую помощь представители правоохранительных органов и других субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений, незаконной миграции, терроризма и экстремизма. Педагогические работники в рамках повышения квалификации должны быть осведомлены о специфике такой профилактической работы [18].

Разработка и внедрение единой памятки для мигрантов, прибывших на территорию РФ, в рамках проведения правового информирования и антикриминальной пропаганды. Отметим, что Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России) в 2024 г. разработало памятку для трудовых мигрантов из Центрально-Азиатского региона, которая включает блоки по миграционному законодательству РФ и нормам поведения (представлена на русском, таджикском, киргизском и узбекском языках) [19]. В ней доступно раскрыты базовые принципы для начала пребывания иностранцев в нашей стране, частично вопросы административной и уголовной ответственности через призму видов наказаний, применяемых в тех или иных случаях. При этом на региональном уровне с учетом культурно-исторической и иной специфики субъектов РФ также создаются аналогичные наглядные информационные методические материалы. Так, например, в 2023 г. Управлением общественных связей

мэрии г. Новосибирска была опубликована в открытом доступе в сети Интернет «Памятка для мигрантов», где более детально, чем в вышеупомянутой памятке ФАДН России, рассмотрены вопросы уголовной ответственности и поведения иностранных граждан из числа трудовых мигрантов в общественных местах г. Новосибирска [20]. И таких тематических памяток достаточно много.

Тем не менее назрела необходимость разработки и внедрения на практике с привлечением общественности межведомственной памятки, раскрывающей базовые вопросы в части разъяснения мигрантам необходимости соблюдения законности и правопорядка (как взрослыми, так и несовершеннолетними детьми). На наш взгляд, содержание подобных «памяток» должно своевременно корректироваться не только с учетом изменения тех или иных норм законодательства России, но и отражать новые тенденции наблюдаемой криминогенной ситуации в стране и прогнозы ее развития.

Более того, перспективным направлением повышения результативности мер правового информирования мигрантов (помимо памяток) является рассмотрение возможности использования специалистами системы профилактики преступности технологий искусственного интеллекта (ИИ) в подготовке цикла видеороликов антикриминальной пропаганды. С учетом массовой цифровизации страны и наличия мобильных гаджетов у подавляющего большинства взрослых и несовершеннолетних мигрантов (один как минимум в каждой семье, прибывающей для проживания в РФ), такие короткие видеоролики будут точно доступны, их смысловое содержание понятно, а значит, они будут востребованы и среди специалистов действующей системы профилактики преступности.

Усиление контроля в трудовой сфере деятельности мигрантов, надзор за легальным оформлением документов иностранных граждан, прибывших на территорию РФ. На наш взгляд, внесение законопроекта о новом режиме высылки мигрантов с территории РФ весьма актуально. Убеждены, что факт любого противоправного поведения мигранта (как взрослого, так и несовершеннолетнего) должно рассматриваться как основание безусловного выдворения и запрета последующего въезда на территорию РФ. В данном случае предлагаемая законодательная формула применения безальтернативности санкций за любые противоправные деяния мигрантов призвана обеспечить невозможность усмотрения правоприменителя (т. е. вариативности в принятии решения, в том числе с коррупционной составляющей), что является фундаментом для укрепления законности и правопорядка по принципу: «Приехал в страну — уважай в

полной мере окружающих людей и законы России». Эта мера ранней профилактики наиболее актуальна для третьей рассмотренной нами категории взрослых и детей-мигрантов, которые отличаются правовым нигилизмом и социальной дезорганизацией.

Как показывает практика, наиболее эффективно выдворение в полном составе семей мигрантов, чьи несовершеннолетние дети совершили противоправные действия. Такие случаи имеют широкий общественный резонанс, и поэтому общество вполне оправданно ожидает принятия законных, адекватных и справедливых мер в отношении молодых преступников (причем в случае недостижения ребенком-мигрантом возраста наступления уголовной ответственности — присутствует понимание пострадавшей стороной и в целом общественностью, что родители либо одобряют поведение несовершеннолетнего, либо бездействуют).

Отрадно, что в последнее время правоохранительные органы при рассмотрении каждого факта противоправного поведения подростков-мигрантов по общей стандартной процедуре «в комплексе» проверяют законность пребывания всей его семьи на территории РФ, получения его родителями социальных выплат, компенсаций и льгот, а также фактов нарушений ими трудового и налогового законодательства России. И такие примеры активно транслируются в СМИ, что также является действенной мерой ранней профилак-

тики противоправного поведения несовершеннолетних мигрантов. С этим согласилось 95,4% опрошенных нами в ходе исследования сотрудников ПДН ОВД. При этом сотрудники территориальных подразделений ОВД по вопросам миграции также подтвердили значимость нового организационно-правового механизма прямого воздействия на мигрантов-нарушителей миграционного законодательства России — «режима высылки», который может применяться к иностранному гражданину со дня внесения сведений о нем в реестр контролируемых лиц, предусмотренный нормой ст. 31.2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ (в ред. от 31.07.2025). Данный Реестр был создан на основании Федерального закона от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и начал успешно работать в нашей стране с 05.02.2025 г.

Представляется, что в современных российских условиях вышеперечисленные направления должны рассматриваться в качестве основы для оптимизации действующего механизма комплексного межведомственного предупреждения преступности среди мигрантов и в целом призваны способствовать стабилизации в краткосрочной и среднесрочной перспективе криминогенной ситуации в стране и снижению криминальной активности несовершеннолетних мигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаев К. В. Крамаренко А. С. Межнациональный мир в России в эпоху глобальных потрясений // Власть. — 2025. — Т. 33. — № S1. — С. 12—24.

2. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь — декабрь 2024 года. — URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223> (дата обращения: 25.06.2025).

3. Богданов А. В., Ильинский И. И., Кудин О. В. Влияние миграционной ситуации в России на экстремизм и терроризм // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2025. — № 1 (105). — С. 97—108.

4. Более 6 млн мигрантов прибыли в РФ в 2024 году, только половина из них приезжает с целью работать. — URL: https://vk.com/wall-163061027_6819913?w=wall-163061027_6819913 (дата обращения: 25.06.2025).

5. Полякова Н. В., Никулин Р. В. Проблемные вопросы обеспечения органами внутренних

дел иммиграционных режимов несовершеннолетних иностранных граждан // Вестник Воронежского института МВД России. — 2024. — № 4. — С. 214—220.

6. Волкова А. Ю. Специфика правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними мигрантами. Взаимосвязь личности правонарушителя-мигранта и принимающего общества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2016. — № 3 (45). — С. 84—86;

7. Серый Ф. Г., Козырев Н. В. О необходимости криминологического мониторинга преступности несовершеннолетних мигрантов // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2015. — № 1 (31). — С. 66—72.

8. В России выросло количество преступлений несовершеннолетних мигрантов. — URL: <https://www.pnp.ru/social> (дата обращения: 25.06.2025).

9. Комитет Совфеда одобрил механизм передачи сведений о детях мигрантов. — URL:

<https://www.pnp.ru/politics> (дата обращения: 25.06.2025).

10. Макашева М. Н. Некоторые особенности преступности несовершеннолетних мигрантов // Деятельность органов внутренних дел по противодействию криминальным проявлениям в миграционной среде : мат. заочного внутриведомственного круглого стола (Санкт-Петербург, 21 октября 2020 г.). — СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. — С. 127—133.

11. Владимир Колокольцев призвал депортировать не приносящих пользу России мигрантов. — URL: <https://news.rambler.ru/community/54816277> (дата обращения: 25.06.2025).

12. Лелеков В. А., Азарова И. В. Незаконная миграция как криминогенный фактор // Вестник Воронежского института МВД России. — 2016. — № 4. — С. 54—62.

13. Подростки-мигранты стали в два раза чаще совершать особо тяжкие преступления. — URL: <https://www.uralinform.ru/news/crime/372352> (дата обращения: 25.06.2025).

14. Король М. П., Кириллов П. Е., Рябцев С. В. Социальная адаптация детей-мигрантов в образовательной среде // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2025. — № 1. — С. 63—68.

15. Хамитова Г. Р., Латыпова Р. И., Башинова С. Н. Дети мигрантов в детском саду: усло-

вия успешной социализации // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. — 2025. — № 1.

16. Шакуро Р. А. К проблеме воспитания патриотизма у детей-мигрантов в России // Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра. — Смоленск : Смоленский государственный университет, 2025. — С. 665—674.

17. Харламов В. С. Детский миграционный криминал в Санкт-Петербурге // Деятельность органов внутренних дел по противодействию криминальным проявлениям в миграционной среде : мат. заочного внутриведомственного круглого стола (Санкт-Петербург, 21 октября 2020 г.). — СПб : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. — С. 258—261.

18. Текутьева Ю. В. Подготовка педагогов к обучению детей-мигрантов в общеобразовательной школе // Образование, воспитание и педагогика: традиции, опыт, инновации : сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 25 мая 2025 г.). — Пенза : Наука и Просвещение, 2025. — С. 14—17.

19. Памятка для трудовых мигрантов. — URL: <https://emcmo.mosreg.ru/download/document/12292894> (дата обращения: 25.06.2025).

20. Памятка для мигрантов (Управление общественных связей мэрии, г. Новосибирска, 2023 год). — URL: https://op.nso.ru/sites/op.nso.ru/wodby_files/files/news/2023/05 (дата обращения: 25.06.2025).

REFERENCES

1. Babaev K. V. Kramarenko A. S. Mezhnacion-al'nyj mir v Rossii v epohu global'nyh potryasenij // Vlast'. — 2025. — Т. 33. — № S1. — С. 12—24.

2. Analiticheskaya spravka o rezul'tatah deyatel'nosti podrazdelenij po voprosam migracii territorial'nyh organov MVD Rossii za yanvar' — dekabr' 2024 goda. — URL: <https://mvd.rf/dejatel'nost/statistics/migracionnaya/item/63022223> (дата обращения: 25.06.2025).

3. Bogdanov A. V., Il'inskij I. I., Kudin O. V. Vliyanie migracionnoj situacii v Rossii na ekstremizm i terrorism // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. — 2025. — № 1 (105). — С. 97—108.

4. Bolee 6 mln migrantov pribyli v RF v 2024 godu, tol'ko polovina iz nih priezhaet s cel'yu rabotat'. — URL: https://vk.com/wall-163061027_6819913?w=wall-163061027_6819913 (дата обращения: 25.06.2025).

5. Polyakova N. V., Nikulin R. V. Problemnye voprosy obespecheniya organami vnutrennih del immigracionnyh rezhimov nesovershennoletnih inostrannyh

grazhdan // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2024. — № 4. — С. 214—220.

6. Volkova A. Yu. Specifika pravonarushenij i prestuplenij, sovershaemyh nesovershennoletnimi migrantami. Vzaimosvyaz' lichnosti pravonarushatelya-migranta i prinimayushchego obshchestva // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. — 2016. — № 3 (45). — С. 84—86;

7. Seryj F. G., Kozyrev N. V. O neobходимosti kriminologicheskogo monitoringa prestupnosti nesovershennoletnih migrantov // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. — 2015. — № 1 (31). — С. 66—72.

8. V Rossii vyroslo kolichestvo prestuplenij nesovershennoletnih migrantov. — URL: <https://www.pnp.ru/social> (дата обращения: 25.06.2025).

9. Komitet Sovfeda odobril mekhanizm peredachi svedenij o detyah migrantov. — URL: <https://www.pnp.ru/politics> (дата обращения: 25.06.2025).

10. Makasheva M. N. Nekotorye osobennosti prestupnosti nesovershennoletnih migrantov // Deyatel'nost' organov vnutrennih del po protivodejstviyu kriminal'nym proyavleniyam v migracionnoj srede : mat. zaochnogo vnutrivedomstvennogo kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 21 oktyabrya 2020 g.). — SPb. : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2020. — S. 127—133.

11. Vladimir Kolokol'cev prizval deportirovat' ne prinisyashchih pol'zu Rossii migrantov. — URL: <https://news.rambler.ru/community/54816277> (data obrashcheniya: 25.06.2025).

12. Lelekov V. A., Azarova I. V. Nezakonnaya migraciya kak kriminogennyj faktor // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2016. — № 4. — S. 54—62.

13. Podrostki-migranty stali v dva raza chashche sovershat' osobo tyazhkie prestupleniya. — URL: <https://www.uralinform.ru/news/crime/372352> (data obrashcheniya: 25.06.2025).

14. Korol' M. P., Kirillov P. E., Ryabcev S. V. Social'naya adaptaciya detej-migrantov v obrazovatel'noj srede // Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov. — 2025. — № 1. — S. 63—68.

15. Hamitova G. R., Latypova R. I., Bashinova S. N. Deti migrantov v detskom sadu: usloviya uspeshnoj socializacii // Sovremennoe obrazovanie:

aktual'nye voprosy i innovacii. — 2025. — № 1.

16. Shakuro R. A. K probleme vospitaniya patriotizma u detej-migrantov v Rossii // Mnogonacional'naya Rossiya: vchera, segodnya, zavtra. — Smolensk : Smolenskij gosudarstvennyj universitet, 2025. — S. 665—674.

17. Harlamov V. S. Detskij migracionnyj kriminal v Sankt-Peterburge // Deyatel'nost' organov vnutrennih del po protivodejstviyu kriminal'nym proyavleniyam v migracionnoj srede : mat. zaochnogo vnutrivedomstvennogo kruglogo stola (Sankt-Peterburg, 21 oktyabrya 2020 g.). — SPb : Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2020. — S. 258—261.

18. Tekut'eva Yu. V. Podgotovka pedagogov k obucheniyu detej-migrantov v obshcheobrazovatel'noj shkole // Obrazovanie, vospitanie i pedagogika: tradicii, opyt, innovacii : sb. st. X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Penza, 25 maya 2025 g.). — Penza : Nauka i Prosveshchenie, 2025. — S. 14—17.

19. Pamyatka dlya trudovyh migrantov. — URL: <https://emcmo.mosreg.ru/download/document/12292894> (data obrashcheniya: 25.06.2025).

20. Pamyatka dlya migrantov (Upravlenie obshchestvennyh svyazey merii, g. Novosibirsk, 2023 god). — URL: https://op.nso.ru/sites/op.nso.ru/wordby_files/files/news/2023/05 (data obrashcheniya: 25.06.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Польшиков Александр Васильевич. Доцент кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: polschikow@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Демидова Оксана Васильевна. Профессор кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт ФСИН России.

E-mail: oks-dem.78@mail.ru

Россия, 394072, Воронеж, ул. Иркутская, 1а.

Пучнина Маргарита Юрьевна. Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: masloy100@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Polshikov Alexander Vasilyevich. Associate Professor of the chair of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: polschikow@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Demidova Oksana Vasilyevna. Professor of the chair of Criminal-Executive and Criminal Law. Candidate of Law, Associate Professor.

Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service.

E-mail: oks-dem.78@mail.ru

Work address: Russia, 394072, Voronezh, Irkutskaya Str., 1a.

Puchnina Margarita Yuryevna. Senior lecturer of the chair of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: masloy100@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: мигранты; миграционная политика; иностранные граждане; криминогенная ситуация; несовершеннолетние; преступления; преступность; противоправное поведение; криминальная активность; образовательные организации; правоохранительные органы; социальная адаптация; ранняя профилактика; межведомственное взаимодействие; угроза национальной безопасности.

Key words: migrants; migration policy; foreign citizens; criminal situation; minors; crimes; criminality; illegal behavior; criminal activity; educational organizations; law enforcement agencies; social adaptation; early prevention; interagency cooperation; threat to national security.

УДК 343.97

В. И. Попов, кандидат юридических наук
К. А. Ситников, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СКАЗОЧНО-ФЭНТЕЗИЙНЫХ НАРРАТИВОВ

ON THE ISSUE OF UNDERSTANDING STATE-LEGAL PHENOMENA THROUGH THE PRISM OF FAIRY-TALE AND FANTASY NARRATIVES

Статья посвящена исследованию методологического потенциала сказок и фэнтези в современном юридическом образовании. Авторы обосновывают целесообразность использования таких литературных произведений, как «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкина и «Гарри Поттер» Дж. К. Роулинг, в преподавании дисциплин теоретико-исторического правового блока.

Анализируется роль сказочно-фэнтезийных нарративов в раскрытии сложных политико-правовых концептов через культурно-исторические контексты, мифы, архетипы, метафоры и сюжетные конфликты. Особое внимание уделяется структуре вымышленных (волшебных) миров, которые, будучи внутренне непротиворечивыми, отражают действительную (настоящую) реальность, включая особенности организации различных политико-правовых систем, что позволяет обучающимся осваивать абстрактные философские, политические, правовые и социальные теории в доступной форме. Подчеркивается значение подобных текстов для развития критического мышления, воображения и навыков сравнительного анализа у будущих юристов.

Отмечается, что произведения Дж. Р. Р. Толкина и Дж. К. Роулинг, благодаря их культурной значимости и глубине проработки, могут выступать в качестве эффективного дидактического инструмента, способствующего эмоциональной вовлеченности и лучшему усвоению учебного материала. В заключение делается вывод о необходимости методологически выверенного включения художественных текстов в образовательный процесс с акцентом на их интерпретацию через призму строгих юридических знаний.

*This article explores the methodological potential of fairy tales and fantasy literature in contemporary legal education. The authors substantiate the rationale for utilizing literary works such as J. R. R. Tolkien's *The Lord of the Rings* and J. K. Rowling's *Harry Potter* in teaching theoretical and historical legal disciplines.*

The analysis focuses on the role of fairytale and fantasy narratives in the disclosure of complex political and legal concepts through cultural and historical contexts, myths, archetypes, metaphors and plot conflicts. Special attention is paid to the structure of fictional (magical) worlds, which, being internally consistent, reflect the actual (real) reality, including the organization features of various political and legal systems, which allows students to master abstract philosophical, political, legal and social theories in an accessible form. The importance of such texts for the development of critical thinking, imagination and comparative analysis skills among future lawyers is emphasized.

It is noted that the works of J. R. R. Tolkien and J. K. Rowling, owing to their cultural significance and depth of development, can serve as effective didactic tools, fostering emotional engagement and enhancing the assimilation of learning material. The conclusion asserts the necessity for a methodologically sound integration of literary texts into the educational process, emphasizing their interpretation through the lens of rigorous legal knowledge.

Введение. В условиях динамично изменяющегося и развивающегося мира система современного высшего образования, в том числе и юридического, все активнее стремится сочетать академическую глубину (в рамках освоения учебных про-

грамм) и инновационность в подходах к обучению [1], в связи с чем, как нам представляется, обращение к различным литературным произведениям, способным наглядно и доступно иллюстрировать довольно сложные политические, экономи-

ческие, правовые, религиозные, этические концепции, становится все более актуальным. Так, сужая предметное поле нашей дальнейшей дискуссии до границ заранее избранной проблематики, отметим, что литературные произведения в жанре сказок и фэнтези, с их волшебными мирами, героическими историями, социальными вызовами, моральными и иными дилеммами, на первый взгляд хоть и кажутся весьма далекими от строгой и точной системы юридических знаний, вместе с тем они, будучи пронизанными устоявшимися представлениями о бытии, добре и зле, правде и правосудии, общечеловеческих ценностях, а также символизмом и архетипами, обладают уникальной способностью раскрывать сложные правовые и политические концепты, особенно в рамках дисциплин теоретико-исторического правового блока: теории государства и права, истории государства и права России, истории государства и права зарубежных стран, истории политических и правовых учений, философии права, сравнительного правоведения и т. д.

Именно в рамках данных учебных дисциплин рассматриваются вопросы организации общества, природы и сущности власти, различных социальных регуляторов (включая право) и государства, смыслового содержания принципов свободы, равенства и справедливости, нравственно-правовых идеалов, определения границ добра и зла, правомерного и противоправного поведения и целый ряд иных моментов.

Сказки и фэнтези в системе современного юридического образования. Как совершенно справедливо в своих тезисах «Юридическая наука через призму волшебных сказок» отмечает А. Париз (ученый-правовед Маастрихтского университета), «волшебные сказки, если их понимать как руководство по поведению, которыми делятся в семье, могут служить средством изучения и понимания права в определенное время и в определенном месте» [2] (перевод наш. — *Авторы*). В подтверждение своих слов он ссылается на братьев Гримм, Ф. К. фон Савиньи и ряд других их единомышленников как на представителей исторической школы права, которые видели в сказках «зеркало» (отражение) социальных норм. В результате их внимательного прочтения дети, равно как и родители (вспоминая содержание сказок в процессе занятий с детьми), знакомятся с местными, устоявшимися правилами поведения, формируя тем самым представления о том, что следует делать, а чего следует избегать в зависимости от сложившейся ситуации. В таких сказках, как «Гензель и Гретель», «Красная Шапочка», по мнению А. Париза, заложен целый ряд исторически выработанных правил поведения, необходимость соблюдения которых наглядно и доходчиво демонстрируется в процессе развития

сюжета: например, уважение к авторитету (в лице родителей, «законодателя» в (гражданском) обществе и т. д.), опасность отступления от правил («в лесу не следует сворачивать с проторенной дорожки») и т. д. В результате своих последовательных рассуждений, наполненных яркими примерами, А. Париз приходит к выводу о том, что «изучение волшебных сказок с юридической точки зрения является проявлением (*демонстрацией*) права и популярной культуры» [2] (перевод и курсив наш. — *Авторы*).

В связи с вышесказанным полагаем целесообразной постановку вопроса о возможности использования в юридическом образовании (в разумных пределах) литературных произведений — сказок и фэнтези — в качестве особого инструмента для анализа исторических и культурно-ценностных основ права, что в целом существенно обогатит образовательный процесс (например, в части дидактических методов) и позволит будущим юристам лучше понять абстрактные категории права и государства через разнообразные культурно-исторические контексты, архетипы, метафоры и сюжетные конфликты. Так, русский собиратель фольклора А. Н. Афанасьев считал, что в наших сказках свое отражение нашли не только мечты и надежды народа, но и его мудрость, его идеалы и ценности, его понимание добра и зла [3. — С.; 5—10]. В своих трудах он отмечал: «Сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного отклонения от добра и правды; она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою» [3. — С. 9]. Эти слова подчеркивают, что сказки — это не просто фантазии, а культурно-исторические тексты, которые (помимо прочего) формируют у внимательного читателя представления об идеалах, моральных и правовых ценностях определенного исторического периода, делая их весьма ценным материалом для изучения и анализа в рамках учебных дисциплин теоретико-исторического правового блока.

Достижение положительного результата от применения данного подхода в юридическом образовании, как нам представляется, будет находиться в прямой зависимости от того, с каким текстом будут взаимодействовать обучающиеся в рамках учебных занятий и самостоятельной работы. Так, Д. Э. Розенталь, определяя особенности различных стилей языка с учетом их основного функционального назначения, выделял такие стили, как: разговорный; научный и официально-деловой; публицистический и литературно-художественный. Разговорному стилю, по его мнению, свойственна функция общения, научному и официально-деловому стилю — сообщения, а публицистический и литературно-художественный стиль обладает функцией воздействия [4. — С. 22].

При этом, как отмечает далее сам автор, предложенная им классификация имеет несколько условный характер ввиду того, что в действительности обозначенные выше функции довольно часто переплетаются между собой [4. — С. 22].

В этой связи именно на литературно-художественном стиле, которым обычно пишутся сказки и фэнтези, мы бы и хотели заострить свое внимание, т. к. из представленной выше характеристики функциональных стилей следует, что данные виды художественных произведений (с учетом их основного функционального назначения) имеют своей целью воздействие на воображение, чувства и психику читателя (в нашем случае — обучающегося высшего учебного заведения). Обучающиеся, имея дело с яркими, красочными, захватывающими и запоминающимися образами и сюжетами, начинают лучше ориентироваться в этой самой, хоть и вымышленной, но реальности, которая, равно как и действительная (настоящая) реальность, характеризуется наличием определенной структуры и организации общества, сложившейся системы правил и норм, верований, устоявшимися моделями поведения (которые также подлежат оцениванию относительно какой-либо системы ценностей, представлений о добре и зле, о правильном и неправильном и т. п.), а также взаимодействием различных социальных элементов и т. д. К тому же, как отмечал У. Эко, «механизм нашего восприятия настоящего мира мало чем отличается от механизма восприятия вымышленных миров» [5. — С. 168]. Данные аспекты, присутствующие как в вымышленной (в волшебном, сказочном мире), так и в действительной (настоящей) реальности, помогают обучающимся осознать факт того, что обе эти реальности формируются под воздействием целого ряда схожих факторов (политических, экономических, социальных и культурных).

В каком-то смысле волшебный, сказочный мир предстает как отражение нашей объективной действительности. В этом отношении весьма близкую систему идейных установок относительно сказанного мы можем проследить в трудах нашего выдающегося отечественного филолога В. Я. Проппа, а именно в его работе «Исторические корни волшебной сказки», в которой красной нитью через весь текст проходит мысль о том, что волшебные сказки, насколько бы ни были они фантастичны, не есть нечто оторванное от действительности, они всегда в той или иной степени (форме) отражают эту самую действительность [6]. Ученый связывает сказки с историческими и социальными реалиями, как он отмечает в своей работе: «Наша цель — выяснить источники волшебной сказки в исторической действительности <...> Сказку надо сравнивать с исторической действительностью прошлого и в ней ис-

кать корней ее» [6. — С. 6, 10]. Видится, что проводимый им анализ структуры сказок может быть также использован в юридическом образовании для изучения эволюции представлений о различных социальных институтах, включая право и государство (в рамках определенного социального строя).

Поэтому ключевая задача педагога в данном случае (при реализации образовательного подхода, связанного с применением сказок и фэнтези в процессе освоения учебных дисциплин теоретико-исторического правового блока) заключается в том, чтобы уже на имеющуюся или сформировавшуюся в процессе ознакомления с художественными произведениями «систему знаний» нарастить знания юридические, выработанные в рамках историко-правовых и теоретико-правовых наук. И здесь мы уже соприкасаемся с реализацией функции сообщения, свойственной научному стилю языка [4. — С. 22], который характерен для научной, учебной и справочной литературы, имеющей важное (основополагающее) значение в образовательном процессе. Педагог, в свою очередь, предстает в качестве некоего связующего (направляющего) элемента в параметрах взаимодействия обучающегося с текстом, осуществляя в процессе этого совместное рассмотрение особенностей организации и функционирования социальных систем волшебных и сказочных миров через призму историко-правовых и теоретико-правовых знаний.

Реализация данного подхода в рамках образовательного процесса, как нам представляется, также способна решить такую извечную проблему, на которую в свое время обращал внимание Э. В. Ильенков в работе «О воображении», как проблему связи между формально-бюрократическим отношением к жизни (и соответствующим типом мышления, свойственного в какой-то степени практикующим юристам) и отсутствием живого воображения, сопряженного с чувством красоты. Ведь, как отмечал сам философ: «Формально-бюрократический, лишенный воображения тип интеллекта как раз отличается тем, что реальной жизни во всей ее полноте, красочности и сложности он воспринимать органически не способен. Он видит в окружающем мире только то, что ему уже известно, то, что “словесно закодировано” в его мозгу. Самостоятельно увидеть в жизни, в реальности что-то новое, что-то такое, что еще не нашло своего выражения во фразе, в формуле, он не умеет. Там же, где власть штампа кончается, он теряется, и чаще всего от действия по строгому штампу, от чисто машинообразного действия, сразу же переходит к действию по чистому произволу» [7]. Видится, что грамотное внедрение предлагаемого нами подхода в образовательный процесс будущих юристов может стать важным шагом на пути к преодолению обозначен-

ного выше «разрыва». Оказывая верное воздействие (с точки зрения дидактики; и здесь же мы вспоминаем одноименную функцию литературно-художественного стиля) на сознание обучающихся, способствуя формированию у них эмоциональной вовлеченности и побуждая их осуществлять глубокий самостоятельный анализ сказочных (фантастических) историй и сюжетов, которые могут быть им интересны, через «объектив» юридической системы знаний, мы тем самым пробуждаем в них, уже возможно «утраченную», способность к воображению (например, способность выходить за рамки привычных, а порой и неэффективных шаблонных моделей поведения в поисках грамотного решения юридических проблем) и развиваем навыки критического мышления, столь необходимые в профессиональной деятельности будущих юристов.

Фэнтезийные нарративы в юридическом образовании: методологический потенциал «Властелина Колец» и «Гарри Поттера».

Роман-эпопея «Властелин Колец»
Дж. Р. Р. Толкина. Произведение Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» давно перешагнуло границы литературного феномена, став объектом междисциплинарных исследований [8—12].

Действительно, «Властелин Колец» — это куда больше, чем просто фэнтезийная сага о противостоянии добра и зла. Это Вторичный Мир, который Дж. Р. Р. Толкин воссоздавал, следуя основному правилу истинного творца: если автор желает (надеется) сотворить мир, который по своей структуре будет приближаться к Реальности, то для этого он должен выстроить в рамках него «внутреннюю логичность реальности» [13. — С. 155]. Т. Шиппи, известный британский филолог и один из самых авторитетных специалистов по творчеству Дж. Р. Р. Толкина, давая оценку книгам «Властелина Колец», отмечал их удивительную структурную проработанность, что проявляется и во внутренней логике, и в сюжетной последовательности (хронология всех событий в книгах тщательнейшим образом соблюдена) [10. — С. 203, 206]. Т. Шиппи указывает, что «по мере развития сюжета в нем появляется все больше противопоставлений и параллелей, и это выражается в том числе и в манере повествования» [10. — С. 197]. Данный прием, используемый Дж. Р. Р. Толкином на страницах «Властелина Колец», он представляет как прием «парадоксальных переплетений» сюжетных линий, что в конечном счете позволяет ему не только удивлять проницательного читателя, но и постоянно держать его в напряжении. Однако одним лишь построением сюжета это не ограничивается. Во «Властелине Колец» также органично встроены и гармонично переплетаются между собой сложные фило-

софские, политические и правовые вопросы, моральные дилеммы, проблемы свободы, справедливости и ответственности. Средиземье, с его политическими структурами (Шир, Гондор, Рохан, Мордор, Изенгард и др.), многообразием народов (рас) и культурными особенностями, становится зеркалом, отражающим универсальные общечеловеческие проблемы, которые, как считал Дж. Р. Р. Толкин, являются неотъемлемой частью волшебных сказок (фэнтези).

При этом, несмотря на структурно-содержательное богатство «Властелина Колец», его потенциал в юридическом образовании, в частности в рамках изучения теоретико-правовых и историко-правовых дисциплин, не раскрыт должным образом, хотя, на наш взгляд, именно это произведение представляет собой уникальный материал для изучения фундаментальных вопросов в области теории и истории государства и права, философии права, сравнительного правоведения и т. д. Не случайно Т. Шиппи, отмечая профессиональный авторитет Дж. Р. Р. Толкина, писал: «По некоторым темам Толкин просто знал больше и мыслил глубже, чем кто-либо в мире. Некоторые считали (и говорили), что ему следовало бы изложить плоды своих размышлений в научных трактатах, а не в фантастических сказках...» [10. — С. 19]. Так, будучи тщательно проработанным Вторичным Миром с внутренне непротиворечивой структурой (о чем уже говорилось выше), Средиземье позволяет рассматривать сложные историко-правовые, политико-правовые, философско-правовые и иные проблемы через призму художественного повествования, что, как представляется, особенно ценно в современном образовательном процессе, т. к. это позволяет обучающимся применять полученные теоретические знания в рамках конкретных примеров (хоть несколько и оторванных от реальности, но вместе с тем позволяющих выдерживать «безопасную» дистанцию от избыточной политизации дискуссии, разворачивающейся в ходе учебного занятия), развивая воображение, критическое мышление и навыки сравнительного анализа. Средиземье — это «поле» для мыслительных экспериментов, которые, по мнению Д. Эдмондса, в этике необходимы для исключения нерелевантных соображений, «способных запутать наши рассуждения в реальных случаях» [14. — С. 10]. Справедливо такое обращение к мыслительному эксперименту и со стороны юриста, только значимость рассуждений обуславливается еще и тем, что принимаемые по их итогам решения влекут за собой вполне осязаемые для других людей последствия. «Мысленные эксперименты не существуют, пока их не придумают» [14. — С. 11], а фэнтези — основа, своего рода лаборатория для таких «интеллектуальных опытов».

Единственное за что, пожалуй, можно упрекнуть Дж. Р. Р. Толкина в части вопросов, связанных с конструированием волшебного мира Средиземья, так это за то, как указывает Т. Рожель, что в его произведениях практически не встречаются упоминания об экономике. И это не удивительно, ведь свой Вторичный Мир Дж. Р. Р. Толкин погружает в такую историческую эпоху (хоть и воображаемую), в которой экономика еще не занимает центрального места в общественной жизни, в связи с чем Т. Рожель делает вывод, что мир Средиземья является «доэкономическим» [12. — С. 60]. По этой причине вполне возможно, что в рамках учебных занятий преподавателю и обучающимся будет несколько проблематично осуществить анализ структурно-функциональной организации политий, развернувшихся в параметрах Средиземья, через призму научно-теоретических знаний относительно, например, «экономического строя (экономического базиса) общества», обуславливающего его надстройку (в лице государства, права и т. д.); «экономической сферы общественной жизни»; «экономической функции государства»; «экономической функции права» и т. п. Тем не менее, несмотря даже на то обстоятельство, что некоторые исследователи, например, Р. А. Познер, Г. Уинтер, в своих работах выдвигают и развивают тезис о том, что экономика (как наука) может внести существенный вклад в понимание и совершенствование права [15; 16], обозначенное выше «упущение» Дж. Р. Р. Толкина все же не является столь критичным для юридического образования, поскольку поднимаемый в рамках «Властелина Колец» целый ряд иных вопросов (часть из которых мы уже обозначали ранее) остается весьма значимым для дисциплин теоретико-исторического правового блока вне зависимости от экономического контекста, который, по мнению Т. Рожеля, практически отсутствует на страницах книги. Более того, отсутствие детализированной экономической системы позволяет сосредоточиться на фундаментальных философско-правовых, политико-правовых и нравственных проблемах, которые не теряют своей актуальности как в «доэкономическом» мире Средиземья, так и в современном мире — в мире нашей действительной (настоящей) реальности.

В ходе анализа волшебного мира Средиземья также допустимо ставить вопрос об особенностях политико-правовой организации толкиновского мира на примере: закрытого и обособленного от внешнего мира Шира, сочетающего в себе элементы общинной демократии, традиционного

правопорядка и мягкой аристократии; централизованной сакральной монархии Гондора, с развитой бюрократической системой управления; военно-аристократического строя Рохана с его вождизмом и вассальными связями; тоталитарной системы Мордора, где власть зиждется на сакральном культе Темного Владыки, абсолютном контроле и системном подавлении; а также других структур, таких как Изенгард, эльфийские владения и королевства гномов. Таким образом, в рамках учебных занятий обучающиеся совместно с преподавателем могут как изучать эти политические системы по отдельности, так и проводить их подробный сравнительный анализ, а также сопоставлять их с реальными историческими аналогами.

Магическая Великобритания Дж. К. Роулинг. Еще одной уникальной сказкой, образы которой могут позволить глубже проникнуть в сущность государственно-правовых явлений, стоит признать серию книг британской писательницы Дж. К. Роулинг о юном волшебнике по имени Гарри Поттер.

В одном из своих интервью автор поттерианы заявила, что не любит фэнтези и изначально ей даже не приходило в голову, что подготавливаемый литературный проект относится именно к этому жанру. И вместе с тем книги о Гарри Поттере, вне всякого сомнения, можно классифицировать как фэнтези¹: мы видим в них волшебников и фантастических существ (кентавры, фениксы и т. д.), магические школы и заклинания, а также спрятанный в «закромах» реального параллельный магический мир, который населяют ведьмы и волшебники. Как отмечает Д. Пеннингтон, за серией книг о мальчике, который выжил, уже к началу 2000- гг. был закреплен «статус классического фэнтези в традициях Нарнии» [17] (перевод наш. — *Авторы*). Будучи продолжательницей традиций К. Льюиса (автора «Хроник Нарнии»), писательница представила современное переосмысление сказки и эпоса, используя многочисленные сказочные архетипы и сюжеты, а также мифологические прообразы.

В первую очередь на себя обращает «набор» главных персонажей произведений, которые вполне укладываются в разработанную В. Я. Проппом концепцию функций действующих лиц волшебных сказок [18. — С. 72—76]. Например, сам Гарри Поттер — классический герой, сирота, который проходит путь взросления от обычного мальчика до спасителя всего магического мира (на достижении последнего делается акцент, проходящий красной нитью через всю серию книг: «ибо ни один не может жить спокойно, пока жив

¹ Несмотря на то, что фэнтезийные персонажи и сюжет помещаются в реальный мир.

другой...» [19. — С. 798]). Подобных архетипичных героев в поттериане можно перечислять долго: олицетворяющий все самое негативное в социальном устройстве волшебников архетипичный злодей Лорд Волан-де-Морт, верные друзья Рон Уизли и Гермиона Грейнджер, мудрый наставник Альбус Дамблдор [20], опекун Молли Уизли, «оборотень» Северус Снегг и даже Рубеус Хагрид — проводник или посредник между мирами и т. д.

Доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» М. А. Штейнман справедливо указывает и на архетипичность пространства и времени [20]. С одной стороны, Магическая Великобритания, государственное и правовое устройство которой, как мы полагаем, представляет собой благодатный эмпирический материал для занятий по теоретико-историческим правовым дисциплинам, — действительно пространство волшебной сказки, из которого возможен переход в реальный мир. С другой же стороны, магическое сообщество нередко живет бок о бок с обычными, ничего не подозревающими людьми на одних улицах, в соседних домах.

Любая волшебная сказка, по В. Я. Проппу, предполагает и прохождение героем ряда испытаний. В этом плане композиция поттерианы вызывает особый интерес. Как отмечает Е. М. Мелетинский, «специфической для волшебной сказки является двойная оппозиция предварительного и основного испытаний...» [21. — С. 15] Предварительное испытание для Гарри Поттера, по нашему мнению, — это события всей первой части саги: от знакомства с новым миром и первичной социализацией там (в том числе выбор дружеской компании и факультета для обучения) до первой (и, как оказалось, лишь временной) победы над своим антагонистом, скрывавшимся под тюрбаном Квиринуса Квирелла. Основное же испытание — полноценная победа над Лордом Волан-де-Мортом — весь остальной путь героя на протяжении последующих шести лет жизни. Но испытания героев носят не только внешний (связанный с непосредственным противостоянием врагу), но и внутренний, психологический, характер. Автором неоднократно демонстрируются нравственные искания Гарри, Рона и Гермионы, осознание ими извечных ценностей добра, любви, справедливости и чести [22].

Таким образом, основной конфликт серии также архетипичен — это противостояние Гарри Поттера и его друзей темному волшебнику Волан-де-Морту, как отмечалось ранее; то есть речь идет о классическом противостоянии добра и зла. Эта тема традиционна для сказок, где добро, несмотря на все трудности и перипетии, обычно побеждает зло. В ходе повествования о развитии и разрешении данного конфликта чи-

тателю одновременно (и завуалированно) преподносятся моральные уроки: важность дружбы, смелости, самопожертвования и справедливости, что также часто встречается в сказках (здесь снова стоит вспомнить о функции воздействия литературно-художественного стиля). Уже на этих примерах возможно погружение обучающихся юридических факультетов в проблематику философского и, в частности, философско-правового характера.

Вдобавок к рассмотренным архетипам Дж. К. Роулинг наполняет свой мир и различными образами как из греческой (трехглавый пес Цербер (а также охраняемое им подземное царство), чудовище Василиск, кентавры и т. д.), так и английской (богарты, великаны, корнуэльские пикси и т. д.) мифологии [22; 23].

В результате всего вышесказанного британская писательница создала уникальный, притягивающий к себе все новых и новых читателей и кинозрителей мир. «Гарри Поттер» вышел далеко за рамки литературы, став глобальным культурным явлением, повлиявшим на образование, экономику и массовую культуру. В связи с этим предстает закономерным, что западное научное сообщество уже давно обратило свое внимание на Магическую Великобританию как на поле актуальных изысканий («мыслительных экспериментов»), причем не только лингвистического или культурологического характера. Сага о волшебниках содержит значительную эмпирическую базу для изысканий политологов и юристов: тщательно сконструированный мир Дж. К. Роулинг экспозирует огромное количество наиболее проблемных и острых вопросов, связанных с регулированием общественных отношений, институциональной организацией общества, распределением властных полномочий и т. д. Различные зарубежные ученые не раз предпринимали попытки по экстраполяции примеров из поттерианы на действительную (настоящую) реальность с ее острыми социальными, политическими и правовыми проблемами [24—29].

Юридическое образование имеет нечто схожее с магическим: это захватывающий и интенсивный процесс, в результате которого у будущего специалиста вырабатывается уже несколько иной взгляд на мир и встречаемые явления. И если для одних чтение фэнтези и «погружение» в мир магии может быть попыткой сбежать от реальности, то для других — способом познать ее лучше, рассмотреть под другим углом. Как верно отмечает Ш. К. Гуха, «существует множество сценариев, с помощью которых аллегорические ситуации можно найти в реальном мире» [30] (перевод наш. — *Авторы*). И поттериана с этой точки зрения может предстать действительно эффективным инструментом в приобретении новых знаний студентами юридических факультетов вузов.

При этом необходимо понимать, что сага о Гарри Поттере — это культурный феномен, захвативший не только Запад, но и многие другие регионы и страны, в том числе Россию. Согласно данным одного из крупнейших онлайн-сервисов для размещения объявлений от 2019 г., романы поттерианы оказались самым продаваемым товаром в разделе «книги». Их «на платформе ищут чаще всего — этот запрос в соответствующем разделе находится на первом месте. Произведения Джоан Роулинг у российского читателя популярнее книг Стивена Кинга (второе место)», — отметили аналитики [31]. Одними из безусловных фаворитов произведения британской писательницы остаются, судя по результатам проведенного книжными магазинами анализа, и к началу 2025 года [32]. Фэнтези о юном волшебнике, по меткому замечанию руководителя сектора социальной философии Института философии РАН А. В. Павлова, «вернули нам [россиянам] не только любовь к чтению, но и отношение к книге как к артефакту» [33]. В некоторой степени активизировались и российские авторы, начавшие создавать синтетические произведения, соединяя «пародии» на поттериану и особенности отечественных культурных реалий [34].

Все это говорит о том, что серия книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере представляет собой релевантную в современных условиях развития российской юриспруденции эмпирическую базу, которая обладает значительным методическим и научным потенциалом.

В ходе анализа волшебного мира Дж. К. Роулинг допустимо ставить вопрос об особенностях социальной и государственно-правовой организации Магической Великобритании на примере: сложной социальной иерархии, где маги занимают доминирующее положение, домашние эльфы находятся в рабстве, оборотни подвергаются дискриминации, а гоблины и кентавры сохраняют специфическую автономию; принципиального отказа от принципа разделения властей с сосредоточением всей полноты власти в Министерстве Магии; полного отсутствия демократии и подотчетности в деятельности правительства магов; максимально коррумпированной и неэффективной волшебной британской бюрократии; связи социальных регуляторов в виде магии и права; содержания различных отраслей права Магической Великобритании, определенного спецификой волшебной социальной среды; исключительной и определяющей роли международного права в функционировании национальных правовых систем магического мира и т. д.

Заключение. Таким образом, методологическая, а также дидактическая ценность произведений Дж. Р. Толкина и Дж. К. Роулинг заключается в их способности иллюстрировать абстрактные философские, политические, правовые и социальные теории конкретными сюжетными примерами, не

теряя при этом научной строгости теоретического анализа (который должен быть в процессе учебных занятий). В результате этого научные концепции и теории преломляются в лучах фантазии и критического воображения обучающихся, получая новое прочтение и, как следствие, уникальную интерпретацию.

Как отмечал сам Дж. Р. Толкин в эссе «О волшебных сказках», подлинная фантазия не противоречит реальности, но позволяет увидеть ее в новом, ясном свете [13. — С. 143—145]. «Фантазия — естественная для человека деятельность. Она никоим образом не разрушает Разум и даже не оскорбляет его; она не притупляет аппетита к научной правде, не затмевает восприятие таковой. Напротив. Чем острее и яснее разум, тем лучшую фантазию он создает» [13. — С. 144]. В свою очередь, юридическое мышление также невозможно без фантазии, оно характеризуется, по меткому замечанию Д. В. Зыкова, «субъективистской интерпретацией реальности на основе личных априорных идеалов» [35. — С. 14], имеет дело с миром intersubjectивного (а значит, в определенной степени, вымышленного).

Еще раз повторимся: мы считаем, что такой подход в обучении будущих юристов представляется особенно продуктивным при изучении дисциплин именно теоретико-исторического правового блока, где сравнение реальных государственно-правовых систем (как прошлого, так и настоящего) с конструируемыми фэнтезийными моделями государственно-правового устройства помогает обучающимся лучше усваивать сложные научно-теоретические концепции. В этом смысле «Властелин Колец» и «Гарри Поттер» предстают в качестве своеобразных интеллектуальных лабораторий, в которых проходят проверку политические и правовые учения и вырабатываются новые (в том числе и научные) смыслы, что впоследствии формирует у обучающихся прочную знаниевую основу относительно государственно-правовых явлений и социальных процессов, разворачивающихся вокруг них.

При этом необходимо четко понимать, что использование художественного произведения в юридическом образовании требует тщательного методологического обоснования и грамотного применения. Как подчеркивал У. Эко в своей работе «Шесть прогулок в литературных лесах», анализ вымышленных миров должен основываться на строгих семиотических принципах [5], поскольку художественные тексты — это сложные знаковые системы, которые таят в себе самые разнообразные смыслы. «Читать литературное произведение — значит принимать участие в игре, позволяющей нам придать осмысленность бесконечному разнообразию вещей, которые произошли, происходят или еще произойдут в настоящем мире» [5. — С. 162—163]. Строгое следование

этим принципам должно проявляться и в рамках учебных занятий в процессе совместного анализа преподавателем и обучающимися художественных текстов в контексте изучаемых юридических дисциплин. В этом смысле «Властелин Колец» и

«Гарри Поттер» как глубоко продуманные волшебные вселенные с внутренней логикой (и своими содержательными особенностями, о которых мы говорили выше) представляют собой идеальный объект для подобного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ситников К. А. Опыт применения подкастинговых технологий в образовательном процессе вуза (на примере преподавания теоретико-исторических правовых дисциплин) // Вестник Воронежского государственного университета. — Серия : Проблемы высшего образования. — 2024. — № 1. — С. 93—99.
2. Parise A. Legal science through the lens of fairy tales // Maastricht University Blog, 28.10.2022. — URL : <https://www.maastrichtuniversity.nl/blog/2022> (дата обращения: 10.06.2025).
3. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в трех томах. Т. 1 / издание подготовили Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков ; отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. — М. : Наука, 1984. — 512 с.
4. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. — 5-е изд., испр. и доп. — М. : Высшая школа, 1987. — 399 с.
5. Эжо У. Шесть прогулок в литературных лесах / пер. с англ. А. Глебовской. — СПб. : Симпозиум, 2003. — 285 с.
6. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л. : Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1946. — 340 с.
7. Ильенков Э. В. О воображении // Народное образование. — 1968. — № 3. — С. 33—42.
8. Бонналь Н. Толкиен: Мир чудотворца / пер. с франц. — М. : София, Гелиос, 2003. — 368 с.
9. «Властелин Колец» как философия : эссе / пер. с англ. А. Баркова. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005. — 304 с.
10. Шиппи Т. Дж. Р. Р. Толкин: автор века. Филологическое путешествие в Средиземье / пер. с англ. — М. : Никая, 2023. — 512 с.
11. Birzer B. J. J. R. R. Tolkien's Sanctifying Myth: Understanding Middle Earth. — New York : Simon and Schuster, 2023. — 256 p.
12. Леук Р., Лоик М., Штейнер Ж.-С. Секреты Средиземья. Как появилась культовая вселенная Властелина колец / Р. Леук, М. Лоик, Ж.-С. Штейнер : пер. с франц. Д. А. Шалаевой. — М. : Эксмо, 2024. — 448 с.
13. Толкин Дж. Р. Р. Чудовища и критики и другие статьи : пер. с англ. / Дж. Р. Р. Толкин ; под ред. Кристофера Толкина. — М. : Elsewhere, 2006. — 300 с.
14. Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? / пер. с англ. Д. Кралечкина. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. — 264 с.
15. Познер Р. А. Рубежи теории права / пер. с англ. И. В. Кушнारेвой ; под ред. М. И. Одинцовой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 480 с.
16. Уинтер Г. Вопросы права и экономики / пер. с англ. Т. Шишкиной; под науч. ред. М. Одинцовой. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2019. — 416 с.
17. Pennington J. From Elfland to Hogwarts, or the Aesthetic Trouble with Harry Potter // The Lion and the Unicorn. — 2002. — № 26 (1). — P. 94.
18. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. — М. : Лабиринт, 2003. — 143 с.
19. Ролинг Дж. К. Гарри Поттер и Орден Феникса / пер. с англ. В. Бабкова [и др.]. — М. : Росмэн, 2004. — 827 с.
20. Штейнман М. А. Мифологические основы «Гарри Поттера» // ПостНаука. — URL : <https://postnauka.org/video/64705> (дата обращения: 24.05.2025).
21. Структура волшебной сказки / Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик, Д. М. Сегал ; [Российский государственный гуманитарный университет, Центр типологии и семиотики фольклора]. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : РГГУ, 2023. — 239 с.
22. Паславская Я. Р. Мифологические и сказочные истоки романов Дж. К. Роулинг // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2015. — Т. 21, № 3. — С. 115—118.
23. Манжула О. В. Интерпретация английской мифологии в романах Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере // Мировая литература в контексте культуры. — 2020. — № 11 (17). — С. 54—63.
24. Barratt V. The politics of Harry Potter. — New York, 2012. — 196 p.
25. Barton V. H. Harry Potter and the Half-Crazed Bureaucracy // Michigan Law Review. — 2006. — Vol. 104. — URL: <https://ssrn.com/abstract=830765> (дата обращения: 19.05.2025).
26. Gierzynski A. Harry Potter and the Millennials: Research Methods and the Politics of the Muggle

Generation. — Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2013. — 136 p.

27. Harry Potter and the Law / T. S. Hall, J. E. Thomas, D. C. Wright [et al.]. — URL : http://ssrn.com/abstract_id=829344 (дата обращения: 25.05.2025).

28. Heidemann F. An International Law Perspective on Harry Potter. Explaining Core Principles of International Law by Testing their Relevance in the Wizarding World. — Cham : Springer. — 139 p.

29. Nexon D. H., Neumann I. B. Harry Potter and International Relations. — Oxford, 2006. — 256 p.

30. Why A Law School In India Is Teaching A Course On Harry Potter. — URL : <https://www.qatartribune.com/article/144713/OPINION> (дата обращения: 25.05.2025).

31. «Гарри Поттер» остается самой популярной книгой в России // ТАСС. — URL :

<https://tass.ru/ob-schestvo/8820125> (дата обращения: 25.05.2025).

32. Скорондаева А. Классика или современность? Топ-100 популярных книг для детей и подростков // Российская газета. — URL : <https://rg.ru/2025/03/27/chitaj-gorod-nazval-samyeprodavaemye-detskie-knigi.html> (дата обращения: 25.05.2025).

33. Журенков К. Роман с мальчиком // Огонёк. — 2017. — № 25. — С. 4.

34. Лю Ц. Влияние романа Дж. Роулинг «Гарри Поттер» на современную русскую детскую литературу // Культура и текст. — 2019. — № 4 (39). — С. 94—102.

35. Зыков Д. В. Виды юридического мышления: методологическое и теоретико-правовое обоснование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 27 с.

REFERENCES

1. Sitnikov K. A. Opyt primeneniya podkastingovykh tekhnologij v obrazovatel'nom processe vuza (na primere prepodavaniya teoretiko-istoricheskikh pravovykh disciplin) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. — Seriya : Problemy vysshogo obrazovaniya. — 2024. — № 1. — S. 93—99.

2. Parise A. Legal science through the lens of fairy tales // Maastricht University Blog, 28.10.2022. — URL : <https://www.maastrichtuniversity.nl/blog/2022> (дата обращения: 10.06.2025).

3. Afanas'ev A. N. Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva : v trekh tomah. T. 1 / izdanie podgotovili L. G. Barag i N. V. Novikov ; otv. red. E. V. Pomranceva, K. V. Chistov. — M. : Nauka, 1984. — 512 s.

4. Rozental' D. E. Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka. — 5-e izd., ispr. i dop. — M. : Vysshaya shkola, 1987. — 399 s.

5. Eko U. Shest' progulok v literaturnyh lesah / per. s angl. A. Glebovskoj. — SPb. : Simpozium, 2003. — 285 s.

6. Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. — L. : Izd-vo Leningr. gos. ordena Lenina un-ta, 1946. — 340 s.

7. Il'enkov E. V. O voobrazhenii // Narodnoe obrazovanie. — 1968. — № 3. — S. 33—42.

8. Bonnal' N. Tolkien: Mir chudotvorca / per. s franc. — M. : Sofiya, Gelios, 2003. — 368 s.

9. «Vlastelin Kolec» kak filosofiya : esse / per. s angl. A. Barkova. — Ekaterinburg : U-Faktoriya, 2005. — 304 s.

10. Shippi T. Dzh. R. R. Tolkien: avtor veka. Filologicheskoe puteshestvie v Sredizem'e / per. s angl.

— M. : Nikeya, 2023. — 512 s.

11. Birzer B. J. J. R. R. Tolkien's Sanctifying Myth: Understanding Middle Earth. — New York : Simon and Schuster, 2023. — 256 p.

12. Leuk R., Loik M., Shtejner Zh.-S. Sekrety Sredizem'ya. Kak poyavilas' kul'tovaya vseennaya Vlastelina kolec / R. Leuk, M. Loik, Zh.-S. Shtejner : per. s franc. D. A. Shalaevoj. — M. : Eksmo, 2024. — 448 s.

13. Tolkin Dzh. R. R. Chudovishcha i kritiki i drugie stat'i : per. s angl. / Dzh. R. R. Tolkin ; pod red. Kristofera Tolkina. — M. : Elsewhere, 2006. — 300 s.

14. Edmonds D. Ubili by vy tolstyaka? Zadacha o vagonetke: chto takoe horosho i chto takoe ploho? / per. s angl. D. Kralachkina. — M. : Izd-vo Instituta Gajdara, 2016. — 264 s.

15. Pozner R. A. Rubezhi teorii prava / per. s angl. I. V. Kushnarevoj ; pod red. M. I. Odincovoj ; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». — 2-e izd. — M. : Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2020. — 480 s.

16. Uinter G. Voprosy prava i ekonomiki / per. s angl. T. Shishkinov ; pod nauch. red. M. Odincovoj. — M. : Izd-vo Instituta Gajdara, 2019. — 416 s.

17. Pennington J. From Elfland to Hogwarts, or the Aesthetic Trouble with Harry Potter // The Lion and the Unicorn. — 2002. — № 26 (1). — P. 94.

18. Propp V. Ya. Morfologiya volshebnoj skazki. — M. : Labirint, 2003. — 143 s.

19. Roling Dzh. K. Garri Potter i Orden Feniksa / per. s angl. V. Babkova [i dr.]. — M. : Rosmen, 2004. — 827 s.

20. Shtejnman M. A. Mifologicheskie osnovy «Garri Pottera» // Post-Nauka. — URL : <https://post-nauka.org/video/64705> (data obrashcheniya: 24.05.2025).

21. Struktura volshebnoj skazki / E. M. Meletinskij, S. Yu. Neklyudov, E. S. Novik, D. M. Segal ; [Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, Centr tipologii i semiotiki fol'klora]. — 2-e izd., ispr. i dop. — M. : RGGU, 2023. — 239 s.

22. Paslavskaya Ya. R. Mifologicheskie i skazochnye istoki romanov Dzh. K. Rouling // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. — 2015. — T. 21, № 3. — S. 115—118.

23. Manzhula O. V. Interpretaciya anglijskoj mifologii v romanah Dzh. K. Rouling o Garri Pottere // Mirovaya literatura v kontekste kul'tury. — 2020. — № 11(17). — S. 54—63.

24. Barratt B. The politics of Harry Potter. — New York, 2012. — 196 p.

25. Barton B. H. Harry Potter and the Half-Crazed Bureaucracy // Michigan Law Review. — 2006. — Vol. 104. — URL: <https://ssrn.com/abstract=830765> (data obrashcheniya: 19.05.2025).

26. Gierzynski A. Harry Potter and the Millennials: Research Methods and the Politics of the Muggle Generation. — Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2013. — 136 p.

27. Harry Potter and the Law / T. S. Hall, J. E. Thomas, D. C. Wright [et al.]. — URL :

http://ssrn.com/abstract_id=829344 (data obrashcheniya: 25.05.2025).

28. Heidemann F. An International Law Perspective on Harry Potter. Explaining Core Principles of International Law by Testing their Relevance in the Wizarding World. — Cham : Springer. — 139 p.

29. Nexon D. H., Neumann I. V. Harry Potter and International Relations. — Oxford, 2006. — 256 p.

30. Why A Law School In India Is Teaching A Course On Harry Potter. — URL : <https://www.qatar-tribune.com/article/144713/OPINION> (data obrashcheniya: 25.05.2025).

31. «Garri Potter» ostaetsya samoj populyarnoj knigoj v Rossii // TASS. — URL : <https://tass.ru/obshchestvo/8820125> (data obrashcheniya: 25.05.2025).

32. Skorondaeva A. Klassika ili sovremennost'? Top-100 populyarnyh knig dlya detej i podrostkov // Rossijskaya gazeta. — URL : <https://rg.ru/2025/03/27/chitaj-gorod-nazval-samyeprodavaemye-detskie-knigi.html> (data obrashcheniya: 25.05.2025).

33. Zhurenkov K. Roman s mal'chikom // Ogonyok. — 2017. — № 25. — S. 4.

34. Lyu C. Vliyanie romana Dzh. Rouling «Garri Potter» na sovremennuyu russkuyu detskuyu literaturu // Kul'tura i tekst. — 2019. — № 4 (39). — S. 94—102.

35. Zykov D. V. Vidy juridicheskogo myshleniya: metodologicheskoe i teoretiko-pravovoe obosnovanie : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2015. — 27 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Попов Виталий Игоревич. Старший научный сотрудник Центра исследований права и культуры юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. Доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Кандидат юридических наук.

E-mail: popov.vitaliy.law@gmail.com

Россия, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Ситников Кирилл Алексеевич. Старший научный сотрудник Центра исследований права и культуры юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук. Доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Кандидат юридических наук.

E-mail: kirillsa@mail.ru

Россия, 117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Popov Vitaliy Igorevich. Senior Researcher at the Center for Law and Culture Studies at the Faculty of Law of the State Academic University of the Humanities. Associate Professor of the chair of Theory of State and Law at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot. Candidate of Law.

E-mail: popov.vitaliy.law@gmail.com

Work address: Russia, 117437, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Sitnikov Kirill Alekseevich. Senior Researcher at the Center for Law and Culture Studies at the Faculty of Law of the State Academic University of the Humanities. Associate Professor of the chair of Theory of State and Law at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot. Candidate of Law.

E-mail: kirillsa@mail.ru

Work address: Russia, 117437, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Ключевые слова: государство; право; власть; политическая организация общества; правовая система; юриспруденция; юридическое образование; образовательный процесс; дидактика; нарратив; художественная литература; сказка; фэнтези; Властелин Колец; Гарри Поттер; Дж. Р. Р. Толкин; Дж. К. Роулинг.

Key words: state; law; government; political organization of society; legal system; jurisprudence; legal education; educational process; didactics; narrative; fiction; fairy tale; fantasy; The Lord of the Rings; Harry Potter; J. R. R. Tolkien; J. K. Rowling.

УДК 340.11+340.12

М. В. Скрынникова, кандидат юридических наук, доцент

А. В. Леженин, кандидат юридических наук, доцент

ЗАПРЕТ КАК ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО: ПРОБЛЕМНЫЙ КОММЕНТАРИЙ С ПОЗИЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ПРАВОПОНИМАНИЯ

BAN AS A LEGAL MEANS: A PROBLEMATIC COMMENT FROM THE PERSPECTIVE OF DIFFERENT TYPES OF LEGAL UNDERSTANDING

В статье рассматриваются особенности такого правового средства, как запрет, с использованием общетеоретических разработок, отраслевого законодательства и через призму таких противоположных типов понимания права, как легистский и либертарно-юридический.

The article examines the features of such a legal tool as a ban using general theoretical developments, industry legislation and through the prism of such opposite types of understanding of law as legalistic and libertarian-legal.

Тематика применяемых публичной властью правовых средств наводит нас на рассуждения о том, что нормальной (с позиции юриспруденции) является ситуация, когда в стране существует и развивается саморегулирующееся гражданское общество с разветвлённой совокупностью свободных социальных взаимодействий. И при этом буквально обслуживает это сложившееся гражданское общество минимальное государство. Минимальное — с позиций сравнительно небольшого перечня органов и должностных лиц государственной власти (прежде всего, исполнительной ветви последней), которые, главным образом, имеют компетенцию в сфере охраны общественного порядка, защиты внешних границ от вторжений агрессоров, разрешения конфликтов в рамках той или иной процессуальной формы.

Почему такие рассуждения являются важными для заявленной нами темы? Дело в том, что в таком государстве законодательные органы устанавливают сравнительно небольшое количество запретов. И в разряд соответствующих деяний «вписываются» именно те действия и бездействие, которые, прежде всего, наносят вред свободе индивида (самопринадлежности личности, собственности). Интересы государственного управления, безусловно, при этом учитываются, но они рассматриваются именно через призму того, что право есть нормативная форма свободы.

В данном случае можно высказаться и посредством официального текста Конституции РФ. В частности, воспринявшей идеи европейского и североамериканского конституционного

либерализма статьи 2: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» [1]. И очень удачным дополнением этого конституционного предписания являются диспозиции изложенных в статье 13 норм о признании идеологического многообразия и о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [1].

Это, впрочем, вопрос соответствия реально достигнутых по состоянию на данный момент цивилизационных ценностей и уровня развития и восприятия права в конкретном государстве. И именно проблема этого несоответствия даёт почву для наших дальнейших рассуждений.

Итак, в своих оценках регламентирующей деятельности государства мы исходим из того, что указанный способ организации публичной политической власти в стране следует воспринимать именно с позиций исходящих от него воздействий правового характера (ну не воспринимать же государство, в противном случае, в качестве наиболее фактически сильной группировки лиц, обладающих необходимыми ресурсами и не связанных никакими ограничениями). Государство воздействует на общество именно с помощью права, используя соответствующий арсенал правовых средств.

Версия А. В. Малько: «Правовые средства — это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы

субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей» [2. — С. 507]. Конкретизируя указанную точку зрения, данный автор определяет, что «в качестве правовых средств выступают нормы и принципы права, правоприменительные акты, договоры, юридические факты, субъективные права, юридические обязанности, запреты (*курсив наш. — М. С., А. Л.*), льготы, меры поощрения, меры наказания, акты реализации прав и обязанностей и т. п.» [2. — С. 507].

Следует отметить, что категория «правовое средство» фиксируется в ряде нормативных правовых актов. Например, часть 3 статьи 46 Конституции РФ, характеризуя использование гражданами для разрешения конфликтов органов международной юстиции, определяет в качестве условия: «...если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» [1]. Часть 1 статьи 39 Уголовного кодекса РФ, определяя крайнюю необходимость в качестве основания, исключающего уголовную ответственность, вводит условие о том, что «если ... опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости» [3].

Исходя из предложенной А. В. Малько теоретической классификации правовых средств, интересующий нас запрет возможно определить как юридическое средство:

- по степени сложности — первичное (или элементарное, простейшее, неделимое) (в противовес средствам комплексным или составным, состоящим из простейших);
- по общему предназначению — охранительное (в противовес регулятивным, дозволениям);
- по предмету правового регулирования — разнообразной отраслевой принадлежности;
- по значимости последствий — широкого спектра от обычных до исключительных (например, в части возможных уголовных наказаний);
- по роли в механизме правового регулирования — материально-правовое (представляется, что процессуальные правовые средства всегда носят сложный комплексный характер);
- по информационно-психологической направленности — ограничивающее (в противовес стимулирующим средствам, льготам) [2. — С. 507—508].

Соответствующие правила — нормы, устанавливающие запреты, содержатся, преимущественно, в законах. Но согласимся с точкой зрения Л. Е. Лаптевой о том, при изучении юриспруденции крайне важным является «умение различать право и закон» [4. — С. 51]. Указанный автор так развивает свою мысль: «В большинстве учебников для юристов господствует легистское право-

понимание. Этот подход принимает за право любой нормативный правовой акт, исходящий от уполномоченного органа публичной власти и обеспеченный соответствующим принуждением. Поэтому (за ненадобностью) он не даёт оценочного инструмента, позволяющего отличить содержащиеся в законах нормы права от норм моральных, религиозных, технических, а правовой закон от неправового или даже антиправового» [4. — С. 51]. Права Л. Е. Лаптева и в том, что «легистское правопонимание превращает юриспруденцию в скучное занятие по толкованию и применению законодательства и подзаконных актов. Усвоение понимания права как норм, регулирующих отношения свободных субъектов по принципу формального равенства, превращает изучение юридических текстов в увлекательный поиск» [4. — С. 51].

Таким образом, Л. Е. Лаптева, как бы очертила в массиве имеющегося в общей теории права своеобразного каталога типов правопонимания два противоположных, носящих кардинальный характер и, пожалуй, наиболее существенно влияющих на правосознание людей (правосознание как обыденного, так и профессионального и доктринального характера) типа:

- легистский тип правопонимания (от латинского слова *lex* или его производного *legis* — закон), господствующий в настоящее время в России и всецело вписывающийся в доктрину юридического позитивизма;
- либертарно-юридический тип понимания права (от английского слова *liberty* — свобода), воспринимающий право в качестве системы норм, обеспечивающих «свободу, равную для всех дееспособных субъектов, то есть социальный институт, защищающий ненасильственную деятельность и подавляющий агрессивное насилие» [5. — С. 9].

Обратим внимание на взгляды представителей последнего из двух указанных направлений применительно к заявленной теме исследования. По точке зрения В. А. Четвернина: «Правовое регулирование требует определённого соотношения законодательных запретов и дозволений. Это соотношение позволяет различать правовой и неправовой (силовой) способы регуляции» [6. — С. 52]. Предельно точно, на наш взгляд, роль указанных правовых средств сформулировал В. С. Нерсисянц, обращая внимание на то, что «равная для всех максимальная мера свободы законодательно очерчивается путём запретов, а мера власти (полномочия властных субъектов) устанавливается путём дозволений» [7. — С. 90—92].

Но, пожалуй, своеобразным стержнем либертарно-юридической трактовки данного вопроса

является следующе утверждение В. А. Четвернина: «При правовом регулировании индивиды действуют по принципу "незапрещённое разрешено", а властные субъекты — "неразрешённое запрещено". Напротив, при неправовом (силовом) регулировании всё считается исходно запрещённым и допускается лишь то, что дозволено властью. И если поведение людей подчиняется принципу "неразрешённое запрещено", то это неправовое регулирование. При правовом способе регуляции люди выступают как субъекты права двух основных видов: как свободные индивиды, формально равные в отношениях между собой, и как носители властных полномочий — государственно-властные субъекты. Разумеется, свободные индивиды не нуждаются в дозволении того, что они могут делать в силу своей свободы. Чтобы указать пределы правовой свободы, законы должны запрещать, а именно: запрещать всё, что не совместимо с правовой свободой — равной свободой всех. Следовательно, исходным способом определения меры, объёма правовой свободы являются не дозволения, а запреты. Такова логика правовой регуляции. Вместе с тем в праве используются и дозволения, адресованные индивидам. Но правовые дозволения носят вторичный характер. Они конкретизируют правовую свободу в пределах незапрещённого и гарантируют минимум свободы. Правовые запреты определяют максимальную меру свободы: индивидам разрешено всё, что не запрещено» [6. — С. 53].

Сопоставим данные общетеоретические ориентиры в отношении рассматриваемого нами запрета как правового средства с некоторыми особенностями социальной действительности. При этом сконцентрируемся не на очевидно удачных (как с позиции использованной законодателем юридической техники, так и с точки зрения общесоциального предназначения права и государства вообще) правовых нормах (в эту категорию, безусловно, войдут, например, уголовно-правовые запреты в отношении преступлений против личности и собственности, административно-правовые запреты для государственных служащих в части осуществления предпринимательской деятельности лично или через доверенных лиц, а также наиболее значительное количество диспозиций норм об административных правонарушениях). Обратим внимание на нормы, которые, по нашему мнению, исходя из буквального или ограничительного толкования (а в такой сфере, как установление юридических запретов, расширительное толкование норм не допускается в принципе), не могут отвечать базовым характеристикам права как специфического нормативного регулятора общественных отношений.

Представляется, что в данном случае уместно дать некоторые комментарии — не только оценки в отношении современных отраслевых правовых аспектов, но и ряд рассуждений историко-правового характера.

Пожалуй, наиболее существенным качественным хронологически первоначальным «толчком» к восприятию в России идеи правового государства и на законодательном уровне, и на уровне юридической практики послужили реформы 60-х годов XIX века. Рассмотрим установление, изложенное в статье 199 Устава о предупреждении и пресечении преступлений: «Для уменьшения нищенства в столицах воспрещается выдавать билеты для следования в оные: 1) престарелым и увечным крестьянам, жёнам и вдовам их без взрослых сыновей, а также малолетним крестьянским детям; 2) слепым и калекам из податного состояния; 3) солдатским и рекрутским жёнам, кои по слабости здоровья или по увечью не могут работать или же будут уличены в нищенстве, бродяжничестве и развратном поведении» [8].

Представляется, что с позиции гражданских прав и свобод, провозглашённых современными правовыми государствами, указанный комплекс принудительных мер административно-властного характера эти права в значительной мере нарушает.

Свидетельством чрезвычайно жёстких установлений в сфере превенции возможных правонарушений, отражающих общий авторитарный подход русской имперской идеологии, являлась статья 129 Устава, которая гласила: «Полиция имеет надзор, чтобы никто в противность должного послушания законным властям ничего не предпринимал. Она пресекает в самом начале всякую новизну, законам противную» [8]. Данное законодательное требование пресечения «всякой новизны, законам противной» — не есть пример моделирования общественных отношений с участием граждан по принципу «всё, что не запрещено, — разрешено». Такой вариант властного регулирования — свидетельство, как минимум, жёсткого авторитаризма, что во второй половине XIX века в целом вполне согласовывалось с достигнутым в социальных взаимодействиях субъектов уровнем цивилизационных ценностей.

В современной России, к сожалению, законодатели, выполняя свою основную властную функцию, зачастую не видят разницы в социальных нормах (конкретнее — фактически не различают нормы права, морали и даже религии и принципы регуляции на их основе). Это проявляется при установлении запретов, которые вряд ли возможно наделить характеристикой «правовые».

Помня о федеративном характере территориальной организации государственной власти в

стране, предлагаем рассмотреть запреты, установленные законами субъекта Российской Федерации — Псковской области:

- законом «Об административных правонарушениях на территории Псковской области» [9];

- законом «О запрещении склонения к искусственному прерыванию беременности в Псковской области» [10].

Статья 3 последнего в числе включённых норм, в частности, содержит такие законоположения: «Склонение беременной женщины к искусственному прерыванию беременности в Псковской области запрещается. Под склонением к искусственному прерыванию беременности понимается совершение действий с целью понуждения беременной женщины к искусственному прерыванию беременности путём уговоров, предложений, подкупа, обмана» [10]. Статья 4 указанного Закона, устанавливая, что обозначенное выше деяние влечёт за собой административную ответственность, формулирует отсылочную норму к кодифицированному административно-деликтному закону субъекта Федерации [10; 9].

Конечно, с позиции легиста, поддерживающего идеологию того, что любые нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения и исходящие от публичной власти, есть внешнее выражение права, мы получили в свое распоряжение «развивающееся» право, отражающее «изменившиеся реалии динамичных социальных взаимодействий». Но давайте сопоставим содержание указанного запрета с особенностями такого регулятора общественных отношений, как именно право. Ведь морально-религиозное регулирование социальных связей не опирается на идею формального равенства участников, запрета агрессивного насилия, самопринадлежности и автономности личности.

Указанные законы Псковской области такими запретами грубо попирают свободу человека и вообще вторгаются в такую сферу, в какую государство вторгаться не должно. Даже, исходя из буквального толкования представленных выше норм, мы видим, что региональный законодатель не устанавливает какую бы то ни было насильственность оговариваемых действий. Можно сказать ещё проще: тело человека принадлежит этому человеку. Во всех случаях сфера свободной жизнедеятельности человека не должна находиться в такой зависимости от мнения должностных лиц публичной власти. Агрессивное насилие недопустимо ни со стороны частных лиц, ни со стороны

государства. А на примере указанных запретов мы имеем деятельный отказ со стороны законодателя в вопросах самопринадлежности человека.

Почему в России появляются такие законы с подобными запретами? Да, пожалуй, от того, что ценностные ориентиры права всё ещё в весьма значительной мере идут вразрез с реально достигнутыми по состоянию на данный момент и активно воспринятыми обществом (как и государственным аппаратом) цивилизационными ценностями.

Итак, очевидно, что в рамках взаимоотношений по линии государство — гражданин именно запрет как юридическое средство играет определяющую роль в качественном правовом регулировании. Применительно же к оценкам, опирающимся не просто на различные, а на противоположные типы понимания права, следует отметить, что запрет, с позиции легистики, не то, чтобы, в принципе, не подлежит критическому обсуждению. Субъекты, фактически (без всяких условий) отождествляющие право с законодательством, вполне готовы обсуждать запрет, но не с позиции выявления возможностей пренебрежения — отрицания — ликвидации так называемого «абсолютного минимума правовой свободы», а исключительно с точки зрения недостаточной карательной эффективности властных мер воздействия при соответствующем нарушении либо избыточности «карательного компонента». Легистами вполне может также подвергаться сомнению и недостаточная авторитетность официального текста о конкретном запрете (например, желателен не подзаконный нормативный правовой акт, а закон или законодательное установление требуется в конкретном случае не общего, а специального характера и т. п.).

Подлинно же критическое осмысление официального текста (формулировки нормы о запрете) возможно только в рамках либертарно-юридического подхода к пониманию права. Только эта теория способна отграничить правовой закон от правонарушающего закона и, соответственно, признать некоторое количество установленных государством правил не правовыми нормами, а нормами силового вмешательства, не основанными на базовых характеристиках права. При таких условиях качество правовых запретов, их восприятие обществом в качестве должной модели социальных взаимодействий и реальная их применимость в юридической практике будут отвечать идее правового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
2. Матузов Н. И. Малько А. В. Теория государства и права : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрист, 2005. — 541 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. Лаптева Л. Е. Принцип формального равенства в преподавании истории права и государства // Признание права и принцип формального равенства : сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 10—11 июня 2015 г.) / [редколл.: В. В. Денисенко (отв. ред.), М. А. Беляев]. — М. : Современная экономика и право, 2015. — С. 48 — 53.
5. Четвернин В. А. Проблемы теории права для особо одарённых студентов. — М. : Издательство Высшей школы экономики, 2010. — 155 с.
6. Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства : учебное пособие. — М. : Институт государства и права РАН, 2003. — 204 с.
7. Нерсесянц В. С. Философия права : учебник для вузов. — М. : ИНФРА-М, Норма, 1997. — 647 с.
8. Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений / С. З. 1876 г. Т. XIV. — СПб. : Типография второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии.
9. Об административных правонарушениях на территории Псковской области : закон Псковской области № 268-ОЗ от 4 мая 2003 года (в редакции Закона Псковской области № 2447-ОЗ от 28 декабря 2023 года) // Официальный сайт Правительства Псковской области. — URL: <https://pskov.ru/dokumenty> (дата обращения: 19 августа 2025 года).
10. О запрещении склонения к искусственному прерыванию беременности в Псковской области : закон Псковской области № 2442-ОЗ от 28 декабря 2023 года // Официальный сайт Правительства Псковской области. — URL: <https://pskov.ru/dokumenty> (дата обращения: 19 августа 2025 года).

REFERENCES

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda (s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. — 2020. — № 11. — St. 1416.
2. Matuzov N. I. Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik. — 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Yurist", 2005. — 541 s.
3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (s izm. i dop.) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 1996. — № 25. — St. 2954.
4. Lapteva L. E. Princip formal'nogo ravenstva v prepodavanii istorii prava i gosudarstva // Priznanie prava i princip formal'nogo ravenstva : sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Voronezh, 10—11 iyunya 2015 g.) / [redkoll.: V. V. Denisenko (otv. red.), M. A. Belyaev]. — M. : Sovremennaya ekonomika i pravo, 2015. — S. 48 — 53.
5. Chetvernin V. A. Problemy teorii prava dlya osobo odaryonnyh studentov. — M. : Izdatel'stvo Vysshej shkoly ekonomiki, 2010. — 155 s.
6. Chetvernin V. A. Vvedenie v kurs obshchej teorii prava i gosudarstva : uchebnoe posobie. — M. : Institut gosudarstva i prava RAN, 2003. — 204 s.
7. Nersesyanc V. S. Filosofiya prava : uchebnik dlya vuzov. — M. : INFRA-M, Norma, 1997. — 647 s.
8. Svod ustavov o preduprezhdenii i presechenii prestuplenij / S. Z. 1876 g. T. XIV. — SPb. : Tipografiya vtorogo otdeleniya sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii.
9. Ob administrativnyh pravonarusheniyah na territorii Pskovskoj oblasti : zakon Pskovskoj oblasti № 268-OZ ot 4 maya 2003 goda (v redakcii Zakona Pskovskoj oblasti № 2447-OZ ot 28 dekabrya 2023 goda) // Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Pskovskoj oblasti. — URL: <https://pskov.ru/dokumenty> (data obrashcheniya: 19 avgusta 2025 goda).
10. O zapreshchenii skloneniya k iskusstvennomu preryvaniyu beremennosti v Pskovskoj oblasti : zakon Pskovskoj oblasti № 2442-OZ ot 28 dekabrya 2023 goda // Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Pskovskoj oblasti. — URL: <https://pskov.ru/dokumenty> (data obrashcheniya: 19 avgusta 2025 goda).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Скрынникова Мария Владимировна. Доцент кафедры теории и истории государства и права. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: marydance0511@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Леженин Алексей Валерьевич. Доцент кафедры юридических дисциплин. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I.

E-mail: alekseylezhenin@yandex.ru

Россия, 394087, Воронеж, ул. Мичурина, 1.

Skrynnikova Maria Vladimirovna. Assistant Professor of the chair of Theory and History of State and Law. Candidate of Law, Assistant Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: marydance0511@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Lezhenin Alexey Valeryevich. Assistant Professor of the chair of Legal Disciplines. Candidate of Law, Assistant Professor.

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I.

E-mail: alekseylezhenin@yandex.ru

Work address: Russia, 394019, Voronezh, Michurina Str., 1.

Ключевые слова: правовое средство; запрет; легистский тип понимания права; либертарно-юридический тип понимания права; авторитетный официальный текст; самопринадлежность личности.

Key words: legal means; prohibition; legalistic type of understanding of law; libertarian-legalistic type of understanding of law; authoritative official text; self-ownership of the individual.

УДК 340.111

И. С. Тройнина, кандидат юридических наук

УЧАСТИЕ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

PARTICIPATION OF THE LEGAL REPRESENTATIVE OF A MINOR SUSPECT (ACCUSED) AT THE PRE-TRIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Действующее уголовно-процессуальное законодательство и практика его применения свидетельствуют о наличии некоторых пробелов в защите прав и интересов несовершеннолетних лиц, преступивших закон. Ввиду определенных особенностей личности несовершеннолетних, вовлеченных в сферу уголовного-процессуального производства, обращено внимание на дискуссионные вопросы, касающиеся участия законного представителя на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

The current criminal procedure legislation and the practice of its application indicate that there are some gaps in the protection of the rights and interests of minors who have violated the law. Due to certain personality characteristics of minors involved in the sphere of criminal procedural proceedings, attention is drawn to controversial issues concerning the participation of a legal representative at the pre-trial stage of criminal proceedings.

В соответствии со ст. 67.1 Конституции РФ дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России [1]. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних является одним из ключевых направлений деятельности субъектов уголовного процесса, осуществляемым в форме гарантирования прав несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых. Но нередко случаи, когда несовершеннолетние лица, совершая общественно опасные деяния, становятся участниками уголовного судопроизводства. Исходя из анализа норм УПК РФ и применения их должностными лицами правоохранительных органов, можно отметить некоторые недочеты, которые влекут за собой нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних предусмотрено специальными нормами, закрепленными в гл. 50 УПК РФ, предусматривающими определенные дополнительные гарантии прав в условиях состязательного процесса. Однако следует отметить, что не все особенности производства по рассматриваемой категории дел нашли свое закрепление в нормах данной главы, и это создает трудности в практике, вынуждая правоприменителей обращаться к иным нормам уголовно-процессуального закона.

Также можно упомянуть и международные нормативные правовые акты, например Мини-

мальные стандартные правила ООН, определяющие специфические особенности защиты прав несовершеннолетних, в отношении которых осуществляется судопроизводство, закрепляя их основные правовые гарантии.

Законодатель, опираясь на нормы международного права, отмечает, что в производстве по уголовным делам данной категории основной целью выступает всесторонняя защита прав и интересов подростков. Данное мнение обосновано тем, что к несовершеннолетнему лицу меры должны быть применены, исходя из обстоятельств совершения инкриминируемого ему деяния, а также личности несовершеннолетнего, что обеспечивает гарантии его перевоспитания.

Несовершеннолетние лица являются наиболее уязвимой группой, так как в силу социальной и психофизиологической незрелости, а также отсутствия правовых знаний они ограничены в реализации своих процессуальных прав. Особое внимание следует обратить на стадию возбуждения уголовного дела.

Уголовно-процессуальное законодательство не предъявляет особых требований к производству проверки по сообщениям о преступлениях, совершенных несовершеннолетними. УПК РФ закрепляет общие правила порядка рассмотрения сообщения о преступлении для всех категорий лиц, не выделяя несовершеннолетних в отдельную группу.

Средства проведения проверки по сообщению указаны в ст. 144 УПК РФ, они представлены ограниченным кругом следственных и иных процессуальных действий. Поскольку никаких законодательных ограничений по данному поводу нет, при проверке по сообщению о преступлении, совершенном несовершеннолетними, могут производиться все данные действия. Однако полагаем, что следует отметить определенную специфику.

Закон наделяет следователя и дознавателя на стадии досудебного производства особыми обязательствами по соблюдению прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых). Именно данные должностные лица становятся не только толкователями прав для оступившихся подросткам, но и гарантами их воплощения в реальность.

Исходя из этого, лицам, участвующим в производстве процессуальных действий на рассматриваемом этапе, в обязательном порядке должны быть разъяснены права, а именно право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения должностных лиц (ст. 144.1). Следует отметить, что среди перечисленных прав законодатель не предусмотрел право допуска законного представителя несовершеннолетнего на стадии проверки сообщения о преступлении и присутствие его при получении объяснения по факту преступления, совершенного несовершеннолетним лицом.

Несмотря на наличие правовых норм, регулирующих участие законных представителей в уголовном процессе, существует множество спорных вопросов и проблем, которые требуют внимания и решения.

В юридической науке утвердилось представление о многогранности процессуальных функций законных представителей несовершеннолетних. Например, такие ученые, как Н. И. Гуковская, А. И. Долгова, Г. М. Миньковский, отмечают, что законные представители одновременно выступают блюстителями прав и законных интересов несовершеннолетних, а также носителями прав и обязанностей по их воспитанию [2].

Законный представитель — самостоятельный участник уголовного процесса, выступающий со стороны защиты. Его роль заключается в том, чтобы представлять и защищать законные интересы несовершеннолетнего. Это позволяет ему действовать в интересах несовершеннолетнего, даже если его мнение отличается от мнения других участников процесса. Законный представитель должен эффективно взаимодействовать с участниками уголовного процесса, включая сле-

дователей, прокуроров и судей, чтобы обеспечить наилучший результат для несовершеннолетнего.

Участие законного представителя при рассмотрении сообщения о преступлении действительно является определенной поддержкой подростка, что служит дополнительной гарантией его права на защиту. Это же правило закреплено в международных актах. Так п. 7 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), в качестве одной из основных процессуальных гарантий предусматривает право на присутствие родителей или опекуна на всех стадиях уголовного судопроизводства [3].

Однако ч. 1 ст. 426 УПК РФ закрепляет право допуска законного представителя только с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого, т. е. на стадии предварительного расследования по уже возбужденному уголовному делу.

Примечательно, что стадия возбуждения уголовного дела является основой для дальнейшего уголовного судопроизводства, т. к. сведения, которые получены на данной стадии, могут быть признаны доказательствами и приобщены к материалам уголовного дела при условии их относимости и допустимости. Отсутствие законного представителя на рассматриваемой стадии противоречит принципу состязательности сторон, и несовершеннолетний участник уголовного судопроизводства самостоятельно противостоит стороне обвинения в лице следователя или дознавателя, проводящего доследственную проверку по сообщению о преступлении.

Следует обратить внимание на пп. 1 и 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве», закрепляющие обеспечение права на защиту на всех стадиях уголовного судопроизводства. Эти нормы должны применяться ко всем лицам, включая тех, в отношении которых проводятся процессуальные действия по проверке сообщений о преступлении. Кроме того, реализация данного права должна осуществляться с помощью не только защитника, но и законного представителя, используя все законные способы и средства, не запрещенные законом. [4]. Также можно рассмотреть ч. 1 ст. 64 Семейного кодекса РФ, в которой закреплено, что родители изначально выступают законными представителями своих детей, гарантируя защиту их прав и интересов без специальных полномочий. Это означает, что представительство родителями своих детей, включая участие в суде-

ных органах, должно осуществляться без необходимости предоставления соответствующих документов. Такой подход подчеркивает важность родительских прав и обязанностей, а также необходимость упрощения процесса участия законных представителей в защите интересов несовершеннолетних в уголовном процессе. Все это открыло бы реальную перспективу защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего с самого начала производства по делу.

На стадии возбуждения уголовного дела статус несовершеннолетнего лица может быть неопределенным, так как он еще не признан подозреваемым или обвиняемым. Однако действия, предпринимаемые в рамках проверки сообщения о преступлении, могут существенно затрагивать его права и свободы. Уже на стадии доследственной проверки сообщения о преступлении несовершеннолетний имеет право на защиту. Это означает, что законный представитель должен быть уведомлен о действиях, касающихся его подопечного, и иметь возможность участвовать в процессе. На данном этапе важно, чтобы законные представители были вовлечены в процесс для обеспечения защиты интересов несовершеннолетнего и предотвратить возможные злоупотребления. Законное представительство играет ключевую роль в защите интересов несовершеннолетних, особенно в контексте уголовного процесса.

Таким образом, исходя из толкования нормативных правовых актов, затрагивающих интересы несовершеннолетних лиц в уголовном процессе в соответствии с принципами обеспечения права на защиту и состязательности сторон, целесообразно было бы закрепить в нормах УПК РФ необходимость участия законного представителя с момента проверки сообщения о преступлении, совершенном несовершеннолетним лицом.

Момент, когда законный представитель впервые приобретает свой правовой статус, не возникает автоматически. Для вступления в уголовный процесс необходимо определенное основание, а именно постановление, которое выносит следователь, дознаватель или суд. Лишь с момента вынесения данного постановления законный представитель обретает право на участие в судопроизводстве, и после этого ему должны быть разъяснены его права и обязанности.

В качестве законных представителей выступают родители, усыновители, опекуны или попечители, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, а также органы опеки и попечительства. Данный перечень является исчерпывающим, а также изложен в определенной последовательности.

Законодатель изначально в качестве законного представителя выделяет родителей, т. к. они считаются самыми близкими родственниками несовершеннолетнего и лучше, чем другие представители, смогут оказать психологическую поддержку, а также защиту его прав. Затем в случае отсутствия родителей (либо по решению суда лишения родительских прав) выступают усыновители, опекуны или попечители. И только лишь при отсутствии родителей и усыновителей законными представителями являются органы опеки и попечительства. Будь то родитель или представитель органа опеки и попечительства, он обязан предоставлять определенную поддержку несовершеннолетнему. Это включает в себя разъяснение его прав, помощь в подготовке к допросам и другим следственным действиям, а также представление интересов несовершеннолетнего в суде. Участие законного представителя не ограничивается только правовой помощью. Эмоциональная поддержка со стороны родителей или опекунов также является важным аспектом, поскольку несовершеннолетние могут испытывать стресс в процессе уголовного разбирательства.

Законный представитель также играет важную роль в профилактике и предупреждении повторных правонарушений со стороны несовершеннолетнего. Он может работать с ребенком, чтобы помочь ему понять последствия своих действий и направить его на путь исправления.

Тем не менее в следственной и судебной практике возникают спорные вопросы о том, кто из перечисленных лиц допускается в качестве законного представителя, как производится его замена, в каком порядке и на каких основаниях.

Ст. 426 УПК РФ регламентирует участие законного представителя несовершеннолетнего в досудебном производстве по уголовному делу. Определены процессуальные права законного представителя, особенно его ознакомления с материалами уголовного дела, а также случаи, когда возможно отстранение законного представителя от участия в уголовном деле.

Закон наделяет законного представителя правом на осуществление своих прав самостоятельно, т. е. не зависимо от волеизъявления самого несовершеннолетнего. Это может привести к ситуации, когда интересы несовершеннолетнего не учитываются должным образом, особенно если законный представитель принимает решения, которые могут быть не в его интересах. Таким образом, необходимо рассмотреть возможность введения механизмов, которые бы позволяли учитывать мнение несовершеннолетнего при осуществлении прав законного представителя, чтобы обеспечить более сбалансированный подход к защите прав детей в уголовном процессе.

При изучении материалов уголовных дел в отношении несовершеннолетних можно сделать вывод, что значительная часть несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых воспитывается в семьях, где родители злоупотребляют спиртными напитками, наркотическими веществами, ведут аморальный образ жизни или равнодушно относятся к судьбе ребенка. Нередко законные представители под предлогом, не имеющим реальных оснований, игнорируют вызовы в органы предварительного расследования и намеренно избегают явки.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» в п. 11 дает разъяснения о том, что, если законный представитель не явился в судебное заседание, надлежит тщательно выяснить причины его отсутствия и при наличии достаточных оснований обеспечить участие в деле иных законных представителей, предусмотренных пунктом 12 статьи 5 УПК РФ [5]. Однако о том, как надлежит поступать на досудебной стадии следователю или дознавателю, в данном нормативном правовом акте пояснения отсутствуют.

Тем не менее на практике нередки случаи, когда неявка законного представителя не исключает возможности производства следственных действий с несовершеннолетним. Например, законный представитель не явился на производство следственного действия, причем был надлежащим образом оповещен об очной ставке с участием его сына Р., который обвинялся в совершении открытого хищения велосипеда. Следственное действие было проведено без его участия [6]. Подобным образом по уголовному делу о краже из магазина продуктов питания несовершеннолетним М. была произведена проверка показаний на месте. Законный представитель, мать несовершеннолетнего М., также не явилась, хотя и была оповещена о предстоящем производстве следственного действия [7].

Также статья 426 УПК РФ закрепляет полномочие следователя и дознавателя на отстранение законного представителя от участия в деле, если его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего. Это положение направлено на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних.

Вопросы отстранения законного представителя от участия в уголовном деле сформулированы достаточно широко: «если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого». Единое мнение относительно тех

фактов, которые могут рассматриваться в качестве оснований отстранения законного представителя от участия в уголовном деле, к сожалению, отсутствует.

Безусловно, не должны привлекаться к участию в качестве законных представителей в уголовном деле родители, которые сами причастны к совершению преступления. Можно привести в качестве примера ситуацию, когда следователем не был допущен к участию в уголовном деле в качестве законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого Л. его отец, который совершил кражу вместе со своим сыном и также являлся подозреваемым по уголовному делу [8]. Кроме того, нецелесообразно привлекать в качестве законных представителей лиц, имеющих судимость, поскольку они могут оказать негативное влияние на несовершеннолетнего и затруднить проведение расследования. Например, дознаватель обоснованно отказался допустить к участию в уголовном деле несовершеннолетнего Г., подозреваемого в совершении грабежей, его отца С., так как последний ранее был осужден за насильственные преступления и мог оказать неблагоприятное воздействие на несовершеннолетнего в ходе расследования [9]. Эти действия могут служить основанием для отстранения законного представителя от участия в уголовном процессе, что подчеркивает важность соблюдения интересов несовершеннолетних и необходимость контроля за поведением законных представителей в ходе следствия и судебного разбирательства.

Представляется, что чрезмерно широкий подход к определению оснований для отстранения законного представителя от участия в уголовном деле следует рассматривать как недостаток уголовно-процессуального законодательства, поскольку указанные основания не конкретизированы, что приводит к избыточному субъективизму в принятии решений по данному вопросу со стороны органов расследования и суда. Полагаем, что данную проблему можно решить путем внесения соответствующих изменений и дополнений. В первую очередь необходимо установить четкий перечень оснований, при которых законный представитель несовершеннолетнего не должен участвовать в производстве по уголовному делу. В этот перечень следует включить возражения несовершеннолетнего против участия в деле законного представителя, а также наличие информации о судимости у лица, претендующего на данный статус.

Следует обратить внимание на то, что законодатель в главе 50 УПК РФ закрепил требования, применимые лишь в отношении несовершеннолетних, которые не достигли возраста несовер-

шеннолетия на момент совершения преступления. Но в следственной практике нередки случаи достижения возраста совершеннолетия в процессе расследования преступления. В таком случае возникает вопрос: необходимо ли обязательное участие законного представителя? Пленум Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 дает разъяснение только в части судебного производства, а именно, если лицо, совершившее преступление в возрасте до 18 лет, на момент рассмотрения дела в суде достигло совершеннолетия, полномочия законного представителя по общему правилу прекращаются. Пояснения относительно участия законного представителя при достижении 18-летнего возраста на стадии досудебного производства, к сожалению, отсутствуют. Тем не менее следует предположить, что данное правило может быть применимо и к стадии досудебного производства.

Также при достижении возраста совершеннолетия отпадает необходимость в ранее избранной специализированной мере пресечения в виде пристрастного за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым со стороны законных представителей.

Таким образом, дискусионные вопросы, касающиеся отстранения законных представителей от участия в уголовном процессе в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, требуют всестороннего анализа и детальной правовой регламентации. Решение об отстранении должно основываться на строгих юридических основаниях, при этом первоочередным должно оставаться соблюдение прав несовершеннолетнего, что является необходимым условием для обеспечения законности и справедливости уголовного судопроизводства. Все действия, связанные с отстранением законных представителей, должны соответствовать международным стандартам и принципам защиты прав ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гуковская Н. И., Долгова А. И., Миньковский Г. М. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних. — М., 1974. — С. 17.

3. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты Резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml

4. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление

Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // СПС «КонсультантПлюс».

5. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 11 апреля 2019 года по делу № 1- 37/ 2019 // <https://sudact.ru/>

7. Приговор Фрунзенского районного суда г. Владимира от 21 января 2022 года по делу № 1- 23/ 2022 // <https://sudact.ru/>

8. Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 30 сентября 2018 года по делу № 1- 51/ 2018 // <https://sudact.ru/>

9. Приговор Коптевского районного суда г. Москвы от 17 июня 2019 года по делу № 1- 40/ 2019 // <https://sudact.ru/>

REFERENCES

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993, s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS «Konsul'tantPlyus».

2. Gukovskaya N. I., Dolgova A. I., Min'kovskij G. M. Rassledovanie i sudebnoe razbiratel'stvo del o prestupleniyah nesovershennoletnih. — M., 1974. — S. 17.

3. Minimal'nye standartnye pravila Organizacii Ob"edinennyh Nacij, kasayushchiesya otpravleniya

pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnih (Pekinskie pravila) (prinyaty Rezolyuciej 40/33 General'noj Assamblei ot 29 noyabrya 1985 goda) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml

4. O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, obespechivayushchego pravo na zashchitu v ugovnom sudoproizvodstve : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 30.06.2015 № 29 // SPS «Konsul'tantPlyus».

5. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 1 fevralya 2011 g. № 1 // SPS «Konsul'tantPlyus».

6. Prigovor Kuz'minskogo rajonnogo suda g. Moskvy ot 11 aprelya 2019 goda po delu № 1- 37/ 2019 // <https://sudact.ru/>

7. Prigovor Frunzenskogo rajonnogo suda g. Vladimira ot 21 yanvarya 2022 goda po delu № 1- 23/ 2022 // <https://sudact.ru/>

8. Prigovor Kuz'minskogo rajonnogo suda g. Moskvy ot 30 sentyabrya 2018 goda po delu № 1- 1/ 2018 // <https://sudact.ru/>

9. Prigovor Koptevskogo rajonnogo suda g. Moskvy ot 17 iyunya 2019 goda po delu № 1- 40/ 2019 // <https://sudact.ru/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тройнина Ирина Сергеевна. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: i.troynina@mail.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Troynina Irina Sergeevna. Senior lecturer of the chair of Criminal Procedure. Candidate of Law.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: i.troynina@mail.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: производство в отношении несовершеннолетних; рассмотрение сообщения о преступлении; права и законные интересы несовершеннолетних; участие законных представителей.

Key words: proceedings against minors; consideration of a crime report; rights and legitimate interests of minors; participation of legal representatives.

УДК 343.1

Л. З. Гаглоев, адъюнкт

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ВИДЫ ВООРУЖЕННЫХ НАПАДЕНИЙ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, СОВЕРШАЕМЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ

THE CONCEPT, SIGNS AND TYPES OF ARMED ATTACKS ON EDUCATIONAL ORGANIZATIONS COMMITTED BY STUDENTS

В статье представлены теоретические основы криминологического познания вооруженных нападений на образовательные организации, совершаемых обучающимися. Определены основные теоретические подходы к понятию рассматриваемого явления, а также представлено авторское определение вооруженных нападений на образовательные организации, совершаемых обучающимися. Выделены признаки исследуемого криминального явления, а также определены основные его виды и направления криминологического познания.

The article presents the theoretical foundations of criminological cognition of armed attacks on educational organizations committed by students. The main theoretical approaches to the concept of the phenomenon under consideration are defined, and the author's definition of armed attacks on educational organizations committed by students is presented. The signs of the investigated criminal phenomenon are highlighted, as well as its main types and directions of criminological cognition are determined.

Проблема насилия в образовательных организациях с каждым годом приобретает все большую актуальность. Публикации в средствах массовой информации о подготовке обучающимися массовых расстрелов и (или) нападений с холодным оружием на учащихся и педагогический персонал практически не сходят с информационной повестки. Все это обуславливает необходимость глубокой теоретической проработки и разработки мер предупреждения вооруженных нападений на образовательные организации.

Первоочередной задачей в данном случае будет являться определение понятия вооруженных нападений на образовательные организации, а также выделение признаков и видов данного криминального явления.

В диссертационной работе Ю. В. Суходольской, заложившей основной теоретический фундамент исследования поднятых проблем, автор под массовым убийством в образовательных организациях понимает нападение на лиц, находящихся в образовательной организации либо на ее территории, с применением оружия и/или предметов, используемых в качестве оружия, и/или взрывчатых веществ или взрывных устройств в целях причинения смерти многим лицам, личности которых не определены заранее, и устрашения окружающих в отсутствие умысла террористической либо экстремистской направленности [1]. Далее в работе автор использует категорию

«скулшутинг», которая тождественна разработанному определению.

Представленное определение, безусловно развивающее криминологическую науку в рассматриваемой теоретической области, все же требует уточнения. Во-первых, видится не в полной мере справедливым соотношение массовых убийств в образовательных организациях с категорией «скулшутинг». Понятие «скулшутинг» происходит от двух английских слов — school («школа») и shooting («стрельба»). Однако подобные акты преступного поведения совершаются не только в общеобразовательных организациях, но и в профессиональных образовательных организациях (например: массовое убийство в Керченском политехническом колледже) [2], а также в образовательных организациях высшего образования (массовое убийство в Пермском государственном университете) [3]. Аналогичной позиции придерживается и Ш. Г. Мамедов, указывая на то, что «в научных работах вместо термина «скулшутинг» целесообразно использовать понятие вооруженного нападения в образовательной организации, т. к. оно более точно отражает сущность рассматриваемого явления, содержит в себе признаки, позволяющие отграничивать данное деяние от иных насильственных преступлений, совершенных в образовательных организациях, и соответствует традициям и особенностям российского законодательства» [4].

Во-вторых, в последние годы классические массовые убийства и расстрелы в образовательных организациях подверглись существенной трансформации механизма преступного поведения, связанной с популяризацией использования преступниками холодного оружия (ножи, топоры и т. д.), исключающего стрельбу.

Исследуя тенденции и закономерности существования и развития «скулшутинга», А. Ю. Карпова и Н. Г. Максимова при разработке авторского определения школьной стрельбы предлагают расширить границы криминального явления, включив в его объективную сторону планирование, организацию, совершение вооруженного нападения на территории образовательного учреждения (любого уровня) одним или несколькими учащимися с целью массового убийства [5]. Такой подход видится допустимым и может быть использован при разработке теоретических категорий в исследуемой области.

По мнению Э. А. Мамонтовой и А. А. Швыркина, вооруженные нападения на образовательные организации представляют собой феномен, имеющий массовый характер и выраженный в насильственных проявлениях в образовательной организации, направленных на лишение жизни и причинение вреда здоровью неопределенно широкому кругу лиц из числа обучающихся и персонала образовательной организации [6. — С. 367].

В работе В. В. Васильева феномен скулшутинга определяется как случаи школьного насилия, когда ученик или бывший ученик младшей средней школы, университета, колледжа совершает запланированное нападение на своих сверстников, учителей, другой персонал или прохожих в школьных зданиях или на территории кампуса [7. — С. 88].

Анализ представленных в криминологической науке подходов к рассматриваемому явлению, а также авторская позиция по данному вопросу позволяет определить понятие вооруженных нападений на образовательные организации, совершаемых обучающимися. Под данным криминальным явлением предлагается понимать совершение обучающимися образовательной организации нападения на учащихся и (или) её сотрудников, а также иных лиц, находящихся на территории образовательной организации, с использованием огнестрельного, холодного, метательного, пневматического, газового оружия или иных предметов, используемых в качестве оружия, а также взрывных устройств с целью причинения смерти или вреда здоровью различной степени тяжести.

Определив понятие вооруженных нападений на образовательные организации, совершенных

обучающимися, следует остановиться на отличительных особенностях данного явления.

В работе Ю. В. Суходольской схожие признаки представлены. Вместе с тем они в первую очередь характеризуют вооруженные нападения на образовательные организации, детерминированные субкультурой «Колумбайн». К ним автор относит [1. — С. 13]:

1. Упоминание имен реальных массовых убийц и скулшутеров в российском интернет-пространстве. Особой популярностью пользуются имена Эрика Харриса, Дилана Клиболда, Адама Лэнза, Владимира Рослякова, Даниила Засорина, Михаила Пивнева. В размещенных постах звучит положительная оценка поступков «стрелков», под их фотографиями — сотни одобрительных комментариев.

2. Популяризация насилия в школе путем демонстрации кадров с камер слежения в школе «Колумбайн», фрагментов из художественных и документальных фильмов, снятых по мотивам событий в школе «Колумбайн»: «Слон», «Класс», «Боулинг для Колумбины».

3. Использование фотодневников, цитат из дневников, записей в блогах массовых убийц, их личных архивных фото.

4. Использование атрибутики в рисунках, фото, размещенных в данных интернет-сообществах: фото учащихся с мишенями на спинах, длинные черные плащи, футболки с надписью «Ненависть», «Естественный отбор».

5. Высмеивание и дискредитация образовательной системы, образа учителя в целом, размещение демотиваторов, создающих отрицательный имидж работников образовательных учреждений.

6. Популяризация насилия в школах посредством распространения музыкальных произведений соответствующей тематики – Oxxxymiron «Последний звонок», Eminem «I'll be back» и другие.

7. Распространение культурного стереотипа «Оружие решает проблемы» — пропаганда приобретения, использования огнестрельного и холодного оружия, культивирование интереса к оружию, использованному массовыми убийцами при атаках в образовательных учреждениях. Культура оружия проявляется в содержании боевиков и компьютерных военных игр, в распространении стиля одежды «милитари», характерного для скулшутеров.

В свою очередь Д. Г. Давыдов и К. Д. Кломов выделяют следующие признаки [8]:

- нападавший (нападавшие) имели отношение к образовательной организации (как правило, это действующие обучающиеся);

- убийства или ранения носили умышленный характер, не имели корыстных мотивов, были демонстративны и направлены на неопределенный круг лиц;

- нападение не носило спонтанного характера, было спланировано и организовано заранее.

Учитывая имеющиеся в науке признаки вооруженных нападений на образовательные организации, а также специфику настоящего явления и разработанное его авторское определение, представим комплекс признаков, которые отличают рассматриваемое явление от других криминальных феноменов. Среди таких признаков:

1. Совершение нападения обучающимся образовательной организации. Данный признак характеризует специфику проводимого исследования, которая выражается в изучении только тех вооруженных нападений, которые совершаются учащимся образовательной организации. Преступление совершается непосредственно лицом, которое является частью школьного или вузовского коллектива (школьником, студентом колледжа, бакалавриата, магистратуры и т. д.). В отличие от нападений «посторонних», здесь задействован человек, встроенный во внутреннюю социальную среду учебного заведения, что формирует особую «зону доверия» и снижает настороженность жертв и персонала. Обучающиеся и персонал образовательной организации воспринимают преступника «своим» и допускают неосмотрительность при досмотре вещей, находящихся у обучающегося.

2. Насильственно-вооруженный характер действий. Данный признак характеризует объективные обстоятельства преступного поведения, которые связаны с использованием различных видов оружия (огнестрельное, холодное, метательное, пневматическое, газовое, взрывные устройства и др.) для совершения насильственных действий в отношении учащихся и (или) персонала образовательной организации. Наличие оружия резко сокращает время реагирования и увеличивает потенциальный масштаб трагедии, что диктует необходимость ужесточения доступа к средствам поражения.

3. Неопределенность жертвы преступления. Данный признак характеризует виктимологические особенности вооруженных нападений, совершаемых обучающимися. Здесь речь о том, что жертвой данного преступления преимущественно становится не конкретное лицо, а любой находящийся на территории учреждения человек — учащийся, сотрудник, а также иные лица, находящиеся в здании или на территории (родители, технический персонал, приглашённые специалисты и т. д.).

4. Репутационные риски и вторичная виктимизация. В вооружённом нападении на образовательную организацию страдают не только непосредственные жертвы, но и наблюдается явление «вторичной виктимизации». Нередко совершение вооруженного нападения учащимся формирует у отдельных обучающихся «поощрительные» установки. Наряду с указанным образовательная организация и её профессиональный контингент сталкиваются с долговременным накопительным ущербом: от оттока абитуриентов и увольнения педагогов до стигматизации территории.

Выделенные признаки вооруженных нападений на образовательные организации позволяют определить их специфику. Она должна быть учтена при дальнейшем исследовании данного криминального явления, а также при разработке мер предупреждения вооруженных нападений.

Наряду с понятием и признаками вооруженных нападений на образовательные организации, совершаемых обучающимися, следует определить перечень видов рассматриваемых преступлений. Проведение исследовательских операций, связанных с опросом (анкетирование, интервьюирование) сотрудников органов внутренних дел и педагогов образовательных организаций, а также контент-анализом информации о совершенных вооруженных нападениях в образовательных организациях, позволяет определить преимущественные виды рассматриваемых криминальных проявлений.

1. Вооруженные нападения на образовательные организации, обусловленные влиянием идеологии и субкультуры «Колумбайн». Данный вид вооруженных нападений характеризуется высокой степенью общественной опасности, массовостью жертв и серьезным общественным резонансом. Содержание данного вида вооруженных нападений обусловлено влиянием идеологии «Колумбайн», которая активно транслируется в киберпространстве, оказывает криминогенное воздействие на сознание и поведение пользователей и, как следствие, детерминирует массовые убийства в образовательных организациях.

2. Вооруженные нападения на образовательные организации из мести. Данный вид вооруженных нападений является наиболее распространенным в России. Их первопричина — длительный, нередко систематический опыт травли, унижений или кибербуллинга со стороны сверстников и/или педагогов, порождающий нарастающую фрустрацию и аффективную ярость. Типовой сценарий строится по определенной логике: злоумышленник планирует возмездие конкретным обидчикам либо их малой группе, что огра-

ничивает радиус поражения, но не снижает потенциальной летальности. Подготовка чаще всего краткосрочная и импульсивная; оружие берётся из доступных домашних источников — охотничье ружьё, газово-травматический пистолет, кухонный нож.

3. Вооруженные нападения на образовательные организации, совершенные учащимися с психическими расстройствами. Данный вид вооруженных нападений характеризуется психическими расстройствами самого преступника. В фазе обострения формируются бредовые конструкции — идеи преследования, мессианства, реформаторства, что толкает обучающегося к насильственному «устранению угрозы» либо «наказанию неверных». Социальная опасность выражается в непредсказуемости, но масштаб жертв чаще ограничен физическими ресурсами нападающего и быстрой интервенцией окружающих.

4. Смешанный тип вооруженных нападений на образовательные организации. Данный вид вооруженных нападений характеризуется смешанными субъективными причинами, включающими психические расстройства, буллинг со стороны сверстников и/или учителей и влияние идеологии «Колумбайн». Нередко наиболее массовые убийства в образовательных организациях совершались лицами, на которых оказали влияние все перечисленные группы криминогенных факторов (напр.: московский «школьный стрелок») [9. — С. 28].

5. Вооруженные нападения на образовательные организации, совершенные представителями молодежных криминальных группировок. Данный вид вооруженных нападений является наименее популярным. В основе мотивации преступников сочетаются элементы субкультурного статуса (демонстрация силы, завоевание территорий влияния) и идеологическая составляющая — национал-радикальные, религиозно-фундаменталистские или политико-экстремистские доктрины. Целевой результат — запугивание сообщества, вербовка адептов, «карательная акция» против конкурирующей группы. Коллектив-

ный характер и относительный «профессионализм» действий кратно повышают общественную опасность: растёт скорость поражения целей и вероятность случайных жертв.

Представленные виды вооруженных нападений, совершаемых обучающимися, позволяют расширить теоретические представления об исследуемом феномене, обогатить криминологическую науку новыми знаниями, а также должны учитываться в антикриминальной практике.

Потребность в разработке мер противодействия вооруженным нападениям на образовательные организации, совершаемым обучающимися, обуславливает необходимость определения основных направлений криминологического познания данного явления.

Выделим лишь некоторые из них:

- понятие и виды вооруженных нападений на образовательные организации;
- криминологические показатели вооруженных нападений на образовательные организации;
- детерминанты вооруженных нападений на образовательные организации;
- механизм криминализации и виктимизации личности в вооружённых нападениях на образовательные организации;
- личность жертвы вооруженных нападений на образовательные организации;
- зарубежный опыт противодействия вооруженным нападениям на образовательные организации;
- общесоциальные и специально-криминологические меры предупреждения вооруженных нападений на образовательные организации.

Таким образом, нами были определены теоретические подходы к понятию вооруженных нападений на образовательные организации и дано авторское определение данного явления. Выделены признаки и основные виды вооруженных нападений на образовательные организации, совершаемых обучающимися. Полученные знания позволят расширить границы криминологического познания в данной области, а также смогут быть основой для разработки мер предупреждения этого криминального явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суходольская Ю. В. Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2024.

2. Массовое убийство в Керченском политехническом колледже (2018). — URL: <https://ria.ru/20191017/1559803779.html> (дата обращения: 02.05.2025).

3. Массовое убийство в Пермском государственном университете. — URL:

<https://www.kommersant.ru/theme/3387> (дата обращения: 02.05.2025).

4. Мамедов Ш. Г. Понятие вооруженных нападений в образовательных организациях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия : История и право. — 2023. — Т. 13, № 3. — С. 145—155.

5. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. — 2021. — Т. 29, № 1. — С. 93—108.

6. Мамонтова Э. А., Швыркин А. А. Понятие, признаки и подходы к исследованию вооруженных нападений в образовательных учреждениях // *Право: история и современность*. — 2024. — Т. 8. — № 3. — С. 365—379.

7. Васильев В. В. Скулшутинг в образовательных учреждениях: понятие и причины // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. — 2022. — № 11-3 (74). — С. 87—90.

8. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // *Национальный психологический журнал*. — 2018. — № 4 (32). — С. 62—76.

9. Квашиш В. Е., Ильницкий А. С. Современные формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет // *Научный портал МВД России*. — 2021. — № 2 (54). — С. 26—31.

REFERENCES

1. Suhodol'skaya Yu. V. Massovoe ubijstvo v obrazovatel'nyh organizacijah kak ob'ekt kriminologicheskogo issledovaniya : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2024.

2. Massovoe ubijstvo v Kerchenskom politekhnicheskom kolledzhe (2018). — URL: <https://ria.ru/20191017/1559803779.html> (data obrashcheniya: 02.05.2025).

3. Massovoe ubijstvo v Permskom gosudarstvennom universitete. — URL: <https://www.kommersant.ru/theme/3387> (data obrashcheniya: 02.05.2025).

4. Mamedov Sh. G. Ponyatie vooruzhennyh napadenij v obrazovatel'nyh organizacijah // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Istorija i pravo*. — 2023. — Т. 13 — № 3. — С. 145—155.

5. Karpova A. Yu., Maksimova N. G. Skulshuting v Rossii: chto imeet znachenie? // *Vlast'*. — 2021. —

Т. 29, № 1. — С. 93—108.

6. Mamontova E. A., Shvyркиn A. A. Ponyatie, priznaki i podhody k issledovaniyu vooruzhennyh napadenij v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah // *Право: istoriya i sovremennost'*. — 2024. — Т. 8. — № 3. — С. 365—379.

7. Vasil'ev V. V. Skulshuting v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah: ponyatie i prichiny // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. — 2022. — № 11-3 (74). — С. 87—90.

8. Davydov D. G., Hlomov K. D. Massovye ubijstva v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah: mekhanizmy, prichiny, profilaktika // *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*. — 2018. — № 4 (32). — С. 62—76.

9. Kvashis V. E., Il'nickij A. S. Sovremennye formy proyavleniya kriminal'noj ideologii v seti Internet // *Nauchnyj portal MVD Rossii*. — 2021. — № 2 (54). — С. 26—31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаглоев Леван Зазаевич. Адъюнкт.
Краснодарский университет МВД России.
Россия, 350005, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Gagloev Levan Zazaevitch. Post-graduate cadet.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Russia, 350005, Krasnodar Territory, Krasnodar, Yaroslavskaya Str., 128.

Ключевые слова: криминология; криминологическое исследование; предупреждение преступлений; вооруженные нападения; скулшутинг.

Key words: criminology; criminological research; crime prevention; armed attacks; skulshuting.

УДК 343.9

Е. В. Касьянова

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

INVESTIGATION OF MINORITY CRIMES: PROBLEMS AND OPPORTUNITIES OF USING SPECIAL KNOWLEDGE

В статье рассматривается роль следователя как ключевого субъекта, использующего специальные знания в процессе расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними. Анализируются особенности применения этих знаний по данной категории уголовных дел, обусловленные необходимостью установления дополнительных обстоятельств, имеющих значение для расследования. Предлагаются рекомендации по совершенствованию деятельности следователя в области использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними.

The article examines the role of the investigator as a key actor in the use of specialized knowledge in the investigation of crimes committed by minors. The article analyzes the features of using special knowledge in this category of cases, due to the presence of an additional range of circumstances to be proven. Recommendations are formulated to improve the investigator's activities in the field of using special knowledge in the investigation of juvenile crimes.

В настоящее время в России наблюдается положительная тенденция снижения уровня преступности среди несовершеннолетних. По данным Министерства внутренних дел, по итогам 2024 года достигнуто снижение подростковой преступности на 6% по сравнению с 2023-м [1]. Тем не менее за прошедший год нарушили закон более 21 тыс. несовершеннолетних.

По этому поводу председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин отметил: «На протяжении многих лет уровень подростковой преступности снижался, но темпы незначительно замедлились. Уровень и состояние криминализации подростковой среды по-прежнему остаются тревожными» [2].

Вызывает особую озабоченность и требует дополнительного анализа причин увеличение роста числа тяжких преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Так, согласно информации, опубликованной на сайте RTVI, за последний год возросло количество тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, в 2024 году несовершеннолетние совершили 10 494 тяжких и особо тяжких преступлений — это рекорд за последние восемь лет [3].

Таким образом, хотя общая статистика показывает улучшение, проблема подростковой преступности остается актуальной и требует постоянного внимания и усилий всех заинтересованных сторон.

Одним из эффективных инструментов повышения результативности раскрытия, расследования и предупреждения преступлений является использование специальных знаний.

Исследование вопросов использования специальных знаний при расследовании преступлений остается в центре внимания ученых-процессуалистов и криминалистов на протяжении многих лет.

Отдельные аспекты расследования преступлений несовершеннолетних, связанные с использованием специальных знаний, содержатся в диссертационных исследованиях Курмаевой Н. А. «Использование специальных психологических знаний в уголовном судопроизводстве по делам с участием несовершеннолетних» (год), Гвоздевой И. С. «Использование специальных знаний при расследовании групповых корыстно-насильственных преступлений несовершеннолетних», Шуваловой М. А. «Участие психолога и педагога в уголовном судопроизводстве» и др.

В связи с этим была выдвинута гипотеза о необходимости комплексного исследования использования специальных знаний в уголовном процессе и практики применения уголовно-процессуального законодательства при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Обоснованием гипотезы явились следующие причины.

Во-первых, в России, как и во многих других странах, наблюдается рост преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [4]. «За последние четыре года, по данным официальной статистики МВД России, в 74 раза возросло количество IT-преступлений, совершенных именно лицами, не достигшим 18 лет. То есть если в 2020 году было 54 преступления, то в 2023 году зафиксировали уже четыре тысячи таких преступлений» [5]. Борьба с данными видами преступлений требует постоянного совершенствования методов противодействия с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий и актуальных научных знаний.

Во-вторых, появляются новые, более сложные способы совершения преступлений. Например, с использованием дипфейков. «В настоящее время в сети Интернет получили широкое распространение порнографические дипфейки с участием несовершеннолетних. Так, по данным краткой характеристики состояния преступности в Российской Федерации за январь — август 2022 г. 52,3% зарегистрированных насильственных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних в цифровой среде, составляет сексуальное насилие, из них 6620 преступлений совершено в отношении лиц женского пола и 1500 — в отношении лиц мужского пола» [6]. Для выявления и исследования дипфейков с целью установления значимых обстоятельств преступной деятельности необходимо применение специальных знаний, которые должны постоянно совершенствоваться в соответствии с развитием технологий создания поддельных аудио- и видеоматериалов.

В-третьих, «в последнее время были существенно улучшены и внедрены новые технологии более чем в 12 областях криминалистики. Отраслевые знания в области медицины, биологии, физики, химии, математики, кибернетики, электроники, программирования и многих других сферах трансформируются в криминалистические знания и позволяют эффективно раскрывать преступления, в том числе и преступления прошлых лет» [7].

При этом стоит отметить, что не все научные достижения применимы в следственной и экспертной деятельности. Причины могут быть разными: от противоречия конституционным правам граждан до недостаточной эффективности и необходимости практической проверки. Некоторые ученые высказывают опасения относительно придания статуса процессуальных доказательств выводам, полученным на основе новых экспертиз [8].

В последнее время наблюдалась тенденция к использованию психологических знаний для анализа видеозаписей допросов, в том числе с участием несовершеннолетних, с целью оценки правдивости показаний. Разработанные методики, которые позиционировались как экспертные и применялись в рамках судебной экспертизы, делали этот подход востребованным в следственной практике для установления достоверности информации.

Однако использование судебной экспертизы для оценки достоверности показаний по видеозаписи вызывало серьезные сомнения у судебных экспертов — психологов. Эти сомнения связаны как с несовершенством существующих методик, так и с процессуальными аспектами [9]. Ключевым фактором, определяющим допустимость и целесообразность таких экспертиз, является надежность результатов, которая напрямую зависит от применения научно обоснованных и проверенных методов.

Используемая методика не прошла необходимой апробации и не получила широкого признания в экспертном сообществе. Это обусловлено тем, что она основана на литературных данных, а не на результатах собственных экспериментальных исследований авторов [9].

Отсутствие общепринятой и признанной методики является серьезным аргументом против проведения судебных экспертиз, в том числе и для выявления признаков достоверности показаний. «На сегодняшний день не существует признанной в научном сообществе методики выполнения данного вида экспертиз, отсутствует и методология проведения такого рода исследований» [10].

В Постановлении Пленума Верховного Суда по этому поводу было закреплено следующее положение: «перед экспертом не могут быть также поставлены вопросы по оценке достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, полученных в ходе производства допроса, очной ставки и иных следственных действий, в том числе с применением аудио- или видеозаписи, поскольку в соответствии со статьей 88 УПК РФ такая оценка относится к исключительной компетенции лиц, осуществляющих производство по уголовному делу» [11].

Разделяя мнение Т. Ф. Моисеевой, считаем, что консультация специалиста по поводу правдивости показаний, имеющая ориентирующее, а не доказательственное значение, представляется допустимой и в определенных ситуациях полезной [9].

В-четвертых, специфика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними,

обусловлена необходимостью установления обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, но не всегда очевидных. К таким обстоятельствам относятся условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень его психического развития, наличие или отсутствие влияния взрослых, а также другие факторы, способствовавшие совершению преступления. Установление этих обстоятельств требует привлечения специалистов, обладающих специальными знаниями в области психологии, психиатрии и других смежных наук.

Обозначенные причины подтверждаются и результатами проведенного нами опроса практических сотрудников.

В 2025 году автором был проведен опрос 25 следователей и 7 дознавателей из различных субъектов Российской Федерации (Астраханской, Воронежской, Липецкой, Челябинской областей, Забайкальского, Приморского краев, Республики Хакасия). Средний стаж работы опрошенных в занимаемой должности составил 3,5 года, что свидетельствует о наличии у них опыта расследования уголовных дел.

Результаты опроса показали, что 100% респондентов признают важность специальных знаний для успешного расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, и подчеркивают необходимость их активного применения в следственной практике.

На вопрос о наиболее полезных знаниях при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, 97% респондентов назвали психологические и педагогические. Это объясняется тем, что потребность в использовании таких знаний возникает практически в каждом случае, что, в частности, обусловлено требованиями ст. ст. 191, 425 УПК РФ, регламентирующими участие педагогов или психологов в следственных действиях с участием несовершеннолетних.

Основными проблемами, связанными с использованием специальных знаний, по мнению респондентов, являются:

- нехватка квалифицированных специалистов по девиантному поведению подростков;

- недостаточная осведомленность следователей о возможностях применения специальных знаний. Это проявляется в незнании новых видов экспертиз, которые могут быть назначены, неумении правильно формулировать вопросы экспертам и отсутствии информации о квалифицированных специалистах в данной области.

В рамках выдвинутой гипотезы был проведен анализ отдельных видов процессуальной формы использования специальных знаний, которые чаще всего вызывают затруднения по уголовным делам с участием несовершеннолетних:

1) Назначение и производство судебной экспертизы.

Следователь должен уметь анализировать имеющиеся материалы дела и определять, какие вопросы требуют использования специальных знаний, например, привлечение экспертов, специалистов, понимание возможностей различных видов экспертиз и консультаций специалистов.

Следователь обязан обеспечить, чтобы привлекаемый специалист или экспертное учреждение были компетентны в своей области и не имели личной заинтересованности в исходе дела.

При этом необходимо учитывать квалификацию специалиста, его опыт работы по данной категории дел, а также наличие у экспертного учреждения необходимой материально-технической базы. Следователю необходимо знать, какие виды судебных экспертиз проводятся исключительно в государственных судебно-экспертных организациях.

Так, например, «участились случаи, когда психологи предлагают следователю психологизировать имеющиеся в материалах дела сведения и, используя псевдонаучные методы, подводят якобы научную основу под экспертные выводы. Несмотря на очевидную привлекательность для следователя подобных предложений, результат оказывается плачевным. Так, в ходе выполнения судебно-психологической экспертизы, изобилующей околону научными, бессвязно скомпилированными, непонятными для следствия терминами и выражениями, личность обвиняемого сопоставляется с предполагаемым портретом преступника — «совпадения» в трактовке эксперта составили 98,9 процента. Однако вскоре уголовное преследование в отношении данного обвиняемого было прекращено в связи с его непричастностью, обнажив множество проблем в расследовании, созданных как задержанному, так и самому следователю. Таким образом, следствие было введено в заблуждение как относительно возможностей судебно-психологической экспертизы, так и профессионализма самого эксперта как обладателя «уникальных» знаний» [12].

Подготовка вопросов для эксперта и представление материалов для экспертизы. От качества сформулированных вопросов во многом зависит результат экспертизы. Вопросы должны быть четкими, конкретными и не выходить за пределы компетенции эксперта. Следователь должен избегать навязывающих вопросов и вопросов, требующих правовой оценки. Например, вместо вопроса: «Винен ли несовершеннолетний в совершении преступления?» следует задать вопрос: «Мог ли несовершеннолетний в силу своего психического состояния осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить

ими?». Имеют место факты постановки вопроса о «вменяемости-невменяемости» подозреваемого, обвиняемого («Отдавало ли лицо себе отчет в своих действиях и осознавало их общественную опасность?». Формулировать вопрос о невменяемости необходимо в контексте статьи 21 УК РФ («Осознавало ли лицо фактический характер и общественную опасность своих действий и могло ли ими руководить ...?») [13].

Следователь обязан представить на экспертизу объекты, необходимые для ее проведения. Количество и качество представленных объектов должны обеспечивать эксперту возможность провести полноценное исследование и сформулировать выводы по вопросам, поставленным перед экспертом.

Согласно анализу следственной практики, «при назначении судебно-психиатрических экспертиз следователями не предоставляются экспертам копии акта судебно-медицинского исследования (экспертизы трупа), акты освидетельствования, заключений экспертиз потерпевших, которые необходимы экспертам для ответа на поставленные вопросы» [13. — С. 62].

Несвоевременное предоставление материалов или их отсутствие при проведении судебной экспертизы увеличивает сроки ее выполнения. В делах, касающихся несовершеннолетних, оперативное завершение расследования особенно важно, поскольку затягивание процесса может негативно повлиять на их психологическое состояние.

Оценка заключения эксперта. В российском законодательстве отсутствуют правовые нормы либо регламентированные правила, определяющие данную процедуру.

Следователь должен объективно оценивать заключение эксперта, сопоставляя его с другими материалами дела. В случае возникновения сомнений в обоснованности заключения следователь вправе назначить дополнительную или повторную экспертизу. Важно понимать, что заключение эксперта не является обязательным для следователя, оно должно быть тщательно проанализировано и учтено при принятии решения по делу.

Полагаем, что разработка критериев оценки заключения эксперта, применяемых им методов исследования и научной обоснованности получаемых результатов, формулирование соответствующих норм и их законодательное закрепление применительно к несовершеннолетним позволит избежать ошибок в ходе расследования и вынесения судебного решения.

2) Использование специальных знаний специалистов.

Следователь может использовать специальные знания специалистов при проведении допро-

сов несовершеннолетних. Например, знание особенностей психологии несовершеннолетних позволяет следователю более эффективно устанавливать контакт с допрашиваемым, задавать вопросы в понятной для него форме и выявлять ложные показания. Однако на сегодняшний день законодатель не относит ни психолога, ни педагога к специалистам, в связи с чем на практике возникает ряд проблем по поводу их участия, роли в следственном действии, процессуального статуса и т. д.

Таким образом, использование специальных знаний является важным инструментом расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними. Следователь играет ключевую роль в этом процессе, и от его профессионализма и компетентности во многом зависит успех расследования. Для повышения эффективности использования специальных знаний необходимо постоянно совершенствовать деятельность следователей, обеспечивать им доступ к квалифицированным специалистам, совершенствовать законодательство и разрабатывать методические рекомендации. Только комплексный подход позволит обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, совершивших преступления, а также предупредить совершение ими новых правонарушений.

Нам представляется, что решению обозначенных проблем могут способствовать:

- организация специализированных курсов повышения квалификации следователями по вопросам использования специальных знаний в расследовании преступной деятельности несовершеннолетних;

- включение в программы повышения квалификации следователей практических занятий по работе с экспертами, обучению правильной постановке вопросов и оценке экспертных заключений;

- разработка и внедрение методических рекомендаций и пособий по расследованию преступлений несовершеннолетних, содержащих примеры успешного использования специальных знаний;

- организация обмена опытом между следователями и дознавателями, имеющими успешный опыт использования специальных знаний, в форме конференций, круглых столов и т. д.

Перспективным направлением использования специальных знаний в расследовании преступлений несовершеннолетних, полагаем, является развитие межведомственного взаимодействия между органами следствия и экспертными учреждениями для комплексного подхода к решению проблем преступности несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 // URL: file:///D:/!SAVE/Downloads/Sbornik_Dlya_UOS.pdf
2. Бастрыкин назвал тревожным уровень подростковой преступности в РФ // URL: <https://tass.ru/politika/23596255>
3. Наркотики и экстремизм. Почему подростковая преступность снижается, но число тяжких преступлений растёт // URL: <https://rtvi.com/news>
4. Согласно статистике, в 2024 году 40% преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Таких деяний зарегистрировано на 13,1% больше, чем в 2023 году, в том числе тяжких и особо тяжких составов — на 7,8% // URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/>
5. МВД отметило рост в 74 раза числа киберпреступлений, совершенных подростками // URL: <https://www.interfax.ru/russia/957354>
6. Завгороднева Е. В., Голощапова А. Г. К вопросу о криминализации порнографических глубоких фейков // Российско-Азиатский правовой журнал. — 2025. — № 1. — С. 94.
7. СК сообщил о раскрытии давних преступлений с помощью новых технологий // URL: <https://www.rbc.ru/society/25/07/2024>
8. Протопопов А. Л., Ардашев Р. Г. Вопросы использования специальных знаний в расследовании преступлений : монография. — Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2020. — С. 5.
9. Моисеева Т. Ф. Допустимость использования некоторых видов психологических исследований в рамках судебной экспертизы // Вестник экономической безопасности. — 2018. — № 1. — С. 95—96.
10. О неправомерности определения достоверности показаний путём судебной экспертизы : информационное письмо / С. А. Смирнова, Е. В. Макушкин, А. Я. Аснис [и др.] // Теория и практика судебной экспертизы. — № 3 (43). — 2016. — С. 95—98.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних: допрос несовершеннолетнего, назначение судебно-психиатрической экспертизы: практическое пособие. — СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2023. С. 65—66.
13. Хмелева А. В. Судебная экспертиза на предварительном следствии : научно-практическое пособие. — М. : Юрлитинформ, 2022. — С. 62—63.

REFERENCES

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar' — dekabr' 2023 // URL: file:///D:/!SAVE/Downloads/Sbornik_dlya_UOS.pdf
2. Bastrykin nazval trevozhnym uroven' podrostkovoju prestupnosti v RF // URL: <https://tass.ru/politika/23596255>
3. Narkotiki i ekstremizm. Pochemu podrostkovaya prestupnost' snizhaetsya, no chislo tyazhkih prestuplenij rastet // URL: <https://rtvi.com/news>
4. Soglasno statistike, v 2024 godu 40% prestuplenij byli soversheny s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij. Takih deyanij zaregistrirvano na 13,1% bol'she, chem v 2023 godu, v tom chisle tyazhkih i osobo tyazhkih sostavov — na 7,8% // URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/>
5. MVD otmetilo rost v 74 raza chisla kiberprestuplenij, sovershenykh podrostkami // URL: <https://www.interfax.ru/russia/957354>
6. Zavgorodneva E. V., Goloshchapova A. G. K voprosu o kriminalizacii pornograficheskikh glubokikh fejkov // Rossijsko-Aziatskij pravovoj zhurnal. — 2025. — № 1. — S. 94.
7. SK soobshchil o raskrytii davnih prestuplenij s pomoshch'yu novyh tekhnologij // URL: <https://www.rbc.ru/society/25/07/2024>
8. Protopopov A. L., Ardashev R. G. Voprosy ispol'zovaniya special'nyh znaniy v rassledovanii prestuplenij : monografiya. — Ulan-Ude : Buryatskij gosudarstvennyj universitet, 2020. — S. 5.
9. Moiseeva T. F. Dopustimost' ispol'zovaniya nekotoryh vidov psihologicheskikh issledovanij v ramkah sudebnoj ekspertizy // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. — 2018. — № 1. — S. 95—96.
10. O nepravomernosti opredeleniya dostovernosti pokazanij putyom sudebnoj ekspertizy : informacionnoe pis'mo / S. A. Smirnova, E. V. Makushkin, A. Ya. Asnis [i dr.] // Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy. — № 3 (43). — 2016. — S. 95—98.
11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.06.2021 № 22 // SPS «Konsul'tantPlyus».
12. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij s uchastiem nesovershennoletnih: dopros nesovershennoletnego, naznachenie sudebno-psihiatricheskoy ekspertizy: prakticheskoe posobie. — SPb. : Sankt-Peterburgskaya akademiya

Sledstvennogo komiteta, 2023. S. 65—66.
13. Hmeleva A. V. Sudebnaya ekspertiza na

predvaritel'nom sledstvii : nauchno-prakticheskoe
posobie. — M. : Yurlitinform, 2022. — S. 62—63.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Касьянова Евгения Васильевна. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса.
Воронежский институт МВД России.
E-mail: kasyanova-evgeniya@mail.ru
Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Kasyanova Evgeniya Vasilyevna. Senior lecturer of the chair of Criminal Procedure.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
E-mail: kasyanova-evgeniya@mail.ru
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: несовершеннолетний; подозреваемый (обвиняемый); уголовный процесс; специальные знания; судебная экспертиза.

Key words: minor; suspect (accused); criminal procedure; special knowledge; forensic examination.

УДК 343.1

А. И. Лещев

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СИНТЕЗ МНЕНИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ

MODERN APPROACHES TO JUVENILE CRIME PREVENTION: SYNTHESIS OF OPINIONS AND PERSPECTIVES

В статье анализируется современная ситуация в области профилактики преступлений среди несовершеннолетних в России. Автор акцентирует внимание на сохранении высокого уровня подростковой преступности, и повышенной значимости проблем профилактического плана. Подчеркивается важность интеграции усилий семьи, школы, государства и общества для разработки инновационных подходов. Предлагаются направления для совершенствования системы профилактики: программы цифровой грамотности, вовлечение подростков в социально значимую деятельность и активизация работы с родителями. Статья подчеркивает значимость комплексного подхода для снижения уровня подростковой преступности в условиях современных социальных и цифровых реалий.

The article analyzes the current situation in the field of juvenile crime prevention in Russia. The author focuses on the growth of juvenile delinquency and the lack of effectiveness of existing measures. The importance of integrating the efforts of the family, school, state and society to develop innovative approaches is emphasized. The directions for improving the prevention system are proposed: digital literacy programs, the involvement of adolescents in socially significant activities and the intensification of work with parents. The article highlights the importance of an integrated approach to reducing juvenile delinquency in modern social and digital realities.

Введение. Ситуация в области профилактики преступлений среди несовершеннолетних в России демонстрирует острую необходимость в системной аналитике и комплексном подходе к разрешению возникающих проблемных вопросов. Современные реалии, включающие изменения в общественных и цифровых сферах, усилили необходимость поиска новых решений. Помимо традиционных методов профилактики, включающих воспитательные меры и правоохранные инициативы, требуется применение инновационных стратегий, основанных на междисциплинарных подходах.

Целью исследования является анализ текущего состояния осуществления профилактики подростковой преступности в России, выявление наиболее эффективных методов и выработка перспективных направлений для их развития и совершенствования.

Статистические данные за последние несколько лет свидетельствуют о снижении уровня подростковой преступности. Так, в 2018 г. было зарегистрировано 43 592 преступления, совершенных несовершеннолетними, в 2019 г. — 41 548, в 2020 г. — 37 771, в 2021 г. — 31 865, в 2022 г. — 30 462, в 2023 г. — 22 340 [6]. Но стоит

отметить, что положительная динамика уменьшения количества преступлений обусловлена снижением демографических показателей в стране.

Следует рассмотреть и качественный показатель подростковой преступности. Согласно официальным данным статистики, предоставленным Судебным департаментом в 2023 году, большинство подростков были осуждены за преступления против собственности — 78,6 % (11 557 чел.), на втором месте преступления против здоровья населения и общественной нравственности — 9,3% (1 353 подростка) и на третьем — преступления против жизни и здоровья — 6% (889 подростков). Таким образом, можно сделать вывод о корыстной направленности преступности несовершеннолетних и о повышении степени общественной опасности преступного поведения несовершеннолетних [7]. Важным является то, что при снижении уровня общей преступности несовершеннолетних, ее «ядро» остается неизменным — количество тяжких и особо тяжких преступлений продолжает демонстрировать высокие показатели.

Повышенная степень общественной опасности преступлений, совершаемых подростками, обусловлена длительными последствиями для общества и увеличением роста преступности в

стране. Преступность несовершеннолетних представляет собой не только насущную государственную и общественную проблему, но и стратегическую угрозу безопасности России в будущем [10]. Это связано с тем, что на современном этапе дети и подростки, обладая высокими способностями к адаптации и восприимчивостью, определяют вектор развития государства не несколько лет вперед. По состоянию детской и подростковой преступности уже сейчас можно судить о состоянии всей преступности в перспективе и прогнозировать ее рост или снижение.

Ключевую роль в противоправной деятельности несовершеннолетних играет не только характер совершаемых деяний, особенности и проблемы привлечения к ответственности виновных лиц, но и психофизиологические особенности несовершеннолетнего возраста. Неустойчивость психики, неразвитость физиологического и интеллектуального развития несовершеннолетних обуславливают повышенную общественную опасность преступлений. При этом гормональные изменения приводят к эмоциональной нестабильности и повышенной импульсивности, что может заложить основу для принятия необдуманных решений, включая участие в противоправных действиях. Поскольку жизненная позиция несовершеннолетних еще слабо сформирована, они часто поддаются влиянию со стороны окружающих, несмотря на то, что такое влияние может быть опасным. Так, по данным МВД России за январь 2024 года, в каждом сорок третьем раскрытом преступлении участвовали несовершеннолетние [14].

Несомненно, государство проводит политику, направленную на защиту и охрану детей и подростков (например, 28 февраля 2025 г. были внесены поправки в ст. 150 действующего Уголовного кодекса, где законодателем был выделен новый квалифицированный состав преступления — вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей), а также проводит профилактические мероприятия. Однако приведенные выше показатели указывают на недостаточную эффективность существующих мер и стратегий профилактики противоправных деяний несовершеннолетних, а также свидетельствуют о неспособности правоохранительной системы противостоять повышению общественной опасности деяний, совершаемых несовершеннолетними. В связи с этим считаем целесообразным предложить эффективные методы профилактики преступности несовершеннолетних.

В ходе исследования мы выявили определенные противоречия на современном этапе развития профилактики подростковой преступности.

1. Противоречия между широким спектром профилактических программ и их неоднозначными результатами. Так, несмотря на наличие государственных инициатив и образовательных проектов, качественные показатели подростковой преступности остаются негативными. Профилактика преступности несовершеннолетних в государстве строится на положениях Федерального закона от 23.06.2016 №182-ФЗ. В нем содержатся основные формы профилактического воздействия, такие как: правовое просвещение и правовое информирование, объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, профилактический учет, внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения, профилактический надзор, социальная адаптация, ресоциализация, социальная реабилитация, а также помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми [15].

2. Противоречия между развитием современных технологий и их использованием в криминальной среде. Интернет-платформы, с одной стороны, открывают возможности для общения и обучения, с другой — становятся источниками девиантного поведения и онлайн-угроз. Дети и подростки активно пользуются Интернетом как в образовательных, так и развлекательных целях, а в некоторых случаях — даже для законного заработка. Однако стоит помнить о том, что в условиях активной цифровизации общества преступность все чаще приобретает дистанционный формат. Информационные ресурсы обладают такими признаками, как анонимность пользователей и дистанция между ними, легкость доступа к профилям других людей, распространение информации и контента, оказывающего негативное влияние на психику и поведение подростков, разнообразие методов манипуляции несовершеннолетними, невозможность установления личности преступника, многообразие преступных действий. Все вышеперечисленное обуславливает высокий рост преступлений, совершаемых в цифровой среде в отношении несовершеннолетних.

3. Между высоким потенциалом семейного воспитания и недостаточной вовлеченностью родителей в процесс профилактики. Важность семьи очень высока в становлении каждой личности. Однако зачастую родители не располагают необходимыми знаниями и инструментами для работы с подростками, а также не уделяют детям достаточно внимания. Сюда же стоит отнести и отсутствие контроля над поведением детей

или же противоправное поведение самих родителей, с которых несовершеннолетние берут пример.

4. Между необходимостью психологической поддержки подростков и ограниченностью доступных ресурсов. Эффективная работа в этом направлении требует внедрения как профессиональных кадров, так и инновационных методик.

В результате анализа существующих противоречий можно выделить основную проблему нашего исследования. Ею является недостаточная результативность существующих подходов к профилактике преступлений среди несовершеннолетних, что требует разработки новых, комплексных и адаптированных к современным реалиям стратегий.

Тема профилактики подростковой преступности широко освещена в научной литературе. Ученые выделяют ключевые факторы, которые, по их мнению, влияют на формирование девиантного поведения у несовершеннолетних. Так, в соответствии с указанными факторами всех исследователей можно условно поделить на группы:

1. Группа ученых, изучающих влияние семьи и среды. Например, работы М. М. Миннегалиева акцентируют внимание на роли родителей и образовательных учреждений в формировании позитивного поведения подростков [2]. Действительно, семья занимает важнейшее место в процессе социализации ребенка, поэтому родители, родственники, педагоги должны показывать положительный пример, соблюдая законы и демонстрируя высокие моральные качества. Также в диссертации Я. И. Куриновой отмечается, что отличительными признаками современного общества является ухудшение жизни российских семей и снижение контроля семьей во многих социальных группах, социальное сиротство и как следствие, высокий уровень криминальных проявлений несовершеннолетних. Сохраняется высокий уровень числа родителей, не исполняющих или ненадлежащим образом исполняющих обязанности по воспитанию несовершеннолетних [11].

2. Исследователи, анализирующие цифровую среду. Актуальные исследования В. И. Панова, Н. А. Борисенко, К. В. Мироновой, С. В. Шишковой посвящены вопросам кибербезопасности и влиянию социальных сетей на подростковое поведение [5]. На современном этапе развития общества невозможно представить жизнь без сети Интернет, однако для неустойчивой психики несовершеннолетних она может быть чрезвычайно опасной и повлечь за собой негативные последствия. По мнению Л. С. Голубничей, в развитии законопослушной личности большое значение имеют средства массовой информации, т. к. их многоаспектность и огромные аудитории позволяют оказывать решающее воздействие на подрастающее

поколение. Реклама здорового образа жизни, развивающие, интеллектуальные передачи для детей в совокупности со строгим контролем над информацией, в которой содержатся жестокость, насилие; формирование правильного представления о преступности; утверждение ненасильственных альтернатив средствами массовой информации будут способствовать пресечению развития девиантного поведения у несовершеннолетних [12].

3. Психологи и социологи. Труды Т. Д. Марцинковской выделяют важность психоэмоционального благополучия подростков и необходимости работы с их эмоциональным интеллектом [1]. Поэтому представляется необходимым уделять больше внимания эмоциональному состоянию подростков, организовывая работу с педагогами и психологами. Это представляется важным, так как отрицательные свойства личности несовершеннолетнего преступника формируются постепенно и задолго до совершения преступного деяния. Поэтому сегодня как никогда актуальна проблема установления и оценки причин и внутренних механизмов, побудительных мотивов такого поведения подростка [13].

Таким образом, можно выделить ряд факторов, влияющих на формирование девиантного поведения у несовершеннолетних. Исследователи относят к ним негативное влияние семьи и ближайшего окружения, опасную информацию и призывы в цифровой среде, а также неустойчивое эмоциональное состояние подростка.

Значимость проблемы и ключевые вызовы. Согласно статистике правоохранительных органов, значительная доля противоправных действий подростков связана с кражами, хулиганством, участием в преступных группировках и киберпреступлениями. Все это обусловлено влиянием ряда отмеченных нами факторов. В сложившейся ситуации высока сложность профилактической работы, так как причины и условия девиантного поведения очень разнообразны и многогранны.

Преступность несовершеннолетних обладает высокой общественной опасностью. По мнению В. А. Лелекова, молодежная преступность предопределяет состояние преступности в целом: в текущий период и дальней перспективе. Она постоянно видоизменяется под воздействием динамично меняющихся общественных отношений, социально-экономических, политических, нравственно-этических, этнических условий [8].

Для эффективного решения проблемы необходимо интегрировать усилия образовательных учреждений, социальных служб, правоохранительных органов, родителей и общественных организаций. Лишь объединив все способы борьбы

с подростковой преступностью, можно разработать эффективную систему мер профилактики.

Семья как фундамент профилактики. Роль семьи в профилактике подростковой преступности трудно переоценить. Исследования М. М. Миннегалиева подтверждают, что атмосфера в семье во многом определяет моральное и социальное развитие подростка [2]. Недостаток внимания со стороны родителей, неблагоприятная обстановка или низкий уровень родительской компетенции создают предпосылки для формирования девиантных моделей поведения.

Для улучшения ситуации предлагается проведение программ для родителей, направленных на повышение их знаний о воспитательных методах. Регулярные семинары, тренинги и консультации могут помочь родителям осознать важность их роли и освоить навыки взаимодействия с детьми. Кроме того, введение семейных психологических консультаций на базе образовательных учреждений или местных сообществ может стать действенной мерой в профилактике проблем поведения.

Школа как ключевой институт профилактики. Образовательные учреждения выполняют важную функцию в социализации подростков. Однако современные школы не всегда располагают достаточными ресурсами для качественного выполнения этой задачи. Как отмечает Т.Д. Марцинковская, тесное сотрудничество между школами и семьями способно повысить эффективность профилактической работы [1].

Рекомендации включают внедрение комплексных программ, объединяющих педагогов, родителей и самих подростков. Например, организация тренингов, направленных на развитие у подростков навыков самоконтроля, может помочь снизить уровень агрессии и конфликтности. Важно также усилить внимание к внеклассной работе: кружки, спортивные секции и студии творчества могут стать инструментами для привлечения подростков к конструктивным формам деятельности.

Цифровая среда: вызовы и возможности. Интернет и социальные сети занимают значительное место в жизни современной молодежи. В то же время цифровая среда становится пространством, где подростки сталкиваются с рисками: кибербуллинг, экстремистской пропагандой, вовлечением в незаконные действия.

Работы В. И. Панова показывают, что программы по развитию цифровой грамотности должны стать обязательной частью образовательного процесса [5]. Такие программы должны включать уроки по критическому восприятию информации, правила безопасного поведения в интернете и основы защиты персональных данных.

Привлечение к разработке и реализации этих программ IT-специалистов, психологов и педагогов позволит создать эффективные и адаптированные к потребностям подростков курсы.

Родители в силу отсутствия знаний в области интернет-безопасности зачастую не проводят достаточную профилактическую и воспитательную работу со своими детьми. Незнание основных принципов и недостаточная осведомленность о возможных угрозах делают подростков уязвимыми к манипуляциям и воздействиям со стороны злоумышленников. Не обладая информацией об угрозах в интернет-пространстве, подростки могут даже не осознавать, что стали жертвой преступления. Это может привести к латентности данного вида преступлений.

По нашему мнению, процесс приобщения родителей и педагогов к формированию здоровой интернет-культуры приобретает в настоящее время большую значимость, так как может значительно снизить риски вовлечения подростков в преступные действия в сети. Стоит помнить о том, что современные технологии развиваются очень быстро и вместе с ними появляются новые угрозы. Необходимо постоянно обновлять знания и накопленный опыт как у родителей, так и у детей.

Психоэмоциональное здоровье подростков. Эмоциональное благополучие подростков играет ключевую роль в формировании их поведенческих стратегий. По данным Т. А. Мицык, высокий уровень стресса, конфликтные ситуации и эмоциональная изоляция являются одними из главных триггеров девиантного поведения [3]. При этом подростки, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, нередко сталкиваются с социальным отчуждением, что становится катализатором криминогенного поведения.

Для устранения этих проблем в школах могут быть внедрены программы по развитию эмоционального интеллекта, включающие занятия по медитации, арт-терапии и групповые тренинги. Такие подходы не только помогли бы подросткам справляться с негативными эмоциями, но и способствовали укреплению их социальной и психологической устойчивости.

Для молодежи важно также развивать социальные и эмоциональные навыки, которые помогут эффективно справляться с негативными ситуациями, такими как, например, буллинг. Образовательные учреждения могут играть ключевую роль в этом процессе.

Законодательное регулирование и социальное партнерство. Эффективная профилактика подростковой преступности невозможна без надежной законодательной базы. Совершенствование законов, регулирующих интернет-контент,

ужесточение мер противодействия киберпреступности и создание механизмов быстрого реагирования на угрозы являются важными шагами в данном направлении.

Большую роль играют общественные организации, фонды и волонтерские движения, которые способствуют вовлечению подростков в социально значимые проекты. Участие в волонтерских и культурных мероприятиях позволяет молодым людям почувствовать свою значимость, развить лидерские качества и найти позитивные альтернативы девиантному поведению.

Региональные подходы к профилактике. Успешность профилактики во многом зависит от учета особенностей той или иной местности. Нам представляется целесообразным применять все методы профилактики преступности несовершеннолетних в комплексе, однако учитывая объем возможностей, которые могут быть реализованы. Так, в сельской местности акцент может быть сделан на создание доступных центров досуга и спортивных площадок. В городах, напротив, ключевыми задачами становятся профилактика киберпреступлений, а также проведение каких-либо массовых мероприятий. Примером успешной региональной инициативы может служить создание подростковых центров, где молодежь получает возможность участвовать в социальных, культурных и экологических проектах. Такие центры могут также предлагать профессиональную помощь психологов, юристов и социальных работников.

Роль медиа в профилактике. Медиаресурсы обладают значительным потенциалом в формировании ценностей подростков. Создание информационных кампаний, направленных на популяризацию здорового образа жизни, семейных ценностей и успешных примеров социальной адаптации, может существенно снизить уровень подростковой преступности.

Интерактивные форматы, такие как челленджи, конкурсы и квизы, способны привлечь внимание молодежи и повысить интерес к профилактическим программам.

Роль многоуровневой поддержки подростков. Эффективная профилактика преступлений требует создания системы многоуровневой поддержки подростков, которая должна охватывать три ключевых направления: индивидуальную, групповую и общественную работу.

Индивидуальная работа включает консультации с психологами, социальными педагогами и юристами. Например, подростки, столкнувшиеся с трудностями в семье или школе, могут получить

персонализированную помощь, направленную на преодоление кризисных ситуаций.

Групповая работа подразумевает создание подростковых клубов, групп самопомощи и тренингов, где молодые люди могут делиться своими проблемами и искать пути их решения в безопасной среде. Исследования показывают, что участие в таких группах помогает снизить уровень изоляции и улучшить социальные навыки подростков.

Общественная работа фокусируется на организации мероприятий, вовлекающих подростков в социальную жизнь. Это могут быть экологические проекты, городские субботники, фестивали, образовательные ярмарки и другие виды активности, способствующие формированию у подростков чувства принадлежности к сообществу.

Перспективы межведомственного взаимодействия. Ключевой задачей в профилактике подростковой преступности является усиление межведомственного взаимодействия. Это сотрудничество должно включать образовательные учреждения, правоохранительные органы, органы опеки и попечительства, медицинские организации, общественные объединения и религиозные структуры. Каждый из участников может внести вклад в создание среды, которая минимизирует вероятность девиантного поведения.

Для координации действий необходимы единые платформы или центры, обеспечивающие обмен информацией между различными структурами. Это могут быть, например, региональные центры профилактики подростковой преступности, которые займутся мониторингом ситуации, анализом проблемных тенденций и разработкой целевых программ.

Выводы. Современная профилактика преступлений среди несовершеннолетних в России должна основываться на комплексном подходе, объединяющем традиционные меры с инновационными решениями.

Ключевыми направлениями являются:

Разработка программ цифровой грамотности.

Создание региональных центров профилактики.

Внедрение программ эмоционального развития.

Активизация работы с родителями.

Привлечение подростков к социально значимой деятельности.

Только через интеграцию усилий семьи, школы, государства и общественных организаций возможно создать безопасные условия для гармоничного развития молодежи и снизить уровень преступности среди несовершеннолетних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марцинковская Т. Д. Психология подростка в ответ на вызовы современности: сплав традиций и инноваций // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2022. — Вып. 15, № 3. — С. 187—197.
2. Миннегалиев М. М. Роль семейного воспитания в профилактике девиантного поведения подростков // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки, — 2012. — № 7. — С. 213—218.
3. Мицык Т. А. Девиантное поведение подростков как следствие неблагополучного взросления // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири, 2016. — № 2. — С. 125—139.
4. Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р (ред. от 18.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Поведение подростков в цифровой образовательной среде: к определению понятий и постановке проблемы В. И. Панов, Н. А. Борисенко, К. В. Миронова, С. В. Шишкова // Известия Саратовского университета. Серия : Акмеология образования. Психология развития.— 2021. — Вып. 10, № 3 (39). — С. 188—196.
6. Характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 года. — URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 10.03.2025).
7. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 10.03.2025).
8. Лелеков В. А., Бородин А. Д. Преступность и молодежь // Вестник Воронежского института МВД России. — 2022. — № 1. — С. 88—95.
9. Баженов А. В. Социально-психологические детерминанты формирования личности несовершеннолетнего преступника (Криминологический аспект) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание
- ученой степени кандидата юридических наук / Баженов Александр Владимирович. — Санкт-Петербург, 1999. — 189 с.
10. Попандопуло В. В. Преступность несовершеннолетних: состояние, функции, последствия, социальный контроль : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Попандопуло Василий Васильевич. — Краснодар, 2007. — 23 с.
11. Куринова Я. И. Современная преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и предупреждение: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Куринова Яна Игоревна.— Ростов-на-Дону, 2011. — 227 с.
12. Голубничая Л. С. Преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и проблемы предупреждения: по материалам Дальневосточного федерального округа : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Голубничая Любовь Сергеевна. — Владивосток, 2011. — 218 с.
13. Рудь В. Г. Современная насильственная преступность несовершеннолетних: криминологическая характеристика и предупреждение : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Рудь Всеволод Георгиевич. — Ростов-на-Дону. — 202 с.
14. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/49477631/> (дата обращения 28.03.2025)
15. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2016. — № 26. — Ст. 3851.

REFERENCES

1. Marcinkovskaya T. D. Psihologiya podrostka v otvet na vyzovy sovremennosti: splav traditsij i innovacij // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya. — 2022. — Vyp. 15, № 3. — S. 187—197.
2. Minnegaliev M. M. Rol' semejnogo vospitaniya v profilaktike deviantnogo povedeniya podrostkov // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya : Gumanitarnye nauki. — 2012. — № 7. — S. 213—218.
3. Micyk T. A. Deviantnoe povedenie podrostkov kak sledstvie neblagopoluchnogo vzrosleniya // Vestnik po pedagogike i psihologii Yuzhnoj Sibiri. — 2016. — № 2. — S. 125—139.

4. Konceptiya razvitiya sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih na period do 2025 goda : rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 22.03.2017 № 520-r (red. ot 18.03.2021) // SPS «Konsul'tantPlyus».

5. Povedenie podrostkov v cifrovoj obrazovatel'noj srede: k opredeleniyu ponyatij i postanovke problemy V. I. Panov, N. A. Borisenko, K. V. Mironova, S. V. Shishkova // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya : Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya. — 2021.— Vyp. 10, № 3 (39). — S. 188—196.

6. Harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' — dekabr' 2023 goda. — URL: <https://mvd.rf/reports/1/> (data obrashcheniya: 10.03.2025).

7. Otchet ob osuzhdennyh, sovershivshih prestupleniya v nesovershennoletnem vozraste, za 2023 god // Sudebnij departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii: [sajt]. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (data obrashcheniya: 10.03.2025).

8. Lelekov V. A., Borodin A. D. Prestupnost' i molodezh' // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2022. — №1. — S. 88—95.

9. Bazhenov A. V. Social'no-psihologicheskie determinanty formirovaniya lichnosti nesovershennoletnego prestupnika (Kriminologicheskij aspekt) : special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Bazhenov Aleksandr Vladimirovich. — Sankt-Peterburg, 1999. — 189 s.

10. Popandopulo V. V. Prestupnost' nesovershennoletnih: sostoyanie, funkcii, posledstviya, social'nyj kontrol' : special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-

ispolnitel'noe pravo» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Popandopulo Vasilij Vasil'evich. — Krasnodar, 2007. — 23 s.

11. Kurinova Ya. I. Sovremennaya prestupnost' nesovershennoletnih: kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Kurinova Yana Igorevna.— Rostov-na-Donu, 2011. — 227 s.

12. Golubnichaya L. S. Prestupnost' nesovershennoletnih: kriminologicheskaya harakteristika i problemy preduprezhdeniya: po materialam Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga : special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Golubnichaya Lyubov' Sergeevna. — Vladivostok, 2011. — 218 s.

13. Rud' V. G. Sovremennaya nasil'stvennaya prestupnost' nesovershennoletnih: kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie : special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo» : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Rud' Vsevolod Georgievich. — Rostov-na-Donu. — 202 s.

14. Oficial'nyj sayt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. — URL: <https://xn--b1aew.xn-p1ai/reports/item/49477631/> (data obrashcheniya 28.03.2025)

15. Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 23.06.2016 № 182-FZ // Sobr. zakonodatel'stva RF. — 2016. — № 26. — St. 3851.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лещев Александр Игоревич. Преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки. Воронежский институт МВД России.
E-mail: sanya.leshchev.88@mail.ru
Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Leshchev Alexander Igorevich. Lecturer of the chair of Tactical and Special Training. Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
E-mail: sanya.leshchev.88@mail.ru
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: подростковая преступность; профилактика преступлений; девиантное поведение несовершеннолетних.

Key words: juvenile delinquency; crime prevention; deviant behavior of minors.

УДК 343.9

Н. М. Магарламов, адъюнкт

ВОЗРАЖЕНИЕ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

OBJECTION AS A FORM OF EXPRESSION OF OPINION OF A PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Уголовное судопроизводство представляет собой сложный правовой механизм, в рамках которого взаимодействуют различные участники, обладающие правами и обязанностями. Одним из ключевых инструментов, обеспечивающих активное участие сторон в процессе и защиту их интересов, является возражение. Возражение в уголовном процессе можно рассматривать как официальное выражение несогласия с действиями, решениями или доказательствами, представленными в ходе судебного разбирательства. Данный институт играет важную роль в реализации принципов состязательности, равноправия сторон и законности.

Статья посвящена анализу возражения как формы выражения мнения участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Рассматриваются правовые основы института возражений, их виды, процедура заявления, а также значение для обеспечения прав участников процесса. Особое внимание уделено анализу судебной практики, сравнению с зарубежным опытом и выявлению проблем, связанных с реализацией права на возражение. Предложены пути совершенствования данного института в контексте повышения эффективности и справедливости уголовного судопроизводства.

Criminal proceedings are a complex legal mechanism in which various participants with rights and obligations interact. One of the key tools that ensure the active participation of the parties in the process and the protection of their interests is the objection. Objection in criminal proceedings can be considered as a formal expression of disagreement with the actions, decisions or evidence presented during the trial. This institution plays an important role in the realization of the principles of adversarial proceedings, equality of arms and legality.

The article is devoted to the analysis of objection as a form of expression of opinion of a participant of criminal proceedings in the Russian Federation. The legal foundations of the institute of objections, their types, the procedure of statement, as well as the importance for ensuring the rights of participants in the process are considered. Particular attention is paid to the analysis of judicial practice, comparison with foreign experience and identification of problems associated with the implementation of the right to object. The ways of improving this institute in the context of improving the efficiency and fairness of criminal proceedings are proposed.

Уголовно-процессуальное право регулирует порядок рассмотрения уголовных дел, обеспечивая баланс между достижением справедливости и защитой прав всех участников процесса. Важным элементом этого механизма является возможность участников, таких как обвиняемые, потерпевшие и свидетели, выражать свое мнение и оспаривать действия, которые, по их мнению, нарушают установленные нормы или ущемляют их интересы. Одним из главных инструментов такого выражения является возражение.

Возражение представляет собой формальное заявление, чаще всего сделанное через адвоката, которым участник процесса выражает несогласие с определенным действием, утверждением или доказательством, представленным в ходе судебного разбирательства. Данный инструмент позволяет не только сигнализировать суду о возможных нарушениях, но и защищать права

участников, обеспечивая соблюдение принципов законности и справедливости.

Значение возражений в уголовном процессе трудно переоценить. Они выходят за рамки простых формальностей, становясь неотъемлемой частью системы, направленной на предотвращение судебных ошибок и обеспечение беспристрастности разбирательства. Возражения дают участникам возможность активно участвовать в процессе, внося свой вклад в установление истины и защиту собственных прав.

Возражение в уголовном судопроизводстве — это официально заявленный протест, который участник процесса, как правило, через своего представителя, направляет против конкретного действия, высказывания или доказательства. Цель возражения заключается в том, чтобы привлечь внимание суда к предполагаемому нарушению правовых норм и предотвратить использование

недопустимых методов или материалов в процессе.

Правовая основа возражений закреплена в нормативных правовых актах и подкреплена судебной практикой. В Российской Федерации, например, нормы, регулирующие порядок заявления возражений, содержатся в Уголовно-процессуальном кодексе (далее — УПК РФ). Так, например, статья 243 УПК РФ предусматривает занесение в протокол судебного заседания возражения любого участника судебного разбирательства против действий председательствующего. Кроме того, право на возражение вытекает из конституционного принципа состязательности и равенства сторон, закрепленного в статье 45 Конституции РФ, которая гарантирует государственную защиту прав и свобод человека. Это подчеркивает универсальность института возражений как инструмента защиты прав участников процесса.

Возражения в уголовном судопроизводстве можно классифицировать в зависимости от их объекта и цели. Рассмотрим основные категории:

1. Процессуальные возражения: такие возражения направлены на оспаривание порядка проведения судебного разбирательства. Например, сторона может возразить против подсудности дела данному суду, состава присяжных заседателей или нарушения сроков рассмотрения дела.

Процессуальные возражения обеспечивают соблюдение установленных норм и процедур, предотвращая произвол в ходе разбирательства.

2. Возражения против доказательств: данный вид возражений касается допустимости и законности представленных доказательств. Участники могут оспаривать доказательства на основании их неотности, получения с нарушением закона или недостоверности. Например, в соответствии со статьей 75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением закона, признаются недопустимыми, что дает сторонам право заявить соответствующее возражение.

3. Возражения против судебных решений: участники процесса могут выражать несогласие с промежуточными решениями суда, такими как допуск или исключение доказательств, продление сроков содержания под стражей или наложение санкций. Такие возражения фиксируются в протоколе судебного заседания и могут стать основой для апелляционного обжалования [1].

4. Возражения против показаний свидетелей: данные возражения возникают, когда сторона считает, что свидетельские показания ненадлежащим образом влияют на процесс. Например, можно возразить против наводящих вопросов, предположений свидетеля или показаний, выходящих за пределы его компетенции. Такие меры

помогают сохранить объективность свидетельских показаний.

Возражения выполняют ключевую функцию в обеспечении прав личности — деятельности, без которой не может обходиться современный уголовный процесс, на что ученые не раз обращали внимание [2. — С. 224; 3. — С. 127—130]. Кроме того, возражение является и средством, используемым для реализации другого вида деятельности — защиты, которой посвящены многие исследования [4. — С. 48, 49]. Так, для обвиняемого возражение является инструментом защиты от необоснованных обвинений и использования недопустимых доказательств. Например, возражение против протокола допроса, составленного с нарушением права на защиту, может привести к исключению этого документа из дела.

Потерпевшим и свидетелям возражения позволяют отстаивать свои интересы, включая право на конфиденциальность и защиту от давления. Потерпевший может, например, возразить против разглашения своих персональных данных в открытом судебном заседании, ссылаясь на статью 166 УПК РФ, которая регулирует порядок ведения протокола.

Одной из важнейших функций возражений является участие в реализации права на обжалование, «потребность в которой может не раз возникнуть в ходе производства по делу» [5. — С. 34]. В российской практике, как и во многих других правовых системах, вопрос должен быть поднят в суде первой инстанции, чтобы затем он мог быть рассмотрен в апелляционном порядке. Если сторона не заявит возражение в нужный момент, она рискует утратить возможность оспорить решение на более высокой инстанции.

Возражения также подчеркивают состязательный характер уголовного процесса. Они позволяют сторонам активно участвовать в разбирательстве, проверять доводы и доказательства противоположной стороны, что способствует более точному установлению истины.

Эффективность возражений зависит от ряда практических условий:

- возражения должны заявляться немедленно после возникновения спорной ситуации. Согласно статье 271 УПК РФ, сторона вправе возражать против вопросов в ходе допроса, но промедление может быть расценено как согласие с действиями суда или другой стороны;

- возражение должно быть четко сформулировано с указанием конкретной правовой нормы, которая, по мнению заявителя, была нарушена. Например, при оспаривании доказательства сторона обязана сослаться на статью 75 УПК РФ и обосновать, почему оно недопустимо;

- заявление возражения требует стратегического подхода. Иногда возражение может привлечь дополнительное внимание к спорному моменту, что потенциально способно повлиять на восприятие присяжных или судьи. Защитники нередко взвешивают, стоит ли рисковать, заявляя возражение, или лучше воздержаться, чтобы не усугубить ситуацию.

Процедура заявления возражений в уголовном процессе строго регламентирована УПК РФ. Возражение может быть подано в устной или письменной форме, однако письменная форма предпочтительна для фиксации позиции заявителя и последующего обжалования.

Судебная практика демонстрирует, как возражения могут менять ход дела. В Постановлении Пленума Верховного Суда от 27 июня 2013 года № 19 подчеркивается, что своевременное возражение против использования доказательств, полученных с нарушением закона, является обязанностью стороны защиты [6. — С. 34]. Это подтверждает, что возражения — это не просто право, но и ответственность участников процесса.

Возражения играют ключевую роль в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства. Они позволяют:

- защищать законные интересы сторон;
- оспаривать незаконные или необоснованные действия и решения;
- влиять на ход судебного разбирательства;
- обеспечивать соблюдение принципа состязательности.

Возражения играют центральную роль в обеспечении уголовно-процессуальной справедливости, которая «исходит из признания равенства между людьми» [7. — С. 34].

Они позволяют выявлять и устранять ошибки, допущенные в ходе следствия или судебного разбирательства, будь то нарушение процессуальных норм или использование сомнительных доказательств. Без этого инструмента

процесс рискует стать односторонним, что подрывает принцип равенства сторон.

Кроме того, возражения способствуют прозрачности судебного процесса — свойства, которому ученые уделяют повышенное внимание [8. — С. 561]. Когда стороны активно оспаривают действия друг друга, это вынуждает суд дополнительно обосновывать свои решения, что повышает их качество и снижает вероятность произвола.

Возражения являются неотъемлемой частью уголовного судопроизводства, предоставляя участникам возможность выразить свое мнение и защищать свои права. Они служат инструментом борьбы с процессуальными нарушениями, недопустимыми доказательствами и ошибочными решениями, обеспечивая тем самым справедливость и законность судебного процесса.

Значение возражений выходит за рамки конкретных дел: они поддерживают основы правового государства и укрепляют доверие общества к системе правосудия. Умение грамотно заявлять и обосновывать возражения становится важной задачей для участников процесса, а обязанностью суда является тщательное рассмотрение и реагирование на них.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с анализом практики применения возражений в различных правовых системах, а также с разработкой предложений по совершенствованию этого института. Например, стоит рассмотреть возможность упрощения процедуры заявления возражений для лиц, не обладающих юридическими знаниями, или внедрения новых технологий для фиксации и анализа возражений в судебных заседаниях.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что возражения представляют собой не только процессуальный механизм, но и выражение активной позиции участников, стремящихся к справедливости. Они остаются важным элементом в системе уголовного правосудия, способствуя достижению истины и защите прав человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведева Е. С. Возражения на действия председательствующего в уголовном процессе // Современные проблемы юридической науки : материалы XVII Международной научно-практической конференции молодых исследователей, Челябинск, 22—23 апреля 2021 года. — Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2021. — С. 397—399.

2. Насонов А. А. Меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые к лицу, за-

прашиваемому к выдаче для уголовного преследования // Вестник Воронежского института МВД России. — 2017. — № 1. — С. 221—225.

3. Насонов А. А. Уголовно-процессуальные функции и полномочия прокурора как факторы, определяющие специфику прокурорского надзора в досудебном производстве // Вестник Удмуртского университета. Серия : Экономика и право. — 2021. — Т. 31. — № 1. — С. 124—132.

4. Насонова И. А., Зотова М. В. Протокольная форма досудебной подготовки материалов как базовая модель для дознания в сокращенной форме // Вестник Воронежского института МВД России. — 2017. — № 2. — С. 47—53.

5. Насонова И. А. Ходатайства, жалобы, отводы: сходства и различия // Вестник Воронежского института МВД России. — 2011. — № 1. — С. 34—38.

6. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // СПС

«КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2025).

7. Насонова И. А. Равенство граждан перед законом и судом как условие реализации справедливости в уголовном судопроизводстве // Российский судья. — 2013. — № 5. — С. 34—36.

8. Насонов А. А., Малеева Р. Ю. О необходимости расширения границ электронного документооборота в уголовном судопроизводстве России, включая распространение электронной формы на процедуру согласования процессуальных действий и решений // Вестник Удмуртского университета. Серия : Экономика и право. — 2020. — Т. 30. — № 4. — С. 561—567.

REFERENCES

1. Medvedeva E. S. Vozrazheniya na dejstviya predsedatel'stvuyushchego v уголовном процессе // Sovremennye problemy yuridicheskoy nauki : materialy XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh issledovatelej, Chelyabinsk, 22—23 aprelya 2021 goda. — Chelyabinsk : Yuzhno-Ural'skij gosudarstvennyj universitet, 2021. — S. 397—399.

2. Nasonov A. A. Mery ugolovno-processual'nogo prinuzhdeniya, primenyaemye k licu, zaprashivaemomu k vydache dlya ugolovnogo presledovaniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2017. — № 1. — S. 221—225.

3. Nasonov A. A. Ugolovno-processual'nye funkcii i polnomochiya prokurora kak faktory, opredelyayushchie specifiku prokurorskogo nadzora v dosudebnom proizvodstve // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya : Ekonomika i pravo. — 2021. — Т. 31. — № 1. — S. 124—132.

4. Nasonova I. A., Zotova M. V. Protokol'naya forma dosudebnoj podgotovki materialov kak bazovaya model' dlya doznaniya v sokrashchennoj

forme // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2017. — № 2. — S. 47—53.

5. Nasonova I. A. Hodatajstva, zhaloby, otvody: skhodstva i razlichiya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2011. — № 1. — S. 34—38.

6. O primeneni sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.06.2013 № 19 (red. ot 29.11.2016) // SPS «Kon-sultantPlyus» (data obrashcheniya: 25.05.2025).

7. Nasonova I. A. Ravenstvo grazhdan pered zakonom i sudom kak uslovie realizacii spravedlivosti v уголовном судопроизводстве // Rossijskij sud'ya. — 2013. — № 5. — S. 34—36.

8. Nasonov A. A., Malueva R. Yu. O neobходимости rasshireniya granic elektronno go dokumentooborota v уголовном судопроизводстве Rossii, vkluychaya rasprostranenie elektronnoj formy na proceduru soglasovaniya processual'nyh dejstvij i reshenij // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya : Ekonomika i pravo. — 2020. — Т. 30. — № 4. — S. 561—567.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Магарламов Нурал Муталим-оглы. Адъюнкт.
Воронежский институт МВД России.
E-mail: nural.magarlamov@yandex.ru
Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Magarlamov Nural Mutalim-ogly. Post-graduate cadet.
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
E-mail: nural.magarlamov@yandex.ru
Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: возражение; уголовный процесс; права участников; состязательность сторон; равенство; судебное заседание.

Key words: objection; criminal procedure; rights of participants; adversarial nature of parties; equality; court session.

А. В. Шипулин

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

THE MAIN DIRECTIONS OF MANAGEMENT SYSTEM IMPROVEMENT NON-DEPARTMENTAL SECURITY UNITS OF THE NATIONAL GUARD OF RUSSIAN

В статье проанализированы тенденции совершенствования управления подразделениями вневедомственной охраны (в системе МВД России и Росгвардии). Изучено текущее состояние существующей системы управления. Рассмотрены и обобщены имеющиеся проблемные вопросы. Предложены приоритетные направления развития данных подразделений, в том числе создание единой системы взаимодействия с МВД России и субъектами охранной деятельности.

The article analyzes the trends in the development of areas for improving the management system of non-departmental units (in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Rosgvardiya). The current state of the existing management system has been studied. The existing problematic issues are considered and summarized. Priority directions for the development of these units are proposed, including the creation of a unified system of interaction with the Ministry of Internal Affairs of Russia and security entities.

Подразделения вневедомственной охраны как отдельное структурное подразделение созданы в системе правоохранительных органов нашей страны в 1952 году. На всех этапах своего существования они всегда играли важную роль в обеспечении общественной безопасности, защите прав и свобод граждан, охране объектов различных форм собственности. За более чем 70-летнюю историю подразделения вневедомственной охраны неоднократно подвергались реформированию, в рамках которых в разные периоды времени разрабатывались концепции развития данной службы [8, 9, 10].

При этом на каждом историческом этапе развития выбирались приоритетные направления совершенствования с учетом складывающихся на тот момент социально-экономических, криминальных и политических факторов. Тем не менее основной целью, на которую были направлены все концепции развития, являлось повышение эффективности государственной политики в области обеспечения имущественной безопасности, охраны общественного порядка и общественной безопасности.

В концепциях отражается ряд основополагающих положений, имеющих значение для складывающейся на тот период ситуации.

Во-первых, определяется место вневедомственной охраны в сфере безопасности. И если в

первой концепции 1996 года частные охранные организации практически не упоминаются, то в последующих стратегических документах им уделяется все больше внимания, а в последней они называются уже «конкурентами для подразделений вневедомственной охраны». С учетом этого, а также в целях разграничения полномочий между субъектами охранной деятельности утверждаются Перечень объектов, на которые частная охранный деятельность не распространяется [3], а также Перечень объектов, подлежащих обязательной охране подразделениями вневедомственной охраны [6, 7]. Вместе с тем можно отметить, что в настоящий момент само рассмотрение частных охранных организаций в качестве «конкурентов» не соответствует государственному подходу к организации частно-государственного партнерства [12, 14], осуществляемого с целью объединения возможностей всех субъектов обеспечения безопасности.

Во-вторых, в связи с увеличением угроз, связанных с проявлением терроризма, смещаются акценты на организацию деятельности по противодействию данным преступлениям. Необходимость и приоритетность данной задачи отражены в возложении на вневедомственную охрану полномочий по инспектированию юридических лиц с особыми уставными задачами и контрольных функций по организации безопасности объектов

топливно-энергетического комплекса (позже переданных в отделы государственного контроля территориальных органов Росгвардии), а также возникновении вышеобозначенных перечней объектов, подлежащих охране, осуществлении деятельности по обеспечению безопасности высших должностных лиц. Особо отмечается имеющееся в концепциях смещение акцентов внимания к деятельности, связанной с необходимостью усиления контроля за антитеррористической защищенностью объектов различных категорий. Поэтому в современных условиях особо актуальным является повышение эффективности принимаемых государством мер по противодействию терроризму, выражающееся в том числе и в возложении дополнительных функций и полномочий на подразделения вневедомственной охраны.

Третья тенденция совершенствования деятельности подразделений вневедомственной охраны прослеживается в усилении роли технических средств безопасности в системах охраны. Так, на сегодняшний день без них невозможно представить организацию охраны ни одного объекта. К сожалению, несмотря на важность использования надежных технических средств безопасности в Российской Федерации, на сегодняшний день отменена их обязательная сертификация (за исключением технических средств обеспечения транспортной безопасности), а также лицензирование работ по осуществлению проектно-монтажной деятельности и обслуживанию технических средств безопасности.

При этом в каждой из рассмотренных концепций звучит необходимость реализации единой технической политики в области охраны объектов и иного имущества. Следует иметь в виду, что документа, определяющего основные положения обозначенной политики, никогда не существовало, и лишь в 2023 году в отношении деятельности подразделений вневедомственной охраны было издано соответствующее распоряжение [11].

Со временем из концепций пропадает «фирменный (или комплексный) подход к оказанию охранных услуг» [8], что обусловлено исключением из полномочий вневедомственной охраны функций по осуществлению проектно-монтажной деятельности и обслуживанию технических средств безопасности [4]. Также из приоритетов деятельности исчезает «клиентоориентированный», индивидуальный подход к работе с собственниками охраняемых объектов [9].

В-четвертых, в каждой концепции отмечается необходимость совершенствования оказываемых охранных услуг и расширения их спектра. Необходимо отметить, что в разные периоды суще-

ствования вневедомственной охраны оказываемый спектр услуг в целом оставался неизменным (объекты и места проживания и хранения имущества граждан). Изменения коснулись в основном дополнительных услуг (при передаче функций по осуществлению проектно-монтажных работ и обслуживанию технических средств), а также уменьшения количества объектов, охраняемых путем выставления физических постов, после сокращения личного состава в 2005 и 2014 годах.

В последнее десятилетие наблюдается широкое использование услуги по охране объектов с привлечением мониторинговых компаний, путем реагирования на поступающие от них сигналы «Тревога». Это также объясняется ранее обозначенным государственным подходом к объединению усилий частных охранных организаций с государственными структурами в сфере обеспечения безопасности. Также наблюдается увеличение количества охраняемых автотранспортных средств, и если ранее эта услуга использовалась для охраны непосредственно автотранспорта от угона, то в настоящее время наиболее востребованы кнопки экстренного вызова нарядов полиции.

Помимо этого в деятельности подразделений появляются полномочия по обеспечению безопасности высших должностных лиц. Эта функция законодательно закреплена за войсками национальной гвардии [1] с 2018 года. Между тем фактически такая деятельность уже осуществлялась с начала 90-х годов путем заключения договора на охрану документов (или имущества), находящихся у должностного лица.

Тенденция необходимости обеспечения личной безопасности подтверждается увеличением с 2006 года на 10% количества объектов, охраняемых с помощью тревожной сигнализации путем реагирования на поступающие сигналы «Тревога», от общего объема оказываемых охранных услуг. Все это подтверждает смещение акцентов в охранный деятельности на обеспечение безопасности жизни и здоровья физических лиц. Несмотря на отсутствие прямого указания на это в договорах, вызов нарядов полиции по данному виду договоров на охрану не всегда связан с угрозами охраняемому имуществу, а больше направлен на защиту жизни и здоровья клиентов.

В настоящее время для подразделений вневедомственной охраны сложился и нормативно закреплена такой подход, при котором предметом договора охраны не могут выступать охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, защита жизни и здоровья. Несомненно, в таких договорах отсутствует возможность оценить возможный ущерб, а также

обеспечить гарантированное исполнение обязательств. Также у подразделений вневедомственной охраны отсутствуют полномочия на заключение подобных договоров. На необходимость и перспективность осуществления защиты нематериальных прав и свобод указывает и появление нового вида охранных услуг, указанных в новом Федеральном законе «О частной охранной деятельности», — «защита жизни и здоровья физических лиц от противоправных посягательств» и введение нового понятия «телохранитель» [2]. Здесь нельзя не упомянуть, что подобную услугу «по обеспечению защиты физических лиц от противоправных посягательств» осуществляют и подразделения Департамента охраны МВД Республики Беларусь.

Большое внимание в концепциях уделяется проработке путей совершенствования организационного построения и повышения эффективности управления подразделениями вневедомственной охраны. Хочется отметить, что с 1996 года по настоящее время в результате проводимого реформирования подразделений вневедомственной охраны изменился порядок их финансирования, организационно-правовая форма юридического лица, схема управления подразделениями вневедомственной охраны. Смещены акценты при выполнении поставленных задач, приоритеты организации охраны объектов, а в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности осуществляется только участие. Из приоритетов исключены функции по противодействию преступлениям и административным правонарушениям. В деятельности появляются новые задачи, связанные с организацией работы в области антитеррористической защиты объектов и выполнения контрольных функций за устранением выявленных недостатков, обеспечением информационной безопасности собственных информационных систем, повышением внимания к политической и воспитательной работе, проведением комплекса служебной подготовки, бронированием работников в военных комиссариатах и иными.

Существенное влияние на деятельность и управление подразделениями вневедомственной охраны оказало изменение способа финансирования, переход с самоокупаемости на федеральный бюджет и создание региональных подразделений в виде федеральных государственных казенных учреждений. С нашей точки зрения, большое негативное влияние на развитие подразделений вневедомственной охраны оказывает исключение из их полномочий функций по проектно-монтажной деятельности и обслуживанию технических средств безопасности на охраняемых объектах. Последнее существенно снижает надежность и

качество услуг охраны, так как в силу ряда причин имеются собственники объектов, не заключающие договоры с организациями, обслуживающими технические средства безопасности. Подобное положение дел также создает высокие коррупционные риски, поскольку должностные лица подразделений вневедомственной охраны могут «рекомендовать», какую организацию, осуществляющую обозначенные работы, «выбрать».

Несомненно, финансирование из федерального бюджета имеет свои плюсы, вместе с тем анализ информации, изложенной в последней концепции [10], отражает проблемы, связанные с недостаточным финансированием мероприятий по техническому перевооружению службы, а также в ином снабжении для нужд подразделений вневедомственной охраны. На современном этапе данное положение дел изменилось несильно.

Помимо этого, при переходе вневедомственной охраны из МВД России в Росгвардию исключена ветвь управления подразделениями вневедомственной охраны, осуществляемая территориальными органами МВД России на районном уровне, но добавлено окружное. При этом наблюдается снижение уровня взаимодействия филиалов региональных подразделений вневедомственной охраны на муниципальном уровне с территориальными органами внутренних дел МВД России. Изменения также коснулись финансово-экономических отделов. Это было связано с сокращением пятого уровня бюджетополучателей федерального бюджета и оптимизацией финансово-экономических структур (сокращение на районном уровне и увеличение на региональном).

Кроме того, необходимо констатировать, что, несмотря на трансформацию системы управления и появление новых задач, само организационно-штатное построение подразделений не претерпело существенных изменений. Данное положение дел создает несоответствие системы управления с существующим организационным построением. Этому способствует и отсутствие в настоящий момент приказа Росгвардии, определяющего типовое организационно-штатное построение подразделений вневедомственной охраны.

Подводя итоги анализа сложившейся на сегодняшний день системы управления подразделениями вневедомственной охраны в целом, необходимо отметить:

- управление системой имеет пять уровней — строевые подразделения (филиалы региональных подразделений), региональные подразделения, территориальные органы Росгвардии на региональном уровне, окружной уровень, центральный аппарат Росгвардии;

- имеется строгая вертикаль подчинения, при которой, как правило, требуется согласование

большинства решений с вышестоящим органом управления, а ему с другим вышестоящим и т. д.;

- отсутствует типовой приказ, определяющий организационно-штатное построение подразделений вневедомственной охраны;

- не всегда имеется возможность оперативного внесения изменений в существующее штатное расписание.

Сложившаяся система управления характеризуется излишней централизацией, что замедляет процесс принятия решений, ограничивает оперативность реагирования на события, требующие быстрого решения, и не всегда позволяет гибко реагировать на изменяющиеся условия и требования, тем самым снижая эффективность функционирования системы управления в целом. Большое влияние на систему управления оказывает отсутствие возможности самостоятельного распределения и распоряжения денежными средствами, что в данном случае является, с нашей точки зрения, одним из основных условий полноценного развития подразделений вневедомственной охраны. Также негативно отражается на развитии подразделений вневедомственной охраны исключение из ее полномочий функции по обслуживанию технических средств безопасности на охраняемых объектах.

Отсутствие концептуального документа, определяющего стратегию развития подразделений вневедомственной охраны, стало причиной выполнения по заявке Главного управления вневедомственной охраны Федеральной службы войск национальной гвардии научно-исследовательской работы, направленной на определение приоритетов развития охранной деятельности в Российской Федерации и оценки роли Росгвардии в ней. Одним из результатов этой научной работы стал проект Концепции развития охранной деятельности в Российской Федерации (далее — Концепция или Концепция развития), в котором в том числе обозначены основные направления развития подразделений вневедомственной охраны. На настоящий момент в Росгвардии прорабатываются этапы, механизмы и возможные пути ее реализации.

В рамках Концепции предложены изменения в правовом, организационном и информационно-техническом направлениях совершенствования государственной системы управления.

Исходя из научных подходов, содержащихся в общей теории управления, в целом основные направления развития остались идентичными тем, что имели место на протяжении всего периода существования подразделений вневедомственной охраны [13]. Однако с учетом современных требований к системе государственного

управления предлагается расставить новые акценты, направленные на реализацию цифровой трансформации всех сфер деятельности подразделений вневедомственной охраны. Исходя из сегодняшних задач и имеющегося опыта, приоритетов развития страны, общественно-политических проблем и криминогенной обстановки, целесообразно определить следующие направления совершенствования:

1. Нормативно-правовое регулирование.
2. Организационное обеспечение.
3. Информационное взаимодействие и обеспечение.
4. Техническое регулирование.

Традиционно нормативное правовое регулирование оказывает влияние на все другие направления совершенствования, и без соответствующих нормативных правовых актов невозможны никакие изменения. Поэтому во вновь разработанной Концепции развития заложен большой объем задач, касающихся создания Единой технической политики, направленной на разграничение сфер деятельности субъектов охранной деятельности, урегулирование противоречий, возникающих при реализации задач цифровой трансформации деятельности, использование современных технических средств безопасности, расширение спектра оказываемых услуг подразделениями вневедомственной охраны и установку стандартов их оказания для иных субъектов охранной деятельности.

Основным результатом реализации данной Единой технической политики (утверждаемой Президентом Российской Федерации) должно стать повышение безопасности личности, общества и государства путем создания системы управления, включающей в себя общие подходы к организации взаимодействия, координации и консолидации всех субъектов охранной деятельности в целях повышения эффективности государственной системы обеспечения безопасности. При этом отсутствие в настоящий момент федерального органа исполнительной власти, ответственного за организацию охранной деятельности в целом, позволяет рассматривать Росгвардию в качестве субъекта, задающего основные направления развития государственной политики в рассматриваемой сфере правоотношений.

В рамках организационного обеспечения необходима оптимизация построения подразделений вневедомственной охраны (муниципального (районного) уровня и пунктов централизованной охраны), рассмотрение целесообразности уменьшения уровней управления, создание возможностей ускорения принятия решений, в том числе и упрощения порядка внесения изменений в штат-

ное расписание, предоставление больших полномочий начальникам региональных подразделений и их филиалов при осуществлении служебной деятельности. Для этого предлагается проработать вопрос изменения формы юридического лица региональных подразделений с казенного на бюджетное учреждение, что позволит создать определенную самостоятельность в финансовом обеспечении. Либо в рамках существующего порядка проработать возможность выделения денежных средств для нужд подразделений по специальной программе развития, утверждаемой на уровне Правительства Российской Федерации.

В целях повышения надежности охраняемых объектов видится целесообразным рассмотреть возможность введения должностей инженерно-технического персонала, обслуживающего технические средства безопасности на охраняемых объектах.

Одним из самых важных на сегодняшний день является вопрос отбора квалифицированных кадров и их подготовки. В рамках этого требует корректировки и существующая система обучения, которая должна быть направлена на создание условий переподготовки сотрудников и работников, а также получения ими высшего профильного образования. Особую значимость в системе образования необходимо обратить на использование систем дополненной (виртуальной) реальности и дистанционные технологии обучения. В организации деятельности важным фактором является повышение престижа службы, реализация положенных сотрудникам социальных гарантий, создание «корпоративного духа» (который всегда был в данных подразделениях) и комфортного климата в служебных коллективах.

Совершенствование информационного взаимодействия и его обеспечение должны осуществляться в рамках развития цифровых сервисов деятельности как разрабатываемых правоохранительными структурами (в первую очередь в МВД России), так и используемых иными субъектами. Для подразделений вневедомственной охраны в основном цифровизация деятельности и поднятие на новый уровень оказываемых услуг связаны с разработкой и внедрением Государственной информационной системы «Федеральная платформа по контролю за оборотом оружия и управления охранными услугами», размещаемой на платформе «Гос Тех» [5].

В условиях цифровой трансформации, наличия большого количества информации и признания ее основным элементом современного развития общества вопросы, связанные с организацией защиты данных, их сбором, эффективной обработкой и использованием будут являться приоритетными в совершенствовании системы

государственного управления. Помимо правовой регламентации использования информации, важным аспектом будет являться организация (на техническом уровне) обмена данными между субъектами охранной деятельности, а также создание единых центров управления и сбора данных. Это позволит повысить эффективность существующей системы безопасности.

Предлагается особое внимание обратить на техническое регулирование систем управления, создание единых протоколов обмена данными и использование технических средств безопасности, обеспечивающих защиту от актуальных угроз. Для реализации этого необходимо упорядочить процессы разработки технических средств, определить обязательность их последующей сертификации, лицензировать порядок их установки и эксплуатации (обслуживания) на объектах, организация безопасности на которых определяется государством [3, 7] или установлены обязательные требования по их антитеррористической защищенности. Между тем подобные предложения регулирования не должны тормозить процесс внедрения и применения новых систем безопасности, использующих современные системы и средства, технологии искусственного интеллекта, робототехнические комплексы. При этом необходимо учитывать важность достижения технологического суверенитета используемых технологий и их импортозамещение. Комплексное использование современных технологий и поступающей информации, пусть даже не всегда связанное с вопросами безопасности, позволит разработать технологии предупреждения и прогнозирования опасных инцидентов, создаст системы помощи в принятии управленческих решений в вопросах управления обеспечением безопасности.

Несомненно, что все вышеизложенные предложения требуют дополнительной проработки с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, а также учета имеющихся региональных, климатических и иных особенностей, в которых функционируют подразделения вневедомственной охраны. В связи с этим после выработки вариантов реализации Концепции перед внедрением ее наиболее концептуальных положений во всех подразделениях вневедомственной охраны Российской Федерации предлагается провести их опытную апробацию на территории отдельных «пилотных» регионов.

В заключение необходимо отметить, что подразделения вневедомственной охраны всегда играли важную роль в обеспечении безопасности в стране и выступали своего рода «локомотивом» развития охранной отрасли и, соответственно, необходимо учитывать, что от результатов реализации

предложенных мероприятий будут зависеть и направления развития данной сферы правоотно-

шений в целом, а также уровень безопасности в Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2025).

2. О частной охранной деятельности : Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 427-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2025).

3. Вопросы частной детективной (сыскальной) и частной охранной деятельности : постановление Правительства Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 587 // СПС «НПА Росгвардии» (дата обращения: 20.06.2025).

4. Вопросы реформирования вневедомственной охраны при органах внутренних дел Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 11 февраля 2005 г. № 66 // СПС «НПА Росгвардии» (дата обращения: 20.06.2025).

5. Об утверждении Положения о государственной информационной системе в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной и частной детективной деятельности, в сфере вневедомственной охраны, в сфере федерального государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны : постановление Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2025 г. № 508 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2025).

6. О перечне объектов, подлежащих обязательной охране полицией : распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 ноября 2009 г. № 1629-р // СПС «НПА Росгвардии» (дата обращения: 20.06.2025).

7. О перечне объектов, подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 г.

№ 928-р // СПС «НПА Росгвардии» (дата обращения 20.06.2025).

8. О Концепции развития вневедомственной охраны до 2000 года и задачах органов внутренних дел по ее реализации : приказ МВД России от 6 сентября 1996 г. № 499 // СПС «НПА Росгвардии» (дата обращения: 20.06.2025).

9. Об утверждении Концепции развития подразделений вневедомственной охраны полиции территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2014—2016 годы) : приказ МВД России от 18 марта 2014 г. № 159 // СПС «НПА Росгвардии» (дата обращения: 20.06.2025).

10. Об утверждении Концепции развития вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации на период 2018—2021 годов и далее до 2025 года: приказ Росгвардии от 7 марта 2018 г. № 72 // СПС «НПА Росгвардии» (дата обращения: 20.06.2025).

11. О формировании и реализации Единой технической политики в сфере вневедомственной охраны : распоряжение Росгвардии от 7 июня 2023 г. № 1/1107-Р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.06.2025).

12. МВД России в системе стратегического планирования Российской Федерации: место, роль и опыт участия : научно-практическое пособие / В. О. Лапин, А. М. Кононов, А. Ш. Габараев [и др.]. — М. : Академия управления МВД России, 2023.

13. Микаилов С. М. Единая техническая политика как целевой ориентир в деятельности вневедомственной охраны полиции / Молодой ученый. — 2013. — № 1. — С. 266—269.

14. Шипулин А. В. Перспективные направления деятельности подразделений вневедомственной охраны Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации в условиях проводимой цифровой трансформации // Охрана, безопасность, связь. — 2024. — № 9-1. — С. 156—162.

REFERENCES

1. O vojskakh nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 3 iyulya 2016 g. № 226-FZ // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 20.06.2025).

2. O chastnoj ohrannoj deyatel'nosti : Federal'nyj zakon ot 30 noyabrya 2024 g. № 427-FZ

// SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 20.06.2025).

3. Voprosy chastnoj detektivnoj (sysknoj) i chastnoj ohrannoj deyatel'nosti : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 avgusta 1992 g. № 587 // SPS «NPA Rosgvardii» (data

obrashcheniya: 20.06.2025).

4. Voprosy reformirovaniya vnevedomstvennoj ohrany pri organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 11 fevralya 2005 g. № 66 // SPS «NPA Rosgvardii» (data obrashcheniya: 20.06.2025).

5. Ob utverzhdenii Polozheniya o gosudarstvennoj informacionnoj sisteme v sfere oborota oruzhiya, v sfere chastnoj ohrannoij i chastnoj detektivnoij deyatel'nosti, v sfere vnevedomstvennoj ohrany, v sfere federal'nogo gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) za obespecheniem bezopasnosti ob'ektov toplivno-energeticheskogo kompleksa, za deyatel'nost'yu podrazdelenij ohrany yuridicheskikh lic s osobymi ustavnymi zadachami i podrazdelenij vedomstvennoj ohrany : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 aprelya 2025 g. № 508 // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 20.06.2025).

6. O perechne ob'ektov, podlezhashchih obyazatel'noj ohrane policiej : rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 2 noyabrya 2009 g. № 1629- r // SPS «NPA Rosgvardii» (data obrashcheniya: 20.06.2025).

7. O perechne ob'ektov, podlezhashchih obyazatel'noj ohrane vojskami nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii : rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15 maya 2017 g. № 928-r // SPS «NPA Rosgvardii» (data obrashcheniya 20.06.2025).

8. O Konceptii razvitiya vnevedomstvennoj ohrany do 2000 goda i zadachah organov vnutrennih del po ee realizacii : prikaz MVD Rossii ot 6 sentyabrya 1996 g. № 499 // SPS «NPA Rosgvardii» (data obrashcheniya: 20.06. 2025).

9. Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya podrazdelenij vnevedomstvennoj ohrany policii territorial'nyh organov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii na srednesrochnuyu perspektivu (2014—2016 gody) : prikaz MVD Rossii ot 18 marta 2014 g. № 159 // SPS «NPA Rosgvardii» (data obrashcheniya: 20.06.2025).

10. Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya vnevedomstvennoj ohrany vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii na period 2018—2021 godov i dalee do 2025 goda: prikaz Rosgvardii ot 7 marta 2018 g. № 72 // SPS «NPA Rosgvardii» (data obrashcheniya: 20.06.2025).

11. O formirovanii i realizacii Edinoj tekhnicheskoi politiki v sfere vnevedomstvennoj ohrany : rasporyazhenie Rosgvardii ot 7 iyunya 2023 g. № 1/1107-R // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya 20.06.2025).

12. MVD Rossii v sisteme strategicheskogo planirovaniya Rossijskoj Federacii: mesto, rol' i opyt uchastiya : nauchno-prakticheskoe posobie / V. O. Lapin, A. M. Kononov, A. Sh. Gabaraev [i dr.]. — M. : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2023.

13. Mikailov S. M. Edinaya tekhnicheskaya politika kak celevoj orientir v deyatel'nosti vnevedomstvennoj ohrany policii / Molodoj uchenyj. — 2013. — № 1. — S. 266—269.

14. Shipulin A. V. Perspektivnye napravleniya deyatel'nosti podrazdelenij vnevedomstvennoj ohrany Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii v usloviyah provodimoi cifrovoj transformacii // Ohrana, bezopasnost', svyaz'. — 2024. — № 9-1. — S. 156—162.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шипулин Андрей Владимирович. Начальник ФКУ «НИЦ «Охрана» Росгвардии.

E-mail: shipulinav@rosgvard.ru

Россия, 111539, Москва, муниципальный округ Вешняки, ул. Реутовская, 12б.

Shipulin Andrey Vladimirovich. Head of the FSI «SRC «Okhrana» of the Federal service of National Guard of Russia.

E-mail: shipulinav@rosgvard.ru

Work address: Russia, 111539, Moscow, Veshnyaki municipal district, Reutovskaya Str., 12b.

Ключевые слова: единая техническая политика; система государственного управления; органы внутренних дел; МВД России; цифровизация; охрана; охранная деятельность; безопасность; нормативно-правовое регулирование; концепция развития.

Key words: unified technical policy; public administration system; internal affairs bodies; Ministry of Internal Affairs of Russia; digitalization; security; security activities; security; regulatory and legal regulation; development concept.

УДК 351.74/75

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

И. И. Иванов, П. П. Петров

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая инструкция одновременно является примером оформления статьи, подготовленной в «Вестник Воронежского института МВД России». В ней содержатся требования, предъявляемые к форматированию текста, оформлению библиографического описания, а также примеры составления ключевых слов и сведений об авторах¹.

Аннотация на английском языке².

1. Статья представляется в одном экземпляре, заверенном подписью автора (-ов) с обратной стороны первой страницы, отпечатанном на одной стороне листов формата А4 (210 x 297 мм) на лазерном принтере.

Статья должна быть снабжена аннотациями на русском и английском языках, списком литературы (на русском языке и транслитерированным). К статье должны быть приложены сведения об авторах на русском и английском языках с указанием Ф.И.О., места работы (название организации в именительном падеже), занимаемой должности, учёной степени, учёного звания и полного почтового (служебного и домашнего) адреса (*пример см. ниже*), а также адреса электронной почты.

К статье также прилагается список ключевых слов на русском и английском языках, наиболее полно характеризующий её тематику (*пример см. ниже*). В соответствии с тематикой статьи автором указывается её **УДК**.

Предоставляемая электронная версия статьи в виде файла MS Word в формате ***.docx** должна соответствовать распечатке и включать вышеперечисленные сведения об авторе (-ах) и ключевые слова. Файл должен иметь в названии фамилию автора (-ов), *например*: Ivanov.docx, Ivanov-Petrov.docx.

К статье прилагаются следующие сопроводительные документы:

К статье прилагаются следующие сопроводительные документы:

1) выписка из протокола заседания кафедры (при ее наличии по месту работы автора) с рекомендацией к опубликованию;

2) экспертное заключение об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, заверенное гербовой печатью учреждения;

3) заявление автора(-ов) о том, что статья публикуется впервые, не содержит в значительном объеме изданных ранее материалов и не передана в другие редакции;

4) согласие автора(-ов) на размещение сведений об авторе(-ах), указанных выше (за исключением домашнего адреса):

- в открытой печати в журнале «Вестник Воронежского института МВД России» и на сайте Воронежского института МВД России;

¹ Аннотация к статье на русском языке.

² Аннотация на английском языке составляется автором и приводится в обязательном порядке.

- в информационных системах Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российского центра научной информации (РЦНИ);

- в иной системе научного цитирования, определяемой международными договорами (соглашениями) Российской Федерации и (или) рекомендациями Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

2. Объём статьи не должен превышать:

- по направлению «Юридические науки» — 12 стр.;

- по направлениям «Радиотехника и связь», «Информатика, вычислительная техника и управление» — 9 стр.

По направлениям «Радиотехника и связь», «Информатика, вычислительная техника и управление» журнал не публикует статей, носящих преимущественно реферативный характер. Статьи обзорного характера могут предоставляться только после предварительного согласования с редакцией.

Статьи по направлениям «Радиотехника и связь», «Информатика, вычислительная техника и управление» обязательно должны быть структурированы, отдельные разделы статей должны иметь подзаголовки, в том числе:

- введение, в котором обосновывается актуальность работы;

- разделы, в которых описываются полученные результаты и их новизна;

- заключение, содержащее выводы и/или направления дальнейших исследований.

3. Все поля на страницах должны быть одинаковы и равны 25 мм. Номера страниц не проставляются.

4. Статья должна быть набрана шрифтом нормальной жирности, прямого начертания гарнитуры Times New Roman, с одинарным межстрочным интерлиньяжем (интервалом). Абзацный отступ должен быть одинаков и равен 1,25 см.

Кегль (размер) основного шрифта должен быть равен:

- для статей по направлению «Юридические науки» — 14 пунктов;

- для статей по направлениям «Радиотехника и связь», «Информатика, вычислительная техника и управление» — 12 пунктов (в т.ч. в формулах, подготовленных при помощи формульного редактора MS Equation).

5. Рисунки и таблицы (кегль используемого шрифта — 12 пунктов) должны быть размещены в тексте после абзацев, содержащих ссылки на них.

Таблица 1

Заголовок таблицы

Боковик таблицы	Головка таблицы			
	Текст	Текст	Текст	Текст

Размещение таблиц, рисунков, диаграмм, схем и другого иллюстративного материала на страницах с альбомной (горизонтальной) ориентацией не допускается. Графики, диаграммы не должны иметь сплошную (в т.ч. цветную) заливку.

Размеры рисунков должны быть по возможности минимальны, но обеспечивать их дальнейшее качественное полиграфическое воспроизведение.

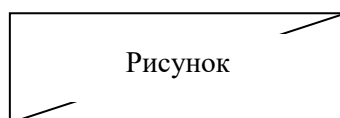

Рис. 1. Название рисунка

Отступ от рисунка до текста сверху и снизу должен быть равен 10 мм. Подрисуночная подпись ставится по центру страницы без абзачного отступа. Рисунок должен выполняться средствами MS Word, иметь общую группировку всех объектов, входящих в него, быть центрированным относительно полосы набора.

6. Название статьи набирается на русском и английском языках полужирным шрифтом ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ без абзачного отступа и центрируется относительно полосы набора.

7. Единицы физических величин должны соответствовать системе единиц СИ. Названия химических элементов в тексте пишутся полностью.

8. Формулы подготавливаются при помощи редактора формул MS Equation 3.0. Нумерация формул осуществляется арабскими цифрами в круглых скобках, выровненными по правому краю текста, *например*:

$$A = B + C: (2K^2 + n_3). \quad (1)$$

9. Нумерация ссылок на литературу осуществляется арабскими цифрами в квадратных скобках, *например*: «Как указано П. П. Петровым [2], данный эффект проявляется при...».

10. Библиография должна быть оформлена в соответствии с ГОСТ Р 7.05 — 2008 «Библиографическая ссылка». Список использованной литературы, на которую ссылается автор, приводится в конце статьи (*см. пример ниже*). Сноски (как внизу каждой страницы, так и в конце статьи) не допускаются.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИТЕРАТУРА

1. Синцов Г. В. К вопросу об этическом воспитании юристов современной России // Российская юстиция. — 2012. — № 11. — С. 37—42.
2. Братусь Б. С. Нравственное сознание личности. — М. : Знание, 1985. — 64 с.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд. — М., 1997. — 790 с.
4. О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 3 марта 2012 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 7. — Ст. 900.
5. Желонкин С. С. Недействительность анτισоциальных сделок, нарушающих основы правопорядка и нравственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — СПб., 2011. — 25 с.

REFERENCES

1. Sintsov G. V. K voprosu ob eticheskom vospitanii yuristov sovremennoy Rossii // Rossiyskaya yustitsiya. — 2012. — № 11. — S. 37—42.
2. Bratus B. S. Nravstvennoe soznanie lichnosti. — M. : Znanie, 1985. — 64 s.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar russkogo yazyika. — 4-e izd. — M., 1997. — 790 s.
4. O politsii : Federalnyiy zakon ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ (v red. ot 3 marta 2012 g.) // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. — 2011. — № 7. — St. 900.
5. Zhelonkin S. S. Nedeystvitelnost antisotsialnyih sdelok, narushayuschih osnovyi pravoporyadka i npravstvennosti : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.03. — SPb., 2011. — 25 s.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СВЕДЕНИЙ ОБ АВТОРАХ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ (-АХ)¹

Иванов Иван Иванович. Профессор кафедры теоретической физики. Доктор физико-математических наук, доцент.

Воронежский государственный педагогический университет.

E-mail: aspo@vspu.ac.ru

Россия, 394065, Воронеж, ул. Ленина, 86.

Петров Петр Петрович. Доцент кафедры гражданского, трудового и финансового права. Кандидат юридических наук, доцент.

Воронежский институт МВД России.

E-mail: vorhmscl@comch.ru

Россия, 394065, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Ivanov Ivan Ivanovich. Professor of the chair of Theoretical Physics. Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Assistant Professor.

Voronezh State Pedagogical University.

E-mail: aspo@vspu.ac.ru

Work address: Russia, 394006, Voronezh, Lenina Str., 86.

Petrov Pyotr Petrovich. Assistant Professor of the chair of Civil, Labor and Financial Law. Candidate of Sciences (Jurisprudence / Law), Assistant Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: vorhmscl@comch.ru

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Ключевые слова: фазоманипулированный сигнал; мешающие сигналы; фазовый детектор; алгоритм обработки.

Key words: phase-manipulated signal; interfering signals; phase detector; processing algorithm.

УДК 517.9 (указывается автором).

Домашний почтовый адрес (полностью)².

Подпись (-и), дата _____ «__» _____ 202__ г.

¹ Оформляются на отдельном листе и включаются в состав основного файла. Не входят в объём статьи.

² Домашний адрес в журнале не публикуется.

AUTHOR'S GUIDELINES

I. I. Ivanov, P. P. Petrov

TITLE OF THE ARTICLE IN RUSSIAN

TITLE OF THE ARTICLE IN ENGLISH

These guidelines is also an example of layout of papers submitted to “Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia”. It contains requirements to the text formatting, bibliographic references and examples of key words and author affiliations.

1. Please submit one laser copy of the article printed on one side of white A4 paper (210 × 297 mm) and signed by the author overleaf the head page.

The paper must be accompanied by an abstract in Russian and in English. The article should enclose references and author affiliations in Russian and in English indicating author's full name, place of employment, job title, scientific degrees and academic titles, work and home address (*see the example below*) and e-mail address.

The article is accompanied by key words in Russian and in English which should reflect the content of the article. **UDC code** is specified by the author according to the question area of the paper.

The softcopy of the article should be submitted in MS Word file format — ***docx**. and must be identical to the hardcopy including author affiliations and key words mentioned above. The file name should contain the author's surname, *for example*, Ivanov.docx, Ivanov-Petrov.docx.

Each article should contain the following enclosures:

1) an extract from the minutes of the department meeting (if available at the author's place of work) with a recommendation for publication;

2) an expert opinion on the absence of information prohibited from publication in the open press, certified by the official seal of the institution;

3) the statement of the author(s) that the article is being published for the first time does not contain a significant amount of previously published materials and has not been transferred to other editorial offices;

4) the consent of the author(s) to post the information about the author(s) indicated above (with the exception of the home address):

- in the open press in the journal "Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia" and on the website of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia;

- in the information systems of the Russian Science Citation Index (RISC), the Russian Center for Scientific Information (RCNI);

- in another scientific citation system determined by international treaties (agreements) Of the Russian Federation and (or) recommendations of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

2. Submitted articles should not exceed
 - in the field “Legal sciences” — 12 pages;
 - in the fields “Radioengineering and Communication”, “Informatics, Computer Engineering and Automatic Control System” — 9 pages.

3. All page margins should be 25 mm. Pages aren’t numbered.

4. Articles should be typed in normal block-letter type Times New Roman font with single line spacing. The paragraph indent is 1,25 cm.

Base font size should be of 14 points for articles in the fields “Legal sciences”; 12 points for articles in the fields “Radioengineering and Communication”, “Informatics, Computer Engineering and Automatic Control System” (including equations edited using MS Equation editing program).

5. Figures and tables (12 points font size) should be placed right after the referenced paragraphs.

Table 1
Table heading

Stub column	Column heading			
	Text	Text	Text	Text

Tables, figures, diagrams, schemes and other illustrations shouldn’t be inserted in landscape oriented pages. Graphs and diagrams shouldn’t have solid (colour) fill.

Figures should be of minimal possible size which provides their proper printing quality.

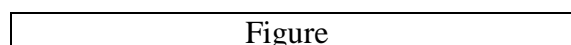

Fig.1 Figure caption

Upper and lower spacing between the figure and the text should be adjusted at 10 mm. The figure caption is centered on the page with no paragraph indentation. Figures should be drawn using MS Word text editor; all the objects must be grouped together and centered.

6. The title of the paper in Russian and in English is centered and typed with **bold CAPITAL LETTERS** without an indent.

7. SI units should be used for physical magnitudes. Chemical symbols are written without any contraction.

8. Formulas are created with the MS Equation editing program. They are numbered using Arabic numerals in parentheses, aligned right. *For example:*

$$A = B + C: (2K^2 + n_3). \tag{1}$$

9. Quoted literature is numbered using Arabic numerals in square brackets, *for example:* “As it is stated by P.P. Petrov [2], this effect is revealed...”.

10. References must be listed in accordance with State Standard 7.05.-2008 “Bibliographic References”. References are placed at the end of the article (*see the sample below*). **It is unacceptable to use endnotes and footnotes.**

REFERENCES SAMPLE

REFERENCES

1. Ivanov I. I. Fizika. — M. : Nauka, 1985. — 167 s. (*author, title of book, place of publication, publishing house, year of publication, total amount of pages are required*).
2. Matematika / pod red. P. P. Petrova. — M. : Vysshaya shkola, 1993. — 125 s. (*editor is required*).
3. Sidorov S. S., Antonov A. A. Problemy vospitaniya nesovershennoletnih // Militsiya. — 1997. — № 2. — S. 25—26. (*author(s), title of article, responsibility data, serial publication (journal or newspaper), year of publication and issue, page number(s) are required*).
4. Kurs obshchey fiziki : ucheb. posobie dlya studentov vtuzov. — 2-e izd., pererab. — T. 1. Mehanika / pod obsch. red. P. P. Popova. — M. : Nauka, 1987. — 345 s. (*type of multivolume publication and volume are required*).
5. Kovalev K. K. Oborudovanie s pnevmovakuumnyim privodom : dis. ... kand. tehn. nauk. — M., 1982. — 212 s. (*reference to thesis*).

SAMPLE AUTHOR AFFILIATIONS

AUTHOR AFFILIATIONS

Ivanov Ivan Ivanovich. Professor of the chair of Theoretical Physics. Doctor of Physics and Mathematics, Assistant Professor.

Voronezh State Pedagogical University.

Work address: Russia, 394006, Voronezh, Lenina Str., 86.

Petrov Petr Petrovich. Assistant Professor of the chair of Civil, Labour and Financial Law, PhD in Law, Assistant Professor.

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Work address: Russia, 394065, Voronezh, Prospect Patriotov, 53.

Key words: phase-manipulated signal; interfering signals; phase detector; processing algorithm.

UDC (is stated by the author)

Personal address (in full):

Signature(s), date _____ «_____» _____ 20_____